Того же автора:

Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ. Изд. 3-ье, пересмотрѣнное и исправленное. Казань, 1910. Ц. 2 р.

Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными. Съ чертежами въ текстѣ и 15-ью таблицами рисунковъ въ краскахъ. Казань, 1909. Ц. 1 р. Распродано.

Сравнительно-грамматическій комментарій къ текстамъ аріо-европейскихъ языковъ. Вып. 1-й: *санскритъ.* Казань, 1909. Ц. 1 р.

Курсъ сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ. Тетрадь 1-я. Казань (1904). Ц. 75 к. Тетрадь 2-я (1908). Ц. 50 к. Распродано.

Къ хронологіи и діалектологіи фонетическихъ процессовъ въ аріо-европейскомъ семействѣ языковъ, съ физіологическими разъясненіями. Казань, 1900. Ц. 40 к.

Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. Вып. I: Гортанный приборъ Розапелли и наблюденія съ нимъ (1896). Ц. 45 к. II: Анализъ голосовой графики слова «бибй» (1907). Ц. 25 к. III: Экспериментально-фонетическое изученіе природы русскаго ударенія (1905). Ц. 10 к. IV: Къ методологіи и техникѣ экспериментально-фонетическихъ изслѣдованій (1907). Ц. 10 к. V: Наблюденія надъ произношеніемъ съ помощью губного прибора Розапелли (1907). Ц. 20 к. VI: Къ вопросу о природѣ латышскаго ударенія (1912). Ц. 10 к.

Діалектологическія замѣтки I: Говоръ села Лады, Саранскаго у., Пензенской губ. (1899). Ц. 8 к. II: Неправильности русской рѣчи у чувашъ (1900). Ц. 10 к. III: Говоръ села «Сушки», Золотоношскаго у., Полтавской губ. (1901). Ц. 10 к. IV: Московское нарѣчіе двѣсти лѣтъ назадъ (1902). Ц. 10 к. V: О крымскомъ нарѣчіи татарскаго языка (1903). Ц. 25 к. VI: Къ словенской діалектологіи—говоръ Блела сравнительно съ говоромъ Циркно (1905). Ц. 20 к. VII: Къ діалектологіи общерусскаго произношенія—о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ (1906). Ц. 15 к. VIII: Объ антропофоническомъ строеніи жемайтскаго слова по наблюденіямъ въ Полангенѣ (1911). Ц. 10 к. IX. Изъ наблюденій надъ сербско-хорватскимъ литературнымъ произношеніемъ (1912). Ц. 10 к.

Изслѣдованіе говора дер. Бѣлой (Казанской губ.), вып. 1-й. Казань (1900). Ц. 50 к.

Лекціи по общему языковѣдѣнію (печатается).

Готовятся къ печати:

Краткій курсъ сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ.

Курсъ экспериментальной фонетики.

Глубокоуважаемому
Роману Өедоровичу Брандту
на память отъ автора.

В. А. Богородицкій,
заслуж. проф. Императорскаго Казанскаго Университета.

ОБЩІЙ КУРСЪ
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

(ИЗЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ЧТЕНІЙ).

Изданіе 4-ое, дополненное.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1913.

Предисловіе.

Въ настоящемъ изданіи моей книги кромѣ мелкихъ дополненій въ текстѣ я сдѣлалъ слѣдующія прибавленія: 1) дополнилъ отдѣлъ о звукахъ статистическими данными по сравнительной частотѣ употребленія отдѣльныхъ звуковыхъ категорій въ общерусскомъ языкѣ (стр. 37—40, 80, а также въ таблицѣ, представляющей классификацію звуковъ); 2) переработалъ вступительныя замѣчанія къ синтаксису (стр. 280 — 289), а также отчасти и синтаксисъ простого предложенія (стр. 296 — 297, 306 — 308), желая высказать свои воззрѣнія по разсматриваемымъ вопросамъ съ большею обстоятельностью и отчетливостью и разсѣять недоразумѣнія, возникшія у нѣкоторыхъ критиковъ по поводу моихъ взглядовъ; 3) прибавилъ къ главѣ по физіологіи звуковъ фототипическую таблицу губныхъ артикуляцій (при стр. 24—25); 4) кромѣ того, присоединилъ къ курсу небольшое экспериментально - фонетическое изслѣдованіе (съ діаграммами), чтобы показать читателю важность этой новой быстро развивающейся дисциплины и познакомить съ ея методой (стр 519—531); наконецъ, 5) снабдилъ книгу тремя указателями, имѣя въ виду облегчить читателю пользованіе

ею, именно давъ возможность производить частныя справки по вопросамъ, касающимся какъ грамматическихъ явленій, такъ и отдѣльныхъ словъ, при чемъ въ послѣднихъ въ большинствѣ случаевъ я подчеркивалъ тѣ звуки или звукосочетанія, о которыхъ говорится на цитируемыхъ страницахъ.

Авторъ.

Оглавленіе.

Глава I.

Предметъ научной грамматики русскаго языка и ея раздѣленіе. Очеркъ исторіи грамматической разработки русскаго языка.

Исходнымъ пунктомъ при нашихъ занятіяхъ грамматикою русскаго языка будетъ служить современный *литературный языкъ*, какъ онъ является въ живомъ произношеніи, а также въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ писателей.

Уже изъ элементарной или школьной грамматики читатель отчасти знакомъ съ послѣдней стороной изученія русской рѣчи, такъ какъ во всѣхъ школьныхъ грамматикахъ въ отдѣлѣ синтаксиса въ качествѣ поясняющихъ примѣровъ приводятся выраженія изъ лучшихъ писателей. Требованія отъ научнаго изслѣдованія языка разумѣется бо́льшія. Научная грамматика почерпаетъ изъ произведеній писателей матеріалъ не для одного синтаксиса, но и для другихъ своихъ отдѣловъ, при чемъ она не ограничивается случайными примѣрами, но заботится о такой полнотѣ матеріала, чтобы на основаніи его можно было составить характеристику языка писателя. За послѣдніе годы появился уже рядъ изслѣдованій по языку писателей, и, дѣйствительно, нельзя не признать важности подобныхъ изслѣдованій, если принять во вниманіе, что писатели своими произведеніями способствуютъ выработкѣ и развитію литературнаго языка.

Письменный литературный языкъ слѣдуетъ изучать въ связи съ живою разговорною рѣчью, такъ какъ эта послѣдняя

служитъ настоящимъ источникомъ письменнаго литературнаго языка. Можно даже сказать, что именно разговорная рѣчь является истиннымъ объектомъ науки о языкѣ, и если изслѣдователь будетъ пренебрегать подобнымъ изученіемъ, то это отразится на его изслѣдованіяхъ такъ же неблагопріятно, какъ отражается пренебреженіе живыми образцами въ искусствѣ. Послѣдняя четверть минувшаго столѣтія, благодаря изслѣдованіямъ именно живой разговорной рѣчи, ознаменовалась столь крупными успѣхами въ области языковѣдѣнія, что считается началомъ новаго періода въ развитіи этой науки.

Не одинъ литературный языкъ въ его устномъ и письменномъ употребленіи составляетъ предметъ изслѣдованія научной грамматики, но также и *народные говоры*, такъ какъ иначе изученіе живого языка не могло бы считаться полнымъ. Въ современномъ народномъ русскомъ языкѣ различаются слѣдующія главныя подраздѣленія на діалекты: говоры *великорусскіе* и *малорусскіе*; великорусскіе говоры раздѣляются на *сѣверные* или окающіе и *южные* или акающіе; южно-великорусскіе говоры дѣлятся далѣе на *собственно южно-великорусскіе* (восточные) и *бѣлорусскіе* (западные). Въ основу произношенія современной русской *литературной* рѣчи, которая повсюду имѣетъ болѣе однообразный характеръ, чѣмъ народные говоры, [1]) легло московское нарѣчіе (принадлежащее къ великорусской группѣ), благодаря политическому преобладанію Москвы въ теченіе ряда столѣтій. Но съ переходомъ столицы въ Петербургъ, куда былъ перенесенъ и московскій говоръ, послѣдній не могъ не видоизмѣняться вслѣдствіе значитель-

[1]) Впрочемъ и живой литературный языкъ въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества не является вполнѣ одинаковымъ, но представляетъ нѣкоторыя различія, отражающія въ ослабленномъ видѣ особенности мѣстныхъ народныхъ говоровъ. Такъ, интеллигентный вятичъ нерѣдко произноситъ моᵃjәj вм. мїjәj, казанецъ—з'ъмл'ен'ік' вм. москов. з'ъмл'ĭн'ік', а малороссъ долгое время сохраняетъ произношеніе γ вм. г, напр. jәwγе́нij т. е. «Евгеній», и т. д.

наго наплыва туда другихъ элементовъ, какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ. Такимъ образомъ московскій говоръ утрачивалъ здѣсь свою чистоту и оригинальность; кромѣ того, благодаря развитію литературы, въ которой участвовали представители разныхъ діалектовъ, онъ сближался съ другими русскими нарѣчіями, превращаясь въ *общерусскій* языкъ. Что касается разговорнаго языка самой Москвы, то онъ также подвергся измѣненіямъ вслѣдствіе тѣхъ же причинъ и въ настоящее время представляетъ значительную пестроту; прежнее же болѣе чистое московское нарѣчіе, сохраняясь тамъ и сямъ въ городскомъ говорѣ, развивало дальше свои особенности, но въ этомъ позднѣйшемъ своемъ видѣ оно уже не можетъ считаться образцовымъ (срв. напр. произношеніе „*чисок*“ и т. п.), относясь къ діалектическимъ варіаціямъ общерусскаго произношенія.

Далѣе надо замѣтить, что наша рѣчь, какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ измѣняется во времени. Поэтому научная грамматика изучаетъ явленія языка не только въ ихъ *современномъ* состояніи (или иначе говоря—статически), но и въ *историческомъ* развитіи (динамически), пользуясь дошедшими до насъ отъ прежнихъ временъ письменными памятниками. Здѣсь умѣстно вспомнить изъ исторіи, что русскій народъ находился въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ по сравненію съ народами Западной Европы въ томъ отношеніи, что никогда не былъ принужденъ признавать чуждый языкъ орудіемъ богослуженія, законодательства и литературы. Принимая христіанство, русскій народъ получилъ книги, необходимыя для богослуженія и для поученія въ вѣрѣ, написанныя на нарѣчіи, отличавшемся сравнительно немногимъ отъ его нарѣчія. Книги эти, написанныя на старо-славянскомъ языкѣ и затѣмъ переписывавшіяся, легли въ основаніе древне-русской письменности и, соотвѣтственно своему важному значенію, вліяли на дальнѣйшій ея ходъ, а также—что вполнѣ естественно—и на устную рѣчь древне-русскихъ книж-

ныхъ людей. Слѣды церковно-славянскаго вліянія мы въ изобиліи встрѣчаемъ и въ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ, отчасти и въ народныхъ говорахъ.

Многія явленія русскаго языка ведутъ свое происхожденіе отъ временъ, предшествовавшихъ появленію у насъ письменности, восходя къ эпохѣ праславянской (основно-славянской). Это обстоятельство заставляетъ расширить область изслѣдованія сравненіемъ явленій русскаго языка съ родственными явленіями *другихъ славянскихъ языковъ* и прежде всего *старо-славянскаго*, письменность котораго отражаетъ наиболѣе древнее языковое состояніе въ сравненіи съ другими славянскими письменностями. [1])

Нѣкоторыя явленія современнаго намъ русскаго языка еще болѣе древняго происхожденія и возникли на почвѣ *аріо-европейскаго праязыка*; поэтому въ изслѣдованіе наше приходитъ сравненіе явленій русскаго языка съ явленіями другихъ аріо-европейскихъ языковъ. [2])

Обозначивъ предметъ изученій научной грамматики русскаго языка, скажемъ теперь нѣсколько словъ о подраздѣленіи послѣдней.

Грамматику обыкновенно раздѣляютъ на *этимологію* и *синтаксисъ*. Этимологія занимается изученіемъ словъ въ отдѣльности, не въ предложеніи; въ синтаксисѣ же изслѣдуются сочетанія словъ въ предложеніи и соединеніе предложеній. Первая часть распадается на два отдѣла—*фонетику* или ученіе о звукахъ въ словахъ и *морфологію* или ученіе о формахъ словъ, объ образованіи словъ изъ знаменательныхъ [1]) частей, о производствѣ словъ одних отъ другихъ; при этомъ въ морфологіи обращается вниманіе на двѣ стороны—внѣшнюю или *собственно морфологическую* и внутреннюю или *семазіологическую* (смысловую). Вторая часть грамматики или синтаксисъ раздѣляется на синтаксисъ простаго и сложнаго предложенія. Нужно впрочемъ оговориться: въ настоящее время терминъ „этимологія“ въ указанномъ выше смыслѣ оставленъ и теперь подъ нею разумѣютъ изученіе словъ даннаго языка на почвѣ сравненія съ соотвѣтствующими словами родственныхъ языковъ. Такимъ образомъ, теперь грамматику подраздѣляютъ прямо на три части—фонетику, морфологію и синтаксисъ. Не трудно замѣтить, что названные отдѣлы грамматики слѣдуютъ одинъ за другимъ въ порядкѣ увеличивающейся сложности предмета изученія. Нельзя при этомъ забывать, что всѣ эти отдѣлы тѣсно связаны между собою, такъ какъ каждое слово нашей рѣчи представляетъ собою одновременно фактъ фонетическій, морфологическій и синтаксическій. Собственно во всѣхъ отдѣлахъ грамматики

---

[1]) Славянскіе языки, съ точки зрѣнія географическаго расположенія, представляютъ три обширныя области: *восточную* или область русскаго языка, *западную* или область языковъ польскаго, кашубскаго, исчезнувшаго полабскаго, обоихъ лужицкихъ и чешскаго съ словацкимъ, и *южную* или область языковъ болгарскаго, сербо-хорватскаго и словинскаго съ резьянскимъ. Южные славяне населяютъ области къ югу отъ нижняго Дуная и его притока Дравы, а западные занимаютъ области къ сѣверо-востоку отъ линіи верхняго Дуная; обширная область русскаго языка служитъ какъ бы связующимъ звеномъ между западнымъ и южнымъ отдѣломъ славянства.

[2]) Всѣ языки земнаго шара учеными подраздѣляются на большее или меньшее число семействъ (пока еще не установившееся), напр. аріо-европейское, турецко-татарское, угро-финское, китайское и т. д., при чемъ доказать родство между этими отдѣльными семействами языковъ современная наука не въ состояніи. Къ аріо-европейскому семейству относятся въ Азіи вѣтви индійская, иранская и армянская, а въ Европѣ — греческая, албанская, италійско-романская, кельтская, германская, балтійская или литовская и славянская. Языки этого семейства называются также индо-европейскими, а у нѣмецкихъ ученыхъ индо-германскими. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ семействахъ и, въ частности, семействѣ аріо-европейскомъ съ принадлежащими къ нему славянскими языками читатель найдетъ въ моемъ трудѣ «Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ» (1910)² стр. 1—25.

[1]) т. е. имѣющихъ значеніе, каковы — корень, суффиксъ и пр. (см. гл. VII, начало).

объектъ изученія—одинъ и тотъ же (именно языкъ), но по причинѣ его сложной природы разныя его стороны въ наукѣ излагаются особо.

Все вышесказанное о раздѣленіи грамматики можно дополнить слѣдующимъ табеллярнымъ представленіемъ:

А. область чистаго языковѣдѣнія.	а) Грамматика (какъ литературнаго, такъ и народнаго языка въ ихъ современномъ состояніи и въ историческомъ развитіи).	1) Фонетика. 2) Морфологія (со стороны семазіологической и формальной). 3) Синтаксисъ.
	б) Лексикологія или словарь (слова и ихъ значеніе какъ литературнаго, такъ и народнаго языка, въ современномъ употребленіи и въ письменныхъ памятникахъ прошлаго).	
Б. Область приложеній языковѣдѣнія.	а) къ вопросамъ культурно-исторической жизни, б) къ вопросамъ учебно - педагогическимъ.	

Въ заключеніе настоящей главы бросимъ общій взглядъ на *исторію грамматической разработки* русскаго языка, начавъ съ древнѣйшаго времени.

На самыхъ первыхъ порахъ русской письменности видимо еще не существовало грамматическихъ руководствъ, необходимыя же свѣдѣнія въ этой области получались грамотниками путемъ непосредственнаго наблюденія надъ текстами, на основаніи котораго самобытно составлялись ороографическія и грамматическія правила, подобно тому, какъ это и теперь

мы можемъ наблюдать у не вполнѣ грамотныхъ лицъ. [1]) Вполнѣ понятно, что эти правила у разныхъ грамотниковъ представляли различія, въ чемъ мы наглядно убѣждаемся при разсмотрѣніи древнихъ текстовъ, въ ороографіи которыхъ можно установить разные типы. Первымъ трудомъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ русской грамматикѣ, можетъ считаться компилятивная статья, составленная по византійскимъ пособіямъ вѣроятно въ XIV в. (нѣкоторыми учеными ошибочно приписывавшаяся Іоанну экзарху болгарскому X в.)—*О восьми частяхъ слова* [2]); она дошла въ спискахъ XV—XVII в. и представляетъ интересъ своими терминами и опредѣленіями. [3]) Кромѣ этой и нѣкоторыхъ подобныхъ статей также

---

[1]) Такого рода оригинальныя правила малограмотныхъ приводятся въ нашихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)²—въ статьѣ «Изученіе малограмотныхъ написаній».

[2]) т. е.—о восьми частяхъ рѣчи; именно такое число принималось въ византійскихъ грамматическихъ трактатахъ, слѣдовавшихъ въ этомъ отношеніи какъ первоисточнику—Діонисію Ѳракійскому (ученику знаменитаго Александрійскаго критика Аристарха, жившему въ концѣ II в. по Р. Х.), который указывалъ слѣдующія части рѣчи: 1) ὄνομα т. е. «имя», 2) ῥῆμα «глаголъ», 3) μετοχή «причастіе», 4) ἄρθρον «членъ», 5) ἀντωνυμία «мѣстоименіе», 6) πρόθεσις «предлогъ», 7) ἐπίρρημα «нарѣчіе, 8) σύνδεσμος «союзъ».

[3]) Названія восьми частей рѣчи приводятся здѣсь въ слѣдующемъ видѣ: *имя*, *рѣчь*, *причастіе*, *различіе*, *мѣсто-имене*, *предлогъ*, *нарѣчіе*, *союзъ*; объ имени замѣчено: «рекохомъ, яко осмь частій суть слова, имя же всѣхъ яко основаніе, прочая убо части оглаголанія (т. е. опредѣленія, объясненія) суть имени»; подобно греческому въ имени отмѣчается пять *надежій* (т. е. надежей)—*права* (именит.), *родна* (родит.), *виновна* (винит.), *дательна*, *звательна*, при чемъ надежи поименованы въ формѣ ж. р., т. е. какъ и въ греческомъ, гдѣ слово «надежъ»—πτῶσις ж. р.; спряженіе обозначается терминомъ *супружество* (очевидно, по причинѣ свойства личнаго глагола согласоваться съ своимъ подлежащимъ); наклоненія называются *изложеніями*, при чемъ говорится объ изложеніи *повелѣнномъ* (т. е. повелит.), *молитвеномъ*, *вопросномъ*, *повѣстномъ* (т. е. изъявит.) и отдѣльно отъ нихъ указывается еще *необавное* (т. е. неопредѣл., какъ бы—безъ явнаго лица); времена въ глаголѣ: *мимошедшее* или *предибывшее*, *настоящее* и *будущее*; по отношенію къ залогу указываются—*дѣйственыя* рѣчи и *страдалная*; о причастіи говорится: «причастіе же есть глаголъ (т. е. слово) имѣяй нѣкая наслѣдствующа рѣчи и нѣкая наслѣдствующа имени.» И проч.

византійскаго происхожденія выдается русская передѣлка латинской грамматики *Донатуса* (Доната), [1]) съ пропускомъ латинскихъ парадигмъ и замѣною ихъ русскими, при чемъ русская терминологія представляетъ уже больше сходствъ съ современной школьной. [2]) Эти скромные зачатки грамматическаго знанія въ старой Руси имѣли однако извѣстное значеніе для своего времени, предлагая грамматическій матеріалъ въ болѣе или менѣе простой и краткой формѣ. Въ самой элементарности ихъ заключалось уже нѣкоторое достоинство, потому что она, не связывая развитія литературнаго русскаго языка, не мѣшала совершаться въ послѣднемъ естественному процессу дифференціаціи между природными элементами и элементами церковно-славянскими. Что же касается пробѣловъ въ грамматическихъ свѣдѣніяхъ, то они—надо думать—попрежнему пополнялись чтеніемъ текстовъ и составленіемъ по нимъ собственныхъ правилъ. Кромѣ чисто грамматическихъ опытовъ въ древней Руси существовали еще и такъ наз. *Азбуковники*, объяснявшіе непонятныя слова, въ томъ числѣ иностранныя (древнѣйшій изъ нихъ встрѣчается въ Новгородской Кормчей 1282 г.). Появленіе ихъ въ такое раннее время было вполнѣ естественно, удовлетворяя потребности точнѣе понимать письменный языкъ, уже значительно развившійся по сравненію съ простонароднымъ. Такимъ образомъ, эти азбуковники играли ту же роль, какъ и тѣ словарики, которые въ настоящее время составляются иногда для себя лицами, не знакомыми съ иностранными языками.

---

[1]) Грамматика эта имѣла столь широкое распространеніе на западѣ, что имя ея автора Доната (римскаго грамматика IV в. по Р. Х.) превратилось въ нарицательное, какъ названіе всякой элементарной латинской грамматики.

[2]) Срв. напр.: «м у ж и к ъ, имя есть нарицательное, рода женьскаго, числа единьственаго, образа единородного иже есть простаго (т. е. простое, а не сложное), падения именовательнаго» и т. п.

Въ послѣдней четверти XVI в. у насъ появляются уже и печатныя грамматическія руководства, правила которыхъ однако болѣе относились къ славянскому языку, чѣмъ къ русскому; этотъ смѣшанный характеръ грамматическаго матеріала соотвѣтствовалъ и смѣшанности тогдашняго письменнаго языка; кромѣ того, возникши въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ, грамматики эти содержали въ своихъ примѣрахъ не мало мѣстныхъ особенностей, напр. въ удареніи. Въ числѣ первыхъ по времени появилась *Славянская грамматика* З и з а н і я, напечатанная въ Вильнѣ въ 1596 г., а въ началѣ слѣдующаго столѣтія (въ 1619 г.) была издана грамматика М е л е т і я С м о т р и ц к а г о въ Эвю (близь Вильны), сдѣлавшаяся на долгое время руководствомъ, правиламъ котораго слѣдовали въ письмѣ и печати. Грамматика Смотрицкаго занимаетъ замѣтное положеніе и въ исторіи русскаго языкознанія, какъ потому, что терминологія ея уже почти приблизилась къ современной школьной, такъ и потому, что содержитъ нѣкоторыя цѣнныя наблюденія надъ свойствами русскаго языка. Но въ общемъ и М. Смотрицкій все-таки не могъ много подвинуть впередъ грамматическую теорію русскаго языка, такъ какъ смѣшивалъ еще стихіи церковно-славянскую и собственно русскую; впрочемъ позднѣйшее, московское, изданіе этой грамматики (1648 г.) значительно исправило примѣры и парадигмы въ ихъ окончаніяхъ и удареніи согласно русскимъ формамъ. [1]) Настоящая научная разработка собственно русской грамматики начинается съ замѣчательнаго произведенія М. В. Л о м о н о с о в а (1711—1765).

Россійская грамматика Ломоносова, явившаяся въ печати въ 1755 г., распадается на шесть отдѣловъ, названныхъ имъ

---

[1]) Напр. поставлено *снохѣ* вм. *снбсѣ* (Д. ед.), *отцѣ́* вм. *отцѣ́* (Мѣстн. ед.), *годій* вм. *лѣдія* и *мрѣжи* вм. *мрѣжя* (Р. ед.), *снохáмъ* вм. *снбхамъ*, *творитъ* вм. *твбритъ*, и т. д.

наставленіями: 1-ое наставленіе „О человѣческомъ словѣ вообще“ излагаетъ на немногихъ страницахъ вопросы, которые теперь разсматриваются въ курсахъ общаго языковѣдѣнія; 2-ое наставленіе „О чтеніи и правописаніи россійскомъ“ представляетъ собою изложеніе фонетики и правилъ правописанія, съ указаніемъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ написаній, встрѣчавшихся въ то время [1]); 3-ье наставленіе „О имени“ трактуетъ довольно обстоятельно о существительныхъ, прилагательныхъ и числительныхъ со стороны какъ словообразованія, такъ и склоненія; 4-ое наставленіе „О глаголѣ“ классифицируетъ русскіе глаголы перваго и втораго спряженія на частныя группы съ многочисленными примѣрами и заканчивается образцами спряженій; 5-ое наставленіе посвящено остальнымъ частямъ рѣчи и, наконецъ, 6-ое излагаетъ сжато вопросы синтаксиса. Главнѣйшими достоинствами этой книги являются: во первыхъ, самый способъ составленія, при которомъ авторъ, идя индуктивнымъ путемъ, какъ натуралистъ собиралъ примѣры изъ живого языка и по нимъ уже составлялъ грамматическія правила; если же разнообразіе живого языка не укладывалось въ рамки правилъ, Ломоносовъ совѣтовалъ руководствоваться обычаемъ; [2]) другимъ важнымъ достоинствомъ разсматриваемаго труда является разграниченіе элементовъ чисто-русскаго и церковно-славянскаго и тщательное выясненіе ихъ смысловыхъ оттѣнковъ и употребленія. Однако въ этомъ геніальномъ произведеніи Ломоносова, не утратившемъ своего значенія и до сихъ поръ, имѣются и нѣкоторыя слабыя стороны, происшедшія отъ того, что онъ не могъ не отдать дани господствовавшему тогда въ Европѣ ложно-клас-

[1]) Эти написанія могутъ служить также и для выводовъ относительно тогдашняго литературнаго произношенія.

[2]) Такъ, въ § 238, говоря объ именахъ отечественныхъ и указавъ на невозможность подвести ихъ подъ правила, онъ замѣчаетъ: «того ради надлежитъ оставить общему всѣхъ учителю, повседневному употребленію».

сическому направленію; увлеченный послѣднимъ, онъ ввелъ въ русскую грамматику совершенно не свойственное русскому языку многообразіе глагольныхъ временъ вмѣсто видовъ, намеки на которые были уже у Смотрицкаго, а вмѣсто свободнаго русскаго словорасположенія предпочиталъ искусственное латинское, съ обычнымъ помѣщеніемъ сказуемаго на концѣ.

Трудъ Ломоносова служилъ почти единственнымъ руководствомъ въ теченіе всей второй половины XVIII в. и въ началѣ слѣдующаго, когда появилась Русская грамматика краткая и полная А. Х. Востокова (1-ое изд. 1831 г.). Это сочиненіе замѣчательно въ особенности обработкою законовъ русскаго ударенія, сохраняя въ этомъ отношеніи и до настоящаго времени свой интересъ и значеніе. Изъ другихъ трудовъ названнаго ученаго слѣдуетъ отмѣтить его изслѣдованія по старо-славянскимъ и древне-русскимъ памятникамъ, которыя отличаются большою точностью и начинаются замѣчательнымъ открытіемъ носоваго произношенія юсовъ (1820 г.); къ этимъ трудамъ относится Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музея (1842 г.), гдѣ отличены уже редакціи памятниковъ по нарѣчіямъ болгарскому, сербскому и русскому съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на южнорусскія и сѣвернорусскія, а также — извѣстное изданіе Остромирова Евангелія съ грамматическимъ описаніемъ этого памятника (1843 г.).

Труды Востокова (р. 1781, ум. 1864), пролагавшіе новые пути къ историческому изученію русскаго языка, сложились самобытно, вытекая изъ его личныхъ склонностей; они развивались какъ бы внѣ того лингвистико-филологическаго движенія, которое началось въ это время въ европейской наукѣ, имѣя своими представителями германскихъ ученыхъ — *Франца Боппа*, основателя сравнительной грамматики языковъ нашего семейства, *Я. Гримма*, начавшаго историческое и культурно-археологическое изученіе нѣмецкаго языка, и на-

конецъ *В. Гумбольдта*, положившаго начало общему языковѣдѣнію. Послѣдующіе русскіе ученые уже отражаютъ въ своихъ трудахъ слѣды этихъ новыхъ теченій въ области языкознанія. Такъ Ѳ. И. Буслаевъ (1818—1897), подъ преимущественнымъ вліяніемъ трудовъ Гримма, написалъ свою *Историческую грамматику русскаго языка* (1-ое изд. 1858 г.), которая въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій оставалась единственнымъ трудомъ, заключавшимъ въ себѣ какъ факты литературнаго языка, такъ и историческія и діалектологическія данныя, а въ области синтаксическаго изученія еще и до сихъ поръ остается незамѣнимымъ пособіемъ; прекраснымъ дополненіемъ къ названному сочиненію служитъ составленная тѣмъ же ученымъ по первоисточникамъ и снабженная комментаріемъ *Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ* (1861). [1]) Кромѣ того, Буслаевъ еще ранѣе выступилъ съ своимъ трудомъ *О преподаваніи отечественнаго языка* (1-ое изд. 1844 г., 2-ое изд. 1867 г.), въ которомъ вопросы по преподаванію родного языка были поставлены весьма широко, изгнавъ прежнюю рутину и открывъ путь для новыхъ педагоговъ, напр. Ушинскаго и др. [2])

Изъ современниковъ Буслаева нужно назвать академиковъ И. И. Срезневскаго (1812—1880) и Я. К. Грота (1812—1893). Первый своимъ трудомъ *Мысли объ исторіи*

[1]) Попутно отмѣтимъ изслѣдованіе М. Каткова «Объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка» (1845), въ которомъ авторъ старается освѣщать вопросы русской грамматики исторически и сравнительно-грамматически. Что касается нѣсколько ранѣе появившагося труда Павскаго «Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка» (1-ое изд. 1841—1842 г., 2-ое изд. 1850 г.), то они содержатъ не мало интересныхъ данныхъ, но въ области сравненій страдаютъ отсутствіемъ достаточно строгаго метода, смѣшивая слова природныя и заимствованныя (какъ на это уже указывала и современная ему критика).

[2]) Объ этомъ трудѣ Буслаева срв. Грунскій въ Ж. М. Н. Пр. 1911, февр., стр. 229—235.

русскаго языка (1849) еще до выхода въ свѣтъ Исторической грамматики Буслаева далъ какъ бы программу для дальнѣйшаго болѣе подробнаго изслѣдованія исторіи русскаго языка въ его діалектологіи и въ соотношеніи съ другими славянскими языками; [1]) позже Срезневскій обратился къ изслѣдованію древне-русскихъ памятниковъ, ихъ палеографіи и собиранію *Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка*, которые вышли въ свѣтъ уже послѣ его смерти, составивъ пособіе чрезвычайной важности для историческаго изученія русскаго языка, могущее быть сопоставленнымъ развѣ съ знаменитымъ Толковымъ словаремъ живого великорусскаго языка В. И. Даля (р. 1801, ум. 1872). Другой современникъ Буслаева Я. К. Гротъ началъ свои грамматическія изслѣдованія статьей *Объ основныхъ формахъ русскаго глагола* (1845 г.) и далъ затѣмъ рядъ трудовъ, посвященныхъ фонетикѣ и морфологіи новаго литературнаго русскаго языка, а также исторіи русскаго правописанія съ Петра Великаго; всѣ эти труды, сохраняющіе свое значеніе и до сихъ поръ, собраны и изданы въ одномъ томѣ подъ заглавіемъ *Филологическія разысканія* Я. Грота (1899)[4], составляющемъ второй томъ полнаго собранія его сочиненій.

Весьма разностороння дѣятельность проф. А. А. Потебни (р. 1835, ум. 1891), обнимавшая какъ литературный русскій языкъ, такъ и діалектологію и исторію его въ связи съ родственными языками. Она открывается замѣчательной статьей *О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій* (1865 г.), которою поставлено на твердую почву діалектологическое изученіе современнаго народнаго русскаго языка; высказанныя

[1]) Къ этому труду близко примыкаетъ сочиненіе П. А. Лавровскаго (1827—1866) «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» (1852 г.), не только рисующее особенности сѣверно-русскаго нарѣчія, но и стремящееся представить послѣдовательность нарожденія новыхъ чертъ и утраты устарѣвшихъ въ исторіи русскаго языка.

здѣсь обобщенія, напр. о вліяніи ударенія на ослабленіе гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ, о вліяніи исчезновенія т. наз. глухихъ гласныхъ, становятся прочнымъ достояніемъ науки. [1]) Главный трудъ проф. Потебни, имѣющій заглавіе *Изъ записокъ по русской грамматикѣ* т. I—II, посвященъ глубокому анализу синтаксическаго строя русскаго языка, при чемъ авторъ широко пользуется не только данными древне-русскаго языка и другихъ славянскихъ, но также и фактами остальныхъ аріо-европейскихъ языковъ, преимущественно литовскаго.

Здѣсь мы заканчиваемъ свой бѣглый очеркъ исторіи грамматическаго изученія русскаго языка и назовемъ теперь лишь имена послѣдующихъ изслѣдователей, такъ какъ дѣятельность ихъ еще не закончена и потому правильная оцѣнка ихъ трудовъ, которые мы будемъ указывать въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ нашего курса, принадлежитъ будущему историку. Изъ русскихъ ученыхъ назовемъ, напр., Бодуэна-де-Куртенэ, Брандта, Будде, Булича, Житецкаго, Карскаго, Корша, Ляпунова, Михальчука, Некрасова, Овсянико-Куликовскаго, Соболевскаго, Фортунатова, Шахматова, Ягича и др., а изъ иностранныхъ — Лескина, Бернекера, Вондрака, Meillet, Boyer, Mazon, Broch, Lundell и др.

Такимъ образомъ, мы не можемъ пожаловаться на бѣдность изслѣдованій по научной грамматикѣ русскаго языка, но нельзя не признать, что труды названныхъ ученыхъ, обладающіе крупными научными достоинствами, все-таки не объединены въ одно цѣлое и не даютъ обыкновенному читателю общихъ оріентирующихъ идей. Цѣль настоящаго общаго курса

---

[1]) Упомянемъ о современникѣ Потебни—М. А. Колосовѣ (1839—1881), основателѣ журнала «Русскій Филологическій Вѣстникъ»; онъ совершилъ научную діалектологическую экскурсію по сѣверно-великорусскимъ губерніямъ, плодомъ которой явились *Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверо-великорусскаго нарѣчія* (1877). По исторіи русскаго языка замѣчателенъ его *Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе* (1872).

русской грамматики нѣсколько восполнить указанный пробѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ возможно краткомъ, ясномъ и доступномъ изложеніи ввести читателя путемъ разъясненія явленій родного языка въ кругъ важнѣйшихъ идей современнаго языкознанія.

Библіографическія указанія сочиненій по исторіи развитія грамматическихъ изученій русскаго языка. Чудиновъ А. Н. О преподаваніи отечественнаго языка. Очеркъ исторіи языкознанія въ связи съ исторіей обученія родному языку. Воронежъ 1872. Котляревскій А. А. Исторія изученія древне-славянскаго и древне-русскаго языковъ и письма (первоначально въ Фил. Зап. 1879—1880; затѣмъ въ акад. изданіи его сочиненій, т. IV, 1895 г., стр. 207—400, см. въ особенности стр. 347—375). Архангельскій А. С. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые труды по изученію языка. Библіографическіе матеріалы. Казань 1894. Буличъ С. К. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I (XIII в.—1825 г.). Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія, «Введенія въ изученіе языка» Б. Дельбрюка. СПб. 1904. Ягичъ И. В. Разсужденія южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ (въ Изслѣдованіяхъ по рус. яз., изд. Академіи наукъ, т. I, 1885—1895) и его же Исторія славянской филологіи. СПб. 1910 (составляетъ вып. 1-ый «Энциклопедіи славянской филологіи», изд. Отд. рус. яз. и слов. Академіи наукъ, подъ ред. орд. акад. И. В. Ягича). Будиловичъ А. С. Объ ученой дѣятельности Ломоносова по естествознанію и филологіи, СПб. 1869; Ломоносовъ, какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. СПб. 1871. Владиміровъ П. В. Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка» (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы). Кіевъ 1899. Памяти Ѳ. И. Буслаева. Изданіе учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній. М. 1898 (статьи отдѣльныхъ ученыхъ о Буслаевѣ). Овсянико-Куликовскій Д., А. А. Потебня какъ языковѣдъ-мыслитель (отт. изъ «Кіевской Старины»), Кіевъ 1893; кромѣ того, статьи разныхъ ученыхъ о дѣятельности Потебни собраны въ 4-омъ томѣ «Сборника Харьковскаго Историко-филологическаго общества» (1832). Карскій Е. Ѳ. Митрофанъ Алексѣевичъ Колосовъ. Изъ исторіи русскаго языковѣдѣнія. (Изъ L т. «Рус. Фил. Вѣстн.»). Варшава 1903.

Глава II.

Физіологія звуковъ русскаго языка.

Первою частью грамматики является *фонетика* или ученіе о звукахъ. Для болѣе глубокаго пониманія фонетики необходимо предварительно ознакомиться съ *физіологіей звуковъ рѣчи*, изучающею устройство аппарата рѣчи и дѣятельность его частей при произношеніи, равно какъ и акустическую природу звуковъ рѣчи.

Знакомство съ физіологіей звуковъ рѣчи имѣетъ важное значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Оно приноситъ пользу при изученіи произношенія иностранныхъ языковъ, гдѣ встрѣчаются звуки, не существующіе въ нашемъ родномъ языкѣ или же нѣсколько отличные; напр. физіологія звуковъ учитъ, что при произношеніи нѣмецкаго *s* конецъ языка дальше отстоитъ отъ верхнихъ зубовъ, чѣмъ въ русскомъ языкѣ при произношеніи звуковъ *с* и *з*, вслѣдствіе чего звукъ пріобрѣтаетъ въ нѣмецкомъ нѣкоторую шепелеватость. Благодаря этому, нѣмецкое *s* въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ въ заимствованныхъ изъ нѣмецкаго словахъ передается иногда шипящимъ звукомъ; такъ напр. русск. *кошт*ъ, польск. ko*s*zt = нѣм. Ko*s*t, или польск. *ż*egnać, словин. *ż*egnati = нѣм. segnen и др. Физіологія звуковъ можетъ оказывать также услугу при исправленіи недостатковъ произношенія; напр. нѣкоторые не произносятъ *с*, замѣняя его черезъ *ш*, а *з* черезъ *ж*, другіе не могутъ выговаривать твердаго *л*; зная же уложеніе языка при этихъ звукахъ, можно постепенно пріучить послѣдній къ требующимся укладамъ; равнымъ образомъ физіологія звуковъ представляетъ рядъ цѣлесообразныхъ упражненій для устраненія недостатка заиканія. Физіологія звуковъ уже нѣсколько столѣтій приноситъ неоцѣненную пользу при обученіи произношенію глухонѣмыхъ, которые пріучаются понимать рѣчь другихъ черезъ наблюденіе того, какъ укладываются органы произношенія у говорящихъ, затѣмъ сами привыкаютъ къ соотвѣтствующимъ укладамъ своего аппарата рѣчи и, благодаря упражненію, начинаютъ говорить. Знакомство съ физіологіею произношенія не должно считаться лишнимъ и для начальнаго учителя, нерѣдко сталкивающагося въ своей практикѣ съ тѣми или другими недостатками рѣчи учащихся; кромѣ того, и при простомъ обученіи чтенію по звуковой методѣ знакомство съ физіологіей рѣчи будетъ полезно для него: оно укажетъ ему основанія для опредѣленія порядка звуковъ при первоначальномъ ихъ прохожденіи, разъяснитъ законы сочетанія и слiянія звуковъ, можетъ пригодиться и въ разныхъ другихъ случаяхъ.[1])

Каждый звукъ нашей рѣчи является результатомъ совокупности работъ отдѣльныхъ частей говорильнаго аппарата; эти части слѣдующія: 1) дыхательный аппаратъ; 2) гортань; 3) мягкое небо; 4) аппаратъ нижней челюсти и 5) органы произношенія.[2]) Къ частному разсмотрѣнію этихъ частей и ихъ работъ мы и перейдемъ.

1. **Дыхательный аппаратъ**, дающій необходимый для произношенія токъ воздуха, образуется грудною клѣткою съ находящимися въ ней легкими. Наше дыханіе представляетъ собою двѣ фазы—*вдыханіе и выдыханіе*; когда мы произносимъ какую-нибудь фразу, то при этомъ выдыхаемъ воздухъ; во время слѣдующаго затѣмъ вдыханія воздуха происходитъ пауза, послѣ которой, благодаря новому запасу воздуха, мы можемъ произнести новый рядъ словъ, и т. д. Здѣсь умѣстно указать на разницу между *простымъ* выдыханіемъ (т. е. не во

---

[1]) Напр. допустимъ, что ученикъ не можетъ припомнить произношенія буквы *р*,—тогда учитель можетъ намекнуть, что при выговариваніи этой буквы дрожитъ конецъ языка; и т. п. Само собой понятно, что при этомъ онъ долженъ избѣгать излишняго увлеченія, пользуясь своимъ знаніемъ физіологіи звуковъ рѣчи только въ случаѣ нужды.

[2]) Когда мы не говоримъ, указанныя части говорильнаго аппарата находятся въ покойномъ или «индифферентномъ» (безразличномъ) состояніи, а во время рѣчи исполняютъ требующіяся движенія или, какъ говорятъ, «артикулируютъ». Слово *артикуляція*, обозначающее въ анатоміи «сочлененіе», въ физіологіи звуковъ обозначаетъ «укладъ» или «уложеніе», свойственное частямъ аппарата рѣчи при произведеніи того или другого звука, за исключеніемъ впрочемъ дыхательнаго аппарата, къ которому обыкновенно этотъ терминъ не примѣняется.

время рѣчи) и *фонаціоннымъ* выдыханіемъ (во время рѣчи): при обыкновенномъ покойномъ дыханіи обѣ его фазы—вдыханіе и выдыханіе—приблизительно одинаковы по своей продолжительности, и каждая изъ фазъ является непрерывною; между тѣмъ во время рѣчи фазы дыханія имѣютъ неодинаковую продолжительность: за сравнительно короткимъ и энергичнымъ вдыханіемъ слѣдуетъ болѣе продолжительное выдыханіе, служащее для рѣчи и разбивающееся на участки по отдѣльнымъ словамъ и въ каждомъ словѣ по слогамъ. При этомъ слоговые участки или слоговые толчки выдыхаемаго тока воздуха представляютъ неодинаковую силу [1]) и продолжительность въ зависимости отъ положенія слога относительно ударенія въ словѣ, напр.

па́ | пӑ и па | па́,
f *p* *mf* *f*

а также и отъ положенія слова въ фразѣ. Благодаря различному строенію словъ въ разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, соотвѣтственно разнообразится въ нихъ и регулированіе выдыхательнаго тока воздуха при произнесеніи какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и фразъ.

2. Слѣдующую часть нашего аппарата рѣчи составляетъ **гортань.** Въ ней имѣется голосовая щель, образуемая двумя голосовыми связками. Если послѣднія приближены одна къ другой и натянуты, то выдыхаемый токъ воздуха приводитъ ихъ въ дрожаніе, вызывая тѣмъ музыкальный звукъ, какъ бываетъ при произношеніи „звонкихъ“ звуковъ, т. е. при гласныхъ и такихъ согласныхъ, какъ *б*, *д*, *з* и пр. При дыханіи, а также при выговариваніи „глухихъ“ согласныхъ

[1]) Съ этимъ различіемъ силы выдыхательныхъ толчковъ воздуха, какъ будетъ указано ниже (стр. 31), связано соотвѣтствующее различіе въ напряженіи работающихъ органовъ произношенія.

ВИДЪ ГОВОРИЛЬНАГО АППАРАТА

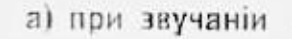
въ сагиттальномъ разрѣзѣ:

1. Правая голосовая связка.
2. Полость глотки.
3. Мягкое небо опущено.
4. Мягкое небо поднято и касается задней стѣнки глотки.
5. Полость носа.

ВИДЪ ГОЛОСОВОЙ ЩЕЛИ:

а) при звучаніи

б) при дыханіи и глухихъ звукахъ

в) при шепотѣ

Клише и печать С. М. Прокудина-Горскаго. Спб.

(*п*, *т*, *с* и пр.) голосовая щель бываетъ расширена, и воздухъ безшумно проходитъ черезъ нее, шумъ же при согласныхъ получается отъ дѣйствія органовъ произношенія. При звонкихъ согласныхъ музыкальный звукъ гортани соединяется съ шумомъ, происходящимъ отъ дѣйствія органовъ произношенія, между тѣмъ какъ при глухихъ согласныхъ имѣется одинъ только шумъ. Общность шума у глухихъ и соотвѣтствующихъ звонкихъ согласныхъ обусловливаетъ *парность* согласныхъ по звонкости и глухости, напр. звонкому *з* соотвѣтствуетъ глухой *с*, звонкому *г*—глухой *к* и т. п.; есть впрочемъ и звуки *непарные* въ отношеніи звонкости-глухости: такъ, звуки *ч* и *ц* произносятся только глухо и не имѣютъ соотвѣтствующихъ звонкихъ; гласные же звуки и согласный *j* (й), а также согласные *р*, *л*, *м*, *н* произносятся вообще только звонко. [1]) Прибавимъ, что при шепотѣ глухіе звуки остаются безъ измѣненія, а звонкіе замѣняются *шепотными*, при которыхъ голосовая щель представляетъ среднее положеніе между описанными двумя.

Распредѣленіе согласныхъ русскаго языка въ пары по звонкости и глухости можно видѣть изъ слѣдующей таблицы: [2])

Звонкіе согласные	б	м	в	д	н	з	ж	р	л	—	—	j	г	γ
Соотвѣтствующіе глухіе	п	—	ф	т	—	с	ш	—	—	ц	ч	—	к	х

[1]) Упомянемъ здѣсь о слѣдующихъ звуковыхъ явленіяхъ русскаго языка: 1) вмѣсто звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ произносятся парные имъ глухіе, напр. *лоп* вм. *лоб*, *рас* вм. *раз* и т. д.; 2) передъ глухими звонкіе нерѣдко замѣняются въ произношеніи глухими и, наоборотъ, глухіе передъ звонкими нерѣдко переходятъ въ звонкіе, напр. *ф*ходить вм. *в*ходить, *з*дѣлать вм. *с*дѣлать и т. п. Съ большею подробностью объ этихъ явленіяхъ будетъ говориться въ фонетикѣ.

[2]) Въ приведенной таблицѣ черточки показываютъ, что нѣтъ соотвѣтствующихъ звонкихъ или же глухихъ согласныхъ; начертаніе γ обозначаетъ тотъ звукъ *г*, который слышится напр. въ словѣ «*благо*».

Примѣчаніе. Вмѣсто обычнаго теперь обозначенія *звонкіе* ‖ *глухіе* (идущаго отъ Каткова) можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ старыхъ работахъ названіе *мягкіе* ‖ *твердые*, усвоенное еще Ломоносовымъ и представляющее собою переводъ нѣмецкихъ терминовъ «weiche» ‖ «harte». Въ нѣмецкомъ произношеніи, дѣйствительно, въ звуковыхъ парахъ *б* ‖ *п* (b ‖ p) и пр. различіе сходится не столько къ звонкости, сколько къ болѣе слабой артикуляціи органовъ произношенія при звонкихъ по сравненію съ глухими; но и въ нѣмецкой лингвистикѣ уже почти перестали употребляться эти термины, смѣнившись на «tönende» ‖ «tonlose». По отношенію къ русскому языку, гдѣ противоположность звуковъ по дѣйствію гортани выступаетъ съ рельефностью, обозначеніе «мягкіе» ‖ «твердые» совсѣмъ не подходяще и потому уже оставлено (встрѣчаясь развѣ кое-гдѣ въ школьныхъ учебникахъ), хотя—какъ увидимъ—оно нашло себѣ иное примѣненіе, см. ниже стр. 25. Вышли изъ употребленія также термины *звучные* ‖ *отзвучные*, встрѣчающіеся у Буслаева. Гротъ сталъ примѣнять термины *голосовые* ‖ *безголосные*, близко подходящіе къ нѣмецкимъ терминамъ «tönende» ‖ «tonlose», отъ прежнихъ же терминовъ *громкіе* ‖ *шепотные*, заимствованныхъ имъ у Брюкке, онъ отказался, въ виду того, что и при шепотѣ сохраняется различіе голосовыхъ звуковъ отъ безголосныхъ.

3. Теперь скажемъ объ участіи **мягкаго неба** или **небной занавѣски** при произношеніи. Если бы надъ гортанью не лежали полости, которыя, видоизмѣняя свою величину и форму, производятъ видоизмѣненія и въ голосѣ гортани, превращая его въ тѣ или другіе звуки, тогда не было бы и соотвѣтствующаго разнообразія звуковъ нашей рѣчи, но просто гортань издавала бы музыкальные звуки подобно звукамъ какого-нибудь музыкальнаго инструмента. Но надъ гортанью простирается мѣшковидная полость глотки, имѣющая вверху отверстіе въ *полость рта* и еще выше—въ *полость носа*. Полость носа, лежащая надъ полостью рта, отдѣляется отъ послѣдней твердымъ и мягкимъ небомъ. Когда небная занавѣска (мягкое небо) опущена, то токъ воздуха проходитъ въ полость рта и въ полость носа, и такимъ образомъ звучащая воздушная струя, при томъ или другомъ уложеніи органовъ произношенія, пріобрѣтаетъ носовой резонансъ; въ этомъ случаѣ звуки получаются *рто-носовые*, называемые по характеру акустическаго впечатлѣнія и просто *носовыми*—*м* и *н*. Если же при произношеніи

небная занавѣска, вслѣдствіе своего поднятія, бываетъ приближена или прижата къ задней стѣнкѣ глотки, то выдыхаемый воздухъ отражается въ полость рта, такъ что получаются звуки *ртовые* (или—съ точки зрѣнія слуховой—*не-носовые*, *чистые*), куда относятся всѣ прочіе звуки русской рѣчи: *а*, *о*...; *п*, *б*, *с*, *з*... Значитъ, въ русскомъ языкѣ при произношеніи значительно преобладаетъ поднятое положеніе мягкаго неба, могущее соединяться съ одновременнымъ какъ звонкимъ уложеніемъ гортани (*а*, *о*...; *б*, *з*...), такъ и глухимъ (*п*, *с*...); что же касается опущеннаго положенія мягкаго неба (при носовыхъ согласныхъ), то оно соединяется обычно только съ звонкимъ уложеніемъ гортани, причина чего—не физіологическая, но **акустическая**: если мы будемъ произносить звуки *м* и *н* простымъ выдыханіемъ, то получится почти не замѣтный для слушателя акустическій эффектъ, а потому такое выговариваніе *м* и *н*, какъ непригодное, отсутствуетъ въ рѣчи, встрѣчаясь случайно въ исключительныхъ условіяхъ, какъ напр. послѣ глухихъ согласныхъ въ концѣ словъ (срв. конечное *м* въ словѣ „драхм", могущее и не имѣть звонкости, при чемъ однако трудно различить, произносится ли оно простымъ выдыханіемъ или же шепотомъ).

Примѣчаніе. И такъ, въ зависимости отъ того или другого положенія мягкаго неба всѣ звуки рѣчи распадаются на *двѣ* группы—«чистые» ‖ «носовые»; между тѣмъ во многихъ элементарныхъ грамматикахъ русскаго языка группа «носовыхъ» согласныхъ помѣщается рядомъ съ группами по дѣйствующему органу произношенія—«губными» и проч., т. е. относящимися уже къ другому основанію классификаціи, что̀ представляетъ очевидную нелѣпость, хотя она нѣкогда и была освящена авторитетомъ Буслаева (замѣтимъ кстати, что именно область классификаціи звуковъ и принадлежитъ къ слабымъ пунктамъ его грамматики).

4. Наблюдая произношеніе звуковъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что они произносятся при разной **ширинѣ раствора рта** или, другими словами, при разной степени *опущенія* или же *поднятія нижней челюсти* (напр. звукъ *а* про-

износится при широкомъ растворѣ рта, звуки *о* и *е*—при среднемъ растворѣ, остальные же звуки *у*, *і*, *ы* и всѣ согласные—при узкомъ, при чемъ, какъ увидимъ ниже, нужно допустить разницу между узкимъ растворомъ согласныхъ и узкихъ гласныхъ). Здѣсь необходимо указать одно существенное различіе между гласными и согласными звуками. При усиленіи произношенія согласныхъ звуковъ усиливается приближеніе нижней челюсти къ верхней, тогда какъ при усиленіи произношенія гласныхъ увеличивается открытость; такимъ образомъ, хотя согласные и узкіе гласные по-видимому одинаково произносятся при узкомъ растворѣ рта, но нужно думать, что характеръ мышечной дѣятельности при этомъ не одинъ и тотъ же. Дѣло въ томъ, что работы опущенія и поднимапія нижней челюсти совершаются особыми группами мышцъ, при чемъ въ *гласныхъ* перевѣсъ въ дѣйствіи принадлежитъ группѣ мышцъ, опускающихъ нижнюю челюсть, а въ *согласныхъ*—группѣ поднимающихъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія чисто-физіологической (анатомо-физіологической) гласные могутъ быть опредѣлены какъ рто-раскрыватели, а согласные какъ рто-смыкатели. Мы увидимъ далѣе, что степень опущенія или же поднятія нижней челюсти стоитъ въ связи съ дѣйствіемъ органовъ произношенія, а потому и это послѣднее мы введемъ впослѣдствіи въ нашу анатомо-физіологическую характеристику гласныхъ и согласныхъ; здѣсь же нужно указать, что раскрытіе рта при произнесеніи гласныхъ представляетъ три главныя степени, а именно: широкая степень раскрытія рта при произнесеніи гласнаго *а*, средняя степень—при гласныхъ *о* и *э* и узкая—при *у*, *ы*, *і*. Если для образованія слога необходимо присутствіе гласнаго звука, то съ точки зрѣнія физіологической это значитъ, что въ образованіе слога должна входить работа раскрытія рта,[1]) число же и энергичность слого-

[1]) Въ этомъ не трудно убѣдиться путемъ слѣдующихъ простыхъ опытовъ: *1)* произнося какое-нибудь многосложное слово, напр. «водоворóтами», прижать къ подбородку конецъ карандаша, такъ чтобы другой его конецъ выдавался впередъ; тогда этотъ послѣдній повторяетъ всѣ движенія нижней челюсти въ нѣсколько увеличенномъ масштабѣ; 2) опираясь подбородкомъ на руку, поставленную локтемъ на столѣ, произносить то же слово; въ этомъ случаѣ движенія нижней челюсти, укрѣпленной неподвижно, будутъ отмѣчаться движеніями верхней части головы.

выхъ раскрытій рта при произношеніи словъ стоятъ въ соотвѣтствіи съ числомъ и силою слоговыхъ толчковъ фонаціоннаго выдыханія. Нужно прибавить однако, что въ неударяемыхъ слогахъ, слабо произносимыхъ, указанная противоположность между гласными и согласными вслѣдствіе слабости артикуляцій уменьшается, неударяемый гласный въ своемъ ослабленіи стремится къ индифферентному укладу и можетъ затѣмъ даже совсѣмъ исчезнуть (значитъ, работы гласнаго раскрытія рта совсѣмъ не будетъ и слоговой составъ слова измѣнится), какъ напр. въ произношеніи „тыща" изъ тысяча.

5. Собственно **органами произношенія** являются *губы* и *языкъ*. Это—активные органы, совершающіе разныя движенія, въ отличіе отъ пассивныхъ, т. е. зубовъ и твердаго неба; эти послѣдніе могутъ служить лишь пунктами, относительно которыхъ дѣйствуютъ органы подвижные или активные. При разсмотрѣніи работы (участія) органовъ произношенія нужно обращать вниманіе на двѣ стороны—*мѣсто* и *способъ* артикуляцій.

Относительно мѣста артикуляцій замѣтимъ слѣдующее. При участіи губъ дѣйствіе происходитъ или между обѣими губами (*п*, *б*, *м*; *о*, *у*), при чемъ при согласныхъ *п*, *б* и *м* губы по всей своей длинѣ сжимаются между собою, а при гласныхъ *о* и *у* выдвигаются впередъ, у угловъ касаясь одна другой, по серединѣ же образуя отверстіе, и это своеобразное уложеніе губъ, называемое „лябіализаціей" (отъ лат. labium

„губа“), соединяется съ одновременнымъ глубокимъ приближеніемъ задней части языка къ небу,—или же нижняя губа приближается къ верхнимъ зубамъ (*ф*, *в*); отсюда *губные* звуки распадаются на *губно-губные* и *губно-зубные*. Языкъ можетъ артикулировать относительно неба [1]): переднею частью (звуки *передне-язычные*, напр. *т*), среднею (звуки *средне-язычные*, напр. гласный *і* и согласный *й*, обозначаемый въ научной транскрипціи также буквою—j) и заднею (*задне-язычные*, напр. *к*); [2]) при этомъ въ дѣйствіи передней части языка различается дѣйствіе относительно верхнихъ зубовъ (*т*, *д*, *с*, *з*, *н* и *л*) [3]) и относительно твердаго неба нѣсколько выше зубовъ или, другими словами, относительно альвеолъ верхнихъ зу-

---

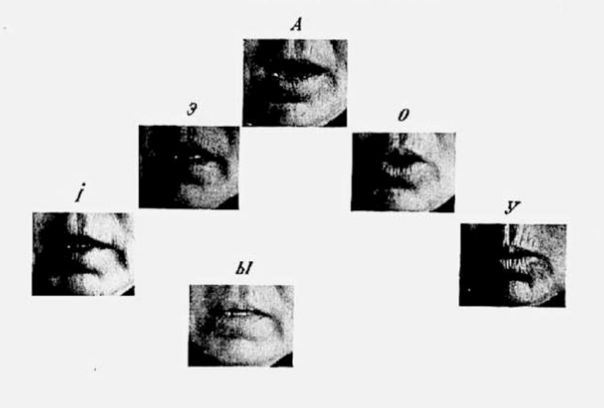
[1]) Для опредѣленія тѣхъ мѣстъ на небѣ, относительно которыхъ артикулируетъ языкъ, прекраснымъ пособіемъ можетъ служить методъ окрашиванія. Языкъ на-сухо вытираютъ, покрываютъ густымъ слоемъ туши и артикулируютъ для произнесенія извѣстнаго звука. Затѣмъ ротъ раскрываютъ и разсматриваютъ передъ зеркаломъ. Часть неба, прилегающую къ верхнимъ рѣзцамъ, можно видѣть, введя въ ротъ край тонкаго зеркала, обращеннаго къ небу, и въ то же время имѣя передъ собою другое зеркало, на которое должно отразиться изображеніе съ перваго зеркала,—это при самонаблюденіи; при наблюденіяхъ же надъ другими можно непосредственно обозрѣвать все небо. Читатель, который заинтересовался бы изученіемъ артикуляцій звуковъ общерусскаго языка посредствомъ метода окрашиванія и желалъ бы видѣть самыя палатограммы, можетъ обратиться къ слѣдующимъ сочиненіямъ: *С. Ершовъ* Экспериментальная фонетика. Казань (1903), стр. 62—67, 80—91 и *В. Богородицкій* Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія, Казань 1909; къ обоимъ сочиненіямъ присоединенъ атласъ палатограммъ звуковъ русскаго языка.

[2]) Кромѣ указаннаго подраздѣленія язычныхъ согласныхъ по дѣйствующему органу произношенія, т. е. извѣстнымъ частямъ языка, употребляются также наименованія по частямъ неба, относительно которыхъ совершается дѣйствіе языка; самое правильное было бы параллельное обозначеніе съ той и другой точки зрѣнія, но здѣсь изслѣдованія пока не закончены и еще нѣтъ однообразія въ терминологіи.

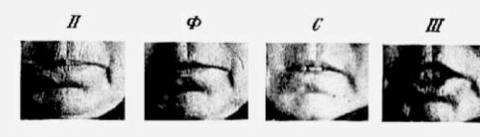
[3]) При выговариваніи *л* происходитъ кромѣ прижатія передней части языка къ верхнимъ зубамъ еще опущеніе боковъ языка; такое уложеніе языка можетъ быть опредѣлено какъ «передне-боковое».

Артикуляціи губъ при произношеніи гласныхъ и нѣкоторыхъ согласныхъ русскаго языка.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ:

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ:

Клише и печать С. М. Прокудинъ-Горскаго. Спб.

бовъ, т. е. челюстныхъ луночекъ верхнихъ зубовъ, одѣтыхъ десною и образующихъ небольшую выпуклость надъ верхними зубами при переходѣ къ своду твердаго неба (*ш*, *ж*, *р*), [1]) дѣйствіе же задней части языка различается болѣе глубокое (при *о* и *у*) и менѣе глубокое (при гласномъ *ы* и согласныхъ *к*, *г*, *х*, *γ* [2]); такимъ образомъ передне-язычные звуки подраздѣляются на *зубные* и *альвеолярные*, а задне-язычные—на *глубокіе* и *неглубокіе*. Дѣйствіе средней части языка можетъ соединяться съ прочими артикуляціями, чѣмъ производится мягкое произношеніе звуковъ (напр. *п'*, *т'* и пр.); отсюда получается *парность* согласныхъ по *твердости* и *мягкости*, т. е. „безъ участія“ и „съ участіемъ *средней части* языка“: губные—п || п', б || б', м || м', ф || ф', в || в'; передне-язычные—т || т', д || д', н || н', с || с', з || з', р || р', л || л'; задне-язычные—к || к', г || г', х || х', *γ* || *γ'*. Благодаря участію *средней* части языка, мягкіе передне-язычные согласные могутъ быть опредѣлены точнѣе какъ язычные *средне-передніе*, [3]) а мягкіе задне-язычные—какъ *средне-задніе*. Нѣкоторые согласные явля-

---

[1]) При этомъ мѣсто артикуляціи передней части языка для *р* нѣсколько менѣе удалено отъ зубовъ по сравненію съ *ш* и *ж*; кромѣ того, произношеніе послѣднихъ сопровождается выдвиженіемъ губъ впередъ или лябіализаціей (срв. изображеніе уклада губъ при *ш* на приложенной таблицѣ губныхъ артикуляцій), что имѣетъ, какъ увидимъ въ гл. XVI, важное значеніе въ звуковой исторіи славянскихъ языковъ вообще и русскаго въ частности. Подробнѣе объ артикуляціи шипящихъ сравнительно съ свистящими см. въ сочиненіи: Брокъ Физіологія славянской рѣчи, § 37.

[2]) При придувныхъ согласныхъ *х* и *γ* мѣсто артикуляціи лежитъ нѣсколько болѣе взади по сравненію съ соотвѣтствующими взрывными т. е. *к* и *г*.

[3]) При мягкихъ *т'*, *д'*, *н'*, въ отличіе отъ соотвѣтствующихъ твердыхъ, передняя часть языка можетъ даже не доходить до верхнихъ рѣзцовъ; такъ, г. Ершовъ, изслѣдовавшій на своемъ (московскомъ) произношеніи артикуляціонныя зоны на небѣ не только съ помощью искусственнаго неба, но также и непосредственно, констатируетъ относительно данныхъ звуковъ (см. его Экспериментальную фонетику, стр. 88), что при нихъ «поверхность среднихъ рѣзцовъ и небольшое пространство надъ ними оказывается не закрашеннымъ».

ются *непарными* по твердости и мягкости, произносясь или только твердо (ш, ж, ц), или же только мягко (ч' и j). [1])

Примѣчаніе 1. «Задне-язычные» согласные въ школьныхъ руководствахъ обычно называются *гортанными*, т. е. какъ въ грамматикѣ Ломоносова; ошибочность примѣненія здѣсь этого послѣдняго термина вполнѣ очевидна послѣ того, что было изложено выше относительно участія гортани при произношеніи.

Примѣчаніе 2. Дѣленіе согласныхъ на твердые и мягкіе (*н* ‖ *н'* и проч.), къ сожалѣнію, обыкновенно отсутствуетъ въ школьныхъ учебникахъ; вмѣсто этого дѣленія обычно говорится о твердыхъ и мягкихъ гласныхъ, при чемъ грубо смѣшиваются разныя понятія—произносимые звуки и ихъ буквенныя обозначенія въ общепринятомъ письмѣ; такъ напр. слогъ *ня* считается состоящимъ изъ звуковъ—согласнаго *н* и гласнаго *я* (или «йотированнаго *а*), тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ слогъ образованъ изъ соединенія мягкаго согласнаго *н* и гласнаго *а*, т. е. *н'+а*. Если же мягкій согласный заканчиваетъ слово, то подъ вліяніемъ обозначенія мягкости такого согласнаго на письмѣ посредствомъ буквы *ь*, этой послѣдней ошибочно приписывается значеніе особаго звука («мягкаго полугласнаго»), тогда какъ на самомъ дѣлѣ она выражаетъ лишь мягкость согласнаго. [2])

Что касается с п о с о б а а р т и к у л я ц і й, то таковой, какъ мы указывали, находится въ связи съ раскрываніемъ и закрываніемъ рта, а потому мы его разсмотримъ соотвѣтственно различію звуковъ гласныхъ и согласныхъ. Обратимся сначала къ разсмотрѣнію способовъ артикуляцій при произношеніи гласныхъ звуковъ.

Изъ гласныхъ самый широкій—*а* произносится при простомъ раскрытіи рта безъ замѣтнаго участія органовъ произношенія (языка и губъ); если же приблизить среднюю часть

[1]) Отдѣльные изслѣдователи (см. напр. П о р ж е з и н с к і й Элементы языковѣдѣнія, стр. 49—50, У ш а к о в ъ Русское правописаніе, стр. 23) отрицаютъ въ русскомъ языкѣ особый звукъ γ', отождествляя его съ j; они такимъ образомъ считаютъ совершенно одинаковымъ произношеніе словъ «боγѣ» и «боѣ», принимая для обоихъ словъ произношеніе=*бојѐ*. Однако полученныя нами палятограммы показываютъ, что тотъ и другой звукъ довольно значительно различаются одинъ отъ другого своей артикуляціей.

[2]) Срв. стр. 33, а также начало слѣдующей главы.

языка къ небу при узкомъ растворѣ рта, то получается узкій гласный *і*; при произношеніи узкаго гласнаго *у* губы съуживаются и выдвигаются впередъ и въ то же время происходитъ поднятіе глубокой задней части языка, опять-таки при узкомъ растворѣ рта. Средину между широкимъ гласнымъ *а* и узкимъ *і* занимаетъ гласный звукъ *э*; въ русскомъ языкѣ онъ является въ двухъ различіяхъ—открытое (называемое также широкимъ) и закрытое (называемое также узкимъ) *э*: первое обозначается въ научно-фонетическихъ изслѣдованіяхъ посредствомъ начертанія æ или ä, а второе посредствомъ начертанія є; различіе же между тѣмъ и другимъ гласнымъ состоитъ въ томъ, что при æ имѣется большее удаленіе средней части языка отъ неба (при большемъ раскрытіи рта), нежели при є; широкое *э* слышится напр. въ словахъ—*ужѐ*, *мѣрка*, *мелко*, а узкое *э* въ словахъ—*мѣрить*, *мель*. Гласный звукъ *о* занимаетъ среднее положеніе между *а* и *у*: для произношенія *о* губы образуютъ съуженіе, но не столь значительное, какъ для произношенія *у*, а также происходитъ одновременно меньшее по сравненію съ *у* приближеніе глубокой задней части языка къ небу (при среднемъ растворѣ рта). Къ узкимъ гласнымъ кромѣ *і* и *у* принадлежитъ еще звукъ *ы*, образующійся приближеніемъ къ небу менѣе глубокой задней части языка. Разнообразіе гласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ гораздо большее, если имѣть въ виду кромѣ ударяемыхъ гласныхъ еще и неударяемые; эти послѣдніе указаны нами въ прилагаемой общей таблицѣ звуковъ, [1]) а подробнѣе будутъ разсмотрѣны въ фонетикѣ.

[1]) Въ этой таблицѣ мы даемъ классификацію гласныхъ (ударяемыхъ и неударяемыхъ) особо отъ согласныхъ; при этомъ въ таблицѣ согласныхъ мы указываемъ не только физіологическія категоріи, но также и акустическія (послѣднія—курсивомъ); кромѣ того, какъ для гласныхъ, такъ и для согласныхъ указывается въ процентахъ частота употребленія каждаго звука въ литературной рѣчи.

Что касается съуженныхъ или согласныхъ звуковъ, то они по способу произношенія подраздѣляются на *взрывные* (напр. *п*, *т*...) и *придувные* (напр. *ф*, *с*...). Чтобы уяснить себѣ разницу этихъ двухъ способовъ произношенія согласныхъ, сравнимъ произношеніе звуковъ *т* и *с*. Для произнесенія звука *т* передняя часть языка *прижимается* къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ, образуя съ ними полную смычку, преграждающую выходъ выдыхательному току воздуха, а затѣмъ, съ разслабленіемъ ея происходитъ мгновенный взрывъ воздуха, напиравшаго на сжатіе; отсюда, такіе согласные, какъ *т*, называются *взрывными*. [1]) При произнесеніи же звука *с* передняя часть языка только *приближается* къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ, образуя узкую щель или тѣснину для выхода воздуха; здѣсь, такимъ образомъ, во все время артикуляціи воздухъ выдувается чрезъ съуженіе, производя шумъ; поэтому такіе согласные, какъ *с*, называются *придувными* или *спирантами* (Spirantes — латинскій терминъ). Взрывные согласные, съ точки зрѣнія времени, называются *мгновенными*, а придувные—*длительными*. Напомнимъ по этому случаю замѣчаніе акад. Грота, что „названія длительныхъ и мгновенныхъ даны звукамъ только по отношенію къ возможности протягивать въ произношеніи одни изъ нихъ и къ неизбѣжной краткости другихъ; но это не значитъ, чтобы при обыкновенномъ произношеніи длительные звуки напр. *в*, *с*, *ш*, были длиннѣе или протяжнѣе мгновенныхъ: *г*, *т*, *б* и т. п.“ [2]) Взрывные согласные въ русскомъ языкѣ подраздѣляются на *простые*, напр. *т*, *б* и проч., и *слитные*—*ц* и *ч*; послѣдніе получаются изъ тѣснаго соединенія взрывнаго элемента съ придувнымъ—т͡с и т͡ш, и такой звукъ слышится

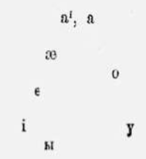
---

[1]) Такъ какъ взрыву предшествуетъ смычка, то на основаніи этого момента взрывные согласные называются также *смычными* (нѣм. Verschlusslaute).

[2]) Филологическія разысканія (1899)⁴ стр. 554.

ТАБЕЛЛЯРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ СИСТЕМЫ ЗВУКОВЪ ОБЩЕРУССКОЙ РѢЧИ.

1) Гласные ударяемые:

2) Неударяемые гласные, по качеству приближающіеся къ представленнымъ въ таблицѣ ударяемымъ, встрѣчаются (исключая гласный о, который въ литераторномъ произношеніи вовсе не примѣняется въ неударяемыхъ слогахъ) *въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударяемому.*

3) Неударяемые гласные *въ концѣ слова:* -ӓ, -ӕ, -і, -ӹ, -ў.

4) *Въ слабыхъ положеніяхъ послѣ ударенія внутри слова и во второмъ слогѣ предъ удареніемъ:* ъ (ӹ), ь (і), ў (наблюдаются случаи слогообразующихъ плавныхъ и носовыхъ, равно какъ и мимолетнаго гласнаго).

Сказанное о гласныхъ резюмируется слѣдующею таблицей съ указаніемъ процента употребительности:

Ударяемые гласные.	Неударяемые гласные. Въ слогѣ 1-мъ предъ удареніемъ.	Неударяемые гласные. Въ концѣ слова.	Неударяемые гласные. Въ слабыхъ положеніяхъ внутри сл.
і 1,7	і 1,5	і 0,5	ь 2,3 (і, ε, ю)
έ 0,9	ε 1,5	—	
ю́ 1,6	ю 1,9	ю 0,3	
а́ 5	а 2,3	ӓ 1,7 (а, ӓ)	ъ 4,3 (а, ӓ, ы)
о́ 6,5	ӓ 3,7		
ы́ 0,8	ы 0,2	ӹ 0,3	
у́ 0,8	у 1,2	ў 1,4	

Согласные:

			Присутствіе или отсутствіе звонкости.	*Глухіе.*	*Звонкіе съ меньшей сонорностью.*	*Глухіе.*	*Звонкіе со средней сонорностью.*	*Звонкіе съ наибольшей сонорностью.*			*Глухіе.*	
			Уложеніе голосовой щели.	Расширена.	Съуж. для звучан.	Расширена.	Голосовая щель съужена для звучанія.				Расширена.	
			Присутствіе или отсутствіе носового оттѣнка.	*Чистые.*				*Носовые.*	*Чистые.*			
			Положеніе мягкаго неба	Мягкое небо при				Опущено.	поднято.			
Типъ П (Ф) и М.	Губные.	Губно-губные.	Губы прижимаются одна къ другой по всей своей длинѣ, языкъ находится въ индифферентномъ положеніи.	п 2,2	б 1,3			м 2,1				*Твердые.*
			Губы прижимаются одна къ другой по всей своей длинѣ + приближеніе къ небу средней части языка.	п' 0,5	б' 0,8			м' 1				*Мягкіе.*
		Губно-зубные.	Нижняя губа приближается къ верхнимъ зубамъ, языкъ находится въ индифферентномъ положеніи.			ф 0,3	в 2					*Твердые.*
			Нижняя губа приближается къ верхнимъ зубамъ + приближеніе къ небу средней части языка.			ф' 0,2	в' 1,5					*Мягкіе.*
Типъ Т.(С) и Н.	Язычные.		Передняя часть языка дѣйствуетъ относительно верхнихъ зубовъ и ихъ десенъ.	т 4,1	д 2,3	с 3,3	з 2,1	н 2,6		л 1,7	ц 0,6	*Твердые.*
			Средне-передняя часть языка дѣйствуетъ относительно соотвѣтствующей части неба, а конецъ языка находится у нижнихъ зубовъ.	т' 1,8	д' 1,9	с' 1,8	з' 0,3	н' 2,5	р' 0,9	л' 1,8	ч 1,6	*Мягкіе.*
Типъ III, Р.			Передняя часть языка дѣйствуетъ относительно альвеолъ верхнихъ зубовъ.			ш 1,6	ж 0,7		р 3,2			*Твердые.*
Типъ J.			Средняя часть языка приближается къ небу, а конецъ языка къ нижнимъ зубамъ.				j 5,4					*Мягкіе.*
Типъ К (Х).			Средне-задняя часть языка дѣйствуетъ относительно соотвѣтствующей части неба, а конецъ языка прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ.	к' 0,5	г' 0,1	х' 0,1	γ'					
			Не-глубокое дѣйствіе задней части языка, конецъ языка удаленъ отъ нижнихъ зубовъ.	к 4,5	г 1,3	х 1	γ					*Твердые.*
			Способъ произношенія	Взрывные.		Придувные.		Замкнуто-взрывные.	Дрожащіе.	Замкнуто-придувные.	Взрывные.	
				Простые.							Слитные.	

Примѣчаніе. Въ таблицѣ согласныхъ курсивомъ напечатаны названія категорій съ точки зрѣнія слуховой, а обыкновеннымъ шрифтомъ названія категорій съ точки зрѣнія анатомо-физіологической.

лишь въ моментъ взрыва, при продолженіи же слышится только одинъ второй компонентъ (т. е. цссс... или чшшш...); поэтому слитные согласные относятся къ категоріи взрывныхъ. Слѣдующая таблица представляетъ распредѣленіе согласныхъ литературнаго русскаго языка на взрывные и соотвѣтствующіе имъ придувные: [1])

Взрывные	п	б	т	д	ч	—	ц	—	к	г	—	—	м	у
Придувные	ф	в	с	з	ш	ж	с	j	х	γ	р	л	—	—

Примѣчаніе. Въ представленной въ настоящей главѣ классификаціи звуковъ мы ограничиваемся лишь звуками русскаго литературнаго языка, но количество ихъ значительно возрастаетъ, если имѣть въ виду разнообразіе звуковъ также по діалектамъ и говорамъ, при чемъ тѣ или иныя звуковыя варіаціи, занимая опредѣленную діалектическую площадь, способствуютъ не только систематизаціи современныхъ говоровъ, но и лучшему уясненію самаго генезиса послѣднихъ. Но всѣ эти вопросы отнесены нами въ особую главу діалектологіи русскаго языка.

Ознакомившись съ произношеніемъ отдѣльныхъ звуковъ мы можемъ представить въ своемъ воображеніи каждый звукъ подъ видомъ группы артикуляціонныхъ работъ, производя-

---

[1]) Не всѣ однако согласные легко распредѣлить по этимъ двумъ категоріямъ, затрудненіе представляютъ плавные (*р*, *л*) и носовые (*м*, *н*), занимающіе какъ бы переходное положеніе въ разсматриваемомъ отношеніи; въ самомъ дѣлѣ, хотя при *л* и образуется смычка переднею частью языка, но за то бока его опущены для свободнаго прохода воздуха, при произнесеніи же *р* ритмически чередуются смычка и спирантное отверстіе, что и придаетъ ему типъ длительно-дрожащаго (ритмическаго взрывно-придувнаго) звука. Вторые же, т. е. *м* и *н*, съ точки зрѣнія ртоваго уклада принадлежатъ къ смычнымъ, но съ тою особенностью, что при этомъ открыта полость носа, благодаря чему произношеніе ихъ способно тянуться такъ же, какъ спирантовъ; въ виду этого Sievers (Grundzüge der Phonetik, 1901[5], § 140) считаетъ ихъ, какъ и *л*, «полусмычными» (Halbschusslaute); нельзя игнорировать при носовыхъ согласныхъ и моментъ взрыва, во время котораго они получаютъ наибольшую свою опредѣленность. О плавныхъ и носовыхъ, какъ звукахъ сонорныхъ, говоримъ дальше (стр. 31—32).

щихъ его. Этимъ путемъ фонетическія явленія языка могутъ получать физіологическое разъясненіе, переставая казаться случайною смѣною буквъ. Но для этого нужно путемъ упражненія въ физіологическомъ разборѣ звуковъ достигнуть сначала умѣнья ясно представлять себѣ для каждаго звука сумму производящихъ его артикуляціонныхъ работъ. Возьмемъ напр. слово „*дыму*" и представимъ физіологическій разборъ составляющихъ его звуковъ: 1) *д*: выдыхательная работа грудной клѣтки совершается энергично, такъ какъ данный согласный принадлежитъ ударенному слогу, голосовыя связки натянуты и сближены для приведенія ихъ въ звучаніе выдыхательнымъ токомъ воздуха; мягкое небо приподнято, благодаря чему фонаціонный токъ воздуха направляется въ полость рта; нижняя челюсть притянута къ верхней съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; изъ органовъ произношенія работаетъ только языкъ такимъ образомъ, что его передняя часть упирается въ верхніе зубы и ихъ десны и опять-таки съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; звукъ производится посредствомъ взрыва; 2) *ы́*: сильная выдыхательная работа; уложеніе гортани для звучанія; мягкое небо приподнято; нижняя челюсть осаждена съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; неглубокая артикуляція задней части языка; 3) *м*: слабая выдыхательная работа, такъ какъ согласный этотъ принадлежитъ слабому неударяемому слогу; съуженіе голосовой щели для звучанія, произведенное слабымъ напряженіемъ мышцъ; мягкое небо опущено для пропуска звучащаго тока воздуха въ носъ; нижняя челюсть слабо притянута къ верхней; губы слабо сжаты, и звукъ производится ихъ разнятіемъ при одновременномъ носовомъ резонансѣ; 4) *у*: слабая выдыхательная работа; слабая звучащая дѣятельность гортани; мягкое небо приподнято; слабое осажденіе нижней челюсти до степени узкаго раствора; узкое губное отверстіе при слабомъ напряженіи губъ и одновременно слабая артикуляція глубокой задней части языка. Изъ представленнаго нами физіологическаго разбора звуковъ

не трудно замѣтить существованіе тѣсной взаимной связи артикуляціонныхъ работъ при произношеніи, при чемъ оказывается какъ бы родъ антагонизма (борьбы) между фонаціоннымъ выдыханіемъ и прочими артикуляціонными работами; напряженіе послѣднихъ пропорціонально напряженію выдыхательной дѣятельности; припомнимъ также объ упоминавшейся раньше связи между работою раствора рта и движеніями органовъ произношенія относительно степени открытости или же съуженности.

Примѣчаніе. Кромѣ *физіологическаго* или артикуляціоннаго момента, комбинированіе работъ обусловливается также *слуховымъ моментомъ*. Отчего напр. ударяемые гласные въ словахъ нашей рѣчи произносятся только звонко? Физіологической необходимости тутъ нѣтъ никакой, такъ какъ всѣ гласные въ опытѣ можно произнести и при открытой голосовой щели, т. е. глухо. Но при глухомъ произношеніи гласные являются слишкомъ мало слышными,—между тѣмъ какъ наша рѣчь, служа *посредникомъ между говорящимъ и слушающими*, очевидно должна содержать элементы достаточно слышные (и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно различимые слухомъ одинъ отъ другого). По этой же акустической причинѣ изъ согласныхъ плавные и носовые тоже являются вообще только звонкими (срв. сказанное выше на стр. 20). [1]) Что касается самаго качества *сонорности* (т. е. *звучности* и отсюда происходящей *слышности*), то степень его зависитъ отъ присутствія въ произношеніи голосоваго тона гортани и отъ полноты резонанса полостей, лежащихъ надъ гортанью, особенно же—полости рта, а такъ какъ послѣдняя при произнесеніи разныхъ звуковъ испытываетъ весьма существенныя перемѣны, то качество сонорности находится въ нѣкоторомъ соотношеніи съ характеромъ артикуляцій, а именно—наибольшая сонорность въ случаѣ участія гортани принадлежитъ наиболѣе открытымъ звукамъ, а наименьшая—наиболѣе сжатымъ; потому степень сонорности слѣдующимъ образомъ послѣдовательно убываетъ въ физіологическомъ ряду категорій звуковъ: 1) гласные; 2) плавные и носовые; 3) звонкіе придувные; 4) звонкіе взрывные; 5) глухіе придувные и 6) глухіе взрывные. Гласные облада-

[1]) Вполнѣ понятно, что высказанное здѣсь положеніе нуждается въ одной оговоркѣ. Дѣло въ томъ, что говорящіе даннымъ языкомъ уже не создаютъ теперь новыхъ звуковъ, но пользуются звуками, усвоенными отъ предшествующей генераціи; первоначальное же формированіе звуковъ лежитъ внѣ предѣловъ историческаго изслѣдованія, почему и разсужденіе объ условіяхъ комбинированія артикуляціонныхъ работъ имѣетъ характеръ предположенія.

ютъ наибольшею сонорностью, такъ какъ они, будучи открытыми звуками, соединяютъ звучаніе гортани съ наиболѣе полнымъ резонансомъ. Плавные и носовые согласные по своей сонорности близко стоятъ къ гласнымъ. Звонкіе взрывные менѣе сонорны по сравненію съ звонкими придувными, такъ какъ при взрывныхъ согласныхъ имѣетъ мѣсто полная замкнутость полости рта, такъ что столбъ звучащаго воздуха, напирая въ замкнутое пространство и уплотняясь, скоро долженъ прекращать свое звучаніе, срв. отдѣльное произнесеніе согласныхъ *б*, *д*, *г*. Звуки глухіе имѣютъ наименьшую сонорность, такъ какъ въ нихъ отсутствуетъ голосовой тонъ гортани, резонируется же лишь шумъ выдыхаемаго тока воздуха, происходящій отъ артикуляціонныхъ укладовъ полости рта; [1]) однако глухіе согласные становятся болѣе слышными, когда за ними слѣдуютъ наиболѣе сонорные звуки, срв. *п* въ отдѣльности и въ сочетаніяхъ *па* или *пра*.

Отъ физіологіи звуковъ въ отдѣльности обратимся къ изученію физіологіи соединенія звуковъ въ слоги, составляющіе слова. Произношеніе каждаго отдѣльнаго звука, какъ гласнаго, такъ и согласнаго, представляетъ собою три момента: 1) соотвѣтствующія части говорильнаго аппарата изъ своего индифферентнаго, т. е. спокойнаго, положенія двигаются къ положенію, нужному для произнесенія даннаго звука (*экскурсируютъ* или выходятъ на работу), 2) достигнувъ этого положенія, удерживаются въ немъ нѣкоторое время и 3) артикулирующія части снова переходятъ въ индифферентное положеніе (*рекурсируютъ* или возвращаются съ работы). Но если требуется произнести слогъ изъ согласнаго съ слѣдующимъ гласнымъ, то въ этомъ случаѣ рекурсія согласнаго совершается не къ индифферентному положенію, а сливается въ одинъ общій моментъ съ экскурсіею слѣдующаго гласнаго. Извѣст-

---

[1]) Согласно господствующей терминологіи, «сонорными» (нѣм. Sonorlaute) звуками считаются лишь звуки первыхъ двухъ изъ указанныхъ категорій (гласные звуки и согласные плавные и носовые), т. е. звонкіе звуки съ minimum'омъ шума; въ противоположность имъ остальные согласные, какъ звуки съ замѣтнымъ шумомъ, называются «шумными» (Geräuschlaute), при чемъ какъ бы безмолвно допускается, что послѣдніе лишены всякой сонорности. Однако такое рѣзкое разграниченіе этихъ двухъ звуковыхъ отдѣловъ намъ представляется не имѣющимъ достаточнаго основанія, такъ какъ даже и глухіе звуки не вполнѣ лишены качества сонорности.

ный недостатокъ заиканія представляетъ собою разстройство именно въ такомъ слитіи согласнаго съ слѣдующимъ гласнымъ и состоитъ въ томъ, что заикающійся нерѣдко отдѣляетъ согласный отъ слѣдующаго гласнаго и тѣмъ нарушаетъ цѣлостность слога, стараясь же исправить происшедшую порчу слога, онъ заикается на данномъ согласномъ. При нормальныхъ условіяхъ указанное слитіе рекурсіи согласнаго въ одинъ моментъ съ экскурсіею слѣдующаго гласнаго является актомъ вполнѣ естественнымъ, хотя при начальномъ обученіи чтенію слитіе отдѣльно данныхъ согласнаго съ гласнымъ дѣтямъ дается не такъ легко. [1]) Послѣ всего сказаннаго ясно, что любой согласный будетъ неодинаковъ по своей рекурсіи въ сочетаніи съ разными гласными (напр. *т* въ сочетаніяхъ *та*, *то* и пр.), такъ какъ его рекурсія будетъ сливаться съ неодинаковою экскурсіей разныхъ гласныхъ; въ свою очередь одинъ и тотъ же гласный послѣ разныхъ согласныхъ будетъ неодинаковъ по своей экскурсіи, напр. *а* въ сочетаніяхъ *та*, *ка* и проч.; также и послѣ согласныхъ твердыхъ и соотвѣтствующихъ мягкихъ одинъ и тотъ же гласный различается по своей экскурсіи. Въ общепринятомъ письмѣ различіе твердой и мягкой экскурсіи гласныхъ выражается посредствомъ примѣненія особыхъ буквъ для гласныхъ въ томъ и другомъ случаѣ; срв. напр. *та* и *тя*, гдѣ все различіе отнесено къ начертанію гласныхъ, тогда какъ послѣднимъ принадлежитъ лишь различіе твердой и мягкой экскурсіи, основное же различіе твердости и мягкости звука принадлежитъ предшествующимъ согласнымъ (въ научномъ письмѣ орѳографическимъ написаніямъ *та* и *тя* будутъ соотвѣтствовать начертанія *та* и *т'а* и т. д.). Соглас-

---

[1]) Намъ кажется, что для облегченія усвоенія дѣтьми этого процесса не слѣдуетъ заставлять ихъ произносить очень громко подлежащіе слитію звуки, такъ какъ въ этомъ случаѣ разница между согласными, какъ ртосмыкателями, и гласными, какъ рто-раскрывателями, становится слишкомъ велика, что и препятствуетъ незамѣтному переходу отъ одного звука къ другому.

ные *ш*, *ж* и *ц* въ древнерусскомъ языкѣ были мягки, а съ теченіемъ времени въ большинствѣ говоровъ отвердѣли, соотвѣтственно чему въ сочетаніяхъ этихъ согласныхъ съ слѣдующимъ гласнымъ экскурсія послѣдняго изъ мягкой перешла въ твердую, напр. *ш'а→ша*; гласный же *і* послѣ *ш*, *ж* и *ц* съ отвердѣніемъ ихъ измѣнился въ гласный *ы*, который однакожъ послѣ *ш* и *ж* имѣетъ и теперь въ общерусской рѣчи легкій нюансъ *і*, т. е. не вполнѣ твердъ.

Въ примѣрахъ, которые мы брали, за гласнымъ не слѣдовало никакого звука, такъ что работающія части говорильнаго аппарата съ произнесеніемъ гласнаго должны возвращаться въ свое спокойное положеніе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда за гласнымъ слѣдуютъ разные согласные того же слога, то рекурсія гласнаго сливается тогда съ экскурсіей слѣдующаго согласнаго, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же гласный при различіи слѣдующаго согласнаго является неодинаковымъ по своему концу. Срв. для примѣра произношеніе мат (=*орѳ.* матъ): мат' (=*орѳ.* мать), кон : кон', дул : дул'; можно слышать, какъ разное окончаніе гласнаго передъ твердымъ и соотвѣтствующимъ мягкимъ согласнымъ отражается на воспринимаемомъ звукѣ гласнаго: послѣдній при послѣдующимъ мягкомъ согласномъ пріобрѣтаетъ въ своемъ концѣ легкій палятальный оттѣнокъ (окраску гласнаго *і*)—ма'т', ко'н' и пр. [1]). Всего рѣзче слышится палятальный оттѣнокъ гласнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда мягкій согласный не только слѣдуетъ за гласнымъ, но и предшествуетъ ему, отчего мягкостью затрогивается и конецъ, и начало гласнаго, напр. м'ат' (=*орѳ.* мять), с'ат' (=*орѳ.* сядь), пл'уп' (*орѳ.* клюнь). Но не слѣдуетъ

[1]) Этотъ вопросъ мы съ обстоятельностью трактовали въ нашемъ трудѣ—Курсъ грамматики русскаго языка. Ч. I-ая: Фонетика (1887) гл. VI =Р. Ф. В. т. XV (1886), стр. 136—157, гдѣ изложили также исторію вопроса съ критическими замѣчаніями; въ нѣсколько переработанномъ видѣ часть этой главы вошла въ наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)³ стр. 164—172.

думать, что при этомъ средняя часть гласнаго остается безъ измѣненія, на самомъ дѣлѣ и она болѣе или менѣе затронута, въ особенности же въ случаѣ положенія гласнаго между двумя мягкими согласными [1]). Слоги, оканчивающіеся согласнымъ, называются *закрытыми* въ отличіе отъ слоговъ, оканчивающихся гласнымъ, которые называются *открытыми*, напр. *то*—слогъ открытый, а *тот*—слогъ закрытый.

Изложивъ въ главныхъ чертахъ физіологію звуковъ и ихъ сочетаній, покажемъ на какомъ-либо примѣрѣ способъ физіологическаго толкованія фонетическихъ явленій. Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ произносится „схонно“ вм. „сходно“, и т. п.; посмотримъ, въ чемъ состоитъ измѣненіе сочетанія *дн* въ *нн* съ точки зрѣнія физіологической. Если мы будемъ сравнивать въ отношеніи артикуляціонныхъ работъ звуки *д* и *н*, то увидимъ, что они большею частью сходны по работамъ и лишь немного различны. Обозначая знакомъ + одинаковыя работы, имѣемъ:

		д		*н*
Дыхат. аппар.		+		+
Гортань		+		+
Мягкое небо		поднято	→	опущено
Аппаратъ нижней челюсти		+		+
Органы произн.	мѣсто	+		+
	способъ	+		+

[1]) Говоря о сочетаніяхъ гласныхъ съ согласными, мы должны коснуться одного спорнаго вопроса—о природѣ конечнаго звука въ сочетаніи *ай*, который одни считаютъ полугласнымъ į (а все сочетаніе дифтонгомъ), другіе же согласнымъ j. Мы склоняемся къ послѣднему воззрѣнію, находя разницу въ произношеніи русскаго сочетанія *ай* и дѣйствительнаго диф-

ные *ш*, *ж* и *ц* въ древнерусскомъ языкѣ были мягки, а съ теченіемъ времени въ большинствѣ говоровъ отвердѣли, соотвѣтственно чему въ сочетаніяхъ этихъ согласныхъ съ слѣдующимъ гласнымъ экскурсія послѣдняго изъ мягкой перешла въ твердую, напр. *ш'а→ша*; гласный же *і* послѣ *ш*, *ж* и *ц* съ отвердѣніемъ ихъ измѣнился въ гласный *ы*, который однакожъ послѣ *ш* и *ж* имѣетъ и теперь въ общерусской рѣчи легкій нюансъ *і*, т. е. не вполнѣ твердъ.

Въ примѣрахъ, которые мы брали, за гласнымъ не слѣдовало никакого звука, такъ что работающія части говорильнаго аппарата съ произнесеніемъ гласнаго должны возвращаться въ свое спокойное положеніе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда за гласнымъ слѣдуютъ разные согласные того же слога, то рекурсія гласнаго сливается тогда съ экскурсіей слѣдующаго согласнаго, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же гласный при различіи слѣдующаго согласнаго является неодинаковымъ по своему концу. Срв. для примѣра произношеніе мат (=*орѳ.* матъ): мат' (=*орѳ.* мать), кон : кон', дул : дул'; можно слышать, какъ разное окончаніе гласнаго передъ твердымъ и соотвѣтствующимъ мягкимъ согласнымъ отражается на воспринимаемомъ звукѣ гласнаго: послѣдній при послѣдующимъ мягкомъ согласномъ пріобрѣтаетъ въ своемъ концѣ легкій палатальный оттѣнокъ (окраску гласнаго *і*)—ма́ⁱт', ко́ⁱн' и пр. [1]). Всего рѣзче слышится палатальный оттѣнокъ гласнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда мягкій согласный не только слѣдуетъ за гласнымъ, но и предшествуетъ ему, отчего мягкостью затрогивается и конецъ, и начало гласнаго, напр. м'ат' (=*орѳ.* мять), с'ат' (=*орѳ.* сядь), пл'уп' (*орѳ.* клюпь). Но не слѣдуетъ

---

[1]) Этотъ вопросъ мы съ обстоятельностью трактовали въ нашемъ трудѣ—Курсъ грамматики русскаго языка. Ч. I-ая: Фонетика (1887) гл. VI =Р. Ф. В. т. XV (1886), стр. 136—157, гдѣ изложили также исторію вопроса съ критическими замѣчаніями; въ нѣсколько переработанномъ видѣ часть этой главы вошла въ наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3] стр. 164—172.

ные *ш*, *ж* и *ц* въ древнерусскомъ языкѣ были мягки, а съ теченіемъ времени въ большинствѣ говоровъ отвердѣли, соотвѣтственно чему въ сочетаніяхъ этихъ согласныхъ съ слѣдующимъ гласнымъ экскурсія послѣдняго изъ мягкой перешла въ твердую, напр. *ш'а*→*ша*; гласный же *і* послѣ *ш*, *ж* и *ц* съ отвердѣніемъ ихъ измѣнился въ гласный *ы*, который однакожъ послѣ *ш* и *ж* имѣетъ и теперь въ общерусской рѣчи легкій нюансъ *і*, т. е. не вполнѣ твердъ.

Въ примѣрахъ, которые мы брали, за гласнымъ не слѣдовало никакого звука, такъ что работающія части говорильнаго аппарата съ произнесеніемъ гласнаго должны возвращаться въ свое спокойное положеніе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда за гласнымъ слѣдуютъ разные согласные того же слога, то рекурсія гласнаго сливается тогда съ экскурсіей слѣдующаго согласнаго, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же гласный при различіи слѣдующаго согласнаго является неодинаковымъ по своему концу. Срв. для примѣра произношеніе мат (=*орѳ.* матъ): мат' (=*орѳ.* мать), кон : кон', дул : дул'; можно слышать, какъ разное окончаніе гласнаго передъ твердымъ и соотвѣтствующимъ мягкимъ согласнымъ отражается на воспринимаемомъ звукѣ гласнаго: послѣдній при послѣдующимъ мягкомъ согласномъ пріобрѣтаетъ въ своемъ концѣ легкій палятальный оттѣнокъ (окраску гласнаго *і*)—ма́ⁱт', ко́ⁱн' и пр. [1]). Всего рѣзче слышится палятальный оттѣнокъ гласнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда мягкій согласный не только слѣдуетъ за гласнымъ, но и предшествуетъ ему, отчего мягкостью затрогивается и конецъ, и начало гласнаго, напр. м'ат' (=*орѳ.* мять), с'ат' (=*орѳ.* сядь), пл'ун' (*орѳ.* клюнь). Но не слѣдуетъ

[1]) Этотъ вопросъ мы съ обстоятельностью трактовали въ нашемъ трудѣ—Курсъ грамматики русскаго языка. Ч. 1-ая: Фонетика (1887) гл. VI —Р. Ф. В. т. XV (1886), стр. 136—157, гдѣ изложили также исторію вопроса съ критическими замѣчаніями; въ нѣсколько переработанномъ видѣ часть этой главы вошла въ наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3] стр. 164—172.

думать, что при этомъ средняя часть гласнаго остается безъ измѣненія, на самомъ дѣлѣ и она болѣе или менѣе затронута, въ особенности же въ случаѣ положенія гласнаго между двумя мягкими согласными [1]). Слоги, оканчивающіеся согласнымъ, называются *закрытыми* въ отличіе отъ слоговъ, оканчивающихся гласнымъ, которые называются *открытыми*, напр. *то*—слогъ открытый, а *тот*—слогъ закрытый.

Изложивъ въ главныхъ чертахъ физіологію звуковъ и ихъ сочетаній, покажемъ на какомъ-либо примѣрѣ способъ физіологическаго толкованія фонетическихъ явленій. Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ произносится „схонно" вм. „сходно", и т. п.; посмотримъ, въ чемъ состоитъ измѣненіе сочетанія *дн* въ *нн* съ точки зрѣнія физіологической. Если мы будемъ сравнивать въ отношеніи артикуляціонныхъ работъ звуки *д* и *н*, то увидимъ, что они большею частью сходны по работамъ и лишь немного различны. Обозначая знакомъ + одинаковыя работы, имѣемъ:

		д		*н*
Дыхат. аппар.		+		+
Гортань		+		+
Мягкое небо		поднято	→	опущено
Аппаратъ нижней челюсти		+		+
Органы произн.	мѣсто	+		+
	способъ	+		+

[1]) Говоря о сочетаніяхъ гласныхъ съ согласными, мы должны коснуться одного спорнаго вопроса—о природѣ конечнаго звука въ сочетаніи *ай*, который одни считаютъ полугласнымъ į (а все сочетаніе дифтонгомъ), другіе же согласнымъ j. Мы склоняемся къ послѣднему воззрѣнію, находя разницу въ произношеніи русскаго сочетанія *ай* и дѣйствительнаго диф-

И такъ, лишь работа мягкаго неба не сходствуетъ, но и тутъ произошло распространеніе артикуляціи мягкаго неба со слѣдующаго звука на предшествующій, и въ результатѣ получилось измѣненіе группы *дн* въ *нн* или весьма обычное въ языкѣ явленіе ассимиляціи или уподобленія звуковъ. Между тѣмъ безъ физіологическаго анализа мы имѣли бы лишь мало понятную, какъ бы случайную смѣну звуковъ. [1])

И такъ, знакомство съ физіологіей произношенія позволяетъ изслѣдователю представлять въ своемъ воображеніи перемѣны, происходящія въ говорильномъ аппаратѣ при измѣненіи звуковъ. Но, чтобы представленіе звуковыхъ явленій было болѣе полнымъ, нельзя ограничиваться однимъ внѣшнимъ говорильнымъ аппаратомъ, необходимо имѣть въ виду также мозговую дѣятельность, дающую импульсъ артикуляціоннымъ работамъ. Какъ мы знаемъ, при произнесеніи любаго звука происходитъ одновременное участіе разныхъ частей говорильнаго аппарата, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ посредствомъ цѣлой группы составляющихъ ее мышцъ,

тонга *ai*, встрѣчающагося напр. въ нѣмецкомъ, срв. русск. *май* ‖ нѣм. *Mai*: въ первомъ случаѣ гласный *a* и конечный звукъ являются рѣзче обособленными, чѣмъ во второмъ случаѣ, гдѣ имѣется болѣе постепенный переходъ отъ *a* къ *i*.

[1]) Чтобы показать, какъ физіологія звуковъ можетъ освѣщать и другіе фонетическіе факты, объяснимъ измѣненіе неударяемаго *о* въ *а* въ южно-великорусскомъ произношеніи, напр. в а д а́ изъ *вода́*. Для произношенія гласнаго *о* губы выдвигаются впередъ и образуютъ съуженіе такимъ образомъ, что касаются одна другой лишь по краямъ, по срединѣ же образуютъ отверстіе. Это уложеніе губъ достигается дѣйствіемъ цѣлой группы мышцъ, окружающихъ отверстіе рта: изъ нихъ прежде всего назовемъ заложенную въ губахъ круговую мышцу, при сокращеніи которой губы стягиваются; къ этой работѣ присоединяется еще при среднемъ раскрытіи рта дѣйствіе другихъ мышцъ, радіально идущихъ къ круговой мышцѣ и при своемъ сокращеніи оттягивающихъ губы, что́ такимъ образомъ не допускаетъ ихъ до полнаго сжатія. Съ теченіемъ времени вся эта сложная работа губъ постепенно ослабляется при произнесеніи неударяемаго *о* и въ результатѣ переходитъ въ пассивное или индифферентное состояніе губъ при среднемъ раскрытіи рта, а при такомъ укладѣ получается уже другой

эти же послѣднія возбуждаются въ дѣятельности импульсами, идущими по нервамъ изъ соотвѣтствующихъ центровъ головнаго мозга. Такимъ образомъ, для произнесенія даже одного звука требуется, такъ сказать, цѣлый аккордъ двигательныхъ импульсовъ изъ головнаго мозга, а кромѣ того самыя мышечныя работы сопровождаются мышечнымъ чувствомъ. Когда звукъ произнесенъ, слушающій (а также и самъ говорящій) воспринимаетъ слухомъ цѣлый аккордъ звуковыхъ волнъ, превращающійся въ сознаніи въ слуховое ощущеніе опредѣленнаго звука. Сочетаніе звуковъ представляетъ собою со стороны произношенія—послѣдовательность аккордовъ изъ двигательныхъ импульсовъ, сопровождающуюся послѣдовательнымъ выполненіемъ артикуляціонныхъ движеній, со стороны слуховой—сочетаніе звуковъ есть рядъ воспринимаемыхъ слухомъ звуковыхъ впечатлѣній.

Закончивъ изложеніе физіологіи звуковъ и бросая общій взглядъ назадъ, представимъ характеристику звукового состава со стороны *частоты употребленія отдѣльныхъ звуковыхъ категорій*—гласныхъ и согласныхъ, гласныхъ ударяемыхъ и неударенныхъ, согласныхъ звонкихъ и глухихъ, чи-

гласный, именно—*a*. Изъ сказаннаго ясно, что измѣненіе неударяемаго *о* въ *а* (черезъ посредствующую стадію å) произошло въ направленіи уменьшенія работъ при произношеніи, какъ это нерѣдко наблюдается въ языкахъ. Если же въ сѣверно-великорусскихъ народныхъ говорахъ въ данномъ неударяемомъ положеніи сохраняется *о*, то это указываетъ на то, что въ языкѣ-предкѣ этихъ говоровъ гласный *о* имѣлъ болѣе устойчивую губную артикуляцію, чѣмъ въ языкѣ-предкѣ южно-великорусскихъ говоровъ. Въ нѣкоторыхъ изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ эта устойчивость оказывается столь значительною, что неударяемое *о* въ данномъ положеніи не только не обнаруживаетъ тенденціи къ измѣненію въ сторону *а*, но даже принимаетъ оттѣнокъ *у*, т. е. при удержаніи губного уклада уменьшается открытость рта. Мы видимъ здѣсь, какъ факты фонетики могутъ получать физіологическое толкованіе или, иначе говоря, могутъ быть переводимы на языкъ звуковой физіологіи.

стыхъ и носовыхъ, того или другого органа произношенія, твердыхъ и мягкихъ, взрывныхъ и придувныхъ. [1])

1) Процентное отношеніе **гласныхъ** (или рто-раскрывателей) и **согласныхъ** (или рто-смыкателей) въ литературномъ русскомъ языкѣ опредѣляется числами 40,4 : 59,6, т. е. приблизительно какъ 2 : 3. По сравненію съ старо-славянскимъ языкомъ оказывается значительно увеличившимся въ общей суммѣ звуковъ отдѣлъ согласныхъ (въ старо-славянскомъ процентъ гласныхъ и согласныхъ почти одинаковъ). Эта особенность находитъ себѣ объясненіе главнымъ образомъ въ многочисленныхъ случаяхъ исчезновеніе древнихъ ъ и ь въ слабыхъ положеніяхъ на почвѣ русскаго языка (см. о бѣглыхъ гласныхъ въ отдѣлѣ фонетики), а также и въ нашемъ пониманіи нѣкоторыхъ деталей общерусскаго произношенія. Такъ, въ число согласныхъ мы включили j во всѣхъ положеніяхъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые изслѣдователи считаютъ его въ положеніи послѣ гласныхъ уже полугласнымъ (а не согласнымъ), составляющимъ вмѣстѣ съ предшествующимъ гласнымъ дифтонгъ [2]); если допустить такое толкованіе, то изъ процента согласныхъ (59,6%) придется отнять 2,2%. Кромѣ того, мы считали за особый согласный и слабое j передъ начальнымъ *і*, а также передъ *і* въ положеніи послѣ другаго гласнаго. Далѣе, усиленные („двойные") согласные мы принимали за два звука и, наконецъ, къ категоріи согласныхъ мы отнесли и случаи т. наз. слогообразующихъ со-

[1]) Наши цифровыя данныя мы получили отъ подсчета звуковъ въ трехъ текстахъ, представленныхъ нами въ разныхъ изданіяхъ въ фонетической транскрипціи, а именно—«Двѣ бочки», «Русскій языкъ», «Ось и чека», при чемъ всѣ три текста дали намъ 1000 звуковъ, на основаніи которыхъ уже и вычислены процентныя величины на 100 звуковъ.

[2]) Мы съ своей стороны совершенно отрицаемъ существованіе настоящихъ дифтонговъ въ русской литературной рѣчи, признавая однако дифтонгическія сочетанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединенія гласныхъ, напр. ауʼтьбʼа́ (*а у тебя*).

гласныхъ (см. о неударяемыхъ гласныхъ въ отдѣлѣ фонетики). [1])

2) Отношеніе категоріи **ударяемыхъ гласныхъ** къ **неударяемымъ** = 17,3 : 23,1 (или, проще, 3 : 4). [2]) При этомъ частота употребленія отдѣльныхъ ударяемыхъ гласныхъ представляетъ слѣдующій рядъ убывающихъ цифръ : *о́*=6,5%, *а́*=5%, *э́*=2,5% (при этомъ *ӕ́*=1,6%, *е́*=0,9%), *і́*=1,7%, *у́* и *ы́* каждый по 0,8%. Эти данныя вполнѣ согласуются съ показаніями фонетики, именно съ большимъ или меньшимъ многообразіемъ источниковъ генезиса этихъ гласныхъ (срв. напр. гласный *о́*, который—какъ указываемъ въ фонетикѣ—можетъ имѣть до шести источниковъ своего происхожденія).

3) Обращаясь къ *согласнымъ* звукамъ и разсматривая ихъ прежде всего со стороны участія гортани, нужно отмѣтить, что между ними значительно преобладаютъ по употребленію **звонкіе** надъ **глухими**, т. е. согласные, произносимые при съуженной для звучанія голосовой щели, надъ согласными, произносимыми при раскрытой голосовой щели; отношеніе первыхъ ко вторымъ=35,5 : 24,1, что приблизительно =3 : 2. Такое преобладаніе частоты звонкихъ согласныхъ объясняется принадлежностью къ нимъ въ весьма значительномъ процентѣ (15,8%) т. наз. согласныхъ сонорныхъ (т. е. плавныхъ и носовыхъ), почти всегда удерживающихъ свою звонкость, а также согласнаго j (5,4%). Такимъ образомъ, если мы ограничимся только согласными парными въ отношеніи звонкости-глухости, то звонкихъ оказывается почти

[1]) М. А. Дикаревъ, изслѣдовавшій статистически «воронежскій» мѣщанскій говоръ, т. е. одну изъ разновидностей южно-великорусскаго нарѣчія, устанавливаетъ нѣсколько меньшій, чѣмъ у насъ, процентъ для согласныхъ (56,63%) и соотвѣтственно большій для гласныхъ (43,37%), см. его Воронежскій этнографическій сборникъ, 1891 г., стр. 9 и 24.

[2]) Мы должны оговориться, что въ число ударяемыхъ гласныхъ мы включили и нѣкоторые неполноударенные гласные, принимающіе на себя побочное удареніе, какъ напр. союзы *а*, *но* и отчасти *и*, междометіе *о!* и проч., и отмѣченные въ транскрипціи значкомъ ʼ.

вдвое меньше сравнительно съ глухими. Но вообще говоря, звонкій укладъ гортани значительно преобладаетъ въ рѣчи, такъ какъ онъ свойственъ еще не только сонорнымъ согласнымъ и j, но также и всѣмъ гласнымъ. [1])

4) Отношеніе **носовыхъ** согласныхъ къ **чистымъ** =8,2 : 51,4, т. е. носовые согласные значительно рѣже чистыхъ, приблизительно въ шесть разъ; а такъ какъ въ русскомъ языкѣ къ чистымъ звукамъ принадлежатъ и всѣ гласные, то соотвѣтственно этому укладъ поднятаго мягкаго неба въ русской рѣчи болѣе чѣмъ въ 11 разъ преобладаетъ надъ укладомъ опущеннаго мягкаго неба.

5) Сравнивая употребительность согласныхъ въ отношеніи способа произношенія, мы видимъ, что **взрывные** согласные нѣсколько чаще **придувныхъ**, а именно въ отношеніи 23,5 : 20,3 (т. наз. сонорные согласные оставлены въ сторонѣ; изъ нихъ процентъ носовыхъ=8,2, а плавныхъ=7,6).

6) Если сравнивать частоту употребленія согласныхъ со стороны участвующихъ при нихъ **органовъ произношенія**, то оказывается, что категорія передне-язычныхъ согласныхъ встрѣчается наиболѣе часто, за нею слѣдуютъ губные, далѣе задне-язычные и, наконецъ, средне-язычный j; слѣдующій рядъ цифръ представляетъ въ процентахъ сравнительную употребляемость указанныхъ категорій — 33,8 : 7,9 : 7,5 : 5,4.

7) Твердые согласные, не смотря на широкое развитіе смягченія въ русскомъ языкѣ, все-таки занимаютъ первенствующее мѣсто по частотѣ употребленія; такъ, процентъ употребленія твердыхъ согласныхъ=35,9 (включая сюда *ш* и *ж*, процентъ которыхъ=2,3), а мягкихъ=23,7 (включая сюда j, процентъ котораго=5,4).

---

[1]) Вопроса о приглушеніи гласныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неударенности мы здѣсь не касаемся.

Библіографическія указанія. Сочиненія, въ которыхъ впервые было обращено болѣе серьезное вниманіе на изученіе звуковой стороны русскаго языка: **Бетлингъ** О. Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ (Зап. Ак. Наукъ по I и III отдѣл., т. I, вып. 1, *1852* г., 58—124); **Гротъ** Я. К. О произношеніи буквъ Э, Е, Ѣ (С.-Пб. Вѣдомости, 1847 г., № 173) и затѣмъ рядъ другихъ его статей, которыя всѣ вмѣстѣ съ названною включены въ послѣднее изданіе Филологическихъ разысканій (*1899*)^{4}. Далѣе назовемъ: **Бодуэнъ-де-Куртенэ** Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка, читанныхъ въ 1880—1881 акад. году въ Казан. ун-тѣ (1882) и **его же** Введеніе въ языковѣдѣніе (литогр. изданіе 1908—1909 г.); **Крушевскій** Н. В. Антропофоника (въ Р. Ф. В. 1892 г. №4, стр. 266—290, 1894 г. № 1—2, стр. 66—90; и отд. отт.); курсы по общему языковѣдѣнію **Томсона** (*1910*)^{2} и **Поржезинскаго** (1910)^{2}; **Богородицкій** В. Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными (1909); Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (*1910*)^{3}, гдѣ читатель найдетъ еще другія библіографическія указанія на стр. *77—78*; Лекціи по общему языковѣдѣнію, въ Уч. Зап. Казан. Ун-та, 1911 г., янв. и ноябрь; **Буличъ** С. К. статья подъ заглавіемъ «Фонетика» въ Энцик. Сл. Брокгауза и Эфрона; **Чернышевъ** В. Законы и правила русскаго произношенія (*1908*)^{2}; **Брокъ** О. Физіологія славянской рѣчи (1910), составляющая вып. 5.г. Энциклопедіи слав. филологіи, изд. Акад. Наукъ подъ ред. И. В. Ягича.

Глава III.

Принципы русскаго правописанія.

Представивъ въ предъидущей главѣ физіологическое ученіе о звукахъ рѣчи, мы, прежде чѣмъ обратиться къ изложенію фонетики, должны еще ознакомиться въ общихъ чертахъ съ основами русскаго правописанія, такъ какъ въ фонетикѣ мы будемъ пользоваться какъ научно-фонетическимъ письмомъ, такъ и обычнымъ правописаніемъ, взаимное отношеніе между которыми мы и постараемся выяснить въ настоящей главѣ, при чемъ покажемъ, въ какихъ случаяхъ ороографическія написанія соотвѣтствуютъ произношенію и въ какихъ не соотвѣтствуютъ; мы увидимъ также, что нѣкоторыя изъ ороографическихъ написаній послѣдняго рода или не-фонетическихъ могутъ давать для фонетики указанія на прежнее произношеніе и съ тѣмъ вмѣстѣ на совершившіяся въ языкѣ звуковыя измѣненія.

Предварительно покажемъ необходимость строгаго *различенія между звуками и буквами*. Звуки мы произносимъ, а буквы пишемъ для обозначенія этихъ звуковъ. При этомъ не всегда произношеніе и правописаніе соотвѣтствуютъ между собою. Для примѣра остановимся на такомъ написаніи, какъ *нь*. Хотя оно содержитъ двѣ буквы, но ими обозначается только одинъ звукъ, именно—мягкій согласный *н*. Въ самомъ дѣлѣ, если мы протянемъ произношеніе даннаго ороографиче-

скаго написанія, то убѣдимся въ томъ, что каково произношеніе въ началѣ, таково оно и въ концѣ, и что стало быть мы произнесли одинъ звукъ, а не болѣе. Съ другой стороны можно указать случай, когда *одна* буква общепринятаго письма обозначаетъ *два* звука, напр: *я*=йа, *ю*=йу и пр. Чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь имѣется сочетаніе двухъ звуковъ, обратимся къ тому же пріему, т. е. протянемъ звукъ, обозначаемый данною буквою, напр. *я*: въ началѣ слышится звукъ *й* (j), а въ концѣ *а*, т. е. йа...а, слѣдовательно—два звука, а не одинъ (оставляю въ сторонѣ тотъ случай, когда разсматриваемая буква стоитъ послѣ буквы согласнаго звука, напр. *ня* и т. п.,—какъ мы уже знаемъ, въ этомъ случаѣ буквы и звуки не вполнѣ соотвѣтствуютъ порознь другъ другу). Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы понять, почему научная грамматика кромѣ общеупотребительныхъ ороографическихъ написаній пользуется еще научно-фонетическими или такъ называемою фонетическою транскрипціею, заботясь о томъ, чтобы послѣдняя возможно совершеннѣе обозначала произносимые звуки живой рѣчи.

Примѣчаніе. Учебники не всегда проводятъ достаточно строго разницу между звуками и буквами и смѣшиваютъ часто эти два разныя понятія, что очевидно неправильно. Такъ, въ нихъ обыкновенно буквы, а не звуки (какъ бы слѣдовало) раздѣляются на гласныя и пр. Въ одномъ же изъ самыхъ употребительныхъ учебниковъ по русской грамматикѣ хотя и говорится совершенно резонно о дѣленіи звуковъ (а не буквъ) на гласные и согласные, а послѣднихъ на губные и пр., но тутъ же отмѣчаются случаи, когда согласный будто бы слышенъ не ясно, напр. ра*б*ъ, дворня*ж*ка. Въ дѣйствительности же въ этихъ случаяхъ согласный слышится совершенно ясно, именно *п* въ словѣ рабъ, *ш* въ словѣ дворняжка. Очевидно, авторъ учебника не могъ освободиться отъ традиціонной неточности, и привычка къ ороографическому знаку помѣшала ему правильно опредѣлить звукъ.

Разъяснивъ различіе между звуками и буквами, обратимся къ обзору главныхъ принциповъ русскаго правописанія или (употребляя совершенно равнозначущее иностранное слово) русской ороографіи. Эти принципы слѣдующіе: 1) фонетическій,

2) принципъ аналогіи, 3) историческій, 4) принципъ церковнославянскихъ написаній, 5) принципъ передачи иностранныхъ словъ и 6) принципъ дифференціаціи написаній.

I. **Фонетическія написанія.** Категорія фонетическихъ написаніи, т. е. соотвѣтствующихъ произношенію, примѣняется напр. при обозначеніи ударяемыхъ гласныхъ, а затѣмъ вообще слоговъ, состоящихъ изъ твердыхъ или же мягкихъ согласныхъ съ слѣдующимъ гласнымъ, при чемъ своеобразная особенность такихъ написаній сравнительно съ научною транскрипціей заключается въ томъ, что твердость или же мягкость согласнаго выражается не въ буквѣ согласнаго, но въ буквѣ слѣдующаго гласнаго, вслѣдствіе чего качество твердости и мягкости согласнаго обнаруживается лишь изъ обозначенія цѣлаго слога (срв. начертанія *ня* и *на* или *дю* и *ду*); отсюда такой принципъ фонетическаго письма называется *силлабическимъ*, т. е. слоговымъ. [1]) Въ ученой или научнофонетической транскрипціи мягкость согласнаго обозначается значкомъ ', напр. н'а=орѳ. *ня*, д'у=орѳ. *дю* и пр.

II. **Морфологическія написанія** или **написанія по аналогіи.** Морфологическій принципъ состоитъ въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ въ словахъ обозначаются звуки не тѣ, которые въ нихъ слышатся или произносятся, но тѣ, которые имѣются въ родственныхъ словахъ и которые съ тѣмъ вмѣстѣ являются вообще болѣе первичными. Сюда относятся обо-

---

[1]) Въ польскомъ письмѣ мягкость согласнаго въ сочетаніи съ гласнымъ обозначается буквою *i*, стоящею между буквами согласнаго и гласнаго, напр. *sia*, *nie* и пр. (Этотъ пріемъ обозначенія мягкости согласнаго примѣняется также въ литовскомъ письмѣ въ томъ случаѣ, когда пользуются латинскими начертаніями, болѣе обычными, срв. напр. *ańi* «нашу» и т. п.). Если же мягкій согласный оканчиваетъ слогъ, такъ что за нимъ не слѣдуетъ гласнаго, то въ этомъ случаѣ мягкость согласнаго обозначается въ польск. посредствомъ значка ' надъ буквою согласнаго, напр. ś, ń и т. п. (pień || рус. пень).

значенія конечныхъ глухихъ согласныхъ, затѣмъ согласныхъ въ случаяхъ ассимиляціи и, наконецъ, неударенныхъ гласныхъ. Напр. слово „годъ" произносится *гот*, а между тѣмъ пишется въ этомъ словѣ не *т*, а *д*: это по сходству или аналогіи съ родственными словами, въ которыхъ за такимъ согласнымъ слѣдуетъ гласный звукъ, напр. го*д*а, го*д*у и т. д.; въ словѣ же „пло*т*ъ" на концѣ пишется *т* по аналогіи къ формамъ—пло*т*а, пло*т*у и т. д. Указаннымъ правиломъ руководствуются также при написаніи согласныхъ въ случаѣ измѣненій ихъ, происходящихъ отъ ассимиляціи; такъ, напр., пишутъ: *с*дѣлать (а не *з*дѣлать) по аналогіи къ случаямъ, гдѣ за *с* въ томъ же префиксѣ имѣется гласный (срв. *с*орвать и т. п.), во*д*ка (а не во*т*ка) по аналогіи къ формамъ—во*д*а, воды и пр. Гласные звуки неударенные обозначаются такъ же, какъ соотвѣтствующіе имъ въ родственныхъ словахъ гласные съ удареніемъ; напр. въ словѣ „годá" пишется послѣ *г* буква *о* (произносится же гласный *а* или близкій къ нему)—по аналогіи съ ударяемымъ гласнымъ: если мы измѣнимъ наше слово такъ, чтобы за *г* слѣдовалъ ударенный гласный, напр. *гó*ду и т. п., то увидимъ, что нужно писать не г*а*дá, а г*о*дá; на томъ же основаніи въ словѣ „годовой", хотя послѣ *г* слышится слабый краткій гласный похожій на *ы*, также должны написать букву *о*. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какое широкое примѣненіе въ русскомъ письмѣ имѣетъ принципъ аналогіи, что̀ и составляетъ весьма характерную особенность русской орѳографіи.

III. **Историческія написанія.** Собственно говоря, принципъ такихъ написаній обнимаетъ собою всю орѳографію, поскольку она унаслѣдована отъ предшествующаго времени, такъ что и всѣ прочіе принципы въ этомъ смыслѣ являются историческими. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ историческими написаніями называются такія, которыя нѣкогда были фонетическими, но съ измѣненіемъ произношенія перестали быть тако-

выми, сохраняясь однако въ силу традиціи. Напр. звуки *ш* и *ж* нынѣ произносятся твердо, однакожъ мы пишемъ послѣ буквъ *ш* и *ж* букву *и* (а не *ы*)—*ши*, *жи*, согласно традиціи, свидѣтельствующей о томъ, что нѣкогда эти согласные были мягкими. Впрочемъ, вопросъ объ историческихъ написаніяхъ въ нашей орѳографіи усложненъ вліяніемъ со стороны церковно-славянскаго письма, такъ что иногда трудно трактовать о собственно историческихъ написаніяхъ отдѣльно отъ церковно-славянскаго элемента. Къ историческимъ написаніямъ нужно отнести также тѣ ошибочныя написанія, которыя однакожъ укрѣпились въ нашей письменности, какъ бы освященныя силой обычая; напр. пишутъ *е* въ словахъ—песокъ, мелкій и нѣк. др., хотя бы слѣдовало писать эти слова черезъ *ѣ*, какъ убѣдимся въ этомъ изъ фонетики. [1])

IV. Церковно-славянскія написанія. Мы знаемъ, что русское письмо произошло изъ письма церковно-славянскихъ книгъ, почему можно сказать, что почти все оно опирается на церковно-славянскую основу; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ церковно-славянскимъ элементомъ должно считать такія написанія въ русской орѳографіи, которыя не соотвѣтствуютъ русскому произношенію и вошли въ правописаніе подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка и письма. Напр. изъ написаній

---

[1]) Къ вліянію исторической традиціи относится сохраненіе нѣкоторыхъ буквъ, не обозначающихъ особыхъ звуковъ и представляющихся отдѣльнымъ ученымъ прежняго и новаго времени въ той или другой мѣрѣ излишними; сюда относятся буквы: *ъ* для передачи твердости конечнаго согласнаго, *ѳ* при *ф*, *і* рядомъ съ *и*, *ѣ* рядомъ съ *е*. Однако ссылка на трудности обученія орѳографіи, происходящія будто бы отъ существованія этихъ буквъ въ русскомъ алфавитѣ, нашими наблюденіями не подтверждается; все дѣло сводится къ улучшенію способовъ обученія орѳографіи и къ переоцѣнкѣ важности нѣкоторыхъ орѳографическихъ ошибокъ. Кромѣ того, срв. въ нашихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и рус. яз. (1910)[3] сноску на стр. 143.

житіе || *житье*, *Марія* || *Марья* и т. под. написанія съ *і*—церковно-славянскія, а съ *ь*—чисто русскія [1]).

V. Иностранныя написанія. Когда иностранныя слова переходятъ въ языкъ литературный, то нерѣдко они удерживаютъ особенности обозначенія того языка, изъ котораго заимствованы. Примѣромъ такихъ написаній можетъ служить въ русской орѳографіи написаніе *и*, а не *ы*, послѣ *ц* въ словахъ иностранныхъ, напр. принц*и*пъ, Песталоцц*и*, ц*и*фра и т. д. Укажемъ еще примѣненіе начертаній *ф* и *ѳ* въ словахъ греческаго происхожденія соотвѣтственно обозначенію даннаго согласнаго въ греческой письменности, напр. *ф*илосо*ф*ія || *Ѳ*ины (греч. φιλοσοφία || Ἀθῆναι). [2])

VI. Принципъ дифференціаціи или различенія написаній состоитъ въ томъ, что слова одинаковыя по звукамъ, но различающіяся по значенію, получаютъ нѣкоторыя отличія и на письмѣ, напр. „миръ" и „міръ" (въ древней письменности одинаково въ обоихъ случаяхъ миръ), или *что* (союзъ) и *что̀* (мѣстоим.); также формы словъ, различающіяся удареніемъ, для устраненія недоразумѣній снабжаются знакомъ ударенія, напр. бо̀льшимъ || большѝмъ и т. п.

---

[1]) Послѣднія оказываются преобладающими уже въ нашей начальной лѣтописи, напр. плясанье, оружье и т. д.

[2]) Въ латинской письменности спеціально для передачи данныхъ звуковъ въ греческихъ словахъ введены были начертанія *ph* и *th*, напр. *ph*ilosо*ph*ia, A*th*enae, а изъ латинскаго такія слова съ тѣмъ же обозначеніемъ перешли въ нѣкоторые западно-европейскіе языки, сохраняя въ нихъ до сихъ поръ такое обозначеніе, срв: франц. *ph*ilosо*ph*ie, A*th*ènes, англ. *ph*ilosо*ph*y, A*th*ens, нѣм. *Ph*ilosо*ph*ie, A*th*en, хотя и могли бы писаться согласно произношенію при помощи начертаній *f* и *t* (срв. итал. *f*ilosо*f*ia, A*t*ene, польск. *f*ilosо*f*ia, A*t*eny). Мы остановились на орѳографіи греческихъ словъ въ западно-европейскихъ языкахъ съ цѣлью уясненія такихъ словъ въ русскомъ языкѣ, какъ «*т*еатръ» при стар. «*ѳ*еатръ»: очевидно, греческое слово (θέατρον) въ первомъ изъ этихъ написаній вошло въ русскій языкъ чрезъ посредство западно-европейской письменности.

Въ заключеніе замѣтимъ, что не всегда отмѣченные ороографическіе принципы проявляются въ чистомъ видѣ, обособленно, но иногда встрѣчается **скрещеніе принциповъ.** Въ примѣръ можно указать на правила о постановкѣ ъ и ь послѣ шипящихъ. Исторія этихъ написаній начинается еще отъ старо-славянскихъ памятниковъ (напр. Остром. Ев. и др.), въ которыхъ послѣ шипящихъ нерѣдко встрѣчаемъ двоякое написаніе, при чемъ такое колебаніе было возможно, благодаря непарности этихъ согласныхъ по отношенію къ твердости-мягкости. Затѣмъ, начиная съ эпохи Смотрицкаго, постепенно устанавливаются правила о написаніи ъ и ь послѣ шипящихъ, при чемъ принципъ традиціи усложняется принципомъ морфологическимъ. А именно, мы думаемъ, что въ именахъ сущ. ж. р., въ повел. и неопр. накл. глаголовъ утвердилось ь потому, что послѣ другихъ согласныхъ въ этихъ категоріяхъ употребляется только ь (напр. *рожь*—по аналогіи съ *дверь* и т. д., *рѣжь*—по аналогіи съ *кинь* и т. п., *жечь*— по аналогіи съ *спать* и пр.), въ остальныхъ же случаяхъ именъ пишется ъ по аналогіи къ твердому склоненію соотвѣтствующаго рода, чему благопріятствовало отвердѣніе большинства шипящихъ (*мужъ*, *тысячъ*—по аналогіи съ *столъ*, *водъ* и пр.).

Въ примѣръ скрещенія принциповъ церковно-славянскаго и фонетическаго можно указать на господствующую въ современной ороографіи передачу окончаній Р. ед. муж. и ср. прилагательныхъ, при чемъ неударяемое окончаніе пишется черезъ *-аго* (*яго*), а ударяемое—чрезъ *-ого*. По своему происхожденію первое изъ этихъ написаній—церковно-славянское, а второе—чисто-русское, обязанное вліянію мѣстоименнаго склоненія на прилагательное (т. е. подобно напр. окончанію *-ому* въ Д. ед.), такъ что эти параллельныя окончанія вполнѣ эквивалентны между собою и потому каждое изъ нихъ съ равнымъ правомъ могло бы утвердиться въ качествѣ единственнаго въ нашемъ правописаніи; и дѣйствительно, еще не такъ давно передавалось какъ ударяемое, такъ и неударяемое окончаніе черезъ *-аго* (т. е. написаніемъ церковно-славянскаго происхожденія), окончаніе же *-ого* сохранялось въ нѣсколькихъ мѣстоименныхъ словахъ; со времени Руководства по правописанію г. Грота была усвоена указанная выше комбинація въ сущности довольно произвольная, а именно—церковно-славянское написаніе (*-аго*) было пріурочено къ неударяемому окончанію, а чисто-русское (*-ого*) къ ударяемому, очевидно въ цѣляхъ большаго приближенія къ произношенію и въ параллель двоякому окончанію И. ед. муж. (неуд. -ый ‖ удар. -ой). Замѣтимъ однако, что и первый способъ до сихъ поръ имѣетъ видныхъ сторонниковъ среди лингвистовъ. [1])

Примѣчаніе. Мы разсмотрѣли главнѣйшіе принципы русскаго правописанія; если обратимся къ другимъ письменностямъ, то аналогичные принципы встрѣтимъ и тамъ (исключая, разумѣется, принципъ церковно-славянскихъ написаній, какъ спеціально-русскій), но съ характернымъ преобладаніемъ тѣхъ или другихъ. Такъ, напр., въ древне-греческой ороографіи видимъ преобладаніе *фонетическаго* начала, срв. τρίβω ‖ τέτριπται, τέτριφαι, τέτριμμαι, ἐτρίφθην. [2]) Въ латинской ороографіи, по сравненію съ древне-греческою, область фонетическаго принципа болѣе ограничена, обнаруживаясь при производствѣ временъ глагола, напр. scri*b*o ‖ scri*p*si, scri*p*tum, между тѣмъ какъ во флексіи именной, гдѣ формы тѣсно связаны единствомъ склоненія, проявляется *морфологическій* принципъ, напр. ur*b*s—ur*b*is. Въ современномъ нѣмецкомъ правописаніи *морфологическій* принципъ проведенъ шире, чѣмъ въ латинскомъ, такъ какъ мы видимъ его и въ гла-

---

[1]) По данному вопросу см. еще Ушаковъ Д. Н. Русское правописаніе. Очеркъ его происхожденія, отношенія къ языку и вопроса о реформѣ. М. 1911, стр. 42, 59.

[2]) Для большей наглядности позволяемъ себѣ привести тѣ же греческія слова въ латинской транскрипціи: tri*b*o ‖ tétri*p*tai, tetri*p*sai, tetri*m*mai, etri*f*ϑēn (болѣе древнее произношеніе—etri*ph*ϑēn, при чемъ начертаніе *ph* обозначаетъ согласный *p*, сопровождаемый густымъ придыханіемъ); мы видимъ, что первоначальный согласный *b*, заканчивающій собою корень, въ приведенномъ рядѣ глагольныхъ формъ отражается въ видѣ согласныхъ *b*, *p*, *m*, *f* (*ph*) и передается на письмѣ согласно произношенію, т. е. фонетически.

голѣ—какъ во флексіи, такъ и при производствѣ временъ, срв. loben ‖ du lobst, ich lobte; въ этомъ отношеніи нѣмецкая орѳографія приближается къ русской; затѣмъ весьма характерно въ нѣмецкомъ примѣненіе принципа написанія *иностранныхъ словъ*—особенно французскихъ и частію англійскихъ: нѣмецкая орѳографія, пользующаяся одинаковымъ съ ними алфавитомъ, воспроизводитъ въ точности орѳографію оригинала, напр. франц.—Gouverneur, Chaussée, Chignon, Vaudeville, Dejour, Bureau и мн. др.; англ.—Whist, Vauxhall и т. п. Преобладаніемъ *историческаго* принципа характеризуются письменности съ длинной традиціей—англійская, французская, ново-греческая. Что касается принципа дифференціаціи, то случаи его примѣненія наблюдаются во всѣхъ разсматривавшихся письменностяхъ.

Въ заключеніе настоящей главы приведемъ нѣкоторыя данныя, относящіяся къ исторіи русскаго письма. Въ древнее время на Руси пользовались церковно-славянскимъ письмомъ, правда нѣсколько видоизмѣнявшимся соотвѣтственно звуковымъ особенностямъ русскаго языка; изученіе этихъ видоизмѣненій входитъ въ предметъ особой дисциплины, называемой палеографіей. Церковный шрифтъ держался у насъ до эпохи Петра Великаго, который въ своихъ преобразованіяхъ коснулся и этой стороны и ввелъ новый шрифтъ, т. наз. „гражданскій“, оставивъ церковный исключительно для церковныхъ книгъ. Нововведенный шрифтъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующій современному, представляетъ собою измѣненіе формы церковно-славянскихъ буквъ въ сторону сближенія съ латинскими, но съ удержаніемъ прежняго произношенія; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ прежняго алфавита были исключены нѣкоторыя буквы, напр. ѡ, ѿ, ѱ и нѣк. др., и прибавлена буква *э*. Этимъ однако не закончились преобразованія въ алфавитѣ, такъ какъ еще и при Петрѣ происходили въ немъ частичныя перемѣны; затѣмъ, послѣ Петра, въ алфавитѣ, обнародованномъ Академіей Наукъ въ 1735 г., прибавлена была буква *й*, а въ 1758 г. введенъ новый знакъ іо для звука, для котораго впослѣдствіи Карамзинымъ былъ придуманъ знакъ *ё*.

Библіографическія указанія. Основнымъ трудомъ по разработкѣ вопросовъ русскаго правописанія является сочиненіе акад. Я. К. Грота Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ (1876)[2]—Филологическія разысканія (1899)[4], ч. 2-ая. Дополненіемъ къ настоящей главѣ служитъ статья «О русскомъ правописаніи» въ нашихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3], въ которой на стр. 146—147 читатель найдетъ и другія указанія по литературѣ вопроса. Преподавателю не лишне ознакомиться тамъ же и съ дальнѣйшей статьей «Изученіе малограмотныхъ написаній», въ которой онъ найдетъ нѣкоторыя указанія педагогическаго характера.

ФОНЕТИКА.

Глава IV.

Введеніе въ фонетику: отношеніе между физіологіею звуковъ и фонетикою; понятіе о звуковыхъ законахъ и главныхъ принципахъ фонетики.

Звуки языка изучаются, какъ мы указывали, не только въ *фонетикѣ*, но также и въ *физіологіи рѣчи*. Разница между фонетикою и физіологіею звуковъ заключается въ слѣдующемъ. Физіологія звуковъ изслѣдуетъ, возможно точнымъ образомъ, какъ произносятся въ данномъ языкѣ звуки и ихъ сочетанія какъ въ отдѣльности, такъ и въ словахъ, не разсматривая однако, въ какихъ морфологическихъ категоріяхъ (въ какой части рѣчи, въ какой части слова—корнѣ, суффиксѣ и пр.) встрѣчаются они, между тѣмъ какъ фонетика изслѣдуетъ звуковыя явленія всегда *морфологически*—въ связи съ морфологическими группами, въ которыхъ они находятся, не игнорируя и *синтаксическій* моментъ. [1]) Физіологія зву-

[1]) Читатель на дальнѣйшихъ страницахъ убѣдится въ правильности такого пониманія фонетики, здѣсь же мы позволимъ себѣ лишь перечислить подтверждающіе доводы. Не говоря уже объ удобствѣ для изслѣдователя, когда онъ изъ морфологіи дѣлаетъ руководящую нить при фонетическихъ разысканіяхъ, укажемъ: 1) отступленія отъ фонетическихъ законовъ въ значи-

ковъ служитъ лишь подготовкою къ болѣе глубокому пониманію фонетики (ср. сноску на стр. 36).

Такъ какъ въ фонетическихъ изслѣдованіяхъ нерѣдко говорится о „фонетическихъ“ или „звуковыхъ законахъ“, то намъ слѣдуетъ ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ. Для избѣжанія неясности мы разсмотримъ вопросъ о звуковыхъ законахъ не только въ примѣненіи къ фонетикѣ, но и къ физіологіи звуковъ, такъ какъ законы въ той и другой области имѣютъ свои особенности; при этомъ мы будемъ различать законы даннаго единовременнаго состоянія и законы измѣненія во времени (другими словами—будемъ разсматривать вопросъ для той и другой области съ точки зрѣнія статической и динамико-исторической). [1]) Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть слѣдующіе частные случаи:

тельномъ числѣ объясняются вліяніемъ фактора *аналогіи*, т. е. фактора морфологическаго, дѣйствіе котораго можетъ быть обнаружено лишь при обращеніи вниманія на морфологическую сторону звуковыхъ явленій; 2) фонетическія измѣненія—какъ увидимъ—распадаются на физіологическія и акустическія, при чемъ каждое изъ нихъ проявляется при особыхъ морфологическихъ условіяхъ; 3) морфологическій моментъ играетъ также существенную роль въ чередованіяхъ звуковъ—этомъ важномъ отдѣлѣ фонетики; 4) что касается синтаксическаго момента, то на него указываютъ такіе дублеты, какъ «хотя» ‖ «хоть» и т. п., развившіеся вслѣдствіе того, что одно и то же слово находилось въ разныхъ условіяхъ въ предложеніи.

[1]) Замѣтимъ, что терминъ «законъ» въ фонетикѣ, какъ вообще въ грамматикѣ, не можетъ имѣть того смысла, какой этотъ терминъ имѣетъ въ физикѣ. Въ послѣдней понятіе закона состоитъ въ томъ, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ явленіе вездѣ и всегда наступаетъ въ томъ же видѣ (срв. напр. законы вибрирующихъ струнъ), а между тѣмъ въ области языка можно говорить лишь о законахъ, касающихся постоянства явленія при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, но непремѣнно въ томъ же самомъ языкѣ и говорѣ и въ одну и ту же эпоху. Эта особенность лингвистическихъ законовъ объясняется тѣмъ, что явленія языка, въ отличіе отъ явленій физическихъ, не остаются въ неизмѣнномъ видѣ, но развиваются во времени. Какъ мы увидимъ далѣе, сила звуковыхъ законовъ, какъ и вообще законовъ языка, основывается на силѣ памяти и привычки.

А. Область физіологіи звуковъ.	1. Система звуковъ языка; 2. Измѣненія звуковъ.
Б. Область фонетики.	3. Грамматическія чередованія звуковъ; 4. Измѣненія звуковыхъ чередованій.

1) **Звуковая система языка.** Говоря о звуковой системѣ языка, мы должны разумѣть подъ таковою не голую схему звуковъ даннаго языка, но живое произношеніе звуковъ и ихъ сочетаній въ томъ или иномъ положеніи въ словѣ. Имѣя же въ виду дѣйствительное, живое произношеніе, мы должны оговориться, что въ дѣйствительности не существуетъ, какъ чего-либо особаго и живого, звуковой системы *какого-нибудь языка вообще*, въ дѣйствительности мы наблюдаемъ разнообразіе рѣчи, распредѣляющееся по *говорамъ* языка, а эти послѣдніе образуются изъ произношенія отдѣльныхъ индивидуумовъ. Остановившись на произношеніи какого-нибудь индивидуума (добавимъ—взрослаго, какъ вполнѣ владѣющаго родною рѣчью), не трудно убѣдиться, что оно представляетъ нѣкоторое постоянное однообразіе или одинаковость, т. е. что одинъ и тотъ же индивидуумъ произноситъ вообще одинаково иначе говоря—его произношеніе кажется какъ бы равнымъ себѣ. Такъ, напр., если индивидуумъ относительно своего произношенія принадлежитъ къ умѣренно-акающему говору русскаго языка, т. е. произноситъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію вмѣсто гласнаго *о*, свойственнаго окающимъ говорамъ, гласный å, положимъ—въ словѣ „гåдà“, то онъ будетъ произносить тотъ же гласный (å) и во всѣхъ другихъ однородныхъ случаяхъ, напр. домà, плодà, столбà, тогдà и пр. И такъ, *произношеніе индивидуума однообразно*, другими словами—*одни и тѣ же звуки въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ индивидуумъ произноситъ одинаково.* Къ этому и сводится сущность разсматриваемой категоріи звуковыхъ законовъ.

Наблюденіе надъ постепеннымъ пріобрѣтеніемъ рѣчи показываетъ, что указанное однообразіе произношенія индивидуума основывается на *привычкѣ*, постепенно слагающейся съ-дѣтства при перенимавіи произношенія окружающихъ. Значитъ, если южно-великоруссъ умѣренно-акающаго говора произноситъ гåдá, дåмá и т. п., то это потому, что онъ съ дѣтства научился и привыкъ именно къ такому произношенію, въ устахъ же сѣверно-великорусса тѣ же слова звучатъ иначе—годá, домá и т. п., и опять-таки потому, что онъ съ дѣтства перенялъ и усвоилъ это произношеніе. Эта привычка къ родной рѣчи становится у каждаго на столько сильною, что, когда мы говоримъ, нашъ говорильный аппаратъ совершаетъ необходимыя артикуляціонныя работы совершенно безсознательно, какъ бы механически, привычка къ говорильнымъ движеніямъ пріобрѣтаетъ прочность инстинкта, а самые уклады органовъ рѣчи у индивидуумовъ, принадлежащихъ къ разнымъ говорамъ, образуютъ разныя системы.

Примѣчаніе. Мы должны сдѣлать нѣкоторыя оговорки относительно случаевъ *заимствованія словъ* изъ другого языка. Ежели индивидуумъ заимствуетъ слово изъ другого языка, то онъ заимствуетъ его согласно съ звуковой системой своего родного говора, но это—въ томъ лишь случаѣ, если у него нѣтъ привычки къ иностраннымъ языкамъ, въ частности къ данному, и, кромѣ того, если онъ не стремится сознательно къ возможно точному воспроизведенію услышаннаго произношенія. Конечно, при наблюденіи надъ заимствованіемъ словъ мы встрѣтимся и съ индивидуальнымъ разнообразіемъ, такъ какъ одни лица обладаютъ болѣе тонкимъ слухомъ, болѣе тонко развитыми органами произношенія и болѣе способны къ перениманію, другія же менѣе. Что касается лицъ знакомыхъ съ даннымъ иностраннымъ языкомъ, т. е. имѣющихъ навыкъ еще и въ этой чужой звуковой системѣ, то они могутъ позаимствовать слово съ возможно точнымъ выговоромъ иностраннаго языка, напр. слово «поэзія» произнесутъ съ гласныхъ *о*, хотя бы этотъ гласный въ ихъ родномъ говорѣ и не встрѣчался въ данномъ неударяемомъ положеніи. [1])

---

[1]) Приведу еще нѣсколько примѣровъ особенностей произношенія иностранныхъ словъ въ устахъ образованныхъ русскихъ. Въ русскомъ языкѣ

Говоря о привычкѣ къ звуковой системѣ, нужно имѣть въ виду не одну привычку къ артикуляціоннымъ укладамъ, но и къ производимымъ ими *слышимымъ* звукамъ даннаго говора, такъ какъ тѣ и другіе тѣсно связаны между собою, благодаря тому, что лицо, произносящее звуки, вмѣстѣ съ тѣмъ и слышитъ ихъ; не нужно забывать и о томъ, что звуки и произносимые и слышимые предполагаютъ соучастіе *психическаго* момента, какъ о томъ мы имѣли случай говорить при изложеніи физіологіи звуковъ (стр. 36—37).

2. Измѣненія звуковъ. Изучая теперешнее состояніе нашей рѣчи и сравнивая его съ прошлымъ, засвидѣтельствованнымъ письменными памятниками, а также съ звуковымъ состояніемъ родственныхъ языковъ, мы приходимъ къ заключенію, что звуковая сторона рѣчи измѣняется во времени. Отсюда возникаетъ вопросъ о законахъ, которымъ слѣдуютъ звуковыя измѣненія.

Прежде всего нужно различать измѣненія звуковъ, совершающіяся въ области *говорильнаго аппарата* отъ звуковыхъ перемѣнъ, обязанныхъ *органу слуха*, такъ какъ между тѣми и другими оказываются нѣкоторыя существенныя различія. Въ качествѣ примѣра звуковыхъ измѣненій въ области говорильнаго аппарата или артикуляціонныхъ можно указать на упоминавшееся измѣненіе *о* въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ въ ȃ умѣренно-акающихъ говоровъ (въ говорахъ же

нѣтъ носовыхъ гласныхъ, но въ рѣчи образованнаго общества можно встрѣтить носовые гласные въ словахъ французскаго происхожденія, напр. преферансъ (préférance), пансіонъ (pension). Также нѣтъ въ русскомъ языкѣ гласныхъ ӧ и ӱ, но въ рѣчи образованныхъ русскихъ можно слышать эти гласные въ иностранныхъ словахъ, напр. *бюро*, Бёрне, при чемъ даже и предшествующіе согласные не смягчены; а конечное *о* французскаго слова «бюро» (bureau) получаетъ несвойственное русскому языку закрытое произношеніе. Очевидно, въ такихъ словахъ имѣетъ мѣсто прямо подстановка иностраннаго произношенія, какъ болѣе привычнаго для этихъ словъ.

вполнѣ акающихъ въ *а*), напр. „гȃдá“, [1]) а примѣромъ измѣненій второго типа могутъ служить такіе случаи простонароднаго произношенія, какъ напр. „Микита“ (м' вм. н'). Разъяснимъ на этихъ примѣрахъ главныя различія того и другого рода звуковыхъ перемѣнъ.

Что касается произношенія ȃ (или а) вмѣсто неударяемаго *о*, то—какъ мы уже указывали—оно имѣетъ мѣсто не въ одномъ данномъ словѣ, но во всѣхъ словахъ этого рода, напр. дȃмá, рȃгá, тȃгдá и пр. На основаніи такого современнаго однообразія мы заключаемъ, что и самый процессъ постепеннаго измѣненія *о* въ *а* въ разсматриваемомъ положеніи (въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному) совершался во времени не спорадически, не въ отношеніи того или другого слова въ отдѣльности, но по отношенію ко *всѣмъ* словамъ, представлявшимъ тѣ же самыя условія. Иное дѣло—такіе случаи, какъ „Микита“: замѣна слога *ни* черезъ *ми* произошла не въ отношеніи всѣхъ словъ, представлявшихъ подобное звуковое сочетаніе, но *спорадически*, напр. именно въ данномъ словѣ вмѣсто начальнаго сочетанія *ни* слухомъ подставлено сходное сочетаніе *ми*, и такое произношеніе затѣмъ вошло въ общее употребленіе (впрочемъ, явленія этого рода не всегда обязаны слуховому моменту, но могутъ происходить и отъ неточности памяти при воспроизведеніи слова). Замѣтимъ кстати, что акустическимъ или слуховымъ замѣнамъ звуковъ особенно благопріятствуютъ ускоренный темпъ рѣчи, а также то вліяніе логическаго ударенія, благодаря которому слова второстепенныя имѣютъ болѣе или менѣе ослабленное произношеніе.

Дальнѣйшее различіе между разсматриваемыми случаями: измѣненіе неударяемаго *о* въ ȃ (а) совершалось *медленно*,

[1]) Это измѣненіе физіологически разъяснялось нами выше, на стр. 36 сноска.

постепенно (о......о^{а}........å......а), въ теченіе быть можетъ даже не одного столѣтія, между тѣмъ какъ замѣна *н'* черезъ *м'* есть родъ ослышки (или же—неточности припоминанія), т. е. результатъ *одновременнаго акта:* вмѣсто одного звукового сочетанія (*ни*) подставлено сходное другое (*ми*). [1])

Третье различіе: измѣненія въ сферѣ говорильнаго аппарата, т. е. артикуляціонныя, совершаются во всякаго рода словахъ, представляющихъ одинаковыя условія произношенія даннаго звука, между тѣмъ какъ акустическія замѣны звуковъ совершаются чаще всего въ словахъ *одинокихъ* и вообще *бѣдныхъ родствомъ*, напр. *Микита, небель* и т. п., при чемъ нерѣдко къ слуховому фактору присоединяется еще участіе фактора *народной этимологіи.* [2])

Примѣчаніе. Замѣтимъ, что акустическія замѣны или разнаго рода ослышки весьма нерѣдки въ нашихъ повседневныхъ разговорахъ, но обыкновенно неточно или неясно послышавшееся слово исправляется слушающимъ примѣнительно къ полученному слуховому впечатлѣнію и общему смыслу рѣчи. Но если будетъ воспринято съ ослышкой незнакомое слово, то оно можетъ утвердиться и распространиться, особенно въ народномъ говорѣ, уже въ этомъ измѣненномъ видѣ. Здѣсь для насъ становится понятнымъ нерѣдкое явленіе двоякаго произношенія заимствованныхъ словъ—болѣе точнаго (въ литературной рѣчи) и болѣе или менѣе измѣненнаго (въ народныхъ говорахъ).

---

[1]) Надо оговориться, что относительно нѣкоторыхъ измѣненій звуковъ трудно рѣшить, къ какому типу измѣненій (физіологическому или акустическому) они относятся, какъ напр. въ случаѣ *дн*—>*нн* (срв. *ланно* вм. *ладно* въ нѣкоторыхъ сѣв.-великорусскихъ говорахъ): физіологическую сторону этого измѣненія мы разсматривали выше, на стр. 35. Замѣтимъ еще, что направленіе анатомо-физіологическихъ измѣненій звуковъ опредѣляется двумя моментами—*спонтанеическимъ* или природою самого измѣняющагося звука и *комбинаціоннымъ* или природою сосѣднихъ звуковъ.

[2]) Примѣромъ послѣдняго можетъ служить простонародное произношеніе «небель», гдѣ на замѣну начальнаго слога *ме* посредствомъ *не* могло вліять подведеніе этого иностраннаго слова подъ типъ природныхъ съ отрицательнымъ префиксомъ *не*-. Нерѣдки случаи акустическихъ субституцій звуковъ при участіи народной этимологіи въ иностранныхъ фамиліяхъ, напр. народное произношеніе Башковичъ вм. Паскевичъ (въ пѣснѣ).

Установивъ различіе между физіологическими и акустическими измѣненіями звуковъ, мы остановимся теперь съ большею подробностью на первыхъ, т. е. физіологическихъ, какъ болѣе существенныхъ въ исторіи языка.

Физіологическія измѣненія звуковъ мы охарактеризовали *всеобщностью.* Правда, можно подъискать по отношенію къ этимъ измѣненіямъ *исключенія*, но исключенія эти только *кажущіяся.* Напр., если обратимъ вниманіе на такія слова, какъ „гъдåвој" (т. е. годовой), то замѣтимъ, что въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, *о* измѣнилось въ å (или въ *а*), а между тѣмъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ на мѣстѣ основного *о* произносится ъ (т. е. слабое, краткое *ы*) [1]); такое же произношеніе мы наблюдаемъ и въ другихъ однородныхъ случаяхъ въ томъ же неударяемомъ положеніи, напр. дъмåвој (домовой), тъпåра́ (топора) и т. п. Эта особенность произношенія обусловливается тѣмъ, что во второмъ слогѣ передъ удареніемъ гласный *о* въ своемъ измѣненіи уже прошелъ стадію *а* и теперь представляетъ дальнѣйшую стадію развитія. И такъ, здѣсь нѣтъ исключенія, но только процессъ измѣненія гласныхъ совершается *неравномѣрно* въ разныхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Соотвѣтственно этому мы должны ограничить и обобщеніе объ измѣненіи неударяемаго *о*, сказавъ, что основное русское *о* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, въ умѣренно-акающихъ говорахъ, развилось въ å, въ слогѣ же второмъ передъ удареніемъ—въ ъ (ы̆). Конечно, могутъ представиться новые, повидимому противорѣчающіе факты, которые поведутъ къ новому пересмотру вопроса и къ новому ограниченію обобщенія. О случаяхъ,

---

[1]) Изъ приведеннаго примѣра видимъ, что буква ъ въ научно-фонетическомъ письмѣ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ общеупотребительной орѳографіи. Также и начертаніе ь имѣетъ въ научной транскрипціи другое значеніе, чѣмъ въ орѳографіи, обозначая неударенный слабый гласный близкій къ *i*.

подобныхъ только что разсмотрѣнному, иногда выражаются, что тутъ дѣйствительныя исключенія изъ звуковыхъ законовъ, которыя объясняются *скрещеніемъ двухъ или болѣе законовъ*. Однакожъ на такіе случаи правильнѣе взглянуть не какъ на исключенія изъ закона, а какъ на указаніе, что законъ звукового измѣненія получилъ *у ученаго* слишкомъ общую формулировку, что требуется болѣе ограниченная, болѣе точная формула.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ вопросу, какъ примирить противорѣчіе между закономъ постоянства произношенія индивидуума и закономъ звуковой измѣнчивости языка? Постараемся выяснить, что противорѣчіе это только кажущееся и легко устраняется, если уяснить себѣ значеніе смѣны генерацій въ развитіи языка. Слѣдуетъ думать, что измѣненія звуковъ, какъ физіологическія, такъ и акустическія, совершаются у индивидуумовъ новой генераціи преимущественно въ то время, когда усваиваемое произношеніе еще не успѣло обратиться въ прочную привычку. Когда подрастающіе индивидуумы усваиваютъ родную рѣчь отъ окружающихъ, то при этомъ чувство слуха указываетъ имъ ту норму произношенія, къ которой они должны стремиться и которой постепенно достигаютъ, благодаря *упражненію*. Вполнѣ естественно, что при этомъ индивидуумы будутъ иногда переходить эту норму и тогда въ звукѣ появится новый слабый нюансъ. Замѣтивъ его и облюбовавъ, они могутъ стараться, чтобы этотъ слабый нюансъ рельефнѣе выступалъ въ произношеніи (у дѣтей можно наблюдать такія преувеличенія, когда имъ удается овладѣть какимъ-нибудь труднымъ звукомъ родной рѣчи, напр. *р*), и такимъ образомъ зародившееся звуковое явленіе путемъ подражанія можетъ распространиться и утвердиться въ этомъ поколѣніи. Точно такъ же въ сферѣ акустической нѣкоторые звуки могутъ недослышиваться въ устахъ старшей генераціи лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ (напр. при скоромъ темпѣ рѣчи и въ наиболѣе слабыхъ положеніяхъ въ фразѣ), а слѣдующая генерація можетъ обобщить эти случайныя недослышиванія и уже при всякихъ условіяхъ не произносить этихъ звуковъ въ данныхъ словахъ.

3. **Чередованія звуковъ.** Чередованія звуковъ происходятъ тогда, когда одна и та же морфологическая часть слова (напр. корень, суффиксъ и пр.), находясь въ разныхъ фонетическихъ условіяхъ (напр. въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія), получаетъ звуковыя варіаціи; эти послѣднія, подчиненныя опредѣленнымъ законамъ, и называются звуковымъ чередованіемъ; срв.

гóдъ̆ || гåдá || гъдåвóј.

Приведенныя слова родственны между собою по корневой части *-год-*, которая, находясь въ разныхъ положеніяхъ по отношенію къ ударенію, видоизмѣнилась неодинаково, благодаря чему мы теперь произносимъ въ ней въ приведенныхъ родственныхъ словахъ между звуками *г* и *д* разные гласные: *ó*, å, *ъ*, смѣна которыхъ и представляетъ собою одно изъ чередованій. Разные гласные и согласные въ морфологическихъ категоріяхъ языка представляютъ свои опредѣленныя чередованія, подчиняющіяся извѣстнымъ законамъ, которые разсмотримъ при изложеніи фонетики.

Но не всегда звуковыя чередованія такъ постоянны, иногда слова, первоначально относившіяся къ одному чередованію, переходятъ въ другое, благодаря дѣйствію фактора *аналогіи*, напр. вм. „ходятъ" произносится „ходютъ" по аналогіи къ первому спряженію. Посмотримъ, при какихъ условіяхъ возможно вліяніе аналогіи и при какихъ оно не возможно. Такъ какъ условія эти могутъ быть или звукового или же морфологическо-семасіологическаго характера, то и разсмотримъ эти два случая отдѣльно.

а) Возьмемъ уже извѣстное намъ чередованіе

гóду || гåдá.

которое свойственно умѣренно-акающему говору. Въ этомъ чередованіи каждый изъ чередующихся звуковъ (*ó*, å) связанъ съ своимъ опредѣленнымъ положеніемъ относительно ударенія и не возможенъ въ другомъ положеніи; такъ, гласный *ó* не существуетъ въ неударномъ положеніи, а потому не можетъ быть подставленъ по аналогіи на мѣсто гласнаго å и обратно. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ случай физіологической невозможности подстановки по аналогіи одного звука на мѣсто другаго. Но если мы теперь обратимся къ говору съ полнымъ аканьемъ, гдѣ на мѣстѣ å развилось уже чистое неударяемое *а*, то будемъ имѣть чередованіе а || ó (напр. *хажу́* || х*ó*д'ут); но такъ какъ тотъ же неударяемый гласный (а) встрѣчается и въ чередованіи съ ударяемымъ *а* (*плачу́* || пл*á*т'ут), то вслѣдствіе такого частнаго совпаденія одного чередованія съ другимъ (т. е. *хажу́* и *плачу́*) въ этомъ говорѣ становятся возможными переходы словъ по аналогіи изъ одного чередованія въ другое, и мы дѣйствительно встрѣчаемъ тамъ замѣну образованія „пл*á*т'ут" посредствомъ п л *ó* т' у т (по аналогіи къ типу „х*ó*д'ут"). Этотъ переходъ по аналогіи мы можемъ выразить слѣдующею пропорціею:

хажу́ : х*ó*д'ут=*плачу́* : *x*
x=пл*ó*т'ут.

б) Что касается морфологическаго момента въ дѣйствіи аналогіи, то здѣсь прежде всего нужно отмѣтить различіе въ одномъ и томъ же звуковомъ чередованіи въ зависимости отъ того, принадлежитъ ли оно къ *флексіи* или же къ *словопроизводству*: въ первомъ случаѣ аналогія перѣдко является съ большею легкостью, нежели во второмъ. Эта разница очень ясно видна на случаѣ чередованія задне-язычныхъ согласныхъ съ шипящими, т. е. к || ч, г || ж, х || ш. Во флексіи настоящаго времени глагола мы уже наблюдаемъ дѣйствіе аналогіи въ этихъ чередованіяхъ, напр. въ народныхъ говорахъ встрѣчаемъ формы п е *к ё* ш, *л г* ё т и т. п. вмѣсто

печешь, *лжетъ* и т. п. по аналогіи къ крайнимъ лицамъ (т. е. 1 ед. и 3 мн.) того же времени (*пеку*, *лгутъ* и т. п.). Но при словопроизводствѣ отъ существительныхъ, оканчивающихся задне-язычнымъ согласнымъ, глаголовъ на *-ить*, разсматриваемое чередованіе остается пока не затронутымъ дѣйствіемъ аналогіи, срв. *пророкъ* || *пророчить*, *богъ* || *божиться* и т. п. Но, конечно, и чередованія при словопроизводствѣ не гарантированы вполнѣ противъ дѣйствія аналогіи. При этомъ съ большею легкостью послѣднее вторгается въ тѣ чередованія при словопроизводствѣ, гдѣ часть рѣчи не мѣняется, напр. срв. случай производства прилагательнаго отъ прилагательнаго: *сухой* || *сухенькій* (*х* вм. ожидаемаго *ш*); приведу еще индивидуально замѣченный случай при производствѣ существительнаго отъ существительнаго: *уха* || *ухица* (вм. обычнаго *ушица*). Но, конечно, и въ случаѣ сохраненія части рѣчи при словопроизводствѣ звуковое чередованіе можетъ быть очень устойчиво, когда съ нимъ тѣсно соединяется различіе оттѣнка значенія; напр. такое устойчивое чередованіе въ области гласныхъ встрѣчаемъ при производствѣ отъ одного глагола другого съ измѣненнымъ глагольнымъ видомъ, какъ напр. н *о́* с и т ь || н *á* ш и в а т ь; это чередованіе даже подчинило себѣ другіе случаи, гдѣ основной гласный сопровождался удареніемъ и принадлежалъ не первичному, а производному отъ имени глаголу, при чемъ могъ даже находиться и не въ корнѣ, а въ суффиксѣ или префиксѣ; напр.: з а к *ó* н ч и т ь || з а к *á* н ч и в а т ь, у с п о к *ó* и т ь || у с п о к *á* и в а т ь (рядомъ встрѣчается и первичная форма у с п о к *ó* и в а т ь); у с т а н о в и́ т ь || у с т а н *á* в л и в а т ь, р а б *ó* т а т ь || р а з р а б *á* т ы в а т ь и р а з р а б *ó* т ы в а т ь; з а п о д *ó* з р и т ь || з а п о д *á* з р и в а т ь и з а п о д *ó* з р и в а т ь; и т. п.

Разсмотрѣвъ вопросъ о чередованіяхъ звуковъ внѣшнимъ образомъ, мы должны прибавить, что съ точки зрѣнія психологической грамматическія чередованія звуковъ представляютъ собою особый родъ ассоціацій идей, именно *ассоціаціи*

отношеній между звуками, которая съ дѣтства устанавливается въ умѣ говорящихъ и опирается на силу привычки.

4. Измѣненія чередованій звуковъ. Мы уже указывали, что въ рядѣ родственныхъ словъ

гóдŭ || гḁ̆дá || гъдḁ̆вóј

между корневыми звуками *г* и *д* чередуются гласные: ó || ḁ̆ || ъ. Восходя къ болѣе древнему времени, мы должны предположить, что различіе гласнаго было все меньше и меньше, такъ что въ началѣ развитія гласный былъ болѣе или менѣе однородный. Такимъ образомъ законъ измѣненія чередованій состоитъ въ томъ, что *звуковое чередованіе измѣняется во времени въ зависимости отъ измѣненія тѣхъ звуковъ, которые входятъ въ составъ даннаго чередованія.* Такъ какъ звуковыя измѣненія могутъ представлять особенности по говорамъ, то это будетъ соотвѣтственно отражаться и на составѣ чередованій. О перемѣнахъ въ чередованіяхъ подъ вліяніемъ *аналогіи* мы уже говорили.

Примѣчаніе. Звуковыя измѣненія, ведя къ развѣтвленію (дивергенціи) одного первоначальнаго звука на два и болѣе звуковъ (напр. *о* на *о*, *ḁ̆* и *ъ* или *k* на *к* и *ч* и т. п.), порождаютъ этимъ грамматическія чередованія; но звуковыя измѣненія могутъ вести также къ совпаденію (конвергенціи) двухъ и болѣе звуковъ разнаго происхожденія въ одномъ звукѣ (напр. неударяемое *а* въ говорахъ вполнѣ акающихъ можетъ происходить не только изъ *о*, но и изъ *а*), а благодаря этому—различныя чередованія звуковъ могутъ приходить въ частное совпаденіе. Такое совпаденіе чередованій открываетъ, какъ мы видѣли, возможность проявленію дѣйствія *аналогіи* въ области чередованій. Обыкновенно бываетъ, что звукъ, развѣтвляясь на нѣсколько, вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ въ совпаденіе съ звуками иного происхожденія; далѣе, общій звукъ, въ которомъ совпали разные звуки, можетъ въ свою очередь подвергнуться дивергенціи и т. д. Отсюда, задача исторіи языка по отношенію къ фонетикѣ—доискаться до опредѣленія *послѣдовательности* въ возникновеніи фонетическихъ явленій, послѣдовательности въ ходѣ звуковыхъ дивергенцій и конвергенцій въ связи съ развитіемъ чередованій.

Укажемъ еще тѣ сокращенія и знаки, которыми будемъ

пользоваться при изложеніи фонетики и вообще грамматики: [1])

К. т. е. корень (отмѣчается также знакомъ $\sqrt{}$).
Сф. „ суффиксъ.
Ок. „ окончаніе.
Ос. „ основа.
V „ vocalis (гласный звукъ).
C „ consonans (согласный звукъ).
L „ liquida (плавный согласный).
N „ nasalis (носовой согласный).
ае. „ аріо-европейскій (праязыкъ).
* „ значекъ, который ставится передъ звукомъ или формою, предположенными для праязыка; напр., ае. *ĕ надо читать: аріо-европейское *е* краткое.
| „ знакъ, служащій для дѣленія слова на слоги.

---

[1]) Здѣсь умѣстно разъяснить цѣль употребленія сокращеній, знаковъ и формулъ въ лингвистическихъ сочиненіяхъ. Въ каждой наукѣ имѣется рядъ основныхъ, точно опредѣленныхъ и часто употребляющихся понятій и выражающихъ ихъ терминовъ. Съ установленіемъ же такихъ обобщающихъ терминовъ наука, ради наглядности, а также экономіи во времени и въ трудѣ, для передачи ихъ начинаетъ пользоваться краткими условными обозначеніями или формулами; такимъ образомъ формулы вмѣстѣ съ терминами служатъ показателями обобщающей мысли. Что касается области языковыхъ явленій, то она съ удобствомъ поддается такому символическому обозначенію. Уже со времени Боппа, основателя сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ, въ лингвистическихъ сочиненіяхъ стали прибѣгать къ пользованію формулами; такъ, напр., Боппъ для указанія звуковыхъ соотвѣтствій и иллюстрирующихъ ихъ примѣровъ въ родственныхъ аріо-европейскихъ языкахъ пользовался знакомъ равенства; въ современныхъ же лингвистическихъ сочиненіяхъ сократительныя формулы стали уже обычнымъ явленіемъ. Такъ какъ въ наукѣ о языкѣ пока еще не установилось полнаго однообразія примѣняемыхъ формулъ, то я и указываю здѣсь знаки и сокращенія, казавшіеся мнѣ наиболѣе нужными и удачными, напр. для обозначенія заимствованныхъ словъ, образованій по аналогіи и т. д. Какъ показалъ мнѣ опытъ, пользованіе подобными формулами умѣстно и для преподаванія.

- т. е. знакъ, служащій для дѣленія слова на морфологическія части.

|| „ знакъ чередованія въ сферѣ одной и той же морфологической части въ томъ или другомъ языкѣ; иногда примѣняется и просто при сопоставленіяхъ.

≠ „ знакъ соотвѣтствія между словами родственныхъ языковъ.

→ „ знакъ звукового измѣненія; направленіе стрѣлки указываетъ, что̀ во что̀ измѣняется; поэтому дн→нн можно изобразить и иначе: нн←дн. [1])

⇄ „ знакъ заимствованія, напр. *греч. φανάριον⇄рус.* фонарь (т. е. заимствованіе тутъ изъ греческаго языка въ русскій).

↑ „ знакъ аналогіи; напр. произношеніе „ви*дютъ*“ ↑ „ко*лютъ*“, т. е. окончаніе -ютъ утвердилось въ формѣ „видятъ“ по аналогіи къ такимъ формамъ, какъ „колютъ“ и т. п.

○ „ нуль звука.

⋏ „ знакъ для того мѣста въ словѣ, гдѣ произошло исчезновеніе звука, напр. м⋏ру (срв. ст.-сл. мьрж).

< „ знакъ для производства; напр. возъ < возить, т. е. отъ существ. „возъ“ образуется глаголъ „возить“.

Библіографическія указанія. Мы называемъ здѣсь общія сочиненія по фонетикѣ современнаго литературнаго русскаго языка: Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Вып. 1-ый (1882); Богородицкій В. Курсъ грамматики русскаго языка, ч. 1-ая: Фонетика (1887); Брандтъ Р. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. 1-ый: Фонетика (1892); Lundell Études sur la prononciation russe, Stokholm (1890)—обзоръ трудовъ за періодъ времени отъ Греча до Буслаева.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ знакомъ звукового измѣненія служитъ >, напр. дн>нн.

Глава V.

Вокализмъ: неударяемые гласные; измѣненіе орѳографическаго *е* въ *ё*; бѣглые гласные; полногласіе; подъемъ; разъясненія сравнительно-грамматическія.

Какъ мы знаемъ, звуки рѣчи подраздѣляются на гласные и согласные: гласные съ точки зрѣнія физіологической характеризуются раскрытіемъ рта, а съ точки зрѣнія слуховой наибольшею сонорностью, согласные же характеризуются съ точки зрѣнія физіологической смыканіемъ рта, а съ точки зрѣнія слуховой меньшею сонорностью съ преобладаніемъ того или другого характернаго шума. Соотвѣтственно указанному дѣленію звуковъ, фонетика распадается на отдѣлъ явленій въ области гласныхъ (вокализмъ) и отдѣлъ явленій въ области согласныхъ (консонантизмъ). Въ области вокализма особую группу явленій представляютъ видоизмѣненія *неударяемыхъ гласныхъ*, а такъ какъ они по времени своего возникновенія принадлежатъ къ сравнительно позднѣйшему слою звуковыхъ явленій и, слѣдовательно, представляютъ наименьшую сложность,—то съ нихъ и начнемъ изложеніе русскаго вокализма, послѣдовательно переходя къ явленіямъ болѣе ранняго происхожденія, представляющимъ уже большую запутанность.

I. Неударяемые гласные. Всякое слово при произношеніи представляетъ части или слоги, изъ которыхъ одинъ выдѣляется наибольшею силою, высотою и длительностью, прочіе же

слоги уступаютъ ему въ этомъ отношеніи; первый называютъ *ударяемымъ*, послѣдніе же—*неударяемыми*. Въ свою очередь и неударяемые слоги различаются другъ отъ друга по силѣ, высотѣ и длительности, при чемъ это различіе зависитъ отъ положенія ихъ относительно ударяемаго слога. Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ существенную разницу по силѣ между слогами предъударенной и послѣударенной части слова, именно: слогъ, непосредственно предшествующій ударенію, имѣетъ наибольшую силу среди прочихъ неударенныхъ слоговъ, второй передъ удареніемъ является весьма слабымъ (срв. годовóй); что касается послѣударенной части слова, то здѣсь, напротивъ, ближайшій къ ударенному слогъ оказывается слабѣйшимъ, а конечный заканчивающійся гласнымъ слогъ можетъ нѣсколько превосходить его (срв. кáр*тами*). Если мы теперь возьмемъ такія слова, въ которыхъ ударенію предшествуютъ или слѣдуютъ за нимъ не два, а три слога, то третій слогъ передъ удареніемъ будетъ нѣсколько сильнѣе втораго (напр. колоколá), между тѣмъ какъ въ послѣударенной части слова оба внутренніе останутся слабѣйшими (напр. фóку*сники*). Необходимо замѣтить, что ослабленія въ неударяемыхъ слогахъ, происходящія въ тѣхъ или иныхъ положеніяхъ относительно ударенія, касаются не однихъ гласныхъ звуковъ, но также и согласныхъ тѣхъ же слоговъ, хотя въ общемъ ослабленіе согласныхъ въ разныхъ неударяемыхъ слогахъ не сопровождается особенно замѣтными качественными различіями. Нужно еще отмѣтить, что усиленіе ударяемаго слога влечетъ за собою ослабленіе неударяемыхъ слоговъ того же слова (очень наглядный примѣръ этого представляютъ разные случаи громкихъ выкрикиваній въ родѣ возгласа „извощикъ!", въ которомъ неударяемые слоги на столько стушевываются, что нерѣдко слышится только одинъ ударенный слогъ). При этомъ ослабленіе неударяемыхъ гласныхъ выражается не только въ уменьшеніи силы, но также и длительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пониженіемъ тона. Но различія гласныхъ звуковъ въ ударяемыхъ и разныхъ неударяемыхъ слогахъ слова не ограничиваются силою, высотою и длительностью, а представляютъ еще и качественныя особенности, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ.

Неударяемые гласные въ общепринятомъ правописаніи обозначаются тѣми же самыми начертаніями, какъ соотвѣтствующіе имъ ударенные, и такое ихъ обозначеніе объясняется тѣмъ, что правописаніе наше восходитъ ко временамъ, когда еще не произошло замѣтныхъ видоизмѣненій въ неударяемомъ вокализмѣ. Этимъ свойствомъ правописанія мы и воспользуемся при изученіи неударяемаго вокализма, а именно — мы будемъ разсматривать оттѣнки неударяемыхъ гласныхъ, беря за основаніе ороографическое обозначеніе. Такимъ образомъ, мы послѣдовательно разсмотримъ видоизмѣненія неударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ въ современномъ правописаніи начертаніями *А* (*Я*), *О*, *Е*, *Ѣ*; что касается неударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ посредствомъ *Ы*, *И*, *У*, то эти гласные, произносясь только при узкомъ раскрытіи рта, не представляютъ того разнообразія оттѣнковъ, какое имѣется при первыхъ вслѣдствіе ихъ способности къ измѣненію ширины раствора рта. Въ своихъ видоизмѣненіяхъ неударяемые гласные слѣдуютъ извѣстнымъ законамъ, состоящимъ въ томъ, что та или другая разновидность неударяемаго гласнаго свойственна лишь опредѣленнымъ положеніямъ въ словѣ. Слѣдя за такими видоизмѣненіями неударяемыхъ гласныхъ, можно установить въ словахъ живой литературной русской рѣчи слѣдующія четыре главныхъ положенія, изъ которыхъ два имѣютъ мѣсто передъ удареніемъ, а другія два послѣ ударенія: 1) положеніе гласнаго въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному (CV | ') [1], 2) положеніе во второмъ

[1] Въ приводимыхъ здѣсь формулахъ C=Consonans (т. е. согласный звукъ), V=Vocalis (т. е. гласный звукъ), вертикальная черта обозначаетъ дѣленіе на слоги, черточка (-) обозначаетъ слогъ, остающійся внѣ разсмотрѣнія, а знакъ ' служитъ для обозначенія ударенного слога въ словѣ.

слогѣ передъ удареніемъ (CV | - | '), 3) положеніе послѣ ударенія внутри слова (' | CVC) и 4) положеніе неудареннаго гласнаго въ концѣ слова (' | CV); при этомъ—какъ мы указывали—только въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ гласный произносится довольно сильно, въ прочихъ же неударяемыхъ положеніяхъ—болѣе или менѣе слабо. [1])

А (Я).

Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, гласный *а* сохраняется, отражаясь какъ довольно сильное и не очень краткое *а*, напр. *са*ды́, *ка*жу́, чу*да*ка́, *за*бо́р и т. п. Послѣ шипящихъ и мягкихъ согласныхъ въ произношеніи многихъ въ разсматриваемомъ положеніи вмѣсто *а* слышится звукъ близкій къ *э*, напр. п'æто́к (*пя*токъ), чæсы́ (*ча*сы), шел'і́т' (*ша*лить) и т. п. При этомъ замѣтимъ, что шипящіе *ш* и *ж*, теперь твердые, нѣкогда произносились мягко, чѣмъ и объясняется то, что послѣ нихъ неударяемый гласный представляетъ такое же измѣненіе, какъ послѣ мягкихъ согласныхъ (впрочемъ, экскурсія гласнаго послѣ твердыхъ шипящихъ неодинакова съ экскурсіей того же гласнаго послѣ мягкихъ согласныхъ, такъ какъ съ отвердѣніемъ шипящихъ *ш* и *ж* экскурсія слѣдующаго гласнаго изъ мягкой перешла въ твердую).

[1]) Изслѣдуя оттѣнки неударяемыхъ гласныхъ въ живой литературной рѣчи, нужно считаться съ возможностью *книжнаго вліянія на произношеніе*, происходящаго отъ привычки, выносимой изъ школы, произносить слова согласно съ правописаніемъ и не согласно съ естественнымъ выговоромъ. Въ школахъ, чтобы облегчить учащемуся изученіе правописанія, нерѣдко произносятъ слова такъ, какъ они написаны, вслѣдствіе чего у учащихся можетъ образовываться искусственное произношеніе. Это искусственное произношеніе можетъ существовать у индивидуума рядомъ съ обычнымъ; такъ, разговаривая обычнымъ (естественнымъ) произношеніемъ, онъ иногда будетъ выговаривать вопреки обычному произношенію, согласно съ орѳографическимъ обозначеніемъ. Книжное вліяніе на произношеніе представляетъ разнообразіе, у однихъ лицъ сказываясь сильнѣе, а у другихъ—слабѣе.

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ послѣ твердыхъ согласныхъ произносится гласный *ъ* (близкій къ слабому краткому ы), напр. зъд'æржа́т' (*за*держать), а послѣ мягкихъ согласныхъ—*ь* (гласный, близкій къ слабому краткому і), напр. р'ьда̊во́ј (*ря*довой). [1]) Послѣ твердыхъ шипящихъ (*ш* и *ж*) слышится *ъ*, напр. шъра̊во́ј (*ша*ровой), а послѣ мягкаго шипящаго (*ч*) слышится *ь*, напр. чьста̊ко́л (*ча*стоколъ).

Послѣ ударенія внутри слова гласный отражается такъ же, какъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, т. е. въ видѣ *ъ* послѣ твердыхъ согласныхъ, напр. ма̊лі́твъм'ї (молит*ва*ми), лы́жъм (лыж*а*мъ), и въ видѣ *ь* послѣ согласныхъ мягкихъ, напр. пр'і́н'ьл (прин*я*лъ), ту́чьм (туч*а*мъ). Во второмъ спряженіи въ 3 л. мн. ч. настоящаго времени, въ случаѣ неударяемости окончаній, вм. *-атъ* и *-ятъ* обыкновенно слышится *-утъ* и *-ютъ* (напр. въ формахъ слыш*атъ*, пуст*ятъ*), но это— не фонетическое измѣненіе, а подстановка другого окончанія по аналогіи къ первому спряженію.

Послѣ ударенія въ концѣ слова разсматриваемый гласный сохраняется, отражаясь въ видѣ довольно слабаго *а*, который послѣ мягкихъ согласныхъ склоняется нѣсколько къ оттѣнку *ä*; примѣры: ры́б*а*, сло́в*а* (Род. ед.); уче́нь*я* (Род. ед.), зна́*я*, вя́д*я*. Въ И. В. мн. именъ средняго рода, въ случаѣ неударяемости окончанія, въ живой рѣчи обыкновенно слышится на концѣ *-ы* или *-и* вм. *-а* или *-я*, напр. въ формахъ—пи́сьм*а*, ру́жь*я*;

[1]) Сродство твердыхъ согласныхъ съ гласнымъ *ы* и мягкихъ съ *і* подтверждается наблюденіями при первоначальномъ обученіи чтенію по звуковому способу: повторяя произнесенный учителемъ твердый согласный звукъ въ отдѣльности, ученики нерѣдко выговариваютъ его въ сопровожденіи гласнаго *ы*, напр. *ны* вм. *н* и т. д., подобно тому какъ при мягкомъ согласномъ является у нихъ нерѣдко призвукъ *і*. Такимъ образомъ, указываемое измѣненіе въ *ъ* и *ь* является результатомъ аккоммодаціи неударяемаго гласнаго къ предшествующему согласному, т. е. произошло въ направленіи удобства произношенія.

но это по аналогіи къ соотвѣтствующимъ падежнымъ формамъ другихъ родовъ.

О.

Отраженія или рефлексы гласнаго *о* въ слогахъ неударяемыхъ (какъ передъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія) совпадаютъ съ рефлексами гласнаго *а* въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ въ соотвѣтствующихъ слогахъ (впрочемъ съ нѣкоторою особенностью для слога непосредственно предшествующаго ударенному).

Въ слогѣ первомъ *передъ удареніемъ* орѳографическому *о* соотвѣтствуетъ въ общерусскомъ произношеніи *а* (если говоръ вполнѣ акающій) и а̊ (если говоръ умѣренно-акающій), напр. са̊л'і́т' (*со*лить), ва̊з'і́т' (*во*зить), са̊ва́т' (*со*вать) и т. п.

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ слышится ъ: гъла̊ва́ (голова), търга̊ва́т' (торговать) и т. п., также и *послѣ ударенія* внутри слова: спо́ръф (споровъ), хо́лъдӑ (холода), до́бръвӑ (добраго) [1])... Въ этихъ неударяемыхъ положеніяхъ смѣшивается произношеніе не только орѳографическихъ *О* и *А* (напр. въ словахъ „*ка́пать*" и „*ла́поть*" одинаково въ неударяемомъ слогѣ слышится ъ), но еще и *Ы* (срв. вы́бы*ть*).

Въ неударяемомъ концѣ слова слышится ӑ: ма́лӑ (ма*ло*), д'ѣ́лӑ (дѣ*ло*), сло́вӑ (сло*во*)... Мы видимъ, что окончаніе И. ед. въ существительныхъ средняго рода въ случаѣ неударенности совпадаетъ въ произношеніи съ окончаніемъ женскаго рода, срв. сла́вӑ (сла*ва*).

Е.

Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, орѳографическое *е* произносится какъ открытое или широкое *е* (æ) передъ твердыми согласными и какъ закрытое или узкое *е* (ɛ) передъ мягкими, напр. чæво́ (чего), н'æсу́ (несу) ‖ н'ɛд'е́л'ӑ (недѣля), п'ɛча́л' (печаль). Не трудно замѣтить, что въ данномъ неударяемомъ положеніи произношеніе орѳографическаго *е* совпадаетъ съ произношеніемъ орѳографическаго *А* (*Я*), когда послѣднее выговаривается какъ *е* послѣ шипящихъ и мягкихъ согласныхъ въ томъ же неударяемомъ положеніи (срв. чæсы́, п'ɛт'і́).

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, а также послѣ ударенія внутри слова, обычнымъ отраженіемъ орѳографическаго *Е* служитъ слабый гласный, близкій къ *і* и обозначаемый нами черезъ ь, напр. н'ьс'æпа́ (несепа), вы́н'ьсў (вынесу); послѣ же твердыхъ шипящихъ (*ж, ш*) видимъ ъ, напр. жъс'т'ано́ј (жестяной). Такимъ образомъ, въ данныхъ положеніяхъ произношеніе орѳографич. *Е* совпадаетъ съ произношеніемъ *А* (*Я*) въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ и шипящихъ (срв. п'ьтачо́к, чьста̊ко́л, шъра̊во́ј). Кромѣ того сходнымъ образомъ звучитъ въ тѣхъ же неударяемыхъ положеніяхъ и гласный *И*, такъ что напр. слова̀ „буд*е*тъ" и „буд*и*тъ" слышатся одинаково въ видѣ—бу́д'ьт.

Въ концѣ слова *е* сохраняется въ видѣ открытаго *е*, произносимаго кратко и слабо, напр. по́л'æ̆ (пол*е*) и т. п. Если же въ произношеніи многихъ можно слышать по́л'ӑ и т. п., то остается неяснымъ, имѣется ли въ послѣднемъ случаѣ чисто фонетическое измѣненіе, или же вліяніе аналогіи со стороны соотвѣтствующаго твердаго склоненія, напр. д'ѣ́лӑ (дѣ*ло*).

Ѣ

Орѳографическое *Ѣ* отражается въ неударяемыхъ положеніяхъ одинаково съ орѳ. *Е*, напр. цæна́ (цѣна), цɛн'і́т' (цѣнить); д'ъла̊во́ј (дѣловой), цъла̊ва́т' (цѣловать); вы́б'ъл'ът'

---

[1]) Въ этомъ примѣрѣ имѣемъ случай, гдѣ орѳографія не указываетъ на основной звукъ, такъ какъ тутъ имѣется церковно-славянское написаніе окончанія (-аго); въ русскомъ же языкѣ—нѣсколько другое окончаніе, какъ можно видѣть изъ случаевъ, когда оно сопровождается удареніемъ, какъ напр., с'л'æпо́в̆ (слѣпаго), откуда заключаемъ, что въ основаніи разсматриваемаго неударяемаго гласнаго лежитъ гласный *о*.

(выбѣлить), вы́цъд'іт' (выпѣдить); ры́б'ӗ (рыбѣ). Нужно замѣтить только о положеніи въ концѣ слова, что тутъ подстановки по аналогіи въ области окончанія *Ѣ* могутъ быть иныя, чѣмъ у *Е*.

Разсмотрѣвъ неударяемые гласные въ различныхъ положеніяхъ, мы должны теперь коснуться еще нѣкоторыхъ особенностей, наблюдаемыхъ въ слабыхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Эти особенности сводятся къ случаямъ *приглушенія* и *исчезновенія* слабыхъ гласныхъ и рѣже—*зарожденія* новыхъ слабыхъ гласныхъ, а также къ возникновенію *слогообразующихъ согласныхъ*, при чемъ всѣ эти явленія, какъ увидимъ дальше, тѣсно связаны между собою.

1) Приглушеніе гласныхъ зависитъ отъ того, что иногда въ томъ или другомъ слабомъ неударенномъ положеніи гласный становится на-столько слабымъ, что, находясь между глухими согласными, можетъ въ разговорной рѣчи утрачивать и свою звучность, становясь шепотнымъ или же глухимъ; срв. въ конечномъ закрытомъ неударенномъ слогѣ—шæспа́тц̑ът' (шестнадцать), ту́тхът' (тутъ-хоть), во второмъ слогѣ передъ удареніемъ—къс'т'æно́ј (костяной), пъта̑му́ (потому) и даже изрѣдка въ конечномъ открытомъ слогѣ, напр. д'ѐр'отц̑ӑ (дерется), вгос'т'ъ (въ-гости). На этихъ же примѣрахъ мы можемъ наблюдать, на-сколько можетъ стушевываться при ослабленіи неударенныхъ слоговъ граница между гласными (рто-раскрывателями) и согласными (рто-смыкателями), такъ какъ тѣ и другіе въ этихъ случаяхъ произносятся уже почти при одинаково-индифферентномъ раскрытіи рта.

2) Исчезновеніе слабыхъ неударяемыхъ гласныхъ наблюдается главнымъ образомъ во внутреннихъ открытыхъ послѣударенныхъ слогахъ, когда слѣдующій слогъ начинается плавнымъ или придувнымъ согласнымъ; при этомъ условіи слабые гласные не только доходятъ до своего minimum'а, но иногда даже совсѣмъ пропадаютъ, такъ что раздѣлявшіеся ими согласные оказываются теперь въ непосредственномъ сосѣдствѣ

другъ съ другомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ уменьшеніе числа слоговъ въ словѣ и перемѣщеніе слоговой границы. Примѣры: јіс | пъ | дъ | вьл' (исподоволь)→јіс | пъд | вьл'; жа́ | въ | ръ | нък (жаворонокъ)→жа́в | ръ | нък; [1]) на́ | въ | лъч | кӑ (наволочка)→на́в | лъч | кӑ; здрасст'ъ (здравствуйте).

Примѣчаніе. Обратный процессъ, т. е. зарожденіе новыхъ слабыхъ гласныхъ между двумя согласными наблюдается гораздо рѣже и носитъ преимущественно индивидуальный характеръ. Это явленіе обычно встрѣчается во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и зависитъ отъ того, что нѣкоторыя лица недостаточно тѣсно сливаютъ соприкасающіеся согласные, благодаря чему между послѣдними слышится минимальный гласный, т. е. ъ или ь, напр. гър'ечу́шнъј, съмъро́д'ьнй, къвар'т'ірі и т. п.

3) Ослабленіе неударяемыхъ гласныхъ во внутреннихъ послѣударенныхъ слогахъ слѣдуетъ нѣсколько другому пути, когда данный слогъ начинается плавнымъ или носовымъ согласнымъ, а слабый неударяемый гласный, слѣдуя за плавнымъ или носовымъ согласнымъ, сопровождается или тѣмъ же согласнымъ, или же согласнымъ близко родственнымъ по артикуляціи съ первымъ согласнымъ. Въ этомъ случаѣ гласный уже не произносится, а предшествующій согласный, соотвѣтственно удлиняясь, принимаетъ на себя функцію цѣлаго слога или—какъ иначе выражаются—становится слогообразующимъ, напримѣръ с'т'æпа́н̑нӑ (Степановна), хо́л̑дӑ (холода), т'а́н̑т (тянетъ). Однако если согласный, слѣдующій за редуцированнымъ гласнымъ, не достаточно близокъ по своей артикуляціи къ плавному или носовому, то такого явленія можетъ не произойти и между согласными будетъ слышаться минимальный гласный, срв. жо́лъбӑ, т'а́ньш. Слогообразующими могутъ становиться и другіе согласные, но лишь въ томъ случаѣ, когда слабый гласный сопровождается тѣмъ же самымъ согласнымъ, напр. по́в̑вӑ (поваго), вы́с̑сълӑ (высосала), јǽт̑тӑ (это-то). Такіе же случаи могутъ встрѣчаться въ слабомъ слогѣ также и предъ удареніемъ, напр. х̑ха̑та́л.

---

[1]) Въ стихахъ и басняхъ можно встрѣтить и написаніе «жавронокъ».

Результаты нашего разсмотрѣнія неударяемаго вокализма можно резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

Ударяемые гласные и ихъ ороографическое обозначеніе.	Неударяемыя положенія гласныхъ и примѣры.			
	CV ¦ '	CV | - | '	' | CV	' | CVC
á *А* (*Я*)	а (э) сады́ (*са*ды) р'абój и р'æбój (р*я*бой) шал'іт' и шɛл'іт' (ш*а*лить)	ъ, ь стър'ікý (ст*а*рику) п'ътачóк (п*я*тачекъ)	ъ, ь плáкът' (пл*а*кать) с'ḗјът' (сѣ*я*ть)	ъ̆ лáпъ̆ (лап*а*) вóл'ъ̆ (вол*я*)
ó (*О*)	å (а) вåда́ (вода)	ъ бърåнá (борона)	ъ р'áдъм (ря*до*мъ)	ъ̆ с'л'æпъ̆ (слѣп*о*)
'ó или é (*Е*)	æ, є м'æтý (м*е*ту) м'ет'óш (м*е*тешь) шɛс'т'і (ш*е*сти)	ь, ъ м'ьт'æнá (м*е*тена) жъс'т'анój (ж*е*стяной)	ь, ъ пóл'ьм (пол*е*мъ) лóжъм (лож*е*мъ)	æ̆ (ъ̆) пóл'æ̆ (пол*е*) лóжæ̆ (лож*е*)
ǽ или é (*Ѣ*)	æ, є с'æкý (с*ѣ*ку) с'єк'і (с*ѣ*ки)	ъ, ь б'ьгунá (б*ѣ*гуна) цълӓвáт' (ц*ѣ*ловать)	ь, ъ в'íд'ьл (вид*ѣ*лъ) вы́цъд'ьт' (выц*ѣ*дить)	æ̆ лáп'æ̆ (лап*ѣ*) пт'іцæ̆ (птиц*ѣ*)

Разсматривая всѣ гласные, какіе встрѣчаются въ каждомъ положеніи относительно ударенія (т. е. читая предложенную таблицу сверху внизъ), мы легко замѣтимъ, что самое

большое разнообразіе гласныхъ наблюдается въ слогѣ ударенномъ, гдѣ могутъ встрѣчаться всѣ основные гласные, т. е. *а, о, æ, є, у, ы, і*; нѣсколько меньшее разнообразіе представляетъ слогъ, непосредственно предшествующій ударенному, гдѣ встрѣчаются всѣ гласные за исключеніемъ *о*, вмѣсто котораго произносится å или *а*; затѣмъ слѣдуетъ положеніе неударяемыхъ гласныхъ въ концѣ слова, гдѣ также встрѣчаются всѣ гласные кромѣ *о*, но за то они въ этомъ положеніи выговариваются слабо и при индифферентномъ растворѣ рта, такъ что различія ихъ выступаютъ съ малою рельефностью; самое же малое разнообразіе гласныхъ видимъ въ слогѣ второмъ передъ удареніемъ и послѣ ударенія внутри слова, это —слоги индифферентныхъ гласныхъ ъ и ь, въ которыхъ смѣшиваются (конвергируютъ) весьма разнообразные основные гласные. [1])

Если мы будемъ теперь слѣдить за отраженіями каждаго ороографическаго гласнаго въ разныхъ неударяемыхъ положеніяхъ (т. е. читать приведенную таблицу слѣва на-право), то можемъ легко подобрать примѣры на „чередованія“ ударяемыхъ гласныхъ съ гласными неударяемыми (въ родственныхъ словахъ), напр.:

А (*Я*): с*á*т (садъ) || с*а*ды́ || съдåвój || вы́сэд'іт';
р'*á*т (рядъ) || р'*а*ды́ или р'æды́ || р'ъдåвój || пóд-р'ът (пóдъ-рядъ);

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что смѣшеніе неударяемыхъ ороографическихъ гласныхъ въ послѣударяемыхъ положеніяхъ имѣетъ значеніе и примѣненіе въ стихотворныхъ риѳмахъ.

Знакомство съ особенностями неударяемаго вокализма важно для школьнаго учителя, чтобы онъ могъ сознательнѣе относиться къ ученическимъ ошибкамъ при письмѣ. Естественно, что тамъ, гдѣ произношеніе согласно съ общеупотребительнымъ правописаніемъ, и учащійся напишетъ правильно; отступленія будутъ тамъ, гдѣ произношеніе и правописаніе расходятся, ср. напр. малограмотныя ученическія написанія «за*и*цъ», «намасл*и*ницѣ», «клан*и*ца», «суставч*и*тыхъ», «послуш*ы*ла».

О: го́т (годъ) || гâда́ || гъдâво́ј || по́лгъдӑ;
Е: н'о́с (песъ) и н'є́с'т' (несть вм. нести) || н'æсу́ и н'єс'і́ ||
н'ъс'æна́ || вы́н'ьсу;
Ѣ: б'ǽлъј (бѣлый) и б'є́л' (бѣль) || б'æло́ и б'єл'і́т' ||
б'ъл'ізна́ || вы́б'ъл'ьт.

Теперь мы разъяснимъ соотношеніе между неударяемыми положеніями и отдѣльными морфологическими частями. Такъ какъ въ словахъ морфологическія части слѣдуютъ одна за другою въ опредѣленномъ порядкѣ (Преф. + Корень + Суф. + Окон.), то каждая изъ нихъ имѣетъ свою область или районъ неударяемыхъ положеній (объ ударяемомъ положеніи мы не будемъ особо говорить, лишь отмѣтимъ, что каждая морфологическая часть можетъ быть въ этомъ положеніи).

а) *Корень* въ словахъ способенъ имѣть наибольшее разнообразіе неударяемыхъ положеній, какъ это можно видѣть изъ только что приведенныхъ примѣровъ чередованій, которые всѣ относятся къ корню; только одно неударяемое положеніе не свойственно корню, а именно—гласный корня не можетъ оканчивать собою слово, такъ какъ всякое слово замыкается окончаніемъ.

б) *Суффиксъ*, слѣдуя за корнемъ и предшествуя окончанію, можетъ находиться въ тѣхъ же неударяемыхъ положеніяхъ, какъ и корень, кромѣ одного положенія, а именно—онъ не встрѣчается во второмъ слогѣ передъ удареніемъ. Примѣры: звâна́р' (звонарь) || звънар'а́ (суффиксъ въ первомъ слогѣ передъ удареніемъ), па́хър', па́хър'а (гласный суффикса находится послѣ ударенія внутри слова).

в) Что касается крайнихъ морфемъ въ словѣ (т. е. префикса и окончанія), то неударяемый *префиксъ*, начиная слово, можетъ занимать только положеніе передъ удареніемъ, напр. преф. *за*: зада́мъ (префиксъ въ первомъ слогѣ передъ удареніемъ) || задана́ (префиксъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ); отступленіе составляетъ тотъ рѣдкій случай, когда

слово начинается двумя префиксами и удареніе приходится на первомъ изъ нихъ, вслѣдствіе чего второй префиксъ будетъ находиться уже за удареніемъ внутри слова, напр. вы́пръвåд'ьт' (выпроводить).

г) Въ противоположность префиксу, неударяемое *окончаніе*, какъ послѣдняя морфологическая часть слова, необходимо находится въ послѣударенномъ отдѣлѣ слова, напр. въ словахъ: палк*а*, палк*ами*.

Разъясненное соотношеніе между разными неударяемыми положеніями и отдѣльными морфологическими частями словъ [1]) можно резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

	О С Н О В А			Оконч.
	Преф.	Кор.	Суф.	
' | CV				па́лк*а*
' | CVC		по́л*года*	сто́л*ик*ъ	па́лк*амъ*
V̇	з*а́*далъ	*го́да*	гол*и́к*ъ	рук*а́*
CV | '	*за*да́мъ	*года́*	гол*ика́*	
CV | - | '	*за*дана́	*годо*во́й		

[1]) Это соотношеніе не будетъ одно и то же при разныхъ системахъ ударенія; такъ, въ литерат. франц. языкѣ, гдѣ удареніе всегда падаетъ на послѣдній слогъ въ словѣ, окончанія естественно не могутъ быть неударенными; напротивъ того, въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ удареніе корневое, суффиксы и окончанія всегда занимаютъ послѣударное положеніе; изъ славянскихъ языковъ чешскій имѣетъ удареніе на начальномъ слогѣ, а потому также не имѣетъ ударяемыхъ суффиксовъ и окончаній; въ польскомъ языкѣ, гдѣ удареніе падаетъ всегда на предпослѣдній слогъ окончанія сопровождаются удареніемъ только въ томъ случаѣ, когда они двусложны, но за то уже необходимымъ образомъ.

Намъ осталось еще разсмотрѣть неударяемые гласные со стороны ихъ сравнительной употребительности въ рѣчи, для чего мы воспользуемся статистическими данными, чтобы сдѣлать изъ нихъ нѣкоторые выводы.

1) Мы уже знаемъ (см. стр. 39), что процентное отношеніе ударяемыхъ гласныхъ къ неударяемымъ=17,3 : 23,1. Разсматривая затѣмъ со стороны силы неударяемые гласные, мы получаемъ для довольно сильныхъ (т. е. находящихся въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію) цифру 12,3%, а для слабыхъ (т. е. въ остальныхъ неударенныхъ положеніяхъ)—10,8%.

2) „Довольно сильные“ неударяемые гласные располагаются въ слѣдующей градаціи, начиная отъ средне-широкихъ, какъ болѣе употребительныхъ: *ǎ*=3,7%, *э* (*æ* и *є*)=3,4%, *а*=2,3%; затѣмъ слѣдуютъ гласные узкаго раскрытія рта—*і*, *у* и *ы*. Какъ мы видимъ, первое мѣсто занимаетъ гласный *ǎ* и третье—*а*; но очевидно, что въ тѣхъ общерусскихъ говорахъ, въ которыхъ гласный *ǎ* уже измѣнился въ *а*, вмѣстѣ съ тѣмъ и первое по частотѣ мѣсто перейдетъ къ этому послѣднему гласному (6%); съ другой стороны, въ говорахъ, гдѣ *э* въ данномъ неударяемомъ положеніи измѣнилось въ гласный болѣе или менѣе близкій къ *і*, тѣмъ самымъ увеличилась за счетъ *э* употребительность гласнаго *і* (а послѣ твердыхъ шипящихъ—гласнаго *ы*).

3) Что касается „слабыхъ“ неударяемыхъ гласныхъ, то между ними первое по употребительности мѣсто занимаетъ *ъ* (4,3%) и затѣмъ *ь* (2,3%).

Чтобы показать отраженіе неударяемыхъ гласныхъ въ связной рѣчи, далѣе приводится небольшой текстъ (басня „Двѣ бочки“) въ научно-фонетической транскрипціи, при чемъ слова слитно произносимыя и написаны какъ одно слово: [1])

[1]) Много текстовъ въ научно-фонетической транскрипціи (по московскому произношенію) въ шведскомъ руководствѣ русскаго языка, соч. проф. Упсальскаго унив. Лунделя: Lärobok i ryska språket av J. A. *Lundell*. Stokholm (1911).

д̦’в’æбо́чк’ъ

д’в’æ бо́чк’і jæхъл’ъ å̆дна́ с’в’іно́м друга́jǎ пуста́jǎ во̀тп’ǽрвъjǎ с’єб’ǽ б’æшшу́мў шашко́мпл’ет’о́тцǎ друга́jа фска́чн’єс’о́тпǎ å̆тв’є́j пъмъстå̆во́j jістўкå̆т’н’а́ jігро́м jіпы́л стå̆лбо́м прå̆хо́жъjкстърå̂н’æ скå̂р’є́j å̆тстра́ху жм’о́тцǎ jєjо́заслы́шъфшъ jіздъл’æка́ по̀ ка́к та бо́чка н’ігрå̂мка́ апо́л’за вв’є́j н’æта́к какф’п’ǽрвъj в’ъл’іка́

II. **Измѣненіе ороогр.** *е* **въ** *ё*. Переходя отъ неударяемыхъ гласныхъ къ ударяемымъ, мы прежде всего замѣтимъ, что послѣдніе въ общерусской рѣчи почти не измѣняются, всегда соотвѣтствуя своему ороографическому обозначенію, за исключеніемъ ударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ въ правописаніи черезъ *Е*, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ. Эта буква въ ороографіи въ положеніи передъ твердыми согласными, а также въ концѣ обозначаетъ гласный звукъ *ó*, которому всегда предшествуетъ мягкій согласный (за исключеніемъ отвердѣвшихъ согласныхъ *ш*, *ж* и *ц*), а въ положеніи передъ мягкими согласными произносится какъ узкое или закрытое *е*; напр.: пекъ=п’о́к, елка=jо́лка, мытье=мыт’jо́; [1]) п’е́п’=*пень*, jе́л’=*ель*. Гласный *о* въ такихъ случаяхъ, какъ п’о́къ (пекъ), м’о́л (мелъ), не можетъ считаться первичнымъ и

[1]) Привычка къ ороографическому обозначенію такого *ó* посредствомъ буквы *е* (или *ё*) можетъ помѣшать иному слышать въ такихъ случаяхъ гласный *ó*, вмѣсто котораго ему будетъ казаться какой-то особый гласный а между тѣмъ при начальномъ обученіи грамотѣ, т. е. когда у учащихся еще не укрѣпилась привычка къ буквѣ, послѣдніе, если имъ произнести подобныя слова и спросить, какой гласный въ нихъ слышится, всегда называютъ *о*. Малограмотныя лица въ этихъ случаяхъ иногда и пишутъ *о*, ничѣмъ не отмѣчая мягкость предшествующаго согласнаго или же согласный j, напр.: пьотъ (т. е. «пьетъ»), недастъ (*о*=jo), объомъ (=объ ёмъ, т. е. «объ немъ»). Такого рода написанія попадаются изрѣдка и въ древне-русскихъ памятникахъ, напр. рубловъ и т. п.

произошелъ изъ *е*, что подтверждаютъ: 1) правописаніе, 2) родственныя слова, въ которыхъ произносится *е* (печь, мести) и 3) физіологическая особенность такого *о*, заключающаяся въ томъ, что ему предшествуетъ мягкій согласный, тогда какъ самъ по себѣ гласный *о* не можетъ смягчить предшествующаго согласнаго, ибо въ образованіе гласнаго *о* не приходитъ приближеніе *средней* части языка къ небу; это заставляетъ предположить, что *о* въ этомъ случаѣ не исконное, а развилось изъ палатальнаго, смягчающаго гласнаго, именно —*е*, начертаніе котораго и видимъ въ ороографіи.

Такія чередованія, какъ jе̂л' (ель) || jо̂лкă (елка) и т. п., съ наглядностью показываютъ, что здѣсь измѣненіе 'е→'о произошло подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго въ соединеніи съ ударенностью. [1]) Но въ такомъ случаѣ остается не разъясненнымъ, какъ получилось к о н е ч н о е *о́* вмѣсто конечнаго *е́*, т. е. когда не было на лицо столь существеннаго для даннаго измѣненія фактора, какъ твердость слѣдующаго согласнаго. Какъ увидимъ, есть нѣкоторыя данныя, намекающія на участіе *аналогіи* въ возникновеніи этого явленія. Такъ, въ разговорномъ языкѣ мы встрѣчаемъ двоякое произношеніе частицы уже́ || ужо́ (послѣднее съ измѣненнымъ значеніемъ): можно думать, что въ первомъ случаѣ (уже́) частица удержала первоначальное произношеніе, а во второмъ случаѣ (ужо́) видоизмѣнилась по аналогіи къ нарѣчіямъ на -о́ (напр. срв. давно); [2]) другое подтвержденіе даютъ нѣкоторые народные говоры Новгородской губерніи, въ которой мѣстами—по словамъ Даля—наблюдается произношеніе *кольце́*, *хороше́*; въ

---

[1]) Въ окающихъ народныхъ говорахъ данное явленіе наблюдается также въ *достаточно сильныхъ неударяемыхъ положеніяхъ* передъ твердыми согласными, напр. н'осу́ || н'ёс'і и т. п.

[2]) Въ народномъ языкѣ форма «ужо́» встрѣчается и въ первомъ значеніи; срв. въ бѣлор.: «ну, цяперь *ужо* идзи зы мяне!» (Романовъ, Бѣлор. Сбор. IV 87—с. Уакое, Велиж. у., Витеб. губ.).

этой особенности можно видѣть отраженіе старины, удержавшейся благодаря тому, что не произошло распространеніе по аналогіи окончанія -*о́*. Впрочемъ, кромѣ аналогіи можно допустить участіе *фонетическаго* фактора въ случаѣ, когда къ слову примыкало энклитическое (безударное) словечко, начинавшееся твердымъ согласнымъ, какъ напр. частицы *бы* или *-бъ*, *-ко* или *тко*, а при существительныхъ членъ *-то*, и такимъ образомъ гласный изъ положенія въ концѣ слова переходилъ въ положеніе внутри слова при слѣдующемъ твердомъ согласномъ. Въ этомъ положеніи уже онъ могъ измѣняться въ *'о́*, а затѣмъ этотъ гласный *по аналогіи* сталъ употребляться въ тѣхъ же формахъ и независимо отъ указаннаго спеціальнаго условія. На возможность такого объясненія указываетъ то, что членъ уже издавна въ русскомъ языкѣ примыкаетъ энклитически къ существительному, въ пользу чего приведемъ доказательство въ другомъ мѣстѣ книги (стр. 93, сноска).

Окончивъ изложеніе вопроса о появленіи конечнаго *'о́* вмѣсто *'е́*, мы обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ особенностей и частностей измѣненія *'е́* въ *'о́* передъ согласнымъ в н у т р и слова. Эти особенности и частности сводятся къ разъясненію слѣдующихъ случаевъ: а) ударяемое ороограф. *Е* не имѣетъ ожидаемаго произношенія *'о́*, хотя далѣе слѣдуетъ твердый согласный, и б) произносится какъ *'о́* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ.

а)

1) Произношеніе орѳ. *Е* какъ *'е́*, а не какъ *'о́* имѣетъ мѣсто передъ твердымъ согласнымъ *ц* (напр. ăт'е̂ц=отецъ, ăв'е̂ц=овецъ и т. п.). Эту кажущуюся странность не трудно понять, если обратимъ вниманіе на то, что въ русскомъ языкѣ *ц* прежде было мягкимъ, да и теперь еще сохраняется такимъ въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ. Необходимо принять, что *процессъ измѣненія 'е́→'о́ совершился въ то время*,

когда ц произносилось во всѣхъ русскихъ говорахъ мягко, а потому *'é* въ положеніи передъ *ц* не могло быть захвачено этимъ измѣненіемъ; хотя послѣ этого *ц* и отвердѣло, но уже процессъ измѣненія 'é → 'ó миновалъ, такъ что отвердѣніе *ц* могло теперь вызвать только измѣненіе рекурсіи предшествующаго гласнаго изъ мягкой въ твердую, благодаря чему *е* получило передъ *ц* открытое или широкое произношеніе. [1]) Подобнымъ же образомъ объясняется произношеніе 'ǽ (=орѳ. *Е*) передъ нѣкоторыми группами согласныхъ, гдѣ первый согласный былъ сначала мягкимъ и сравнительно поздно отвердѣлъ, какъ напр. въ словахъ з'ǽмскъј (земскій), п'ǽрвъј (первый), в'ǽрбă (верба) и т. п.; въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ еще и теперь согласный, слѣдующій за *е* въ этихъ словахъ, произносится мягко.

2) Орѳографич. ударяемое *Е* произносится какъ 'ǽ передъ твердыми согласными въ *предлогахъ* и *префиксахъ*, напр. б'ǽзгъдў (безъ году), б'ǽстълъч (безтолочь), п'ǽбъл (не былъ), н'ǽнъв'ъс'т' (ненависть). Здѣсь могла влiять аналогія тѣхъ случаевъ, гдѣ за предлогомъ или префиксомъ слѣдовалъ мягкій согласный (напр. *невидаль*) и слѣдовательно не могло развиваться *'о*, а также отчасти можно предполагать сравнительно позднее передвиженіе ударенія па предлогъ или префиксъ, т. е. въ то время, когда въ языкѣ уже миновала эпоха измѣненія *'é* въ *'ó*.

3) Теперь мы укажемъ особую группу словъ, гдѣ орѳографическое ударяемое *Е* передъ твердымъ согласнымъ также имѣетъ произношеніе 'ǽ напр.: п'ǽрст (перстъ), кр'ǽст (крестъ), в'ǽтхъј (ветхій), ч'уд'ǽс (чудесъ), суд'ǽп (судебъ). Особенность произношенія этихъ словъ объясняется тѣмъ, что они заимствованы въ русскій языкъ изъ *церковно-славянскаго*, въ которомъ—какъ извѣстно—буква *е* никогда не вы-

[1]) Едва ли не единственный случай гласнаго 'ó передъ *ц* имѣется въ словѣ кл'óцка (клепка), но это слово не природное русское, а заимствованное изъ нѣмецкаго Kloss, откуда уменьшительное Klöschen.

говаривается какъ *ё*, а только какъ *е*. Въ самыхъ словахъ мы можемъ открыть нѣкоторые признаки церковно-славянскаго вліянія. Это прежде всего—оттѣнокъ значенія церковный или книжный (срв. выраженія—„ветхій завѣтъ“, „перстъ Божій“, „книга судебъ“ и т. п.), а затѣмъ—рядомъ съ этими словами обычно имѣются и природныя русскія съ гласнымъ 'ó и съ обыденнымъ значеніемъ, напр. нап'óрстък (наперстокъ), кр'óснъј (крестный), в'óтъш (ветошь) || в'ǽтъш.

4) Въ словахъ *иностранныхъ* тоже ударяемое орѳограф. *Е* передъ твердыми согласными имѣетъ произношеніе 'ǽ, напр. плап'ǽта (планета), къвал'ǽр (кавалеръ) и мн. др. Въ этомъ случаѣ заимствованныя слова произносятся съ тѣмъ ударяемымъ гласнымъ, какой имѣется въ иностранномъ языкѣ. Произношеніе *е* какъ ё въ такихъ словахъ, какъ *гувернеръ*, *актеръ* и т. д., не является исключеніемъ отсюда, такъ какъ это—слова французскаго происхожденія, а во французскомъ въ нихъ произносится гласный ö, изображаемый въ орѳографіи начертаніемъ *eu*.

5) Наконецъ, мы должны указать еще рядъ словъ, гдѣ ударяемое орѳ. *Е* не произносится какъ 'ó передъ твердыми согласными потому, что это начертаніе ошибочно утвердилось въ орѳографіи вмѣсто *Ѣ*, которому не свойственно произношеніе 'ó, напр. блескъ, вредъ, запретъ, мелкій, треба, членъ, брегъ и т. п. (сюда же относится неударяемое *е* въ словѣ „песокъ“); въ старо-славянскихъ памятникахъ соотвѣтствующія слова дѣйствительно пишутся черезъ ѣ, напр. блѣскъ, врѣдъ, пѣсъкъ и т. п. (срв. стр. 46).

Примѣчаніе. Въ новомъ церковно-славянскомъ языкѣ приведенныя слова пишутся уже черезъ є, т. е. одинаково съ русскимъ правописаніемъ, напр: блє́скъ, врє́дъ, запретити, трє́бѹ, брє́гъ, пєсо́къ и т. д. Подобное совпаденіе орѳографіи ново-церковно-славянской съ русскою объясняется продолжительностью взаимодѣйствія и естественно приводитъ къ тому педагогическому выводу, что въ средней школѣ долженъ изучаться именно современный церковно-славянскій языкъ, а не старо-славянскій, изученіе

котораго должно быть отнесено къ спеціальному высшему образованію, хотя элементарное знакомство съ нимъ можетъ быть даваемо въ старшихъ классахъ средней школы. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что читавшіе въ дѣтствѣ церковныя книги обычно вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ навыкъ и въ русской ороографіи съ ея особенностями (напр. ихъ не затрудняетъ правописаніе буквъ *ѣ* и *е*, которое принято считать самымъ труднымъ пунктомъ нашей ороографіи); образованіе такихъ навыковъ можетъ происходить двумя путями—посредствомъ зрительныхъ воспріятій и посредствомъ воспріятій слуховыхъ: первое напр. относится къ буквамъ *ѣ* и *е*, а второе (благодаря тому обстоятельству, что церковно-славянскія книги требуется читать буква въ букву) должно напр. препятствовать смѣшенію начертаній *о* и *а*, *е* и *и* и т. п. при обозначеніи ими неударяемыхъ гласныхъ. Не даромъ Ломоносовъ, излагая въ Россійской грамматикѣ правила правописанія, замѣтилъ: «для избѣжанія сихъ погрѣшностей не можно предписать другихъ правилъ, кромѣ прилѣжнаго ученія Россійской грамматѣ, и ч т е н і я к н и г ъ ц е р ь к о в н ы х ъ, безъ чего и во всемъ Россійскомъ словѣ никто твердъ и силенъ быть не можетъ» (§ 116, см. также § 117).

б)

Теперь мы перейдемъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ ударяемое ороо. *Е* имѣетъ произношеніе *'ó* не смотря на то, что слѣдующій согласный мягокъ. Всѣ эти случаи объясняются *аналогіей*. Такъ, напр. отъ слова „береза“ въ Д. Пр. ед. ожидалось бы произношеніе б'ер'éз'ǽ (березѣ), такъ какъ тутъ за ударенным *е* слѣдуетъ мягкій согласный (з') и стало быть *'é* не должно было измѣниться въ *'ó*, однакожъ приведенная форма выговаривается съ гласнымъ *'ó*. Эта странность объясняется слѣдующимъ образомъ. Всматриваясь въ склоненіе слова „береза“, не трудно замѣтить, что во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ лишь приведенныхъ, согласный *з* остается твердымъ, а потому передъ нимъ и ударяемый гласный *'е* измѣнился въ *'о*, а затѣмъ по *аналогіи* и въ Д. и Пр. ед. явилось тоже *'о*, т. е. б'ер'óз'ǽ вм. б'ер'éз'ǽ.

Другой случай произношенія *'ó* вм. *'é* мы имѣемъ въ окончаніи Тв. ед. именъ ж. р. на *-я*, напр. з'емл'óјў (землею), по аналогіи къ окончанію того же падежа въ твердомъ склоненіи (напр. женою). Въ области спряженія аналогіей объ-

ясняется произношеніе *'ó* передъ *те* во 2 мн., напр. н'ес'óт'ǽ (несете) ↑ къ н'ес'óм (несемъ), н'ес'óт (несетъ).

Нужно еще указать на появленіе гласнаго *'ó* вм. é передъ мягкими согласными въ словахъ производныхъ, по аналогіи къ производящимъ, напр. въ *существ.*—кул'óчьк (кулечекъ) ↑ кул'óк (кулекъ), рубл'óв'ьк (рублевикъ) ↑ къ рубл'óвъј (рублевый); въ *прилагат.*—зелёненькій ↑ къ зелёный, весёленькій ↑ къ весёлый.

Намъ осталось теперь упомянуть, что и ударяемое ороографич. *Ѣ*, обычно звучащее въ положеніи передъ твердыми согласными и также въ концѣ словъ какъ ǽ, т. е. какъ широкое или открытое э, а въ положеніи передъ мягкими согласными какъ узкое или закрытое э (напр. пѣлъ=п'ǽл, *ѣл*= =јǽл, рук*ѣ*=рук'ǽ; пѣли=п'éл'и, *ѣли*=јéл'і), въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ произносится какъ *ó*, при чемъ почти всѣ они объясняются аналогіей. Такъ, аналогіей объясняется произношеніе з'в'óзды̆ (множ. отъ „звѣзда“):

с'л'ǽзá (слеза) : с'л'óзы̆ (слезы)=з'в'ǽздá (звѣзда) : *x*
x=з'в'óзды̆.

Аналогіей же объясняется произношеніе *'ó* на мѣстѣ *ѣ* въ словахъ: гнѣзда (↑ къ рёбра), надѣванъ (↑ къ воёванъ), прош. вр. пріобрѣлъ (↑ къ мёлъ), област. бѣгъ (↑ къ тёкъ). Произношеніе же цв'óл (цвѣлъ) и с'óдлă (сѣдла) объясняется иначе, а именно тѣмъ, что въ этихъ словахъ начертаніе *Ѣ* утвердилось въ ороографіи ошибочно вм. *Е*, какъ это видно изъ написаній тѣхъ же словъ въ старо-славянской письменности: цвьлъ, седьло; [1]) въ русскомъ языкѣ въ этихъ словахъ

---

[1]) Сербскій языкъ, отличающій рефлексы по отношенію къ ѥ и ѣ, указываетъ для второго слова на *е*: с е д л о (это *е* проходитъ по всѣмъ нарѣчіямъ сербскаго языка, чего не было бы, если бы оно соотвѣтствовало ст.-сл. ѣ); также и польскій языкъ говоритъ въ пользу основного *е*, а не

стало писаться *Ѣ* по аналогіи къ написаніямъ „**цвѣтъ**“ и „**сѣсть**“, такъ что здѣсь имѣется графическая аналогія, т. е. аналогія въ области письма. Вообще же ороограф. *Ѣ*, въ отличіе отъ ороогр. *Е*, не измѣнялось фонетически въ *'о*, откуда получается тотъ хронологическій выводъ, что *процессъ измѣненія 'е въ 'о начался въ то время, когда звуки ороографическихъ Е и Ѣ различались въ произношеніи.*

Скажемъ въ заключеніе, что выясненіе особенностей произношенія ударяемыхъ ороогр. *Е* и *Ѣ* весьма важно не только для фонетики, но также и для пониманія русской ороографіи; поэтому мы и сочли нужнымъ остановиться съ большими подробностями на данномъ вопросѣ. [1])

III. **Бѣглые гласные.** Нѣкоторые гласные русскаго языка имѣютъ свойство въ извѣстныхъ положеніяхъ исчезать. Такіе гласные называются бѣглыми въ отличіе отъ постоянныхъ. Постоянными гласными могутъ быть всѣ ороографическіе гласные, бѣглыми же только ороографическіе *Е* и *О* въ опредѣленныхъ словахъ. Заслуживаетъ вниманія, что постоянные ороографическіе *О* и *Е* въ старо-славянской письменности обозначаются начертаніями о и е, напр. пророкъ—пророку || ст.-сл. **пророкъ—пророкоу**, *вечеръ—вечеру* || ст.-сл. **вечеръ—вечероу**; что же касается бѣглыхъ гласныхъ, то въ старо-славянской письмен-

ѣ : siodło (въ случаѣ основного ѣ было бы siadło). Замѣтимъ, что написаніе разсматриваемаго слова съ ѣ утверждается уже въ древне-русскомъ, встрѣчаясь напр. въ лѣтописномъ разсказѣ о Святославѣ: «сѣдло въ головахъ».

[1]) Я не раздѣляю того мнѣнія, что буква ѣ, какъ излишняя, должна быть исключена изъ русской ороографіи; въ отвѣтъ же на замѣчаніе, что будто изученіе употребленія этой буквы сильно затрудняетъ учащихся, я долженъ указать на особый пріемъ обученія правописанію буквы ѣ въ корняхъ словъ, который я съ успѣхомъ примѣнялъ въ Казанской Татарской Учительской Школѣ и который изложенъ въ моихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3], стр. 144—146.

ности вмѣсто нихъ видимъ начертанія ъ и ь, напр. сонъ—сну || ст.-сл. **сънъ—съноу**, день—дни || ст.-сл. **дьнь—дьни**, *ленъ*—льну || **льнъ—льноу**.

Какъ можно догадываться изъ приведенныхъ старо-славянскихъ начертаній, явленіе бѣглыхъ гласныхъ русскаго языка объясняется тѣмъ, что нѣкогда вмѣсто нихъ произносились узкіе краткіе гласные—ў на мѣстѣ бѣглаго *о* и ĭ на мѣстѣ бѣглаго *е* [1]), затѣмъ при однихъ условіяхъ усилившіеся въ соотвѣтствующіе болѣе широкіе гласные, а при другихъ условіяхъ ослабѣвшіе до исчезновенія. Расширеніе краткихъ гласныхъ ъ (ў) и ь (ĭ) происходило въ томъ случаѣ, когда слѣдующій слогъ, которымъ оканчивалось слово, содержалъ тоже краткій ъ (ў) или ь (ĭ), срв. сонъ=ст.-сл. **сънъ**, день=ст.-сл. **дьнь**, *ленъ*=**льнъ**; исчезновеніе же данныхъ краткихъ гласныхъ видимъ въ концѣ слова, а внутри слова въ томъ случаѣ, когда слѣдующій слогъ содержалъ полный гласный (т. е. не ъ или ь), напр. сну, дни, льну. [2]) Надо впрочемъ замѣтить, что въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при полномъ гласномъ въ слѣдующемъ слогѣ, краткіе ъ (ў) и ь (ĭ) иногда оказываются расширившимися, если имъ предшествовала или слѣдовала за ними группа *согласныхъ*, срв. хитреца (ст.-сл. **хытрьца**), блоха (**блъха**), со (**съ**) мною и т. п. Нужно замѣтить при этомъ о неодинаковомъ вліяніи разныхъ согласныхъ группъ; такъ въ группахъ съ плавнымъ оказывается разница въ зависимости отъ того, предшествуетъ плавному или же слѣдуетъ за нимъ согласный не-плавный, напр. *съ* **крѣпкими** || *со* **лбомъ**;

[1]) Это доказывается сравненіемъ съ родственными языками, напр. сонъ = греч. ὕπνος, день = скт. dinam, ленъ = лат. linum.

[2]) Исчезновеніе ь (ĭ) представляетъ ту особенность по сравненію съ исчезновеніемъ ъ (ў), что послѣ исчезновенія перваго предшествовавшій ему согласный оказывается смягченнымъ, срв. д'ѣн', л'ну. Изъ этого слѣдуетъ, что *эпоха смягченія согласныхъ древнѣе эпохи бѣглыхъ гласныхъ.*

аналогичное различіе наблюдается также при группѣ *св* || *ос*, напр. *съ* свѣтлой улыбкой || совсѣмъ. [1])

Кромѣ случаевъ фонетическаго происхожденія, бѣглые гласные могутъ получаться по *аналогіи*, и притомъ неодинаковымъ путемъ:

1) Къ первой категоріи относимъ случаи, гдѣ бѣглый гласный появился между двумя согласными, искони соприкасавшимися между собою, напр. въ словахъ огонь, вѣтеръ и т. д. Приведенныя слова должны были бы звучать „огнь“ и „вѣтръ“, какъ указываютъ на это соотвѣтствующія старославянскія слова огнь и вѣтръ, которыя не имѣютъ внутри краткихъ гласныхъ ъ и ь. [2]) Очевидно, что сходство этихъ словъ въ косвенныхъ падежахъ со словами, имѣющими бѣглые гласные (вѣтру : отцу, огню : локтю), вызвало въ нихъ по аналогіи къ послѣднимъ гласные *о* или *е* въ Им. ед. Что касается выбора бѣглаго гласнаго (*е* или же *о*), являющагося по аналогіи, то таковой выборъ опредѣляется *фонетическимъ* моментомъ, а именно: послѣ задне-язычныхъ согласныхъ—*о*, послѣ же согласныхъ другихъ разрядовъ—*е*; срв. еще о к *о* н ъ (Р. мн. отъ „окно“, окно), с т е к *о* л ъ (Р. мн. отъ „стекло“, стькло), р е б *е* р ъ (Р. мн. отъ „ребро“, рєбро), т е п *е* л ъ (теплъ), ч и с *е* л ъ (Р. мн. отъ „число“, число), в ё с *е* л ъ (Р. мн. отъ „весло“, весло), з е м *е* л ь (Р. мн. отъ „земля“, земля), з а м ы с *е* л ъ || з а м ы с л ъ и др. Если на таксе вторичное *е* приходится удареніе при слѣдующемъ твердомъ согласномъ, то будетъ произноситься 'o, напр. о с т *ё* р ъ (остръ), х и т *ё* р ъ (хытръ).

[1]) Примѣры взяты изъ «Отрочества» гр. Л. Н. Толстаго, гл. XXI. Что касается вліянія группы согласныхъ *св*, то встрѣчаемъ нѣкоторыя различія и непостоянство, срв. напр. у Тургенева: *съ* своимъ Валеткой || стадо дикихъ утокъ *со* свистомъ промчалось надъ нами («Ермолай и Мельничиха»). Въ этомъ случаѣ можетъ вліять ритмическое удареніе фразы, присутствіе или же отсутствіе при существительномъ опредѣленія и др. Примѣръ разнаго вліянія группъ согласныхъ изъ стараго языка: *с* молчаніемъ и *со* вниманіемъ и *с* кротокостояніемъ (Домострой, гл. 12); могутъ быть и несогласія съ новымъ языкомъ, срв. относительно группы *кн*: при современномъ «*съ* княземъ» читаемъ въ Лавр. лѣт. (подъ 945 г.)—«*со* княземъ» (замѣтимъ, что Лавр. списокъ по сравненію съ Ипатскимъ изобилуетъ случаями *о* на мѣстѣ *ъ* при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ).

[2]) Если же тѣмъ не менѣе и въ русскомъ языкѣ, особенно въ поэзіи, встрѣчаемъ эти слова также въ видѣ «огнь» и «вѣтръ», то послѣднія слѣдуетъ отнести на счетъ церковно-славянскаго вліянія.

2) Сюда относятся тѣ случаи, гдѣ бѣглый гласный явился вмѣсто ожидаемаго нуля между двумя согласными, нѣкогда раздѣленными слабыми *ъ* или *ь*; причина появленія такого бѣглаго гласнаго здѣсь лежитъ опять-таки въ аналогіи, но уже не къ другимъ словамъ, но къ другимъ формамъ того же или родственнаго слова. Этимъ путемъ объясняется возникновеніе такихъ параллельныхъ формъ, какъ—*с о* ж е ч ь, *с о* ж и г а т ь при обычныхъ—*с*жечь, *с*жигать. Въ самомъ дѣлѣ, если обратимъ вниманіе на спряженіе глагола „сжечь“, то замѣтимъ, что нашъ префиксъ встрѣчается въ обоихъ видахъ—*со* и *с* (срв. *с*жегъ || *со*жгу). По аналогіи къ такимъ формамъ, какъ *со*жгу, *со*жжешь и пр., и образовались—*со*жечь, *со*жигать. Подобнымъ образомъ *с о* б и р а т ь при *с*бирать возникло подъ вліяніемъ такихъ образованій, какъ—*со*брать. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ и случаи, въ которыхъ утвердился по аналогіи постоянный гласный (*о* или *е*) вм. бѣглаго, напр. в з д *о* х а [1]) Р. ед.—по аналогіи къ „в з д *о* х ъ“ (срв. польск. d*e*ch „дыханіе“ И. ед. || t‸chu Р. ед.), ч *е* с т и Р. ед.—по аналогіи къ „честь“ (чьсть; срв. польск. cz*e*ść || cz‸ci).

3) Здѣсь можно указать такіе случаи бѣглыхъ гласныхъ, которые возникли вмѣсто постоянныхъ по аналогіи къ другимъ словамъ съ фонетическими бѣглыми гласными; такъ, напр., слово „урокъ“, имѣя постоянный гласный *о*, сохраня-

[1]) Ожидаемая форма *возд‸ха представляла бы различіе съ И. ед. (вздохъ) и въ корнѣ, и въ префиксѣ, а потому отсутствуетъ.

етъ этотъ гласный во всѣхъ падежахъ; однако въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ (напр. въ Каз. губ.) это слово, послѣдовавъ аналогіи такихъ словъ съ фонетическимъ бѣглымъ гласнымъ, какъ „курокъ“ (Р. ед. курка) и т. п., стало склоняться подобно послѣднимъ, т. е. уже съ бѣглымъ гласнымъ, напр. Р. ед. у р к á и т. д. Къ случаямъ перехода, путемъ аналогіи, постояннаго гласнаго *е* въ категорію бѣглаго относятся: камень—камня || ст.-сл. камы—камене, корень—корня || ст.-сл. корa—корене; встрѣчающееся въ Арх. губ. произношеніе *камеия*, *кореня*, подобно соотвѣтствующимъ словамъ въ млр. и блр., представляетъ сохраненіе первичнаго *е* и доказываетъ, что формы съ бѣглымъ *е* въ этихъ словахъ явились подъ вліяніемъ аналогіи уже по діалектическомъ распаденіи основно-русскаго языка.

Исчезновеніе слабыхъ ъ (ŭ) и ь (ĭ) имѣло своимъ послѣдствіемъ рядъ фонетическихъ перемѣнъ въ русскомъ языкѣ и прежде всего *уменьшеніе въ словахъ числа слоговъ и измѣненіе ихъ типа*. Число слоговъ соотвѣтственно убавлялось на одинъ слогъ, такъ что слова въ родѣ льнъ, дьнь, пьса изъ двусложныхъ превратились въ односложныя. При этомъ исчезновеніе конечныхъ *ъ* и *ь* сопровождалось превращеніемъ прежнихъ открытыхъ слоговъ въ закрытые, исчезновеніе тѣхъ же гласныхъ внутри слова приводило въ соприкосновеніе согласные, раньше раздѣленные этими гласными. Въ дальнѣйшемъ исчезновеніе конечныхъ *ъ* и *ь* сопровождается переходомъ звонкихъ согласныхъ, теперь оказавшихся конечными, въ глухіе; съ исчезновеніемъ тѣхъ же гласныхъ внутри слова соприкасающіеся теперь согласные могли подвергаться процессу ассимиляціи, напр. овца (овьца) произносится уже офца, т. е. вмѣсто звонкаго согласнаго *в* передъ слѣдующемъ глухимъ произносится соотвѣтствующій глухой (*ф*).

Обратимъ еще вниманіе на то, что бѣглое *е*, подобно постоянному, при извѣстныхъ условіяхъ также измѣнилось въ *'о*,

напр. л'он (орѳ. *ленъ*=ст.-сл. льнъ). Не трудно видѣть, что для того, чтобы *'е*, происшедшее изъ первоначальнаго ь (=ĭ), могло измѣниться въ *'о*, нужно, чтобы къ этому времени этотъ первоначальный гласный ь (=ĭ) расширился при извѣстныхъ условіяхъ въ *е* и совпалъ съ постояннымъ *е*. Отсюда слѣдуетъ, что *процессъ развитія бѣглыхъ гласныхъ предшествовалъ измѣненію 'е→'о*.[1] Въ эпоху *Остромирова Евангелія* (полов. XI вѣка) въ русскомъ языкѣ явленіе бѣглыхъ гласныхъ уже болѣе или менѣе сложилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ отчасти, совершилось и измѣненіе *'е→'о*.

IV. **Полногласіе.** Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію звукового явленія, называемаго въ русской грамматикѣ полно-

---

[1]) На это различіе по степени древности того и другого процесса указываетъ также то обстоятельство, что малорусское нарѣчіе, при согласіи съ великорусскимъ относительно бѣглыхъ гласныхъ, представляетъ нѣкоторыя отличія относительно измѣненія 'е→'о (именно—процессъ этотъ неодинаково комбинируется съ предъидущимъ въ томъ и другомъ нарѣчіи), заставляющія предполагать, что послѣдній процессъ развивался особо въ той и другой вѣтви. Что касается процесса постепеннаго образованія бѣглыхъ гласныхъ, то онъ настолько древенъ, что *началомъ своимъ* можетъ восходить въ о б щ е-с л а в я н с к у ю э п о х у. Объ этомъ можно заключить изъ существованія бѣглыхъ гласныхъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ, хотя *выработка самаго явленія происходила въ этихъ языкахъ особо*; на это указываетъ то обстоятельство, что въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ бѣглые гласные представляютъ нѣкоторыя различія по качеству звука. Замѣтимъ еще, что возникновеніе бѣглыхъ гласныхъ въ членной формѣ сущ. муж. р., напр. домотъ (изъ *домъ-тъ), служитъ доказательствомъ ранняго присоединенія члена къ существительнымъ: послѣдній могъ тѣсно примыкать къ существительнымъ еще въ ту древнюю пору, когда общеслав. ъ и ь только начинали преобразовываться въ бѣглые гласные. Кромѣ того, имѣемъ случаи бѣглаго *е* при присоединеніи мѣстоименной формы *-сь* въ частицахъ: стар. днесь (изъ *дьнь-сь) и соврем. простонар. почéсь (какъ бы изъ *ночь-сь, хотя мѣстоимѣніе **сь* имѣетъ въ В. ед. ж. р. форму *сю*, при литер *сію*; въ этомъ случаѣ могла дѣйствовать аналогія, срв. напр. прибавку *-сь* въ словахъ ср. р.—утрось, лѣтось; возможно, впрочемъ, видѣть въ данной прибавкѣ не падежную форму, а просто частичку, прибавлявшуюся для указанія ближайшаго времени и мѣста).

гласіемъ, которое—какъ увидимъ—имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, нежели бѣглые гласные, и заключается въ томъ, что въ извѣстныхъ звуковыхъ сочетаніяхъ, первоначально состоявшихъ изъ гласнаго съ плавнымъ согласнымъ и находившихся въ положеніи между согласными, развивался послѣ плавнаго новый гласный, одинаковый съ гласнымъ, предшествовавшимъ плавному. Это явленіе, наблюдаемое во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ русскомъ языкѣ, началомъ своимъ восходитъ въ общеславянскую эпоху, откуда первоначальное звуковое сочетаніе развивается въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ двоякимъ образомъ: въ русскомъ языкѣ развивается полногласіе, въ другихъ же славянскихъ языкахъ происходитъ перестановка звуковъ съ удлиненіемъ гласнаго или безъ удлиненія его. Такъ, напр., общеслав. *bordā развилось въ русское б о р о д а и ст.-сл. брада, гдѣ а послѣ р произошло изъ удлиненнаго *о* (срв. далѣе рус. б е р е г ъ и ст.-сл. брѣгъ, рус. г о л о в а и ст.-сл. глава, рус. м о л о к о и ст.-слав. млѣко). [1])

Въ русскомъ языкѣ рядомъ съ полногласными формами нерѣдко встрѣчаются похожія на старо-славянскія, напр. *середа || среда, голова || глава, волость || власть* и т. п., при чемъ параллельныя формы естественно объяснить вліяніемъ церковно-славянскаго языка. [2]) Въ этомъ убѣждаетъ не одинъ

[1]) Въ польскомъ языкѣ перестановка въ разсматриваемыхъ словахъ не соединяется съ удлиненіемъ гласнаго, напр., broda, głowa. При нѣкоторыхъ условіяхъ и русскій языкъ представляетъ формы, подобныя польскимъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначальное сочетаніе Vl. стояло въ началѣ слова; здѣсь въ русскомъ языкѣ не оказывается ожидаемыхъ полногласныхъ формъ съ *оро* и т. п., но только съ *ро* и пр., напр *ровный*, польск. równy (К. **orv-*), *локоть*, пол. łokieć (К. **olk-*).

[2]) Нужно замѣтить, что въ словахъ церковно-славянскаго происхожденія съ *ре*, напр. средa, вредъ и т. д., пишется *е*, какъ и въ новомъ церковно-славянскомъ, тогда какъ въ старо-славянскомъ писалось ѣ. Замѣна этого послѣдняго начертанія посредствомъ *е* можетъ быть объяснена аналогіей къ написаніямъ черезъ *е* соотвѣтствующихъ русскихъ полногласныхъ формъ (т. е. середа, вередъ и т. д.).

внѣшній видъ этихъ формъ, но и значеніе: полногласныя формы имѣютъ значеніе болѣе обыденное или болѣе конкретное, формы же, вошедшія въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго,—болѣе абстрактное или книжное и даже прямо церковное. [1]) Нѣкоторыя церковно-славянскія формы получили исключительное господство въ русскомъ литературномъ языкѣ, напр. врагъ вм. полногласной формы ворогъ, сладкій вм. солодкій, владѣть вм. володѣть и т. д., хотя еще въ XIV в. встрѣчаемъ въ письменности *ворога* и нѣк. др. слова, сохраняющіяся въ народныхъ говорахъ и доселѣ. Стихотворная поэзія XVIII в. оказала особенно радушный пріемъ формамъ неполногласнымъ или церковно-славянскимъ, но въ слѣдующемъ вѣкѣ со времени Пушкина стали свободнѣе употребляться формы полногласныя или чисто русскія.

До сихъ поръ передъ нами были тѣ случаи полногласія или перестановки, гдѣ въ основной (первоначальной) группѣ плавному предшествовали гласные *е* или *о*; теперь мы должны обратиться къ тѣмъ основнымъ группамъ, гдѣ плавному предшествовали ъ (ŭ) или ь (ĭ). Такъ какъ отраженія послѣднихъ группъ представляютъ нѣкоторую особенность по сравненію съ раньше разсмотрѣнными, то эта категорія отличается особымъ наименованіемъ „*второго* полногласія“, въ отличіе отъ „перваго“, разсмотрѣннаго выше. Эта особенность заключается въ томъ, что вновь развившіеся въ русскомъ языкѣ послѣ плавнаго слабые *ъ* или *ь* затѣмъ исчезли, вызвавъ расширеніе первичныхъ *ъ* и *ь*, стоявшихъ передъ плавнымъ, въ *о* и *е* (т. е. какъ это мы видѣли при бѣглыхъ гласныхъ),

[1]) Конечно, дифференціація (различеніе) по оттѣнку значенія словъ природныхъ и церковно-славянскихъ установилась въ литературномъ языкѣ не сразу, но послѣ ряда колебаній и смѣшеній; въ древнихъ русскихъ памятникахъ можно еще встрѣтить случаи смѣшаннаго (не-дифференцированнаго) употребленія ихъ; напр., въ Лавр. лѣтописи подъ 1037 г. читаемъ: «заложи Ярославъ *городъ* великыи. у негоже *града* суть *златая врата* ....и посемь церковь на *золотыхъ воротьхъ*».

такъ что въ этомъ случаѣ полногласіе какъ бы утеривалось; въ старо-славянскомъ языкѣ случаямъ второго полногласія соотвѣтствуютъ „перестановочныя“ написанія, но безъ удлиненія гласнаго. Такъ, напр., общеслав. *рьгъ отражается въ древне-русской письменности (XI—XII в.) въ видѣ пъръвъ, современ. первый (ст.-слав. прьвъ). На этомъ примѣрѣ мы видимъ, что *сначала въ русскомъ языкѣ развилось полногласіе, а затѣмъ уже явленіе бѣглыхъ гласныхъ.* Съ появленіемъ послѣднихъ стали возможны новообразованія въ нѣкоторыхъ словахъ со вторымъ полногласіемъ по аналогіи къ словамъ съ первичными бѣглыми гласными; такъ возникло народное „стол*о́*бъ“ (вм. столбъ) || столбá по аналогіи къ лобъ || лба, или „вер*ё*хъ“ (т. е. верхъ—Новгор. губ.) || верхá по аналогіи къ такимъ словамъ, какъ хорёкъ || хорька. Этимъ путемъ данныя слова стали напоминать внѣшнимъ образомъ слова съ первымъ полногласіемъ. Нужно прибавить, что нѣкоторыя изъ подобныхъ новообразованій, какъ напр. „вер*ё*вка“ (изъ върьвъка), народ. „смер*ё*тушка“ (изъ съмьрьт-), получились инымъ способомъ, а именно: изъ двухъ *ь* или *ъ*, окружавшихъ плавный, въ различныхъ фонетическихъ условіяхъ расширялся то первый, то второй и, наконецъ, путемъ контаминаціи получились слова съ обоими расширившимися гласными.

Разсматривая явленія полногласія и перестановки, не трудно замѣтить, что, благодаря имъ, первоначальные закрытые слоги, замыкавшіеся плавнымъ, превратились въ открытые (*bor | dā→рус. боро | да, ст.-сл. бра | да, пол. bro | da; *pъr | vъ→др.-рус. пъръ | въ, ст.-сл. прь | въ). [1])

[1]) Такое же стремленіе къ превращенію закрытыхъ слоговъ въ открытые имѣло мѣсто при носовыхъ согласныхъ и нѣкоторыхъ чистыхъ (неносовыхъ). При этомъ носовые согласные, постепенно ослабляясь, перешли въ носовой призвукъ предшествующаго гласнаго; напр. *pen | tĭ→*pē | tь (ст.-сл. пѧть), *pon | tĭ→*pō | tь (ст.-сл. пѫть), а затѣмъ въ большей части

Далѣе, нужно еще замѣтить, что полногласіе въ словахъ бываетъ или *постояннымъ*, или же *перемѣннымъ* (т. е. чередующимся съ неполногласными образованіями). Постояннымъ оно бываетъ въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ согласный, первоначально слѣдовавшій за плавнымъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ принадлежалъ корню, напр. въ случаѣ перваго полногласія срв. „боро*д*-а“ (К. *bord-), въ случаѣ второго полногласія срв. „вер*т*-ѣть“ или др.-рус. върът-ѣти (К. *vьrt-). Перемѣннымъ оно является въ тѣхъ словахъ, гдѣ корень кончался плавнымъ согласнымъ, а суффиксы, присоединявшіеся къ корню, начинались частію съ согласнаго звука, частію же съ гласнаго. Если за такимъ корнемъ слѣдовалъ суффиксъ, начинавшійся съ согласнаго, то развивалось полногласіе, напр. отъ К. *sol*-, когда далѣе слѣдовалъ суффиксальный согласный (*н*), русскій языкъ развилъ полногласное образованіе солонъ (ст.-сл. сланъ), когда же къ корню *sol*- присоединялся суффиксальный гласный (ь=ĭ), то плавный согласный уже переставалъ замыкать слогъ, такъ какъ въ слоговомъ отношеніи произносился вмѣстѣ съ слѣдующимъ гласнымъ (т. е. so | lь), а потому и не было повода къ развитію полногласія (ст.-сл. соль, рус. соль). Въ примѣръ перемѣннаго второго полногласія можемъ взять корень **мьr*-; если за нимъ слѣдовалъ согласный (*t*), то развилось полногласіе (срв. др.-рус. съмърть, соврем. см*е*рть), если же слѣдовалъ гласный, то полногласія не происходило (срв. др.-рус. мьру, соврем. м*р*у). [1])

славянскихъ языковъ утратился и носовой призвукъ (напр. рус. пять, п*у*ть). Что касается другихъ согласныхъ, то они частію сохранялись, если могли легко присоединяться къ слѣдующему слогу (напр. нести), частію измѣнялись (напр. мести изъ мет-ти), или же, наконецъ, исчезали (напр. вянуть вм. *вя*д*нуть, срв. увя*д*ать).

[1]) Замѣтимъ, что носовые гласные тоже бываютъ постоянными и перемѣнными. Постоянными они бываютъ въ томъ случаѣ, когда согласный, первоначально слѣдовавшій за носовымъ согласнымъ, вмѣстѣ съ послѣд-

Примѣчаніе. Мы указывали, что полногласіе развивалось въ положеніи передъ «согласными»; но здѣсь нужно сдѣлать одну оговорку, а именно, что согласный j не вызывалъ развитія полногласія, такъ какъ успѣлъ уже слиться съ предъидущими плавными согласными въ одинъ мягкій плавный согласный, который въ слоговомъ отношеніи произносился вмѣстѣ съ слѣдующимъ гласнымъ, напр. *борю*, гдѣ р' получилось изъ *rj.

V. Подъемъ. Подъемомъ въ фонетикѣ русскаго языка называется нѣкоторое чередованіе корневыхъ гласныхъ, встрѣчающееся при словопроизводствѣ, особенно въ глаголахъ, и соединенное съ измѣненіемъ оттѣнка значенія, напр. нести || носить || на́шивать. Терминъ „подъемъ“, иначе—„усиленіе“, теперь можемъ считаться уже устарѣвшимъ, благодаря освѣщенію даннаго вопроса съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, которая показала, что здѣсь имѣются обычныя чередованія гласныхъ безъ какого-либо особаго ихъ усиленія. Кромѣ того, она разъяснила, что эти чередованія сложились въ разныя эпохи, а потому ихъ и слѣдуетъ подраздѣлить соотвѣтственно ихъ возрасту; такъ, одни изъ нихъ восходятъ къ отдаленнымъ временамъ праязыка аріо-европейскаго, другія образовались въ эпоху славянскаго праязыка, а самый новый слой сложился на почвѣ русскаго языка. Подъемныя чередованія аріо-европейскаго происхожденія мы разсмотримъ въ

нимъ принадлежалъ корню, напр. пѧть (рус. пять), пѫть (рус. путь). Но если корень оканчивался носовымъ согласнымъ, а присоединившіеся къ корню суффиксы начинались частію съ согласнаго, частію же съ гласнаго звука, то въ первомъ случаѣ развивался носовой гласный (напр. отъ корня *čьn* происходитъ неопр. накл. ст.-слав. начѧти, рус. на*ча*ть), во второмъ же случаѣ носовой согласный въ слоговомъ отношеніи соединялся съ слѣдующимъ гласнымъ и потому сохранялся (напр. отъ того же корня происходитъ наст. вр. начьнѫ, рус. на*чн*у). Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что отмѣчаемое нерѣдко мудренымъ названіемъ явленіе «разложеніе юсовъ» есть не болѣе, какъ ученая фикція, уже отошедшая въ область преданія; въ дѣйствительности тутъ не разложеніе, но разное развитіе одного и того же первоначальнаго сочетанія въ зависимости отъ того, слѣдовалъ ли далѣе согласный, или же гласный.

слѣдующемъ параграфѣ, посвященномъ сравнительно-грамматическимъ разъясненіямъ русскаго вокализма. Что же касается такъ называемаго „славянскаго“ подъема, то онъ представляетъ чередованіе корневыхъ краткихъ гласныхъ съ соотвѣтствующими долгими въ связи съ „видовымъ“ различіемъ значенія при производствѣ глаголовъ на *-а́ть*, *-а́ю* отъ простыхъ глаголовъ; это чередованіе, уже значительно стершееся въ русскомъ языкѣ, въ большей полнотѣ является въ языкѣ старо-славянскомъ, напр. мести<вымѣтати, могѫ< помагати, чьтѫ<читати, ꙁъвати<въꙁывати; здѣсь мы видимъ чередованіе краткихъ гласныхъ съ соотвѣтствующими долгими: є || ѣ, о || а, ь || и, ъ || ы; то, что первоначально є, о, ь, ъ были краткими гласными, а ѣ, а, и, ы—долгими, доказывается въ сравнительной грамматикѣ. [1]) Въ русскомъ языкѣ удержались главнымъ образомъ два послѣднія чередованія, т. е. такія, какъ ч̬ту<поч*и*таю, з̬вать<приз*ы*вать; что же касается первыхъ двухъ, то по отношенію къ нимъ мы уже встрѣчаемъ отступленія: такъ, напр., видимъ глаголъ „пом*о*гать“ (съ гласнымъ *о*, а не *а*), а въ такихъ случаяхъ, какъ „заметать“, пишется *е*, а не *ѣ*. Но если „славянскій“ подъемъ значительно стушевался въ русскомъ языкѣ, то за то въ послѣднемъ широко развился новый „русскій“ слой подъема при производствѣ глаголовъ на *-ывать* и *-ивать* съ удареніемъ на корневомъ слогѣ, напр.: носи́ть<прина́шивать, мета́ть<перемётывать, чита́ть<переч*и́*тывать и пр. Такимъ образомъ, если „славянскій“ подъемъ основывается на отношеніи долготы и краткости гласныхъ, то „русскій“ подъемъ—на удареніи. [2])

[1]) Нужно имѣть въ виду, что нѣкоторыя аналогичныя подъемныя отношенія наблюдаются въ литовскомъ, напр. bristi «брести» || brýdoti (въ литов. y=ī) «бродить»; однако здѣсь необходимо отмѣтить разницу съ подобными образованіями русскаго языка, въ которыхъ тематическое *а*, соотвѣтствующее литовскому *о*, непремѣнно сопровождается удареніемъ.

[2]) См. еще сказанное раньше на стр. 63.

IV. Сравнительно-грамматическія разъясненія русскаго вокализма. Грамматическія явленія каждаго языка прежде всего должны быть изучены въ немъ самомъ; но такъ какъ это изученіе не всегда даетъ полное разъясненіе явленій, то приходится дополнять его сравненіемъ съ родственными языками и ихъ праязыкомъ, который возсоздается черезъ сравненіе отдѣльныхъ вѣтвей даннаго языкового семейства. Сравнительная грамматика аріо-европейскихъ языковъ этимъ путемъ уже значительно разъяснила звуковое состояніе аріо-европейскаго праязыка. Это состояніе мы и постараемся изложить въ настоящемъ параграфѣ, поскольку оно касается вокализма, о которомъ у насъ здѣсь идетъ рѣчь.

Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали простые гласные (краткіе и долгіе) и дифтонги [1]. *Краткіе* гласные аріо-европейскаго праязыка могутъ быть подраздѣлены на средне-широкіе *ĕ, *ŏ, *ă и узкіе *ĭ и *ŭ. Изъ средне-широкихъ краткихъ гласныхъ звуки *ĕ и *ŏ связаны между собою въ грамматическое чередованіе, какъ это и обнаруживается такъ или иначе во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ, напр. рус. беру || сборъ, греч. *φέρω* || *φόρος* и т. п., [2]) третій же гласный *ă стоялъ совершенно особо отъ этого чередованія и отраженіемъ его служитъ въ греч. и лат. ă, въ русскомъ—*о*, напр.: рус. соль=греч. *ἅλς*=лат. sal, или рус. борода=лат. barba и т. д. Въ чередованіи * ĕ || *ŏ очень важно обратить вни-

[1]) Дифтонгомъ называется такое сочетаніе двухъ гласныхъ—болѣе открытаго съ узкимъ (т. е. съ *i* или *u*), которое произносится слитно въ одинъ слогъ, при чемъ узкій гласный, лишенный слоговой самостоятельности, присоединяется къ болѣе широкому, напр. нѣм. H*au*s и т. п.

[2]) Въ этомъ случаѣ *ŏ развилось въ аріо-европейскомъ праязыкѣ изъ *ĕ; а такъ какъ тогда передъ палятальными гласными согласные еще не смягчались, то и передъ *ŏ, развившимся изъ *ĕ, согласный не смягченъ. Этимъ древнее *о* изъ *е* отличается отъ *о*, развившагося изъ *е* на русской почвѣ и имѣющаго передъ собою смягченный согласный; напр. въ словѣ «возъ» имѣется древнее *о*, а въ словѣ «вёзъ» (в'ос)—позднѣйшее, русское.

маніе на морфологическую сторону, т. е. на тѣ морфологическія категоріи, въ которыхъ встрѣчается тотъ и другой гласный. Мы не будемъ перебирать всѣхъ категорій, укажемъ лишь на самыя типичныя: какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, гласный *ĕ свойственъ категоріи настоящаго времени корневыхъ или непроизводныхъ глаголовъ, а гласный *ŏ является въ родственныхъ существительныхъ муж. р. (срв. еще *везу* || *возъ*, *теку* || *потокъ*, *стерегу* || *сторожъ* и др.; лат. prĕcor || prŏcus, греч. *λέγω* || *λόγος* и т. п.), [1]) а также въ глаголахъ, происходящихъ отъ этихъ существительныхъ, напр. возъ<возить, греч. *φόρος*<*φορέω* и т. п.; при этомъ замѣтимъ, что корни съ *ĕ называютъ первымъ полнымъ видомъ, а соотвѣтствующіе корни съ *ŏ—вторымъ полнымъ видомъ, чтобы отличить отъ сокращеннаго вида корней, о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. [2]) Настоящему времени корневыхъ глаголовъ совершенно не свойственъ гласный *ŏ; если же, тѣмъ не менѣе, въ корнѣ нѣкоторыхъ непроизводныхъ глаголовъ русскаго языка и другихъ славянскихъ встрѣ-

[1]) Мы ограничиваемся приведеніемъ изъ родственныхъ языковъ лишь греческихъ и латинскихъ примѣровъ, такъ какъ въ другихъ аріо-европейскихъ языкахъ чередованіе *ĕ || *ŏ успѣло уже такъ или иначе видоизмѣниться.

[2]) Въ случаяхъ чередованія въ началѣ слова je- (орѳ. *е*) || о-, напр. *елень* || *олень*, слѣдуетъ видѣть въ первомъ случаѣ отраженіе ае. *ĕ, а во второмъ—ае. *ŏ. Здѣсь надо добавить, что передъ начальнымъ *ĕ- на общеславянской почвѣ развивался j изъ экскурсіи этого гласнаго (при удареніи же и слѣдовавшимъ далѣе твердомъ согласномъ слогъ *je-* на почвѣ русскаго языка по общему правилу измѣнился въ *jo-*). Другіе примѣры: *езеро* || *озеро*; *единъ* || *одинъ*; *ежевика* (ежевая трава), млр. *јежйна* (польск. jeżyna) || вел.-рус. *ожевина*, млр. *ожина* (польск. ożyna); *ёлха* || *ольха*; и др. Подобнымъ же образомъ объясняются такія чередованія въ говорахъ русскаго языка, какъ *пепелъ* || *попелъ* (орл., кал.), *ребенокъ* || *робенокъ*, *лебеда* || *лобода* и пр. Всѣ эти чередованія по происхожденію того же рода, какъ въ литературномъ языкѣ напр. въ формахъ: *себи* || *собою* и т. п., только въ нихъ путемъ аналогіи черезъ все словоизмѣненіе проведенъ или тотъ, или же другой гласный.

чается гласный *о*, напр. *орю*, *пою* и др., то это объясняется тѣмъ, что гласный *о* этихъ глаголовъ восходитъ не къ аріо-европ. *ŏ, но къ ае. *ă, какъ это видно изъ другихъ родственныхъ языковъ, напр. *орю* ⫩ греч. *ἀρόω* ⫩ лат. *ăro*. Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовало по-видимому и исконное *ŏ (не изъ *ĕ, а потому и не чередующееся съ ĕ), напр. въ словѣ в*о*семь ⫩ греч. *ὀκτώ* ⫩ лат. *o*cto. [1])

Переходя къ *дифтонгамъ* аріо-европейскаго праязыка, сначала замѣтимъ, что въ составъ ихъ могли входить разсмотрѣнные нами средне-широкіе краткіе гласные въ качествѣ перваго компонента (составной части), вторымъ же компонентомъ служили краткіе узкіе гласные *i* и *u* (такимъ образомъ въ праязыкѣ имѣлись дифтонги—*ĕi, *ŏi, *ăi, *ĕu, *ŏu, *ău).

Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, эти древніе дифтонги не сохранились, измѣнившись

[1]) Нужно указать еще одинъ звукъ праязыка, давшій въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ гласный *о*, напр. *стоять*, срв. греч. *στατός*= лат. stătus=санскр. sthitás; эти случаи отдѣляютъ отъ праязыковаго *ă, такъ какъ въ нихъ греческому и латинскому ă соотвѣтствуетъ въ санскритѣ не ă, но *i*, и возводятъ къ праязыковому краткому слабому гласному, обозначаемому обыкновенно посредствомъ символа *ə; обычно праязыковое *ə чередовалось съ долгимъ гласнымъ (срв. греч. дорич. *ἵσταμι* ‖ *στατός*, рус. *стать* ‖ *стою*), почему и разсматривается какъ ослабленіе долгаго гласнаго. Такимъ образомъ, русско-славянское *о* можетъ быть трояко происхожденія: 1) *ŏ, 2) *ă, 3) *ə. Къ этому присоединились на почвѣ русскаго языка новые случаи *о* при развитіи перваго полногласія, напр. борода, далѣе —изъ ъ (ў), напр. *лобъ*, и, наконецъ, *'о* изъ *'е* (ст.-сл. є, ь), напр. *вёзъ*, *лёнъ*. Здѣсь мы имѣемъ примѣръ разновременной конвергенціи или совпаденія цѣлаго ряда первоначально разныхъ звуковъ въ одинаковомъ звукѣ *о*. Надо также указать случаи появленія *о* по аналогіи, напр. ог*о*нь. Въ позднѣйшую пору жизни русскаго языка гласный *о*, какого бы онъ ни былъ происхожденія, въ свою очередь развѣтвляется, какъ мы видѣли, на разные гласные, въ зависимости отъ того или другого положенія относительно ударенія (ó ‖ å ‖ ă ‖ ъ); такимъ образомъ, къ конвергенціи присоединился процессъ дивергенціи.

при однихъ условіяхъ (въ положеніи передъ гласными) въ гласный съ согласнымъ, при другихъ же условіяхъ (въ положеніи передъ согласными, а также въ концѣ словъ)—въ простые гласные. Въ первомъ случаѣ (*передъ гласными*) дифтонгъ распадался такимъ образомъ, что второй его компонентъ измѣнялся въ соотвѣтствующій согласный (ĭ→j, ŭ→v) [1]) и послѣдній въ слоговомъ отношеніи отдѣлялся къ слѣдующему гласному, напр. въ корнѣ глагола по|*j*-ў мы имѣемъ отраженіе первоначальнаго дифтонга *ăi, а въ корнѣ глагола ко|*в*-ать—отраженіе *ău; во второмъ случаѣ (*передъ согласными*) такого разъединенія компонентовъ дифтонга не происходило, но оба они измѣнились въ одинъ простой гласный (ае. *ăi→ѣ, ае. *ău→у), срв. отъ тѣхъ же корней слова: п*ѣ*-ть, к*у*-знецъ. Что касается морфологической стороны въ употребленіи дифтонговъ, то она одинакова съ средне-широкими гласными въ ихъ самостоятельномъ употребленіи. Отсюда слѣдуетъ, что дифтонговъ, содержащихъ *ŏ, т. е. *ŏi и *ŏu, мы не встрѣтимъ въ настоящемъ времени непроизводныхъ глаголовъ, а въ такихъ глаголахъ, какъ п*о*ю, нужно видѣть отраженіе первоначальнаго дифтонга *ăi (срв. греч. *παιάν* „пѣснь“), въ случаѣ же *кую* ‖ *ковать* корень въ своемъ вокализмѣ отражаетъ праязыковой дифтонгъ *ău (срв. греч. *καύσω*). Эти дифтонги, какъ и простое *ă, не знаютъ чередованій перваго и втораго полнаго вида. Кромѣ дифтонговъ *ăi и *ău, въ настоящемъ времени корневыхъ глаголовъ мы можемъ встрѣтить дифтонги *ĕi и *ĕu, напр. в*и*жу (*и* восходитъ къ *ĕi, срв. греч. *εἴδομαι*), бл*ю*дешь (*ю* восходитъ къ *ĕu, срв. греч. *πεύθομαι*, при чемъ обще-славянскій корень *beud* сначала измѣнился въ *bjud*, а затѣмъ начальное *bj* дало бл'); этимъ дифтонгамъ въ соотвѣтствующихъ глаголахъ

[1]) Въ приведенной формулѣ латинское начертаніе ŭ соотвѣтствуетъ русскому ў, лат. v=рус. в; необходимо помнить также, что начертаніемъ j обозначается согласный й.

отъименныхъ (т. е. подобныхъ глаголу „возить") отвѣчаютъ дифтонги, свойственные второму полному виду, т. е. *ŏi и *ŏu, напр. в ѣ д а т ь, гдѣ *ѣ* отражаетъ *ŏi (срв. греч. *οἶδα*), б *у* д и т ь, гдѣ *у* отражаетъ *ŏu. Такимъ образомъ, сравнительная грамматика устанавливаетъ соотвѣтствіе по корневому гласному между словами съ первымъ и вторымъ полнымъ видомъ корня, русскіе примѣры которыхъ мы и приведемъ:

Праязыковое обозначеніе гласныхъ и дифтонговъ 1-го полн. вида.	Слова съ первымъ полнымъ видомъ корня.	Праязыковое обозначеніе гласныхъ и дифтонговъ 2-го полн. вида.	Соотвѣтствующія слова со вторымъ полнымъ видомъ корня.
*ĕ	в*е*зти	*ŏ	в*о*зить
	м*е*тнуть		м*о*стъ
	м*е*лю		разм*о*лъ
	ч*е*сать		к*о*са
	щ*е*мить		оск*о*мина
*ĕr	ве*р*етено	*ŏr	во*р*отъ
*ĕn	см*я*теніе (*я*=ст.-сл. ѧ изъ *ĕn).	*ŏn	см*у*щеніе (*у*=ст.-сл. ѫ изъ *ŏn)
*ĕi	в*и*дѣть	*ŏi	в*ѣ*дать
	т*и*хій		т*ѣ*шить
	в*и*ть		в*ѣ*твь
	п*и*ть		зап*о*й (примѣръ распад. дифтон.)
	поч*и*ть		пок*о*й
*ĕu	бл*ю*сти	*ŏu	б*у*дить

Мы говорили, что если корень содержитъ *ĕ, то въ такомъ случаѣ его называютъ *первымъ* полнымъ видомъ, а если

содержитъ *ŏ, то—*вторымъ* полнымъ видомъ. Кромѣ этого можетъ быть еще *сокращенный* видъ корня, развившійся въ праязыкѣ изъ перваго полнаго вида въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ путемъ ослабленія *ĕ, напр. К. *m^{e}n*: мѧню, ст.-сл. мьнѫ (срв. греч. *μιμνήσκω*), К. *m^{e}r*: мѧру, ст.-сл. мьрѫ. Приведенныя ослабленія корней *mĕn и *mĕr имѣютъ мѣсто въ положеніи передъ гласными и j, въ положеніи же передъ согласными развивались или носовой гласный (напр. въ словѣ п а м *я* т ь=ст.-сл. памѧть, литов. atm*in*tis), или же такъ называемое второе полногласіе (напр. въ словѣ с м *е р* т ь, др.-рус. съм*ър*ть=ст.-сл. съмрьть). Такимъ образомъ, второе полногласіе съ точки зрѣнія сравнительно-грамматической представляетъ собою слабый или сокращенный видъ корня, первое же полногласіе соотвѣтствуетъ полному виду корня, при чемъ полногласіе съ *е* соотвѣтствуетъ первому полному виду корня (напр. стерегу), а полногласіе съ *о*—второму полному виду корня (напр. сторожъ), если только такое *о* не восходитъ къ ае. *ă (напр. борода); вполнѣ естественно, что послѣднее *о* уже не будетъ чередоваться съ *е*.

Въ дифтонгахъ въ сокращенномъ видѣ, съ потерею перваго компонента, остается одинъ второй, т. е. *ĭ или *ŭ (=ст.-сл. ь и ъ), напр. ч *е* с т ь (ст.-сл. чьсть), бѫдѣть (ст.-сл. бъдѣти).

Что касается первоначальныхъ *долгихъ* средне-широкихъ гласныхъ, то примѣромъ ихъ могутъ служить: 1) *ē, напр. о-д *ѣ* т ь (срв. греч. *τί-θη-μι*), 2) *ā, напр. с т *а* т ь (полный видъ корня, греч. *ἵ-στη-μι*, дорич. *ἵσταμι*) || ст*о*ю (сокращ. видъ корня, срв. греч. *στατός*); 3) *ō, напр. д *а* т ь (срв. греч. *δί-δω-μι*). Долгимъ *ī и *ū соотвѣтствуютъ въ русскомъ языкѣ первому гласному—*и* (напр. г р *и* в а), а второму—*ы* (напр. т *ы*).

Сдѣлавъ сравнительно-грамматическій очеркъ русскаго вокализма, я долженъ сказать, что въ виду сложности пред-

мета я имѣлъ возможность лишь слегка коснуться происхожденія русско-славянскихъ гласныхъ изъ аріо-европейскихъ, полное же знакомство съ этими вопросами получается изъ сравнительной грамматики, къ которой и долженъ обратиться любознательный читатель.

Примѣчаніе. Такъ какъ каждый изъ русскихъ ороографическихъ гласныхъ можетъ происходить изъ разныхъ гласныхъ аріо-европейскаго праязыка, то будетъ не лишне показать по крайней мѣрѣ главнѣйшіе ихъ звуки-источники въ аріо-европейскомъ праязыкѣ (нужно имѣть въ виду, что каждый изъ ороографическихъ гласныхъ въ живомъ произношеніи является въ варіаціяхъ, зависящихъ отъ положенія относительно ударенія и уже разсмотрѣнныхъ нами въ своемъ мѣстѣ, см. стр. 70—72):

1) *А(Я)*=ст.-сл. ѧ (ꙗ) можетъ восходить къ ае. *ă (напр. ст*а*ть, ры*ба*), *ē (напр. ч*а*сы; ае. *ē послѣ шипящихъ измѣнилось въ славянской вѣтви въ *a*); *Я (А)*=ст.-сл. ѧ можетъ восходить къ *ĕN (напр. п*я*ть, срв. литов. p*e*nki, греч. πέντε) и къ *ₑN (напр. пам*я*ть, срв. литов. atm*i*ntis).

2) *О*=ae. *ŏ (домъ), *ă (соль), *ə (стоять); см. еще списку на стр. 102.

3) *Е*=ст.-сл. є обычно восходитъ къ ае. *ĕ (напр. в*е*зу), а кромѣ того, оно можетъ быть чисто русскимъ гласнымъ въ такъ наз. первомъ полногласіи (бер*е*гу); *Е*=ст.-сл. ь можетъ восходить къ ае. *ĭ (т. е. бѣглое *е*, напр. день), къ ае. *ₑ представляющему собою ослабленіе *ĕ, напр. въ случаѣ т. наз. второго полногласія (срв. вертѣть, смерть).

4) *Ѣ*=ae. *ē (д*ѣ*лать), *ŏi (ц*ѣ*на), *ăi (л*ѣ*вый).

5) *У*=ae. *ŏu (будить), *ŏN (п*у*ть, вез*у*тъ).

6) *Ю*=ae. *ĕu (бл*ю*сти), *ŏn (кол*ю*тъ, т. е. въ мягкомъ типѣ спряженія).

7) *И*=ae. *ĕi (в*и*дѣть), *ī (гр*и*ва, скт. grīvā), а также является въ случаяхъ славянскаго подъема въ видѣ чередованія ĭ ‖ ī (льнуть ‖ прил*и*пать).

8) *Ы*=ae. *ū (напр. т*ы*, срв. лат. tū), а также въ славянскомъ подъемѣ въ видѣ чередованія ŭ ‖ ū (сѫпать ‖ зас*ы*пать).

Ознакомившись съ происхожденіемъ гласныхъ звуковъ русскаго языка изъ гласныхъ аріо-европейскаго праязыка, мы можемъ теперь съ большею основательностью представить себѣ вопросъ о *чередованіяхъ гласныхъ современнаго русскаго языка.* [1]) Эти чередованія, представляющіяся нерѣдко въ боль-

---

[1]) Общая теорія звуковыхъ чередованій нами изложена въ главѣ IV-ой стр. 61—64.

шомъ количествѣ звеньевъ, складывались въ разныя времена, начиная отъ эпохи аріо-европейскаго праязыка и кончая современнымъ моментомъ, напр.

п'æсу́ (несу) ‖ н'єс'і (неси) ‖ н'ьс'æна́ (несена) ‖ н'о́с (несъ) ||| но́с'ьт (носитъ) ‖ на̂с'іт' (носить) ‖ вы́пъс'ьт' (выносить) ||| на́шъвът' (нашивать).

Опираясь на данныя русской фонетики, уже изложенныя нами, мы легко замѣчаемъ неодинаковый возрастъ отдѣльныхъ звеньевъ приведеннаго чередованія. Ороографія, представляющая большее однообразіе по сравненію съ живымъ произношеніемъ, позволяетъ разбить всѣ звенья на три группы, которыя мы отдѣлили другъ отъ друга знакомъ |||. Звенья первой и второй группы отражаютъ древнее чередованіе аріо-европейскаго праязыка *ĕ ‖ *ŏ; что же касается третьей группы, представленной примѣромъ „нашивать“, то въ ней гласный *а*, которому въ ае. праязыкѣ отвѣчаетъ долгій гласный (*ō), какъ звено чередованія вошелъ въ данный рядъ въ эпоху славянскаго праязыка (т. наз. „славянскій“ подъемъ)—*нашати (срв. ст.-сл. пришашати), и уже на русской почвѣ получилъ удареніе въ глагольномъ образованіи на *-ывать* (т. наз. „русскій“ подъемъ). Звено н'о с (несъ) представляетъ извѣстное намъ измѣненіе *'é→'ó* въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ, совершившееся уже послѣ того, какъ согласный *н* смягчился подъ вліяніемъ средне-язычнаго гласнаго *е*. Наконецъ, разныя варіаціи неударяемыхъ гласныхъ складывались еще позже—на почвѣ отдѣльныхъ діалектовъ русскаго языка. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ первоначально простое чередованіе аріо-европейскаго праязыка, сводящееся даже въ самомъ началѣ вѣроятно къ одному основному виду корня (быть можетъ, напр., *nĕk¹-), въ дальнѣйшемъ развитіи послѣдовательно усложнялось новыми звеньями. Не слѣдуетъ однако думать, что эти звенья чередованія, возникавшія въ разныя эпохи, дошли до насъ именно въ томъ видѣ, въ ка-

комъ они образовались въ ту или другую эпоху; напротивъ, они необходимо видоизмѣнялись соотвѣтственно тѣмъ физіологическимъ перемѣнамъ, которыя происходили въ послѣдующее время въ звуковой системѣ языка. Слѣдующая таблица приблизительно указываетъ главные этапы въ развитіи разсмотрѣннаго чередованія:

влр. литер. н'ôс ‖ н'æсý ‖ н'єс'і ‖ н'ьс'æна́ ||| нôс'ьт ‖ на̊с'іт' ‖ вы́нъс'ьт' ||| на́шъвът'.

Необходимо обратить вниманіе на то, что не всегда въ чередованіи содержатся всѣ звенья; тѣ или другія могутъ случайно отсутствовать, а нѣкоторыя даже совсѣмъ потерялись. Это станетъ для насъ вполнѣ нагляднымъ, если мы вмѣсто „несу“ возьмемъ какой-либо другой глаголъ; срв.:

т'æку́ (теку́) ‖ т'є́ч' (течь) ‖ т'óк (текъ) ||| пр'іт'æка́т' (притекать, ст.-сл. притѣкати) ||| тóк (токъ) ‖ та̊ч'іт' (точить) ‖ вы́тъчьт' (выточить) ||| вытáчьвът' (вытачивать, ст.-сл. истачати.)

Въ этомъ примѣрѣ мы встрѣчаемъ новое звено — „притекать“ ‖ ст.-сл. притѣкати, отражающее собою явленіе „славянскаго“ подъема въ области гласнаго *е* (є ‖ ѣ).

Но ни въ томъ, ни въ другомъ примѣрѣ мы не встрѣчали отраженія слабаго вида корня; такой случай мы имѣемъ напр. въ глаголѣ „жечь“ въ такихъ формахъ, какъ „жгу́“; но здѣсь, въ свою очередь не имѣемъ второго полнаго вида. И т. п.

Подобнымъ образомъ могутъ быть разсматриваемы и всѣ другія чередованія въ области русскаго вокализма, при чемъ

они сводятся къ нѣсколькимъ основнымъ рядамъ: 1) рядъ гласныхъ ае. *ĕ ‖ *ŏ (также *ă) съ слѣдующимъ согласнымъ не-плавнымъ и не-носовымъ, 2) тѣ же гласные, сопровождаемые плавнымъ или 3) носовымъ, 4) дифтонги на *i* и 5) дифтонги на *u*. Первый рядъ уже обсуждался нами, при остальныхъ же рядахъ нужно принимать въ соображеніе различіе въ рефлексахъ въ зависимости отъ положенія передъ согласными (также на концѣ) и передъ гласными, какъ это уже выяснялось нами (см. стр. 96 — 97, 103). Теперь мы представимъ примѣры чередованій для этихъ другихъ рядовъ:

2) начну́ (ст.-сл. на-чьн-ѫ, гдѣ чьн — слабый видъ корня въ положеніи передъ гласнымъ) ‖ нача́т' (ст.-сл. на-ча-ти, гдѣ ча — слабый видъ корня въ положеніи передъ согласнымъ) ||| нъчіна́т' (начи*н*ать, начинати — славянскій подъемъ къ слабому виду корня) ||| закóн (за-кон-ъ, гдѣ кон — второй полный видъ корня въ положеніи передъ гласнымъ), ка̊н'æц, кънцæвóј (ко*н*ецъ, ко*н*цевой — неударяемыя варіаціи того же вида корня) ||| а̊ка́н'чьвът' (ока*н*чивать — чисто русскій подъемъ).

3) в'єр'тє́т' (ве*р*тѣть, врьтѣти — слабый видъ корня соотвѣтственно второму полногласію) ||| па̊в'óртъвът' (пове*р*тывать — русскій подъемъ къ слабому виду, въ глаголѣ на -ывать съ удареніемъ на корневомъ слогѣ) [1]) ||| в'ьр'ьт'æнó ‖ в'ьр'єт'óнӑ (ве*ре*тено ‖ ве*ре*тёна) — первое полногласіе съ первымъ полнымъ видомъ корня ||| вóрът ‖ ва̊рóчьт' (во*ро*тъ ‖ во*ро*чать, вратъ ‖ вращати) — первое полногласіе съ вторымъ полнымъ видомъ корня ||| сва̊ра́чьвът' (сво*ра*чивать) — русскій подъемъ къ глаголу „ворочать“.

4) п'ју (пью, [2]) пиѭ О. Ев. или пьѭ Мар. Ев., срв. по

[1]) Собственно говоря, -в'óр- въ данной формѣ получилось фонетически на мѣсто -в'є́р'-, послѣ отвердѣнія *р'* передъ слѣдующимъ твердымъ *т*.

[2]) ь — на письмѣ, а въ произношеніи соотвѣтствующій старый слабый гласный уже исчезъ и имѣется только ј (выговаривающійся съ гласнымъ

образованію греч. аор. πιεῖν—слабый видъ корня) || п'ӣт' (пить, пити—можно предположить второй слабый видъ корня съ долгимъ *ī) [1]) ||| -п ó ј (-пой, напр. водопой—второй полный видъ корня) || п å ј ӣ т' (поить).

5) б л'у с'т'ӣ (блюсти—первый полный видъ корня) ||| б‸д'є т' (бдѣть, бъд-ѣ-ти—слабый видъ корня) ||| б у д'ӣ т' (будить—второй полный видъ корня).

Намъ остается указать на то, что кромѣ *историко-генетическаго* анализа чередованій можетъ быть еще разсмотрѣніе *статическое*—съ точки зрѣнія ч у т ь я   г о в о р я щ и х ъ. Въ этомъ случаѣ оказывается, что нѣкоторыя звенья выходятъ изъ системы чередованій и обособляются. Такъ, глаголы *блю*сти || *буд*ить || *бдѣ*ть въ чутьѣ говорящихъ являются уже обособленными словами, благодаря тому что значительно разошлись между собою какъ по звуковому виду корня, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и по смыслу. Нужно замѣтить, что одни звуковыя различія, иногда даже значительныя, еще не разрушаютъ систему чередованій при наличности единства значенія, какъ это мы видимъ напр. на чередованіи образованій *мну* || *мялъ*, представляющихъ флексійныя формы одного и того же глагола (хотя первоначальное чередованіе уже затемнилось для непосредственнаго чутья, склоннаго напр. видѣть въ *-н-* образовательную примѣту наст. вр., какъ это встрѣчаемъ напр. въ грамматикѣ Ломоносова § 302). Подобнымъ образомъ формы „на*чну*" и „на*чалъ*" связаны между собою въ чутьѣ говорящихъ, но слова „на*чало*" и „*кон*ецъ" для чутья являются совершенно отдѣльными словами. Насколько важно здѣсь

окончанія), при чемъ предшествующій согласный губной въ нѣкоторыхъ говорахъ даже утратилъ свою мягкость.

[1]) Срв. для глагола «*лить*» литовское соотвѣтствіе съ долгимъ ī: lýti (неопр. накл. къ глаголу lўја «идетъ дождь»). Вообще—славянское *и* можетъ отражать не только первый полный видъ, но и побочный слабый (второй слабый).

единство смысловое, это доказываютъ случаи, когда даже разные по происхожденію корни связываются въ флексійную систему, напр. *беру—взялъ*, *хорошій—лучшій* и пр. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что при трактованіи чередованій нужно проводить разницу между научнымъ сопоставленіемъ чередующихся словъ, каковое опирается на сравнительно-грамматическій анализъ, и чередованіями въ чутьѣ говорящихъ; такъ, слова *видѣть* || *вѣдать* съ точки зрѣнія научнаго анализа отражаютъ древнее чередованіе перваго и второго полнаго вида корня, съ точки же зрѣнія непосредственнаго чутья являются уже обособленными другъ отъ друга.

Библіографическія указанія. Вопросъ о неударяемыхъ гласныхъ въ литературномъ языкѣ изслѣдовался мною въ статьѣ «Гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ» (Р. Ф. В. 1880, № 3), вошедшей затѣмъ въ мои Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку; болѣе обстоятельную разработку того же вопроса я представилъ въ трудѣ «Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ» (1884), гдѣ излагается и исторія предмета. О неударяемыхъ гласныхъ трактуется довольно обстоятельно также въ слѣдующихъ трудахъ: Б о д у э н ъ-д е-К у р т е н э И. Отрывки изъ лекцій по сравнительной фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Вып. 1-й (1882), стр. 59—89; Б р а н д т ъ Р. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка (1892); Б р о к ъ О. Физіологія славянской рѣчи (1910); Щ е р б а Л. В. Русскіе гласные въ качественномъ и количественномъ отношеніи (1912)—экспериментально-фонетическое изслѣдованіе. Другіе вопросы вокализма, трактовавшіеся въ настоящей главѣ съ большею подробностью были изложены нами въ Курсѣ грам. рус. яз. Ч. 1-ая: Фонетика, 1887 г. (отт. изъ Р. Ф. В. 1883—1887 гг.) съ библіографическими свѣдѣніями въ соотвѣтствующихъ главахъ. Названный выше трудъ проф. Б р а н д т а, имѣющій въ виду главнымъ образомъ литературную рѣчь, содержитъ также данныя и по исторіи предмета. Болѣе подробныя сравнительно-грамматическія свѣдѣнія съ библіографическими указаніями читатель найдетъ въ нашихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3]. Назовемъ далѣе: С о б о л е в с к і й А. Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)[4] гл. VI; Ш а х м а т о в ъ А. Изслѣдованія въ области русской фонетики (1893)—отт. Р. Ф. В.; Къ исторіи звуковъ русскаго языка: О полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ (1903)—въ Изв. Акад. Наукъ, т. VII.

Глава VI.

Консонантизмъ: физіологическія измѣненія согласныхъ въ положеніи передъ гласными и другими согласными; акустическія замѣны; разъясненія сравнительно-грамматическія.

Явленія въ области согласныхъ мы можемъ прежде всего раздѣлить на *физіологическія* измѣненія и *акустическія* замѣны. Разсматривая первыя, необходимо имѣть въ виду, что они имѣютъ мѣсто не при всякомъ сочетаніи звуковъ: въ однихъ сочетаніяхъ согласные болѣе устойчивы, въ другихъ же менѣе устойчивы. Изучая физіологическія измѣненія согласныхъ въ разныхъ сочетаніяхъ, мы разсмотримъ сначала измѣненія согласныхъ въ сочетаніи съ гласными звуками, а затѣмъ измѣненія въ сочетаніи съ другими согласными.

I. Физіологическія измѣненія.

А. Сочетанія согласныхъ съ гласными. Согласные въ сочетаніи съ ороографическими гласными *А*, *О*, *У*, *Ы* не измѣняются, [1]) а потому мы обратимся къ разсмотрѣнію

[1]) Впрочемъ въ сочетаніи съ гласными *О* и *У* они пріобрѣтаютъ нѣкоторую *лябіализацію*, т. е. характерное для этихъ гласныхъ округленіе и выпячиваніе губъ; это происходитъ вслѣдствіе того, что во время артикуляціи согласныхъ въ этомъ случаѣ происходитъ подготовленіе губъ для послѣдующаго лябіализованнаго гласнаго; такъ, напр., въ сочетаніи *ТО* согласный *т* нѣсколько лябіализованъ.

измѣненій согласныхъ въ сочетаніи съ гласными, обозначаемыми въ ороографіи черезъ *Е*, *Ѣ*, *И* (*І*). Въ сочетаніи съ послѣдними согласные представляютъ измѣненія, называемыя *смягченіемъ* и происшедшія въ исторіи языка благодаря тому, что означенные гласные произносятся при приближеніи средней части языка къ небу; [1]) эта артикуляція, сообщаясь предшествующему согласному, постепенно вызвала мягкое его произношеніе.

Разсмотримъ измѣненія разныхъ согласныхъ въ сочетаніи со смягчающими гласными: согласные губные и передне-язычные смягчились въ соотвѣтствующіе мягкіе, срв. труба́ || труб'æ (трубѣ), ва̊да́ || ва̊д'æ (водѣ); согласные задне-язычные въ сочетаніи со смягчающими гласными измѣнились въ согласные шипящіе, ср. пра̊ро́*к* || пра̊ро́*чъ*т' (пророчить), мно́гъ || мно́*ж*ът' (множить), стра́*х* || стра*ш*ы́т' (страшить). Измѣненіе к→ч, г→ж, х→ш произошло такимъ образомъ, что согласные *к*, *г* и *х* сначала смягчились въ *к'*, *г'* и *х'*, а затѣмъ эти послѣдніе постепенно переродились въ мягкіе *ч*, *ж* и *ш*. Такимъ образомъ, согласные губные и передне-язычные въ своемъ смягченіи прошли только одну фазу (напр. п....п', т....т'), согласные задне-язычные прошли двѣ фазы (напр. к....к'.....ч). [2]) Смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ и потому развитіе этого смягченія можно отнести ко временамъ

[1]) Нёбо по-латыни palatum, почему эти гласные нерѣдко называются палятальными или небными (въ отличіе отъ губныхъ), хотя правильнѣе называть по дѣйствующему органу—средне-язычными.

[2]) Аналогичная неравномѣрность процесса наблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, напр. романскихъ; такъ, въ итал. и французскомъ губные и передне-язычные согласные почти еще не затронуты смягчающимъ вліяніемъ послѣдующихъ палятальныхъ гласныхъ, тогда какъ задне-язычные согласные успѣли уже переродиться въ другой звукъ подъ вліяніемъ смягченія; срв. лат. *t*e=итал. *t*e и фр. *t*e (гдѣ *t* сохраняетъ еще твердость) || лат. *g*enus *g*eneris = итал. *g*enere (гдѣ *g* произносится какъ дж) и франц. *g*enre (гдѣ начертаніемъ *g* передается звукъ ж).

славянскаго праязыка, смягченіе же согласныхъ губныхъ и передне-язычныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе подъ вліяніемъ слѣдующихъ палятальныхъ гласныхъ, наблюдаемое лишь въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ языковъ, слѣдуетъ считать развившимся уже по обособленіи послѣднихъ. И такъ, *смягченіе передъ палятальными гласными задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе древнѣе смягченія передне-язычныхъ и губныхъ согласныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе*. Къ разсматриваемой группѣ относятся также случаи смягченія согласныхъ передъ орѳограф. *Я* (послѣ шипящихъ—*А*)=ст.-сл. ѧ (напр. пять=ст.-сл. пѧть, начать=ст.-сл. начѧти), такъ какъ сначала здѣсь былъ смягчающій гласный *е* съ носовымъ призвукомъ; сюда же принадлежатъ случаи смягченія согласныхъ передъ гласнымъ *ь* (ĭ) впослѣдствіи исчезнувшимъ (напр. т'ма=орѳ. *тьма*, лóш=орѳ. ложь, гдѣ *ж* изъ *г*, срв. лгать).

Задне-язычные согласные кромѣ смягченія въ шипящіе знаютъ еще смягченіе въ свистящіе (к→ц, г→з, х→с). Это смягченіе обычно встрѣчается передъ *ѣ* позднѣйшаго происхожденія (т. е. передъ *ѣ* изъ дифтонговъ ае. *ŏi и *ăi), напр. въ словѣ *цѣна* (срв. литов. kaina, греч. ποινή); [1]) такое смягченіе наблюдается въ церковно-славянскомъ языкѣ въ Дат. и Предл. ед. основъ на задне-язычный согласный (напр. рѫцѣ, нозѣ, доусѣ и т. п.), а также въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи, но въ великорусскомъ оно замѣнилось соотвѣтствующимъ согласнымъ задне-язычнымъ по аналогіи къ другимъ падежамъ (срв. рукѣ, ногѣ, духѣ). *Смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ свистящіе* (*цѣна* и пр.) *принадлежитъ болѣе поздней* (хотя тоже праславянской) *эпохѣ по сравненію со смягченіемъ въ шипящіе*, въ зависимости отъ

---

[1]) Въ русскомъ языкѣ подобно юго-славянскимъ языкамъ разсматриваемое смягченіе наблюдается еще въ томъ случаѣ, когда задне-язычный согласный былъ отдѣленъ отъ *ѣ* согласнымъ *в*: цвѣтъ, звѣзда (срв. польск. *k*wiat, *g*wiazda).

того, что *ѣ* въ этомъ случаѣ образовалось изъ дифтонга сравнительно поздно, *но это смягченіе все-таки древнѣе разсмотрѣннаго выше смягченія передне-язычныхъ и губныхъ согласныхъ*. [1])

Наконецъ, нужно указать уже сравнительно *новый слой* современныхъ мягкихъ задне-язычныхъ согласныхъ въ слогахъ *ки, ги, хи* изъ древнихъ слоговъ *кы, гы, хы*, напр. *гибель* (ст.-сл. гыбѣль), Род. ед. руки (ст.-сл. рѫкы) и т. п. Только съ появленіемъ этого слоя мягкихъ *к, г, х* стало возможнымъ распространеніе ихъ по аналогіи взамѣнъ смягченія въ шипящіе и свистящіе (рукѣ, народн. пекешь). Стало быть, указанные случаи аналогіи относятся къ еще болѣе поздней порѣ, что подтверждается тѣмъ фактомъ, что они свойственны только области великорусскаго нарѣчія. Этотъ новый слой мягкихъ *к'* и *г'* въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ уже подвергается въ отдѣльныхъ словахъ дальнѣйшему измѣненію, именно замѣнѣ черезъ *т'* и *д'* (напр. *т*исть вм. *к*исть, ан*д*елъ вм. ан*г*елъ), см. ниже стр. 125.

Примѣчаніе. Говоря о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ средне-язычныхъ гласныхъ, я опускаю категорію смягченія согласныхъ посредствомъ j; этотъ вопросъ излагается въ слѣдующемъ отдѣлѣ на стр. 121—122.

Б. Сочетанія согласныхъ съ согласными. При сочетаніи согласныхъ съ согласными наблюдаются разнообразные случаи аккоммодаціи [2]), сводящіеся главнымъ образомъ къ *ассимиляціи* или *уподобленію* и частію къ *диссимиляціи* или *расподобленію*. Мы должны напомнить, что разныя

---

[1]) Кромѣ шипящихъ *ч* и *ж*, вынесенныхъ русскимъ языкомъ изъ эпохи праславянской, въ немъ есть еще слой позднѣйшихъ *ч* и *ж*, образовавшихся же на русской почвѣ, напр. ночь, прячу, гложу, о чемъ говоримъ ниже (стр. 121—122); другіе славянскіе языки представляютъ здѣсь уже иные рефлексы.

[2]) Подъ *аккоммодаціею* звуковъ понимаются измѣненія звуковъ въ направленіи *удобства* произношенія; терминъ происходитъ отъ латинскаго слова *commodus* «удобный».

комбинаціи согласныхъ неодинаково удобосочетаемы, вслѣдствіе чего однѣ изъ нихъ, болѣе *удобосочетаемыя*, являются болѣе устойчивыми противъ измѣненій, другія же, будучи *неудобосочетаемы*, измѣняются въ направленіи удобства или облегченія, какъ бы согласно началу экономическому (срв. *к* въ сочетаніи съ *в* сохраняется глухимъ, напр. въ выраженіи „къ вамъ“, тогда какъ передъ *д* измѣнилось уже въ соотвѣтствующій звонкій, т. е. *г*, напр. въ выраженіи „къ дому“). Въ аріо-европейскихъ языкахъ направленіе при ассимиляціи согласныхъ обычно бываетъ *регрессивное* (идущее назадъ), т. е. слѣдующій звукъ оказываетъ вліяніе тѣмъ или другимъ своимъ свойствомъ или свойствами на предшествующій звукъ, напр. *ф*том (=орѳ. въ томъ), *лан*но вм. ладно (въ части сѣв.-великорусскихъ говоровъ) и т. п. Кромѣ указанныхъ случаевъ, гдѣ дѣйствіе ассимиляціи происходитъ между непосредственно соприкасающимися звуками, есть еще случаи ассимилирующаго дѣйствія одного согласнаго на другой на разстояніи, т. е. когда согласные принадлежатъ двумъ разнымъ слогамъ и раздѣлены гласнымъ, напр. срв. вульгарное произношеніе „*ш*апинька“ (гдѣ *ш* вм. с) и т. п. [1])

Разнообразныя явленія аккоммодаціи согласныхъ мы разсмотримъ въ той послѣдовательности, въ которой мы обозрѣвали, при изложеніи физіологіи рѣчи, отдѣльныя части говорильнаго аппарата.

1) **Дыхательный аппаратъ.** Наблюденій надъ аккоммодаціею согласныхъ по дѣятельности дыхательнаго аппарата почти еще нѣтъ; можно только сказать, что различія силы выдыханія при ударенности и неударенности свойственны не только гласнымъ звукамъ, но также и согласнымъ, при чемъ— какъ уже упоминалось—въ связи съ измѣненіемъ силы выдыханія измѣняется и напряженность дѣйствія органовъ произношенія.

[1]) Сюда же относится и произношеніе «чучье» (чутьё), отмѣченное Тургеневымъ у охотника Ермолая (Сочин., т. II, стр. 415, изд. 1883).

2) **Гортань.** Какъ мы знаемъ, въ зависимости отъ разнаго дѣйствія гортани согласные распадаются на звонкіе и глухіе. Вполнѣ естественно, что сочетанія глухихъ согласныхъ съ глухими (напр. о*тт*уда) и звонкихъ съ звонкими (напр. о*бд*ѣлать), какъ вполнѣ удобосочетаемыя, измѣненію по дѣйствію гортани не подлежатъ. Если же приходитъ въ соприкосновеніе глухой согласный съ слѣдующимъ звонкимъ (что могло произойти послѣ исчезновенія раздѣлявшаго ихъ *ъ или *ь), но не плавнымъ, не носовымъ, также не *в* и не *j*, то происходитъ уподобленіе, напр. въ выраженіи „*съ д*омъ“ глухой звукъ *с* передъ звонкимъ *д* измѣнился въ соотвѣтствующій звонкій, т. е. *з*; въ случаяхъ же „*св*ой“, „*съё*мка“ (=*сj*о́мка), „*сл*абый“, „*съ н*ами“, „*хв*алить“, т. е. въ положеніяхъ передъ *в*, *j*, плавнымъ или носовымъ согласнымъ, глухой согласный не измѣнился въ звонкій, такъ какъ такія сочетанія глухого согласнаго съ звонкимъ удобопроизносимы и безъ ассимиляціи. Что касается обратнаго случая, когда звонкій согласный приходитъ въ соприкосновеніе съ слѣдующимъ глухимъ, то всѣ звонкіе согласные, для которыхъ имѣются парные глухіе, измѣняются въ глухіе, напр. ба*бк*а, ла*вк*а и т. п. произносятся ба́*пк*а, ла́*фк*а; непарные согласные, т. е. плавные, носовые и *j*, передъ слѣдующими глухими согласными естественно сохраняются звонкими (напр. ка*рт*а, ле*нт*а, по*йт*и, ла*йк*а), хотя иногда болѣе или менѣе заглушаются въ особенно благопріятствующихъ для того условіяхъ (напр. надсмо*трщ*икъ). Здѣсь же упомянемъ о замѣнѣ звонкихъ согласныхъ (опять за исключеніемъ плавныхъ, носовыхъ и j) глухими въ концѣ слова, что могло произойти лишь послѣ исчезновенія конечныхъ *ъ и *ь; такъ, слова—ду*б*ъ, да*в*ъ, са*д*ъ и пр. произносятся ду́*п*, да́*ф*, са́*т* и т. д.; [1]) въ словахъ же—

[1]) Аналогичное чередованіе звонкихъ согласныхъ съ глухими развилось почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ, срв. напр. въ сосѣднемъ поль-

даръ, далъ, дамъ, данъ, дай конечные согласные сохраняютъ свою звонкость; впрочемъ конечные плавные и носовые, предшествуемые глухимъ согласнымъ и особенно двумя глухими (срв. драх*мъ*, магист*ръ*), могутъ быть болѣе или менѣе заглушены. Этимъ объясняютъ дальнѣйшее исчезновеніе конечнаго приглушеннаго *-л* въ прош. времени глаголовъ въ положеніи послѣ ороографическихъ *б, к, г, х, с, з* и *р* (*гребъ* вм. греблъ, срв. ж. р. гребла; *текъ, могъ*, опу*хъ*, не*съ*, ве*зъ*, те*ръ*) и въ сущ. руб*ль*, нерѣдко произносимомъ какъ руп'.

3) **Мягкое небо.** Въ отношеніи мягкаго неба русскій языкъ почти не представляетъ явленій аккоммодаціи согласныхъ, такъ какъ чистые (не-носовые) согласные сохраняются передъ слѣдующими носовыми (напр. надоб*но*, стра*шно*) и наоборотъ (напр. ле*нта*), хотя нѣкоторые случаи аккоммодаціи наблюдаются въ народныхъ говорахъ (напр. ла*нно*). Своеобразный случай аккоммодаціи представляетъ развитіе вторичнаго *д* между носовымъ согласнымъ *н* и дрожащимъ *р* въ народн. произношеніи *нд*равъ вм. нравъ. Постараемся разъяснить физіологически этотъ случай. При переходѣ отъ *н* къ слѣдующему *р* сходная работа гортани (оба они звонкіе) сохраняется, смѣниться же должны артикуляція мягкаго неба (такъ какъ при *н* мягкое небо опущено, а при *р* поднято) и еще передней части языка (хотя оба звука требуютъ дѣйствія передней части языка, но при произношеніи *н* оно совершается относительно верхнихъ зубовъ и по способу имѣетъ характеръ замкнуто-взрывной, тогда какъ *р* согласный по мѣсту артикуляціи альвеолярный, а по способу произношенія дрожащій). Не трудно видѣть, что смѣна уложенія мягкаго неба болѣе проста и легка, нежели смѣна въ уложеніи языка,

свомъ языкѣ—dęƀи (передъ гласнымъ произносится ƀ) ‖ daƀ (на концѣ произносится *p*); сохраненіе же звонкости конечныхъ согласныхъ наблюдается только въ сербскомъ и въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ.

вслѣдствіе чего перемѣна въ уложеніи мягкаго неба легко можетъ наступать раньше, нежели начнется перемѣна положенія языка и въ этотъ моментъ звукъ утратитъ свой носовой характеръ, вслѣдствіе чего должно послышаться *д*; отъ этого послѣдняго согласнаго, при которомъ, какъ не-носовомъ, прижатіе органа произношенія болѣе сильно, переходъ къ произношенію *р* уже легокъ, такъ какъ теперь движеніе исходитъ какъ бы отъ болѣе твердой точки опоры; здѣсь мы видимъ, что и зарожденіе новаго звука вызывается условіями удобства произношенія, при чемъ самая аккоммодація является сложною, такъ какъ касается взаимнаго приспособленія работъ *мягкаго неба + органа произношенія*.

4) **Органы произношенія:**

а) *мѣсто артикуляціи*. Въ общемъ, согласные звуки въ русскомъ языкѣ являются устойчивыми относительно мѣста артикуляціи, вслѣдствіе чего ассимиляція въ разсматриваемомъ отношеніи встрѣчается лишь въ узкихъ предѣлахъ. Здѣсь отмѣтимъ прежде всего случаи ассимиляціи при соприкосновеніи передне-язычныхъ согласныхъ зубныхъ и альвеолярныхъ (напр. вм. „*съ шапкой*“ говорится шша́пкъј) и затѣмъ при соприкосновеніи согласныхъ твердыхъ, т. е. произносимыхъ безъ участія средней части языка, съ мягкими, произносимыми съ участіемъ средней части языка (напр. „свѣтъ“ произносится *с*'в'ѐт). Если въ словѣ „послѣ“ *с* произносится мягко передъ мягкимъ *л*, а въ выраженіи „несъ-ли“ при тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ произносится твердо, то эта разница объясняется тѣмъ, что во второмъ случаѣ твердое произношеніе *с* обязано вліянію аналогіи отдѣльнаго произношенія того же слова („несъ“), т. е. безъ частички -ли. Въ такихъ случаяхъ, какъ т'ᶺм'ѐ (тьмѣ, ст.-сл. тьмѣ), какъ уже упоминалось, мягкость согласнаго *т* вызвана не слѣдующимъ мягкимъ *м*, но гласнымъ ь (ĭ), слѣдовавшимъ нѣкогда за *т*; если же смягчающій гласный ь (ĭ) исчезалъ передъ твердымъ со-

гласнымъ, то вызванная имъ мягкость предшествующаго согласнаго въ однихъ условіяхъ удерживается (особенно передъ губными и задне-язычными, напр. *тьма*, *усадьба*, *рѣдька*, *серьга*, *горько* [1]), при другихъ же условіяхъ наступило отвердѣніе предшествующаго мягкаго согласнаго (особенно передъ передне-язычными, срв. *славно*=славьно, *брать*=бьрати и даже передъ отвердѣвшимъ *ц*, напр. *вѣнца*, *купца*). [2]) Говоря о вліяніи мягкости согласныхъ на предшествующіе твердые согласные въ случаяхъ первичнаго ихъ соприкосновенія или же послѣ исчезновенія промежуточнаго не смягчающаго гласнаго *ъ, мы должны указать, что не всѣ согласные въ одинаковой мѣрѣ поддаются этому вліянію. Изъ всѣхъ согласныхъ наибольшую смягчаемость обнаруживаютъ согласные передне-язычные, изъ которыхъ придувные *с* и *з* особенно легко подвергаются такому смягченію, между тѣмъ какъ взрывные въ меньшей степени; изъ плавныхъ *р* обладаетъ обычно значительною смягчаемостью въ противоположность другому плавному *л*, который (за однимъ исключеніемъ, указываемымъ ниже) совсѣмъ не поддается вліянію мягкости; носовой *н* принадлежитъ къ согласнымъ значительной смягчаемости. Дальнѣйшую ступень по способности смягчаться представляютъ согласные губные и задне-язычные, при чемъ придувные легче смягчаются, чѣмъ взрывные. Нужно замѣтить, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ смягчаемость зависитъ не только отъ категоріи предшествующаго согласнаго, но также и отъ характера послѣдующаго мягкаго согласнаго; такъ, напримѣръ, согласный *р*, обладая большой смягчаемостью, тѣмъ не менѣе остается обыкновенно твердымъ напримѣръ въ по-

[1]) Особенность представляетъ только мягкое *р*, которое иногда встрѣчается и отвердѣвшимъ, напр. *первый* = п'ėр'въј, чаще п'ӕрвъј, *верхъ* = в'ėр'х, иногда в'ӕрх.

[2]) Исключеніе представляетъ мягкое *л*, которое при всякихъ условіяхъ сохраняетъ свою мягкость, срв. *льна* = л'на́ и пр.

ложеніи передъ *к'*, срв. а́рк'ï, м'ӕрк'ï. Кромѣ того на смягчаемость предшествующаго согласнаго оказываетъ вліяніе и то, стоитъ ли онъ послѣ не-палятальнаго гласнаго, или же палятальнаго, срв. С'ер'г'ėј || та̊рг'ï. Наконецъ, если сочетаніе состоитъ изъ двухъ одинаковыхъ согласныхъ, то предшествующій всегда уподобляется по мягкости слѣдующему, къ какой бы категоріи онъ ни принадлежалъ, напр. мул'л'ӕ, аг'г'ėј. Говоря о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ, нужно имѣть въ виду, что при этомъ въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ можетъ получаться не-полная или средняя мягкость, что зависитъ нерѣдко отъ особенностей индивидуальнаго произношенія.

Теперь мы перейдемъ къ древнѣйшимъ случаямъ смягченія согласныхъ—посредствомъ ј. Особенно удобно изучать это смягченіе въ формахъ настоящаго времени такихъ глаголовъ, въ которыхъ это время образуется съ ј, какъ напр. писать || пи*ш*у (*ш* изъ сј); разсмотрѣніе этихъ глаголовъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) *губные* согл. +ј измѣнились въ губн. согл. +л', напр. тре*пл*ю (срв. тре*п*ать), колеблю, дре*мл*ю, б) согласные передне-язычные *т*, *д*, *с*, *з* + ј измѣнились въ шипящіе, напр. пря*ч*у, гло*ж*у, пи*ш*у, ма*ж*у; в) согласные передне-язычные плавные *л*, *р*, и носовой *н*+ј измѣнились въ соотвѣтствующіе мягкіе, т. е. *л'*, *р'*, *н'*, напр. сте*л*ю, о*р*ю, сте*н*ю; наконецъ, г) согласные *задне-язычные* +ј измѣнились въ шипящіе, напр. пла*ч*у, дви*ж*у, па*ш*у, и*щ*у. Смягченіе посредствомъ ј наблюдается еще въ сравнительной степени прилагательныхъ и нарѣчій, оканчивающейся на -*е* (-је), напр. деше*вл*е изъ *дешевје (срв. деше*в*ый), ху*ж*е изъ *худје (срв. ху*д*ой), а также въ нѣкоторыхъ существительныхъ и прилагательныхъ, въ образованіе которыхъ привзошло ј, напр. *межа* (срв. лат. media), *чужой* (К. чуд-). Въ глаголахъ второго спряженія въ 1 ед. наст. ј развилось изъ гласнаго *і* передъ другимъ гласнымъ, напр. кра*ш*у (ш←сј←си) || кра*с*ишь, моро*ж*у || моро*з*ишь, *ловлю* || *ловишь*, гру*щ*у || грус*т*ишь и пр.;

иностранные глаголы, вошедшіе въ этотъ типъ спряженія, слѣдуютъ тѣмъ же законамъ чередованія согласныхъ, какъ и природные глаголы, напр. гра*ф̂л*ю || гра*ф*ишь, конфу*ж*у || конфу*з*ишь и т. п. Въ церковно-славянскомъ языкѣ законы смягченія согласныхъ посредствомъ j тѣ же, что̀ и въ русскомъ языкѣ, за исключеніемъ согласныхъ *т* и *д*, изъ которыхъ первый смягчается въ шт (щ), а второй въ жд, напр. свѣшта= рус. свѣ*ч*а, межда=рус. ме*ж*а; отсюда, такія слова въ русскомъ языкѣ, какъ освѣ*щ*еніе, ме*ж*ду при чисто-русскихъ свѣча и межъ, гра*жд*анинъ при чисто-русскомъ горо*ж*анинъ, и проч.—должны объясняться заимствованіемъ изъ церковно-славянскаго языка. Всматриваясь въ явленіе смягченія согласныхъ посредствомъ j, не трудно замѣтить, что этотъ процессъ привелъ въ русскомъ языкѣ къ частному совпаденію согласныхъ передне- и задне-язычныхъ въ шипящихъ звукахъ; такъ, *ч* можетъ происходить изъ *тj* и *кj* (также изъ смягченія *к* передъ слѣдующими палятальными гласными и изъ группъ *гт* и *кт* при слѣдующемъ палятальномъ гласномъ, напр. въ неопред. накл. „мо*ч*ь", „те*ч*ь" изъ *мог-ти, *тек-ти, и въ словахъ „но*ч*ь и до*ч*ь", какъ это видно изъ соотвѣтствующихъ литовскихъ словъ naktìs, duktẽ); *ж* можетъ происходитъ изъ *дj*, *зj*, *гj* (а также изъ *г* передъ смягчающими гласными) и, наконецъ, *ш* можетъ происходить изъ *сj* и *хj* (также изъ *х* передъ смягчающими гласными). [1])

б) *способъ артикуляціи.* Здѣсь нужно указать на переходъ взрывного произношенія согласныхъ въ придувное, напр. *х*тó=орѳ. *к*то, *ш*тó=орѳ. *ч*то, кå'ӕ*ш*нă=орѳ. коне*ч*но; *д*, *т*+*т*=*ст*, напр. упа*ст*ь, ме*ст*и, [2]) а затѣмъ и на полное исчез-

[1]) Замѣтимъ, что *ч* изъ кj, *ж* (←дж) изъ гj, *ш* изъ сj и хj, проходящіе по всѣмъ славянскимъ языкамъ, должны быть отнесены къ праславянской эпохѣ, тогда какъ *ч* изъ тj и кт, а также *ж* изъ дj представляютъ уже особенность русскаго языка.

[2]) Въ приведенныхъ случаяхъ изъ двухъ соприкасающихся взрывныхъ первый переходитъ въ придувной (к→х, ч→ш, т→с), почему явле-

новеніе согласныхъ въ извѣстныхъ группахъ, напр. грýс‸нъj= орѳ. грустный. [1]) Здѣсь же укажемъ случаи зарожденія новаго согласнаго (передне-язычнаго взрывного) для удобства произношенія между передне-язычными придувными (*с*, *з*, *ш*, *ж*) и слѣдующимъ *р*, напр. въ словахъ одного и того же корня „*стр*уя" и „о*стр*овъ" (срв. литов. sravà); народ. „*стр*убъ" вм. срубъ и т. д.

5) Объ аккомодаціи въ отношеніи работы нижней челюсти трудно говорить, въ виду болѣе или менѣе сходнаго раствора при согласныхъ, какъ съуженныхъ звукахъ.

II. Акустическія замѣны согласныхъ.

Акустическія замѣны звуковъ имѣютъ — какъ мы знаемъ — спорадическій характеръ и наблюдаются преимущественно въ простонародномъ языкѣ въ словахъ одинокихъ и заимствованныхъ, при чемъ особенно легко подвергаются замѣнамъ начальные согласные, какъ имѣющіе менѣе всего морфологической поддержки. [2]) Замѣны эти основываются на томъ или другомъ акустическомъ (слуховомъ) сходствѣ звуковъ, которое естественно находится въ соотношеніи съ анатомо-физіологическою природою тѣхъ же звуковъ. [3]) Представимъ теперь главнѣйшія категоріи акустическихъ замѣнъ, придерживаясь въ общемъ того же порядка, какъ и при разсмотрѣніи физіологическихъ измѣненій.

ніе на основаніи этого внѣшняго признака называютъ *расподобленіемъ*; передъ взрывнымъ *к* согласный *ч* оказывается устойчивымъ и не измѣняется въ *ш*, напр. пти*ч*ка, ру*ч*ка и т. п.

[1]) Примѣръ изъ древней письменности: прáзникъ (Домострой, гл. 12)= соврем. орѳ. «пра*зд*никъ».

[2]) Нужно имѣть въ виду, что акустическія замѣны звуковъ нерѣдко усложняются вліяніемъ народной этимологіи.

[3]) Иногда звуковая *замѣна* можетъ зависѣть преимущественно отъ физіологическаго момента, какъ напр. въ случаѣ расподобляющей смѣны *л* и *р* (см. пунктъ 4).

1) Смѣшеніе звонкихъ и соотвѣтствующихъ глухихъ согласныхъ; напр.: *этакъ* || *эдакъ*; *прыскать* || *брызгать* (здѣсь гармонируютъ между собою по звонкости и глухости начальный согласный корня и согласные суффикса); случаевъ смѣшенія не много, что можетъ объясняться отчетливымъ различіемъ въ русскомъ языкѣ звуковъ той и другой категоріи.

2) Смѣшеніе носового съ соотвѣтствующимъ неносовымъ: діалектическое хо*б*якъ вм. хо*м*якъ, *б*аклакъ (псков.) вм. *м*аклакъ.

3) Смѣшеніе одного носового съ другимъ носовымъ же, особенно мягкихъ [1]): *М*икита вм. *Н*икита (такое произношеніе извѣстно еще отъ XIV в.—грам. Рязан. кн. послѣ 1356 г.), уменьшит. *М*иколя вм. *Н*иколя (уже въ 1282 г.—*м*икула), *н*ебель; примѣромъ смѣшенія тѣхъ же согласныхъ въ случаѣ твердаго произношенія можетъ служить народное произношеніе *м*ырять вм. *н*ырять (казан., нижегор., тамб.); нерѣдко встрѣчается въ просторѣчіи замѣна сочетанія *мб* посредствомъ *нб* (напр. Си*н*бирскъ, ту*н*бычка), быть можетъ—подъ вліяніемъ большей звучности сочетанія *нб*.

4) Смѣшеніе плавныхъ между собою (чаще мягкихъ). Звуки *л* и *р* очень сходны между собою, почему легко замѣняются одинъ другимъ, особенно въ неударяемыхъ слогахъ, часто для избѣжанія повторенія *р* въ двухъ слогахъ одного и того же слова; напр. ко*л*идоръ, ку*л*ьеръ, Порфи*л*ьевна (замѣнѣ второго *р* посредствомъ *л* благопріятствовала большая обычность *л* въ отчествахъ, срв. Васи*л*ьевна, Саве*л*ьевна), сек*л*етарь, цыру*л*ьникъ (польск. cyrulik, отъ лат. chirurgus); примѣромъ замѣны твердаго *р* можетъ служить слово „про*л*убь“ (каз.); примѣръ замѣны *л'* посредствомъ *р'*: пе*р*емень (п'ьр'ем'ѐн') вм. пельмень (↑ къ *пере-*, при чемъ и вторая часть какъ будто получаетъ смыслъ—„мѣнять“); перестановка *л'* и *р'*: пе*р*е*л*инка (п'ьр'ел'ѝнкӑ) вм. пелеринка (каз.; слово происходитъ отъ франц. la pèlerine) по аналогіи къ знаменательному сочетанію *пере-*.

5) Смѣшеніе плавныхъ съ передне-язычнымъ носовымъ, особенно мягкихъ: сум*л*ѣніе вм. сом*н*ѣніе (въ связи съ большею обычностью сочетанія мл' сравнительно съ мн'); въ примѣрѣ ма*н*енькій, ма*н*енько (каз.) сказывается вліяніе *н* смежнаго слога (въ словѣ же „*мало*“ нѣтъ этой замѣны, такъ какъ не было дальнѣйшаго слога съ *н*, послѣдовать же аналогіи производныхъ отъ него словъ оно не могло, такъ какъ имѣло твердое *л*), ярма*н*ка (јӑрмънкӑ) вм. ярмарка и фонта*л*ъ вм. фонта*н*ъ (на замѣну плавныхъ въ этихъ примѣрахъ посредствомъ *н* могла вліять обычность окончаній *-нка* и *-а́лъ*).

6) Смѣшеніе твердыхъ взрывныхъ разнаго органа произношенія сравнительно рѣдко: „малькость“ (индивид. произн.) вм. „мальпость“; смѣшеніе же мягкихъ взрывныхъ передне-язычнаго и задне-язычнаго согласнаго, какъ особенно близкихъ между собою по артикуляціи, наблюдается въ простонародномъ языкѣ весьма нерѣдко, напр. *кі*атеръ, *ти*пѣть, *ти*парисъ, ан*д*елъ; довольно обычна замѣна сочетаній *тл'* и *дл'* посредствомъ *кл'* и *гл'*, напр. ко*к*леты, *г*ля (вм. *д*ля).

7) Смѣшеніе придувныхъ *х* и *ф*: *ф*омякъ вм. *х*омякъ (вят.; срв. выше иную замѣну въ томъ же словѣ—хобякъ, изъ чего видимъ, что акустическія замѣны звуковъ могутъ представлять варіаціи по говорамъ), ку*ф*арка; смѣшеніе твердаго задне-язычнаго взрывного съ соотвѣтствующимъ придувнымъ, напр. *к*уторъ вм. *х*уторъ, *к*ороводъ вм. хороводъ.

Случаи *перестановки* согласныхъ чаще наблюдаются при плавныхъ, напр. ка*лб*укъ вм. ка*бл*укъ, же*вл*акъ вм. же*лв*акъ.

[1]) Причина, почему мягкіе согласные легче смѣшиваются между собою, нежели соотвѣтствующіе имъ твердые, заключается въ томъ, что при мягкихъ согласныхъ, вслѣдствіе приближенія къ небу средней части языка, артикуляціонныя полости уменьшены и сближены и потому зависящіе отъ нихъ мягкіе звуки оказываются болѣе сходными между собою, чѣмъ твердые.

Объ *исчезновеніи* согласныхъ въ группахъ мы уже имѣли случай упомянуть выше; замѣтимъ еще, что *неударенность* при сравнительной маловажности даннаго звука также благопріятствуетъ исчезновенію, срв. произношеніе здра́сстъ вм. здравствуйте.

Разсмотрѣвъ разнообразныя измѣненія согласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, мы должны взглянуть на эти послѣдніе съ точки зрѣнія ихъ **происхожденія изъ звуковъ аріо-европейскаго языка.**

Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали кромѣ обычныхъ согласныхъ (напр. *p*, *t*, *b*, *d*, *r*, *l*, *m*, *n*), перешедшихъ и въ славянскіе языки, еще нѣкоторыя особыя категоріи. Здѣсь надо указать въ особенности два ряда задне-язычныхъ согласныхъ (болѣе передній и болѣе глубокій) и, затѣмъ, категорію звонкихъ взрывныхъ придыхательныхъ.

Существованіе въ аріо-европейскомъ праязыкѣ *двухъ рядовъ задне-язычныхъ согласныхъ* подтверждается различнымъ траженіемъ ихъ въ отдѣльныхъ языкахъ нашего семейства. Въ то же время отраженіе каждаго ряда оказывается неодинаковымъ въ восточной и западной группѣ этихъ языковъ. Такъ, взрывному согласному *k* западной группы (греч., лат., кельт.) [1]) соотвѣтствуетъ передне-язычный придувной (свистящій или шипящій) въ восточной группѣ (скт. ç=ш', зд., армян., албан. и слав. s, литов. š), между тѣмъ какъ согласный *k* восточнаго отдѣла соотвѣтствуетъ въ западномъ отдѣлѣ или звуку *k* съ губнымъ призвукомъ (*kw*), или же одному

[1]) Къ этой группѣ принадлежитъ и германская вѣтвь, въ которой однакожъ отраженіе согласныхъ представляетъ нѣкоторыя особенности вслѣдствіе спеціально-германскаго закона «передвиженія» согласныхъ (Lautverschiebung); напр. разсматриваемое *k* германскіе языки передвинули въ *h*.

чисто-губному согласному (*p*). Изслѣдованіе перваго случая привело къ предположенію въ праязыкѣ звука *k* болѣе передней артикуляціи (обычно обозначаемаго посредствомъ $*k^1$ или *k̂), тогда какъ для послѣдняго случая предполагаютъ *k* съ болѣе задней артикуляціей ($*k^2$ или $*q^w$). [1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ отраженіе того и другого *k*:

Аріо-европ. праязыкъ.	Восточная группа.	Западная группа.
$*k^1$	сердце (ст.-сл. срьдьце), лит. širdìs, арм. sirt	греч. *καρδία*, лат. cor, нѣм. *H*erz.
	сто (ст.-сл. съто), лит. šimtas, скт. *ç*atám.	греч. *ἑ-κατόν*, лат. centum, нѣм. *h*und-ert.
	песъ (ст.-сл. пьсъ), скт. páçu, зд. pasu.	лат. pecu, нѣм. Vie*h*.
$*k^2$	кто (ст.-сл. къто), скт., зд. и литов. *k*as.	греч. *πο-*, лат. *qu*o-, гот. *hv*as (нѣм. *w*er).
	око, лит. a*k*ìs, арм. a*k*n.	греч. *ὄμμα* (изъ **ὄπ-μα*), лат. o*c*ulus.

Примѣчаніе. Таблица отраженія звонкихъ задне-язычныхъ согласныхъ будетъ помѣщена ниже, такъ какъ мы ихъ разсмотримъ вмѣстѣ съ другими звонкими взрывными.

Русское и славянское *с* (s) можетъ происходить не только изъ ае. $*k^1$, но еще и изъ ае. **s*, которое и въ другихъ

[1]) Теперь открытъ еще третій рядъ задне-язычныхъ согласныхъ ($*K^3$), который однако, по моему мнѣнію, правильнѣе считать лишь частнымъ случаемъ, а не отдѣльною самостоятельною фонемою.

языкахъ отражается по крайней мѣрѣ отчасти въ видѣ *s* (въ греческомъ языкѣ начальное *s* передъ гласнымъ измѣнилось въ густое придыханіе), напр.:

*s : *соль*, греч. *ἅλς*, лат. sal, нѣм. *S*alz.
сынъ, литов. *s*ūnùs, скт. *s*ūnúš, нѣм. *S*ohn.
есть, скт. ás*t*i, греч. *ἐστί*, лат. es*t*.

Такимъ образомъ русское *с*, отражая первоначальное *k^{1}, имѣетъ своимъ соотвѣтствіемъ литовское *š* (греч. *κ*), въ случаѣ же происхожденія изъ *s имѣетъ соотвѣтствіемъ и въ литов. также *s* (греч. *σ*, а также густое придыханіе, исчезающее внутри словъ въ положеніи между гласными). [1]) Слѣдовательно, путемъ сравненія съ родственными языками легко опредѣлить тотъ или другой источникъ русскаго и славянскаго *с* (*s*).

Примѣчаніе. Въ томъ случаѣ, когда славянское *s* (изъ ае. *s) находилось послѣ узкихъ гласныхъ или же согласныхъ *r* и *k* и обычно сопровождалось другимъ гласнымъ, оно измѣнилось, давши начало новому согласному въ славянскихъ языкахъ—х.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію отраженія *звонкихъ взрывныхъ* согласныхъ въ отдѣльныхъ языкахъ нашего семейства, мы прежде всего отмѣтимъ, что въ аріо-европейскомъ праязыкѣ они распадались на собственно звонкіе взрывные или *не-придыхательные* (*b, *d, *g^{1}, *g^{2}) и *придыхательные* (*bh, *dh, *g^{1}h, *g^{2}h); въ этомъ мы убѣждаемся особенно изъ санскрита, который еще сохраняетъ эти послѣдніе, тогда какъ греческій измѣнилъ ихъ въ соотвѣтствующіе глухіе придыхательные; въ славянскихъ языкахъ первоначальные звонкіе взрывные придыхательные утратили придыханіе и со-

[1]) Замѣтимъ, что въ славянскихъ языкахъ прибавилось еще новое *s*, благодаря измѣненію *д*, *т*+*т*=*ст*.

пали такимъ образомъ съ первоначальными звонкими взрывными не придыхательными, такъ что для открытія того или другого источника необходимо сравненіе славянскихъ языковъ съ тѣми родственными языками, въ которыхъ совпаденія этихъ двухъ первоначальныхъ категорій не произошло. Теперь мы представимъ параллельно примѣры отраженія звуковъ той и другой категоріи:

Аріо-европ. праязыкъ.	Восточная група.	Западная група.
*g^{1}	*з*наю, лит. *ž*inaū	греч. *γιγνώσκω*, лат. co*gn*osco, нѣм. *k*enne.
*g^{1}h	во*з*ъ, лит. -va*ž*as	греч. *ὄχος*, лат. ve*h*o („ве*з*у“), нѣм. Wa*g*en.
	*з*има, [1]) лит. *ž*ëmà	греч. *χειμών*, лат. *h*iems.
*g^{2}	*г*овядо, скт. *g*aus	греч. *βοῦς*, лат. *b*os.
*g^{2}h	*г*орѣть, скт. *gh*armás („жаръ“)	греч. *θερμός*, лат. *f*ormus, нѣм. *w*arm.

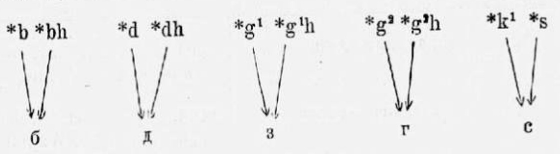
*b: *б*ольше=скт. *b*alī („сильный“), греч. *βελτίων* („лучшій“).

*bh: *б*еру=скт. *bh*árāmi, греч. *φέρω* (φ=ph), лат. *f*ero.
*б*ратъ=скт. *bh*rátā (N. sg.), греч. *φράτηρ φράτωρ* (членъ „фратріи“), нѣм. *B*ruder, лит. *b*roterėlis (уменьш.).

[1]) Подобно совпаденію въ славянскихъ языкахъ *k^{1} и *s и здѣсь кромѣ *g^{1} и *g^{1}h нужно имѣть въ виду еще *z (срв. мзда=греч. μισθός; гнѣздо=нѣм. Nest, лит. lizdas) въ положеніи передъ звонкими взрывными.

*d: *домъ*=скт. *d*amás, греч. δόμος, лат. *d*omus.
даю=скт. dá*d*āmi, греч. δίδωμι, лат. *d*o, литов. *d*ũmi.
*dh: *дымъ*=скт. *dh*ūmás, греч. θῡμός, лат. *f*ūmus, лит. *d*ũmai.
медъ=скт. má*dh*u, греч. μέθυ, нѣм. Me*t*, литов. me*d*ùs.

Подводя итогъ вышеизложеннымъ сравнительно-фонетическимъ даннымъ, [1]) мы можемъ слѣдующимъ образомъ представить графически явленіе совпаденія (конвергенціи) въ области русскихъ согласныхъ:

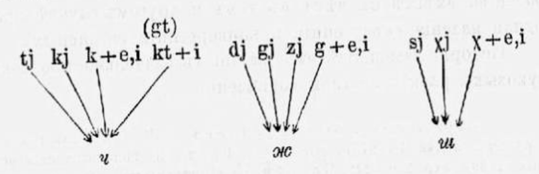

Въ виду того, что такое совпаденіе наблюдается во всѣхъ славянскихъ языкахъ, можно предположить, что оно произошло ранѣе распаденія славянскаго праязыка на отдѣльныя группы и даже—вѣроятно—еще въ эпоху литво-славянскую. Но такъ какъ за данными звуками славянскаго праязыка могли слѣдовать разные гласные и согласные, то благодаря такому различію условій въ дальнѣйшемъ происходили новыя фонетическія явленія. Такъ, согласные могли сочетаться съ слѣдующими гласными не-палатальными и палатальными, согласнымъ j и другими согласными; сочетаніе съ палатальными гласными и согласнымъ j, [2]) какъ мы знаемъ, вело къ про-

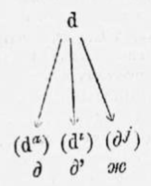
[1]) Мы разобрали со стороны происхожденія не всѣ согласные русскаго языка, такъ какъ другіе согласные произошли вообще изъ такихъ же согласныхъ аріо-европейскаго праязыка, срв. *пью* = греч. πίνω, *тру* = лат. *t*ero и т. п.

[2]) Нужно прибавить, что j въ славянскихъ языкахъ можетъ имѣть троякое происхожденіе: 1) ае. *j, напр. ст.-сл. ЮХА=скт. yūšam, лат. jūs,

цессу смягченія, совершавшемуся неравномѣрно и въ значительной степени во времена общеславянскія,—онъ-то и далъ начало цѣлому ряду вторичныхъ согласныхъ (ч, ш, ж; ц; п', т'...). При этомъ и здѣсь произошли совпаденія звуковъ разнаго происхожденія въ одномъ; срв.

Въ то же время совершались и дивергенціи звуковъ, напр. общесл. *d* (=ае. *d, *dh) въ зависимости отъ того, слѣдовалъ ли далѣе не-смягчающій или же смягчающій гласный или согласный j, развѣтвилось на *д*, *д'* и *ж*:

Кромѣ того въ славянскомъ праязыкѣ дѣйствовалъ и и тоже неравномѣрно законъ устраненія согласныхъ съ конца словъ и слоговъ, приведшій къ возникновенію въ славянскихъ

иго=скт. yugám, греч. ζυγόν, лат. jugum; 2) ае *i̯ (такъ обозначается полугласный i) напр. ѥго=скт. yás (N. sg.), греч. ὅς (въ греч. ае. *j отражается въ началѣ словъ передъ гласнымъ въ видѣ густого придыханія, тогда какъ ае. *j въ тѣхъ же условіяхъ дало ζ-); 3) изъ праславянскаго i въ положеніи передъ гласнымъ, напр. въ 1 л. ед. наст. второго спряженія (крашу изъ *красjV←*краснV).

языкахъ носовыхъ гласныхъ, а въ основно-русскомъ языкѣ къ явленію, т. наз. полногласія. Въ послѣдующее время въ области русскаго языка произошло исчезновеніе слабыхъ ъ и ь, которое повело къ измѣненію въ концѣ словъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе, а внутри слова къ уподобленію и расподобленію, вмѣстѣ съ чѣмъ въ томъ и другомъ случаѣ происходили явленія дивергенціи и конвергенціи согласныхъ.

Исторія языка слѣдитъ за послѣдовательностью такихъ звуковыхъ развѣтвленій и совпаденій.

Библіографическія указанія. Буслаевъ О. Историческая граммати-
ка русскаго языка, I (1875)[4], стр. 56—81. Гротъ Я. Филологическія разыс-
канія (1899)[4], стр. 240—248. Потебня А., О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія
небности на согласные звуки (Р. Ф. В. II 1—44, 207—232). Бодуэнъ-де-
Куртенэ И. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго
языка, читанныхъ въ 1880—1881 акад. году. Вып. 1-й (отт. изъ Фил. Зап.),
Воронежъ, 1882 г., стр. 26—55; Два вопроса изъ ученія о «смягченіи» или
палятализаціи въ славянскихъ языкахъ (Уч. Зап. Юрьев. ун-та 1893 № 2);
Einiges über Palatalisierung u. Entpalatalisierung (I. F. IV, 1894). Богоро-
дицкій В. Курсъ грам. рус. яз. Ч. 1-ая: Фонетика (1887), стр. 267—280;
Діалектологическія замѣтки, VII: о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ
слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ (Изв. Акад. Наукъ, т. XI, 1906 г., кн. 2);
Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3] стр. 362—378. Китер-
манъ Б. Къ ученію о палятализаціи звуковъ русскаго языка (Ж. М. Н.
Пр. ч. 345, 1903 г., февр., стр. 292—328). Брандтъ Р. Лекціи по истори-
ческой грамматикѣ русскаго языка. Вып. I: Фонетика (1892), стр. 104 сл.
Соболевскій А. Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)[4] глава VII-ая.
Мартыновъ И. Игра согласныхъ буквъ въ словопроизводствѣ (см. его
книгу—Сводъ сокращенной русской грамматики Востокова и начальныхъ
правилъ рус. грам. Греча, СПб. 1832, стр. 167—178)—рѣчь идетъ, если вос-
пользуемся современной терминологіей—о «чередованіи» согласныхъ при
словопроизводствѣ.

Морфологія.

Глава VII.

Введеніе въ морфологію: отношеніе между фонетикою и морфологіею; морфологическія категоріи, морфологическіе процессы и факторы, съ психологическимъ ихъ освѣщеніемъ.

Въ *фонетикѣ* мы изучали звуковыя явленія, происходящія въ словахъ и ихъ знаменательныхъ частяхъ и, такимъ
образомъ, имѣли дѣло съ простѣйшими элементами слова—
звуками. *Морфологія* изучаетъ въ словахъ не отдѣльные зву-
ки, но знаменательныя (морфологическія) части словъ, каковы:
корень, префиксъ, суффиксъ, окончаніе и основа; при этомъ
она показываетъ, какъ языкъ пользуется ими для измѣненія
словъ по склоненіямъ и спряженіямъ, а также для словопро-
изводства. Вмѣстѣ съ тѣмъ морфологія группируетъ самыя
слова по характеру ихъ значенія и формы въ тѣ наиболѣе
крупные разряды, которые извѣстны подъ названіемъ частей
рѣчи. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію морфологіи
русскаго языка, мы дадимъ предварительно общія понятія о
морфологическихъ категоріяхъ и ихъ измѣненіяхъ во времени,
стараясь освѣтить всѣ эти вопросы съ точки зрѣнія психо-
логической.

Морфологическія части словъ, флексія и словопроизводство. Слова нашей рѣчи, имѣя опредѣленное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ разлагаются на части, тоже имѣющія значеніе—на части знаменательныя или морфологическія (называемыя также морфемами), каковыми являются: *корень*, *префиксъ*, *суффиксъ*, *окончаніе* и *основа*. Такъ, напр., въ словѣ „набрасывалъ" часть *брас*—главная, корень, выражаетъ идею извѣстнаго дѣйствія; къ этой части, сосредоточивающей въ себѣ главное значеніе слова, присоединяются придаточныя морфологическія части, дополняющія главное значеніе; напр. въ томъ же словѣ—морфологическая часть *на*, предшествующая корню и указывающая направленіе дѣйствія (именно—выражаетъ, что дѣйствіе, обозначенное корнемъ, направляется на поверхность чего-нибудь), называется префиксомъ, морфологическая часть *ыв*, стоящая между корнемъ и окончаніемъ и указывающая на характеръ или способъ дѣйствія (на многократный и также несовершенный видъ дѣйствія), называется суффиксомъ и, наконецъ, послѣдняя морфологическая часть *ал*, показывающая, что общее значеніе всѣхъ предшествующихъ частей слова нужно понимать въ смыслѣ одного изъ трехъ лицъ ед. ч. (смотря по подлежащему) прошедшаго вр. муж. р., называется окончаніемъ; совокупность морфологическихъ частей, предшествующихъ окончанію (въ нашемъ примѣрѣ *на+брас+ыв*), называются основою (темою) слова. Въ томъ случаѣ, когда корень слова не распространенъ ни префиксомъ, ни суффиксомъ, основа въ словѣ совпадаетъ съ корнемъ, напр. *вед*-у, *сад*-омъ. Не трудно видѣть, что морфологическія части слова не имѣютъ въ языкѣ независимаго существованія, всегда являясь соединенными между собою для образованія словъ. [1])

При морфологическомъ дѣленіи слова самымъ крупнымъ является дѣленіе на *основу* и *окончаніе*. Здѣсь нужно отмѣтить рѣзкую разницу между этими частями по характеру значенія: основа, значеніе которой образуется изъ корневого значенія, дополняемаго значеніемъ префикса и суффикса, является носителемъ *собственнаго значенія слова*, присоединяющіяся же къ основѣ окончанія служатъ для показанія *отношеній* между собственными значеніями словъ въ предложеніи. Такимъ образомъ, окончанія имѣютъ *синтаксическое* значеніе, такъ какъ при помощи ихъ слова соединяются въ предложенія.

[1]) Не слѣдуетъ думать, что морфологическія части словъ остаются неподвижными въ жизни языка; напротивъ того, какъ мы убѣдимся ниже, онѣ подвергаются разнообразнымъ измѣненіямъ. Соотвѣтственно этому ихъ можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія—статической и историко-этимологической.

Примѣчаніе. Говоря объ основѣ, необходимо указать на неточность, которая содержится въ томъ опредѣленіи, какое она обыкновенно имѣетъ въ учебникахъ, т. е. что «основою называется *неизмѣняемая* часть слова при склоненіи или спряженіи». Такое опредѣленіе, очевидно, опирается на общепринятое правописаніе словъ; но какъ скоро мы обратимся къ живому произношенію, то встрѣчаемся съ варіаціями (разновидностями) основы, срв. напр. го́д-у ‖ гад-а́. Вообще, каждая морфологическая часть можетъ представлять варіаціи звуковъ соотвѣтственно существующимъ въ языкѣ звуковымъ чередованіямъ, изученіе которыхъ относится къ фонетикѣ. Въ такихъ случаяхъ, какъ пек-у ‖ печ-ешь, даже и орѳографія указываетъ на звуковое чередованіе въ основѣ. Ученіе объ основѣ, какъ о неизмѣняемой части, можетъ быть приложимо развѣ къ исходному состоянію въ аріоевропейскомъ праязыкѣ, предшествовавшему возникавшимъ въ разныя эпохи фонетическимъ видоизмѣненіямъ основы.

Въ области окончаній нужно разъяснить своеобразный ихъ характеръ, который они имѣютъ *въ разныхъ частяхъ рѣчи*. Сначала отмѣтимъ разницу между глагольными и падежными окончаніями, состоящую въ томъ, что личныя окончанія глагола представляютъ синтаксически бо́льшую независимость по сравненію съ падежными окончаніями существительныхъ. Такъ, если я употреблю въ рѣчи просто личную форму глагола (особенно первыхъ двухъ лицъ), напр. „иду", то эта форма будетъ вполнѣ понятна слушающему, тогда какъ если скажу какую-нибудь падежную фор-

му, напр. „столу“, то на основаніи этой формы, отдѣльно сказанной, слушателю остается неяснымъ, что именно я хотѣлъ выразить. Причина этой разницы заключается въ томъ, что при личной формѣ глагола подразумѣвается личное мѣстоименіе соотвѣтствующаго лица какъ подлежащее, вслѣдствіе чего личная форма глагола имѣетъ смыслъ предложенія, тогда какъ отдѣльная падежная форма существительнаго (за исключеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Именит., когда онъ употребленъ для названія указываемаго предмета, и Зват. падежа, а въ отвѣтахъ и другихъ падежей) не можетъ принимать смысла предложенія. Падежныя окончанія прилагательныхъ, употребляющихся не въ смыслѣ существительныхъ, служатъ не столько для указанія падежнаго оттѣнка значенія, сколько для согласованія съ существительнымъ, т. е. для обозначенія того, къ какому существительному прилагательное относится. Чрезъ присоединеніе къ основѣ мѣняющихся окончаній получается въ языкѣ *словоизмѣненіе* или *флексія*, т. е. грамматическія системы склоненій и спряженій. [1])

Мы говорили, что основа можетъ совпадать съ корнемъ слова, но чаще она представляетъ собою распространеніе корня *префиксами* и *суффиксами*; напр. въ словѣ „*вод*-а“ основа и корень совпадаютъ, но отъ того же корня имѣются и распространенныя основы, напр. *водиц*-а, *водичк*-а, *водян*-ой, *водник*-а, *водн*-ый, *безводн*-ый, *обезвод*-ить и т. п. Въ томъ случаѣ, когда основа совпадаетъ съ корнемъ, соотвѣтствующія слова называются *корневыми*, напр. „*вод*-а“—корневое существительное, „*лѣв*-ый“—корневое прилагательное, *пек*-у—корневой глаголъ и т. п.; если же основа получается путемъ прибавленія суффиксовъ или префиксовъ, то соотвѣтствующія слова называются *производными*, напр. отъ корневаго суще-

[1]) Иногда въ грамматическихъ сочиненіяхъ и самыя окончанія, присоединяющіяся къ основѣ, называются флексіями, но это не совсѣмъ точное примѣненіе термина.

ствительнаго „вода“ происходитъ производное сущ. „*водиц*-а“, а отъ послѣдняго новое производное сущ. „*водичк*-а“ и т. п.; при этомъ слово, отъ котораго непосредственно производится другое, по отношенію къ послѣднему называются его *производящимъ*. Префиксы и суффиксы, служа для образованія основъ, рѣзко отличаются по значенію отъ флексіи: они служатъ для полученія новаго *собственнаго* значенія слова, тогда какъ флексія служитъ для показанія *отношеній* между собственными значеніями словъ въ предложеніи. Теперь разъяснимъ разницу по характеру значенія между префиксами и суффиксами: основное значеніе первыхъ заключается въ указаніи направленія дѣйствій (напр. *пере*возить), а также въ указаніи пространственныхъ отношеній (напр. *под*свѣчникъ), основное же значеніе вторыхъ—классифицирующее, т. е. заключается въ указаніи класса представленій, въ который зачислено данное представленіе. Отсюда становится понятнымъ, почему именно *существительныя* представляютъ наибольшее богатство и разнообразіе суффиксовъ, а именно—соотвѣтственно обилію и разнообразію предметовъ, подлежащихъ группировкѣ; глаголы же, будучи бѣдны суффиксами, широко пользуются префиксами. Что касается въ частности суффиксовъ, то ихъ значеніе двояко: а) основное значеніе слова остается то же, измѣняется только оттѣнокъ, какъ напр. въ уменьшительныхъ существительныхъ (срв. столъ<сто*ликъ*), б) получается новое представленіе, хотя и стоящее въ нѣкоторомъ соотношеніи къ тому представленію, которое принадлежитъ производящему слову, напр. печь<печ-*никъ* (послѣднее существительное обозначаетъ уже совсѣмъ другой предметъ—человѣка, дѣлающаго печи), при чемъ самое отношеніе по смыслу между производящимъ и производнымъ остается невыраженнымъ, подразумѣвается; нужно еще прибавить, что во второмъ случаѣ, т. е. при производствѣ словъ съ новымъ собственнымъ значеніемъ, можетъ мѣняться и часть рѣчи, напр. домъ<домовой<домовникъ<домовничать. Мы видимъ здѣсь, что производство словъ

съ новымъ собственнымъ значеніемъ при посредствѣ суффиксовъ указываетъ на замѣчательную экономію силъ, какая обнаруживается въ языкѣ при нахожденіи словесныхъ символовъ для обозначенія новыхъ идей, такъ какъ прибавка соотвѣтствующаго суффикса избавляетъ отъ труда созданія совсѣмъ новыхъ словъ. Имѣя ограниченный рядъ корней и придаточныхъ элементовъ, говорящій получаетъ возможность путемъ сочетанія ихъ выражать всю массу представленій.

Особый случай словопроизводства представляютъ *сложенія* (сложныя слова), напр. водолазъ, черноглазый, боготворить и т. п. Словосложеніе тоже касается собственнаго значенія словъ и служитъ восполненіемъ обыкновеннаго (суффиксальнаго) производства. Связь между ними ясно видна въ томъ случаѣ, когда языкъ, слабо развивъ одинъ способъ словопроизводства, компенсируетъ (вознаграждаетъ) его другимъ; такъ, въ нѣмецкомъ языкѣ существительныя очень бѣдны суффиксами, вслѣдствіе чего тамъ многимъ русскимъ суффиксамъ существительныхъ соотвѣтствуетъ употребленіе сложеній; напр. въ русскомъ языкѣ классъ ягодъ обычно выражается посредствомъ суффикса *-йка* или *-нйка*, напр. *ежевика*, *земляника* и т. д., а въ нѣмецкомъ видимъ сложенія съ словомъ *beere* т. е. „ягода“ (срв. *земляника*=нѣм. Erdbeere, *ежевика*=Brombeere, *костяника*= Steinbeere, *черника*=Heidelbeere, Schwarzbeere и т. п.), или многимъ русскимъ существительнымъ на *-никъ* (какъ напр. *сапожникъ* и т. п.) въ нѣмецкомъ соотвѣтствуютъ сложенія съ словомъ *-macher* т. е. „дѣлающій“ (Stiefelmacher и т. п.). Второй членъ сложеній, въ случаѣ своей большой употребительности, иногда понижается въ своей знаменательности до роли суффикса, примѣровъ чего не мало встрѣчаемъ опять-таки въ нѣмецкомъ (таковы суффиксы -bar, -haft, -tel и др.); въ русскомъ языкѣ въ такихъ сложныхъ прилагательныхъ, какъ „стекловидный“ и т. п., вторая часть *-видный* стала уже если не вполнѣ, то почти суффиксомъ. Какъ при обыкновенномъ словопроизводствѣ, такъ и въ сложеніяхъ со-

держится элементъ *подразумѣваемости*: подразумѣвается
(остается невыраженнымъ, предоставляется догадливости слу-
шателя, угадывается) отношеніе между представленіями, обо-
значаемыми обоими членами сложенія (срв. водолазъ || водо-
возъ). Благодаря возможности подразумѣванія въ сложеніяхъ,
послѣднія нерѣдко составляются изъ цѣлыхъ выраженій (напр.
немогузнайка и т. п.). Въ русскомъ языкѣ кромѣ природныхъ
сложеній встрѣчаемъ не мало переводныхъ, которыя частію
вошли въ языкъ въ древнее время при переводѣ съ греческа-
го (богатаго сложеніями) книгъ церковныхъ и сочиненій для
назидательнаго чтенія (срв. благоуханіе=*εὐωδία*, благодушіе=
εὐψυχία, малодушіе = *μικροψυχία*, первообразный = *ἀρχέτυπος*,
сребролюбіе=*φιλαργυρία* и др.), частію же въ новое время при
переводѣ Одиссеи Жуковскимъ, который ввелъ цѣлый рядъ
новыхъ сложныхъ прилагательныхъ, образованныхъ въ подра-
жаніе греческимъ, напр. „*широкошумящее море*“, „*широковер-*
шинныхъ деревъ“, „въ облакамъ *темносвѣтлымъ*“, „*мягко-*
одутлой рукою“ и т. п., изъ послѣдующихъ писателей влія-
ніе Жуковскаго въ этомъ отношеніи сильнѣе сказалось на
Гоголѣ и затѣмъ Тургеневѣ.

Бросимъ теперь взглядъ на *морфологическій составъ*
словъ съ точки зрѣнія психологической. Мы знаемъ, что каждый
звукъ въ словѣ съ точки зрѣнія произношенія представляетъ
сумму двигательныхъ импульсовъ, вызывающихъ мышечныя
работы говорильнаго аппарата, которыя въ свою очередь со-
провождаются соотвѣтствующимъ мышечнымъ чувствомъ; съ
точки зрѣнія слышанія звукъ представляетъ тоже сумму про-
стѣйшихъ слуховыхъ ощущеній, изъ которыхъ слагается дан-
ный слышимый звукъ. Когда произносимъ слово, то послѣднее
представляетъ рядъ такихъ произносимыхъ и вмѣстѣ слыши-
мыхъ звуковъ; слѣдовательно, съ точки зрѣнія психологиче-
ской, каждое слово представляетъ собою ассоціацію по смеж-
ности соотвѣтствующихъ звуковыхъ идей. Однако слова нашей
рѣчи являются не просто рядами звуковъ произносимыхъ и

слышимыхъ, но эти ряды связаны съ тѣмъ или другимъ *значеніемъ*. Нужно замѣтить, что сами по себѣ звуковыя идеи словъ не связаны съ объективнымъ міромъ, но только какъ символы служатъ для обозначенія другихъ представленій. Когда происходитъ обмѣнъ мыслями между говорящимъ и слушающимъ, то у перваго мысль предшествуетъ и вызываетъ собою произношеніе слова (символа), а у второго предшествующимъ является слышимое слово (символъ), которое и вызываетъ собою мысль. Въ обоихъ случаяхъ легкость процесса вызыванія зависитъ отъ упражненія или повторенія, благодаря которымъ связь слова и значенія болѣе и болѣе закрѣпляется. Кромѣ ассоціаціи въ силу *полнаго сходства* (иначе—по тожеству), происходящей при повтореніи одного и того же слова, можетъ происходить ассоціація по *частичному сходству*, именно—когда произносятся слова родственныя по какой-либо морфологической части; такъ, слова „*вы*вожу“ и „*вы*ходить“, различаясь по корню и окончанію, представляютъ примѣръ ассоціаціи по частичному сходству—по сходству префикса, и т. п. Благодаря такимъ частичнымъ ассоціаціямъ, въ нашемъ умѣ образуются морфологическія части словъ, а самыя слова комбинируются по сходству значенія и словоизмѣненія въ грамматическія системы, т. е. получаются сложныя ассоціаціи типовъ склоненія, спряженія и пр.; само собою разумѣется, что предложеніе представляетъ собою еще болѣе сложный комплексъ ассоціацій. [1]) Сложный

---

[1]) Такимъ образомъ, грамматическія категоріи являются категоріями нашего ума; но, чтобы не приписать уму фиктивныхъ категорій, необходимо приводить доказательства въ пользу дѣйствительнаго существованія тѣхъ или другихъ грамматическихъ категорій въ умѣ говорящихъ. Такъ, въ фактахъ рѣчи можно найти рядъ подтвержденій того, что морфологическія части, на которыя разлагаются слова, дѣйствительно существуютъ въ нашемъ умѣ; ограничусь двумя доказательствами: 1) если заимствуется слово изъ другого языка, то оно обычно принимаетъ префиксы, суффиксы и окончанія, свойственныя языку заимствующему (напр. срв. образованія

ассоціативный аггрегатъ словъ постепенно пріобрѣтается съ дѣтства при усвоеніи родной рѣчи; вслѣдствіе упражненія ассоціаціи становятся настолько сильными, что какъ бы вырабатывается механизмъ рѣчи, благодаря которому достаточно появиться въ нашемъ умѣ какой-нибудь мысли, и мы выражаемъ ее почти безсознательно въ словахъ, а слушающіе такъ же легко воспринимаютъ и понимаютъ ее.

Морфологическіе процессы. Не только звуки нашей рѣчи, но и морфологическія категоріи въ теченіе времени подвергаются измѣненіямъ. Такъ какъ слова и вообще морфологическія категоріи представляютъ двѣ стороны—*внутреннюю* или сторону значенія и *внѣшнюю* или звуковую, то мы прослѣдимъ измѣненія въ морфологическихъ категоріяхъ сначала съ внутренней или семазіологической, а затѣмъ съ внѣшней стороны. [1])

Обращаясь къ семазіологической сторонѣ *словъ*, мы прежде всего замѣтимъ, что представленія и понятія, обозначаемыя тѣми или другими словами, у каждаго человѣка, начиная съ дѣтства, развиваются и измѣняются, такъ какъ получаются новыя ощущенія, возникаютъ новыя ассоціаціи между представленіями и пр. Отсюда слѣдуетъ, что представленія и понятія, обозначаемыя въ языкѣ опредѣленными словами, у разныхъ лицъ не тожественны, такъ какъ у каждаго имѣютъ свою

отъ заимствованнаго слова «лимонъ»—лимон*у*, лимон*щикъ*, слимон*ить* и т. п.) и которыхъ раньше заимствуемое слово не имѣло; 2) явленія аналогіи представляютъ подстановку однѣхъ морфологическихъ частей вмѣсто другихъ (напр. срв. произношеніе «держ*утъ*» вм. «держ*атъ*»), чѣмъ доказывается дѣйствительное существованіе въ языкѣ этихъ частей. Итакъ, слово, съ точки зрѣнія психологической, есть рядъ идей звуковъ произносимыхъ и слышимыхъ, связанный со значеніемъ и могущій разлагаться на знаменательныя или морфологическія части.

[1]) Вопросы развитія значенія словъ нерѣдко выдѣляются въ лингвистикѣ въ особый отдѣлъ, носящій названіе *семазіологіи* или *семантики* (отъ греческаго слова σημαίνω=означаю).

особую исторію образованія. Такъ напр. представленіе звука, грозы и т. п. у простолюдина и у ученаго физика весьма различно. Съ другой стороны, одинаковость условій жизни и обстановки благопріятствуетъ сходству представленій; напр. тѣ же представленія звука и грозы у разныхъ физиковъ будутъ весьма сходны.

Что касается *развитія значенія словъ въ языкѣ*, то одна изъ причинъ его заключается въ томъ, что названіе какого-нибудь предмета, дѣйствія и пр. можетъ по *ассоціаціи смежности* переноситься на сопутствующую обстановку, и такимъ образомъ слово пріобрѣтаетъ новое значеніе. Такъ, слово „питье“ означаетъ собственно извѣстное дѣйствіе, но это же названіе со временемъ распространилось и на то, что̀ пьется; подобнымъ же образомъ слово „ѣда“ означаетъ не только дѣйствіе ѣды, но и то, что̀ ѣдятъ; слово „жалоба“ можетъ означать и соотвѣтствующее дѣйствіе, а затѣмъ—по смежности—и бумагу съ жалобой; слово „судъ“ можетъ означать судебный разборъ, судящихъ—какъ лицъ производящихъ дѣйствіе, наконецъ зданіе суда какъ мѣсто дѣйствія, и т. п.

Другимъ источникомъ развитія значенія словъ служатъ *ассоціаціи по сходству*, когда названіе съ одного предмета, дѣйствія и пр. переносится на другіе въ силу частичнаго между ними сходства. Такое употребленіе словъ встрѣчается почти на каждомъ шагу въ нашей рѣчи (напр. *опора* старости, *туча* стрѣлъ; *горячая* любовь, *ясная* мысль; солнце *сѣло*, *взошло*, вода *бѣжитъ* и т. д.), особенно же въ поэтическомъ языкѣ, всегда болѣе богатомъ уподобленіями. [1]) Отмѣтимъ такіе переносы значенія въ извѣстномъ стих. Кольцова „Нива“: „наливать“—собственно говорится о сосудѣ, который наполняется жидкостью, но по сходству слово пере-

[1]) Срв. Овсянико-Куликовскій Д. Наблюдательный и экспериментальный методы въ искусствѣ, гл. IV—VI—объ особенностяхъ поэтическаго языка (Вѣстн. Воспит. 1903, апр., 1—21).

несено на колосья, которые спѣютъ; „ходить“—это слово съ человѣка или животнаго, подвигающихся шагъ за шагомъ, перенесено и на движеніе волнъ; „виться“—собственно говорится о веревкѣ, но по сходству витья веревки съ полетомъ жаворонка слово „виться“ перенесено и на полетъ последняго.

И такъ, развитіе значенія словъ обусловливается уже извѣстными намъ факторами ассоціацій смежности и сходства; по неправильно говорятъ въ этомъ случаѣ объ „измѣненіи“ значенія словъ, такъ какъ тутъ въ дѣйствительности происходитъ *примѣненіе слова къ новому значенію* подъ вліяніемъ ассоціаціи смежности или сходства. Такимъ путемъ слово получаетъ разныя значенія, но нужно помнить, что при каждомъ отдѣльномъ актѣ мысли слово берется только въ одномъ опредѣленномъ значеніи. [1]) Возникающія явленія культуры и цивилизаціи нуждаются въ обозначеніи, и для этого изъ запаса словъ примѣняются по ассоціаціи смежности или сходства тѣ или другія слова, которыя покажутся наиболѣе подходящими, при чемъ нерѣдко для новыхъ обозначеній примѣняется не вполнѣ то же слово, но распространенное другими существующими въ языкѣ придаточными морфемами соотвѣтственно оттѣнку значенія (срв. *подсвѣчникъ*, *нагрудникъ* и т. п.). Во всѣмъ этомъ мы видимъ проявленіе уже извѣстна-

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ другихъ языковъ многозначности словъ, получившейся подъ вліяніемъ ассоціаціи идей по смежности или же сходству: *франц.* la gorge=горло; горлышко (бутылки, сосуда); жерло; ущелье (въ горахъ); желобокъ (въ блокѣ); коромысло (у водоносцевъ) и др.; échouer=сѣсть на мель; терпѣть неудачу; repartir=опять отправляться; возражать, отвѣчать; *нѣм.* die Feder=перо, султанъ; стиль; пружина; aufziehen=натягивать (струны), натянуть (о пластырѣ); заводить (часы); вытаскивать (воду изъ колодца); тянуть вверхъ, втаскивать; воспитывать; насмѣхаться, издѣваться, *англ.* body=тѣло; вещество; человѣкъ; корпорація, общество; собраніе; корпусъ (воен.); сводъ законовъ; главная часть чего—стволъ дерева, лифъ у платья и др.

го намъ принципа *экономіи*, господство котораго въ жизни языка такъ распространено.

Что касается измѣненія *морфологическаго состава* словъ, то таковое можетъ касаться какъ *внутренней*, такъ и *внѣшней* стороны; процессы, производящіе эти измѣненія, слѣдующіе: а) *опрóщеніе*, б) *переразложеніе*, в) *аналогія* и г) *дифференціація* (послѣдніе два тѣсно связаны между собою),—къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ.

а) Опрóщеніе. Опрóщеніемъ называется морфологическій процессъ, посредствомъ котораго слово съ сложнымъ морфологическимъ составомъ утрачиваетъ значеніе отдѣльныхъ своихъ морфологическихъ частей и становится простымъ символомъ даннаго представленія. Такъ, напр. слова „вкусъ" (срв. *кус*-ать, *кус*-окъ), „забыть" и т. п. имѣютъ только цѣлостное значеніе и морфологическій составъ этихъ словъ (в-кусъ, за-быть и т. п.) уже не чувствуется. Такимъ образомъ при опрóщеніи связь слова съ родственными ему словами утрачивается, вслѣдствіе чего оно обособляется отъ нихъ. [1]) Во многихъ словахъ опрóщеніе еще не произошло и они, имѣя цѣлостное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ связь съ другими родственными по морфологическимъ частямъ словами; такъ, напр., слово „столикъ" связывается съ цѣлою группою словъ, родственныхъ по корню (напр. *столовый*, *стольникъ* и т. д.) и суффиксу (напр. рубл*икъ*, штоф*икъ* и т. п.). Здѣсь мы видимъ явленіе антагонизма или борьбы между ассоціаціею по смежности (=связь слова съ его цѣлостнымъ значеніемъ) и ассоціаціею по сходству (=связь морфологическихъ частей того

[1]) Примѣры словъ съ опрощеніемъ можно въ изобиліи привести также изъ родственныхъ языковъ; срв. *нѣм.* der Vor-rat «запасъ», der Be-trag «итогъ» (въ счетѣ), die Ver-fassung «государственное устройство, конституція», aller-hand «всякій, разнаго рода», er-suchen «просить», be-gehen «совершать», be-kommen «получать», auf-kommen «выздоровѣть» (срв. рус. «встать»—о больномъ), и т. д.

же слова съ другими родственными образованіями). А такъ какъ въ живой рѣчи играетъ преимущественную роль цѣлостное (реальное) значеніе, то въ этомъ направленіи и совершается измѣненіе, т. е. морфологическій составъ многихъ словъ, благодаря употребленію ихъ, перестаетъ чувствоваться, при чемъ слова становятся простыми символами представленій, и такимъ образомъ на мѣсто *генетическаго* значенія въ нихъ выступаетъ значеніе *реальное*. Нѣкоторыя обстоятельства особенно благопріятствуютъ утвержденію опрóщенія словъ; такъ, въ словѣ могутъ произойти звуковыя измѣненія, вслѣдствіе которыхъ оно можетъ такъ разойтись съ родственными словами, что уже не можетъ ассоціироваться съ ними (срв. *оскомина* || *щемить*; *конецъ* || *начало* и т. п.); далѣе, могутъ выйти изъ употребленія родственныя слова, вслѣдствіе чего данное слово становится одинокимъ и уже не разлагается (срв. *кольцо*, первоначально уменьшительное для слова *коло*, которое вышло изъ употребленія). Такимъ образомъ слова, *въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени* разлагавшіяся на морфологическія части, *въ умахъ индивидуумовъ послѣдующаго времени* (при нѣкоторыхъ условіяхъ) уже не разлагаются, становятся простыми. Воспріятіе словъ съ сложнымъ морфологическимъ составомъ въ качествѣ простыхъ въ особенности падаетъ на періодъ *дѣтства* (т. е. на долю каждой новой генераціи), благодаря преимущественной роли въ этомъ возрастѣ *ассоціаціи по смежности*, посредствомъ которой устанавливается тѣсная связь образа или представленія съ его названіемъ какъ простымъ символомъ. Такимъ путемъ слова, новообразованныя предшествовавшею генераціею, у которой они чувствовались въ своемъ морфологическомъ составѣ, могутъ стать простыми для чутья слѣдующей генераціи. Морфологическое опрóщеніе ведетъ къ возникновенію въ языкѣ *новыхъ корней* на почвѣ прежнихъ префикса и корня (напр. по-долъ, по-суда, по-ясъ, в-кусъ, за-дача, су-пругъ,

за-быть и т. п.), или же корня и суффикса (кольц-о, пал-к-а, пес-к-омъ и т. п.); вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ соотвѣтствующая перемѣна въ чутьѣ морфологическаго состава словъ.[1]) Слова, въ которыхъ произошло опрощеніе, могутъ распространяться новыми префиксами и суффиксами, напр. забыть<перезабыть, вкусъ<вкусный и т. п. То, что генетическое значеніе уступаетъ свое мѣсто реальному значенію слова, представляетъ *огромную экономію и важность для мысли*; если бы рядомъ съ реальнымъ значеніемъ слова въ нашемъ умѣ всякій разъ являлось и генетическое, то это служило бы невообразимымъ тормазомъ мышленія.

б) **Переразложеніе.** Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію явленія, называемаго переразложеніемъ и состоящаго въ томъ, что слова въ умахъ индивидуумовъ извѣстнаго времени ассоціируются не тѣми сходными частями, которыми они ассоціировались въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени.

Начнемъ съ переразложенія между *основою* и *окончаніемъ*. Примѣромъ переразложенія такого рода могутъ служить формы *женамъ*, *женами*, *женахъ*, которыя первоначально разлагались на основу и окончаніе не такъ, какъ теперь, а именно въ нихъ *а* принадлежало къ основѣ: жена-мъ, жена-ми,

[1]) Какъ значительна можетъ быть такая перемѣна въ морфологическомъ чутьѣ, покажемъ на нѣсколькихъ примѣрахъ. Въ словѣ «пріятель» первоначальнымъ корнемъ было звукосочетаніе *при-*, какъ это видно изъ сравненія съ санскритомъ (скт. *priyás* «другъ»), теперь же это сочетаніе для непосредственнаго чутья представляется скорѣе префиксомъ, подобно слову «прі-ят-ный», съ которымъ слово «пріятель» ошибочно чувствуется даже какъ будто въ родствѣ; другимъ примѣромъ можетъ служить слово «поясъ»: здѣсь, наоборотъ, первоначальнымъ корнемъ является вторая половина слова—*ja*- (срв. зд. yāsta- «опоясанный» = греч. ζωστός), тогда какъ теперешнее морфологическое чутье склонно искать корень въ начальномъ сочетаніи этого слова, т. е. *поj* [асъ]; въ словѣ «сутки» корень—*тк* (ст.-сл. тъкъ), а *су*—префиксъ; въ словѣ «ужасъ» не каждый усмотритъ въ начальномъ *у*- префиксъ; и др.

жена-хъ.[1]) Но такъ какъ этотъ гласный повторялся передъ окончаніями и всѣхъ другихъ словъ того же склоненія (рыба-мъ, рука-мъ и т. п.), то онъ сталъ чувствоваться принадлежностью флексіи, и потому первоначальныя основы, кончавшіяся гласными, стали уже оканчиваться согласнымъ звукомъ, т. е. напр. жен-амъ, жен-ами, жен-ахъ. Закрѣпленію такого морфологическаго дѣленія могло способствовать то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ падежныхъ формахъ первоначальный тематическій гласный, сливаясь съ окончаніемъ, измѣнился до неузнаваемости (срв. жен*у*, гдѣ *у*=ст.-сл. ѫ и восходитъ къ ае. *-ām), а потому его какъ бы не стало въ основѣ. Что дѣйствительно такое переразложеніе наступило, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что новыя окончанія *-амъ*, *-ами* и *-ахъ* въ русскомъ языкѣ распространились по аналогіи и на всѣ прочія склоненія (срв. въ муж. р. раб*ахъ* || ст.-сл. рав-ѣхъ, въ ср. р. дѣл*ахъ* || ст. слав. дѣл-ѣхъ и пр.). Подобное же *сокращеніе основъ въ пользу окончаній* произошло и въ наст. времени глаголовъ; напр. *несетъ*, *несемъ* первоначально морфологически разлагались на несе-тъ, несе-мъ, а впослѣдствіи тематическій гласный отошелъ къ окончанію, т. е. нес-етъ, нес-емъ; также въ прош. вр. и неопр. накл. гласный основы перешелъ къ окончанію, напр. въ формахъ на *-алъ*, *-ать*, *-ѣлъ* и т. д.

Процессъ переразложенія наблюдается также въ области *суффиксовъ* при производствѣ словъ, при чемъ звуки, которые въ производящемъ словѣ заканчивали основу, отходятъ къ вновь прибавляемому суффиксу; напр. когда отъ прилагательныхъ на *-ный* образуются существительныя на *-икъ*, то всѣ эти производныя слова, имѣя передъ своимъ суффиксомъ

[1]) Такіе гласные, первоначально оканчивавшіе собою основу или *тему*, называются въ сравнительной грамматикѣ *тематическими*; въ склоненіи муж. рода (напр., срв. Твор. ед. «рабомъ»), такимъ тематическимъ гласнымъ былъ *о*, и т. п.

согласный *н*, ассоціируются между собою уже по сходству новаго **суффикса** *-никъ* (напр. озор-н-ой<озор-никъ, охот-н-ый<охот-никъ); подобнымъ же путемъ развились новые суффиксы *-щикъ*, *-ильникъ*, *-альщикъ*, *-овщикъ* и т. п., могущіе затѣмъ получать особые оттѣнки значенія и употребляться независимо отъ первоначальныхъ условій возникновенія. Болѣе разросшіеся суффиксы, естественно, образовались въ языкѣ позже по сравненію съ болѣе простыми.

Переразложеніе между *предлогами* (или *префиксами*) и *корнемъ* встрѣчается сравнительно рѣдко. Сюда надо отнести возникновеніе *н* въ формахъ мѣстоименія 3-го лица: его || *н*его, ему || *н*ему и пр.; начальное *н* вторыхъ формъ первоначально принадлежало тремъ предлогамъ—*съ*, *въ*, *къ*, которые оканчивались имъ; но такъ какъ это *н* удерживалось только въ положеніи передъ начальными гласными или j слѣдующаго слова, передъ согласными же не сохранялось, то постоянною частью нашихъ предлоговъ стали комплексы безъ *н*, т. е. *въ*, *съ* и *къ*, съ которыми и ассоціировалось значеніе, свойственное этимъ предлогамъ, конечное же *н* въ тѣхъ случаяхъ, когда удерживалось, стало чувствоваться принадлежащимъ слѣдующей мѣстоименной формѣ; путемъ же аналогіи формы съ начальнымъ *н* стали употребляться и послѣ всѣхъ прочихъ предлоговъ, напр. *о немъ* и т. п. Отдѣленіе *н* отъ предлога произошло также при существительныхъ—*н*утрь, *н*утро (срв. утроба), с*н*ѣдь (срв. ѣда). Аналогичнаго происхожденія *н* въ глаголахъ в*н*ушить, в*н*имать (а путемъ аналогіи—по*н*имать и пр.), с*н*ѣдать (срв. съѣдать). Такимъ образомъ старое объясненіе рассматриваемаго *н* благозвучіемъ оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ это *н* имѣетъ этимологическое основаніе.[1]) Къ примѣрамъ переразложенія между корнемъ и предлогомъ нужно отнести также простонародное произношеніе „овторникъ", „Аршава" и т. п., объясняющееся слѣдующимъ образомъ. Въ русскомъ языкѣ предлоги, оканчивающіеся на согласный, кромѣ этой краткой своей формы, являются еще въ полной формѣ съ бѣглымъ *о*, напр. въ || во, надъ || надо и пр.; въ своей краткой формѣ эти предлоги являются передъ формами, начинающимися съ гласнаго звука или простого согласнаго (напр. въ *огонь*, въ *Архангельскъ*, въ *Варшаву*), а при формахъ, начинающихся двумя согласными, являются въ полномъ видѣ (напр. во *вторникъ*). Отсюда возникли случайныя совпаденія выраженій по начальнымъ звукамъ: *во* вторникъ и *въ огонь*, *въ* Архангельскъ и *въ* Варшаву (гдѣ вмѣсто *вв* можетъ слышится простое *в*) и т. п.; а эти совпаденія повели къ неправильному разложенію путемъ пропорціональной аналогіи:

*в*огонь : огонь = *в*овторникъ : *x*
x = овторникъ;

*в*архангельскъ : архангельскъ = *в*аршаву : *x*
x = аршаву.

в) **Аналогія.** Такъ какъ въ предъидущемъ намъ уже не разъ приходилось объяснять языковыя явленія посредствомъ аналогіи, то здѣсь будетъ достаточно коснуться лишь сущности этого процесса. Нерѣдко случается, что значеніе, свойственное какой-либо морфологической части, выражается не однимъ, а двумя и болѣе символами (звуковыми комплексами),

---

[1]) Вопросъ этотъ былъ подробно изслѣдованъ и объясненъ проф. Бодуэномъ-де-Куртенэ въ статьѣ «О такъ называемой «эвфонической вставкѣ» согласнаго *н* въ славянскихъ языкахъ», см. его Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки, вып. I, Воронежъ 1877 (отд. отт. изъ «Филологическихъ Записокъ), стр. 17—53. Ему же принадлежитъ и столь важное въ морфологіи обобщеніе о сокращеніи основъ въ пользу окончаній въ аріоевропейскихъ языкахъ. Съ своей стороны, я старался въ статьѣ «О морфологической абсорпціи» (Р. Ф. В., 1881, № 3), а также нѣкоторыхъ послѣдующихъ, всѣ эти вопросы обосновать психологически.

напр. 3 л. мн. ч. въ настоящемъ времени имѣетъ два окончанія -утъ (-ютъ) и -атъ (-ятъ). Можетъ случиться, что идея значенія не одинаково тѣсно связана съ каждымъ изъ этихъ символовъ, вслѣдствіе неодинаковой частоты ихъ употребленія или неодинаковой выразительности; тогда одинъ изъ символовъ будетъ прочнѣе связываться съ данной идеей значенія, вслѣдствіе чего будетъ вызываться и тамъ, гдѣ прежде употреблялся другой, напр. окончаніе *-утъ* (*-ютъ*), въ случаѣ неударенности, вытѣснило собою въ живой рѣчи окончаніе *-атъ* (*-ятъ*), срв. произношеніе „*держутъ*", „*ходютъ*". Про такіе случаи и выражаются, что въ нихъ одна морфема замѣнена другою „по аналогіи". Въ народныхъ говорахъ явленія аналогіи возникаютъ съ большею легкостью по сравненію съ литературнымъ языкомъ, благодаря отсутствію сдерживающаго вліянія со стороны письменной традиціи. Если обратимся къ дѣтской рѣчи, то увидимъ, что ребенокъ выучивается склонять и спрягать не каждое слово отдѣльно, но и самъ создаетъ формы по аналогіи съ тѣмъ, что уже знаетъ, при чемъ естественно у него могутъ быть и ошибки. [1]) Нѣкоторыя изъ такихъ ошибочныхъ образованій, приспособленныя къ строю языка, путемъ подражанія могутъ получить болѣе широкое распространеніе и утвердиться въ языкѣ; такимъ образомъ они представляютъ собою задатокъ будущихъ перемѣнъ въ языкѣ.

г) **Дифференціація** (различеніе). Въ умѣ говорящихъ могутъ вырабатываться новые оттѣнки значенія, еще не имѣющіе въ языкѣ особаго выраженія; а такъ какъ языку присуще стремленіе къ выразительности, т. е. чтобы особые оттѣнки имѣли по возможности особое обозначеніе, то можетъ

[1]) Болѣе слабая память является весьма благопріятствующимъ обстоятельствомъ для послѣднихъ; такъ, мнѣ приходилось наблюдать надъ мальчикомъ съ слабой памятью, какъ часто въ его рѣчи случались индивидуальныя ошибочныя образованія по аналогіи, напр. къ в *лю* и т. п.

случиться, что одна разновидность морфемы закрѣпится за однимъ оттѣнкомъ значенія, другая за другимъ и т. д., и такимъ образомъ произойдетъ „дифференціація" морфемъ. Типичные примѣры дифференціаціи встрѣчаемъ въ склоненіи существительныхъ муж. рода, напр. дифференціація по оттѣнку значенія окончаній Р. ед. *-а* и *-у*, срв. выраженія: „цвѣтъ снѣга" ‖ „много снѣгу",—во второмъ случаѣ Род. пад. съ окончаніемъ *-у*, т. е. какъ въ названіи вещественномъ, зависящемъ отъ слова, обозначающаго количество. Дѣйствіе фактора дифференціаціи такъ же широко распространено въ языкѣ, какъ и фактора аналогіи; мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ явленіемъ разнообразія окончаній для одной и той же формы; хотя бы эти окончанія и не были дифференцированы между собою по смыслу, но они дифференцированы внѣшнимъ образомъ — по типамъ склоненія или спряженія, и чѣмъ съ большимъ удобствомъ для памяти имѣется такая внѣшняя дифференціація, тѣмъ устойчивѣе разновидности морфемъ противъ дѣйствія аналогіи.

Части рѣчи. Мы уже упоминали, что слова группируются въ тѣ наиболѣе крупные морфологическіе разряды, которые извѣстны подъ названіемъ *частей рѣчи*. При классификаціи частей рѣчи нужно имѣть въ виду какъ сторону значенія ихъ, такъ и сторону словоизмѣненія, а кромѣ того необходимо обратить вниманіе на соподчиненіе однѣхъ частей рѣчи другимъ, что въ школьныхъ грамматикахъ обыкновенно игнорируется, при чемъ всѣ части рѣчи ставятся на одну линію. Говоря о значеніи, должно замѣтить, что одни слова имѣютъ полное собственное значеніе, носителемъ котораго, какъ мы знаемъ, служитъ основа, соединяющаяся съ соотвѣтствующими окончаніями (напр. дуб-омъ, бѣл-ый, ст-о, дѣл-аю, умн-о), другія же слова не имѣютъ собственнаго значенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ основы, и служатъ въ своемъ цѣломъ лишь для показанія разнаго рода отношеній въ

предложеніи между словами съ собственнымъ значеніемъ или также между предложеніями (напр. *при*, *но*). Слова перваго отдѣла мы можемъ назвать *полнозначными* или *словами съ собственнымъ значеніемъ*, а слова второго отдѣла *словечками отношеній* или *частицами*; [1]) съ точки же зрѣнія словоизмѣненія первыя можно назвать *измѣняемыми* частями рѣчи, а вторыя—*неизмѣняемыми*.

Въ отдѣлѣ словъ съ полнымъ собственнымъ значеніемъ одни слова болѣе самостоятельны, другія же подчиняются имъ, такъ какъ служатъ опредѣленіемъ ихъ. Слова съ самостоятельнымъ собственнымъ значеніемъ дѣлятся на 1) слова, служащія для обозначенія предметовъ (или точнѣе бытій) и ихъ представленій въ нашемъ умѣ, и 2) слова, служащія для обозначенія дѣйствій и ихъ представленій въ нашемъ умѣ. Къ этимъ двумъ обширнымъ категоріямъ словъ нужно присоединить 3) отдѣльныя слова, служащія для личныхъ указаній 1-го и 2-го лица, противополагающихся остальному міру предметовъ, обозначаемому 3-мъ лицомъ. Этимъ тремъ категоріямъ словъ отвѣчаютъ грамматическія термины: 1) *имя существительное*, 2) *глаголъ* и 3) *личное мѣстоименіе*. По характеру словоизмѣненія имена существительныя, какъ названія предметовъ, и мѣстоименія, какъ личныя указанія предметовъ, рѣзко отличаются отъ глагола: первыя измѣняются для показанія отношеній предметовъ къ дѣйствіямъ и между собою, и такое измѣненіе называется склоненіемъ; глаголъ же измѣняется для показанія способа и времени дѣйствія, а также для показанія отношенія дѣйствія къ подлежащему извѣстнаго лица и числа, и такое измѣненіе называется спряженіемъ. Семазіологическому различію между существительными и личными мѣстоименіями соотвѣтствуютъ нѣкоторыя различія въ области ихъ словоизмѣненія, какъ напр. отсутствіе категоріи рода въ личныхъ мѣстоименіяхъ 1-го и 2-го лица и нѣкоторыя особыя падежныя окончанія.

[1]) Въ русскихъ грамматикахъ этому дѣленію въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣленіе частей рѣчи на главныя или знаменательныя и служебныя, въ нѣмецкихъ грамматикахъ—Begriffswörter и Formwörter. Весьма типичны соотвѣтствующіе термины въ китайскихъ грамматикахъ—слова полныя и пустыя.

Переходя къ словамъ съ собственнымъ значеніемъ, но не имѣющимъ полной самостоятельности, прежде всего замѣтимъ, что они распадаются на двѣ группы: относящіяся къ существительному и относящіяся къ глаголу. Части рѣчи, являющіяся придаточными къ существительному, служатъ для опредѣленія послѣдняго 1) относительно качества, 2) относительно числа и 3) относительно указанія; соотвѣтственно этому они распадаются на *имена прилагательныя*, *имена числительныя* и *мѣстоименія опредѣлительно-указательныя*. Входящія въ составъ этой группы части рѣчи придаются къ существительному, что выражается внѣшнимъ образомъ въ *согласованіи* ихъ съ существительнымъ. Аналогичныя опредѣленія могутъ быть и къ глаголу (напр. хорошо, дважды, тамъ), и они имѣютъ общее названіе—*нарѣчія*. Къ придаточнымъ частямъ рѣчи, имѣющимъ собственное значеніе, слѣдуетъ еще отнести *причастія*, представляющія собою образованія прилагательныхъ отъ глагола съ удержаніемъ нѣкоторыхъ глагольныхъ свойствъ и занимающія какъ бы посредствующее положеніе между глаголомъ и именемъ прилагательнымъ, и *дѣепричастія*, представляющія собою родъ нарѣчій къ причастіямъ.

Перечисленныя нами знаменательныя части рѣчи не представляютъ собою совершенно обособленныхъ категорій, но часто отъ одной части рѣчи или—точнѣе—отъ ея основы образуется другая часть рѣчи путемъ распространенія соотвѣтствующимъ суффиксальнымъ элементомъ, какъ на это уже указывалось выше при разсмотрѣніи словопроизводства (напр. бѣлый<бѣлякъ, бѣлить, бѣло, бѣлѣющій, бѣлая; богатый<богатство, богатѣть, богато, разбогатѣвшій, разбогатѣвъ; свой<свойкъ, свойственный, усвоить, по-свойски и т. д.).

Говоря о частяхъ рѣчи знаменательныхъ или имѣющихъ собственное значеніе, носителемъ котораго является основа, нужно еще замѣтить, что полное свое значеніе, представляемое не только основою, но вмѣстѣ и окончаніемъ, онѣ получаютъ лишь въ предложеніи, становясь членами предложенія.

Что касается словъ или словечекъ, не имѣющихъ полнаго собственнаго значенія и не составляющихъ въ предложеніи особыхъ членовъ, то сюда относятся *предлоги* и *союзы*. Нѣкоторыя словечки съ пониженною знаменательностью не подходятъ ни подъ ту, ни подъ другую изъ указанныхъ группъ, а потому могутъ быть просто называемы *частицами* или *частичками*, напр. *ли*, *же*, *бы* и т. п.

Кромѣ указанныхъ словъ и словечекъ, мы должны еще назвать *междометія*, которыя служатъ выраженіемъ нашихъ эмоціональныхъ состояній. [1])

Все вышеизложенное о частяхъ рѣчи мы можемъ резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

Слова, относящіяся къ области умствен. представленій:			Восклицанія, относящіяся къ области эмоціональной:
Слова съ собств. знач.:		Слова безъ собств. значен.:	
Самостоят.:	Подчиненныя:		
1) *Существ.*	а) *Прилагательныя (также—прич.).* б) *числительныя.* в) *опред.-указат. мѣстоименія.*	1) *Предлоги.* 2) *Союзы.* 3) *Частички*, не подходящія подъ предъидущіе два разряда.	*Междометія.*
2) *Лич. мѣст.*			
3) *Глаголъ.*	*Нарѣчія (также —дѣепричастія).*		

[1]) Нѣкоторыя данныя изъ древне-русской письменности относительно числа частей рѣчи и ихъ названій были сообщены нами въ главѣ I-ой (стр. 7); эти же части рѣчи были затѣмъ приняты и въ печатной славян-

То разнообразіе частей рѣчи, какое мы теперь видимъ въ русскомъ языкѣ, конечно, развилось не сразу; однако изслѣдованіе возникновенія и перваго развитія ихъ лежитъ далеко за предѣлами русской грамматики, ибо, какъ показываетъ сравнительная грамматика, уже въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали въ главномъ тѣ части рѣчи, какія находимъ теперь; въ теченіе же обособленной жизни языковъ нашего семейства произошелъ рядъ дальнѣйшихъ измѣненій въ сферѣ этихъ частей рѣчи, представляющій особенности въ разныхъ вѣтвяхъ этого семейства, такъ, напр., въ прилагательныхъ еще въ славянскомъ праязыкѣ развилась рядомъ съ простою формою сложная, служащая въ современномъ русскомъ для отличія прилагательныхъ въ роли опредѣленія и сказуемаго, въ русскомъ глаголѣ наблюдаемъ потерю многихъ временныхъ формъ, но за то видимъ богатое развитіе видовыхъ оттѣнковъ, возникновеніе дѣепричастій, многія флексійныя формы, обособившись отъ своихъ системъ склоненія или спряженія, перешли постепенно въ нарѣчія, и союзы, и т. д.

Примѣчаніе. По причинѣ трудности дать точное опредѣленіе каждой части рѣчи, при начальномъ прохожденіи грамматики слѣдуетъ избѣгать

ской грамматикѣ З и з а н і я, при чемъ лишь слегка видоизмѣненъ порядокъ: первою частью рѣчи поставлено, «различіе» (т. е. членъ), а мѣстоименіе слѣдуетъ непосредственно за именемъ. Въ грамматикѣ М. С м о т р и ц к а г о «различіе» уже исключено, но за то въ концѣ прибавлено междометіе. Кромѣ того, онъ ввелъ совершенно новый терминъ *«дѣепричастіе»*, потребность въ которомъ, очевидно, вытекала изъ особенностей русскаго языка. Смыслъ этого термина легко выясняется изъ смысла родственнаго термина—«причастіе». Послѣдній, переведенный съ греческаго и латинскаго (μετοχή, participium), обозначаетъ такія слова, которыя причастны обѣимъ главнымъ частямъ рѣчи—имени и глаголу; терминомъ же «дѣепричастіе» подчеркивается та особенность дѣепричастія, что оно причастно только дѣйствію, такъ какъ служитъ въ качествѣ глагольнаго нарѣчія для опредѣленія глаголовъ; срв. Ж и т е ц к і й П. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII вѣкѣ, Кіевъ (1889), стр. 21. Кромѣ того, см. П о р ж е з и н с к і й В. Къ исторіи русской грамматики и грамматической терминологіи въ Сборникѣ статей въ честь В. О. Ключевскаго. М. 1909).

такихъ опредѣленій, вдобавокъ не соотвѣтствующихъ и умственному развитію дѣтей. На первыхъ порахъ всего проще—знакомить учениковъ съ частями рѣчи по ихъ основному смыслу, оставляя пока въ сторонѣ формальную сторону; такъ, существительное будетъ характеризоваться какъ названіе предмета, прилагательное—какъ названіе качества и пр. При этомъ можно даже устранить обычные грамматическіе термины, какъ это и дѣлается въ начальной школѣ. Но при дальнѣйшемъ прохожденіи грамматики вводятся уже настоящіе грамматическіе термины и присоединяются къ смысловымъ также формальные признаки частей рѣчи, т. е. указываются различія словоизмѣненія, связанныя съ опредѣленными частями рѣчи; напр., по ознакомленіи со склоненіемъ такихъ словъ, какъ «столъ» и т. п., переходятъ къ склоненію такихъ словъ, какъ «черный», и ученики замѣтятъ особенность склоненія, какъ и то, что эти послѣднія слова склоняются совмѣстно съ существительными. Когда будетъ проходиться такое словоизмѣненіе, какъ «несу», «несешь» и пр., ученики легко ознакомятся съ внѣшнимъ признакомъ глагола—способностью къ спряженію. Такимъ образомъ понятія о частяхъ рѣчи станутъ у нихъ болѣе полными, содержа кромѣ смысловыхъ различій и формальныя. Теперь ученикамъ будутъ доступны уже и болѣе полныя грамматическія опредѣленія частей рѣчи, т. е. съ указаніемъ признаковъ какъ смысловыхъ, такъ и формальныхъ.

Библіографическія указанія. Назовемъ общія сочиненія для морфологіи русскаго литературнаго языка: Ломоносовъ Россійск. Грамм.; Востоковъ Русская грамматика, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная (1859)[10], гдѣ авторъ въ основу своего изслѣдованія положилъ довольно полное собраніе именъ и глаголовъ, тщательно имъ классифицируемыхъ и разсматриваемыхъ какъ со стороны словоизмѣненія, такъ и ударенія; Буслаевъ Историч. грамм. рус. яз.; Миклошичъ Ф. Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ, перев. Н. Шляковъ, подъ редакціей Р. Брандта, вып. III—языки малорусскій и русскій, М. 1886 (переводъ богато снабженъ примѣчаніями проф. Брандта).

Глава VIII.

Имя существительное съ семазіологической стороны. Классификація склоненій именъ существительныхъ; типы ударенія.

Обычное школьное опредѣленіе имени существительнаго, что оно есть названіе всякаго предмета, вполнѣ понятно, пока рѣчь идетъ о такихъ названіяхъ, какъ: *столъ*, *стулъ*, *лошадь*, *гусь* и т. п. Но къ категріи именъ существительныхъ относятся также слова въ родѣ: *краснота*, *ходьба* и т. п. Едва ли мы будемъ говорить о нихъ, какъ о названіяхъ предметовъ, скорѣе скажемъ, что словомъ „краснота" обозначается нѣкоторое качество, а словомъ „ходьба"—нѣкоторое дѣйствіе. Послѣ этого естественно возникаетъ вопросъ, какая же разница между именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ, между существительнымъ и глаголомъ.

Остановимся сначала на самомъ простомъ случаѣ, на названіяхъ въ родѣ—„столъ". Не достататочно сказать, что это названіе служитъ для обозначенія извѣстнаго предмета. Кромѣ этой объективной стороны есть еще субъективная. Слово „столъ" служитъ обозначеніемъ соотвѣтствующаго умственнаго акта—нашего представленія даннаго предмета: мы можемъ говорить и думать о столѣ, не видя его, а лишь имѣя въ умѣ представленіе или идею этого предмета. Идея стола—сложная и образовалась въ нашемъ умѣ изъ массы ощущеній, полученныхъ нами въ теченіе жизни и относящихся къ дан-

ному классу предметовъ. Въ сложную идею стола привходятъ въ качествѣ частныхъ, идеи величины, формы, цвѣта, твердости и т. п. Возможно, что изъ массы частныхъ идей стола мы обратимъ особенное вниманіе на одну какую-либо, положимъ, на признакъ красноты. Въ этомъ случаѣ мы назовемъ сложное или цѣлое представленіе и его частное. Названіе послѣдняго будетъ имя прилагательное. Вполнѣ понятна связь частнаго представленія со своимъ сложнымъ. Въ сферѣ языка эта связь выражается согласованіемъ прилагательнаго съ существительнымъ: красный столъ, красная доска и т. п. [1]) Одно и то же частное представленіе можетъ входить въ составъ многихъ различныхъ сложныхъ представленій и потому простое или частное представленіе можетъ мыслиться и какъ самостоятельное или независимое. Въ такомъ случаѣ его названіе, получивши нѣкоторое отличіе посредствомъ соотвѣтствующаго суффикса, становится существительнымъ, при чемъ это послѣднее обозначаетъ собою уже не сложную идею, но простую, напр.: красн-*ота* и т. п. Впрочемъ иногда прилагательныя становятся существительными безъ присоединенія особаго суффикса; напр., слова *мастеровой*, *полицейскій*, *столовая* и т. д., хотя по формѣ и прилагательныя, но, употребляясь безъ существительнаго, они въ силу значенія становятся существительными. Разъяснимъ нѣсколько подробнѣе эти примѣры. Существительное „мастеровой“ получилось изъ выраженія „мастеровой человѣкъ“. Выраженіе это обозначаетъ собственно одно цѣльное субстантивное представленіе, и когда слово *человѣкъ* въ данномъ выраженіи опускается, то представленіе остается все то же, т. е. субстантивное. Подобнымъ же образомъ слово „столовая“ (собственно прилагат. женск. р.) чаще

[1]) Англійскій языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи особенность: въ немъ прилагательное безъ всякой перемѣны присоединяется къ своему существительному. Такъ же дѣло обстоитъ въ турецко-татарскихъ языкахъ, съ тою однако существенною разницею, что въ нихъ такое состояніе первично, тогда какъ въ англійскомъ вторично.

всего употребляется въ соединеніи съ существительнымъ *комната*, такъ что наконецъ это послѣднее опускается, при чемъ слово „столовая“, хотя по формѣ и остается по прежнему прилагательнымъ, но по своему значенію становится существительнымъ, такъ какъ означаетъ то, что прежде выражалось посредствомъ прилагательнаго + существит. [1]) Отсюда слѣдуетъ, что идея такихъ существительныхъ, какъ *мастеровой*, *столовая* и проч., въ противоположность такимъ, какъ *краснота*, будетъ уже болѣе сложной вслѣдствіе подразумѣваемаго существительнаго.

Многія существительныя, подобно глаголамъ, обозначаютъ дѣйствіе, напр. *ходьба, чтеніе* и т. п. Разница между такими существительными и соотвѣтствующими глаголами (срв. *хожу* || *ходьба*, *читаетъ* || *чтеніе* и т. п.) заключается въ томъ, что глаголы обозначаютъ дѣйствіе въ его совершеніи, т. е. съ оттѣнкомъ времени, лица и числа, между тѣмъ какъ въ существительныхъ (ходьба, чтеніе и пр.) уже не встрѣчаемъ указанныхъ оттѣнковъ: такія существительныя обозначаютъ простое представленіе дѣйствія, благодаря имъ дѣйствіе какъ бы опредмечивается и мы мыслимъ его какъ нѣчто самостоятельное, какъ бы бытіе.

Такія существительныя, какъ, *столъ*, *лошадь*, которымъ въ объективномъ мірѣ соотвѣтствуютъ воспринимаемые помощію нашихъ чувствъ предметы, называются конкретными, а такія какъ *краснота*, *ходьба*—умственными или отвлеченными (абстрактными). Однако было бы точнѣе назвать первые *конкретно-умственными*, такъ какъ и предметамъ конкретнымъ

[1]) Что касается самаго пропуска существительнаго, то подобное явленіе наблюдается очень нерѣдко въ повседневной рѣчи, когда существительное не договаривается, напр. «вы пьете крѣпкій или слабый (т. е. чай)?» и т. п. Мы видимъ здѣсь пропускъ существительнаго, легко подразумѣваемаго по обстоятельствамъ разговора, тогда какъ прилагательное необходимо для различеній. Разница съ ранѣе разсмотрѣнными случаями та, что здѣсь явленіе временное, а тамъ оно стало уже постояннымъ.

соотвѣтствуютъ въ нашемъ умѣ представленія (умственные акты); въ соотвѣтствіи съ этимъ терминомъ послѣднія можно назвать *абстрактно-* или *чисто-умственными*. Впрочемъ конкретность и абстрактность не являются въ языкѣ чѣмъ-либо постояннымъ; такъ, весьма часто одно и то же слово въ одномъ своемъ значеніи бываетъ абстрактнымъ, а въ другомъ—конкретнымъ, что получается въ языкѣ или вслѣдствіи того, что нерѣдко слова съ абстрактнымъ значеніемъ получили еще и конкретное подъ вліяніемъ ассоціацій смежности (напр. питьё=*абстр.*—именное названіе дѣйствія, *конкрет.*—то, что пьется), или же—наоборотъ—слова съ конкретнымъ значеніемъ могутъ стать еще и отвлеченными, перенесясь въ силу ассоціацій сходства съ конкретныхъ предметовъ на явленія міра умственнаго и духовнаго (напр. плодъ, корень, пылъ и т. п.). Кромѣ того, каждое конкретное существительное можетъ стать абстрактнымъ, если обозначаетъ не какой-либо опредѣленный предметъ міра реальнаго, но цѣлый родъ такихъ предметовъ, т. е. понятіе даннаго предмета, срв. напр. выраженіе „человѣкъ смертенъ", гдѣ слово „человѣкъ" является уже знакомъ родового и потому абстрактнаго понятія.

Имена существительныя **конкретныя**, какъ обозначающія настоящіе предметы, подраздѣляются на *нарицательныя* и *собственныя*: первыя служатъ для обозначенія отдѣльныхъ предметовъ одного и того же класса (человѣкъ, волкъ, дерево, домъ и пр.), вторыя—для обозначенія единичныхъ предметовъ такого класса (Викторъ, Петербургъ). Обыкновенно существительныя *собственныя* происходятъ изъ нарицательныхъ [1]) такимъ путемъ, что послѣднія принимаютъ (иногда съ прибавленіемъ особаго суффикса) новое индивидуальное значеніе, подъ вліяніемъ представляющейся въ

[1]) Они происходятъ иногда также и изъ отвлеченныхъ, которыя тогда становятся конкретными, срв. такія личныя имена, какъ Вѣра и проч.

томъ необходимости, какъ напр. при названіи лицъ и мѣстностей (срв. Владиміръ, Торжокъ и т. п.). [1])

Какъ нарицательныя, такъ и собственныя имена существительныя распадаются на *одиночныя* и *собирательныя*, при чемъ одиночныя примѣняются къ отдѣльнымъ предметамъ (человѣкъ, Викторъ и проч.), а собирательныя обозначаютъ цѣлое собраніе однородныхъ предметовъ, представляющихся уму какъ одно цѣлое (лѣсъ, стадо, Мордва, Чудь и т. п.). Существительныя *собирательныя* по происхожденію своему или представляютъ самостоятельныя слова для выраженія сообщества существъ и предметовъ, напр. *толпа*, *стадо*, *стая*, *лѣсъ*, *куча*, а также собранія вещества и матеріала, какъ—*градъ*, *снѣгъ*, *песокъ*, *дробь*, [2]) или же происходятъ отъ одиночныхъ путемъ распространенія названія на всю совокупность такихъ предметовъ (напр. слово *боръ* первоначально означало сосну, а затѣмъ хвойный лѣсъ), иногда съ присоединеніемъ соотвѣтствующаго суффикса, напр. сосна<сосн*я́къ* (обл. также сосн*я́гъ*), береза<бере́з*никъ*. [3])

Далѣе, существительныя конкретныя служатъ для обозначенія или *одушевленныхъ* предметовъ или же *неодушевленныхъ*. Предметы одушевленные представляютъ собою два естественныя различія рода *мужескій родъ* и *женскій*, названія же этихъ предметовъ принимаютъ различныя окончанія соотвѣт-

[1]) Кромѣ того, въ повседневномъ разговорѣ многія нарицательныя имена становятся какъ бы собственными, когда одного нарицательнаго имени въ связи съ обстоятельствами рѣчи достаточно для того, чтобы слушающій догадался, о которомъ именно предметѣ идетъ рѣчь. Особенно много примѣровъ можетъ представить понимаемый съ полуслова семейный разговоръ.

[2]) Въ послѣднемъ случаѣ отъ такихъ словъ можетъ производиться и названіе мелкихъ единицъ, образующихъ массу, напр. снѣж*инка* и т. д.

[3]) Нѣмецкій языкъ, какъ мы видѣли, въ послѣднемъ случаѣ нерѣдко пользуется сложными словами; напр. срв. der Birken*wald*=березникъ, die Erd*beeren*=земляника.

ственно роду, напр. братъ, волкъ || сестр*а*, волчиц*а*. Названія неодушевленныхъ предметовъ, хотя и представляютъ также различія мужескаго и женскаго рода (напр. садъ || вод*а*), но это различіе—чисто внѣшнее, грамматическое, опирающееся лишь на различіе окончаній. [1]) Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, при всемъ кажущемся сходствѣ по окончанію между названіями предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ одного и того же рода, русскій языкъ выработалъ одно грамматическое различіе, указывающее на принадлежность имени одушевленному или же неодушевленному предмету, особенно въ словахъ мужескаго рода: въ нихъ Вин. падежъ ед. ч. сходенъ съ Род. падежомъ того же числа, когда они обозначаютъ предметы одушевленные (напр. Вин. и род.—человѣк*а*), и съ Имен.—когда обозначаютъ предметы неодушевленные (напр. садъ); во множественномъ же числѣ это различіе, т. е. одинаковость Вин. съ Род. (въ названіяхъ предметовъ одушевленныхъ) или же съ Имен. (въ названіяхъ предметовъ неодушевленныхъ), проводится во всѣхъ родахъ. Каковъ бы ни былъ путь образованія въ русскомъ языкѣ этого формальнаго различія, но важенъ фактъ его существованія.

Теперь возникаетъ интересный вопросъ, что́ нѣкогда побудило говорившихъ отнести названія однихъ неодушевленныхъ предметовъ (напр. столъ, садъ) къ одной категоріи съ названіями предметовъ одушевленныхъ мужескаго пола, а названія другихъ неодушевленныхъ предметовъ (напр. нога, вода) къ одной категоріи съ названіями предметовъ одушевленныхъ женскаго пола? При выясненіи этого вопроса мы не

[1]) Замѣтимъ, что въ послѣднемъ случаѣ грамматическій родъ существительнаго какъ бы закрѣпленъ за названіемъ извѣстнаго неодушевленнаго предмета, тогда какъ въ первомъ случаѣ наблюдается нерѣдко производство именъ женскаго рода отъ именъ мужескаго рода для соотвѣтствующаго пола одушевленныхъ предметовъ (купецъ<купч*иха*, аптекарь<аптекар*ша*, шалунъ<шалун*ья*, медвѣдь<медвѣд*ица* и проч.).

выйдемъ за предѣлы фактовъ, если скажемъ, что подобное зачисленіе въ категорію мужескаго или женскаго рода происходило частію въ силу усматривавшихся въ неодушевленномъ предметѣ характерныхъ чертъ того или другого пола, частію же въ силу того, что между самими неодушевленными предметами замѣчалось какое-либо сходство, которое могло заставить отнести названіе новаго предмета къ одному роду съ прежде зачисленными. Но какіе именно моменты заставляли причислить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ неодушевленные предметы къ тому или другому роду,—вопросъ этотъ для удовлетворительнаго рѣшенія потребовалъ бы весьма сложнаго сравнительно-историческаго изслѣдованія по всѣмъ языкамъ аріо-европейскаго семейства.

Однако названія не всѣхъ неодушевленныхъ предметовъ были подведены подъ категоріи муж. и женск. рода, нѣкоторыя остались не подведенными, составивъ особую группу, называемую безъ всякаго основанія среднимъ родомъ, хотя точнѣе было бы назвать *неродовою*. [1]) Любопытно, что къ данной категоріи относятся также названія нѣкоторыхъ одушевленныхъ предметовъ, какъ напр. *дитя*, или въ старо-славянскомъ названія молодыхъ животныхъ (напр. жрѣбѧ, телѧ, прасѧ); названія этихъ предметовъ легко могли попасть въ неродовую категорію, такъ какъ въ этомъ случаѣ не представлялось существеннымъ отмѣтить различіе по естественному полу. Однако можно указать такія существительныя, какъ—*ребенокъ*, *теленокъ* и т. п., которыя по своей формѣ принадлежатъ къ категоріи муж. рода, хотя бы соотвѣтствующіе предметы по своему естественному полу и не подходили къ этой

[1]) Нѣкоторые языки, какъ напр. романскіе и семитическіе, не знаютъ такой категоріи именъ и различаютъ только два рода въ существительныхъ —мужескій и женскій, а другіе языки, напр. англійскій и турецко-татарскіе совсѣмъ не имѣютъ въ существительныхъ родовыхъ различій.

категоріи; [1]) а съ другой стороны есть существительныя по формѣ жен. рода (напр. *бѣдняга*, *убійца* и пр.), обозначающія одушевленный предметъ по качеству, которыя, смотря по естественному полу обозначаемаго предмета, могутъ быть муж. и жен. рода, какъ это можно видѣть изъ присоединяемыхъ опредѣлительныхъ словъ, напр. „*этотъ* бѣдняга" (муж. пола) || „*эта* бѣдняга" (жен. пола).

Существительныя **абстрактныя**, подобно названіямъ предметовъ неодушевленныхъ, имѣютъ грамматическій родъ, напр. *раздѣлъ*—муж., *ходьба*—жен., *чтеніе*—средн.

Затѣмъ, имена существительныя представляютъ еще различія количественныя; это—такъ называемыя *единственное* и *множественное число*. [2]) Не всѣ однако существительныя имѣютъ оба числа, есть такія существительныя, которыя являются въ формѣ одного только числа—единственнаго или же множественнаго. Къ категоріи существительныхъ, имѣющихъ лишь единственное число, естественно относятся имена *собственныя* (Петербургъ), далѣе—нѣкоторыя конкретныя имена съ *собирательнымъ значеніемъ* (листва, хворостъ, добыча, навозъ, сажа, копоть), [3]) а также обозначающія *вещество* (золото, молоко), наконецъ — *абстрактныя* существительныя, представляющія собою субстантивныя названія качествъ и

[1]) Подобнымъ же чисто формальнымъ образомъ въ нѣмецкомъ языкѣ относятся къ неродовой категоріи всѣ уменьшительныя на *-chen*, *-lein*, напр. Fräulein, Mütterchen, Brüderchen и т. п.

[2]) Въ старо-славянскомъ языкѣ, равно какъ и въ древне-русскомъ, было еще двойственное число, сохраняющееся доселѣ въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ нарѣчій.

[3]) Нѣкоторыя существительныя съ собирательнымъ значеніемъ, какъ увидимъ далѣе, употребляются—напротивъ—въ одномъ множ. числѣ; такъ, въ польскомъ русскому слову «сажа» соотвѣтствуетъ слово, употребляющееся только во множ. ч.—sadze (Род. sadz); срв. далѣе лат. sarmenta (-orum) «хворостъ».

дѣйствій (краснота, ходьба); [1]) къ категоріи же существительныхъ съ однимъ множественнымъ числомъ принадлежатъ названія такихъ предметовъ, которые хотя и мыслятся нами какъ одинъ предметъ, но въ представленіе которыхъ привходитъ идея парности или же множественности. Сюда относятся названія нѣкоторыхъ предметовъ *одежды* (брюки, помочи), предметовъ служащихъ для *ѣзды* (сани, дрожки, салазки), а также нѣкоторыхъ другихъ предметовъ *парнаго* симметричнаго строенія, напр. щипцы, ножницы, очки и т. п. Подъ идею множественности такъ или иначе можно подвести названія нѣкоторыхъ *пищевыхъ веществъ*, напр. сливки, дрожжи, отруби и т. д., а затѣмъ отглагольныя названія нѣкоторыхъ совмѣстныхъ *игръ*, напр. горѣлки, прятки, жмурки и т. п.; въ такихъ случаяхъ, какъ—похороны, крестины, поминки, роды и т. п.—имѣется въ виду множественность моментовъ, изъ которыхъ слагается дѣйствіе церемоніи или процесса. [2])

[1]) Абстрактныя имена съ видоизмѣненіемъ своего значенія въ сторону конкретности способны принимать форму мн. ч. (изученіе, изслѣдованіе и т. п.). Въ обыденномъ разговорѣ существительныя, употребляющіяся въ одномъ ед. ч., въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ принимать и мн. ч., какъ напр. въ выраженіяхъ угрозы (срв. фразы типа: «я тебѣ покажу Петербурги» и т. п.).

[2]) Если языки нашего семейства значительно совпадаютъ относительно существительныхъ, употребляющихся въ одномъ ед. ч. (срв. нѣмецкія соотвѣтствія приведеннымъ выше русскимъ примѣрамъ: das Laub=листва, die Beute=добыча, der Mist=навозъ, der Russ=сажа, копоть, das Gold=золото, die Milch=молоко и т. д.), то гораздо меньше согласія относительно употребляющихся въ одномъ множ. ч., срв. нѣм.: der Schlitten=сани, die Brille=очки, die Scheere=ножницы, das Leichenbegängniss=похороны и т. п.; при этомъ существительныя Schlitten, Brille и т. д. образуютъ также множ. число подобно обыкновеннымъ существительнымъ, тогда какъ слова «сани» и пр. естественно сохраняютъ ту же форму и для множ. числа (только съ прибавленіемъ числительныхъ къ этимъ именамъ оказывается въ русскомъ языкѣ одна особенность: числительныя берутся въ собирательной формѣ—*двое, трое, четверо*, и пр.). Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдѣльные языки согласны между собою также и относительно словъ, употребляющихся въ одномъ мн. ч., срв.: нѣм. Ränke=происки, франц. les ciseaux=ножницы, les funérailles=похороны, и т. п.

Категорія множественнаго числа имѣетъ кажущееся сходство съ категоріей существительныхъ собирательныхъ: и тутъ и тамъ обозначается множественность однородныхъ предметовъ. Разница между этими категоріями заключается въ слѣдующемъ. Существительныя собирательныя (collectiva) обозначаютъ сумму однородныхъ предметовъ какъ одно цѣлое и соотвѣтственно этому имѣютъ форму единственнаго числа (стадо, тряпье, воронье), при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ подобно обыкновеннымъ существительнымъ принимать и форму множественнаго числа, какъ напр. стадо—стада̀, лѣсъ—лѣса̀; категорія множественнаго числа не содержитъ въ себѣ такой идеи цѣлаго, но обозначаетъ простую множественность предметовъ. Кажущееся сходство существительныхъ собирательныхъ съ категоріей множественнаго числа могло быть поводомъ къ употребленію при существительномъ собирательномъ ед. ч., какъ подлежащемъ, сказуемаго во множ. числѣ, напр. въ древне-русскомъ языкѣ: „дружина моя сему смѣятися начнуть“ (Лавр. лѣтоп. подъ 965 г.); „Чюдь даша плеща“ [1]) (Новгор. лѣтоп. подъ 1242 г.).

Кромѣ измѣненій по числамъ, имена существительныя представляютъ еще измѣненія по п а д е ж а м ъ. Въ учебныхъ грамматикахъ обыкновенно насчитывается семь падежей (Именительный, Родительный, Дательный, Винительный, Звательный, Творительный и Предложный), тогда какъ въ дѣйствительномъ языкѣ можно различить еще другіе падежи. Къ последнимъ нужно отнести падежъ *Исходный*, напр. и̇зъ лѣсу; затѣмъ въ области такъ называемаго Предложнаго падежа [2])

---

[1]) даша плеща=побѣжали.

[2]) Наименованіе этого падежа Предложнымъ не точно въ томъ отношеніи, что съ предлогами могутъ соединяться въ русскомъ языкѣ всѣ падежныя формы, кромѣ Имен. и Зват.; особенность же даннаго падежа, послужившая поводомъ къ наименованію его Предложнымъ, заключается въ томъ, что въ современномъ русскомъ языкѣ онъ не употребляется безъ предлога, хотя въ болѣе древнемъ языкѣ встрѣчался и въ безпредложномъ употребленіи, при чемъ онъ имѣлъ мѣстное значеніе, напр. «заложи Володимеръ с҃тую Софью *Новѣгородѣ*» (Лавр. лѣтоп. подъ 1045 г.).

нужно различать: *Мѣстный*—принимающій часто въ существительныхъ муж. р. окончаніе -у̇, напр. на дому̇; *Изъяснительный*—въ тѣхъ же существительныхъ съ окончаніемъ -ѣ̇, напр. о домѣ; для Винит. падежа срв. во множ. числѣ различіе смысла такихъ выраженій, какъ—въ солдаты || въ солдатъ, въ гости || въ гостей (въ первомъ случаѣ формы получили общее безлично-собирательное значеніе, а во второмъ—личное или партитивное); и др. Такъ какъ значеніе падежныхъ оттѣнковъ выступаетъ полностью въ связной рѣчи, то детальное разсмотрѣніе ихъ относится къ синтаксису.

Въ заключеніе мы должны упомянуть о существованіи члена въ русскомъ языкѣ. Это многимъ можетъ показаться страннымъ, тѣмъ болѣе что школьная грамматика даже и не упоминаетъ о немъ, на самомъ же дѣлѣ въ русскомъ языкѣ, подобно нѣкоторымъ другимъ языкамъ, существуетъ членъ, развившійся изъ указательнаго мѣстоименія *тъ* (т. е. тотъ), *та, то*. Развитіе члена въ русскомъ языкѣ, какъ и въ иностранныхъ, произошло путемъ *пониженія знаменательности* указательнаго мѣстоименія, которое лишилось прежней самостоятельности и стало лишь придаткомъ существительнаго, сообщая ему бо̀льшую опредѣленность. Членъ въ русскомъ языкѣ ставится не передъ существительнымъ (какъ во франц., нѣм. и англ.), а послѣ него (какъ въ болгар., румынскомъ и шведскомъ). Однако употребленіе члена въ русскомъ языкѣ не столь обычно и часто, какъ въ другихъ языкахъ, а въ литературной рѣчи онъ встрѣчается лишь въ разговорахъ и притомъ въ однообразной формѣ *-то*; если же въ народныхъ говорахъ членъ слышится довольно часто, то и здѣсь употребленіе его болѣе свойственно разговору, нежели повѣствованію. Такое употребленіе члена находится въ связи съ его значе-

ніемъ: посредствомъ члена дѣлается какъ бы указаніе на тотъ или другой предметъ въ рѣчи. Этотъ оттѣнокъ можно усмотрѣть напр. въ слѣдующихъ фразахъ, взятыхъ изъ народнаго языка:

„Продаешь часы-ти?“ (т. е. вотъ эти именно часы, которые у тебя).

„Только бы мнѣ увидать тетю-ту“ (т. е. мою, твою и т. п.—смотря по смыслу).

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что въ народномъ языкѣ, въ отличіе отъ литературнаго, членъ подвергается опредѣленнымъ перемѣнамъ въ своемъ видѣ, смотря по формѣ существительнаго, къ которому относится. Нужно еще указать на то, что древне-русскій языкъ зналъ употребленіе члена и передъ существительными, какъ это мы можемъ видѣть въ былинной поэзіи, напр.: „Какъ из славнова города из Мурома ис *тово* села Корочаева.... ан выехалъ Илья со двора своего во *те* ворота широкія.... и заслышалъ Соловеи разбоиникъ *тово* ли топу конинова и *тое* ли онъ поески богатырскія.... (Сборникъ Кирши Данилова изд. подъ редакціею П. Н. Шеффера, 1901 г., стр. 150—151). [1])

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ употребленія *опредѣленнаго* члена, въ русской литературной и простонародной рѣчи можно усмотрѣть зачатки употребленія и *неопредѣленнаго* члена. Послѣдній, какъ и въ другихъ языкахъ, развивается изъ числительнаго „одинъ“ и, уже не обозначая числа, придаетъ существительному нѣкоторую неопредѣленность, приближаясь по значенію къ мѣстоимѣнію „нѣкоторый“; срв. въ извѣстномъ стихотвореніи Полонскаго „Затворница“:

[1]) Въ древнемъ языкѣ встрѣчаемъ иногда прибавку -*съ* въ качествѣ члена, срв. «сдѣлаша градо*късь*», т. е. городокъ-отъ (Лавр. подъ 862 г.).

Въ *одной* знакомой улицѣ
Я помню старый домъ....

Разсмотрѣвъ имя существительное съ семазіологической стороны, мы перейдемъ къ его формальной сторонѣ—къ словоизмѣненію по *склоненіямъ* и постараемся представить *классификацію* этихъ послѣднихъ. Здѣсь нужно обратить вниманіе на различіе окончаній и на различіе удареній.

Что касается распредѣленія склоненій по различію *окончаній*, то самыя крупныя группы соотвѣтствуютъ различію *родовъ*—мужескаго, женскаго и средняго. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ основное склоненіе (столъ, царь; рыба, земля; окно, поле) и побочное (муж.—путь, женск.—дверь, ср.—имя и т. п.), отличающееся отъ основного склоненія извѣстными особенностями въ окончаніяхъ. Въ каждой группѣ основного склоненія въ свою очередь различаются разновидности—*твердая* и *мягкая*; напр. слова „столъ“, „рыба“, „окно“ принадлежатъ къ твердымъ типамъ склоненія, а слова „царь“, „земля“, „поле“—къ мягкимъ. Въ учебникахъ русской грамматики различіе твердаго и мягкаго склоненія обыкновенно относится на счетъ окончаній (напр. Р. ед. стол-*а* || кул-*я*, Д. ед. стол-*у* || кул-*ю*), но это потому, что авторы ихъ разсматриваютъ склоненіе исключительно съ точки зрѣнія *орѳографіи*. Но если мы станемъ на точку зрѣнія *произношенія*, то убѣдимся, что въ большинствѣ случаевъ, не смотря на разное орѳографическое обозначеніе, окончанія въ твердомъ и соотвѣтствующемъ мягкомъ склоненіи вообще одинаковы, [1]) разница же сводится къ твердости и мягкости предшествующаго согласнаго, т. е. того согласнаго, которымъ заканчивается

[1]) Правда, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самыя окончанія по-видимому различны въ твердомъ и мягкомъ склоненіи, какъ напр. слов-омъ || пол-емъ, рыб-*ы* || бур-*и*, однако сравнительная грамматика доказываетъ, что эти различія окончаній не первичны, представляя позднѣйшія развѣтвленія одного соотвѣтствующаго окончанія.

основа (срв. тѣ же формы въ научно-фонетической транскрипціи: ста̂л-*а́* || кул'-*а́*, ста̂л-*у́* || кул'-*у́*. [1])

И въ твердомъ и въ мягкомъ склоненіи слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя частныя группы; такъ, въ твердомъ склоненіи муж. р. выдѣляются въ особую группу слова, основа которыхъ кончается однимъ изъ отвердѣвшихъ согласныхъ (*ш*, *ж*, *ц*), напр. отъ слова „мужъ" въ Р. мн. вмѣсто ожидаемаго окончанія *-овъ* имѣется *-ей*, какъ остатокъ прежней мягкой флексіи [2]) (впрочемъ, въ словахъ муж. р. на *-цъ* Р. мн. получилъ уже окончаніе *-овъ*, т. е. по аналогіи къ твердому склоненію). Что касается прочихъ основъ твердаго склоненія, т. е. кончающихся первично-твердыми согласными, то нужно различать основы, кончающіяся согласными губными и середне-язычными отъ основъ на задне-язычные согласные: первыя могутъ сочетаться съ падежнымъ окончаніемъ *-ы*, а при вторыхъ вмѣсто этого окончанія является *-и* (напр. срв. стол*ы* || волк*и*; жен*ы* || рук*и*). Въ мягкомъ склоненіи муж. р. нужно различать склоненіе основъ па j отъ основъ на мягкіе согласные: въ послѣднихъ Р. мн. имѣетъ окончаніе *-ей* (напр. царей), а въ первыхъ *-евъ* (чаевъ). Объ особенностяхъ Вин. падежа въ склоненіи предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ (В. ед. столъ || волка и т. д.) говорилось выше. Въ именахъ *средняго* рода Р. мн. въ твердомъ склоненіи заканчивается послѣднимъ согласнымъ основы, а въ мягкомъ склоненіи принимаетъ окончаніе *-ей*.

При изученіи *ударенія* въ склоненіи нужно различать случаи *постояннаго* ударенія, когда послѣднее во всемъ склоненіи остается на одномъ и томъ же мѣстѣ (напр. споръ) и случаи *переходнаго* ударенія, когда послѣднее мѣняетъ свое мѣсто (напр. во́лка || волка́мъ). Постоянное удареніе можетъ находиться не только на основѣ (напр. „споръ"), но и на окончаніи, напр. срв. стола́, столу́, стола́ми и т. д. [1]) Что касается переходнаго ударенія, то законы его представляютъ особенности въ склоненіяхъ мужескаго, женскаго и средняго рода, при чемъ однако типы ударенія въ твердой и мягкой разновидности каждаго изъ этихъ склоненій одни и тѣ же. Такимъ образомъ, мы принимаемъ за главное основаніе классификаціи склоненій существительныхъ различіе рода, а затѣмъ въ каждомъ склоненіи разсматриваемъ законы ударенія параллельно въ твердой и мягкой разновидностяхъ, различая при этомъ слова природныя и заимствованныя. [2])

[1]) Однако необходимо прибавить, что гласный, начинающій собою окончанія, не будетъ тожественъ по своей экскурсіи послѣ твердыхъ и соотвѣтствующихъ мягкихъ согласныхъ, см. выше стр. 33.

[2]) Однако и въ этой послѣдней окончаніе *-ей* не первично (срв. въ ст.-сл. языкѣ формы Р. мн. мѫжь, ко̑нь и пр.), но перешло путемъ аналогіи изъ склоненія типа «путь».

[1]) Правда, въ приведенномъ примѣрѣ И. ед. уже не имѣетъ ударенія на окончаніи, но необходимо допустить на основаніи сравненія съ родственными языками, что нѣкогда и здѣсь на мѣстѣ нуля имѣлось ударяемое окончаніе (ъ=у́), впослѣдствіи утраченное; съ утратою же окончанія удареніе естественно приходится въ этомъ падежѣ на основѣ.

[2]) Нерѣдко приходится сталкиваться съ ходячимъ воззрѣніемъ, совершенно ошибочнымъ, что будто бы законы ударенія въ русскомъ языкѣ не изслѣдованы; но это происходитъ отъ незнакомства съ тѣмъ, что сдѣлано въ наукѣ: уже въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія законы русскаго ударенія въ склоненіи и спряженіи были весьма обстоятельно разработаны А. Х. Востоковымъ (см. его Русскую грамматику), который свелъ все разнообразіе ихъ къ небольшому числу типовъ; нѣкоторымъ пробѣломъ при этомъ является опущеніе Востоковымъ типа словъ съ постояннымъ удареніемъ, такъ что грамматика его, дающая перечни словъ для типовъ съ подвижнымъ удареніемъ, не даетъ никакого перечня, даже самаго краткаго, словъ съ постояннымъ удареніемъ. Что касается распредѣленія почти безграничнаго числа существительныхъ по этимъ типамъ, то прежде всего слѣдуетъ выдѣлить простыя существительныя, которыхъ не такъ много и потому усвоеніе типа ихъ склоненія не представляетъ большихъ трудностей; существительныя же, образованныя съ помощью суффиксовъ, слѣдуютъ въ своемъ склоненіи тѣмъ же типамъ ударенія, какъ и простыя слова, но только въ зависимости отъ суффикса и свойственнаго ему типа ударенія, срв. па́х-арь, зна́харь и пр. (Р. ед. ́-аря) || звон-а́рь, ключ-а́рь и пр. (Р. ед. -аря́).

Примѣчаніе. Какъ увидимъ далѣе, иностранныя слова въ русскомъ языкѣ принадлежатъ большею частію къ твердой разновидности склоненій. Это станетъ намъ понятнымъ, если обратимъ вниманіе на скудное число въ европейскихъ языкахъ мягкихъ согласныхъ, весь запасъ которыхъ обычно ограничивается немногими звуками, напр. во франц.—*л'* (полумягкое *л*), *н'* и *j* (срв. ro*l*e, campa*gn*e, boute*ill*e), тогда какъ прочіе согласные, вообще, имѣютъ въ немъ только одно твердое произношеніе (срв. sor*t*e, sala*d*e и т. д.).

Прежде чѣмъ перейти къ самому обзору типовъ ударенія въ склоненіи, мы предварительно выяснимъ вопросъ о *фонетическихъ варіаціяхъ формъ склоненія въ зависимости отъ ударенія*. Если мы остановимся на прежнемъ примѣрѣ [1]) **го́д-у̑** || га̊д-а́ (орѳ. году || года́), то здѣсь варіаціи основы сводятся не къ одному различію гласнаго ударенпаго и неударенпаго (ó || å), но и къ соотвѣтственному видоизмѣненію согласныхъ основы по силѣ произношенія: [2])

го́ | д—у̑
га̊ | **д—а́**

Въ формѣ „годъ" послѣдній согласный основы становится конечнымъ согласнымъ слова, смѣняясь—какъ мы знаемъ—на глухой, и вмѣстѣ съ тѣмъ, за отсутствіемъ иного окончанія, служитъ отличительнымъ признакомъ Имен. падежа даннаго склоненія:

го́т.

Здѣсь уже всѣ три звука основы произносятся сильно въ одинъ слогъ, тогда какъ въ двухъ предъидущихъ формахъ послѣдній согласный основы въ слоговомъ отношеніи отходитъ къ

---

[1]) См. стр. 135, примѣчаніе.

[2]) Для большей наглядности сильное произношеніе звуковъ (т. е. въ ударенномъ слогѣ) мы будемъ передавать жирнымъ шрифтомъ, пользуясь обыкновеннымъ шрифтомъ для неударяемыхъ слоговъ; кромѣ того вертикальная черта будетъ служить для слогового разложенія слова, а тире—для отдѣленія окончаній.

гласному окончанія, вслѣдствіе чего отличается по силѣ произношенія отъ предшествующихъ звуковъ основы. Звуковыя варіаціи наблюдаются и въ окончаніяхъ въ зависимости отъ ударенности и неударенности ихъ, напр.

пла̊ | **д—о́м** (плодо́мъ)
го́ | д—ъм (годомъ).

Мы видимъ, что всѣ разсмотрѣнныя нами звуковыя варіаціи въ общеупотребительной орѳографіи остаются неотмѣченными, а между тѣмъ въ исторіи языка онѣ играютъ видную роль. [1]) Съ цѣлью придать еще большую наглядность изложенному я позволю себѣ привести склоненіе слова „сторона" въ фонетической транскрипціи съ присоединеніемъ въ скобкахъ соотвѣтствующихъ орѳографическихъ написаній:

	Единств. число:	Множеств. число:
И.	стъ | ра̊ | **н—а́** (сторона)	**сто́** | ръ | н—ы̆ (сто́роны)
Р.	стъ | ра̊ | **н—ы́** (стороны̀)	ста̊ | **ро́н** (сторо́нъ)
Д.	стъ | ра̊ | **н'—ѣ́** (сторонѣ)	стъ | ра̊ | **н—а́м** (сторонамъ)
В.	**сто́** | ръ | н—у̑ (сторону)	В. = И.
Тв.	стъ | ра̊ | **н—о́ј** (стороной)	стъ | ра̊ | **н—а́** | м'ǐ (сторонами)
Пр. = Д.		стъ | ра̊ | **н—а́х** (сторонахъ).

Мы видимъ, какъ звуковая физіономія слова въ разныхъ формахъ видоизмѣняется согласно законамъ звуковыхъ чередованій и въ зависимости отъ перемѣщенія ударенія. Нужно напомнить, что самый механизмъ варіацій, т. е. надлежащая подстановка тѣхъ или другихъ разновидностей основы и окончаній, въ живой рѣчи совершается безсознательно, благодаря привычкѣ къ звуковымъ чередованіямъ, устанавливающейся

---

[1]) Срв. наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[2] стр. 386—387, 388.

съ-дѣтства, какъ это уже разъяснялось нами въ своемъ мѣстѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, при обзорѣ отдѣльныхъ типовъ склоненія, мы будемъ представлять также и таблицы парадигмъ, подобныя вышеприведенной.

А. Мужескій родъ.

Въ склоненіи именъ существительныхъ мужескаго рода можно установить четыре главныхъ типа по ударенію:

1) *споръ, родитель.* Въ склоненіи этихъ словъ, изъ которыхъ первое принадлежитъ твердой разновидности, а второе—мягкой, удареніемъ во всѣхъ падежахъ ед. и множ. числа сопровождается основа. Другіе примѣры—твердаго склоненія: стонъ, звонъ, звукъ, трупъ, шумъ, хрипъ, ликъ, станъ, бракъ, гадъ, храмъ (цк.-сл.), горо́хъ (съ полногласіемъ и удареніемъ на вторичномъ *о*), братъ (И. мн. -ья), брусъ (И. мн. -ья); мягкаго склоненія: житель, пахарь и т. д.; слова иностр.: бакъ, букъ, банкъ, блокъ, шарфъ, рыцарь и др. Слова, сложныя съ префиксомъ, какъ односложныя, такъ и неодносложныя, имѣютъ большею частію постоянное удареніе на основѣ, напр. с-поръ, вз-глядъ, в-кусъ, за́-пахъ, по́-двигъ, во-про́съ, на-ро́дъ, о-горо́дъ, пере-во́зъ, по-жа́ръ, на-ря́дъ, при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ въ простомъ видѣ (т. е. безъ префикса) принадлежатъ къ другимъ типамъ ударенія (напр. родъ, го́родъ, возъ), частію же не употребляются. Однако нѣкоторыя слова, будучи сложны съ ударяемымъ префиксомъ, имѣютъ переходное удареніе, напр. о́-стровъ, о́-кругъ, по́-гребъ; они отличаются отъ предшествующихъ тѣмъ, что принимаютъ въ И. мн. вмѣсто окончанія *-ы* ударяемое *-а̀*. Какъ видно изъ памятниковъ, послѣднее окончаніе въ словахъ муж. рода появляется сравнительно поздно взамѣнъ окончанія *-ы*, и можно думать, что и такія слова, какъ „островъ“ и пр., нѣкогда имѣли тоже постоянное удареніе на основѣ. Это подтверждаютъ случаи, когда слово имѣетъ оба окончанія, напр.

„округъ“—И. мн. о́круги ‖ округа́. Къ односложнымъ словамъ въ разсматриваемомъ типѣ принадлежатъ нѣсколько церковно-славянскихъ, напр. храмъ, гласъ, при чемъ соотвѣтствующія полногласныя русскія существительныя частію тоже имѣютъ постоянное удареніе (срв. хоромы), частію же переходное (срв. голосъ съ И. мн. на *-а̀*).

<table>
<tr><td>И. ед.</td><td>спо́р (споръ)</td><td>И. ед.</td><td>ра̊ | д’і́ | т’ьл’ (родитель)</td></tr>
<tr><td>Р.</td><td>спо́ | р—ă (спора)</td><td>Р.</td><td>ра̊ | д’і́ | т’ь | л’—ă (родителя)</td></tr>
<tr><td>Д.</td><td>спо́ | р—ў (спору)</td><td>Д.</td><td>ра̊ | д’і́ | т’ь | л’—ў (родителю)</td></tr>
<tr><td>В. = И.</td><td></td><td>В. = Р.</td><td></td></tr>
<tr><td>Тв.</td><td>спо́ | р—ъм (споромъ)</td><td>Тв.</td><td>ра̊ | д’і́ | т’ь | л’—ьм (родителемъ)</td></tr>
<tr><td>Пр.</td><td>спо́ | р’—ӛ̆ (спорѣ)</td><td>Пр.</td><td>ра̊ | д’і́ | т’ь | л’—ӛ̆ (родителѣ)</td></tr>
<tr><td>И. мн.</td><td>спо́ | р—ы̆ (споры)</td><td>И. мн.</td><td>ра̊ | д’і́ | т’ь | л’—ĭ (родители)</td></tr>
<tr><td>Р.</td><td>спо́ | р—ъф (споровъ)</td><td>Р.</td><td>ра̊ | д’і́ | т’ь | л’—ьj (родителей)</td></tr>
<tr><td>Д.</td><td>спо́ | р—ъм (спорамъ)</td><td>Д.</td><td>ра̊ | д’і́ | т’ь | л’—ьм (родителямъ)</td></tr>
<tr><td>В. = И.</td><td></td><td>В. = Р.</td><td></td></tr>
<tr><td>Тв.</td><td>спо́ | р—ъ | м’ĭ (спорами)</td><td>Тв.</td><td>ра̊ | д’і́ | т’ь | л’—ь | м’ĭ (родителями)</td></tr>
<tr><td>Пр.</td><td>спо́ | р—ъх (спорахъ)</td><td>Пр.</td><td>ра̊ | д’і́ | т’ь | л’—ьх (родителяхъ).</td></tr>
</table>

2) *зубъ, звѣрь.* Въ этомъ типѣ удареніе имѣется на основѣ во всемъ единственномъ числѣ и И. мн. (въ названіяхъ же неодушевленныхъ предметовъ также и въ В. мн.), начиная же съ Р. мн.—на окончаніи. Другіе примѣры: богъ, воръ, волкъ, кругъ, видъ, [1]) бѣсъ, гость, го́лубь, ко́зырь, но́готь, гусь, груздь, ла́поть; сюда же относятся слова—ка́мень и ко́рень, принадлежавшіе раньше къ согласному склоненію. Эта категорія оказывается сравнительно бѣдною по количеству словъ, такъ какъ нѣкоторыя имена стали принимать въ И. мн. ударенное окончаніе *-а̀* (*-я̀*), о чемъ см. въ слѣдующей группѣ.

---

[1]) Это слово встрѣчается также съ постояннымъ удареніемъ на корнѣ, и тогда принадлежитъ къ первому разряду.

И. ед.	**зу́п** (зубъ)	И. ед.	**з'в'е́р'** (звѣрь)
Р.	**зу́** | б—ӑ (зуба)	Р.	**з'в'е́** | р—ӑ (звѣря)
Д.	**зу́** | б—ў (зубу)	Д.	**з'в'е́** | р'—ў (звѣрю)
В. = И.		В. = Р.	
Тв.	**зу́** | б—ъм (зубомъ)	Тв.	**з'в'е́** | р'—ьм (звѣремъ)
Пр.	**зу́** | б'—ӕ̆ (зубѣ)	Пр.	**з'в'е́** | р'—ӕ̆ (звѣрѣ)
И. мн.	**зу́** | б—ы̆ (зубы)	И. мн.	**з'в'е́** | р'—ı̆ (звѣри)
Р.	зу | **б—о́ф** (зубовъ)	Р.	з'в'є | **р'—е́j** (звѣрей)
Д.	зу | **б—а́м** (зубамъ)	Д.	з'в'є | **р'—а́м** (звѣрямъ)
В. = И.		В. = Р.	
Тв.	зу | **б—а́** | м'ı (зубами)	Тв.	з'в'є | **р'—а́** | м'ı (звѣрями)
Пр.	зу | **б—а́х** (зубахъ)	Пр.	з'в'є | **р'—а́х** (звѣряхъ).

3) *полъ, чай.* Въ словахъ этого типа ударенiе въ ед. ч. на основѣ, а во мн. ч. на окончанiи. Другiе примѣры: носъ, возъ, сотъ, долгъ, торгъ, верхъ, пудъ, валъ, даръ, паръ, жаръ, садъ, задъ, квасъ, часъ, шагъ, рядъ, жиръ, миръ; бой, рой; иностр.: басъ, балъ, зонтъ, грошъ.

Нужно имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается смѣшенiе второго и третьяго типа, главнымъ образомъ вслѣдствiе того, что нѣкоторыя существительныя могутъ принимать въ И. мн. какъ окончанiе *-ы*, такъ и окончанiе *-а́* (напр. хлѣ́бы ‖ хлѣба́, го́ды ‖ года́, вѣ́тры ‖ вѣтра́), при чемъ первое окончанiе обычно является неударенным, а второе—съ ударенiемъ (какъ отступленiе можно указать: цвѣты́ ‖ цвѣта́); чаще же видимъ утвержденiе одного окончанiя—*а́*, напр. въ словахъ: бокъ, рогъ, домъ, лугъ, бѣгъ, лѣсъ, снѣгъ, бе́регъ, по́гребъ, о́стровъ, по́ѣздъ (послѣднiя три принадлежатъ къ сложнымъ съ ударяемымъ префиксомъ), край. Слово „зять" первоначально принадлежавшее къ склоненiю типа „путь", въ И. мн. принимаетъ окончанiе *-ья*, а слово „сынъ", первоначально относившееся къ склоненiю основъ на -ў- (-ŭ), имѣетъ передъ окончанiемъ *-ья* еще слогъ *-ов-*.

И. ед.	**по́л** (полъ)	И. ед.	**ча́j** (чай)
Р.	**по́** | л—ӑ (пола)	Р.	**ча́** | j—ӑ (чая)
Д.	**по́** | л—ў (полу)	Д.	**ча́** | j—ў (чаю)
В. = И.		В. = И.	
Тв.	**по́** | л—ъм (поломъ)	Тв.	**ча́** | j—ъм (чаемъ)
Пр.	**по́** | л'—ӕ̆ (полѣ)	Пр.	**ча́** | j—ӕ̆ (чаѣ)
И. мн.	па̊ | **л—ы́** (полы)	И. мн.	ча | **j—í** (чаи)
Р.	па̊ | **л—о́ф** (половъ)	Р.	ча | **j—о́ф** (чаевъ)
Д.	па̊ | **л—а́м** (поламъ)	Д.	ча | **j—а́м** (чаямъ)
В. = И.		В. = И.	
Тв.	па̊ | **л—а́** | м'ı (полами)	Тв.	ча | **j—а́** | м'ı (чаями)
Пр.	па̊ | **л—а́х** (полахъ)	Пр.	ча | **j—а́х** (чаяхъ)

4) *столъ, царь.* Здѣсь ударенiе на основѣ только въ И. ед. (въ названiяхъ предметовъ неодушевленныхъ и въ В. ед.), въ остальныхъ же падежахъ ед. ч. и во множ. числѣ—на окончанiи. Такъ какъ въ И. ед. ударенiе перешло на основу по необходимости, вслѣдствiе исчезновенiя конечныхъ краткихъ гласныхъ, то ударенiе въ этомъ типѣ можетъ разсматриваться какъ постоянное на окончанiи. Другiе примѣры: волъ, дворъ, бобъ, снопъ, слонъ, клопъ, плодъ, плотъ, котъ, скотъ, (очень много словъ съ постояннымъ гласнымъ *о* въ корнѣ), ротъ, сонъ, ленъ, полкъ, холмъ, столбъ, серпъ, крестъ, шестъ, кустъ, быкъ, клыкъ, языкъ, стыдъ, прудъ, трудъ, грибъ, блинъ, щитъ, цѣпъ, рабъ, пень, день, огонь, креме́нь, ключъ, лучъ, соловей; иностр.: попъ, винтъ, тузъ, шнуръ, царь. Нѣкоторыя существительныя, будучи первообразными, являются двусложными въ Им. ед., получивъ вторичные бѣглые гласные *о* или же *е* съ ударенiемъ на нихъ, напр. баго́ръ, вихо́ръ, бобе́ръ, шатёръ.

И. ед.	**сто́л** (столъ)	И. ед.	**ца́р'** (царь)
Р.	ста̊ | **л—а́** (стола)	Р.	ца | **р'—а́** (царя)

Д.	ста̊ | л—у́ (столу)	Д.	ца | р'—у́ (царю)
В. = И.		В. = Р.	
Тв.	ста̊ | л—о́м (столомъ)	Тв.	ца | р'—о́м (царемъ)
Пр.	ста̊ | л—ѣ́ (столѣ)	Пр.	ца | р'—ѣ́ (царѣ)
И. мн.	ста̊ | л—ы́ (столы)	И. мн.	ца | р'—і́ (цари)
Р.	ста̊ | л—о́ф (столовъ)	Р.	ца | р'—е́j (царей)
Д.	ста̊ | л—а́м (столамъ)	Д.	ца | р'—а́м (царямъ)
В. = И.		В. = Р.	
Тв.	ста̊ | л—а́ | м'ї (столами)	Тв.	ца | р'—а́ | м'ї (царями)
Пр.	ста̊ | л—а́х (столахъ)	Пр.	ца | р'—а́х (царяхъ).

Изъ всѣхъ указанныхъ типовъ первый и четвертый— самые частые, потому что къ нимъ принадлежатъ кромѣ словъ первообразныхъ также производныя, напр. сто́ликъ—сто́лика, голи́къ—голика́; па́лецъ—па́льца, дѣле́цъ—дѣльца́ и т. п.

Слово *путь*, составляющее по своимъ окончаніямъ особое склоненіе [1]), по ударенію относится къ четвертому типу.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ окончаніяхъ склоненія словъ мужескаго рода.

Родит. ед. имѣетъ два окончанія *-а* и *-у*, различающіяся по смысловому оттѣнку (срв. „цвѣтъ снѣг*а*" ‖ „много снѣг*у*"). Первоначально окончанія *-а* и *-у* принадлежали разнымъ типамъ склоненія: окончаніе *-а* принадлежало обычнымъ словамъ муж. р. (напр. рабъ), окончаніе же *-у* немногочи-

[1]) Первоначально къ этому склоненію, какъ видно изъ старо-славянскаго и древне-русскаго языка, принадлежали еще нѣкоторыя другія существительныя, напр. гость, зѧть, тьсть, голѫбь, чрьвь, огнь, и нѣк. др.; въ современномъ русскомъ языкѣ они принадлежатъ уже къ мягкому мужескому склоненію, въ которое перешли путемъ аналогіи, напр. гость—гостя (Р. ед.) и т. д.

сленнымъ основамъ муж. р. на -ŭ-, какъ это встрѣчаемъ приблизительно въ старо-славянскомъ (напр. въ словахъ сынъ, вьрхъ, которымъ соотвѣтствуютъ въ литовскомъ sūnùs, viršùs). [1]) Но очень рано эти склоненія начали смѣшиваться (начало этого смѣшенія, наблюдаемаго и въ другихъ славянскихъ языкахъ, вѣроятно восходитъ еще въ общеславянскую эпоху). Все-таки въ Род. ед. удержались окончанія обоихъ склоненій, дифференцировавшись въ русскомъ языкѣ между собою по смысловому оттѣнку; но такъ какъ послѣдній зависитъ отъ характера цѣлаго выраженія, то мы разсмотримъ этотъ вопросъ въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ синтаксиса.

Предлож. ед. представляетъ два окончанія: *-ѣ* (неударяемое или ударяемое) и *-у̀* (только ударяемое), напр. „говорить о снѣг*ѣ*" ‖ „стоять на снѣг*у̀*". Какъ можно видѣть изъ этихъ примѣровъ, форма съ окончаніемъ *-ѣ* имѣетъ значеніе дополнительное или объяснительное, а форма съ окончаніемъ *-у̀*—мѣстное (соотвѣтственно съ этимъ второе окончаніе употребляется въ литературной рѣчи лишь при предлогахъ *въ* и *на*). Такъ какъ окончаніе *-у* (*-ю*) встрѣчается не только въ Предл. ед., но и въ Род. ед., то въ языкѣ проявляется стремленіе къ различенію этихъ падежей посредствомъ ударенія, или же путемъ замѣны одного изъ парныхъ окончаній другимъ. Различеніе посредствомъ ударенія наблюдается въ словахъ первыхъ трехъ типовъ ударенія (напр. съ ве́рху ‖ на верху̀); что касается различенія посредствомъ замѣны окончаній, то оно наблюдается въ словахъ, принадлежащихъ къ четвертому типу ударенія, и обусловливается тѣмъ, что языкъ избѣгаетъ одного и того же ударяемаго окончанія (*-у̀*) въ двухъ падежахъ. Поэтому, если слово, по ударенію принад-

[1]) Литовскій языкъ не знаетъ смѣшенія этихъ основъ и въ немъ оба типа сохраняютъ особыя склоненія, срв. sniẽgas ‖ sūnùs.

лежащее къ 4-ому типу, въ Род. ед. имѣетъ окончаніе *-ý* (напр. пескý), то Предл. ед. будетъ уже имѣть другое окончаніе, т. е. *-ѣ* (напр. на пескѣ, въ табакѣ); если же слово принадлежащее по ударенію къ 4-му типу, въ Предл. ед. имѣетъ уже ударенное окончаніе *-ý*, то окончаніемъ Род. ед. будетъ *-á* (наприм. въ углý || углá, въ полкý || полкá). [1]) Окончаніе Дат. ед. *-у* (*-ю*), не имѣя парнаго окончанія, не связано дифференціацiей ни съ Род. ед., ни съ Предл. ед.

Что касается происхожденія окончанія *-ý* въ Предл. ед., то оно, подобно такому же окончанію въ Р. и Д. ед., происходитъ отъ древняго склоненія основъ на *-ў-*.

Имен. множ. въ твердомъ склоненіи кромѣ окончанія *-ы*, которое бываетъ ударяемое и неударяемое, нерѣдко принимаетъ окончаніе *-á*, всегда сопровождающееся удареніемъ. Что касается перваго окончанія, то оно въ этомъ падежѣ не исконное и раньше вмѣсто него было окончаніе одинаковое съ старо-славянскимъ языкомъ, т. е. *-и*; окончаніе же *-ы* въ И. мн. явилось въ русскомъ языкѣ по аналогіи къ В. мн. того же склоненія подъ вліяніемъ другихъ склоненій, гдѣ эти падежи были сходны, особенно же подъ вліяніемъ существительныхъ женскаго рода на *-а*, въ которыхъ И. и Вин. мн. имѣли окончаніе *-ы*; впервые въ древне-русскихъ памятникахъ окончаніе *-ы* въ И. мн. муж. встрѣчается въ XIII в., напр. чины въ Житіи Нифонта 1219 г. (съ этого же вѣка видимъ распространеніе и другихъ окончаній множ. числа женскаго рода на мужеское склоненіе, именно окончаній Д., Тв. и Предл. множ. *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*). Что касается второго окончанія *-á*, то для уясненія его происхожденія важно обратить вниманіе на то обстоятельство, что это окончаніе способны принимать только существитель-

[1]) Впрочемъ имѣется и форма Р. ед. «полкý» при особомъ оттѣнкѣ значенія, напр. «нашего *полку* прибыло» (оттѣнокъ количества).

ныя, принадлежащія по ударенію къ первымъ тремъ типамъ, въ которыхъ подобное же окончаніе Род. ед. не имѣетъ на себѣ ударенія (таковы — бокъ, глазъ, домъ, лѣсъ, островъ и т. п.). Можно думать, что окончаніе *-á* въ И. мн. муж. явилось по аналогіи къ среднему роду; тамъ тоже И. мн. оканчивается на *-á* съ удареніемъ, когда въ Род. такое же окончаніе не имѣетъ ударенія (напр. дѣло, слово); это распространеніе окончанія средняго рода на мужескій могло совершиться тѣмъ легче, что склоненіе словъ средняго рода почти одинаково съ склоненіемъ мужескаго рода, разница лишь въ Им. Вин. обоихъ чиселъ. Время перенесенія окончанія *-á* въ И. мн. муж. рода довольно позднее: XV—XVI вв.

Окончаніе *Род.* множ. *-овъ* перешло изъ прежняго склоненія основъ на *-ў-* очень рано, вытѣснивъ первоначальное *-ъ*, уцѣлѣвшее однако въ нѣкоторыхъ пережиткахъ (срв. пять *аршинъ*—Род. количества).

Творит. множ. разсматриваемаго склоненія въ древнемъ языкѣ имѣлъ тѣ же окончанія, какъ и старо-слав. языкъ, т. е. *-ы* || *-и*, окончанія же *-ами* || *-'ами* были свойственны лишь именамъ ж. р. на *-а* || *-'а*, откуда позже перешли и въ склоненіе именъ муж. р.; срв. напр. въ Лавр. лѣтоп. (въ предисловіи): „предъ отьц*и* и предъ спох*ами*".

Окончаніе *Предл.* множ. *-ахъ* || *-'ахъ*, какъ уже упоминалось, перешло также путемъ аналогіи изъ женскаго склоненія.

Б. Женскій родъ.

Слова, принадлежащія къ женскому склоненію, относительно ударенія классифицируются на слѣдующіе типы:

1) *рѣпа дýля.* Удареніе постоянное на основѣ. Другіе примѣры: бáба, я́зва, лѝпа, грѝва, нѝва, жѝла, сѝла, мýха;

доро́га, коро́ва, воро́на, соро́ка, берёза; [1]) пти́ца, кры́ша; да́ча, ту́ча, встрѣ́ча; бу́ря, ба́шня, па́шня, ня́ня, ба́ня, пу́ля, ка́пля, сбру́я и пр.; иностр.: блу́за, ле́нта, бо́мба, би́ржа, ба́рка, и др. Къ этому типу принадлежитъ много производныхъ существительныхъ, напр. ло́дка, у́лица и пр.; иностр.— кварти́ра, плане́та и т. д.

И. ед. р'ӕ́ | п—ӑ (рѣпа)
Р. р'ӕ́ | п—ы̆ (рѣпы)
Д. р'ѐ | п'—ӕ̆ (рѣпѣ)
В. р'ӕ́ | п—ў (рѣпу)
Тв. р'ӕ́ | п—ъj (рѣпой)
Пр. = Д.

И. ед. ду́ | л'—ӑ (дуля)
Р. ду́ | л'—ĭ (дули)
Д. ду́ | л'—ӕ̆ (дулѣ)
В. ду́ | л'—ў (дулю)
Тв. ду́ | л'—ьj (дулей)
Пр. = Д.

И. мн. р'ӕ́ | п—ы̆ (рѣпы)
Р. р'ӕп (рѣпъ)
Д. р'ӕ́ | п—ъм (рѣпамъ)
В. = И.
Тв. р'ӕ́ | п—ъ | м'ĭ (рѣпами)
Пр. р'ӕ́ | п—ъх (рѣпахъ)

И. мн. ду́ | л'—ĭ (дули)
Р. ду́л' (дуль)
Д. ду́ | л'—ьм (дулямъ)
В. = И.
Тв. ду́ | л'—ь | м'ĭ (дулями)
Пр. ду́ | л'—ьх (duляхъ).

2) *рука́, земля́.* Удареніе въ большей части падежей, какъ и въ Им. ед., падаетъ на окончаніе; на основу удареніе переходитъ въ Вин. ед. и въ Им. мн., а также въ Р. мн. Переходъ ударенія на основу въ В. ед. не поддается объясненію по крайней мѣрѣ на почвѣ одного русскаго языка; что касается перехода ударенія на основу въ И. мн., то онъ, вѣроятно, вызванъ дифференціацией къ одновзвучной формѣ Р. ед.; переходъ же ударенія на основу въ Род. мн. вызванъ фоне-

[1]) Какъ видимъ изъ приведенныхъ примѣровъ, тѣ *полногласныя* существительныя ж. р., въ которыхъ удареніемъ сопровождается второе (т. е. вновь получившееся) *о* или *е*, имѣютъ постоянное удареніе на основѣ. Срв слѣд. группу.

тическою причиною, именно—утратою произношенія конечныхъ *-ъ*, *-ь*, какъ это ясно видно на принадлежащихъ къ данному типу полногласныхъ существительныхъ: сторона́—сто́рону || сторо́нъ, также—борона́, голова́, борода́, борозда́, сковорода́, по́хороны. Другіе примѣры: вода́, гора́, доска́, нога́, спина́, зима́, стѣна́, щека́; заря́, душа́.

И. ед. ру | к—а́ (рука)
Р. ру | к'—í (руки́)
Д. ру | к'—ӕ́ (рукѣ)
В. ру́ | к—ў (руку)
Тв. ру | к—о́j (рукой)
Пр. = Д.

И. ед. з'ем' | л'—а́ [1]) (земля)
Р. з'ем' | л'—í (земли́)
Д. з'ем' | л'—ӕ́ (землѣ)
В. з'е́м' | л'—ў (землю)
Тв. з'ем' | л'о́j (землей)
Пр. = Д.

И. мн. ру́ | к'—ĭ (ру́ки)
Р. рук (рукъ)
Д. ру | к—а́м (рукамъ)
В. = И.
Тв. ру | к—а́ | м'ĭ (руками)
Пр. ру | к—а́х (рукахъ)

И. мн. з'е́м' | л'—ĭ (зе́мли)
Р. з'є | м'е́л' (земель).
Д. з'ем' | л'—а́м (землямъ)
В. = И.
Тв. з'ем' | л'—а́ | м'ĭ (землями)
Пр. з'ем' | л'—а́х (земляхъ).

3) *дуга́, свѣча́.* Этотъ разрядъ отличается отъ предшествующаго только тѣмъ, что въ немъ В. ед. уже относится къ падежамъ съ удареніемъ на окончаніи, такъ что переходъ ударенія на основу ограничивается только Им. и Род. множ. Другіе примѣры: вдова́, дуга́, верста́, глиста́, волна́, блоха́, косма́, рѣка́, звѣзда́, бѣда́, слева́, страна́ и глава́ (оба слова—цк.-слав., соотвѣтствующія же чисто-русскія слова, т. е. сторона́ и голова́, переносятъ въ В. ед. удареніе на основу и слѣдов. принадлежатъ ко второму разряду); овца́; возжа́,

[1]) Посредствомъ начертанія *м'* обозначенъ согласный средней мягкости, а предшествующее начертаніе *є* служитъ для передачи средняго но открытости гласнаго э.

ноздря́, головня́ (Р. множ. на -е́й); иностр.—тюрьма́. Впрочемъ, во многихъ словахъ даннаго типа удареніе, будучи постояннымъ на окончаніи во всемъ единств. числѣ, можетъ переходить на основу не только въ Им. и Род. множ., но и въ остальныхъ падежахъ множ. числа; срв.: жена́, вдова́, сестра́ (Р. мн.—сестёръ, гдѣ ё по аналогіи къ случаямъ бѣглаго гласнаго), серьга́, гроза́, скула́, ветла́, десна́, игра́, волна́, щека́; судья́ (м. р.) и свинья́ (Р. мн. на -е́й); сюда надо отнести также многосложныя существительныя на -ота́, напр. кислота́, высота́, острота́, красота́, нечистота́, въ которыхъ удареніе перемѣщается во мн. ч. не на начальный слогъ, а на непосредственно предшествующій окончанію (напр. кисло́ты и пр.). Так. образомъ, въ нѣкоторыхъ изъ примѣровъ удареніе колеблется, т. е. при образованіи отъ такихъ словъ падежныхъ формъ удареніе можетъ быть двоякое, напр. се́рьгамъ ‖ серьга́мъ (срв. далѣе—труба́, скала́, слуга́, роса́, сосна́, коза́, пила́, изба́, гряда́). Затруднительность опредѣленія ударенія въ этихъ случаяхъ обнаруживается изъ того, что спрашиваемый обыкновенно не сразу опредѣляетъ удареніе, но старается придумать фразу съ искомою формой и произнести эту фразу такъ, какъ она сама скажется, т. е. какъ бы невольно. Вполнѣ естественно, что при этомъ встрѣчаются и индивидуальныя колебанія. [1])

И. ед.	ду | г—а́ (дуга)	И. ед.	с'в'є | ч—а́ (свѣча)
Р.	ду | г'—í (дугú)	Р.	с'в'є | ч—í (свѣчи)
Д.	ду | г'—ǽ (дугѣ)	Д.	с'в'є | ч—ǽ (свѣчѣ)
В.	ду | г—у́ (дугу)	В.	с'в'є | ч—у́ (свѣчу)
Тв.	ду | г—о́ȷ (дугой)	Тв.	с'в'є | ч—о́ȷ (свѣчой)
Пр. = Д.		Пр. = Д.	

---

[1]) Указанною способностью нѣкоторыхъ словъ къ колебанію ударенія пользуются стихотворцы, распространяя ее ради размѣра даже на такія слова, которымъ свойственно въ обыкновенномъ языкѣ одно опредѣленное удареніе.

И. мн.	ду́ | г'—ĭ (дýги)	И. мн.	с'в'є́ | ч—ĭ (свѣ́чи)
Р.	ду́к (дугъ)	Р.	с'в'є́ч (свѣчъ)
Д.	ду | г—а́м (дугамъ)	Д.	с'в'є | ч—а́м (свѣчамъ)
В. = И.		В. = И.	
Тв.	ду | г—а́ | м'ĭ (дугами)	Тв.	с'в'є | ч—а́ | м'ĭ (свѣчами)
Пр.	ду | г—а́х (дугахъ)	Пр.	с'в'є | ч—а́х (свѣчахъ)

4) *княжна́, простыня́.* Сюда относится немногочисленная группа существительныхъ, въ которыхъ удареніе остается на окончаніи во всѣхъ падежахъ единств. и множ. числа (оставляемъ въ сторонѣ извѣстную особенность Р. мн.); другіе примѣры: мечта́, черта́, хвала́, госпожа́, статья́, бадья́; иностр.—бахча́.

И. ед.	кн'аж | н—а́ (княжна)	И. ед.	пръ | сты | н'—а́ (простыня)
Р.	кн'аж | н—ы́ (княжны)	Р.	пръ | сты | н'—í (простыни)
Д.	кн'аж | н'—ǽ (княжнѣ)	Д.	пръ | сты | н'—ǽ (простынѣ)
В.	кн'аж | н—у́ (княжну)	В.	пръ | сты | н'—у́ (простыню)
Тв.	кн'аж | н—о́ȷ (княжной)	Тв.	пръ | сты | н'—о́ȷ (простыней)
Пр. = Д.		Пр. = Д.	

И. мн.	кн'аж | н—ы́ (княжны)	И. мн.	пръ | сты | н'—í (простыни)
Р.	кн'а | жо́н (княженъ)	Р.	прå | сты́н' (простынь)
Д.	кн'аж | н—а́м (княжамъ)	Д.	пръ | сты | н'—а́м (простынямъ)
В. = Р.		В. = И.	
Тв.	кн'аж | н—а́ | м'ĭ (княжнами)	Тв.	пръ | сты | н'—а́ | м'ĭ (простынями)
Пр.	кн'аж | н—а́х (княжахъ)	Пр.	пръ | сты | н'—а́х (простыняхъ)

Къ женскому склоненію принадлежатъ еще такія слова, какъ „кость", т. е. оканчивающіяся въ И. ед. мягкими (или также отвердѣвшими *ж* и *ш*) согласными. Въ этихъ существительныхъ два типа по ударенію:

1) удареніе постоянное на основѣ, напр. мысль, дань, брань, нить; крова́ть, болѣ́знь, пре́лесть, возвы́шенность;

2) удареніе остается на основѣ во всѣхъ падежахъ ед. ч., а во множ. ч. оно находится на основѣ только въ Имен. падежѣ, въ остальныхъ же падежахъ переходитъ на окончаніе, напр. дверь, смерть, степь, кость, ночь, печь, мышь, бровь, сѣть, тѣнь, соль; по́дать, во́лость, вѣ́домость, до́лжность, це́рковь и проч. [1]) Односложныя слова въ Предл. ед. при мѣстныхъ предлогахъ *въ* и *на* переносятъ удареніе на окончаніе, особенно если получаютъ значеніе обстоятельственное, напр. на печи́. Этотъ переносъ ударенія представляетъ аналогію съ именами существительными муж. р., принимающими при тѣхъ же условіяхъ въ Предл. ед. окончаніе *-у́*.

В. Средній родъ.

Существительныя средняго рода относительно законовъ ударенія въ склоненіи представляютъ слѣдующіе четыре типа:

1) *бога́тство, гада́нье*: удареніе постоянное на основѣ въ обоихъ числахъ, подобно такому же типу въ склоненіяхъ муж. и женск. рода. Другіе примѣры: кре́сло, ши́ло (И. мн. на *-ья*), боло́то, пи́ршество, кня́жество, жили́ще, заня́тіе.

И. ед. бå | га́т | ств—ӑ (богатство)	И. ед. га | да́н' | j—ӓ (гаданье)
Р. бå | га́т | ств—ӑ (богатства)	Р. га | да́н' | j—ӑ (гаданья)
Д. бå | га́т | ств—ў (богатству)	Д. га | да́н' | j—ў (гаданью)
В. = И.	В. = И.
Тв. бå | га́т | ств—ъм (богатствомъ)	Тв. га | да́н' | j—ъм (гаданьемъ)
Пр. бå | га́т | с'т'в'—ӓ (богатствѣ)	Пр. га | да́н' | j—ӓ (гаданьѣ)
И. мн. бå | га́т | ств—ӑ (богатства)	И. мн. га | да́н' | j—ӑ (гаданья)

[1]) Къ этому типу принадлежатъ слова «мать» и «дочь», имѣющія въ прочихъ падежахъ передъ окончаніями звуки -ер-, принадлежавшіе древней основѣ, теперь кажущіеся какъ бы «наращеніемъ».

Р. бå | га́тстф (богатствъ)	Р. га | да́ | н'ъj (гаданій)
Д. бå | га́т | ств—ъм (богатствамъ)	Д. га | да́н' | j—ьм (гаданьямъ)
В. = И.	В. = И.
Тв. бå | га́т | ств—ъ | м'ĭ (богатствами)	Тв. га | да́н' | j—ь | м'і (гаданьями)
Пр. бå | га́т | ств—ъх (богатствахъ)	Пр. га | да́н' | j—ьх (гаданьяхъ).

2) *сло́во, по́ле*: въ единств. числѣ удареніе на основѣ, во множ. числѣ на окончаніи, т. е. подобно третьему типу въ мужескомъ склоненіи. Другіе примѣры: ста́до, у́тро, мѣ́сто, лѣ́то, дѣ́ло, тѣ́ло, мы́ло, зе́ркало, по́ле, мо́ре.

И. ед. сло́ | в—ӑ (слово)	И. ед. по́ | л'—ӓ (поле)
Р. сло́ | в—ӑ (сло́ва)	Р. по́ | л'—ӑ (поля)
Д. сло́ | в—ў (слову)	Д. по́ | л'—ў (полю)
В. = И.	В. = И.
Тв. сло́ | в—ъм (словомъ)	Тв. по́ | л'—ьм (полемъ)
Пр. сло́ | в'—ӓ (словѣ)	Пр. по́ | л'—ӓ (полѣ)
И. мн. слå | в—а́ (слова́)	И. мн. пå | л'—а́ (поля)
Р. сло́ф (словъ)	Р. пå | л'—е́j (полей)
Д. слå | в—а́м (словамъ)	Д. пå | л'—а́м (полямъ)
В. = И.	В. = И.
Тв. слå | в—а́ | м'ĭ (словами)	Тв. пå | л'—а́ | м'ĭ (полями)
Пр. слå | в—а́х (словахъ)	Пр. пå | л'—а́х (поляхъ)

3) *вино́, ружьё*: въ единств. числѣ удареніе па окончаніи, а во множ. числѣ па основѣ, т. е. обратно съ предъидущимъ типомъ и подобно нѣкоторымъ случаямъ третьяго типа въ женскомъ склоненіи. Другіе примѣры: бедро́, весло́, ребро́, вино́, гнѣздо́, долото́, колесо́, рѣшето́, [1]) лицо́, копьё.

[1]) Замѣтимъ, что въ словахъ трехсложныхъ удареніе переносится во мн. ч. на слогъ непосредственно предшествующій, а не на начальный; этому правилу подчиняются и слова съ полногласіемъ (срв. долото́).

И. ед.	в'і | **н—о́** (вино)	И. ед.	**руж | j—о́** (ружье)
Р.	в'і | **н—а́** (вина́)	Р.	**руж | j—а́** (ружья)
Д.	в'і | **н—у́** (вину)	Д.	**руж | j—у́** (ружью)
В. = И.		В. = И.	
Тв.	в'і | **н—о́м** (виномъ)	Тв.	**руж | j—о́м** (ружьемъ)
Пр.	в'і | **н'—ӕ́** (винѣ)	Пр.	**руж | j—ӕ́** (ружьѣ)

И. мн.	**в'і́** | н—ă (ви́на)	И. мн.	**ру́ж** | j—ă (ру́жья)
Р.	**в'і́н** (винъ)	Р.	**ру́ |** жъj (ружей)
Д.	**в'і́** | н—ъм (винамъ)	Д.	**ру́ж** | j—ьм (ружьямъ)
В. = И.		В. = И.	
Тв.	**в'і́** | н—ъ | м'ĭ (винами)	Тв.	**ру́ж** | j—ь | м'ĭ (ружьями)
Пр.	**в'і́** | н—ъх (винахъ)	Пр.	**ру́ж** | j—ьх (ружьяхъ).

4) *вещество́, бытіе́*: удареніе во всѣхъ падежахъ единств. и множеств. числа на окончаніи. Другіе примѣры: торжество́, существо́, деревцо́, лезвеё. Подобный типъ ударенія мы встрѣчали и въ склоненіи другихъ родовъ.

И. ед.	в'ъ | ш'чӕ | **ств—о́** (вещество)	И. ед.	бы | т'і | j—ӕ́ (бытіе)
Р.	в'ъ | ш'чӕ | **ств—а́** (вещества)	Р.	бы | **т'і | j—а́** (бытія)
Д.	в'ъ | ш'чӕ | **ств—у́** (веществу)	Д.	бы | т'і | **j—у́** (бытію)
В. = И.		В. = И.	
Тв.	в'ъ | ш'чӕ | **ств—о́м** (веществомъ)	Тв.	бы | т'і | **j—ӕ́м** (бытіемъ)
Пр.	в'ъ | ш'чє | **с'т'в'—ӕ́** (веществѣ)	Пр.	бы | т'і | **j—і́** (бытіи)

И. мн.	в'ъ | **ш'чӕ** | **ств—а́** (вещества)	И. мн.	бы | т'і | **j—а́** (бытія)
Р.	в'є | **ш'чє́стф** (веществъ)	Р.	бы | **т'і́j** (бытій)
Д.	в'ъ | ш'чӕ | **ств—а́м** (веществамъ)	Д.	бы | т'і | **j—а́м** (бытіямъ)
В. = И.		В. = И.	
Тв.	в'ъ | ш'чӕ | **ств—а́** | м'ĭ (веществами)	Тв.	бы | т'і | **j—а́** | м'ĭ (бытіями)
Пр.	в'ъ | ш'чӕ | **ств—а́х** (веществахъ)	Пр.	бы | **т'і** | **j—а́х** (бытіяхъ).

Изъ представленныхъ четырехъ типовъ склоненія средняго рода наиболѣе характерными являются второй и болѣе по сравненію съ нимъ многочисленный—третій. Такъ называемыя имена съ наращеніемъ (и́мя, сѣ́мя и др.) принадлежатъ ко второму типу (только слово „зна́мя“ можетъ имѣть и другое передвиженіе ударенія—„знамёна“); изъ первоначальныхъ именъ съ суф. *-ес-*, только „не́бо“ и „чу́до“ сохранили въ склоненіи этотъ комплексъ и притомъ лишь во мн. ч.,[1]) другія же имена, какъ напр. „слово“, перешли по аналогіи въ обыкновенное склоненіе на *-о* (т. е. безъ „наращенія“).

Мы прослѣдили цѣлый рядъ типовъ ударенія въ русскомъ склоненіи. Сравнительная грамматика позволяетъ показать связь этихъ типовъ съ типами ударенія другихъ аріо-европейскихъ языковъ—санскритскаго, греческаго и литовскаго (только они сохранили болѣе или менѣе древнее удареніе). Такъ, въ нихъ мы встрѣчаемъ оба типа постояннаго ударенія, т. е. на основѣ и окончаніи, напр. греч. *λόγος, βωμός*. Для выясненія типовъ русскаго переходнаго ударенія нужно обратить вниманіе на т. наз. третье[2]) склоненіе особенно односложныхъ словъ въ языкахъ санскритскомъ и греческомъ: въ этихъ словахъ удареніе въ косвенныхъ падежахъ (т. е. не Им. и Вин.) всѣхъ чиселъ удареніе переходитъ на окон-

---

[1]) Срв. такое же склоненіе этихъ словъ въ сербскомъ, напр. не̏бо (И. ед.) ‖ небёса (И. мн.).

[2]) Къ этому склоненію относятся основы, кончавшіяся первоначально согласнымъ, напр. греч. ὀπ-ός (Р. ед. отъ ὄψ) и т. д. Въ русскомъ языкѣ эти согласныя основы перешли въ гласныя склоненія, напр. мышь (греч. μῦς, лат. mūs), соль (греч. ἅλς, лат. sal). Этотъ переходъ, вѣроятно, обусловленъ сильнымъ различіемъ формы И. ед. отъ другихъ падежей, происшедшимъ благодаря исчезновенію въ славянскихъ языкахъ конечныхъ согласныхъ въ И. ед. Въ такомъ случаѣ переходъ словъ третьяго склоненія въ гласныя склоненія надо отнести ко временамъ славянскаго праязыка. Остаткомъ первоначальнаго третьяго склоненія въ русскомъ языкѣ является такъ наз. склоненіе съ наращеніемъ: мать—матери, имя—имени и пр., т. е. въ древнихъ основахъ на плавный и носовой согласный.

чаніе. Въ русскомъ языкѣ подобный переходъ ударенія мы наблюдали въ одномъ множественномъ числѣ, напр. гу́си—гусе́й, мы́ши—мыше́й, во́лки—волко́въ и проч., при чемъ въ единственномъ числѣ тѣхъ же словъ удареніе оказывается постояннымъ на основѣ и это однообразіе могло отчасти получиться подъ вліяніемъ аналогіи. Другіе модификаціи русскаго переходнаго ударенія могли обусловливаться, какъ мы указывали, стремленіемъ къ дифференціаціи по ударенію различныхъ падежей сходнаго окончанія, напр. срв. жены́ || же́ны, окна́ || о́кна и проч.; присоединявшееся же къ дифференціаціи дѣйствіе аналогіи могло въ иныхъ случаяхъ провести одинъ типъ ударенія черезъ ед. ч., а другой типъ черезъ мн. ч. однихъ и тѣхъ же словъ, какъ напр. въ среднемъ родѣ. Подъ вліяніемъ факторовъ аналогіи и дифференціаціи и совершилось видоизмѣненіе древняго переходнаго ударенія въ нѣсколько типовъ. Литовское удареніе въ склоненіи представляетъ большое сходство съ русскимъ; такъ, въ немъ мы встрѣчаемъ переходъ ударенія на основу въ Вин. ед., подобный русскому типу въ женскомъ склоненіи рука́—ру́ку, какъ напр. въ соотвѣтствующемъ литовскомъ словѣ rankà (Им. ед.)—rañka (В. ед.). Особенно же большое согласіе въ системахъ русскаго ударенія съ тѣми славянскими языками, которые удержали подвижность ударенія, особенно съ сербскимъ, напр. русскому различію вода́—во́ду—во́ды соотвѣтствуетъ въ сербскомъ вòда—вȍду—вȍде, или русскому различію село́—се́ла отвѣчаетъ въ сербскомъ сèло—сȅла; въ виду этого согласія можно относить начало такихъ русскихъ видоизмѣненій древняго ударенія въ общеславянскую эпоху.

Библіографическія указанія. Кромѣ грамматикъ Ломоносова, Востокова, Буслаева и морфологіи слав. языковъ Миклошича, назовемъ: Гротъ Я. О русскомъ удареніи вообще и объ удареніи именъ существительныхъ и его же Замѣтки о нѣкоторыхъ формахъ именныхъ флексій (см. Филолог. разыск. 1899[4], стр. 290—358); Быстровъ А. Правила объ удареніяхъ въ русскомъ языкѣ (Аренсбургъ, 1900); Будде Е. Опытъ грам-

матики языка А. С. Пушкина, I.—1, 1901 г.: Склоненіе именъ существительныхъ (отт. изъ Сборника Отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ, т. LXXI); Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Замѣтка объ измѣняемости основ склоненія, в особенности же об их сокращеніи въ пользу окончаній (Р. Ф. В. 1902, № 3—4). P. Boyer et A. Meillet Sur l'une des origines du mouvement de l'accent dans la déclinaison slave (Mém. de la Soc. de lingu. de Paris, VIII, 1894, 172—180); Богородицкій В. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3], стр. 385—422 (глава 22-ая); Михайловъ А. В. Опытъ введенія въ изученіе русскаго литературнаго языка и письма. Варшава (1911), стр. 296—331; Кульбакинъ С. М. Древне-церковно-славянскій языкъ, II: Морфологія (1912), стр. 150—177.

Глава IX.

Имя существительное со стороны словообразованія. Такъ называемыя корневыя существительныя; существительныя первообразныя и производныя.

Въ главѣ, служащей введеніемъ въ морфологію, мы указывали (стр. 136), что слова могутъ быть *корневыми* (напр. вод-а), въ которыхъ корень и основа совпадаютъ, и *производными* отъ другихъ словъ (напр. вод-янка). Мы считали возможнымъ допустить такое дѣленіе въ виду общаго характера названной главы; но теперь мы должны внести нѣкоторыя дополненія въ это подраздѣленіе, примѣнительно къ категоріи имени существительнаго.

Прежде всего замѣтимъ, что въ русскомъ языкѣ корневыхъ существительныхъ, строго говоря, не существуетъ, такъ какъ въ нихъ корень всегда распространенъ тематическимъ элементомъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ аріо-европейскихъ языкахъ мы встрѣчаемъ существительныя, состоящія изъ одного корня, безъ какого-либо тематическаго добавленія (напр. русскому слову „мыш-ъ" соотвѣтствуетъ скт. mûš-, греч. μῦς, лат. mûs, нѣм. Maus). [1]) Такимъ образомъ, существительныя

[1]) Конечно, и такія корневыя существительныя не представляютъ собою чистыхъ корней, но являются уже опредѣленною частью рѣчи—именемъ существительнымъ извѣстнаго типа склоненія.

въ русскомъ языкѣ, обыкновенно называемыя *корневыми* (мыш-ъ, вод-а), правильнѣе будетъ назвать *первообразными*, при чемъ въ эту категорію можно зачислить не только такія существительныя, гдѣ корень распространенъ тематическимъ гласнымъ, но и тѣ, въ которыхъ къ первоначальному корню прибавленъ суффиксъ. Существительныя же съ дальнѣйшимъ наращеніемъ суффиксовъ мы будемъ называть *производными*. Кромѣ того, необходимо помнить, что и многія первоначально производныя слова, благодаря процессу опрощенія, для непосредственнаго чутья уже представляются какъ простыя. Поэтому, при разсмотрѣніи именъ существительныхъ со стороны словообразованія, необходимо имѣть въ виду возможность двухъ точекъ зрѣнія — историко-этимологической и статической и строго ихъ разграничивать.

Что касается порядка разсмотрѣнія суффиксовъ, служащихъ для образованія существительныхъ, то обычно ихъ располагаютъ чисто внѣшнимъ образомъ въ порядкѣ алфавитномъ или же соотвѣтственно физіологическимъ категоріямъ звуковъ. Само собою разумѣется, что при такомъ распредѣленіи совершенно нарушается семазіологическая связь суффиксальныхъ оттѣнковъ. Желая съ своей стороны выдвинуть въ морфологіи на первый планъ семазіологическую сторону, мы постараемся вопросъ о суффиксахъ именъ существительныхъ свести на вопросъ о суффиксальныхъ категоріяхъ, посредствомъ которыхъ классифицируется въ русскомъ языкѣ все разнообразіе предметовъ міра.

Прежде всего мы остановимся на тѣхъ немногихъ первообразныхъ существительныхъ русскаго языка, которыя представляютъ собою отголосокъ или пережитокъ *первоначальныхъ корневыхъ существительныхъ*. Эти существительныя русскаго языка могутъ быть подраздѣлены на простыя и сложныя. Первыя служатъ для названія разныхъ конкретныхъ представ-

леній, вторыя же распадаются на два отдѣла, смотря по тому, является ли существительное въ качествѣ конечнаго или же начальнаго члена сложенія: въ первомъ случаѣ такія существительныя служатъ для обозначенія дѣятелей, а во второмъ случаѣ, когда корневое имя занимаетъ начальное (т. е. второстепенное) мѣсто въ сложеніи, значеніе его можетъ быть уже болѣе разнообразнымъ, завися въ значительной степени отъ главнаго члена сложенія. Что касается внѣшней стороны, то слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какимъ звукомъ заканчивался первоначально корень—согласнымъ или же гласнымъ, такъ какъ эти два типа корней въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи отражаются на почвѣ славянскихъ языковъ не вполнѣ одинаково, съ чѣмъ мы также будемъ считаться въ своемъ изложеніи.

Начнемъ свое разсмотрѣніе съ *простыхъ* первообразныхъ существительныхъ, корень которыхъ оканчивался *согласнымъ*. Какъ мы уже указали, эти существительныя въ русскомъ языкѣ и другихъ славянскихъ представляютъ корень распространенный тѣмъ или другимъ тематическимъ элементомъ, соотвѣтственно чему они примкнули къ тому или другому гласному склоненію, напр. нос-ъ, мыш-ь, зим-*а*, и т. д. А такъ какъ тематическіе гласные перестали со временемъ чувствоваться составною частью основы и отошли къ окончаніямъ, то языкъ какъ бы вновь вернулся къ первоначальному типу корневыхъ именъ (срв. *зима*-хъ→*зим*-ахъ, т. е. тематическое *а* отошло къ окончанію и основа вновь совпала съ корнемъ). Представимъ теперь примѣры того, какъ отражаются первоначальныя корневыя имена, заканчивавшіяся согласнымъ, въ русскомъ языкѣ и по какому типу они склоняются:

1) Существительное въ русскомъ языкѣ принадлежитъ къ твердому склоненію муж. рода, напр. нос-ъ (срв. лат. В. ед. nār-em, скт. Тв. ед. nas-ā́) [1]), дом-ъ (срв. скт. dam-);

---

[1]) Для незнакомыхъ со сравнительною грамматикой языковъ нашего семейства замѣтимъ, что окончанія приведенныхъ словъ (лат. -em, скт. -ā́

2) Существительное принадлежитъ къ мягкому склоненію муж. рода, напр. ден-ь (срв. ст.-слав. форму Р. ед. отъ этого слова, образованную по согласному склоненію—дьн-е); къ этому же склоненію отнесено и заимствованное слово гус-ь (срв. греч. дорич. χᾶν, Р. ед. χᾱν-ός←*χανσ-ός) [2]);

3) Существительное принадлежитъ въ русскомъ языкѣ къ твердому склоненію жен. рода на -*а*, напр. зим-*а* (срв. лат. hiem-s, греч. χιών при Р. ед. χιόν-ος);

4) Существительное принадлежитъ къ соотвѣтствующей мягкой разновидности того же склоненія, напр. земл-*я* (срв. греч. χαμ-αί);

5) Существительное принадлежитъ въ русскомъ языкѣ къ именамъ ж. р. на -ь, напр. мыш-ь, сол-ь, вес-ь (т. е. „селеніе", срв. скт. viç- „кланъ, сельская община").

Переходу корневыхъ именъ, кончавшихся согласнымъ, изъ согласнаго въ гласное склоненіе особенно благопріятствовалъ на почвѣ общеславянской законъ устраненія согласныхъ съ конца словъ: благодаря этому фонетическому закону должна была получаться большая разница между формою И. ед., въ которой конечный согласный корня утрачивался, и тѣми падежными формами, гдѣ тотъ же согласный сохранялся подъ защитою слѣдовавшаго за нимъ гласнаго въ окончаніи; аналогія же легко возстановляла утраченный конечный согласный корня въ И. ед. путемъ перехода слова въ гласное склоненіе того или другаго типа, гдѣ уже и въ И. ед. за конечнымъ согласнымъ корня слѣдовалъ тематическій гласный. Однакожъ

не имѣютъ ничего общаго съ тематическимъ гласнымъ, представляя собою исключительно падежныя окончанія первоначальнаго согласнаго склоненія.

[1]) Слово «гусь» считается заимствованнымъ (изъ германской языковой области, срв. нѣм. *G*ans) по соображеніямъ сравнительно-фонетическимъ: такъ какъ греческому χ при литовскомъ ž, какъ мы знаемъ, въ славянскихъ языкахъ соотвѣтствуетъ *з*, а не *г*, то по-русски природное слово звучало бы **зусь* (срв. литов. žąsis).

было бы слишкомъ поспѣшно сдѣлать выводъ, что всѣ перечисленныя русскія существительныя и имъ подобныя, которымъ въ томъ или другомъ древнемъ языкѣ нашего семейства соотвѣтствуетъ корневое образованіе, непремѣнно были корневыми въ эпоху аріо-европейскаго праязыка передъ раздѣленіемъ его на вѣтви, такъ какъ въ послѣднемъ могли быть діалектическія варіаціи въ словообразованіи такого рода, что въ одной діалектической области данное существительное было корневое, тогда какъ въ другихъ областяхъ ему соотвѣтствовало слово, уже распространенное тѣмъ или другимъ тематическимъ гласнымъ; срв. напр. греческому корневому существительному χάν, уже упоминавшемуся выше, въ санскритѣ соотвѣтствуетъ существительное гласнаго склоненія—hasás, или русскому слову д о м-ъ имѣются соотвѣтствующія слова тоже гласнаго склоненія въ скт., греч. и лат. (damás, δόμος, domus), и т. п. Мы можемъ лишь утверждать, что нѣкоторыя изъ такихъ существительныхъ и въ славянской языковой области произошли изъ корневыхъ.

Что касается простыхъ первообразныхъ существительныхъ, корень которыхъ заканчивался не согласнымъ, а *гласнымъ*, то въ качествѣ примѣровъ укажемъ слова: б р о в-ъ (срв. скт. bhrū-š при Р. ед. bhruv-ás, греч. ὀφρῦ-ς при Р. ед. ὀφρύ-ος), к р о в-ъ (кръв-ь); такъ какъ корень ихъ оканчивался на *ū=рус. ы (ст.-сл. ꙑ), то И. ед. ожидался бы *бры и *кры (*бръı, *кръı), но эти формы утратились, замѣнившись новообразованіями по аналогіи существительныхъ ж. р. на -ъ (ь), т. е. бровъ (бръвь), кровъ (кръвь). [1])

[1]) Какъ мы уже указывали (стр. 105), ae. *ū отражается въ ст.-сл. въ видѣ ꙑ (рус ы); но такое отраженіе имѣетъ мѣсто лишь въ концѣ слова и въ положеніи передъ согласнымъ; въ положеніи же передъ гласными (которыми въ склоненіи разсматриваемыхъ словъ начиналось большинство падежныхъ окончаній) *ū видоизмѣнялось въ односложныхъ корняхъ въ соотвѣтствующій краткій гласный съ губнымъ придувнымъ согласнымъ, т. е. ŭv (ст.-сл. ъв).

Разобранныя нами корневыя существительныя принадлежатъ къ типу простыхъ. Теперь обратимся къ разсмотрѣнію корневыхъ именъ, входящихъ въ составъ *сложныхъ словъ* и прежде всего остановимся на томъ случаѣ, когда они являются *вторымъ членомъ сложенія*. Относящіяся сюда имена служатъ для названія *дѣятелей* по соотвѣтствующему дѣйствію. Въ русскомъ языкѣ такія образованія представляютъ уже дальнѣйшее словообразовательное расширеніе, срв. -б á-*й* (краснобай), -д ѣ-*й* (злодѣй, лицедѣй), -з ѣ-*й* (ротозѣй) и т. п. Въ санскритѣ мы видимъ этого рода образованія не только для корней, кончавшихся гласнымъ, напр. vana-*pá*-s „стерегущій лѣсъ, лѣсной сторожъ" и др., но также и для корней кончавшихся согласнымъ, напр. havya-*váh*- „*несущій* жертву" (эпитетъ Агни) и т. п. Можно думать, что и славянскіе языки имѣютъ отголоски сложеній послѣдняго типа, но только въ нихъ второй членъ получилъ тематическій гласный и перешелъ въ гласное склоненіе (срв. рус. поло*теръ* и т. п.).

Мы остановимся теперь на тѣхъ случаяхъ, когда корневое имя является въ качествѣ *перваго члена сложенія*. Эти случаи очень трудны для разъясненія, такъ какъ корневое имя въ такихъ сложеніяхъ, занимавшее начальную (т. е. второстепенную) часть, благодаря процессу опрощенія утратило свой самостоятельный оттѣнокъ значенія, переставъ также употребляться въ языкѣ и въ качествѣ отдѣльнаго слова. При такихъ обстоятельствахъ подобныя слова далеко еще не получили окончательнаго сравнительно-этимологическаго разъясненія и даже не всѣ еще приведены въ извѣстность. Примѣры:

Гос-подь. Аналогичное сложеніе представляютъ языки греч. и скт.: δεσ-πότης, jās-patis. Слово „господь" встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Въ старомъ русскомъ языкѣ употреблялась еще форма *господаръ*, въ малорусскомъ сохраняющаяся еще и теперь (*госпо*-

дарь) въ смыслѣ „хозяинъ дома“; отъ этого слова происходитъ и наше *государь*: неударяемый слогъ *спо*, произносимый на *о* (можетъ быть даже съ нюансомъ *у*), легко могъ замѣниться посредствомъ *спу* и затѣмъ *су*. [1])

ка-лѣка, срв. литов. kója (латыш. kája) „нога“; что же касается втораго члена сложенія, то онъ выражаетъ лишеніе (срв. древне-русское отъ*лѣкъ* „остатокъ“).

ка-луга, *ка*-лужа, т. е. ножная лужа, въ смыслѣ— мелкая, переходная; второй членъ сложенія существуетъ въ языкѣ и какъ особое слово.

бер-лога, срв. нѣм. *Bären*-lager.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ сложеніяхъ разсматриваемаго типа первая часть имѣетъ глагольно-корневой характеръ. Сюда, намъ кажется, можно отнести такія слова, какъ: *гáй*-воронъ (срв. *юж.* гай «крикъ», гаить «кричать»), древ.-рус. *га*-вранъ, тотъ же корень только со смягченіемъ *г* въ *ж* и въ словѣ *жа*-воронокъ; *ба*-хвалъ (срв. баять). Въ словѣ *рá*-дуга въ первомъ членѣ сложенія я усматриваю тотъ же корень, который находится въ прил. *ра*-дъ; съ этимъ объясненіемъ гармонируетъ бѣлорусское наименованіе радуги—*весёлка*, малор. *весéлка*, *веселíця*; [2]) что же ка-

[1]) Любопытна судьба начальнаго *гос-* разсматриваемаго слова въ русскомъ языкѣ. Такъ какъ обѣ составныя части слова *гос-подь* не имѣютъ родства въ русскомъ языкѣ, то слово это, будучи одинокимъ, легко подверглось фонетическимъ перемѣнамъ, особенно при содѣйствіи акустическаго фактора. Изъ формы *госудáръ* получилось *сударъ* черезъ потерю начальнаго неударяемаго слога; а это послѣднее слово, когда употреблялось какъ прибавочное въ отвѣтахъ, сократилось до частицы *-съ* (напр. слушаю-*съ* и т. п.). Потерю начальнаго слова *го* представляетъ и простонар. «спожинки» (день успенія или рождества Богородицы).

[2]) Аѳанасьевъ А. въ сочиненіи «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» I (1865) говоритъ о радугѣ на стр. 349 — 355, при чемъ въ первой части сложенія (*ра-*) усматриваетъ тотъ же элементъ, какъ въ сибир. *ра*-горокъ «холмъ или курганъ на родникѣ», и толкуя слово какъ водоносную, дождевую дугу; онъ указываетъ также малорусское выраженіе «весéлка *воду бере*», замѣчая, что представленіе о радугѣ, какъ сосущей воду, существуетъ и у другихъ славянъ. Областное (тверск.) *рай*-дуга, вѣроятно, обязано народной этимологіи.

сается второго члена сложенія, то указаніе дуги входитъ въ названіе радуги и въ другихъ языкахъ, напр. нѣм. Regen*bogen*, англ. rain*bow*, фр. *arc*-en-ciel, а въ санскритѣ слово dhánvan- ср., одного корня съ нашимъ словомъ «дуга», означаетъ лукъ для стрѣльбы и радугу; также въ Изб. 1073 г. радуга называется просто *дуга* (ДѫГА), подобно тому какъ въ лат. языкѣ arcus значитъ «лукъ, дуга, радуга». Ближайшимъ образомъ съ словомъ *дуга* (ДѫГА) родственно литов. dangùs «небо», гдѣ корень, оканчивавшійся носовымъ согласнымъ, распространенъ одинаковымъ суффиксальнымъ задне-язычнымъ согласнымъ.

Какъ мы уже указывали, къ категоріи первообразныхъ именъ кромѣ собственно корневыхъ, т. е. такихъ, въ которыхъ корень не былъ распространенъ никакимъ словообразовательнымъ элементомъ, относятся еще тѣ имена, въ которыхъ корень получилъ распространеніе *тематическимъ гласнымъ*, или же первично присоединеннымъ *суффиксомъ*. Мы не будемъ исчислять всѣхъ относящихся сюда первообразныхъ существительныхъ, такъ какъ примѣры ихъ приведены въ достаточномъ количествѣ въ предъидущей главѣ при распредѣленіи существительныхъ по склоненіямъ, при чемъ мы указывали преимущественно существительныя первообразныя. Намъ остается здѣсь сдѣлать нѣкоторыя семазіологическія и сравнительно-этимологическія разъясненія. Прежде всего мы остановимся на существительныхъ, въ которыхъ корень распространенъ лишь *тематическимъ гласнымъ*. Среди нихъ выдѣляется категорія словъ глагольнаго происхожденія, означающихъ при одной и той же формѣ различные роды представленій, стоящихъ въ томъ или другомъ отношеніи къ соотвѣтствующему дѣйствію. Такъ, одно и то же первообразное имя можетъ употребляться для обозначенія самаго дѣйствія, дѣятеля, а также объекта и орудія дѣйствія, что свидѣтельствуетъ о древности такихъ словъ, такъ какъ, очевидно, въ эпоху ихъ образованія аріо-европейскій праязыкъ еще недостаточно выработалъ особыя формальныя средства для выраженія столь различныхъ категорій представленій; въ настоящее время мы

находимъ уже нѣкоторыя особенности въ этихъ словахъ при употребленіи ихъ въ томъ или другомъ указанномъ смыслѣ. Такъ, значеніе дѣятеля или субъекта дѣйствія они сохраняютъ лишь въ концѣ сложеній (напр. водо-*возъ*, водо-*носъ*), остальныя же значенія находятся въ связи съ присоединяемыми различными префиксами, напр. вывозъ и выносъ (дѣйствіе), навозъ и наносъ (объектъ дѣйствія; сюда же относится и безпредложное „возъ"), перевозъ и подносъ (орудіе дѣйствія). [1])

Кромѣ приведеннаго типа первообразныхъ существительныхъ встрѣчается нѣкоторое количество такихъ, первоначальный корень которыхъ получилъ удвоеніе, напр. коло-колъ, гла-голъ, старин. пра-поръ „знамя", пе-пелъ (въ послѣднемъ случаѣ не полное удвоеніе). Такъ какъ въ нѣкоторыхъ аріо-европейскихъ языкахъ подобное удвоеніе корня встрѣчается въ перфектѣ глаголовъ, выражающемъ результатъ совершившагося дѣйствія, то съ этимъ можно поставить въ связь перфективное значеніе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ (глаголъ=„сказанное"; пепелъ=„сгорѣвшее" отъ К. *pel || *per, срв. пło-мя и греч. *πρή-θω*).

Обратимся къ первообразнымъ существительнымъ, въ которыхъ корень распространенъ *первичнымъ присоединеніемъ суффикса*. Какъ извѣстно, всѣ предметы міра, становясь объектами нашихъ представленій, классифицируются нашимъ умомъ и зачисляются въ тѣ или другія образующіяся въ умѣ категоріи. Внѣшними выразителями этого процесса и являют-

[1]) Въ санскритѣ въ такихъ сложеніяхъ значеніе дѣятеля является обыкновенно тоже лишь въ концѣ сложеній, прочія же значенія можетъ имѣть простое существительное, напр. скт. vāhas=тащущій (субъектъ дѣйствія—въ концѣ сложеній), тащеніе (названіе дѣйствія), повозка (объектъ и орудіе дѣйствія); хотя простое слово vāhás обозначаетъ также «упряжное или верховое животное, лошадь, волъ», т. е. какъ бы дѣятеля (собств. тотъ, кто везетъ), но здѣсь по-видимому уже утратилась глагольная идея и слово подверглось опрощенію.

ся суффиксы, которые, присоединяясь къ корню, опредѣляютъ принадлежность обозначаемаго предмета къ тому или другому классу бытій. Разсматривая съ семазіологической стороны примѣры первичнаго распространенія корней посредствомъ суффиксовъ, мы замѣчаемъ, что послѣдніе въ этомъ случаѣ служатъ уже для болѣе опредѣленнаго различенія тѣхъ основныхъ категорій, которыя такъ несовершенно дифференцированы въ первообразныхъ словахъ съ простымъ тематическимъ гласнымъ. Для указанія дѣятеля или субъекта опредѣленнаго дѣйствія въ разсматриваемыхъ теперь словахъ служатъ суффиксы *-тель*, *-ецъ*, *-ачъ* [1]) и нѣк. др., напр. жи-*тель*, жн-*ецъ*, ков-*ачъ*; для обозначенія дѣйствія—суффиксы *-тво*, *-тва*, напр. ши-*тво*, би-*тва*, а раньше также *-ть* [2]); слова, обозначавшія дѣйствіе, иногда получали примѣненіе и для выраженія объекта дѣйствія, срв. яс-*тво*, ши-*тво*, пас-*тва*, пода-*ть*, а кромѣ того служилъ суф. *-нь*, напр. да-*нь*; наконецъ, для обозначенія орудія дѣйствія примѣнялся суффиксъ *-ло*, напр. би-*ло*, ши-*ло*. Однако въ современномъ языкѣ далеко не всѣ первично присоединенные суффиксы имѣютъ ясно выступающій оттѣнокъ значенія, нѣкоторые не указываютъ уже опредѣленнаго класса именныхъ представленій и, съ точки зрѣнія живого чутья, являются не суффиксами, а принадлежностью корня. Между тѣмъ сравнительно-грамматическій анализъ обнаруживаетъ ихъ суффиксальное происхожденіе; срв. суф. *-м-*: ды*м*-ъ, хра*м*-ъ; суф. *-н-*: ста*н*-ъ, воро*н*-ъ, вес*н*-а; суф. *-р-*: жи*р*-ъ, пи*р*-ъ, да*р*-ъ, мѣ*р*-а, реб*р*-о; суф. *-л-*: узе*л*-ъ

[1]) Возможно предположить, что въ суффиксахъ *-ецъ* (ст.-сл. -ьць), *-ачъ* и т. п., въ которыхъ согласному предшествуетъ гласный, этотъ послѣдній лишь со временемъ присоединился къ суффиксу, первоначально же являлся тематическимъ гласнымъ.

[2]) Именныя представленія дѣйствія, для которыхъ служилъ первоначально суффиксъ *-ть*, измѣнились въ своемъ значеніи, перешедши въ формѣ Д. ед. въ глагольную категорію неопредѣленнаго наклоненія, напр. жи-*ть*, пи-*ть*; для именнаго же значенія сталъ примѣняться болѣе распространенный суффиксъ *-тіе* или *-тьё*, напр. жи*тьё*, пи*тьё* и пр.

(ст.-сл. *жѫ-лъ*), соко*л*-ъ, жи*л*-а, мг*л*-а; суф. -*с*- или -*х*-: голо*с*-ъ, пу*х*-ъ; суф. -*к*-, напр. пол*к*-ъ. [1]) Можно предположить, что нѣкоторые изъ такихъ суффиксальныхъ элементовъ первоначально даже и не были настоящими суффиксами, а только заканчивали собою отдѣльные корни, отъ которыхъ затѣмъ могли отойти къ тематическому гласному путемъ морфологическаго переразложенія; [2]) этимъ отчасти можетъ объясняться отсутствіе знаменательности въ такихъ суффиксахъ, кажущихся аморфными. Конечно, иные первичные суффиксы могли имѣть знаменательное происхожденіе (напр. мѣстоименное), и вся трудность задачи сводится къ тому, чтобы распредѣлить суффиксы по ихъ происхожденію на эти двѣ категоріи. Сопоставляя употребленіе аморфныхъ суффиксовъ съ суффиксами живыми, т. е. удержавшими свое суффиксальное значеніе, замѣчаемъ ту разницу между ними, что въ то время какъ первые являются какъ бы окостенѣвшими въ отдѣльныхъ образованіяхъ и неподвижными, послѣдніе могутъ

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что при сравнительно-этимологическомъ изученіи первообразныхъ существительныхъ русскаго языка необходимо обратить вниманіе на корневые гласные при томъ или другомъ суффиксальномъ элементѣ (другими словами, какой видъ корня имѣется при этомъ—первый полный, второй полный, или же сокращенный: по отношенію къ ст.-слав. языку эту работу выполнилъ проф. Крушевскій въ сочиненіи «Къ вопросу о гунѣ», см. Р. Ф. В. 1881 г., № 1), а вмѣстѣ съ тѣмъ и на типъ ударенія; въ самомъ дѣлѣ, напр. въ муж. родѣ многія первообразныя существительныя съ постояннымъ гласнымъ *о* въ корнѣ имѣютъ удареніе постоянное на окончаніи (волъ, дворъ и т. д.), а въ женскомъ и среднемъ родѣ удареніе падаетъ на окончаніе (въ ед. ч.) весьма часто при корневомъ гласномъ *е* (весна́, сестра́, весло́, село́ и пр.).

[2]) Можно думать, что морфологическое переразложеніе играло видную роль и при происхожденіи такъ называемыхъ тематическихъ гласныхъ. Срв. напр. въ именахъ тематическое *е* ‖ *о*: въ аріо-европейскомъ праязыкѣ былъ рядъ односложныхъ корней, кончавшихся этимъ гласнымъ (срв. мѣстоименные корни qo-, to- и пр.); послѣдній въ этомъ случаѣ конечно не имѣлъ знаменательности и затѣмъ путемъ морфологическаго переразложенія отошелъ къ окончаніямъ (т. е. -o-s, -o-m и т. д.), которыя уже въ этомъ видѣ могли затѣмъ по аналогіи прибавляться къ инымъ корнямъ, кончавшимся на согласный.

въ теченіи времени расширяться путемъ поглощенія предшествующихъ словообразовательныхъ элементовъ и давать такимъ образомъ начало новымъ суффиксальнымъ разновидностямъ, напр. -къ, -икъ, -чикъ и пр.

Передъ нами теперь слѣдующій и самый обширный отдѣлъ — *производства существительныхъ отъ другихъ словъ посредствомъ суффиксовъ.* Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло уже съ образованіями позднѣйшихъ эпохъ сравнительно съ прежде разсмотрѣнными, при чемъ необходимо имѣть въ виду, что болѣе обширныя суффиксальныя наращенія относятся къ позднѣйшему времени по сравненію съ соотвѣтствующими менѣе обширными. Естественно думать, что при этомъ широкій ростъ суффиксальнаго словообразованія шелъ рука объ руку съ прогрессомъ въ умственной жизни народа. Обращаясь теперь къ самому разсмотрѣнію суффиксовъ даннаго отдѣла, мы должны сдѣлать предварительную оговорку, что все многообразіе ихъ оттѣнковъ, развитіе которыхъ продолжается и теперь въ языкѣ, не можетъ быть заключено въ совершенно опредѣленныя и неподвижныя схемы.

Всѣ суффиксы производныхъ существительныхъ въ русскомъ языкѣ можно подраздѣлить на нѣсколько наиболѣе крупныхъ отдѣловъ, соотвѣтствующихъ основнымъ типамъ именныхъ представленій или бытій. Не всегда однако съ каждымъ отдѣльнымъ суффиксомъ соединяется одинъ опредѣленный оттѣнокъ значенія, но чаще одинъ и тотъ же суффиксъ имѣетъ по нѣскольку смысловыхъ оттѣнковъ, при чемъ нерѣдко одинъ и тотъ же оттѣнокъ значенія передается различными суффиксами. Подобно тому какъ въ первообразныхъ суффиксальныхъ существительныхъ, благодаря первичному присоединенію суффиксовъ опредѣленнѣе выступали основныя категоріи бытій по сравненію съ первообразными безсуффиксальными именами,

такъ теперь съ дальнѣйшимъ развитіемъ суффиксальнаго словообразованія дифференціація смысловыхъ оттѣнковъ становится болѣе детальною и еще болѣе опредѣленною. Разсмотримъ главнѣйшія категоріи суффиксовъ именъ существительныхъ совмѣстно съ ихъ значеніемъ такъ, какъ онѣ представляются намъ въ современномъ русскомъ языкѣ. При этомъ обзорѣ мы будемъ различать именныя представленія міра одушевленнаго и неодушевленнаго, а также конкретныя и абстрактныя и, наконецъ, съ оттѣнками увеличенія и уменьшенія.

I. Именныя представленія дѣятелей или дѣйствующихъ лицъ по роду ихъ дѣйствій или занятій. Къ этой категоріи относятся:

1) Существительныя, образованныя отъ глаголовъ съ помощью суффиксовъ *-ецъ*, *-чикъ*, *-щикъ*, *-тель*, *-арь*, *-тай* въ простомъ видѣ ихъ или же распространенномъ:

-ецъ: купи́ть<куп*е́цъ*; **-овецъ**: торгова́ть (торгу́ю)<торг-*о́вецъ*; **-лецъ**, **-алецъ**, **-ялецъ**, **-ѣлецъ**, **-илецъ**: приш-*ле́цъ* (или при*ше́лецъ*), дав-*а́лецъ*, посто-*я́лецъ*, влад-*ѣ́лецъ*, сид-*ѣ́лецъ*, корм-*и́лецъ*. [1])

-чикъ: вози́ть<во́з-*чикъ*, переводи́ть<перево́д-*чикъ*.

-щикъ: спо́рить<спо́р-*щикъ*, откупа́ть<откуп-*щи́къ*; **-овщикъ**: бунтова́ть<бунт-*овщи́къ*; **-ировщикъ**: лакирова́ть<лак*иро́вщикъ*; **-авщикъ**: продава́ть<продав-*щи́къ*; **-альщикъ** или **-яльщикъ**: купа́ть<куп-*а́льщикъ*, ма́зать<ма́з-*альщикъ*, мѣня́ть<мѣн-*я́льщикъ*; **-овальщикъ**: рисова́ть<рис-*ова́льщикъ*; **-ѣльщикъ** и **-ельщикъ**: говѣ́ть<гов-*ѣ́льщикъ*, пла-

[1]) Примѣры на *-л-ецъ* происходятъ отъ прежнихъ формъ причастія на *-лъ* (владѣл-ъ<владѣл-ецъ), которыя въ современномъ языкѣ имѣютъ уже значеніе прошедшаго времени вслѣдствіе опущенія при нихъ формъ глагола «быть»—есмь, еси и пр.

ти́ть<плат-*е́льщикъ*; **-ильщикъ**: кури́ть<кур-*и́льщикъ*. [1])

-атель: чита́ть<чит-*а́тель*, дѣ́лать<дѣл-*атель*; **-ователь**: толкова́ть<толк-*ова́тель*; **-ѣтель**: владѣ́ть<влад-*ѣ́тель*; **-итель**: пра́вить<прав-*и́тель*.

-арь: печь<пе́к-*арь*, писа́ть<пи́с-*арь*.

-атай: (воз)глаша́ть<глаш *а́тай*.

Примѣчаніе 1. Отъ словъ на *-ецъ*, *-чикъ* и *-щикъ* названія лицъ женскаго пола оканчиваются на *-ица* (корми*лица*, переводч*ица*, плательщ*ица*), оканчивающіяся на *-тель* распространяются прибавленіемъ суффикса *-ница* (читатель*ница*), наконецъ—отъ словъ на *-арь* женскій родъ образуется на *-арка* и *-арша* (знахар*ка*, знахар*ша*).

Примѣчаніе 2. Заимствованныя слова латинскаго происхожденія, принадлежащія къ данной категоріи, оканчиваются на *-торъ*, *-аторъ*, *-иторъ*, напр. инспек*торъ*, админист*раторъ*, репе*титоръ* (женскій родъ образуется на *-ша*, или же сохраняетъ французское окончаніе *-триса*). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ муж. родъ также удерживаетъ французскій видъ: акт*ёръ*, визи*тёръ*, гувер*нёръ*.

2) Существительныя, образованныя отъ существительныхъ, обозначающихъ необходимый предметъ въ занятіяхъ,—съ помощью суффиксовъ *-акъ*, *-арь*, *-никъ*, *-щикъ*:

-акъ или **якъ**: ры́ба<рыб-*а́къ*, мо́ре<мор-*я́къ*.

-арь: ры́ба<ры́б-*арь*, ключъ<ключ-*а́рь*.

-никъ: хлѣ́бъ<хлѣб-*никъ*, ключъ<ключ-*никъ*, печь<печ*ни́къ*. [2])

[1]) Относительно *-л-* передъ *-щикъ* см. предъидущую сноску.

[2]) Здѣсь отъ производящаго имени кромѣ существительныхъ на *-никъ* одновременно образуются и прилагательныя на *-ный* или *-ной* съ удареніемъ которыхъ—какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ—гармонируетъ и удареніе соотвѣтствующихъ существительныхъ на *-никъ*. Вѣроятно подъ вліяніемъ этихъ прилагательныхъ возникъ и самый суф. *-никъ* (съ *н* передъ *-икъ*). При словѣ «волшеб*никъ*» имя производящее (для даннаго существительнаго и соотвѣтствующаго прилагательнаго) уже не употребляется, но оно существовало въ древнемъ языкѣ, срв. в о л ъ ж б а (Ипат. лѣтоп. подъ 1250 г.).

-чикъ: монѣта<монет-*чикъ*, газѣта<газѣт-*чикъ*.

-щикъ: стекло́ <стеко́ль-*щикъ*, ка́мень <ка́мень-*щикъ*, бараба́нъ <бараба́нь-*щикъ*; **-овщикъ**: ла́мпа <ла́мп-*овщикъ*, гуртъ<гурт-*овщи́къ*.

Примѣчаніе 1. Въ именахъ на *-акъ* женскій родъ имѣетъ въ окончаніи *-ачка*, напр. рыбачка; въ именахъ на *-никъ*, *-чикъ* и *-щикъ* женскій родъ образуется перемѣною *-икъ* на *-ица*, напр. ключница.

Примѣчаніе 2. Къ данной семазіологической категоріи принадлежатъ существительныя иностраннаго происхожденія на *-антъ*, напр. фабрика<фабрика́нтъ (франц. le fabricant, нѣм. Fabrikant), квартира<квартира́нтъ.

Примѣчаніе 3. Въ нѣмецкомъ языкѣ наиболѣе обычнымъ суффиксомъ для разсматриваемой категоріи служитъ *-er*. Въ словахъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго съ этимъ суффиксомъ, послѣдній передается неодинаково въ зависимости отъ эпохи заимствованія. Наиболѣе раннія заимствованія относятся къ XIII в., напр. маст*еръ* или позже — мѣст*еръ*, мешт*еръ* (ср.-вхн. meister) «глава ордена». Слово «рыцарь» (ср.-вхн. ritter, riter) въ Новгород. лѣт. по списку XV в. подъ 1242 г. встрѣчается съ удержаніемъ звука *т* — рыт*оръ*; но въ концѣ XIV в. въ жалов. грам. 1388 г. уже съ звукомъ *ц* — рыц*еръ* (вѣроятно, черезъ посредство польскаго языка, срв. соврем. пол. rycerz). Слово «кухмистръ» или «кухмистеръ» (пол. kuchmistrz) встрѣчается уже въ Соф. врем. подъ 1507 г., гдѣ упоминается «Яковъ кухмистръ» въ числѣ литовскихъ пословъ къ кн. Вас. Иван. При болѣе точномъ заимствованіи позднѣйшаго времени слова оканчиваются на *-еръ*, напр. «почтмейстеръ». Впрочемъ слово «*егеръ*» (также «лагерь») представляетъ другую русскую разновидность даннаго нѣмецкаго суффикса. Въ словѣ «слес*арь*» (нѣм. Schlösser) имѣется подстановка суффикса *-а́рь* по созвучію съ нѣм. *-er*; слово же Mahl*er* заимствовано въ видѣ «маля́ръ». [1]) Слова «слесарь» и «маляръ» находятся въ нѣкоторомъ согласіи съ польскими — ślosarz, malarz.

II. Субстантивныя представленія лицъ по ихъ свойствамъ. Сюда относятся:

1) производныя отъ глаголовъ посредствомъ суффикса **-унъ** (ж. р. -у́нья), напр. болта́ть<болт-*у́нъ*; [2])

---

[1]) Возможно, что аналогіи этого слова послѣдовало и слово стол*я́ръ* (нѣм. der Tischler)=польск. stolarz.

[2]) Срв. ниже суф. *-анъ* (категорія 3-ья), имѣющій общій съ даннымъ суффиксомъ характерный согласный *-н-* при предшествующемъ особомъ гласномъ. Не трудно видѣть и семазіологическое родство между этими суффиксами: въ одномъ случаѣ — преувеличенное занятіе дѣйствіемъ, въ другомъ — преувеличенный предметный признакъ; кромѣ того, въ упомянутой 3-ьей группѣ встрѣчается и суф. *-унъ*.

2) отъ прилагательныхъ посредствомъ суффиксовъ *-ецъ*, *-икъ*, *-якъ*, *-ачъ*, *-арь*, *-ѣй*, *-ышъ*:

-ецъ (жен. р. **-ица**): ста́рый<ста́р-*ецъ*, слѣпо́й<слѣп-*е́цъ*;

-ивецъ: лѣ́нивый<лѣн-*и́вецъ*.

-икъ: ста́рый<стар-*и́къ* (ж. р. стар-у́ха).

-якъ или **-акъ**: бѣ́дный<бѣдн-*я́къ*, чужо́й<чуж-*а́къ*.

-ачъ: ло́вкій<ловк-*а́чъ*.

-арь: глухо́й<глух-*а́рь*, ди́кій<дик-*а́рь*. [1])

-ѣй: бога́тый<богат-*ѣ́й*.

-ышъ: го́лый<гол-*ы́шъ*; крѣ́пкій<крѣп-*ы́шъ*.

3) отъ существительныхъ, обозначающихъ часть тѣла, обращающую на себя вниманіе другихъ, — посредствомъ суффиксовъ *-унъ*, *-анъ*, *-ачъ*:

-унъ: горбъ<горб-*у́нъ*.

-анъ: го́рло<горл-*а́нъ*.

-ачъ: горбъ<горб-*а́чъ*. [2])

III. Названія лицъ по ихъ происхожденію изъ извѣстныхъ страны, города и вообще мѣстности, или же по ихъ принадлежности въ какой-нибудь народности. Они образуются распространеніемъ производя-

---

[1]) По-видимому удареніе падаетъ всегда на суффиксъ независимо отъ мѣста ударенія въ производящемъ прилагательномъ. Срв. выше, въ категоріи I-ой, особенности ударенія именъ на *-арь*, образованныхъ отъ существительныхъ и отъ глаголовъ.

[2]) Въ случаѣ си́ла<сил-*а́чъ* производящее обозначаетъ извѣстное качество, а производное на *-а́чъ* — лицо, обладающее въ большой степени этимъ качествомъ.

щихъ существительныхъ суффиксами **-ецъ**, -*ичъ*, -*якъ*, -*инъ* (женскій родъ въ нихъ оканчивается на -*ка*):

-ецъ: Голла́ндія<голла́нд-*ецъ*, Петербу́ргъ<петербу́рж *ецъ*;

-анецъ или **-янецъ**: Аме́рика<америк-*а́нецъ*, Ита́лія<италь-*я́нецъ*.

-ичъ: Кострома́<костром-*и́чъ*, Вя́тка<вя́т-*ичъ*.

-якъ: Сиби́рь<сибир-*я́къ*, Ту́ла<тул-*я́къ*.

-инъ: англича́не<англича́н-*инъ*, литва́<литв-*и́нъ*. [1]

IV. Названія лицъ по ихъ родовому происхожденію образуются посредствомъ суффиксовъ **-ичъ** и **-овичъ** или **-евичъ**:

-ичъ: князь<княж-*ичъ*.

-овичъ (ж. р. на -*овна*): попъ<поп-*о́вичъ*.

-евичъ (ж. р. на -*евна*): царь<цар-*е́вичъ*. [2]

Примѣчаніе. Къ этой категоріи относятся и собственныя имена существительныя, служащія для отчествъ и фамилій. Первоначально языкъ могъ довольствоваться одними личными именами, но очень рано явилась потребность различать лица со сходными именами, что и достигалось присоединеніемъ къ личному имени дополнительнаго по отцу; [3] впослѣдствіи сверхъ этихъ двухъ именъ стало употребляться еще третье (фамильное), названіе котораго происходило частью отъ личныхъ свойствъ или занятій основателя фамиліи, или же отъ названія мѣстности, откуда онъ былъ родомъ, а частію и отъ личныхъ именъ. [4] Что касается отчествъ, то въ русскомъ языкѣ, подобно, другимъ славянскимъ, суффиксомъ для такихъ именъ служитъ -*ичъ* или -*вичъ* (-овичъ, -евичъ)—для муж. рода; женскій родъ къ такимъ отчествамъ русскій языкъ образуетъ посредствомъ суффиксовъ -*овна*, -*евна*, -*ишна*, -*ишична*. Для образованія фамилій языкъ пользуется суффиксами -*овъ* или -*евъ*, [1] -*инъ* и -*скій*. [2] Кромѣ того въ фамиліяхъ встрѣчаются еще такія суффиксальныя окончанія, какъ: -*ово́* (Хитрово́), -*а́го* (Мертва́го), [3] -*ыхъ* или -*скихъ* (Черныхъ, Еловскихъ), [4] -*енко*, -*якъ* и -*юкъ* (Шевченко, Черникъ, Павлюкъ). [5]

[1] Здѣсь производящее во множ. числѣ, или же собирательное; суффиксъ -*инъ* нѣкоторыми считается происшедшимъ отъ древняго слова инъ, означавшаго «одинъ» (а также—«иной, нѣкоторый, тотъ»).

[2] Слогъ -*ов*- или -*ев*- указываетъ на ближайшее происхожденіе этихъ названій отъ прилагательныхъ (попо*въ*, царе*въ*).

[3] Такое пополненіе личныхъ именъ встрѣчается уже въ древнихъ памятникахъ аріо-европейскихъ языковъ, напр. въ санскритѣ (V ī r a s ē n a-sutas=сынъ Вирасена или Вирасеновичъ), древне-греческомъ (Πηλείδης—сынъ Пелея) и др.

[4] Въ русской литературѣ существуетъ особая монографія о родовыхъ прозваніяхъ: К а р н о в и ч ъ Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ рускими. Спб. 1886.

V. Что касается названій животныхъ, растеній и минераловъ, то здѣсь мало вполнѣ опредѣленныхъ суффиксовъ, а потому мы ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторые. Въ названіяхъ животныхъ при производствѣ именъ женскаго рода русскій языкъ пользуется часто суффиксомъ -*ица* (напр. медвѣдь<медвѣд-*ица*), а для названій молодыхъ животныхъ суффиксомъ -*енокъ* (напр. медвѣдь<медвѣж-*енокъ*). [6]

При обозначеніи предметовъ міра растительнаго суф. -*овникъ* нерѣдко служитъ для указанія кустарниковыхъ растеній, напр. терно́вникъ, крыжо́вникъ и т. п., а суф. -*никъ* и -*някъ*—для отличія разныхъ породъ лѣса (бере́зникъ, липня́къ), -*ина* и -*ика* для обозначенія ягодныхъ растеній (рябина, смородина, земляника), -*икъ*, -*овикъ*, -*окъ* и нѣк. др.—въ названіяхъ грибовъ, напр. рыжикъ, березовикъ, опенокъ.

Въ названіяхъ предметовъ минеральнаго царства суффиксы -*никъ* или -*някъ* служатъ, подобно тѣмъ же суффиксамъ

[1] Эти суффиксы между прочимъ всегда являются въ фамиліяхъ, происходящихъ отъ мужскихъ личныхъ именъ, напр. Петровъ, Васильевъ.

[2] Среди донскихъ казаковъ вм. -*скій* употребляется -*сковъ*.

[3] Второе окончаніе въ сущности одинаково съ первымъ, различаясь отъ него лишь удареніемъ и орѳографіей.

[4] Въ такомъ видѣ суффиксы обычно употребляются въ Сибири и возникли какъ отвѣтъ на вопросъ *чьихъ ты*, *онъ* и пр., подобно тому какъ на вопросъ *чей* или *кого ты* и пр. возникли отвѣтные суффиксы -*ово* или -*аго*. Въ Сибири существуетъ для этихъ случаевъ даже особаго вида вопросительное мѣстоименіе—*чёевичъ? чёичъ? чёевъ?*

[5] Три послѣдніе суффикса употребительны въ Малороссіи.

[6] Для обозначенія мяса животныхъ, употребляемыхъ въ пищу, прибавляется суффиксъ -*ина*, напр. бара́н-*ина*, осетр-*и́на* и пр.

въ названіяхъ міра растительнаго, для указанія той или другой минеральной породы или почвы, напр. песча́никъ, извѣстня́къ; для той же цѣли иногда служитъ суф. *-окъ*, напр. сугли́нокъ; суф. *-икъ* встрѣчаемъ въ названіяхъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ минераловъ, напр. плави́къ, кровави́къ.

VI. Что касается существительныхъ, служащихъ обозначеніемъ разнообразныхъ предметовъ культуры, т. е. предметовъ жилища, утвари, орудій, одежды, пищи и также комфорта, то значительное количество ихъ уже получило обозначеніе въ языкѣ въ эпохи развитія первообразныхъ существительныхъ. Послѣ того языкъ, по мѣрѣ появленія новыхъ культурныхъ предметовъ въ жизни, частію примѣняетъ прежнія наименованія, а частію образуетъ новыя имена существительныя прибавленіемъ префиксовъ и суффиксовъ къ ранѣе образованнымъ первообразнымъ именамъ, обозначающимъ близкія по смежности или сходству представленія, напр. свѣча<*под*свѣч*никъ*, рука<ручка (для письма).

Наиболѣе распространенными суффиксами въ новообразуемыхъ существительныхъ разсматриваемой категоріи служатъ *-никъ* и *-ница*, присоединяющіеся къ производящимъ словамъ для приданія имъ весьма разнообразныхъ значеній, напр. нагрудникъ, игольникъ, чайникъ, сахарница, песочница. Въ этихъ примѣрахъ новый культурный предметъ названъ по другому предмету, къ которому онъ находится въ извѣстномъ пространственномъ отношеніи, или же такъ или иначе служитъ для него. Нѣкоторыя существительныя представляютъ названія по глагольному дѣйствію, напр. умывальникъ, подойникъ, мельница; въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимъ образованіе существительныхъ по глаголу съ помощью другихъ суффиксовъ, напр. *-ево* (кружить<круж-*ево*); суф. *-ня* служитъ для показанія мѣста для производства работы или вообще совершенія дѣйствія (пекарня, бѣлильня, купальня); суф. *-ало* или *-ило* для обозначенія орудій дѣйствій, напр. опах-*а́ло*, точ-*и́ло*.

Наконецъ, необходимо помнить, что благодаря позаимствованію многихъ культурныхъ предметовъ отъ другихъ народовъ, въ русскій языкъ вошли вмѣстѣ съ заимствованными предметами и соотвѣтствующія иностранныя названія ихъ.

VII. Переходя отъ конкретныхъ существительныхъ къ абстрактнымъ, мы прежде всего укажемъ на субстантивныя названія дѣйствій, которыя образуются отъ соотвѣтствующихъ глаголовъ при помощи слѣдующихъ суффиксовъ:

-ніе (-еніе, -аніе, -ѣніе, -ываніе и т. п.) и **-тіе**: писа́ть<пис-*а́ніе*, скла́дывать<скла́д-*ываніе*, взять<взя́-*тіе*. Суффиксъ *-ніе*—самый употребительный, а суф. *-тіе* встрѣчается только при глаголахъ извѣстнаго типа. [1])

-ба: пали́ть<паль-*ба́*, молоти́ть<молоть-*ба́*. Особенно часты такія образованія отъ глаголовъ на *-и́ть*.

-ство: ворова́ть<вор-*овство́*, колдова́ть<колд-*овство́*. Въ большомъ числѣ случаевъ такія существительныя происходятъ отъ глаголовъ на *-овать*.

-ствіе: дѣй-*ствіе*, шес-*твіе*. Въ этой группѣ много словъ церковно-славянскаго происхожденія.

---

[1]) Суффиксы *-ніе* и *-тіе*, съ предшествующимъ гласнымъ, представляютъ собою дальнѣйшее образованіе отъ прич. прош. страд., при чемъ согласные *н* и *т* являются именно тѣми согласными, которые служатъ для образованія данной причастной формы. Однакожъ эти существительныя не имѣютъ страдательнаго значенія; въ этомъ могло сказаться дѣйствіе аналогіи глагольныхъ существительныхъ на *-ть*. Связь же съ прич. прош. стр. обнаруживается (кромѣ параллелизма въ производствѣ) изъ конструкціи при этихъ существительныхъ: дѣйствующій предметъ ставится при нихъ въ Твор. пад., т. е. какъ въ страд. оборотѣ. Самое же значеніе ихъ, какъ упомянуто, соотвѣтствуетъ глаголу въ дѣйствительной формѣ, при чемъ удерживаются и «видовыя» различія, напр. несеніе ‖ ношеніе и т. п.; далѣе, если производящій глаголъ сочетается съ неопред. накл., то и происходящее отъ него существительное можетъ сохранить такое словосочетаніе, напр. стремлюсь доказать ‖ стремленіе доказать (удерживаются также Дат. падежъ и предложныя конструкціи, прямое же дополненіе по общему правилу переходитъ въ Род. падежъ).

-ка: обшив-*ка*, клад-*ка*.

-ня: стряп-*ня*, ръз-*ня*; **-отня**: бѣг-*отня*; **-овня**: болт-*овня*. Выражается усиленность дѣйствія.

Примѣчаніе. Во многихъ случаяхъ разсматриваемыя существительныя обозначаютъ не только дѣйствіе, но и продуктъ дѣйствія, напр. писаніе, обшивка и т. д. Въ этомъ послѣднемъ значеніи многія изъ такихъ существительныхъ относятся къ предшествующему VI-му отдѣлу.

VIII. Опредмеченныя представленія качествъ производятся въ языкѣ отъ соотвѣтствующихъ прилагательныхъ съ слѣдующими суффиксами:

-ба: злой<зл*о́ба*, худой<худ*оба́*.

-ость и **-есть**: живо́й<жи́в-*ость*, жесто́кій<жесто́к-*ость*, свѣ́жій<свѣ́ж-*есть*; **ность**: че́стный<че́ст-*ность*; **-ивость**: игри́вый<игр-*и́вость*; **-авость**: лука́вый<лук-*а́вость*.

-ота: пе́стрый<пестр-*ота́*, че́рный<черн-*ота́*, глухо́й<глух-*ота́*. Обыкновенно—отъ прилагательныхъ, обозначающихъ цвѣтъ, а также физическій недостатокъ.

-изна: криво́й<крив-*изна́*.

Примѣчаніе. Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами абстрактныхъ существительныхъ, происходящихъ отъ глаголовъ и прилагательныхъ, русскій языкъ представляетъ не мало случаевъ образованія абстрактныхъ существительныхъ отъ другихъ существительныхъ, нерѣдко конкретныхъ. Въ этихъ образованіяхъ обычными суффиксами являются *-ица*, *-ство*, *-іе*, при чемъ такія слова часто представляютъ собою сложенія, или же начинаются префиксами, особенно отрицательнымъ *без-*. Суффиксы *-ица* и *-іе* придаютъ слову одинаковое значеніе и встрѣчаются въ нѣкоторыхъ образованіяхъ рядомъ; срв. безвод*ица* ‖ безвод*ье*: «Мы лишились множества людей отъ безводицы» (*Пушкинъ*, Зап. Моро-де-Бразе) ‖ «отъ безводья и безхлѣбья, среди крымскихъ солончаковъ... (*Гоголь*, Тарасъ Бульба). Въ качествѣ примѣровъ для суффикса *-ство* укажемъ: умъ<безу́м-*ство* (‖ *-іе*), шалопай ‖ шалопа́й-*ство*, банкро́тъ (иностр,)<банкро́т-*ство*; этотъ суффиксъ нерѣдко является распространеннымъ предшествующими суффиксальными элементами, напр. взя́точ-никъ<взя́точ-*ничество*, уч-и́тель<уч-*и́тельство*, пис-а́тель<пис-*а́тельство*. Иногда абстрактныя существительныя принимаютъ собирательный оттѣнокъ значенія, становясь въ то же время конкретными, напр. «священство» = 1) названіе опредѣленнаго духовнаго сана,

2) духовенство (срв. «усадилъ священство за почетный столъ»—у *Тургенева* VIII, стр. 250, изд. 1883). [1]) Мы видимъ, что русскій языкъ проявляетъ большую способность къ абстрактнымъ образованіямъ, отчасти конечно благодаря церковно-славянскому вліянію.

IV. До сихъ поръ мы разсматривали такія производныя существительныя, которыя, благодаря принятому ими суффиксу, получили новое значеніе по сравненію съ своимъ производящимъ; это значеніе находится въ нѣкоторомъ легко подразумѣваемомъ соотношеніи къ значенію производящаго слова, срв. ры́ба<рыб-*а́къ* (т. е. ловящій рыбу), печь<печ-*ни́къ* (дѣлающій печи) молоко́<моло́ч-*никъ* (продающій молоко, или же посуда для молока). Теперь передъ нами новый типъ производныхъ, въ которыхъ сохраняется основное значеніе производящаго, видоизмѣняется лишь оттѣнокъ представленія одного и того же предмета, который можетъ мыслиться большимъ или малымъ, а также съ оттѣнкомъ пренебрежительнымъ или же ласкательнымъ. Ясно, что эти производныя существительныя могутъ происходить только отъ существительныхъ. Суффиксы, съ помощью которыхъ могутъ образовываться такія производныя существительныя, суть слѣдующія:

1) Увеличительныя имена пользуются суффиксами:
-ище (-ища): домъ<дом-*и́ще*; [2]) рука́<руч-*и́ща*, си́ла<си́л-*ища*.
-ина: звѣрь<звѣр-*и́на*.

2) Уменьшительныя существительныя имѣютъ суффиксы:

-ецъ: уро́дъ<уро́д-*ецъ*.

-икъ: столъ<сто́л-*икъ*; **-чикъ**: младенецъ<младен-*чикъ*.

---

[1]) Здѣсь умѣстно указать также на то, что вообще субстантивныя названія качествъ иногда переносятся на самыя лица, какъ напр. «старина», т. е. подобно древне-греческимъ существительнымъ муж. рода перваго склоненія (напр. ἱππότη-ς, νεανία-ς).

[2]) Имена на *-ище*, происходя отъ именъ муж. рода, сохраняютъ родъ своего производящаго, не смотря на окончаніе *-е*.

-окъ, **-очекъ** (-ёкъ, ёчекъ): го́лосъ<голос-*óкъ*<голос-*óчекъ*, ого́нь<огон-*ёкъ*<огон-*ёчекъ*.

-ица: вода́<вод-*и́ца*.

-ка: бляха<бля́ш-*ка*, кана́ва<кана́в-*ка*; [1]) **-очка**, **-ечка**: цѣпь <цѣп-*óчка*, метёлка<метёл-*очка*, доска́<дощ-*е́чка*; **-ичка**: птица<пти́*чка*; **-ынка**: простыня́<прост-*ы́нка*, **-ушка**: дере́вня<дерев-*у́шка*, изба́<изб-*у́шка*.

-ко: у́хо<уш-*кó*; **-ечко**: кольцо́<кол-*е́чко*; **-ико**: лицо́<ли́ч-*ико*; **-ышко**: перо́<пёр-*ышко*, крыло́<кры́л-*ышко*. [2])

-цо́, **-це**: о́зеро<озер-*цó*, блю́до<блюд-*це*; **-ецо́**: письмо< письм-*ецó*.

Примѣчаніе 1. Уменьшительныя имена весьма часто получаютъ въ языкѣ значеніе обыкновенныхъ; въ такомъ случаѣ они принимаютъ обычно новый оттѣнокъ значенія и въ свою очередь могутъ образовывать новыя уменьшительныя путемъ дальнѣйшаго распространенія уменьшительными суффиксами, напр. клу*бóкъ* (собственно—уменьш. отъ «клубъ»)<клу*бóчекъ*, нос*óкъ* (напр. у чайника или сапога, собственно—уменьш. отъ «носъ»)<но*сóчекъ*. Иногда въ языкѣ рядомъ съ уменьшительными словами, уже утратившими свой оттѣнокъ уменьшительности, все еще продолжаютъ существовать и ихъ производящія, напр. до́ждикъ || дождь. [3])

Примѣчаніе 2. Русскій языкъ очень широко пользуется уменьшительными существительными, какъ это нерѣдко встрѣчаемъ въ народной поэзіи; [4]) въ повседневномъ же разговорѣ уменьшительныя имена часто употребляются для оттѣнка почтительности или уваженія, а также для приданія своей рѣчи особенной ласковости. [5]) Привычкѣ называть въ разговорѣ

---

[1]) При этомъ суффиксѣ по большей части уже не сохраняется оттѣнокъ уменьшительности, при чемъ и самое значеніе слова отошло отъ первоначальнаго, напр. ва́л-*ка*, пе́н-*ка* и т. п.

[2]) Этотъ суффиксъ всегда неударенъ.

[3]) Что слово «до́ждикъ» имѣетъ уже неуменьшительное значеніе, подтверждается тѣмъ, между прочимъ, что оно употребляется на ряду съ обыкновенными, напр. у Лермонтова: «вѣдь, напримѣръ, въ *дождикъ*, въ *холодъ*, цѣлый день на охотѣ» Герой нащ. вр., гл. I).

[4]) См. напр. Великорусскія народныя пѣсни, изданныя проф. А. И. Соболевскимъ, т. I. (1895) № 401.

[5]) Примѣръ перваго оттѣнка встрѣчаемъ у Тургенева въ разсказѣ «Малиновая вода» въ рѣчи бывшаго дворецкаго Тумана (обращаясь къ ав-

обыкновенные предметы уменьшительными именами много способствуетъ подчиненность и зависимость лица, говорящаго съ высшими: при частотѣ такого явленія уменьшительныя существительныя легко переходятъ въ категорію обыкновенныхъ; здѣсь, такимъ образомъ, развитіе языкового явленія зависитъ отъ соціальныхъ условій. Существительныя, обозначающія разнаго рода мѣру, которыя по этому не должны бы имѣть уменьшительныхъ образованій, въ дѣйствительности имѣютъ таковыя; этими послѣдними обычно пользуются въ томъ случаѣ, когда хотятъ произвести впечатлѣніе малости просьбы, напр: «отпусти на *недѣльку*»; «*гривенничекъ* всего стоитъ», и т. п. [1]) Кромѣ того, уменьшительныя имена въ разговорѣ нерѣдко употребляются для обозначенія представленій съ противоположнымъ оттѣнкомъ значенія, т. е. увеличительнымъ, при чемъ самая рѣчь получаетъ какъ бы характеръ юмора или ироніи; напр. «ну, и *морозецъ* сегодня!» [2]) Такого рода примѣры, встрѣчающіеся сплошь и рядомъ, достаточно убѣждаютъ въ томъ что семазіологическая жизнь и развитіе суффиксовъ происходитъ не въ отдѣльныхъ словахъ, а въ живой рѣчи.

3) Уничижительныя или пренебрежительныя пользуются суффиксами увеличительныхъ или же уменьшительныхъ, напр. ла́п-*ища*, звѣр-*юшка*. Кромѣ того, для оттѣнка пренебреженія часто служитъ суффиксъ *-ёнка*; срв. напр.: лошадка (уменьш.) || лошадёнка (уничижит.), избушка (уменьш.) || избёнка (уничиж.). [3]) Пренебрежительныя формы въ рѣчи нерѣдко служатъ для приданія предмету малой значительно-

---

тору разсказа, онъ спрашиваетъ: «А что это у васъ *пѣсни* аглицкій, или фурляпскій какой?» въ разговорѣ же съ мужикомъ Степой пользуется обыкновенными именами), а также у Маркевича въ романѣ «Четверть вѣка назадъ» въ рѣчи домашняго учителя изъ семинаристовъ; весьма характернымъ примѣромъ второго оттѣнка могутъ служить письма Макара Алексѣевича Дѣвушкина въ «Бѣдныхъ людяхъ» Достоевскаго.

[1]) Срв. Мандельштамъ I., Объ уменьшительныхъ суффиксахъ въ русскомъ языкѣ со стороны ихъ значенія (Къ исторіи поэтическаго стиля), въ Ж. М. Н. Пр., часть 348, 1903 г., стр. 348. Цитируемая статья (l. c. стр. 34—66, 317—353) заслуживаетъ особаго вниманія по богатству собраннаго и разсмотрѣннаго въ ней матеріала.

[2]) Замѣтимъ. что русскому увеличительному суффиксу *-ище* въ греч. соотвѣтствуетъ суф. -ισκος съ уменьшительнымъ оттѣнкомъ значенія.

[3]) Уничижительный оттѣнокъ послѣдняго слова ясно проглядываетъ въ выраженіи: «въ дрянной, полуразвалившейся *избёнкѣ*» (Тургеневъ, Сочиненія, изд. 1883 г., т. II, стр. 21).

сти въ глазахъ слушателя; такъ, напр. Хорь въ извѣстномъ разсказѣ Тургенева не безъ лукавства скромно замѣчаетъ о себѣ: „торгуемъ по-маленьку *маслишкомъ*, да *дегтишкомъ*"; срв. также у Писемскаго: „у меня (въ деревнѣ) мѣстоположеніе порядочное, есть тоже *садишко*, кое-какая *рѣченка*" (Тысяча душъ, ч. 2, гл. IV).

4) Ласкательныя имена могутъ образовываться какъ для обыкновенныхъ, такъ и для уменьшительныхъ существительныхъ. Такъ, напр., отъ обыкновеннаго существительнаго „голова" происходитъ ласкательное „голов*ушка*"; что касается соотвѣтствующаго уменьшительнаго „голов*ка*", то оно, какъ и вообще уменьшительныя, можетъ соединять въ себѣ и ласкательный оттѣнокъ; если же такое образованіе кажется недостаточнымъ для выраженія ласки, то отъ него можетъ быть произведено новое уменьшительно-ласкательное существительное напр. на *-очка*, *-онька* и др. (головочка, головонька); срв. еще у Писемскаго въ разговорахъ: „Что сестр*ичушка*-то? я и не спросила о ней" (Тюфякъ, гл. II). [1]) Русскій языкъ вообще весьма богатъ уменьшительно-ласкательными существительными, что отчасти можетъ считаться показателемъ душевной мягкости русской народности. Здѣсь, такимъ образомъ, развитіе суффиксальное объясняется уже не соціальными условіями, а факторомъ народной психологіи. Замѣтимъ еще, что подобно тому какъ иронія можетъ переводить уменьшительныя имена въ увеличительныя, такъ здѣсь этимъ путемъ при соотвѣтственномъ измѣненіи интонаціи достигается переходъ ласкательнаго оттѣнка въ уничижительный, напр. умница, чадушко и др.

Примѣчаніе. Личныя имена въ русскомъ языкѣ проявляютъ особенную склонность къ ласкательнымъ и уничижительнымъ образованіямъ; обыкновенно суффиксами ласкательными служатъ: *-я* или *-а* (Ва́н-*я*, Та́н-*я*, Миш-*а*,

[1]) Ласкательныя образованія могутъ быть и отъ иностранныхъ словъ; срв. напр. слово «тантушка» (отъ нѣм. Tante «тетка») въ Исторіи лейтенанта Ергунова у Тургенева.

Груш-*а*), *-енька* (Ми́т-*енька*, Груш-*енька*), *-ичка* (Ва́н-*ичка*, Ду́н-*ичка*), *-ушка* или *-юшка* (Ива́н-*ушка*, Андре́-*юшка*, Степани́д-*ушка*, Та́н-*юшка*), а уничижительныхъ *-ка* (Ва́нь-*ка*, Гру́ш-*ка*). [1])

Всматриваясь во все многообразіе суффиксовъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ особенно способны къ дальнѣйшему суффиксальному разростанію путемъ постепеннаго поглощенія предшествующихъ суффиксальныхъ элементовъ (напр. *-тель*, *-атель*, *-ыватель* и т. п.). Ближайшее наблюденіе показываетъ, что такому росту подвергаются главнымъ образомъ тѣ суффиксы, которые служатъ къ образованію самыхъ основныхъ категорій именныхъ представленій, именно — дѣятелей, дѣйствій, объектовъ и орудій дѣйствій. Сверхъ того, какъ уже было указано, русскій языкъ представляетъ почти неисчерпаемое обиліе наращенныхъ ласкательныхъ образованій.

Намъ осталось еще сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ *фонетическихъ перемѣнахъ*, наблюдаемыхъ при наращеніи суффиксовъ. Сюда относятся главнымъ образомъ явленія аккоммодаціи согласныхъ въ отношеніи мягкости-твердости, а также звонкости-глухости.

Явленія *смягченія* встрѣчаются тогда, когда суффиксъ начинается или начинался смягчающимъ гласнымъ (т.-е. і или е); въ этомъ случаѣ предшествующій согласный смягчается или непереходно, или же переходно, смотря по категоріи согласнаго, срв. при суффиксахъ *-икъ* и *-екъ*: с т о́ л (столъ) < с т о́ *л'*-ь к (стол*икъ*), å в р а́ к (оврагъ) < åвра́*ж*-ък

[1]) Эти послѣднія имена играютъ важную роль въ отпискахъ служилыхъ людей къ государямъ московской Руси, при чемъ употребленіемъ такихъ именъ (Ванька и т. п.) достигалось собственное уничиженіе. Такъ именуютъ себя при Иванѣ III наименѣе значительные люди или «людишки»; болѣе знатные пользуются уже уменьшительными, а не уничижительными суффиксами (напр. Иванецъ, Васюкъ) и лишь самые знатные пишутся полными именами. При Иванѣ IV Грозномъ даже и знатныя лица стали писаться не только уменьшительными, но обыкновенно и уничижительными.

(овражекъ). [1]) Но кромѣ случаевъ смягченія есть также и случаи *отвердѣнія* согласныхъ, напр. п о к о *р*-н о с т ь и пр.

Въ примѣръ уподобленія по *звонкости* можно привести слово „с в а *д* ь б а" отъ глагола „с в а т а т ь"; для случаевъ же обратнаго перехода звонкаго согласнаго въ глухой можно указать на многочисленныя образованія именъ на *-ка*, напр. к а̊ р о́ *п* к ӑ (коробка), л о́ *т* к ӑ (лодка) и т. д., въ которыхъ уподобленіе произошло послѣ исчезновенія промежуточнаго *ъ.

Библіографическія указанія. В а с и л ь е в ъ В. Объ удареніяхъ русскаго языка (въ Маякѣ 1842 г.). Г р о т ъ Я. Объ удареніи существительныхъ въ Имен. падежѣ ед. ч (Фил. Раз. 1899⁴ стр. 293—324). А л е к с а н д р о в ъ А. Удареніе именъ сущ. съ суф. *-икъ*; Удареніе именъ сущ. ж. р., оканчивающихся на суффиксы *-ынъ*, *-ива*, *-ева* (Р. Ф. В. 1882 г.), С м и р н о в ъ К. О взаимномъ отношеніи по ударенію именъ сущ. съ суф. *-ецъ* и ихъ «производящихъ» (Уч. Зап. Каз. Унив. 1883 г.). Ш а р л о в с к і й I Русская просодія. Изслѣдованія объ акцентѣ вообще, а равно законы русскаго ударенія въ особенности. Одесса 1890. P e r o t G. L'accent tonique dans la langue russe (1900). Б р а н д т ъ Р. Начертаніе славянской акцентологіи (1880). М а р т ы н о в ъ И. Игра согласныхъ буквъ въ словопроизводствѣ (см. выше, стр. 124). П о т е б н я А. Изъ записокъ по русской грамматикѣ, III: Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго (Харьковъ, 1899). Для соотношенія представленной нами семазіологіи русскихъ суффиксовъ къ суффиксамъ старо-слав. языка срв. L e s k i e n A. Grammatik der altbulg. (altkirchenslav.) Sprache (изъ Samml. slav. Lehr- und Handbücher von A. Leskein u. E. Berneker), 1909, §§ 61—71; см. далѣе V o n d r á k W. Vergleichende Slavische Gramm. I (1906). П о г о д и н ъ А. Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ (1903).

---

[1]) Случаи суф. *-икъ* съ предшествующимъ шипящимъ, который бы чередовался съ задне-язычнымъ согласнымъ производящаго слова, почти не встрѣчаются (кромѣ именъ на *-щикъ*, имѣющихъ или предполагающихъ въ производящемъ словѣ сочетаніе *ск*, напр. день*щикъ*>деньской, стекольщ*икъ*>*стекольскій, хотя въ иныхъ случаяхъ новообразовавшійся суф. *-щикъ* сталъ примѣняться уже независимо отъ первоначальныхъ условій, напр. барабан*щикъ*). Въ тѣхъ же случаяхъ, въ которыхъ мы видимъ суф. *-икъ* послѣ простого шипящаго, тамъ въ производящемъ всегда оказывается не задне-язычный согласный, а *ц*, напр. п а́ л ' ъ *ц* (палецъ) < п а́ л ' ч - ь к (паль*чикъ*). Отсутствіе звена съ задне-язычнымъ согласнымъ приводитъ къ нерѣдко встрѣчаемому ошибочному толкованію, что тутъ *ц* измѣнилось въ *ч*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оба звука (какъ *ц*, такъ и *ч*) являются продуктомъ смягченія согласнаго *к*, который при однихъ условіяхъ видоизмѣнился въ *ц*, а при другихъ въ *ч*.

Глава X.

Имя прилагательное; степени сравненія. Нѣкоторыя замѣчанія объ имени числительномъ и мѣстоименіи.

И м е н е м ъ п р и л а г а т е л ь н ы м ъ называется измѣняемая часть рѣчи, обыкновенно служащая для опредѣленія имени существительнаго. Самый терминъ „прилагательное" выражаетъ, что эта часть рѣчи употребляется въ приложеніи къ существительному, при чемъ прилагательнымъ обозначается какое-либо частное представленіе въ цѣломъ представленіи даннаго предмета. Связь же частнаго представленія со своимъ сложнымъ въ сферѣ языка выражается *согласованіемъ* прилагательнаго съ существительнымъ, напр. крас*ный* столъ, крас*ная* доска и т. п. [1]) Имя прилагательное, относясь къ существительному, можетъ являться въ предложеніи не только опредѣленіемъ (красный столъ и т. п.), но также входить въ

---

[1]) По поводу даннаго нами опредѣленія прилагательнаго можно было бы возразить, что, напр., въ выраженіи: передай книгу въ переплетѣ—слово «въ переплетѣ», согласно съ нашимъ опредѣленіемъ, нужно считать прилагательнымъ, такъ какъ оно обозначаетъ *одинъ изъ признаковъ другого представленія*. Это замѣчаніе было бы справедливо въ томъ случаѣ, если бы часть рѣчи опредѣлялась только по значенію, но въ опредѣленіе каждой части рѣчи должна входить также характеристика ея со стороны формальной, почему мы и указали, что прилагательное согласуется съ своимъ существительнымъ, т. е. что ему свойственна опредѣленная форма.

составъ сказуемаго, напр. столъ — красенъ, доска — красна и т. п. Соотвѣтственно этому синтаксическому различію, прилагательное имѣетъ двѣ формы: *простую* — для сказуемаго (напр. красенъ, -а, -о) и *сложную* — для опредѣленія (красный, -ая, -ое). [1]) Сложная форма образовалась изъ простой чрезъ присоединеніе древняго мѣстоименія *и*, *я*, *е* (т. е. напр. добръ + *и*, добра + *я*, добро + *е*), представляющаго собою родъ члена. Раньше простая форма прилагательнаго употреблялась и какъ опредѣленіе, но теперь (за исключеніемъ притяжательныхъ на *-инъ* и *-овъ*) только какъ сказуемое. Отголоски употребленія прилагательнаго въ простой формѣ въ качествѣ опредѣленія нерѣдко встрѣчаются въ произведеніяхъ народной словесности, напр. въ былинахъ, особенно въ типичныхъ сочетаніяхъ, ставшихъ какъ бы формулами, напр. „у ласкова князя Владимера“ и т. п. Такъ какъ въ современномъ литературномъ языкѣ прилагательное въ простой формѣ является, за извѣстнымъ исключеніемъ, только въ качествѣ сказуемаго, при чемъ согласуется съ своимъ подлежащимъ, подлежащее же всегда стоитъ въ Имен. падежѣ, то вполнѣ понятно, что въ литературномъ языкѣ простое прилагательное способно имѣть только форму Имен. падежа, напр. въ ед. ч.: умéнъ — умнá — умнó, во мн. ч.: умны́. [2]) Въ качествѣ же опредѣлительныхъ словъ прилагательныя имѣютъ полное склоненіе, согласуясь со своимъ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ; поэтому склоняются всѣ сложныя прилагательныя (напр. доб-

[1]) Изъ другихъ языковъ аріо-европейскихъ укажемъ на существованіе простой и сложной формъ прилагательнаго съ подобной же синтаксической дифференціаціею ихъ въ литовскомъ и нѣмецкомъ.

[2]) Что касается ударенія при этомъ, то оно частію слѣдуетъ данному примѣру (срв. еще: *жóлтъ* — желтá — желтó — желты́), или же на окончаніе переходитъ только въ женскомъ родѣ ед. ч. напр. *сухъ* — сухá — сýхи, *дóрогъ* — дорогá — дóрого — дóроги, *вéселъ* — веселá — вéсело — вéселы; наконецъ, удареніе можетъ быть постояннымъ на основѣ, напр. *здорóвъ* — здорóва — здорóво — здорóвы.

рый человѣкъ, добраго человѣка и пр.), а изъ прилагательныхъ съ простою формою только извѣстныя притяжательныя (напр. Ивановъ день, Иванова дня и пр.).

Что касается *системы ударенія въ склоненіи* прилагательныхъ, то эта система очень проста: удареніе здѣсь бываетъ только постоянное — или на основѣ, или на окончаніи, при чемъ прилагательныя твердаго склоненія могутъ имѣть то и другое удареніе (напр. дóбрый, слѣпóй), прилагательныя же мягкаго склоненія встрѣчаются только съ удареніемъ на основѣ (напр. вéрхній).

Итакъ, имена прилагательныя обычно являются въ *двухъ формахъ* — простой и сложной, соотвѣтственно синтаксическому различію въ употребленіи. Не всѣ однакожъ прилагательныя способны къ этимъ двумъ формамъ: нѣкоторыя прилагательныя являются *только въ одной* формѣ, или краткой (напр. Ивановъ и т. п.), или же полной (напр. деревянный и т. п.), независимо отъ того, служатъ ли они словами опредѣлительными, или же являются въ роли сказуемаго, напр.: Сашинъ карандашъ || карандашъ — Сашинъ; деревянный домъ || домъ — деревянный. Первую группу прилагательныхъ съ одною формою составляютъ извѣстнаго образованія притяжательныя, а вторую — относительныя прилагательныя.

Какъ извѣстно, имена прилагательныя могутъ измѣняться по *степенямъ сравненія* (напр. добрый — добрѣе — самый добрый). Однако многія прилагательныя не имѣютъ движенія по степенямъ сравненія, когда качество не можетъ мыслиться въ смыслѣ сравнительномъ и превосходномъ. Къ прилагательнымъ, не измѣняющимся по степенямъ сравненія принадлежатъ всѣ *притяжательныя* и *относительныя*; прочія прилагательныя измѣняются по степенямъ сравненія и въ грамматикахъ называются *качественными*. Первыя прилагательныя всегда производныя отъ другой части рѣчи, при чемъ притяжательныя происходятъ только отъ существ., напр. Иванъ < Иван*овъ*, Вася < Вас*инъ*, отецъ < отц*овъ*, братъ < брат*нинъ*, се-

ло—сель*скій*, относительныя же отъ разныхъ частей рѣчи, напр.: отъ сущ.—дерево<деревя*нный*, шерсть<шерст*яной*, часъ<час*овой*, годъ<год*овой*, пудъ<пуд*овой*, семья<семей*ный*, жена<жен*атый*, нога<безног*ій*; отъ числ.—двое<двой*ной*, трое<трой*ной*; отъ нарѣчія: здѣсь<здѣ*шній*, вчера<вчера*шній*. Къ прилагательнымъ качественнымъ относятся всѣ первообразныя прилагательныя (напр. твердый, гордый, хитрый, добрый, острый, синій, бѣлый и пр.), а также нѣкоторыя изъ производныхъ, какъ напр. умъ<ум*ный*, ласка<ласк*овый*, печаль—печаль*ный* и т. п.

Что касается частныхъ суффиксальныхъ оттѣнковъ въ имени прилагательномъ, то характеръ ихъ обусловливается основнымъ смысломъ данной части рѣчи—выражать одинъ изъ признаковъ субстантивнаго представленія. Само собою понятно, что признакъ не можетъ представлять того разнообразія категорій, какое свойственно самымъ субстантивнымъ представленіямъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ уже разсмотрѣнныя нами основныя различія прилагательныхъ качественныхъ, относительныхъ и притяжательныхъ, а также различія по степенямъ сравненія, то остальные болѣе частные суффиксальные оттѣнки прилагательныхъ служатъ для усиленія или ослабленія признака, а также для приданія прилагательнымъ увеличительнаго и уменьшительно-ласкательнаго характера, именно: 1) суффиксы, служащіе для показанія присутствія въ предметѣ признака въ обыкновенной или же преувеличенной степени, при чемъ самыя прилагательныя произведены отъ существительныхъ, обозначающихъ представленіе этого признака, срв. ку́дри<кудр-*я́вый*, лѣнь<лѣн-*и́вый*; гу́бы<губ-*а́стый*, и́мя<имен-*и́тый*, санъ<сан-*ови́тый*, голосъ<голос-*и́стый* [1]); 2) суффиксы, посредствомъ которыхъ качество прилагательнаго представляется ослабленнымъ, срв. че́рный<

[1]) Суффиксъ -*истый* можетъ имѣть еще и другое значеніе—«подобный чему-либо, сходный съ чѣмъ-либо», напр, серебр*и́стый*, шелко*ви́стый*.

черн-*ова́тый*, си́ній<син-*ева́тый*; 3) суффиксы прилагательныхъ увеличительныхъ, срв. то́лстый<толст-*у́щій*; 4) суффиксы прилагательныхъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ, срв. до́брый<до́бр-*енькій*, сухо́й<су́х-*онькій* или су́х-*енькій*, сѣдо́й<сѣд-*ёхонькій*, ма́лый<мал-*ёшенькій*. [1])

Намъ нужно теперь разсмотрѣть образованіе степеней сравненія именъ прилагательныхъ.

С р а в н и т е л ь н а я степень въ именахъ прилагательныхъ образуется посредствомъ суффиксовъ -*ѣе* или -*е*; но такъ бываетъ только въ томъ случаѣ, если прилагательное служитъ сказуемымъ; если же оно должно быть употреблено въ качествѣ опредѣленія, то сравнительная степень обычно не имѣетъ особой формы и выражается прибавленіемъ слова „болѣе" къ прилагательному.

Изъ приведенныхъ суффиксовъ послѣдній (-*е*) имѣетъ ограниченное употребленіе, будучи закрѣпленъ за небольшимъ числомъ прилагательныхъ простѣйшаго образованія (напр. худой<хуже и т. п.), суффиксъ же -*ѣе* кромѣ другихъ прилагательныхъ простѣйшаго образованія (напр. новый<новѣе) имѣетъ широкое употребленіе въ прилагательныхъ производныхъ, образованныхъ чрезъ прибавленіе разныхъ суффиксовъ (напр. правд-ив-ый и т. д.). Въ виду различій, существующихъ между суффиксами сравнит. степени -*ѣе* и -*е*, мы дадимъ особо характеристику того и другого суффикса и остановимся сначала на болѣе употребительномъ -*ѣе*. Въ томъ случаѣ, когда этотъ суффиксъ служитъ для образованія сравни-

[1]) Уменьшительныя прилагательныя очень часто сочетаются съ уменьшительными существительными (родъ согласованія) между тѣмъ какъ въ увеличительныхъ выраженіяхъ такого рода согласованіе не обычно, срв.: маленькій домикъ ‖ большущій домъ. Примѣры согласованія прилагательныхъ съ существительными по уменьшительности представляетъ въ изобиліи языкъ Г о г о л я и стоящій къ нему довольно близко языкъ Т у р г е н е в а (напр. у послѣдняго въ *Бѣжиномъ лугѣ*: «армячокъ чуть держался на его *узенькихъ плечикахъ*»).

тельной степени въ прилагательныхъ простѣйшаго образованія, онъ всегда сопровождается удареніемъ независимо отъ мѣста ударенія въ положительной степени, напр. живо́й < живѣ́е, новый < новѣ́е, а́лый < алѣ́е и т. д.; въ прилагательныхъ болѣе сложнаго образованія удареніе сравнительной степени слѣдуетъ ударенію положительной степени соотвѣтствующаго прилагательнаго, находясь на томъ или другомъ слогѣ основы, окончаніе же *-ѣе* въ этомъ случаѣ не имѣетъ на себѣ ударенія, напр. лука́вый < лука́вѣе, льсти́вый < льсти́вѣе, правди́вый < правди́вѣе. [1]) Что касается окончанія *-е* (*-je), то подъ вліяніемъ j, входившаго въ составъ этого окончанія, предшествующіе согласные смягчились такъ, какъ это было указано въ фонетикѣ, т. е. напр. дешёвый < дешёвле, круто́й < кру́че, худо́й < ху́же, при чемъ удареніе никогда не падаетъ на окончаніе *-е*, а только на основу. Если положительная степень прилагательнаго оканчивается на *-кій* или *-окій* (короткій, гладкій, гадкій, жидкій, рѣдкій, близкій, низкій, узкій, высокій, широкій), то при образованіи сравнительной степени на *-е* суффиксальный слогъ положительной степени отсутствуетъ, т. е. сравнительная степень образуется такъ, какъ будто бы въ положительной степени на концѣ имѣлось не *-кій* или *-окій*, а *-ый*; [2]) если же въ положительной степени указаннымъ окончаніемъ предшествуетъ плавный или носовой согласный, то сравнительная степень встрѣчается съ окончаніемъ *-ше*, напр. тонкій < тонь*ше*, далекій < даль*ше*, но слово „широкій" съ такимъ образованіемъ сравн. степени (ширше) встрѣчается только въ говорахъ, въ литературномъ же языкѣ будетъ „шире";

[1]) Суффиксъ *-ѣе* встрѣчается въ литературномъ языкѣ также и при предшествующихъ шипящихъ, напр. звонкій < звонч*ѣе*, срв. «еще з в о н ч ѣ е сталъ ея лай» (Л. Андреевъ, въ разсказѣ «Другъ»).

[2]) Это явленіе наблюдается въ родственномъ образованіи сравнит. степени и въ другихъ языкахъ, напр. лат. magnus < major (изъ *magjor)» греч. ἡδύς < ἡδίων, ἐχθρός < ἐχθίων и проч.

два же прилагательныя, корень которыхъ кончается на звонкій взрывной *б* (глубокій < глуб*же*, слабый или чаще слабый < слаб*же*), вмѣсто окончанія *-ше* подставили *-же*, вѣроятно подъ вліяніемъ аналогіи такихъ прилагательныхъ, какъ „рѣдкій" и „низкій", въ сравн. степ. которыхъ *ж* получилось фонетически; въ связи съ этимъ корневое *б* удерживается и въ сравн. степени.

Превосходная степень именъ прилагательныхъ образуется посредствомъ окончанія *-ѣйшій* или, послѣ шипящихъ, *-айшій* (напр. краснѣйшій, легчайшій), при чемъ иногда усиливается прибавленіемъ приставки *наи-*. Болѣе употребительное образованіе превосх. степени—посредствомъ прибавленія къ положительной степени слова *самый*. Обѣ формы превосходной степени могутъ являться какъ въ качествѣ опредѣленія, такъ и сказуемаго.

Скажемъ въ заключеніе настоящей главы нѣсколько словъ о двухъ другихъ частяхъ рѣчи, обычно придающихся для опредѣленія къ имени существительному, т. е. именахъ числительныхъ и мѣстоименіяхъ опредѣлительно-указательныхъ.

Въ именахъ числительныхъ нужно обратить вниманіе на сущность семазіологическаго различія между *количественными* и *порядковыми* числительными: первыя означаютъ сумму единицъ (напр. пять тетрадей), а вторыя—ту единицу, на которой останавливается счетъ (напр. пятая тетрадь); [1]) этому семазіологическому различію соотвѣтствуетъ различіе формальное: количественныя числительныя, начиная съ числа „пять", имѣютъ форму существительнаго того или другого типа (срв. пять, сорокъ, сто, тысяча), тогда какъ всѣ

[1]) Въ зависимости отъ того, что числительныя представляютъ послѣдовательный рядъ чиселъ, въ нихъ легко проявляется дѣйствіе аналогіи между названіями смежныхъ чиселъ: такъ, названіе «*д*евять» имѣетъ *д* вм. первоначальнаго *н* (срв. лат. *n*ovem, нѣм. *n*eun и проч.) по аналогіи къ смежному числительному «*д*есять».

порядковыя по своей формѣ являются прилагательными; затѣмъ—та и другая категоріи представляютъ особенности въ согласованіи (срв. пять тетрадей, пятью тетрадями || пятая тетрадь, пятою тетрадью), при чемъ только порядковыя числительныя имѣютъ полное согласованіе со своимъ существительнымъ.

Говоря при классификаціи частей рѣчи о мѣстоименіяхъ, мы ихъ раздѣлили на личныя и опредѣлительно-указательныя: первыя занимаютъ самостоятельное положеніе рядомъ съ именемъ существительнымъ, вторыя же, подобно прилагательнымъ, служатъ для опредѣленія существительныхъ. Къ личнымъ мѣстоименіямъ нужно причислить возвратное. Близко къ личнымъ мѣстоименіямъ подходятъ вопросительныя „кто?" и „что?", которыя подобно личнымъ не различаютъ въ своей формѣ категоріи рода, при чемъ первое („кто?") спрашиваетъ объ одушевленномъ предметѣ, а второе („что?") о неодушевленномъ. Далѣе, какъ при личныхъ и возвратномъ мѣстоименіяхъ существуетъ прилагательная форма (мой, свой, вашъ и пр.), такъ и при неродовыхъ вопросительныхъ мѣстоименіяхъ, которыя въ отвѣтѣ требуютъ названія предмета, имѣются родовыя (какой? который? чей?), требующія въ отвѣтѣ опредѣлительнаго слова. Вопросительныя мѣстоименія могутъ требовать въ отвѣтѣ указательныхъ опредѣленій разнаго рода, и здѣсь лежитъ переходъ ко всѣмъ прочимъ мѣстоименіямъ (тотъ, этотъ, самый, весь, всякій, каждый). Наконецъ, связь между вопросительными въ прилагательной формѣ и относительными мѣстоименіями видна изъ того, что форма одного мѣстоименія нерѣдко примѣняется и для обозначенія другого, напр. въ русскомъ литературномъ вопросительныя мѣстоименія приняли значеніе и относительныхъ, въ бѣлор. и малор. встрѣчаемъ обратное явленіе, т. е. примѣненіе относительнаго мѣстоименія въ качествѣ вопросительнаго, именно „якій" (т. е. какой), которое употребляется тоже какъ вопросительное и относительное.

Библіографическія указанія. Не упоминая общихъ сочиненій по морфологіи русскаго языка, отмѣтимъ: Будде Е. Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина. Ч. I—2: имя прилагат., имя числит., мѣстоименіе (склоненіе этихъ частей рѣчи), Спб. 1902—изъ Сборн. отд. р. яз. и слов. Академіи наукъ. Коларь О склоненіи прилагательныхъ славянскихъ и индо-европейскихъ вообще (Р. Ф. В. 1903, № 1—2, стр. 105—139). *** О весьма замѣчательномъ употребленіи именъ числит. два, три, четыре въ русскомъ языкѣ. Новгородъ 1855 (изъ № 51 Новг. губ. вѣд., 1854). Leskien A. Das russische дву*мя*, тре*мя*, четырь*мя* (Arch. f. slav. Phil., I). Ильинскій Г. Сложныя мѣстоименія и окончанія Р. ед. муж. и ср. рода неличныхъ мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ (1905)[2].

Глава XI.

Глаголъ въ отношенiи семазiологическомъ: понятiе о залогѣ, видѣ и проч. Классификацiя спряженiй и ударенiе въ нихъ.

Выше, говоря о категорiи имени существительнаго, мы установили разницу между нею и категорiею глагола, а именно: существительными обозначаются наши предметныя или опредмеченныя представленiя, тогда какъ глаголы служатъ для выраженiя нашихъ представленiй или дѣйствiя въ его совершенiи субъектомъ или же состоянiя послѣдняго, напр. *несу*, *спитъ*. Мы видѣли также, что соотвѣтственно съ этимъ основнымъ различiемъ существительное измѣняется по падежамъ, показывающимъ разныя отношенiя, въ какихъ можетъ находиться предметное представленiе въ предложенiи, между тѣмъ какъ глаголъ модифицируется оттѣнкомъ времени, а кромѣ того числа и лица соотвѣтственно субъекту предложенiя. Но изъ того же основного различiя проистекаетъ цѣлый рядъ другихъ особенностей въ той и другой части рѣчи, и мы обратимся теперь къ болѣе полному и послѣдовательному изученiю смысловыхъ моментовъ русскаго глагола, каковыми являются залогъ, видъ, наклоненiе, время, число и лицо.

I. Залогъ. Соотвѣтственно различной природѣ нашихъ дѣйствiй глаголы классифицируются на роды или *залоги*. Школьная грамматика насчитываетъ шесть самостоятельныхъ

залоговъ: дѣйствительный, страдательный, среднiй, возвратный, взаимный и общiй. Но это подраздѣленiе не можетъ считаться правильнымъ, такъ какъ не всѣ эти залоги равноправны между собою: два изъ нихъ, *дѣйствительный* и *среднiй*, какъ соотвѣтствующiе двумъ основнымъ родамъ дѣйствiй, должны быть признаны главными, остальные же могутъ разсматриваться какъ частные случаи этихъ главныхъ.

Обратимся теперь къ разъясненiю этихъ двухъ основныхъ родовъ дѣйствiй: одни дѣйствiя мы представляемъ себѣ какъ совершаемыя надъ какимъ-либо предметомъ (объектомъ), напр. *вяжу* чулокъ, *читаю* книгу и т. п., другiя же какъ просто проявляемыя субъектомъ безъ отношенiя къ какому-либо объекту, напр. *иду*, *лежу* и пр. Глаголы, обозначающiе дѣйствiя перваго рода, называются *переходными* (дѣйствительными), глаголы же обозначающiе дѣйствiя второго рода—*непереходными* (средними). Мы можемъ также назвать эти два рода глаголовъ глаголами *дѣйствiя* и глаголами *состоянiя*, при чемъ внѣшнимъ образомъ это смысловое различiе выражается присутствiемъ или же отсутствiемъ при глаголѣ Винит. падежа.

Попробуемъ вникнуть въ различiе природы дѣйствiй переходныхъ и непереходныхъ, для чего сначала остановимся на дѣйствiяхъ простѣйшаго класса—физическихъ и притомъ обозначаемыхъ глаголами *первичными* (непроизводными). Не трудно замѣтить, что наши физическiя дѣйствiя распадаются на два класса: одними мы оперируемъ надъ мiромъ объективнымъ (сюда относятся такiе глаголы, какъ: бью, трясу, ѣмъ, сосу и пр.), другiя касаются состоянiя самого субъекта или его перемѣщенiя въ пространствѣ (сюда относятся глаголы: *лежу*, *стою*, *бѣгу*, *ѣду* и т. п.). Первыя дѣйствiя принадлежатъ къ разряду переходныхъ, а вторыя—непереходныхъ. Что касается дѣйствiй, относящихся къ нашей психической жизни, то одни изъ нихъ принадлежатъ къ области *сенсорной*, т. е. къ области умственнаго воспрiятiя, другiя же къ

области *чувствованій* или эмоцій и вообще нашихъ внутреннихъ состояній. Глаголы, служащіе для обозначенія первыхъ принадлежатъ къ переходнымъ (вижу, слышу), а служащіе для обозначенія вторыхъ—къ непереходнымъ (скорблю). [1])

Все сказанное относится лишь къ кореннымъ глаголамъ. Что касается *отъименныхъ* глаголовъ, то они принадлежатъ какъ къ переходнымъ, такъ и къ непереходнымъ, при чемъ залогъ ихъ опредѣляется отношеніемъ между значеніями производящаго имени и производимаго глагола. Напр. отъ прилагат. *черный* происходятъ глаголы: *чернить* и *чернѣть*. Разъяснимъ на приведенномъ примѣрѣ связь между значеніями производящаго имени и производимаго глагола. Въ первомъ случаѣ (чернить) глаголъ означаетъ: дѣлать что-либо такимъ, каково значеніе производящаго прилагательнаго (напр. чернить бумагу=дѣлать ее черною); соотвѣтственно этому оттѣнку значенія глаголъ естественно принадлежитъ къ отдѣлу переходныхъ. Во второмъ случаѣ (чернѣть) глаголъ означаетъ, что самъ субъектъ испытываетъ измѣненіе, становясь такимъ, каково значеніе производящаго прилагательнаго, и, соотвѣтственно такому смыслу, глаголъ принадлежитъ къ отдѣлу непереходныхъ (напр. рука чернѣетъ = становится черною). [2]) Мы видимъ на тѣхъ же примѣрахъ, что смысловое различіе залога сопровождается и формальнымъ разли-

---

[1]) Различіе природы дѣйствій переходныхъ и непереходныхъ рельефно отразилось въ способѣ составленія сложныхъ глагольныхъ формъ въ новыхъ языкахъ аріо-европейскаго семейства; срв. напр. во франц.: j'ai lu le livre («я прочиталъ книгу») первоначально значило «я имѣю прочитанною книгу», но—je suis venu (я пришелъ») первоначально значило «я самъ есмь пришедшій или пришедши». Соотвѣтствующее различіе мы встрѣчаемъ въ нѣмецкомъ, англійскомъ и нѣкоторыхъ другихъ языкахъ.

[2]) Разсмотрѣнное различіе глаголовъ на *-ить* и *-ѣть*, происходящихъ отъ прилагательнаго, ясно видно на выраженіи тѣхъ же представленій въ нѣмецкомъ языкѣ; тамъ они обыкновенно передаются описательно съ помощью глаголовъ «*machen*» (дѣлать) и «*werden*» (становиться), напр. чернить=*schwarz machen* (также schwärzen), чернѣть—*schwarz werden*.

чіемъ, проходящимъ черезъ спряженіе этихъ глаголовъ (чернить -ю, чернѣть -ѣю). Но смысловыя соотношенія между отъименными глаголами и производящими именами весьма разнообразны, и не всегда удается подвести отдѣльные отъименные глаголы къ какой-либо опредѣленной категоріи, тѣмъ болѣе, что не вездѣ эти смысловыя соотношенія легко выяснить и не всегда они сопровождаются одними и тѣми же формальными отличіями. [1])

Кромѣ отъименныхъ глаголовъ въ языкѣ есть еще категорія *отглагольныхъ* глаголовъ, тоже производныхъ, но уже не отъ именъ, а отъ другихъ глаголовъ, корневыхъ или отъименныхъ (мету<подметаю, слѣплю<ослѣпляю). Значеніе залога въ глаголахъ отглагольныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію залога глагола производящаго.

Во всѣхъ трехъ указанныхъ классахъ глаголовъ (коренныхъ, отъименныхъ и отглагольныхъ) можно встрѣтить случаи, когда присоединеніе префикса къ непереходному глаголу превращаетъ послѣдній въ переходный, напр. хожу по площади || прохожу площадь. Въ этомъ случаѣ присоединеніе префикса, ограничивая область глагольнаго дѣйствія, заставляетъ представлять послѣднюю, какъ объектъ дѣйствія. Аналогичное явленіе можно встрѣтить и въ другихъ языкахъ, при чемъ

---

[1]) Разсмотримъ для примѣра еще нѣсколько типовъ отъименныхъ глаголовъ. Глаголы, происходящіе отъ существительныхъ, тоже могутъ быть какъ переходными (напр. золото < золотить), такъ и непереходными (напр. рыбакъ < рыбачить). Это различіе происходитъ отъ того, что въ первомъ случаѣ производный глаголъ выражаетъ—«*обработывать* (покрывать) *что-либо* тѣмъ матеріаломъ, какой обозначенъ производящимъ существительнымъ», а во второмъ случаѣ — «*быть кѣмъ-либо*, соотвѣтственно значенію производящаго существительнаго». Такимъ образомъ переходный или же непереходный смыслъ глагола опредѣляется значеніемъ производящаго существительнаго. Подобнымъ же образомъ глаголы на *-овать*, происходящіе отъ существительныхъ, являются частію переходными (напр. расходъ<расходовать), частію непереходными (напр. царь < царство < царствовать). Такимъ образомъ глаголы, происходящіе отъ существительныхъ и обозначающіе «быть кѣмъ-либо», оканчиваются неодинаково: на *-ить* или *-овать*.

часто значеніе такого производнаго глагола оказывается измѣненнымъ сравнительно съ простымъ. Напр. лат. venire „приходить“ || invenire „находить“, или нѣм. kommen „приходить“ || bekommen „получать“, stehen „стоять“ || verstehen „понимать“ (соотвѣтственно различію залога, сложныя времена этихъ глаголовъ образуются въ нѣмецкомъ съ помощью глагола *sein* или же *haben*, напр. ich *bin* gekommen || ich *habe* bekommen).

Такъ какъ съ однимъ и тѣмъ же глаголомъ обыкновенно соединяется по нѣскольку значеній, то иногда бываетъ, что глаголъ въ одномъ своемъ значеніи является переходнымъ, а въ другомъ значеніи—непереходнымъ, напр. играть въ шашки || играть пьесу, говорить что-либо || говорить о чемъ. Такое двоякое употребленіе глагола встрѣчается и въ другихъ языкахъ, напр. въ нѣм. das Wasser *kochen*=кипятить воду, das Wasser *kocht*=вода кипитъ.

Далѣе, нѣкоторые глаголы, имѣвшіе въ числѣ значеній переходное, могутъ со временемъ потерять послѣднее, напр. *воевать* (срв. воевати Болгарьску землю—Лавр. подъ 944 г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ произойти пропускъ имени (особенно однокоренного) въ Вин. падежѣ, послѣ чего глаголъ сталъ непереходнымъ, имѣя значеніе, раньше передававшееся двумя словами—переходнымъ глаголомъ и именемъ (срв. въ старомъ языкѣ такія выраженія, какъ пиръ пировать, думу думать; въ друг. языкахъ: нѣм. er hat ein schönes Leben gelebt, лат. pugnam pugnare, греч. *μάχην μάχεσθαι*; вмѣсто однокоренного существительнаго можетъ стоять синонимическое, напр. франц. pleurer les larmes). Въ виду столь разнообразныхъ усложненій детальныя указанія переходнаго и непереходнаго залога глаголовъ принадлежатъ словарю.

Такъ какъ дѣйствительный залогъ обозначаетъ дѣйствіе, которое производится субъектомъ надъ кѣмъ или чѣмъ-либо, то ясно, что то же самое дѣйствіе можетъ быть представлено также и со стороны испытывающаго его объекта (напр. отецъ наказываетъ сына || сынъ наказывается отцомъ). Глагольныя выраженія такого обратнаго дѣйствія носятъ названіе *страдательнаго залога*. Что касается дѣйствій непереходныхъ (т. е. безъ объекта дѣйствія), то естественно, что выражающіе ихъ глаголы не способны къ обратной или страдательной формѣ, напр. онъ *ходитъ*. Такимъ образомъ одни дѣйствія мы можемъ представлять себѣ и выражать двояко—какъ производимыя субъектомъ и какъ испытываемыя, а другія дѣйствія мы представляемъ себѣ и выражаемъ только какъ производимыя субъектомъ. И такъ, страдательный залогъ можетъ разсматриваться какъ параллельный или дополнительный къ дѣйствительному.

Обратный или страдательный залогъ въ русскомъ языкѣ не имѣетъ особой самостоятельной формы, выражаясь трояко: 1) посредствомъ причастія съ краткимъ окончаніемъ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, иногда опускаемымъ (я посылаемъ, я былъ посылаемъ), 2) безлично—посредствомъ глагола дѣйствительнаго въ 3 л. множ. ч. съ присоединеніемъ Вин. пад. (меня посылаютъ) и 3) глагольною формою, получаемою изъ дѣйствительнаго залога чрезъ прибавленіе *-ся* || *-сь* (посылаюсь). Первые два способа выраженія страдательнаго залога получаются путемъ сочетанія словъ—синтаксически; что касается третьяго способа, то хотя онъ и выражается посредствомъ одной формы (на *-ся*), но эта послѣдняя, какъ увидимъ далѣе, можетъ обозначать собою и нѣкоторые другіе залоги, такъ что значеніе страдательнаго залога обнаруживается изъ смысла цѣлаго предложенія, т. е. тоже синтаксически. Вотъ почему ученіе о страдательномъ залогѣ въ русскомъ языкѣ въ значительной мѣрѣ относится къ синтаксису.

Давъ общее понятіе о различіи глаголовъ переходныхъ и непереходныхъ, мы должны перейти къ указанію въ той и другой группѣ частныхъ подраздѣленій.

При глаголахъ дѣйствительныхъ объектомъ можетъ быть не только сторонній предметъ, но и самъ субъектъ дѣйствія,

а нѣкоторыя дѣйствія представляютъ взаимность между двумя и болѣе предметами, при чемъ каждый изъ нихъ дѣйствуетъ на другіе и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ испытываетъ такое же дѣйствіе со стороны другихъ: *я бью* собаку || *я бью* себя || мы *бьемъ* себя (=бьемъ другъ друга). Соотвѣтственно этому дѣйствительные глаголы являются: 1) объективными, 2) возвратными и 3) взаимными. Относительно первой изъ этихъ категорій сказано нами уже достаточно; слѣдуетъ только прибавить, что при такихъ глаголахъ, смотря по обстоятельствамъ, объектъ можетъ называться и не называться. [1]) Вторая и третья категоріи въ русскомъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ перешли въ отдѣлъ *непереходныхъ* глаголовъ. Благодаря этому, всѣ непереходные глаголы можно теперь раздѣлить на три категоріи: 1) собственно или первично-средніе (*иду*), 2) возвратно-средніе (*бьюсь* объ стѣну) и 3) взаимно-средніе (*бьемся* на шпагахъ).

Оставляя въ сторонѣ средніе глаголы первой категоріи (первично-средніе), такъ какъ мы говорили объ нихъ въ началѣ отдѣла о залогахъ, обратимся теперь къ выясненію развитія глаголовъ второй категоріи — *возвратно-среднихъ*. Мы уже упомянули, что они нѣкогда принадлежали къ дѣйствительному залогу (напр. я мою себя), но со временемъ возвратное мѣстоименіе срослось съ глагольною формою и первоначальная прозрачность состава утратилась. Въ этомъ случаѣ произошло уже *опрóщеніе*, только при существованіи котораго прибавка *-ся* и могла испытать такое сильное измѣненіе, превратившись при извѣстномъ фонетическомъ условіи

[1]) Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ грамматикамъ дѣйствительный залогъ подраздѣлить на опредѣленный и неопредѣленный. Намъ это подраздѣленіе кажется лишнимъ, такъ какъ оно касается не различной природы дѣйствій, а только случайнаго объема нашей мысли, когда для нея не требуется указаніе объекта; но разъ при такихъ глаголахъ потребуется назвать объектъ, то послѣдній будетъ выраженъ посредствомъ Вин. пад.

въ *-с'* и даже *-с* (напр. м ó ј у с' или м ó ј у с). Въ этомъ случаѣ возвратность значенія можетъ еще чувствоваться по соотношенію съ однородною дѣйствительною формою, отъ которой происходитъ возвратная (мою<моюсь). Большая степень обособленности получается, когда значеніе глагола на *-ся* разошлось съ соотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ, напр. „онъ плачетъ и *убивается*". [1]) Такъ какъ возвратные глаголы на *-ся* || *-сь* естественно уже не могутъ сочетаться съ Винительн. падежомъ, то и будутъ переходить по смыслу въ категорію непереходныхъ или среднихъ глаголовъ. [2])

Такъ какъ глаголы на *-ся* въ русскомъ языкѣ перешли въ категорію глаголовъ состоянія, то, благодаря этому обстоятельству, въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ типъ особыхъ безличныхъ оборотовъ, напр. *мнѣ думается*, рядомъ съ соотвѣтствующими личными, напр. *я думаю*; разница между приведенными выраженіями по значенію та, что личное выраженіе показываетъ, что самъ субъектъ проявляетъ данный умственный процессъ, тогда какъ безличное выраженіе констатируетъ лишь присутствіе даннаго психическаго состоянія у извѣстнаго лица; поэтому личное выраженіе имѣетъ болѣе

[1]) Въ случаѣ примѣненія средне-возвратныхъ формъ для выраженія страдательнаго залога, такого измѣненія смысла не можетъ наблюдаться, такъ какъ страдательный залогъ является всегда дополнительнымъ къ своему дѣйствительному и значеніе его должно гармонировать съ дѣйствительнымъ, срв. лошадь плетется (средне-возвр. залогъ) || кружево плетется (страд. зал.). Ясно также, что такіе глаголы, какъ *каяться*, не могутъ имѣть страд. значенія, такъ какъ нѣтъ того дѣйствит. глагола, къ которому могло бы быть составлено страдательное или обратное выраженіе.

[2]) Примѣненіе возвратнаго мѣстоименія *ся* для средне-возвратнаго значенія имѣетъ мѣсто только въ балтійско-славянскихъ языкахъ. Во франц. и нѣмецкомъ употребляются мѣстоименія соотвѣтствующаго лица, напр. франц. je *me* tiens, нѣм. ich halte *mich*. Многимъ средне-возвратнымъ глаголамъ русскаго языка соотвѣтствуютъ въ другихъ языкахъ простые средніе, напр. во франц.: уменьшаться — diminuer, возвращаться = retourner, оставаться—rester и пр. Здѣсь мы имѣемъ наглядное подтвержденіе того, что глаголы на *-ся* принадлежатъ по смыслу къ категоріи средняго залога.

рѣшительный характеръ, а безличное является болѣе смягченнымъ, болѣе слабымъ. Подобная же разница между выраженіями: *я хочу* || *мнѣ хочется*; срв. далѣе *я не пишу* || *мнѣ не пишется* и проч., даже въ среднихъ глаголахъ, напр. *я не сплю* || *мнѣ не спится*.

Но есть небольшое число такихъ средне-возвратныхъ глаголовъ на *-ся*, у которыхъ родственная дѣйствительная форма вышла изъ употребленія (напр. каяться, смѣяться), вслѣдствіе чего въ нихъ утратилось основаніе для поддержанія значенія возвратности. Это—уже вполнѣ обособившіеся или изолировавшіеся средне-возвратные глаголы. Для глагола „каяться“ дѣйствительная форма „каять“ извѣстна изъ памятниковъ древне-русскаго языка въ значеніи „бранить, порицать“ по XIII вѣкъ, въ болѣе спеціальномъ значеніи „исповѣдывать“ еще и въ памятникахъ XVI вѣка, а въ поговоркахъ и до сихъ поръ въ обоихъ значеніяхъ; напр.: „стараго не бьютъ, мертваго не каютъ“, „не наше дѣло попа каять: на то есть другой попъ“. Такіе глаголы, какъ „каяться“, въ грамматикахъ называются общимъ залогомъ—безъ всякаго основанія.

Переходимъ къ послѣдней группѣ непереходныхъ глаголовъ—*взаимно-среднихъ*. Они, какъ и возвратные, образуются отъ дѣйствительныхъ, но въ нихъ *-ся* имѣетъ значеніе „другъ друга“, напр. мы боремся=мы боремъ другъ друга. Подобно возвратнымъ, и эти глаголы уже подверглись опрощенію, почему и могутъ быть названы взаимно-средними. Въ связи съ спеціальнымъ значеніемъ прибавки *-ся*, эти глаголы представляютъ нѣкоторое несоотвѣтствіе по значенію между единственнымъ и множественнымъ числомъ: если во множ. числѣ *-ся* легко понимается въ смыслѣ другъ друга, то нельзя того же сказать про един. число, напр. „я борюсь“. Естественно предположить, что сначала формы взаимнаго залога возникли во множественномъ числѣ (мы боремся...), а послѣ

образовалось и единственное число по аналогіи къ другимъ глаголамъ (напр. моемся : моюсь=боремся : x; x=борюсь). [1])

Такъ какъ взаимный залогъ образуется совершенно сходно съ возвратнымъ, то и въ немъ мы встрѣчаемъ тѣ же градаціи, какъ и въ средне-возвратномъ; и здѣсь глаголы на *-ся* могутъ имѣть свою дѣйствительную форму (бью<бьюсь), могутъ разойтись по значенію съ послѣдней (деру || дерусь) и наконецъ соотвѣтствующая дѣйствительная форма можетъ быть утрачена (борюсь). [2])

II. **Видъ**. Говоря о залогахъ, мы видѣли, что дѣленіе глаголовъ на переходные и непереходные первоначально опирается на различіе природы или характера самыхъ дѣйствій. Что касается видовъ, то они обозначаютъ различные оттѣнки отдѣльныхъ дѣйствій (какъ переходныхъ, такъ и непереходныхъ), главнымъ образомъ ихъ совершаемость или исполненность. Школьная грамматика обыкновенно насчитываетъ четыре вида въ глаголахъ—*совершенный*, *несовершенный*, *однократный* и *многократный*; однако эти виды нельзя признать равноправными, такъ какъ два послѣдніе являются лишь частными случаями первыхъ. Основными видами глагола нужно признать несовершенный и совершенный соотвѣтственно тому, что мы можемъ каждое глагольное дѣйствіе представлять себѣ двояко: какъ совершающееся и какъ исполненное. Точнѣе было бы назвать и самые виды глагола совершающимся и исполненнымъ, вмѣсто обычныхъ недостаточно точныхъ тер-

---

[1]) Для иллюстраціи возникновенія подобныхъ новообразованій, приведемъ еще извѣстный разсказъ о томъ, какъ ученикъ пишетъ роднымъ, чтобы они его взяли на каникулы: «всѣ мои товарищи разъѣхались, позвольте и *мнѣ разъѣхаться*».

[2]) Во франц. и нѣм. взаимный залогъ образуется одинаково съ возвратнымъ; но въ этомъ случаѣ личное мѣстоименіе имѣетъ значеніе взаимное, напр. франц. je *me* bats, nous *nous* battons; нѣм. ich schlage *mich*, wir schlagen *uns*. Въ этихъ языкахъ взаимный залогъ, какъ и возвратный, является частнымъ случаемъ дѣйствительнаго.

миновъ „несовершенный“ и „совершенный“. Тотъ и другой видъ глаголовъ не одинаково богаты временами: совершающееся дѣйствіе мы можемъ представлять себѣ по отношенію ко всѣмъ тремъ временамъ (несу—несъ—буду нести) [1]), а дѣйствіе исполненное только къ двумъ—прошедшему и будущему (принесъ—принесу). Такимъ образомъ, только совершающееся дѣйствіе обладаетъ настоящимъ временемъ, которое поэтому является его типичною принадлежностью, два же другихъ времени свойственны тому и другому виду. Такимъ образомъ оттѣнки видовъ въ глагольныхъ формахъ выражаются совмѣстно съ категоріею времени; но если бы мы захотѣли представить себѣ оттѣнки совершаемости и исполненности дѣйствія независимо отъ этой категоріи, то должны обратиться къ повелительному и неопредѣленному наклоненіямъ, такъ какъ они не имѣютъ сами по себѣ различія временъ (срв. пиши || напиши, писать || написать).

Обратимся теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію глаголовъ того и другого вида.

А. Глаголы совершающагося дѣйствія.

Совершающееся дѣйствіе мы можемъ представлять себѣ или конкретно, какъ наличное или происходящее на глазахъ (*летѣть*, напр. „птица летитъ“), или же абстрактно, какъ обычное для субъекта или свойственное ему (*летать*, напр. „птица летаетъ“). Такимъ образомъ въ глаголахъ совершающагося дѣйствія мы будемъ различать два оттѣнка значенія—конкретный и абстрактный, назвавъ ихъ *значеніемъ первымъ* (напр. летѣть) и *вторымъ* (напр. летать). Эта разница двухъ оттѣнковъ значенія въ глаголахъ совершающагося дѣйствія имѣетъ мѣсто какъ въ простыхъ глаголахъ не сложенныхъ съ предлогомъ (безпредложныхъ), такъ и въ глаголахъ сло-

---

[1]) Будущее время глаголовъ несовершеннаго вида въ русскомъ языкѣ выражается съ помощью будущаго времени глагола *быть* и неопред. наклоненія даннаго глагола.

женныхъ съ предлогомъ (предложныхъ). Такъ какъ послѣдніе при этомъ представляютъ нѣкоторыя особенности по сравненію съ первыми, то мы разсмотримъ передачу того и другаго значенія (т. е. перваго и втораго) сначала въ глаголахъ безпредложныхъ, а затѣмъ въ глаголахъ сложенныхъ съ предлогомъ.

1. Глаголы безпредложные. Сравнимъ выраженія „птица *летитъ*“ и „птица *летаетъ*“; оба выраженія содержатъ глаголъ несовершеннаго вида, но въ первомъ случаѣ обозначается дѣйствіе какъ бы совершающееся передъ глазами, тогда какъ во второмъ случаѣ дѣйствіе можетъ мыслиться какъ обычное свойство субъекта и тогда оно даже не представляется совершающимся въ данный моментъ. Указанныя два смысловыя различія мы и обозначаемъ какъ *значеніе первое* и *второе*. Только немногія глаголы имѣютъ различную форму въ первомъ и второмъ значеніи; большая часть глаголовъ имѣетъ одну и ту же форму для обоихъ значеній, напр. „учу“ = 1) теперь учу, 2) вообще учу, т. е. ученіе составляетъ мое обыкновенное занятіе. Глаголы втораго значенія, имѣющіе особую форму, какъ напр. „летать“, могутъ примѣняться не только для обозначенія свойства субъекта, но также и для обозначенія наличныхъ дѣйствій; въ послѣднемъ случаѣ они получаютъ особый оттѣнокъ значенія, который легко уловить, если сравнимъ напр. выраженія: „птица *летитъ* надъ садомъ“ (=теперь летитъ по опредѣленному направленію и со свойственною продолжительностью дѣйствія) || „птица *летаетъ* надъ садомъ“ (=теперь летаетъ по разнымъ направленіямъ, откуда происходитъ оттѣнокъ большей продолжительности). Возьмемъ еще примѣръ: въ выраженіи „кто вамъ несетъ (теперь на глазахъ) молоко?“ — значеніе глагола конкретное простой длительности, въ выраженіи же „кто вамъ *носитъ* (обыкновенно) молоко?“—значеніе обычности, т. е. абстрактное; послѣдняя форма можетъ быть упо-

треблена и въ случаѣ наличности дѣйствія съ оттѣнкомъ неопредѣленности направленія и большей длительности, напр. въ выраженіи: „мать *носитъ* ребенка по комнатѣ“. Въ извѣстной баснѣ Крылова выраженіе „по улицамъ Слона *водили*“ принадлежитъ по смыслу къ послѣднему случаю. [1])

Что касается разныхъ способовъ, существующихъ въ русскомъ языкѣ для выраженія перваго и второго значенія въ простыхъ глаголахъ, то такихъ способовъ три: чаще всего оба значенія передаются одною и тою же глагольною формою, различаясь по контексту рѣчи (напр. *красить*, *учить*); въ нѣкоторыхъ сравнительно немногихъ случаяхъ эти значенія выражаются глаголами одного и того же корня, но разнаго суффиксальнаго образованія иногда въ соединеніи съ различіемъ корневого гласнаго (нести || носить; летѣть || летать), и, наконецъ, очень рѣдко—глаголами разнаго корня (идти || ходить). Упомянутое чередованіе корневого гласнаго при производствѣ отъ глагола перваго значенія глагола со вторымъ значеніемъ называютъ подъемомъ [2]).

2. **Глаголы предложные** несовершеннаго вида, какъ было упомянуто, имѣютъ тоже два значенія, первое и второе, причемъ разница съ значеніемъ соотвѣтствующихъ простыхъ глаголовъ только та, что предложный глаголъ выражаетъ вмѣстѣ съ дѣйствіемъ еще и направленіе указываемое предлогомъ

---

[1]) Въ области второго значенія нужно еще отмѣтить особый оттѣнокъ «умѣть или мочь что-либо дѣлать», напр. мальчикъ читаетъ (т. е. умѣетъ или можетъ читать, грамотенъ).

[2]) Въ примѣрѣ летѣть || летать хотя и имѣется одинаковый гласный, но, судя по старо-славянск. **летѣти || лѣтати**, и тутъ былъ подъемъ; подобный же подъемъ встрѣчаемъ также въ сосѣднемъ съ русскимъ языкомъ литовскомъ языкѣ, напр. metù || mėtau; особенность въ литовскомъ та, что неопр. накл. второго глагола оканчивается на -yti (=ст.-сл. **-ити**), а не на -oti (с=т.-сл. **-ати**), т. е. metù—mèsti, mėtau—mėtyti. Въ нѣкот. случаяхъ подъемъ сохранился въ русскомъ языкѣ только при соединеніи съ префиксами (напр. тру || затираю и пр.).

(префиксомъ). Что касается внѣшней или формальной стороны предложныхъ глаголовъ несовершеннаго вида, которая служитъ для передачи значеній перваго и второго, то оказывается неодинаковость въ зависимости отъ того, какъ обозначаются эти значенія (1-ое и 2-ое) въ соотвѣтствующихъ безпредложныхъ глаголахъ: двумя ли глаголами (напр. несу—ношу), или же однимъ (напр. крашу). Въ томъ случаѣ, когда первое и второе значеніе передаются двумя формами простого глагола (нести—носить), предлогъ прибавляется къ глаголу втораго значенія и полученная предложная форма несовершеннаго вида совмѣщаетъ въ себѣ уже два значенія—первое и второе, напр. носить<выносить (простой глаголъ „носить“ служитъ только для второго значенія, а предложный глаголъ „выносить“ употребляется и въ первомъ и во второмъ значеніи, какъ напр. въ выраженіи „кто *выноситъ* молоко?“ въ смыслѣ — теперь, или же обычно); если же присоединить префиксъ къ простому глаголу перваго значенія, то, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, такой предложный глаголъ будетъ уже принадлежитъ къ совершенному виду (напр. нести<принести).

Примѣчаніе. Есть впрочемъ случаи, когда и безпредложный глаголъ несовершеннаго вида второго значенія (т. е. напр. *носить*), получивъ новый смыслъ, отсутствующій въ соотвѣтствующемъ глаголѣ перваго значенія (напр. *нести*), при этомъ послѣднемъ смыслѣ употребляется уже въ обоихъ значеніяхъ первомъ и второмъ; напр. глаголъ *носить* кромѣ обычнаго смысла можетъ имѣть, въ отношеніи къ предметамъ одежды, еще новый смыслъ —«быть одѣтымъ во что-либо» (напр. въ выраженіи «ношу платье»), и въ этомъ послѣднемъ случаѣ глаголъ «носить» употребляется уже какъ въ первомъ, такъ и во второмъ значеніи. Если къ такому глаголу съ измѣненнымъ смысломъ присоединится префиксъ, то глаголъ можетъ перейти въ совершенный видъ. Напр. сравни пары выраженій: заносить кому-либо книгу (несоверш.) || заносить платье (въ особомъ знач. «много надѣвать, затаскать»—соверш.); вывозить (несоверш.) || вывозить (соверш.). Срв. далѣе отъ глагола летать: «слетать» съ чего-либо (несов.) || слетать=сбѣгать (соверш.). Если глаголъ съ измѣненнымъ значеніемъ по присоединеніи префикса перешелъ въ совершенный видъ, то несовершенный видъ при томъ же префиксѣ получается уже путемъ производства отъ даннаго глагола новаго

глагола (напр. *зана́шивать, разна́шивать* платье), о чемъ будетъ сказано ниже.

Если же въ простомъ глаголѣ несовершеннаго вида первое и второе значенiе выражены одною и тою же формою, то присоединенiе предлога къ такому глаголу переводитъ его въ категорiю совершеннаго вида (напр. кращу<раскрашу); чтобы получить въ этомъ случаѣ предложный глаголъ несовершеннаго вида (въ обоихъ значенiяхъ), то данный глаголъ распространяется новымъ суффиксомъ, такъ что оканчивается въ 1 ед. наст. на *-а́ю* при неопр. на *-а́ть* (напр. теку—вытеку<вытекаю, тру<растираю, лью<разливаю), или на *'-ываю* *'-иваю* (сосу<высасываю, курю<выкуриваю) [1]). При этомъ производствѣ новаго глагола мы встрѣчаемъ уже раньше упоминавшуюся перемѣну нѣкоторыхъ корневыхъ гласныхъ (сосу<выс*а*сываю, т‸ру<растираю), извѣстную подъ именемъ подъема, хотя —надо замѣтить—въ русскомъ языкѣ случаи подъема при этомъ рѣже по сравненiю со старо-славянскимъ, срв. напр. рус. могу<помогаю=ст.-слав. могѫ<помагаѭ и др. [2]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ безпредложный глаголъ вышелъ изъ употребленiя, такъ что остались только предложныя обозначенiя разсматриваемаго типа, напр. *„обуваю“* и *„разуваю“*; въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ предложные глаголы разошлись по значенiю со своими простыми и чрезъ то обособились, напр. кажу<*сказываю*, пасу<*спасаю*.

Что касается значенiя разсматриваемыхъ предложныхъ отглагольныхъ глаголовъ совершающагося дѣйствiя на *-а́ю* и *'-ываю* ('-иваю), то въ нихъ можно установить нѣсколько различiй по оттѣнку значенiя:

---

[1]) Сюда же подойдутъ по образованiю и случаи несовершеннаго вида предложныхъ глаголовъ съ измѣненнымъ смысломъ, о которыхъ было сказано выше.

[2]) Аналогичные примѣры видовыхъ отношенiй въ польскомъ языкѣ, какъ напр. skoszyć—skakać—wyskakiwać, brać—wybrać—wybierać, слѣдуютъ въ отношенiи ударенiй общему правилу польскаго ударенiя.

а) случаи, гдѣ префиксъ придаетъ глаголу оттѣнокъ направленiя, напр. *от*дирать, *пере*крашивать;

б) случаи, гдѣ префиксъ не выражаетъ направленiя, при чемъ 1) значенiе глагола оказывается измѣненнымъ, напр. занашивать (въ смыслѣ—затаскивать) платье, 2) значенiе глагола не измѣнено, а префиксъ указываетъ, что дѣйствiе начинается или заканчивается, напр. *за*пѣвать, *про*читывать (начинательность обычно выражается префиксомъ *за*, а заканчиваемость не имѣетъ для своего выраженiя одного постояннаго префикса), 3) префиксъ можетъ придавать оттѣнокъ уменьшительности или ласкательности, напр. *по*хаживать, *по*глядывать (для этого оттѣнка значенiя префиксъ *по* является обычнымъ, показывая, что дѣйствiе совершается небольшими частями, понемногу), и нѣкоторые другiе оттѣнки.

Нужно еще замѣтить, что разсматриваемые отглагольные глаголы на *-а́ть* и *'-ывать* (*'-ивать*) встрѣчаются иногда и безъ префиксовъ, но въ этомъ случаѣ они принимаютъ особый оттѣнокъ значенiя, употребляясь въ разсказѣ о прошломъ въ смыслѣ прошедшаго обыкновенiя (напр. *ѣда́лъ*=случалось ѣсть, *на́шивалъ*=бывало носилъ); [1]) въ связи съ этою особенностью значенiя они уже не употребляются въ настоящ. времени. Примѣры изъ писателей: „не то на серебрѣ, на золотѣ *ѣдалъ*“ (Грибоѣдовъ); „что бы ни понадобилось, обыкновенно *говаривали*: надо спросить у Натальи Савишны“ (Гр. Л. Н. Толстой). Глаголы эти употребляются еще въ формѣ неопредѣл. наклон. въ безличныхъ отрицательныхъ выраженiяхъ, напр. (въ пѣснѣ): „ужъ какъ мнѣ по этимъ сѣничкамъ *не хаживати*, родну матушку за рученьку *не важивати*“, и т. п.

---

[1]) Эти глаголы въ грамматикахъ принято выдѣлять въ особую категорiю многократнаго вида; однако разсматривать ихъ какъ особый самостоятельный видъ нѣтъ основанiя, да и самый терминъ «многократность» не вполнѣ соотвѣтствуетъ значенiю этихъ глаголовъ.

Въ заключеніе нашего разсмотрѣнія глаголовъ совершающагося дѣйствія упомянемъ, что всѣ они могутъ быть подраздѣлены на два класса—*непрерывныхъ* (напр. несу, плыву) и *кратныхъ*, представляющихъ какъ бы рядъ моментовъ (напр. трясу, махаю), дѣленіе это является важнымъ по отношенію къ способу образованія совершеннаго вида отъ глаголовъ той и другой категоріи, о чемъ будетъ говориться въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Б. Глаголы исполненнаго (совершеннаго) дѣйствія.

Мы уже видѣли, что исполненность дѣйствія выражается чаще всего помощью присоединенія префикса къ простому глаголу (нести<принести) иногда же простымъ глаголомъ того же корня, но другого образованія (напр. бросать—бросить), или наконецъ глаголомъ другаго корня (брать—взять).

Прежде всего постараемся объяснить, какимъ образомъ прибавленіе префикса вызываетъ измѣненіе вида и даже производитъ перемѣну времени, переводя настоящее время въ будущее (напр. клалъ—наклалъ, кладу—накладу). Естественно предположить, что первоначально присоединеніе предлога къ простому глаголу не обусловливало совершеннаго вида, но выражало то же дѣйствіе совершающимся въ направленіи и въ границахъ, опредѣляемыхъ предлогомъ. Благодаря этой опредѣленности, дѣйствіе съ теченіемъ времени стало представляться въ своемъ результатѣ, т. е.: въ формѣ прошедшаго времени (напр. наклалъ) не какъ совершавшееся, но какъ совершившееся, а въ формѣ настоящаго времени (напр. накладу) не какъ совершающееся, но какъ такое, которое совершится въ направленіи, опредѣленномъ предлогомъ. Въ томъ случаѣ, когда несовершенный видъ въ простомъ глаголѣ для своего перваго и второго значенія имѣютъ разныя образованія, напр. несу—ношу, то указанное измѣненіе вида и

времени вслѣдствіе присоединенія префикса, какъ мы видѣли, имѣетъ мѣсто только при глаголѣ перваго значенія, напр. несу<принесу, вторая же форма (ношу) въ случаѣ соединенія съ предлогомъ (напр. приношу) осталась для выраженія совершающагося дѣйствія, при чемъ расширилась въ своемъ примѣненіи, служа не только для второго значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ принявъ на себя и первое значеніе. Въ томъ же случаѣ, когда для перваго и второго значенія простой глаголъ несовершеннаго вида имѣетъ одну лишь форму (напр. крашу), и она въ соединеніи съ префиксомъ перешла въ значеніе вида совершеннаго (напр. крашу<перекрашу), то для восполненія предложной формы вида несовершеннаго, языкъ воспользовался дальнѣйшимъ производствомъ отъ даннаго глагола, напр. перекрашиваю. [1])

I. Предложные глаголы совершеннаго вида представляютъ два частныхъ случая въ своемъ значеніи: а) глаголъ обозначаетъ *исполненное дѣйствіе+оттѣнокъ направленія*, указываемый предлогами, напр.: *вы*рвалъ зубъ, *со*рвалъ цвѣтокъ, *ото*рвалъ пуговицу и т. п., и б) глаголъ обозначаетъ просто *исполненное дѣйствіе безъ оттѣнка напраленія*, напр. „вымазалъ". Одинъ и тотъ же простой глаголъ, соединяясь съ разными префиксами, вступаетъ въ ту или же другую изъ этихъ категорій, напр. рядомъ съ глаголами—„накрасилъ", „перекрасилъ" и т. п., выражающими кромѣ исполненности дѣйствія еще и направленіе, имѣется глаголъ „вы́красилъ", который означаетъ просто совершен-

[1]) Отголосокъ или пережитокъ той эпохи, когда предложный глаголъ не пріобрѣлъ еще въ формѣ настоящаго времени значенія будущаго, мы встрѣчаемъ и въ современномъ языкѣ (обыкновенно при нарѣчіи *какъ*) для оттѣнка неожиданности при изображеніи прошедшихъ событій, напр. «какъ *закричитъ* онъ, такъ всѣ и побѣжали отъ него». Особенно часты эти случаи въ нашихъ былинахъ. Переходъ въ предложныхъ глаголахъ значенія настоящаго времени въ будущее мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, напр. мыѭ (наст. вр.) || оумыѭ (буд. вр.)

ность дѣйствія. Второй изъ этихъ типовъ совершеннаго вида распадается на два случая: когда глаголъ выражаетъ, что *дѣйствіе начато* (напр. *за*пѣлъ), и когда выражаетъ, что оно *исполнено* или *окончено*, напр. спѣлъ или *про*пѣлъ.

Глаголы совершеннаго вида окончательные болѣе разнообразны по префиксамъ, напр. *вс*потѣлъ, *вы*красилъ, *на*поилъ, остригъ, *по*цѣловалъ, *про*читалъ, спряталъ. Надо думать, что и въ этихъ случаяхъ префиксъ первоначально придавалъ свой оттѣнокъ направленія дѣйствію, съ теченіемъ же времени этотъ оттѣнокъ утратился вслѣдствіе того, что при нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ одно изъ направленій могло быть наиболѣе обычнымъ, такъ что глаголъ употреблялся чаще всего съ однимъ и тѣмъ же префиксомъ, оттѣнокъ направленія стирался, что и переводило глаголъ въ категорію просто совершеннаго вида безъ оттѣнка направленія. Нерѣдко для одного и того же простаго глагола при одномъ и томъ же его значеніи видъ совершенный безъ оттѣнка направленія можетъ быть выраженъ помощью двухъ или болѣе предлоговъ, напр. строилъ<выстроилъ, построилъ. [1]) Если простой глаголъ имѣетъ не одно значеніе, то совершенный видъ выражается или посредствомъ одного и того же префикса, или же посредствомъ разныхъ префиксовъ (валялъ<*вываляль* т. е. „запачкалъ" напр. платье, *свалялъ* напр. сапоги).

Что касается глаголовъ совершеннаго вида начинательныхъ, то обыкновенно они образуются помощью префиксовъ *за* или *по*, смотря по характеру дѣйствій, напр. *за* при глаголахъ рѣчи, пѣнія и т. п. (запѣлъ, засвисталъ, закричалъ и др.), *по* — при глаголахъ движенія (пошелъ, поѣхалъ, поплылъ и др.). [2])

---

[1]) Иногда выборъ того или другого префикса обусловливается говоромъ; напр. обычно въ литературномъ языкѣ говорится «*поставить* самоваръ», но у Тургенева встрѣчаемъ—«*наставить* самоваръ».

[2]) Языки, не выработавшіе въ префиксѣ оттѣнка начинательности, пользуются описательными выраженіями, напр. въ нѣм. присоединеніемъ глаголовъ anfangen или beginnen (напр. онъ заплакалъ=er fing an zu weinen), во франц.—commencer à.

Кромѣ того развился цѣлый рядъ другихъ оттѣнковъ, напр. *уменьшительности* и *ласкательности* (поиграть, попѣть; въ нѣм. передается посредствомъ ein wenig, напр. spiele ein wenig=поиграй), оттѣнокъ *удовлетворенности дѣйствіемъ* (наговориться, наиграться), *увлеченія дѣйствіемъ* (заговориться). Присоединеніе того или другаго префикса для выраженія совершеннаго вида можетъ стать предметомъ болѣе спеціальнаго изученія.

2. Какъ мы уже говорили, различіе вида несовершеннаго и совершеннаго въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ достигается различіемъ суффиксовъ, при чемъ оба глагола могутъ быть **безпредложными**, напр. брос*а*ть—брос*и*ть, пуск*а*ть—пуст*и*ть, садиться—сѣсть и т. д. Отношеніе вида совершеннаго къ несовершенному въ этихъ глаголахъ можно сопоставить съ тѣмъ случаемъ предложныхъ глаголовъ, когда въ послѣднихъ присоединеніе предлога придаетъ только совершенность и не выражаетъ оттѣнка направленія, т. е.

бросалъ : бросилъ=красилъ : выкрасилъ.

Въ разсматриваемыхъ глаголахъ (т. е. такихъ, какъ „бросить", „пустить", „сѣсть") настоящее время также получило значеніе будущаго. [1]) Если къ этимъ глаголамъ присоединить предлогъ, то чрезъ это прибавится только оттѣнокъ направленія, видовая же категорія останется та же, напр. сѣлъ<присѣлъ.

Примѣрами того случая, когда глаголы несовершеннаго и совершеннаго вида происходятъ отъ разныхъ корней,

---

[1]) Измѣненіе значенія настоящаго времени безпредложнаго глагола въ будущее не чуждо въ отдѣльныхъ примѣрахъ и нѣкоторымъ другимъ аріо-европейскимъ языкамъ; срв. въ *греч* εἶμι, πίομαι и др., *нѣм.* wir *kommen* gleich—«мы сейчасъ придемъ».

могутъ служить: бралъ—взялъ, клалъ—положилъ, говорилъ—сказалъ.

Отъ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ совершеннаго вида нужно отличать случай *однократности*, являющійся при нѣкоторыхъ глаголахъ. Дѣло въ томъ, что дѣйствія (какъ переходныя, такъ и непереходныя) представляютъ собою два класса—непрерывныя (напр. несу, плыву) и кратныя, представляющія какъ бы рядъ моментовъ (напр. качать, махать). Глаголы, обозначающіе какъ тѣ, такъ и другія дѣйствія, образуютъ обыкновенный совершенный видъ помощью префиксовъ (поплылъ, замахалъ), но вторые глаголы сверхъ того иногда могутъ образовывать безпредложный совершенный видъ съ помощью суффикса *н* ‖ *ну* (дернетъ, дернулъ; махнетъ, махнулъ), при чемъ эти глаголы на *-нуть* служатъ для обозначенія одного момента такого кратнаго дѣйствія, почему и называются однократными. Присоединеніе префикса къ однократному глаголу не измѣняетъ вида, а только придаетъ оттѣнокъ направленія, какъ это вообще бываетъ въ случаѣ безпредложныхъ глаголовъ совершеннаго вида, т. е.

бросилъ : перебросилъ = кинулъ : перекинулъ.

Примѣчаніе. Двумъ основнымъ видамъ русскаго глагола въ другихъ языкахъ нерѣдко соотвѣтствуютъ различія временъ, именно—прошедшихъ и частію будущаго. Такъ напр. въ греческомъ языкѣ русскому несовершенному виду прошедшаго времени соотвѣтствуетъ imperfectum, а совершенному—аористъ и перфектъ. Въ лат. языкѣ для прошедшаго несоверш. служитъ imperfectum, а для соверш.—перфектъ, въ которомъ смѣшались времена, соотвѣтствующія греческому аористу и перфекту. Франц. языкъ, подобно другимъ романскимъ образовавшійся изъ латинскаго, унаслѣдовалъ отъ послѣдняго различіе дѣйствій совершающагося и исполненнаго (imparfait и passé défini). Кромѣ того франц. яз. представляетъ еще новое образованіе прошедшаго времени—passé indéfini, соотвѣтствующее по смыслу греч. перфекту. Нѣмецкій яз. почти не различаетъ вида несовершеннаго и совершеннаго, [1]) и изъ имѣющихся въ этомъ языкѣ двухъ прошедшихъ одно (imperf.) примѣняется въ историческомъ разсказѣ, соотвѣтствуя греческимъ временамъ — imperf. и аористу, а другое (perf.) соотвѣтствуетъ греч. перфекту. Такимъ образомъ въ нѣмецкомъ языкѣ только въ послѣднемъ случаѣ обозначена въ глагольной формѣ совершенность дѣйствія, въ первомъ же случаѣ форма не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній на видъ дѣйствія, так что послѣдній только подразумѣвается изъ смысла рѣчи. [1]) Поэтому нѣмцу; въ родномъ языкѣ котораго почти нѣтъ особыхъ глагольныхъ формъ для отличія видовъ дѣйствія совершающагося и исполненнаго, труднѣе овладѣть русскимъ глаголомъ, нежели французу. [2]) Вообще же можно замѣтить, что какъ русскій языкъ компенсируетъ недостатокъ нѣкоторыхъ формъ времени путемъ видовъ, такъ въ другихъ языкахъ, наоборотъ, недостаточность видовыхъ глагольныхъ образованій восполняется развитіемъ формъ времени.

[1]) Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ нѣмецкомъ получается совершенный видъ чрезъ прибавленіе префикса къ простому глаголу; таковъ префиксъ *er-*, когда означаетъ законченность дѣйствія, напр. bauen «строить» ‖ erbauen «выстроить».

III. Разсмотрѣвъ съ достаточною подробностью наиболѣе трудныя семазіологическія категоріи въ глаголѣ, каковыми являются залоги и виды, мы скажемъ теперь въ краткихъ словахъ о прочихъ категоріяхъ измѣненій глагола, т. е. о *наклоненіи*, *времени*, *числѣ* и *лицѣ*. Различіе наклоненій основывается на томъ, является ли представленіе дѣйствія (какого бы залога и вида ни былъ глаголъ) только умственнымъ актомъ, или же къ этому акту присоединяется моментъ желательно-волеваго побужденія и повелѣнія. Въ первомъ случаѣ употребляются формы глагола, служащія для обозначенія дѣйствія какъ факта и именуемыя *изъявительнымъ* наклоненіемъ (напр. читаю, я читалъ и проч.); во второмъ случаѣ употребляется форма прошедшаго времени съ присоединеніемъ частицы *бы*, т. е. такъ наз. *сослагательное* наклоненіе (напр. „почиталъ бы я!“, „почиталъ бы ты!“) и, наконецъ, въ послѣд-

[1]) Подобно нѣмецкому и англійскій имѣетъ такія же два прошедшихъ времени, срв. *imperf.*—нѣм. ich gab ‖ англ. I gave, *perf.*—нѣм. ich habe gegeben ‖ англ. I have given. Но англійскій кромѣ того широко развилъ описательныя выраженія, соотвѣтствующія семазіологическому отличію типа «летѣть» отъ «летать» (срв. I am giving ‖ I give).

[2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ ошибокъ изъ русской рѣчи нѣмца относительно видовъ русскаго глагола: «это надо читать» (вм. прочитать), «завтра я буду отъиграться (вм. отъиграюсь), «какъ вамъ нравился (вм. понравился) спектакль?».

немъ случаѣ—особая форма *повелительнаго* наклоненія (напр. бери!). [1]) Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ семасіологическое сродство между сослагательнымъ и повелительнымъ наклоненіями; разница же между ними заключается въ томъ, что сослагательное наклоненіе можетъ имѣть смыслъ какъ субъективный (напр. „поигралъ бы я!“), такъ и объективный (напр. „поигралъ бы ты!“), повелительное же наклоненіе имѣетъ по преимуществу объективный оттѣнокъ значенія, почему и не имѣетъ обычно формы перваго лица. Въ связи съ указаннымъ выше семасіологическимъ отличіемъ изъявительнаго наклоненія отъ наклоненій сослагательнаго и желательнаго находится еще то, что только въ изъявительномъ наклоненіи глаголъ измѣняется по временамъ, тогда какъ другія наклоненія не соединены сами по себѣ съ значеніемъ того или другого времени. Въ изъявительномъ наклоненіи различаются

---

[1]) Говоря о наклоненіяхъ, мы имѣемъ здѣсь въ виду употребленіе ихъ только въ главныхъ предложеніяхъ, оставляя въ сторонѣ придаточныя, въ которыхъ наклоненія могутъ получать другіе оттѣнки значенія. Что касается такъ наз. *неопредѣленнаго наклоненія*, то оно не принадлежитъ къ наклоненіямъ, а представляетъ собою «общую» глагольную форму и стоитъ особнякомъ, т. е. составляетъ самостоятельную категорію. По происхожденію своему оно представляетъ падежную форму имени, и иные склонны считать въ силу этого неопредѣленное наклоненіе существительнымъ и для современнаго русскаго языка; однакожъ ясно, что явленія современнаго языка нельзя опредѣлять мѣркою прошлаго. Сравнивая выраженія: я люблю *пѣть* ‖ я люблю *пѣніе*, легко замѣтить, что въ первомъ случаѣ предполагается, что я самъ люблю пѣть, тогда какъ во второмъ случаѣ нѣтъ этого оттѣнка лица. Выраженіе: ты любишь *пѣть* = указываетъ на второе лицо (т. е. какъ бы: ты любишь ты пѣть). И въ случаѣ объективнаго значенія неопредѣленному наклоненію присущъ оттѣнокъ лица (срв. я велю *вамъ* читать). Глагольность неопред. наклоненія, этой общей формы глагола, подтверждается также тѣмъ, что оно распространяется тѣми же падежными формами, какъ и соотвѣтствующій личный глаголъ (срв. читаю *книгу* ‖ читать *книгу*, но: чтеніе *книги*).—Наше *повелительное* наклоненіе, какъ видно изъ сравненія съ греч., произошло изъ желательнаго, срв. бери = φέροις (отголосокъ прежняго значенія можно видѣть въ такихъ выраженіяхъ, какъ «*приди* онъ ко мнѣ, я помогъ бы ему»).

времена дѣйствій *настоящее*, *прошедшее* и *будущее*. Мы уже знаемъ, что настоящее время служитъ для выраженія совершающагося какъ бы на глазахъ дѣйствія и такимъ образомъ отвѣчаетъ умственному акту „воспріятія“, а кромѣ того, оно можетъ обозначать дѣйствіе какъ обычное, т. е. абстрактно. Что касается двухъ другихъ временъ, то прошедшее время служитъ выраженіемъ умственнаго акта „воспоминанія“, а будущее соотвѣтствуетъ акту „ожиданія“, если дѣйствіе относится къ другому лицу, и акту „намѣренія“, если дѣйствіе относится къ самому говорящему, т. е. къ первому лицу. [1]) Намъ остается прибавить, что *личныя окончанія* глагола, особыя въ единственномъ и множественномъ числѣ, служатъ для выраженія связи дѣйствія, какъ сказуемаго, съ подлежащимъ соотвѣтствующаго числа и лица.

От семасіологической стороны русскаго глагола мы перейдемъ къ его флексійной сторонѣ, т. е. къ *спряженію*.

---

[1]) О прошедшемъ времени мы уже говорили, что разныя категоріи этого времени другихъ языковъ русскій языкъ вознаграждаетъ путемъ примѣненія видовыхъ образованій. Такъ, нѣкоторые языки различаютъ прошедшее время только что происшедшее, при чемъ состояніе дѣйствія еще продолжается (это—такъ наз. перфектъ въ языкахъ греческомъ и нѣмецкомъ и passé indéfini во французскомъ), и такое прошедшее время, которое совершилось въ прошломъ и потому имѣетъ историческій характеръ; срв. выраженія «сторожъ пришелъ (и теперь еще здѣсь) ‖ «сторожъ приходилъ» (напр. вчера), или въ страдательномъ залогѣ: «карета подана» (и теперь на-лицо) ‖ «карета была подана» (когда-бы то ни было въ прошломъ). Въ древне-русскомъ языкѣ это двоякое различіе прошедшаго времени иногда передается разными временными образованіями; такъ, въ нашей древней лѣтописи прошедшее на -*хъ* и проч. нерѣдко употребляется въ смыслѣ историческаго прошедшаго, а на -*лъ* (въ страд. на -*нъ*) въ смыслѣ перфекта особенно въ дословномъ приведеніи разговора; срв. «и *рече* царь *переклюкала* мя *еси* Ольга» (Лавр. подъ 955 г.); «*рѣша* же кияне... князь нашъ *убѣгнъ* (опущено—*есть*), а княгини наша хоче за вашь князь» (Лавр. подъ 945 г.). Изъ этихъ двухъ способовъ для передачи прош. времени въ послѣдующей жизни русскаго языка утвердился одинъ второй, какъ болѣе обычный въ разговорной рѣчи.

Здѣсь намъ представляется задача—классифицировать глаголы, т. е. распредѣлить ихъ по разрядамъ. Классифицировать спряженія мы будемъ съ двухъ точекъ зрѣнія — по различію окончаній и по различію ударенія, т. е. какъ мы поступали и при классификаціи склоненій именъ существительныхъ.

Выдѣливъ въ особую группу спряженіе трехъ глаголовъ —*есмь*, *ѣмъ* и *дамъ*, представляющихъ собою пережитки нѣкогда болѣе обширнаго класса глаголовъ такъ наз. нетематическаго (т. е. безъ тематическаго гласнаго) спряженія, мы примемъ для всѣхъ прочихъ глаголовъ общепринятое дѣленіе спряженій не такъ называемыя А) „первое", куда принадлежатъ глаголы съ окончаніемъ *-ешь* во 2-мъ лицѣ ед. ч., и *-утъ* или *-ютъ* въ 3-мъ лицѣ мн. ч., и Б) „второе", куда относятся глаголы съ окончаніемъ *-ишь* во 2-мъ лицѣ ед. ч. и *-атъ* или *-ятъ* въ 3-мъ лицѣ мн. ч. Каждый типъ спряженія является въ двухъ разновидностяхъ: I) спряженіе безъ *-ся* (напр. мою, ношу) и II) спряженіе съ *-ся* *-сь* (наприм. моюсь, ношусь). Для наглядности указаннаго подраздѣленія спряженія глаголовъ (исключая *дамъ* и пр.), приведу нѣсколько формъ спряженія настоящаго времени:

Первое спряженіе.

Спряженіе безъ -ся.	*Спряженіе на* -ся.
мо*ю*	мо*юсь*
мо*ешь*	мо*ешься*
мо*ютъ*	мо*ются*.

Второе спряженіе.

Спряженіе безъ -ся.	*Спряженіе на* -ся.
нош*у*	нош*усь*
нос*ишь*	нос*ишься*
нос*ятъ*	нос*ятся*.

Не трудно видѣть, что спряженіе на *-ся* получается изъ спряженія безъ *-ся*, при чемъ неударяемое *-ся* сохраняется въ положеніи послѣ согласныхъ, въ положеніи же послѣ гласныхъ сократилось въ *-сь*. Въ виду столь простаго соотношенія между этими разновидностями спряженія мы ограничимся въ дальнѣйшемъ лишь глаголами безъ *-ся*.

Примѣчаніе. Еще Даль въ напутномъ словѣ къ своему Толковому словарю раздѣлилъ всѣ русскіе глаголы по формѣ на 1) *прямые*, оканчивающіеся въ неопр. накл. на *-ть* или *-чь*, и 2) *обратные*, оканчивающіеся на *-ся* и могущіе, если смыслъ рѣчи позволяетъ, принимать на себя функцію разныхъ залоговъ. Проф. Н. П. Некрасовъ, въ сочиненіи «О значеніи формъ русскаго глагола» (1865), признавая правильность дѣленія глаголовъ, предложеннаго Далемъ, въ подтвержденіе приводитъ тотъ фактъ (стр. 60), что въ русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного глагола, который не былъ бы способенъ принять *-ся*, и даже глаголъ «быть» встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ съ этимъ окончаніемъ въ формѣ «будучись»:

Будучисъ Садко купецъ, богатый гость,
Подъ славнымъ Новымъ-Городомъ и пр. (Кир. II, 2. стр. 34).

Какъ первое спряженіе, такъ и второе въ свою очередь подраздѣляются на болѣе мелкіе разряды въ зависимости отъ различія окончаній неопредѣленнаго наклоненія: въ первомъ спряженіи неопред. накл. кромѣ окончанія *ть* или *ти* [1]) встрѣчается съ окончаніемъ *-ать*, напр. несу—нес*ти*, сосу—сос*ать*; во второмъ спряженіи кромѣ окончанія *-ить* неопр. накл. имѣетъ еще окончаніе *-ѣть* (или, послѣ шипящихъ, *-ать*). [2]) Такимъ образомъ мы получаемъ въ томъ и другомъ спряженіи по два различія. Затѣмъ въ первомъ спряженіи въ томъ и другомъ различіи настоящее время можетъ представлять или твердое спряженіе (несу, сосу), или же мягкое

---

[1]) Окончаніемъ неопр. накл. служитъ *-ти*, если на него падаетъ удареніе; въ случаѣ же ударенія на основѣ окончаніе неопр. накл. является въ сокращенномъ видѣ *-ть*.

[2]) Въ соотвѣтствіи съ окончаніями неопр. наклоненія находятся окончанія прошедшаго времени, напр. кол*оть*—кол*олъ*, чит*ать*—чит*алъ*, крас*ить*—крас*илъ*.

(колю—колоть, стелю—стлать); кромѣ того, особый разрядъ твердаго спряженія составляютъ глаголы на *-ну*, напр. вяну, крикну. Такимъ образомъ, первое спряженіе подраздѣляется на пять частныхъ разрядовъ, а второе спряженіе на два, всего — семь разрядовъ. Всѣ эти разряды, полученные нами чрезъ сопоставленіе образованія настоящаго времени съ образованіемъ неопр. наклоненія (и прошедшаго времени), мы должны разсмотрѣть еще по типамъ ударенія.

Въ настоящемъ времени глаголовъ удареніе представляетъ три типа: 1) удареніе постоянное на основѣ (напр. вя́ну), 2) удареніе переходное—въ 1-мъ лицѣ ед. ч. на окончаніи, а въ прочихъ лицахъ на основѣ (напр. тону́), 3) удареніе постоянное на окончаніи (напр. беру́). Удареніе повелительнаго наклоненія находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ 1-го лица ед. наст., напр. вя́ну—вя́нь, тону́—тони́, беру́—бери́. Въ прошедшемъ времени удареніе можетъ быть постояннымъ на основѣ, напр. мы́лъ—мы́ла—мы́ло—мы́ли, или же постояннымъ на окончаніи (за исключеніемъ муж. рода ед. ч., гдѣ удареніе передвигается по необходимости на основу), напр. не́съ—несла́—несло́—несли́, а въ нѣкоторыхъ глаголахъ перенесеніе ударенія на окончаніе имѣется только въ жен. р., напр.—жи́лъ—жила́—жи́ло—жи́ли. Удареніе неопр. накл. находится въ соотношеніи съ прош. вр. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ разсматривать типы ударенія отдѣльно для каждаго изъ указанныхъ выше семи разрядовъ, при чемъ присоединимъ для нѣкоторыхъ разрядовъ образцы спряженія въ фонетической транскрипціи, подобно тому какъ это мы сдѣлали въ отдѣлѣ склоненія существительныхъ.

А. Первое спряженіе.

Первый разрядъ: *несу—нести*. Глаголы даннаго разряда всѣ—первообразные или коренные (т. е. образованы непосред-

ственно отъ корня), [1]) при чемъ корень или основа этихъ глаголовъ оканчивается какимъ-либо согласнымъ. [2]) Въ зависимости отъ характера окончаній послѣдній согласный основы подвергается измѣненіямъ, которыя въ наст. вр. зависятъ отъ твердости или же мягкости слѣдующаго гласнаго (срв. пек-у || печешь), а въ прош. вр. и неопр. накл. отъ согласныхъ, начинающихъ окончанія этихъ формъ (срв. пекъ вм. пеклъ; печь). Такъ какъ согласные разныхъ категорій измѣняются неодинаково, то будетъ цѣлесообразно глаголы даннаго разряда расположить въ физіологическомъ порядкѣ согласныхъ, оканчивающихъ корень или основу:

а) греб*у́*, скреб*у́*;
б) вез*у́*, грыз*у́*, полз*у́*, лѣзу; нес*у́*; тряс*у́*, пас*у́*;
в) тр*у́*, зап*ру́*, ум*ру́*; [3])
г) пек*у́*, тек*у́*, сѣк*у́*, толк*у́*, влек*у́*; стриг*у́*, жг*у́*, берег*у́*, стерег*у́*, запряг*у́*, ля́г*у*, мог*у́*;
д) вед*у́*, бред*у́*, ся́ду, клад*у́*, крад*у́*, пад*у́*; плет*у́*, мет*у́*, раст*у́*, цвѣт*у́*, проч*ту́*;
е) жм*у́*, возьм*у́*, мн*у́*, жн*у́*, нач*ну́*;
ж) плыв*у́*, слыв*у́*, жив*у́*;
з) пою́. [4])

---

[1]) Этимъ обстоятельствомъ опредѣляется и характеръ корневого вокализма глаголовъ перваго разряда: между ними нѣтъ ни одного глагола съ т. наз. вторымъ полнымъ видомъ корня.

[2]) Но въ этомъ разрядѣ имѣются глаголы, корень которыхъ оканчивался дифтонгомъ: пою́, плыву́ и слыву́.

[3]) Первые два глагола этой группы, какъ переходные, имѣютъ прич. прош. стр., которое оканчивается на *-тый*; такое же окончаніе свойственно глаголамъ, корень которыхъ заканчивается носовымъ, т. е. глаголамъ группы е), и наконецъ переходнымъ глаголамъ послѣднихъ двухъ группъ.

[4]) Вслѣдствіе различія основы въ наст. вр. сравнительно съ прош. вр. и неопр. накл., въ этомъ глаголѣ въ народномъ языкѣ встрѣчаются новыя образованія по аналогіи; срв.: пап’ѐjу̇ (т. е. попою), п’ǽт (поетъ) п’ǽм (поёмъ)—с. Лада Саран. у. Пенз. губ., п’ѐjу̇т (поютъ)—с. Кузьменка Бѣлев. у.

Удареніе въ *настоящемъ времени* почти всѣхъ глаголовъ перваго разряда постоянное на окончаніи (на первоначальномъ тематическомъ гласномъ). [1]) Только глаголъ „лѣ́зу“ спрягается съ постояннымъ удареніемъ на основѣ, а глаголъ „могу́“ имѣетъ переходное удареніе. Нужно еще указать на глаголы „ля́гу“ и ся́ду“ съ постояннымъ удареніемъ на основѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ эти глаголы представляютъ особенность въ семазіологическомъ отношеніи, какъ имѣющіе значеніе будущаго времени, независимо отъ присутствія предлога.

Въ *прошедшемъ времени* глаголы перваго разряда имѣютъ всѣ три типа ударенія, указанные нами въ предварительныхъ замѣчаніяхъ; поэтому намъ нужно установить здѣсь соотношеніе между удареніемъ настоящаго и прошедшаго времени. Изъ немногихъ глаголовъ, имѣющихъ въ наст. вр. постоянное удареніе на основѣ, глаголъ „лѣ́зу“ имѣетъ постоянное удареніе на основѣ и въ прош. вр.; сюда же надо отнести глаголъ „ся́ду“, при чемъ въ прош. вр. (сѣ́лъ—сѣ́ла—сѣ́ло—сѣ́ли) видимъ особый видъ корня—съ долгимъ первоначальнымъ гласнымъ, т. е. К. *sēd; глаголъ же „ля́гу“ по ударенію прош. вр. принадлежитъ къ группѣ съ постояннымъ удареніемъ на окончаніи. Если же въ настоящемъ времени имѣется постоянное удареніе на окончаніи, то и въ прошедшемъ времени большинство глаголовъ имѣетъ постоянное удареніе на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. р. ед. ч.), напр. несу́—нéсъ—несла́—несло́—несли́, меньшая же часть глаголовъ имѣетъ въ прошедшемъ времени постоянное

Тул. губ. Формы эти получились благодаря отнесенію даннаго одинокаго глагола, черезъ посредство неопр. накл. и прош. вр., въ категорію такихъ глаголовъ, какъ «спѣть», «синѣть» и т. д. Аналогичное явленіе представляютъ *польск.* pieję, чеш. pěji.

[1]) Соотвѣтствующіе же глаголы въ греческомъ языкѣ всѣ имѣютъ удареніе на основѣ, и нѣтъ ни одного, гдѣ бы удареніе имѣлось на тематическомъ гласномъ. Это различіе нужно объяснить разнымъ направленіемъ аналогіи по отношенію къ ударенію въ этихъ языкахъ.

удареніе на основѣ. Глаголы послѣдней группы представляютъ нѣкоторую особенность въ своемъ корневомъ вокализмѣ, именно — они имѣютъ въ корнѣ или первоначальный долгій гласный (кладу́, краду́, паду́, сѣку́, стригу́, грызу́), или же въ прош. времени имѣютъ гласный *я* (*а*) = ст.-сл. ѧ (мну—мялъ, жму—*жалъ*, жну—*жалъ*). [1]) Наконецъ, глаголы на *-ву́*, содержащіе первоначальный долгій гласный въ корнѣ и имѣющіе въ настоящемъ времени удареніе постоянное на окончаніи, въ прош. вр. переносятъ удареніе на основу за исключеніемъ формы женскаго рода ед. ч. (напр. живу́—жи́лъ—жила́—жи́ло—жи́ли). Глаголъ „могу́“, съ переходнымъ удареніемъ въ настоящемъ времени, въ прош. вр. имѣетъ удареніе постоянное на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. родѣ ед. ч.).

Удареніе *неопредѣленнаго наклоненія* находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ прошедшаго времени: если въ прош. вр. имѣется удареніе постоянное на основѣ, то и въ неопредѣленномъ наклоненіи на основѣ (напр. лѣ́зу—*лѣ́зла—лѣ́зть*, грызу́—*гры́зла—гры́зть*); если въ прош. вр. удареніе постоянное на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. ед.), то и въ неопр. накл. будетъ на окончаніи, напр. „грести́“; если же удареніе въ прош. вр. переходное, то въ неопр. накл.

[1]) Два глагола—возьму и начну, принадлежащіе сюда по корневому составу, но не употребляющіеся въ простомъ видѣ, безъ префиксовъ, имѣютъ въ прошедшемъ времени переходное удареніе (взялъ—взяла́—взя́ло—взя́ли; на́чалъ—начала́—на́чало—на́чали), т. е. въ жен. родѣ единств. числа переносятъ удареніе на окончаніе, а въ прочихъ формахъ имѣютъ удареніе на основѣ, при чемъ префиксъ *на-* перетягиваетъ на себя удареніе. Аналогію глаголамъ на -му́ и -ну́ представляютъ глаголы на -ру́ сходнаго строенія основы: простой глаголъ «тру́» въ прош. вр. имѣетъ постоянное удареніе на основѣ, а глаголы, употребляющіеся только въ сложеніи съ префиксомъ (умру́, запру́) въ прош. вр. имѣютъ указанное выше переходное удареніе, которое въ основѣ перетягивается на префиксъ (у́меръ—умерла́—у́мерло—у́мерли). Въ глаголахъ на -ру́ неопр. накл., въ отличіи отъ прош. вр., имѣетъ не второе, а первое полногласіе, не сокращенный, а первый полный видъ корня съ удареніемъ на вторичномъ *е* (срв. умерла́—умерéть).

оно одинаково съ удареніемъ большинства формъ прош. вр., т. е. находится на основѣ. Глаголы на *-ку* и *-гу* представляютъ уклоненіе въ томъ отношеніи, что въ нихъ неопред. наклоненіе всегда имѣетъ удареніе на основѣ независимо отъ того, гдѣ оно стоитъ въ прош. вр., а потому и окончаніе неопр. накл. въ этихъ глаголахъ всегда является въ сокращенномъ видѣ (срв. „печь“ при „пеклá“, какъ „стричь“ при „стри́гла“); впрочемъ отъ глаголовъ „печь“ и „стеречь“ встрѣчаются формы неопр. накл. съ удареніемъ на окончаніи: „печи́“ и „стречи́ (въ басняхъ Крылова); сюда же относится форма „беречи́“ въ Домостроѣ гл. 50.

Неопр. накл.	*Неопр. накл.*
п'ес' | —т'і (нести)	л'ѐс'т' (лѣзть)

Наст. вр.		*Наст. вр.*	
Ед.	1. н'æ | с—у́ (несу)	Ед.	1. л'æ̀ | з—ў (лѣзу)
	2. н'є | с'—о́ш (несешь)		2. л'ѐ | з'—ьш (лѣзешь)
	3. н'є | с'—о́т (несетъ)		3. л'ѐ | з'—ьт (лѣзетъ)
Мн.	1. н'є | с'—о́м (несемъ)	Мн.	1. л'ѐ | з'—ьм (лѣземъ)
	2. н'є | с'—о́ | т'ӗ (несете)		2. л'ѐ | з'—ь | т'ӗ (лѣзете)
	3. н'æ | с—у́т (несутъ)		3. л'æ̀ | з—ўт (лѣзутъ)

Прош. вр.		*Прош. вр.*	
Ед.	н'о́с (несъ)	Ед.	л'æ̀с (лѣзъ)
	п'æс | —ла́ (песла)		л'æ̀з | —лӑ (лѣзла)
	н'æс | —ло́ (несло)		л'æ̀з | —лӑ (лѣзло)
Мн.	н'ес' | —л'і (несли)	Мн.	л'ѐз' | —л'і (лѣзли)

Повелит. накл.	*Повелит. накл.*
н'є | с'—і (неси)	л'ѐс (лѣзь)
н'є | с'—і | т'ӗ (несите)	л'ѐс' | —т'ӗ (лѣзьте)

Прич.	*Прич.*
н'æ | с—у́ | ш'чъј (несущій)	л'æ̀ | з—ў | ш'чъј (лѣзущій)
н'о́с | —шъј (несшій)	л'æ̀с | шъј (лѣзшій)
н'æ | с—о́ | мъј (несомый)	———
н'є | с'—о́н | нъј (несенный)	———

Дѣеприч.	*Дѣеприч.*
п'є | с'—а́ (неся)	———
н'о́с | —шы́ (несши)	л'æ̀с | —шы̆ (лѣзши).

Второй разрядъ: *колю—колоть.* Это—мягкій разрядъ, соотвѣтствующій предъидущему твердому: въ немъ наст. вр. образовано посредствомъ j; прош. вр. оканчивается на *-лъ.* Весьма характерною чертою этого разряда служитъ то, что въ немъ вовсе нѣтъ глаголовъ, въ которыхъ бы передъ **-jу́* были другіе согласные кромѣ *л* и *р.* Такъ какъ въ родственныхъ языкахъ встрѣчаются и другіе согласные (срв. въ греч. кромѣ такихъ глаголовъ, какъ *φθείρω,* сюда принадлежатъ и такіе, какъ *φράζω*), то можно думать, что въ русскомъ языкѣ (и другихъ славянскихъ) часть глаголовъ этого разряда перешла въ другой разрядъ; для такого перехода должно было существовать сходство между этими разрядами, которое могло бы быть поводомъ къ переходу; можно думать, что такимъ другимъ разрядомъ былъ четвертый, въ которомъ наст. вр. образуется тоже посредствомъ j, прошедшее же время оканчивается на *-алъ.* Глаголы на *-лю* и *рю* (прош. вр. на *-ло́лъ* и *-ро́лъ* и неопр. накл. на *-ло́ть* и *-ро́ть*, съ первымъ полногласіемъ) разсматриваемаго разряда, кромѣ „мелю“, содержатъ въ корнѣ гласный *о*, но они всѣ корневые, такъ какъ это *о* не является отраженіемъ втораго полнаго вида. Что же касается въ этомъ разрядѣ глаголовъ, основа которыхъ кончается гласнымъ (т. е. группы б, в, г), то они частію кор-

невые и въ такомъ случаѣ имѣютъ односложную основу (напр. мóю, лью, знáю, смѣю), большею же частію или отъименные (напр. играю, бѣлѣю), или же отглагольные (напр. помогаю, почитываю). Такъ какъ относящихся сюда глаголовъ, которые образованы отъ именъ и глаголовъ, очень много, то мы ограничимся лишь приведеніемъ отдѣльныхъ примѣровъ, тогда какъ корневые глаголы исчислимъ возможно полнѣе:

а) по*лю́*, ко*лю́*, ме*лю́*; бо*рю́*, по*рю́*;
б) м*óю*, р*óю*, кр*óю*, в*óю*, н*óю*;
в) бр*ѣ́ю*; *бью́*, *шью́*, *лью́*, *вью́*, *пью́*; [1])
г) зн*áю*, д*аю́*, узн*аю́*; рыд*áю*, чит*áю*, хват*áю*, д*ѣ́лаю*, вѣ*даю*....; почи́тыв*аю*....; гу*ля́ю*, мѣ*ня́ю*....; см*ѣ́ю*, сп*ѣ́ю*, зр*ѣ́ю*, рд*ѣ́ю*; ум*ѣ́ю*, бѣл*ѣ́ю*,....; д*у́ю*.

Что касается ударенія корневыхъ глаголовъ на -*лю́* и -*рю́*, то въ настоящемъ времени оно переходное, т. е. въ первомъ лицѣ единственнаго числа на окончаніи, въ прочихъ же лицахъ на основѣ; въ прошедшемъ времени этихъ глаголовъ удареніе постоянное на окончаніи (-блъ и пр.), при чемъ нужно замѣтить, что формы прош. вр. имѣютъ первое полногласіе и удареніе находится на вторичномъ *о*. Удареніе глаголовъ второй группы, тоже корневыхъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ времени постоянное на корнѣ. Удареніе глаголовъ третьей группы, также корневыхъ, въ одномъ глаголѣ (брѣю), подобно предъидущей группѣ, постоянное на корнѣ; прочіе же глаголы той же группы имѣютъ въ настоящемъ времени постоянное удареніе на окончаніи, а въ прошедшемъ времени два глагола принимаютъ постоянное удареніе на корнѣ (бью, шью), а прочіе три (лью, вью, пью)

---

[1]) Глаголы группъ а), б) и в), будучи переходными, образуютъ прич. прош. стр. съ окончаніемъ -*тый* (также еще глаголъ «ду́ю» послѣдней группы).

въ ж. р. ед. ч. переносятъ удареніе на окончаніе -*ла*. [1]) Всѣ глаголы послѣдней группы, корневые и производные, имѣютъ удареніе постоянное на одномъ и томъ же слогѣ основы въ настоящемъ и прошедшемъ времени; только глаголы „даю́" и „узнаю́" (послѣдній, надо думать, подъ вліяніемъ дифференціаціи къ буд. вр. „узна́ю") имѣютъ въ настоящемъ времени удареніе на окончаніи, а въ прош. вр. первый имѣетъ переходное удареніе (т. е. удареніе на корнѣ во всѣхъ формахъ, кромѣ жен. рода ед. ч.), удареніе же второго въ прош. вр. одинаково съ простымъ глаголомъ „знаю", т. е. постоянное на корнѣ.

Третій разрядъ: *сосу—сосать*. Глаголы, принадлежащіе къ этому разряду, всѣ—корневые; по образованію настоящаго времени они могли бы быть зачислены въ первый разрядъ, но прошедшее время и неопр. наклоненіе отличаются отъ перваго разряда, такъ какъ оканчиваются на -*а́лъ* [2]) и -*а́ть*, тогда какъ въ первомъ разрядѣ тѣ же формы оканчиваются на -*лъ* и -*ть* (-*ти*). Къ этому разряду принадлежатъ слѣдующіе глаголы:

со*су́*; т*ку́*; *лгу́*; вр*у́*, жр*у́*, бер*у́*, дер*у́*, ор*у́*; рж*у́*; зов*у́*, рв*у́*; жд*у́*.

---

[1]) Замѣтимъ еще, что въ нѣкоторыхъ глаголахъ данной группы j можетъ принадлежать корню, а не суффиксу (срв. напр. вью = литов. vej-ù), а въ такомъ случаѣ они собственно не относятся къ мягкому разряду по образованію настоящаго времени и, не смотря на присутствіе j, принадлежатъ къ первому разряду, т. е. подобно глаголу «пою́»; глаголъ «шью» безспорно относится ко второму разряду, такъ какъ здѣсь j не принадлежитъ корню (срв. литов. siū̃vù, скт. siv-yā́-mi).

[2]) Такое образованіе прош. вр. можно сопоставить съ образованіемъ въ греческомъ языкѣ отъ корневыхъ глаголовъ перфекта на -ηκα (дорич. -ᾱκα) въ такихъ случаяхъ какъ: μένω—μεμένηκα, τέμνω—τέτμηκα. Въ латинскомъ языкѣ сюда можно причислить такіе глаголы на -āre, какъ crepo—crepui—crepāre.

Удареніе во всѣхъ приведенныхъ глаголахъ въ *настоящемъ времени* постоянное на окончаніи. Что касается ударенія въ *неопредѣленномъ наклоненіи*, то оно всегда падаетъ на окончаніе *-áть*. Въ *прошедшемъ времени* въ двухъ глаголахъ съ постояннымъ *о* въ корнѣ (сосý, орý) оно оказывается постояннымъ на окончаніи, падая на то *а*, которое стоитъ передъ *л*; въ прочихъ же глаголахъ, въ корнѣ которыхъ имѣется исчезающее *е* или же нѣкогда имѣлся гласный ъ (ў) и ь (ĭ), удареніе въ жен. родѣ ед. ч. переходитъ на конечный гласный (напр. бралá, ждалá); впрочемъ въ глаголахъ „тку" и „лгу" встрѣчается и на *а*, стоящемъ передъ *л*. Совершенно отдѣльно въ данномъ разрядѣ стоитъ глаголъ „стонý", имѣющій одинъ во всемъ разрядѣ переходное удареніе въ настоящемъ времени; глаголъ этотъ судя по гласному корня,—отъименной и, можно думать, сначала принадлежалъ къ глаголамъ на *-аю* предъидущаго разряда, а затѣмъ по аналогіи (черезъ посредство неопред. накл.) перешелъ въ данный разрядъ; въ словаряхъ даже и указывается глаголъ „стонáю".

Четвертый разрядъ: *пишу—писать*. Это—мягкій разрядъ, соотвѣтствующій предъидущему твердому; въ настоящемъ времени встрѣчается такая же перемѣна согласныхъ (подъ вліяніемъ j), какъ въ сравнительной степени, оканчивающейся на -е. Всѣ эти глаголы—корневые [1]), какъ и глаголы съ односложною основою, оканчивающеюся гласнымъ; отъименными являются лишь многосложные глаголы, имѣющіе въ первомъ лицѣ ед. ч. наст. вр. окончанія *-ую* и *-юю*, а въ прошедшемъ времени *-овалъ* и *-евалъ*. [2]) Въ слѣдующемъ далѣе перечнѣ

---

[1]) Быть можетъ, отъименными нужно признать глаголы — колéблю, трепещý, клевещý, какъ имѣющіе двусложную основу (односложные глаголы—плещý и свищý могутъ быть и корневыми).

[2]) Если согласный, предшествующій окончанію — твердый, то прош. время оканчивается на -овалъ; если же окончанію предшествуетъ мягкій согласный, то прош. время оканчивается на -евалъ. Очевидно, здѣсь имѣемъ

глаголовъ даннаго разряда приводятся всѣ корневые и лишь отдѣльные примѣры отъ именныхъ:

а) колéблю; треплю́, клеплю́, щиплю́, сы́плю; дремлю́; гложý; прячý, мечý; свищý, хлещý; клевещý, трепещý; рѣ́жу, мáжу, вяжý, лижý, кажý, нижý; пишý, пляшý, подпоя́шу, чешý, дви́жу, бры́зжу; плáчу, скачý; ищý, плещý; стелю́, шлю́; орю́;

б) кую́, сую́, сную́; цáрствую, цѣлýю; плюю́, клюю́; воюю, горю́ю; [1])

а) лáю, тáю; сѣ́ю, вѣ́ю, смѣ́юсь.

Примѣчаніе. Отклоненіе отъ типа составляетъ глаголъ «хочý», такъ какъ образуетъ прош. вр.—хотѣлъ и неопр. накл.—хотѣть.

Удареніе въ *настоящемъ времени* можетъ представлять всѣ три типа. При этомъ оказывается, что въ глаголахъ, основа которыхъ оканчивается на согласный, имѣются два типа: а) удареніе постоянное на основѣ (напр. мáжу) и, чаще,

---

такое же чередованіе *о* ‖ *е*, на какое мы указывали уже, говоря объ особенныхъ окончаніяхъ твердаго и мягкаго склоненія существительныхъ, тѣмъ болѣе, что глаголы на *-ую* происходятъ отъ существительныхъ твердаго склоненія, а глаголы на *-юю* отъ существительныхъ мягкаго скл., напр. пиръ<пирую, горе<горюю. Въ греческомъ языкѣ даннымъ глаголамъ соотвѣтствуютъ отъименные глаголы на -εύω, напр. πιστός<πιστεύω, βασιλεύς<βασιλεύω.

[1]) При заимствованіи глаголовъ изъ другихъ европейскихъ языковъ русскій языкъ обнаруживаетъ склонность къ отнесенію такихъ глаголовъ къ типу *-ую* ‖ *-овать*, напр. нѣм. tanzen, werben → танцýю, вербýю (неопр. *-овáть*), gruppieren → группирую (*-овáть*); франц. attester → аттестýю (*-овáть*). Тенденція къ такимъ новообразованіямъ восходитъ къ древне-русскому, срв. философьств*оваше* (Ип. л. подъ 1299 г.) и даже вмѣстѣ съ тѣмъ къ ст.-сл., срв. цѣсарьств*уеть* (Изб. 1073 г. и подобная же форма въ Остр., Мар.). Нѣкоторыя глаголы французскаго происхожденія въ русскомъ языкѣ имѣютъ нѣмецкій суф. -ировать, свидѣтельствующій, что французское вліяніе шло къ намъ частію черезъ посредство нѣмецкое, срв. protéger → протежировать.

б) удареніе переходное (напр. треплю́—тре́плешь); только въ одномъ глаголѣ (шлю́—шле́шь) [1]) удареніе по необходимости падаетъ на окончаніе. Въ глаголахъ, основа которыхъ оканчивается на гласный, въ настоящемъ времени вовсе не встрѣчается переходнаго ударенія; а только два другіе типа: а) удареніе постоянное на основѣ—въ нѣкоторыхъ корневыхъ глаголахъ на *-ѣю* и *-аю* (сѣ́ю, ла́ю, та́ю, ча́ю) и въ производныхъ на *-ую* и *-юю*, при чемъ предпослѣдніе *у* и *ю* бываютъ ударенными или же стоятъ за удареніемъ (пиру́ю, ца́рствую, горю́ю, цк.-сл. у́греню), б) удареніе постоянное на окончаніи—только въ корневыхъ глаголахъ (кую́, плюю́, смѣю́сь). Удареніе въ *прошедшемъ* времени всегда постоянное или на основѣ (пря́талъ), или на окончаніи (мета́лъ) и находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ 1 ед. наст.: если удареніе въ 1 ед. наст. приходится на окончаніи, то и въ прош. времени оно на окончаніи, если же въ 1 ед. наст. имѣется на основѣ, то и въ прош. времени тоже (исключая одинъ глаголъ съ двусложной основою: коле́блю—колеба́лъ). Выше мы высказали предположеніе, что нѣкоторые глаголы могли перейти въ данный разрядъ путемъ аналогіи изъ второго разряда; и дѣйствительно, нѣкоторымъ русскимъ глаголамъ четвертаго разряда въ литовскомъ соотвѣтствуютъ глаголы второго разряда, напр.: сую—совать || šáuju—šáuti, плюю—плевать || spiáuju—spiáuti.

Пятый разрядъ: *вяну—вянуть*. Глаголы, принадлежащіе къ этому разряду, частію имѣютъ значеніе настоящаго времени, будучи при этомъ непереходными (напр. вяну, сохну,

[1]) Сюда же можно перенести изъ предъидущаго разряда глаголъ *ржу—ржешь*, такъ какъ согласный *ж* нѣкогда былъ мягкимъ. Если основа двусложная, то удареніе при переходѣ съ окончанія на основу приходится на второмъ слогѣ основы, т. е. ближайшемъ къ окончанію, напр. клевещу́—клеве́щешь.

глохну и пр.), частію же будущаго времени (напр. прысну, топну, хлопну, толкну́ и пр.). [1])

Первая группа глаголовъ на *-ну* имѣетъ удареніе на корнѣ и по своему значенію сближается съ глаголами на *-ѣю* (2-го разряда), произведенными отъ прилагательныхъ; срв.

красный<краснѣю	слѣпой || слѣпну
черный<чернѣю	глухой || глохну
толстый<толстѣю	сухой || сохну
слабый<слабѣю	слабый || слабну.

Такого рода глаголы на *-ѣю* и *-ну* обыкновенно называются „начинательными", но не вполнѣ точно, такъ какъ ими выражается не начало дѣйствія, но процессъ пріобрѣтенія качества, обозначеннаго прилагательнымъ.

Ко второй категоріи принадлежатъ многіе глаголы, обозначающіе звуковыя представленія, напр. хло́пну, свистну, бо́тну и др.; они имѣютъ удареніе на корнѣ, независимо отъ ударенія въ соотвѣтствующемъ глаголѣ наст. времени (срв. хло́паю, свищу́). Кромѣ того, къ этой же группѣ относятся глаголы движеній, могущихъ имѣть быстрый или разовый характеръ: грести́ || гребну́ть, бода́ть || боднуть, ляга́ть || лягну́ть и т. д.

Б. Второе спряженіе.

Шестой разрядъ: *солю—солить*. Къ этому разряду принадлежатъ отъименные глаголы на *-ить* (прош. вр. на *-илъ*):

солю́; варю́; ра́ню, цѣню́; сто́ю, стро́ю; клею́; люблю́; хожу́, сужу́; слу́жу; мучу́; учу́, му́чу.

[1]) Въ послѣднемъ случаѣ они могутъ имѣть прич. прош. стр., которое оканчивается на *-тый* съ предшествующимъ слогомъ *-ну-*.

Удареніе въ *настоящемъ времени* глаголовъ даннаго разряда представляетъ всѣ три типа, удареніе же *прошедшаго времени* и *неопред. наклоненія* соотвѣтствуетъ первому лицу ед. ч. наст. времени (солю́—соли́шь—соли́лъ, сужу́—суди́шь—суди́лъ, ра́ню—ра́нишь—ра́нилъ); такимъ образомъ шестой разрядъ глаголовъ по ударенію представляетъ сходство съ четвертымъ разрядомъ, съ которымъ, быть можетъ, связанъ и родствомъ суффиксальнаго образованія.

Примѣчаніе. Какъ отклоненіе отъ типа отмѣтимъ глаголы: *гоню* го́*нишь* ‖ гн*ать* гн*алъ*; *сплю* сп*ишь* ‖ сп*ать* сп*алъ*. По образованію настоящаго времени они относятся къ шестому разряду, тогда какъ по образованію неопредѣленнаго накл. и прошедшаго врем.—къ четвертому.

Неопр. накл.	*Неопр. накл.*
са̂ | л'—іт' (солить)	ра́ | н'—ьт' (ранить)

Наст. вр.		*Наст. вр.*	
Ед. 1.	са̂ | л'—у́ (солю)	Ед. 1.	ра́ | н'—ў (раню)
2.	са̂ | л'—íш (солишь)	2.	ра́ | н'—ьш (ранишь)
3.	са̂ | л'—íт (солитъ)	3.	ра́ | н'—ьт (ранитъ)
Мн. 1.	са̂ | л'—íм (солимъ)	Мн. 1.	ра́ | н'—ьм (ранимъ)
2.	са̂ | л'—í | т'ӗ (солите)	2.	ра́ | н'—ь | т'ӗ (раните)
3.	са̂ | л'—а́т (солятъ)	3.	ра́ | н'—ўт (ранятъ)

Прош. вр.	*Прош. вр.*
са̂ | л'—íл (солилъ)	ра́ | н'—ьл (ранилъ)
са̂ | л'—í | лӑ (солила)	ра́ | н'—ь | лӑ (ранила)
са̂ | л'—í | лӑ (солило)	ра́ | н'—ь | лӑ (ранило)
са̂ | л'—í | л'ĭ (солили)	ра́ | н'—ь | л'ĭ (ранили)

Повелит. накл.	*Повелит. накл.*
са̂ | л'—í (соли)	ра́н' (рань)
са̂ | л'—í | т'ӗ (солите)	ра́н' | —т'ӗ (раньте)

Прич.	*Прич.*
са̂ | л'—а | ш'чъј (солящій)	ра́ | н'—ь | ш'чъј (ранящій)
са̂ | л'—íф | шъј (соливщій)	ра́ | н'—ьф | шъј (ранившій)
са̂ | л'—í | мъј (солимый)	——
са̂ | л'—о́н | нъј (соленный)	ра́ | н'—ьн | нъј (раненный)

Дѣеприч.	*Дѣеприч.*
са̂ | л'—а́ (соля)	ра́ | н'—ӑ (раня)
са̂ | л'—íф (соливъ)	ра́ | н'—ьф (ранивъ).

Седьмой разрядъ: *вижу—видѣть*. Этотъ разрядъ отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что въ немъ прошедшее время оканчивается на *-ѣлъ* или (послѣ шипящихъ и ј) на *-алъ*. Глаголы, относящіеся къ этому разряду, — по преимуществу корневые. Отъименными глаголами можно признать довольно многочисленные непереходные глаголы, обозначающіе звуковыя представленія и происходящіе главнымъ образомъ отъ именъ существительныхъ на *-пъ* и *-къ* (напр. храпъ<храпѣ́ть, скрипъ <скрипѣ́ть, шипъ<шипѣ́ть....; стукъ<стуча́ть, пискъ<пища́ть, крикъ < крича́ть....); такъ какъ дѣйствіе этихъ глаголовъ по природѣ длительное, тянущееся, повторяющееся, то бо́льшая часть ихъ образуетъ еще однократную форму на *-нуть* (т. е. по пятому разряду). Примѣры глаголовъ разсматриваемаго разряда:

а) ве*лю́*; го*рю́*; зве*ню́*; скорб*лю́*; скри*плю́*; шу*млю́*; си*жу́*; ле*чу́*; ви*шу́*;

б) ле*жу́*; слы*шу́*; мол*чу́*; тре*щу́*; [1]) сто*ю́*; бо*ю́*сь.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ глаголы данной группы послѣ шипящихъ принимаютъ окончанія *-ѣлъ* (прош. вр.) и *-ѣть* (неопр. накл.), т. е. подобно предъидущей группѣ, напр. кричѣлъ и т. п. Въ литературномъ языкѣ также встрѣчается такое отступленіе, а именно въ глаголахъ: кишѣ́ть, срв. «миръ *кишѣлъ* движущимися людьми» (Л. Андреевъ «Другъ»), оравнодушѣть.

Что касается ударенія, то оно въ *настоящемъ времени* бываетъ только постоянное и притомъ двоякое, т. е. или на основѣ, или же на окончаніи, а въ соотвѣтствіи съ этимъ находится удареніе *прошедшаго времени* и *неопр. накл.*

Библіографическія указанія. Некрасовъ Н. О значеніи формъ русскаго глагола (1865). Гротъ Я. О спряженіи русскаго глагола и важности въ немъ ударенія (Фил. Раз. 1899⁴ стр. 263—276); О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ (тамъ же, стр. 277—289). Потебня А. Этимологическія различенія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ (см. его книгу—Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 1876 г., стр. 178—243). Соболевскій А. Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)⁴ гл. X. Ягичъ И. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка (1889) гл. XVIII. Богородицкій В. Очерки по языков. и рус. яз. (1910)⁴ стр. 423—435 (съ библіографіей). Будде Е. Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина, I—ш: Глаголъ (1904). Boyer P. L'accentuation du verbe russe (1895). Mazon A. Morphologie des Aspects du verbe russe (1908). См. еще сочиненія, указываемыя нами въ главѣ XVI-ой—въ концѣ отдѣла о славянскомъ праязыкѣ.

Глава XII.

О нарѣчіи и частицахъ.

Нарѣчіемъ называется знаменательная часть рѣчи, присоединяющаяся въ качествѣ опредѣленія къ глаголу. Уже названіе ея показываетъ, что она относится къ „рѣчи", т. е. „глаголу" (срв. лат. adverbium т. е. приглаголіе). По своему происхожденію нарѣчія представляютъ нѣсколько группъ. Наиболѣе обширную группу составляютъ нарѣчія, происшедшія отъ прилагательныхъ. Такія нарѣчія чаще всего представляютъ собою краткую форму качественныхъ прилагательныхъ средняго рода на *-о*, напр. хорошо, дурно, скоро и т. п. Подобныя формы, относясь къ существительнымъ средняго рода, представляютъ явленіе согласованія. При глаголѣ онѣ не могли исполнять такой функціи, обозначая признакъ дѣйствія; такимъ образомъ онѣ получили смыслъ нарѣчій и обособились отъ прилагательныхъ. [1]) При этомъ онѣ удержали характерное свойство качественныхъ прилагательныхъ, именно—способность къ степенямъ сравненія. Нарѣчныя образованія

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что въ какомъ отношеніи находится нарѣчіе къ своему прилагательному, въ такомъ же дѣепричастіе къ соотвѣтствующему причастію; такимъ образомъ, дѣепричастіе является какъ бы глагольнымъ нарѣчіемъ.

могутъ происходить также отъ числительныхъ (напр. однажды), мѣстоименій (напр. такъ), а также глаголовъ (напр. пожалуй). Наконецъ, очень много нарѣчій получилось вообще изъ падежныхъ формъ склоняемыхъ частей рѣчи какъ въ безпредложномъ употребленіи, такъ и въ соединеніи съ предлогами, напр. вчера, понемногу. Такимъ образомъ мы видимъ, что нарѣчія могутъ происходить отъ каждой знаменательной части рѣчи, благодаря тому, что извѣстная флексійная форма, часто употребляемая въ разныхъ оборотахъ рѣчи, получаетъ новое, болѣе общее значеніе. При этомъ она утериваетъ тотъ частный формальный смыслъ, который бываетъ ей присущъ въ отдѣльныхъ фразахъ и зависитъ отъ обычныхъ отношеній къ другимъ членамъ предложенія; вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней теряется принадлежность къ флексійной системѣ, такъ что она уже перестаетъ образовываться путемъ присоединенія къ основѣ требуемаго окончанія, но помнится и употребляется цѣликомъ, служа для соотвѣтствующей общей характеристики дѣйствія, напр. относительно мѣста, времени, способа и т. под. (напр. домой, зимой, по-немногу и т. д.), а иногда обозначая и признаки качества (напр. *ужасно* великъ). Въ этомъ переходѣ флексійной формы въ нарѣчіе не слѣдуетъ видѣть уменьшенія знаменательности, а только измѣненіе значенія, которое, какъ мы указывали, принимаетъ болѣе общій характеръ (срв. *вверхъ*, *домой*); пониженіе же знаменательности можетъ наступить лишь въ дальнѣйшей жизни нарѣчія, какъ увидимъ ниже. Что касается формальной стороны нарѣчій, то обособившись отъ флексійной системы и какъ бы окостенѣвъ въ своемъ неизмѣнномъ видѣ, они тѣмъ самымъ лишили себя возможности слѣдовать по пути тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣвали родственныя имъ флексійныя формы. Благодаря такой окаменѣлости, нѣкоторыя изъ нарѣчій сохранили для насъ въ качествѣ „пережитковъ“ древніе типы словообразованія и словоизмѣненія (напр. босикомъ, понемногу, долой).

Давъ общее понятіе о процессѣ возникновенія нарѣчій изъ флексійныхъ формъ, мы представимъ рядъ примѣровъ, распредѣливъ ихъ въ группы соотвѣтственно ихъ происхожденію.

А) Нарѣчія отъ существительныхъ могутъ происходить отъ всѣхъ падежныхъ формъ (кромѣ Имен. и Зват.), взятыхъ чаще всего въ ед. ч. и нерѣдко въ соединеніи съ предлогами:

1) Нарѣчіе произошло отъ существит. въ *Винит.* падежѣ [1]) безъ предлога, но въ соединеніи съ указательнымъ мѣстоименіемъ или же указательно-мѣстоименною частичкою—*сь* [2]), и служитъ для обозначенія *времени*, напр.: сейча́съ, то́тчасъ, лѣтось, простонар.—зимусь. Къ данному виду принадлежатъ далѣе безпредложныя нарѣчія, обозначающія небольшое *количество*, при чемъ существительное взято въ уменьшительной формѣ, напр. крошечку, чуточку, капельку. Нарѣчія съ предлогами *въ* и *на* служатъ для обозначенія *направленія* (напр. наоборотъ, вверхъ, впередъ, на̀земь), *способа* дѣйствія или же *времени* (напр. натоща́къ, вскачь, вскользь, въявь, вновь, встарь; внѣ этихъ формъ почти всѣ соотвѣтствующія существительныя уже не употребляются).

2) Нарѣчіе возникло изъ существительнаго въ *Родит.* пад. безъ предлога, получивъ въ этомъ случаѣ *мѣстное* или *временное* значеніе—до́ма, вчера́, [3]) вчера́сь; нарѣчія данной

---

[1]) Мы отступаемъ здѣсь нѣсколько отъ обычной послѣдовательности въ перечнѣ падежей, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что Вин. пад. относится къ одной группѣ съ падежами Им. и Зват., служащей для обозначенія предметовъ, наиболѣе тѣсно связанныхъ съ глагольнымъ дѣйствіемъ въ предложеніи.

[2]) Частичка -*сь* вообще встрѣчается только въ нарѣчіяхъ, обыкновенно временного или мѣстнаго значенія, придавая слову опредѣленный указательный оттѣнокъ, напр. лѣтось=прошлымъ лѣтомъ.

[3]) Въ данномъ нарѣчіи, въ отличіе отъ соотвѣтствующей надежной

падежной категоріи въ соединеніи съ предлогомъ *изъ* обозначаютъ исходный пунктъ дѣйствія, *пространственный* или же *временной*, напр. издали, изстари (удареніе въ такихъ словахъ падаетъ на предлогъ), въ составъ нарѣчій можетъ входить также предлогъ *съ*, напр. сверху, сроду (въ подобныхъ нарѣчіяхъ обычнымъ является окончаніе -у, тогда какъ въ аналогичныхъ нарѣчіяхъ прилагательнаго происхожденія не рѣдко встрѣчается окончаніе -а), снаружи, свади; въ соединеніи съ предлогомъ *до* нарѣчія этой категоріи указываютъ на предѣльный пунктъ дѣйствія, напр. до́верху, до́свѣту.

3) Безпредложныхъ нарѣчій, происходящихъ отъ *Дат.* пад. существительныхъ, почти нѣтъ; сюда можно отнести развѣ слова—домой, долой ← домовь, доловь ←домови, долови (срв. „ити гостю домовь бес пакости“—грам. Новг. 1199 г.; „понесеть его домовь“—грам. Смол. 1230 г.; соврем. курск. —доловь), представляющія собою отголоски исчезнувшихъ старинныхъ формъ. Обычно же нарѣчія, происходящія изъ Дат. пад., являются въ соединеніи съ предлогомъ *къ* или *по*, напр. кстати, некстати, по-мелочамъ (въ послѣднемъ примѣрѣ существ. уже во множ. числѣ).

4) Что касается *Творит.* пад., то происшедшія изъ него нарѣчія служатъ во-первыхъ для обозначенія *времени*, напр. ночью, лѣтомъ, постомъ, во-вторыхъ же *способа* и *образа дѣйствія*: шагомъ, шажкомъ, опрометью, босикомъ (это слово представляетъ собою единственную уцѣлѣвшую форму *босикъ, очевидно когда-то существовавшаго въ языкѣ), бѣго́мъ, верхо́мъ, круго́мъ (въ этихъ словахъ нарѣчное значеніе связано съ перемѣною мѣста ударенія, по сравненію съ соотвѣтствующими падежными формами). Случай Твор. пад. съ предлогомъ мы видимъ въ нарѣчіи „слишкомъ“.

формы (вѣ́чера), мы видимъ не только переносъ ударенія на окончаніе, нерѣдко встрѣчающійся въ нарѣчіяхъ, но и потерю гласнаго въ начальномъ слогѣ, происшедшую конечно уже послѣ того, какъ удареніе съ этого слога перемѣстилось на конецъ.

5) Въ примѣры нарѣчій, получившихся изъ такъ называемаго *Предложн.* пад., укажемъ: вверху, впослѣдствіи; напослѣдяхъ, второпяхъ (послѣдніе два примѣра представляютъ собою предложную падежную форму мн. ч. отъ существительнаго иначе неупотребляемаго; у Карамзина въ Письм. рус. пут. встрѣчаемъ еще „въ такихъ торопяхъ“—Москов. Журн. 1802², ч. 1, стр. 46). Нѣкогда форма Предл. падежа существовала въ языкѣ и въ безпредложномъ видѣ, имѣя мѣстное значеніе, и отголоскомъ такого употребленія ея теперь являются немногія устарѣвшія нарѣчія, какъ *горѣ*, *долу*, встрѣчающіяся тамъ и сямъ въ стихотворной рѣчи. [1]) Простонародное выраженіе „намедни“ представляетъ собою также пережитокъ сущ. мѣстнаго падежа безъ предлога (намедни ← *ономь-дьни).

Б) Нарѣчія отъ прилагательныхъ чаще всего происходятъ изъ простыхъ формъ:

1) Нарѣчія на -о представляютъ собою форму *Вин.* пад. безпредложную или же съ предлогомъ, происшедшую отъ простыхъ прилагательныхъ средняго рода, частью существующихъ въ языкѣ, частью же вышедшихъ изъ употребленія. Напр.: близко, скоро, рано (очевидно, производящее прилагательное получило, уже по обособленіи отъ него даннаго нарѣчія, дальнѣйшее суффиксальное распространеніе посредствомъ второго „*н*“—„ранній“), словно (это нарѣчіе уже уклонилось въ своемъ значеніи отъ производящаго прилагательнаго, которое теперь не встрѣчается въ простомъ видѣ, а только въ сложеніи—„условный“, „многословный“), просто (нарѣчіе встрѣчается и съ измѣненнымъ значеніемъ, напр.: „просто бѣда“, „просто замучился“, въ смыслѣ — „совсѣмъ, совершенно“); можно, нужно, должно, надобно (эти нарѣчія получили уже

[1]) Срв. въ стихотвореніяхъ гр. А. К. Толстого: «Среди садовъ деревья гнутся *долу*», «Грустныя *долу* она опускала рѣсницы» гдѣ впрочемъ нарѣчіе «долу» ближе подходитъ къ значенію *Дат.* падежа.

значеніе глагольности вслѣдствіе того, что ихъ всегда сопровождаетъ или подразумѣвается при нихъ глаголъ „быть", напр. можно || можно было || можно будетъ; поэтому языковое чутье относитъ эти нарѣчія въ одну категорію съ безличными глаголами—надлежитъ, слѣдуетъ, подобаетъ); *на́*чисто, *на́*бѣло. Укажемъ еще на то, что многія изъ нарѣчій разсматриваемаго типа способны, подобно прилагательнымъ, къ образованію какъ степеней сравненія (напр. худо—хуже—всего хуже), такъ и уменьшительныхъ формъ (напр. немножко, [1]) маленько); послѣднія особенно часты въ нѣкоторыхъ литературныхъ жанрахъ, какъ напр. въ басняхъ, а также въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ, срв.:

На ту бѣду лиса *близехонько* бѣжала.
(Крыловъ).

А ставалъ же тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ по утрышку *ранехонько*,
Умывается онъ да *бѣлехонько*,
Снаряжается онъ *хорошохонько*
(Гильф. Онеж. былины, 1873 г., стр. 107).
Тяжелешенько тутъ царь да порасплакался.
(Тамъ же, стр. 109).

Кромѣ разсматриваемаго типа, существуютъ нарѣчія отъ прилагательныхъ въ Вин. же падежѣ, но въ сложной формѣ женск. р. и въ соединеніи съ предлогомъ, напр. вплотну́ю, зачасту́ю (удареніе по сравненію съ прилагательными оказывается перенесеннымъ на окончаніе), напропалу́ю.

2) Нарѣчія происходятъ изъ простыхъ прилагательныхъ въ Род. пад. съ предлогами *съ*, *изъ* и *до*, при чемъ окончаніемъ прилагательнаго является ударяемое или неударяемое *-а*, а иногда *-у* безъ ударенія, напр. слегк*а́*, спрост*а́*, сно́в*а*, со́-слѣп*у*, сдур*у* (внѣ этой комбинаціи соотвѣтствующее прилагательное не встрѣчается, т. е. здѣсь имѣется пережитокъ выраженія), до-бѣл*а́*, до́сыта, издалек*а́*, съизнов*а*, съизмал*а́* (два послѣдніе примѣра представляютъ соединеніе двухъ предлоговъ).

3) Нарѣчія представляютъ форму *Дат.* ед. простого прилагательнаго съ предлогомъ *по*, напр. понапрасн*у*, понемног*у*, понемножк*у*, помал*у*, помаленьк*у*, потихоньку. Въ случаѣ „повидимому" имѣемъ сложную форму глагольнаго прилагательнаго, употребляющуюся какъ вводное выраженіе.

4) Что касается нарѣчій, происшедшихъ изъ прилагательныхъ въ *Твор.* ед., то встрѣчаемъ ихъ въ выраженіяхъ, содержащихъ повтореніе слова и служащихъ для усиленія значенія, напр. *давнымъ*-давно, *ра́нымъ*-рано. [1])

5) Примѣрами нарѣчій изъ прилагательныхъ въ *Предл.* ед. могутъ служить: вполн*ѣ*, вдалек*ѣ*, вкратц*ѣ* (отмѣтимъ пережитокъ смягченія *к* въ *ц*), вскор*ѣ*, внов*ѣ*, впроч*емъ*.

Примѣчаніе 1. Имѣются также нарѣчія, происходящія изъ именъ числительныхъ, напр.: дважды, вдвойнѣ, наединѣ, вчетверомъ, во-первыхъ, теперь (срв. народн. топерь изъ *то-пьрьво).

Примѣчаніе 2. Что касается нарѣчій мѣстоименнаго происхожденія, то ихъ оказывается поразительное изобиліе, при чемъ многія изъ нихъ совершенно уже утратили для чутья ясность морфологическаго состава и приблизились къ частицамъ или даже перешли въ нихъ. Въ виду этого мы позволимъ себѣ ограничиться простымъ приведеніемъ нѣкоторыхъ примѣровъ: только, авось, когда, туда, вездѣ, гдѣ, здѣсь, всюду, [2]) едва такъ, нипочёмъ, почему, нѣчего, по-моему, совсѣмъ, про-себя.

---

[1]) Для этой уменьшительной формы нѣтъ соотвѣтствующаго прилагательнаго; значитъ, уменьшительный суффиксъ прибавился уже на почвѣ нарѣчія.

[1]) Аналогичныя по смыслу выраженія образуются также изъ Вин. пад. прилагательныхъ въ соединеніи съ предлогомъ *на*, срв. просто-на́-просто, перво-на́-перво. Подобныя же нарѣчія образуются и изъ существительныхъ, при чемъ предлогъ можетъ и отсутствовать; напр. точь-*въ*-точь, чуть чуть.

[2]) Въ народномъ языкѣ кромѣ окончаній *-да*, *-дѣ*, *-ду* встрѣчается еще *-ды* въ соотвѣтствіи съ литерат. *-да*, напр. куды, туды и пр. (срв.

В) Нарѣчія глагольнаго происхожденія могутъ отражать собою слѣдующія формы:

1) Настоящее время: видишь, значитъ, кажется.

2) Прошедшее время: было (вводное словечко, напр.: „онъ, было, пошелъ"), стало („Вы, стало, изъ тѣхъ, что опроститься хотятъ"—*Новь* Тургенева).

3) Будущее время: буде, будетъ (=довольно).

4) Повелительное наклоненіе: пускай, пусть, почти, народн. „почитай", пожалуй, пожалуйста, небось, кажись, глядь, спасибо.

5) Неопредѣленное наклоненіе: знать.

6) Древнія причастныя формы: молча, спустя (напр. „немного спустя"), народн.—знамо, вѣстимо. Къ этой категоріи, собственно говоря, можетъ быть отнесенъ цѣлый отдѣлъ дѣепричастій, изъ которыхъ нѣкоторыя, становясь настоящими нарѣчіями, мѣняютъ удареніе, напр. м о́ л ч а вм. молча́ („Лизавета Васильевна *молча* встала и..." П и с е м. Тюфякъ гл. III). Замѣтимъ также, что причастія на *-щій*, становясь прилагательными, образуютъ нарѣчія по способу прилагательныхъ, срв. „машинка монотонно и *усыпляюще* стучала" (Л. Андреевъ Гостинецъ, гл. II).

Г) Нарѣчія, образовавшіяся и з ъ в ы р а ж е н і й, напр. стремглавъ (въ Сб. 1073 г.—стрьмоглавъ).

Какъ мы уже упомянули, нарѣчія въ дальнѣйшемъ развитіи могутъ понижаться въ своей знаменательности, постепенно переходя въ *частицы*—предлоги и союзы (напр. около, хотя). Что касается возникновенія *предлоговъ*, то въ этомъ случаѣ первоначальное нарѣчіе обычно служило для пространственнаго

также въ древне-русскомъ: «куды кому угодно»—Дог. Новг. съ Тв. 1325—1326 г., «куды имъ любо»—Дух. Сем. Ив. 1353 г., и т. д.; подобныя образованія извѣстны и изъ другихъ славянскихъ языковъ, напр. польск. kędy «куда, гдѣ», kiedy «когда», и т. п.).

опредѣленія глагола и нерѣдко сопровождалось существительнымъ въ опредѣленномъ падежѣ; на этой стадіи мы различаемъ еще въ нарѣчіи довольно ясно матеріальную и формальную стороны, хотя оно, обособившись отъ своей флексійной системы, уже получило новый оттѣнокъ значенія. Вслѣдствіе частой повторяемости своей передъ существительными въ одной и той же формѣ нарѣчіе начинаетъ тѣснѣе примыкать къ существительному и обособляться отъ глагола; вмѣстѣ съ тѣмъ центръ тяжести значенія въ нарѣчіи переносится на формальный оттѣнокъ и оно легко становится формальною принадлежностью слѣдующаго слова—препозиціоннымъ нарѣчіемъ и затѣмъ предлогомъ. Внѣшнимъ выраженіемъ этой перемѣны служитъ утрата нарѣчіемъ самостоятельнаго ударенія и подчиненіе ударенію слѣдующаго слова. Итакъ, предлоги обычно представляютъ дальнѣйшую ступень измѣненія нарѣчій и относятся уже не къ глаголу, а къ имени (или мѣстоименію). Основное значеніе предлоговъ—выражать пространственное и временное отношеніе предметовъ. Соотвѣтственно этому и собственное значеніе нарѣчій, переходящихъ въ предлоги, принадлежитъ къ типу пространственно - временныхъ, срв. близь, около, вдоль и пр.; обычно при такихъ предлогахъ стоитъ Род. падежъ, какъ и при существительныхъ, отъ которыхъ произошли нарѣчія, обратившіяся затѣмъ въ предлоги. Предлоги могутъ еще входить въ качествѣ постояннаго элемента въ составъ слова для образованія его собственнаго значенія; въ такомъ случаѣ они становятся морфологическою частью слова, именуемою *префиксомъ*. Нѣкоторые предлоги извѣстны только въ видѣ префиксовъ: *воз-*, *низ-*, *раз-*, *вы-*, *па-*, *пра-*, *су-*, *пере-*. Переходъ первоначальныхъ флексійныхъ формъ въ нарѣчія и предлоги принадлежитъ разнымъ эпохамъ. Къ древнѣйшимъ предлогамъ, имѣющимъ родичей въ другихъ аріо-европейскихъ языкахъ и потому восходящимъ къ эпохѣ аріо-европейскаго праязыка, принадлежатъ такіе простѣйшіе какъ—*про*, *пра*, *въ*, *съ* и *су*, *къ*, *отъ*, *изъ* и пр.; они соеди-

няются съ разными падежами, что зависитъ отъ взаимнаго соотвѣтствія смысла предлога и смысла падежа. Чтобы убѣдиться въ родствѣ нѣкоторыхъ наиболѣе древнихъ предлоговъ русскаго языка съ предлогами другихъ языковъ нашего семейства, достаточно обратить вниманіе на слѣдующіе примѣры: *про*=скт. pra, греч. *πρό*, литов. pra-; *пере*=лат. per, нѣм. ver-; *съ* (*сън) и *су*- (*сж*-)=скт. sa и sam, прус. san, срв. также греч. *σύν* и лит. sù; *объ*=скт. abhí, греч. *ἀμφί*, нѣм. bei и англ. by—изъ bî, сюда же нѣм. и англ. be-; *до*=англ. to, нѣм. zu, греч. -*δε* (напр. *οἶκόνδε*); *на*=греч. *ανά*, нѣм. an, англ. on; и др.

Древнѣйшіе *союзы* имѣютъ мѣстоименное происхожденіе (напр. а, и, что...), а это указываетъ на то, что первоначально это были мѣстоименныя словечки, служившія для указанія видовъ ассоціаціи между представленіями и мыслями, напр. по *смежности* и *послѣдовательности* (и, когда), а въ дальнѣйшемъ развитіи они могутъ выражать и *причинность* (когда, такъ какъ), *подобіе*, *различіе* и *контрастъ* (какъ; но, а). Такимъ образомъ, союзы различаются по своему значенію отъ предлоговъ, представляя однако съ ними то сходство, что какъ тѣ, такъ и другіе не имѣютъ полнаго собственнаго значенія. [1]) Союзы глагольнаго происхожденія: если, хотя; они представляютъ уже продуктъ позднѣйшаго образованія.

Междометія по происхожденію представляютъ рефлекторные звуки, вызываемые тѣмъ или другимъ сильнымъ эмоціональнымъ состояніемъ, напр. чувствомъ боли, радости и т. п., а въ послѣдующемъ развитіи языка они становятся словесными восклицательными символами, выражающими эмоціи. Вслѣдствіе частоты употребленія и привычки Зват. падежъ

[1]) Поэтому-то въ малограмотныхъ написаніяхъ часто нѣкоторые предлоги и союзы встрѣчаются написанными слитно съ словомъ, къ которому они примыкаютъ (напр. *а*надругой*жа*).

нѣкоторыхъ словъ пріобрѣтаетъ характеръ междометнаго восклицанія, напр.: ахъ, батюшки! матушки! Господи! Особый видъ междометій—звукоподражанія, первоначально представлявшія родъ рефлекса со слуха на органъ произношенія.

Примѣчаніе. Такъ называемыя «глагольныя частицы» (звукоподражательныя), какъ напр. бацъ! трахъ! и т. п. должны считаться неизмѣняемыми глагольными образованіями. Глагольность ихъ подтверждается тѣмъ что они по смыслу рѣчи получаютъ значеніе того или другаго времени и лица, а кромѣ того распространяются падежами одинаково съ родственными глаголами; напр. онъ бацъ (=бацнулъ) его по головѣ! тутъ онъ бацъ (=бацнулся) ему въ ноги! срв. также у Крылова (Зеркало и Обезьяна): «...тихохонько медвѣдя *толкъ* ногой».

Библіографическія указанія. Leskien A. Grammatik der altbulg. (altkirchenslav.) Sprache (1909), соотвѣтствующій отдѣлъ; Ильинскій Г., см. выше стр. 217.

СИНТАКСИСЪ.

Глава XIII.

Предметъ синтаксиса. Понятiе о предложенiи съ точекъ зрѣнiя психологической, синтаксической и логической; объемъ предложенiя. Простое нераспространенное предложенiе—его составъ и типы.

Въ морфологiи мы изучали отдѣльныя слова, при чемъ установили какъ наиболѣе крупные разряды словъ, именуемые частями рѣчи, такъ и различiя смысловыя и формальныя въ области каждой части рѣчи. Теперь мы должны приступить къ разсмотрѣнiю типовъ сочетанiя словъ для выраженiя нашихъ мыслей, что̀ и составляетъ предметъ синтаксиса. Наше изложенiе синтаксиса не будетъ особенно обширнымъ, такъ какъ многiе семазiологическiе вопросы, обычно разсматриваемые другими авторами въ синтаксисѣ, по нашему мнѣнiю гораздо болѣе принадлежатъ морфологiи, куда мы и предпочли ихъ перенести. При такомъ расположенiи матерiала достигается бо́льшая систематичность въ изложенiи синтаксиса, гдѣ послѣдовательное разсмотрѣнiе различныхъ типовъ предложенiя уже не прерывается вставкою цѣлаго ряда подготовительныхъ и побочныхъ разсужденiй, какъ напр. о частяхъ рѣчи, семазiологическихъ категорiяхъ имени существительнаго, или залогахъ и видахъ глагола.

Каждое сочетанiе словъ (а иногда и одно слово), служащее для выраженiя цѣльной мысли и извѣстнымъ образомъ грамматически организованное, называется *предложенiемъ*. Въ элементарной грамматикѣ предложенiе обыкновенно опредѣляется какъ „мысль (или по другимъ—отдѣльная мысль), выраженная словами". Это опредѣленiе содержитъ однако нѣкоторую неточность, ибо предложенiе есть фактъ рѣчи, а не мысли; этой неточности не имѣетъ то опредѣленiе предложенiя, которое дано нами выше. Въ сущности и наше опредѣленiе далеко не можетъ считаться полнымъ, такъ какъ не указываетъ самой организацiи предложенiя; но съ этимъ недочетомъ необходимо примириться въ виду того, что грамматика не ограничивается однимъ опредѣленiемъ, но вслѣдъ за нимъ переходитъ къ указанiю состава предложенiй (какъ простыхъ, такъ и сложныхъ). Составъ же предложенiй грамматически настолько сложенъ и разнообразенъ, что включить опредѣленiе этого состава въ формулу предложенiя слишкомъ бы усложнило ее. Кромѣ того, идеальное опредѣленiе предложенiя должно было бы содержать указанiе на цѣлый рядъ моментовъ, характеризующихъ предложенiе съ точекъ зрѣнiя психологической, грамматической и логической (не говоря уже о семазiологической и фонацiонной, которыя въ синтаксисѣ играютъ ту же роль, какъ и въ морфологiи) и притомъ не только по отношенiю къ говорящему, но и къ слушающему. Очевидно, что ввести все это въ одну формулу является дѣломъ не возможнымъ, а потому гораздо удобнѣе, ограничившись наиболѣе простымъ и краткимъ опредѣленiемъ предложенiя, перейти къ подобному разсмотрѣнiю его со всѣхъ указанныхъ точекъ зрѣнiя.

Постараемся прежде всего взглянуть съ *психологической* точки зрѣнiя на процессъ образованiя въ нашемъ умѣ простѣйшихъ мыслей въ связи съ воплощенiемъ ихъ въ предложенiяхъ, т. е. въ связи съ моментомъ грамматическимъ. Какъ мы знаемъ, въ нашемъ умѣ хранятся многочисленныя пред-

ставленія предметовъ и явленій съ ихъ признаками, тѣсно связанныя со своими названіями. Но каждое такое представленіе не сознается нами до тѣхъ поръ, пока мы не встрѣтимъ соотвѣтствующаго предмета или явленія, или не вспомнимъ о немъ; тогда образъ даннаго предмета всплываетъ въ нашей памяти и въ случаѣ наличности предмета позволяетъ „узнать" его и назвать, т. е. воспринять его какъ уже извѣстный. Такая дѣятельность ума можетъ считаться зародышемъ мысли, такъ какъ затѣмъ легко переходитъ въ дѣйствительную мысль. Процессъ этого перехода заключается въ томъ, что наше вниманіе выдѣляетъ одинъ изъ признаковъ такого воспоминанія или видимаго образа въ особое представленіе и приписываетъ основному представленію предмета. Такая комбинація представленій уже является настоящею *мыслію*, а сочетаніе словъ, выражающее эту комбинацію, должно считаться *предложеніемъ*, въ которомъ словесный символъ основного представленія является подлежащимъ, а символъ признака—сказуемымъ. Такимъ образомъ, самая простая мысль, когда мы ее выражаемъ словами, естественно разлагается на двѣ части соотвѣтственно тому, что, думая о какомъ-нибудь предметѣ, мы непремѣнно приписываемъ ему что-нибудь, откуда и происходятъ двѣ основныя категоріи въ предложеніи: *подлежащее*, обозначающее предметъ, о которомъ мы думаемъ, и *сказуемое*, выражающее, что думаемъ объ этомъ предметѣ, при чемъ грамматическое согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ указываетъ на цѣлостность самой мысли. [1]) Воспользуемся какимъ-нибудь нагляднымъ примѣромъ.

---

[1]) Слѣдуя нѣмецкому ученому Габеленцу, нѣкоторые лингвисты, трактуя о предложеніи, выдвигаютъ на видное мѣсто ученіе о т. наз. «психологическомъ» сказуемомъ. Уже самое названіе показываетъ, что при этомъ психологіи навязываются чуждыя ей категоріи. И въ самомъ дѣлѣ, согласно этому ученію, каждый членъ грамматическаго предложенія, если на немъ сосредоточено главное вниманіе, является психологическимъ сказуемымъ;

Такъ, если мы видимъ или вспоминаемъ напр. липу, то можетъ случиться, что наше вниманіе устремится на какой-нибудь признакъ ея, предположимъ—на цвѣтеніе, и тогда рядомъ съ общимъ представленіемъ липы появляется представленіе даннаго признака, которое мы присоединяемъ къ первому, и такимъ образомъ получается мысль, могущая найти свое выраженіе въ предложеніи, напр. „липа цвѣтетъ", въ которомъ самыя формы словъ указываютъ слушателю на опредѣленное отношеніе между данными двумя представленіями. Далѣе, если въ томъ образѣ или картинѣ, которая дала поводъ къ нашему предложенію, вниманіе остановится еще и на тѣхъ или другихъ побочныхъ представленіяхъ, то при выраженіи ихъ словами получается распространенное предложеніе. Таково въ общемъ соотношеніе психологическаго и грамматическаго моментовъ при образованіи предложеній. Продолжая разсматривать тотъ же вопросъ съ грамматической стороны, мы должны еще отмѣтить роль частей рѣчи и ихъ формъ при образованіи предложеній. Какъ мы уже указывали (стр. 155), части рѣчи и ихъ формы складывались и развивались на протяженіи большихъ періодовъ времени, при чемъ самое развитіе ихъ обусловливалось развитіемъ мысли, выражаемой въ предложеніи. Такимъ образомъ, въ настоящее время мы имѣемъ рядъ готовыхъ словесныхъ категорій, соотвѣтствующихъ нашимъ представленіямъ предметовъ, качествъ, дѣйствій и проч. и служащихъ словеснымъ матеріаломъ для выраженія мысли; всѣ эти части рѣчи примѣняются въ тѣхъ формахъ, которыя выработались для передачи тѣхъ или иныхъ отношеній между различными представленіями, составляющими данную мысль-предложеніе, при чемъ самыя флексійныя

ясно, что здѣсь не болѣе, какъ неудачная замѣна прежняго ученія о логическомъ удареніи, которое можетъ приходиться на любомъ членѣ предложенія, модифицируя соотвѣтствующимъ образомъ смыслъ этого предложенія.

окончанія этихъ формъ именно и являются носителями тѣхъ синтаксическихъ функцій, которыя принимаютъ слова въ предложеніи. Такъ, напр., главный предметъ мысли выражается обычно именной частью рѣчи и притомъ въ формѣ Именит. падежа (подлежащее), обычнымъ же словеснымъ выраженіемъ того признака, на который обращено главное вниманіе, служитъ глаголъ въ опредѣленной формѣ [1]) (сказуемое) и притомъ согласующійся съ подлежащимъ, что и знаменуетъ въ нашей рѣчи—какъ мы уже указывали—цѣлостность мысли. Если мы говоримъ, что предложеніе является результатомъ расчлененія цѣлостной мысли, то это будетъ справедливо лишь по отношенію къ *говорящему*; что же касается *слушающаго*, то очевидно, что процессъ воспріятія предложенія, высказаннаго другимъ лицомъ, будетъ уже обратнымъ, т. е. не расчлененіемъ цѣлостной мысли, а образованіемъ таковой по отдѣльнымъ ея элементамъ, выраженнымъ членами высказаннаго предложенія. [2]) Какъ ни простъ разсмотрѣнный способъ выраженія мысли, однако не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ не сразу дошелъ до него, такъ какъ для этого требуется какъ навыкъ въ опредѣленномъ разложеніи цѣлостнаго впечатлѣнія, такъ и наличность соотвѣтствующихъ словесныхъ формъ. Надо думать, что въ самомъ началѣ человѣчество выражало свои мысли одиночными словами, которыя и были первоначальной формой предложенія. Эту стадію рѣчи мы можемъ наблюдать и теперь у дѣтей, начинающихъ

[1]) Или именное слово въ случаѣ составного сказуемаго.

[2]) Нужно однако замѣтить, что процессъ высказыванія предложеній въ дѣйствительности болѣе сложенъ, такъ какъ включаетъ въ себя расчлененіе лишь какъ первую стадію мысли, за которою слѣдуетъ сочетаніе элементовъ, какъ послѣдующая стадія, которая уже и получаетъ выраженіе посредствомъ предложенія; при воспріятіи же предложенія слушающимъ процессъ идетъ въ направленіи объединенія отдѣльныхъ частей слышимаго въ соотвѣтствующее цѣлое или предложеніе.

говорить, которые въ одномъ словѣ умѣщаютъ всю свою мысль; такъ ребенокъ, говоря „t'u“ или „t'uj“ (т. е. стулъ), не просто называетъ предметъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ включаетъ сюда свою мысль или желаніе относительно этого предмета, какъ это доказываютъ мимика и жесты, сопровождающіе данное слово, которое можетъ обозначать напр. „придвинь стулъ“, „посади меня на стулъ“ и т. п. [1]) Въ дальнѣйшемъ наши дѣти, перенимая родную рѣчь отъ взрослыхъ, усваиваютъ и вышеуказанный готовый способъ расчлененія цѣлостныхъ впечатлѣній, т. е. всѣ съ дѣтства уже такъ привыкаютъ къ выработаннымъ типамъ словесныхъ выраженій, что болѣе не замѣчаютъ творческаго процесса расчлененія мысли посредствомъ предложенія. А между тѣмъ человѣчеству нужно было самому дойти до такого способа расчлененія и создать тѣ или другія языковыя средства для его выраженія, и мы невольно приходимъ теперь въ глубокое удивленіе передъ рѣшенною столь успѣшно человѣкомъ задачею—выработать соотношеніе между своимъ міромъ мысли и міромъ реальнымъ при посредствѣ звуковыхъ символовъ, благодаря чему и сталъ возможенъ болѣе легкій обмѣнъ мыслей между людьми. Что касается руководящаго фактора, направлявшаго всю эту работу мысли и рѣчи, то имъ несомнѣнно являлась та естественно-логическая способность ума, которая, классифицируя всѣ наши представленія, тѣмъ самымъ даетъ толчокъ ходу мысли, а кромѣ того контролируетъ и соотвѣтствіе послѣдней съ міромъ дѣйствительности, по скольку онъ запечатлѣлся уже въ памяти на основаніи всего предъидуща-

[1]) Основываясь на этихъ данныхъ дѣтской рѣчи, мы не можемъ согласиться съ тѣми лингвистами, которые развитіе человѣческой рѣчи выводятъ изъ *корней-словъ*. Мы думаемъ, что основною формою рѣчи является и всегда являлось предложеніе, а не отдѣльныя слова, почему и правильнѣе было бы говорить о первоначальныхъ не корняхъ-словахъ, а *корняхъ-предложеніяхъ*.

го опыта. Эта естественно-логическая способность ума и составляетъ въ рѣчи тотъ логическій моментъ, къ разсмотрѣнію котораго мы должны теперь обратиться.

Роль *логическаго* момента въ предложеніи до сихъ поръ представляетъ собою спорный пунктъ въ наукѣ, а потому мы должны развить свое мнѣніе по этому вопросу съ необходимою подробностью. Напомнимъ, что старая, философская, грамматика при анализѣ синтаксическихъ явленій приноравливалась къ тѣмъ нормамъ, какія установились въ логикѣ въ отношеніи сужденій; но около половины минувшаго столѣтія нѣмецкій мыслитель-лингвистъ Штейнталь подвергъ разрушительной критикѣ этотъ способъ трактованія синтаксическихъ явленій, показавъ, что грамматика занимаетъ независимое отъ логики положеніе, при чемъ синтаксическіе вопросы должны изслѣдоваться не логически, а психологически. Въ русской лингвистической литературѣ впервые выдвинулъ точку зрѣнія Штейнталя харьковскій профессоръ А. А. Потебня, примѣнивъ ее въ разысканіяхъ своихъ по русскому синтаксису; приведемъ нѣсколько общихъ его замѣчаній: „Грамматическое предложеніе вовсе нетождественно и непараллельно съ логическимъ сужденіемъ. Названія двухъ членовъ послѣдняго (подлежащее и сказуемое) одинаковы съ названіями двухъ изъ членовъ предложенія, но значенія этихъ названій въ грамматикѣ и логикѣ различны“. „Тѣмъ менѣе возможно вывести изъ логическаго сужденія прочіе члены предложенія: опредѣленіе, обстоятельство, дополненіе“. „Языкознаніе и въ частности грамматика ничуть неближе къ логикѣ, чѣмъ какая-либо изъ прочихъ наукъ“. [1]) Намъ кажется однако, что современные лингвисты, совершенно правильно отдѣляя грамматику отъ „*науки* логики“, упускаютъ изъ

---

[1]) Потебня А. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Изд. 2-е (1888), стр. 61, 63.

виду тотъ упомянутый выше *естественно-логическій* моментъ мысли, которымъ необходимо направляется и процессъ рѣчи. Иному читателю можетъ показаться, что этимъ утвержденіемъ мы возвращаемся къ той же старой, *логической*, грамматикѣ, которую сами же отрицаемъ. Но въ этомъ случаѣ будетъ недоразумѣніе: подъ логическимъ моментомъ мы разумѣемъ здѣсь не науку логики, а естественную логику ума, которую строго должно отличать отъ первой. [1]) Такъ, напр., *наука логики* признаетъ только два члена въ сужденіи—субъектъ (подлежащее) и предикатъ (сказуемое), которые не всегда совпадаютъ съ одноименными грамматическими членами предложенія; такъ, для научной логики въ сужденіи „сильный вѣтеръ порывисто дуетъ“ имѣются только два члена: субъектъ—„сильный вѣтеръ“ и предикатъ—„порывисто дуетъ“ (=есть порывисто дующій, со связкою „есть“); для грамма-

---

[1]) Различіе между естественною логикою ума и наукою логики, представляющею собою чисто теоретическое построеніе опредѣленныхъ типовъ сужденій и выводовъ, выступаетъ съ особенною ясностью, если обратить вниманіе на то, что первая сопровождаетъ все наше мышленіе, тогда какъ вторая имѣетъ цѣлью лишь указать условія полученія правильныхъ выводовъ и предохранить отъ обычно встрѣчающихся заблужденій. Въ своихъ формальныхъ построеніяхъ наука логики не затрагиваетъ живой рѣчи во всемъ ея разнообразіи, но ограничивается искусственнымъ составленіемъ схематическихъ предложеній упрощеннаго типа и комбинацій ихъ для полученія опредѣленныхъ логическихъ выводовъ. А такъ какъ грамматика имѣетъ въ виду изученіе фактовъ живой рѣчи въ ихъ конкретности, а не упрощенныя логическія нормы, то въ виду рѣшительнаго различія въ цѣляхъ обѣихъ наукъ становится очевидною необходимость строгаго отдѣленія научно-грамматическаго изученія языка отъ науки логики. Но, рѣшительно разграничивая области грамматики и логики, я долженъ еще разъ подчеркнуть, что грамматика никоимъ образомъ не можетъ игнорировать логическаго момента въ рѣчи, разумѣя подъ нимъ естественно-логическую способность ума. Эта послѣдняя такъ же мало совпадаетъ съ наукой логики, какъ и грамматика. Естественная логика ума прошла столь же длинный путь эволюціи отъ примитивнаго состоянія къ современному, какъ и наша рѣчь, и эта ея эволюція совершалась въ тѣсной связи съ эволюціей языка.

тики же здѣсь четыре члена предложенія: кромѣ главныхъ членовъ „вѣтеръ“ и „дуетъ“ (при этомъ грамматика не замѣщаетъ послѣднюю форму черезъ „есть дующій“) она находитъ здѣсь еще второстепенные члены—„сильный“ и „порывисто“, относящіеся къ первымъ и отвѣчающіе на вопросы „какой?“ и „какъ?“ Вотъ всѣ подобнаго рода направляющіе вопросы, которые расчленяютъ нашу мысль на части, стоящія другъ къ другу въ опредѣленномъ отношеніи, и слѣдуя которымъ мы образуемъ предложенія, и составляютъ *естественно-логическій* моментъ высказываемыхъ нами предложеній. [1])

Скажемъ еще нѣсколько словъ относительно объема предложеній. Какъ извѣстно изъ элементарной грамматики, предложенія представляютъ большое разнообразіе по степени своей сложности, начиная отъ простого нераспространеннаго предложенія, состоящаго только изъ двухъ членовъ—подлежащаго и сказуемаго (а иногда и одного), и кончая распространеннымъ сложнымъ предложеніемъ. Цѣль расширенія предложенія—полнѣе выразить мысль въ одномъ словесномъ цѣломъ. Не трудно однакожъ убѣдиться въ томъ, что это расширеніе должно имѣть надлежащія границы, что долженъ быть хотя бы приблизительно *нормальный объемъ предложенія*. Такъ какъ предложеніе представляетъ сторону смысловую и сторону произносимую или словесную, то вполнѣ естественно думать, что и объемъ предложенія долженъ обусловливаться моментами внутреннимъ или семазіологическимъ и внѣшнимъ или фонаціоннымъ: 1) Въ отношеніи *семазіологическомъ* предложеніе, нормальное по объему, выражаетъ мысль не слишкомъ обширную, такъ что единство ея въ умѣ говорящаго не утрачивается въ теченіе выраженія ея словами и вмѣстѣ съ

---

[1]) Существованіе такихъ вопросовъ въ умѣ подтверждается и практикою повседневной рѣчи: при недослышавшемся подлежащемъ мы спрашиваемъ «кто?» или «что?», а при недослышавшемся сказуемомъ спрашиваемъ: «что вы говорите о томъ-то?», и пр.

тѣмъ легко схватывается слушающимъ посредствомъ одного акта мысли. 2) Въ отношеніи *фонаціонномъ* предложеніе съ нормальнымъ объемомъ требуетъ по возможности одного выдыханія, правильно расчлененнаго между членами предложенія, чѣмъ достигается внѣшняя связность и цѣльность предложенія, необходимая для легкаго воспріятія его слушателемъ; при этомъ повышенія и пониженія голоса, а также и измѣненія его по силѣ соотвѣтствуютъ внутреннему содержанію предложенія. При помощи этихъ измѣненій и получается возможность одно и то же предложеніе видоизмѣнять по смысловымъ оттѣнкамъ, а также и прерывать слишкомъ растянутое предложеніе передышкой, не нарушая однакожъ цѣльности его. Въ виду такой важности момента интонаціи, мы будемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи иллюстрировать различные типы предложеній посредствомъ нотнаго обозначенія ихъ. Нужно еще сказать, что съ развитіемъ письменности получилась возможность образованія болѣе обширныхъ сложныхъ предложеній, такъ какъ зрѣніе даетъ возможность охватить предложеніе съ болѣе обширнымъ объемомъ. Это должно было вызывать и развитіе соотвѣтствующихъ фонаціонныхъ пріемовъ для произнесенія такихъ предложеній, къ числу которыхъ относятся и такъ называемые періоды.

Приступая теперь къ главному предмету настоящей главы—къ *анализу простого нераспространеннаго предложенія*, и припомнивъ, что оно состоитъ изъ двухъ главныхъ членовъ, обозначающихъ предметъ, о которомъ мы думаемъ, и то, что думаемъ о предметѣ, мы теперь обратимъ вниманіе на одно существенное различіе въ самомъ характерѣ нашей мысли: мы можемъ думать о предметѣ или какъ наблюдаемомъ (напр. лошадь идетъ), или же абстрактно, относя предметъ по тому или другому признаку къ соотвѣтствующему родовому классу (напр. лошадь—животное). Сообразно этому различію мысли, простыя предложенія представляютъ два типа: А) предложенія,

изображающія фактъ, и Б) предложенія, опредѣляющія предметъ относительно его родового понятія. Кромѣ того нужно указать еще В) переходный типъ между этими двумя главными, который, принадлежа по формѣ ко второму типу, по характеру мысли нерѣдко приближается къ первому типу; это—предложенія, опредѣляющія свойство или качество предмета, напр. „лошадь мала“, „лошадь пуглива“. Не трудно видѣть, что разница между указанными типами предложенія сводится внѣшнимъ образомъ къ *различному составу сказуемаго*, т. е. въ первомъ типѣ сказуемымъ служитъ одинъ глаголъ, тогда какъ во второмъ и третьемъ типѣ сказуемое состоитъ изъ глагола „быть“ съ существительнымъ или прилагательнымъ, почему такое сказуемое и называется обыкновенно „составнымъ“.

Примѣчаніе. Каковъ бы ни былъ составъ предложенія, его можно разсматривать двояко: съ точки зрѣнія синтаксической—по членамъ предложенія, и съ точки зрѣнія морфологической—по частямъ рѣчи. Нельзя однакожъ не признать, что такое рѣзкое отдѣленіе сторонъ морфологической и синтаксической, допускаемое ради удобства изложенія, страдаетъ нѣкоторою искусственностью, такъ какъ въ дѣйствительности та и другая сторона тѣсно связаны и даже слиты между собою, ибо морфологія представляетъ такъ сказать инвентарь отдѣльныхъ категорій словъ и ихъ формъ, а синтаксисъ показываетъ всѣ эти слова и формы въ ихъ движеніи и жизни—въ предложеніи.

А. Предложенія, изображающія фактъ.

Когда мы выражаемъ простую мысль о предметѣ наблюдаемомъ и совершающемъ дѣйствіе, то пользуемся для этого частями рѣчи слѣдующимъ образомъ: въ роли подлежащаго употребляется Именительный падежъ предметной части рѣчи, т. е. имени существительнаго, а также—прилагательнаго, числительнаго и мѣстоименія въ смыслѣ существит. (напр. „богатый“, „трое“, „онъ“, и т. п.); въ роли сказуемаго употребляется личный глаголъ, который всегда *согласуется* съ подлежащимъ. При этомъ различаются случаи: если подлежащее выражено личнымъ мѣстоименіемъ перваго или второго лица,

то оно соединяется съ соотвѣтствующими личными формами глагола; если же подлежащее выражено предметнымъ названіемъ, то оно сочетается съ формою третьяго лица сказуемаго-глагола. [1]) Личный глаголъ при этомъ можетъ измѣняться по временамъ и наклоненіямъ. Припомнимъ также, что глаголы по самому характеру дѣйствія распадаются на переходные и непереходные. Такъ какъ *переходные* глаголы непремѣнно предполагаютъ объектъ дѣйствія и послѣдній можетъ быть указанъ (въ Вин. пад.), то такимъ образомъ сказуемое простого нераспространеннаго предложенія можетъ дополняться названіемъ объекта дѣйствія. Мысль, выражаемая такимъ предложеніемъ, можетъ быть еще представлена въ *обратной* или *страдательной* формѣ, напр. отецъ наказываетъ сына || сынъ наказывается отцомъ. Однако тотъ и другой оборотъ не являются тожественными; такъ, въ приведенномъ примѣрѣ въ первомъ случаѣ мы утверждаемъ нѣчто объ отцѣ, а во второмъ—сынъ является предметомъ сужденія.

Разъяснивъ составъ простого нераспространеннаго предложенія, изображающаго фактъ, укажемъ еще тотъ частный случай, когда *личная* форма такого предложенія замѣняется *безличною*, болѣе или менѣе равносильною по значенію съ первою формою, напр. я хочу, братъ не спитъ || мнѣ хочется, брату не спится и т. п. Послѣднія предложенія тѣмъ отличаются отъ первыхъ, что дѣйствія въ нихъ представляются не какъ производимыя субъектомъ, а какъ бы происходящія независимо отъ его воли и лишь къ нему относимыя (срв. стр. 235). А потому въ этихъ предложеніяхъ названіе пред-

---

[1]) Объ особенностяхъ согласованія сказуемаго съ существительными собирательными въ древне-русскомъ языкѣ говорилось въ морфологіи (стр. 166). Къ отступленіямъ относятся также случаи, когда въ разговорѣ при подлежащемъ, обозначающемъ единичное лицо, сказуемое изъ почтенія ставится во мн. ч., напр. у Писемскаго: «Да-съ,—отвѣчалъ Иванъ Иванычъ—прекрасная пѣсенка, да и *Юлія Владиміровна* прекрасно *изволятъ* пѣть» (Тюфякъ, гл. V).

мета, которому приписывается дѣйствіе, стоитъ не въ Именит., а уже въ Дательномъ падежѣ, соотвѣтственно основному смыслу этого послѣдняго падежа.[1]) О другихъ безличныхъ предложеніяхъ мы будемъ говорить въ концѣ настоящей главы. Отмѣтимъ еще, что сказуемое можетъ выражаться неизмѣняемыми глагольными образованіями—т. наз. „глагольными частицами“, придающими выраженію особый семазіологическій нюансъ (срв. стр. 279).

Б. Предложенія, опредѣляющія подлежащее относительно его родового понятія.

Этотъ типъ предложеній употребляется въ томъ случаѣ, когда требуется опредѣлить, что́ такое называемый предметъ (напр. „лошадь—животное“). Въ этомъ случаѣ подлежащее представляетъ собою видовое понятіе, сказуемое же указываетъ то или другое родовое понятіе, къ которому говорящій относитъ видовое. Въ такихъ предложеніяхъ какъ подлежащее, такъ и сказуемое выражаются предметнымъ именемъ въ Именительномъ падежѣ, при чемъ въ составъ сказуемаго предмет-

---

[1]) Логика, имѣющая въ виду изучать не столько словесную сторону выраженій, сколько основные типы сужденій, пренебрегаетъ подобными варіаціями предложеній, ограничиваясь лишь случаями личныхъ предложеній. Старая, такъ называемая философская грамматика, опираясь на упрощенныя логическія нормы, старалась и въ этихъ, собственно безличныхъ, предложеніяхъ открыть нормальныя подлежащее и сказуемое. Отсюда получались странные выводы, напр. что подлежащее кромѣ Именительнаго падежа можетъ иногда стоять въ Дат. (напр. *мнѣ* хочет я—подлежащее *мнѣ*) и т. п., къ сожалѣнію и доселѣ нерѣдко повторяющіеся въ грамматическихъ руководствахъ. Въ этихъ послѣднихъ можно найти мнимые примѣры и для подлежащаго въ падежѣ Родит. (напр. „*много воды* утекло“) и Творит. (напр. „имъ *хозяинъ съ женой* низко кланялись“); на самомъ дѣлѣ въ первомъ примѣрѣ подлежащимъ служитъ „много“, лишь опредѣляемое словомъ „воды“, а во второмъ подлежащимъ является „хозяинъ“, распространенное дополненіемъ „съ женой“, что́ и вызвало употребленіе сказуемаго во множ. числѣ (т. е. согласованіе по смыслу).

ное имя входитъ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, который въ русскомъ языкѣ обычно опускается въ формѣ наст. времени (напр. „лошадь—животное“ вм. лошадь есть животное). Этотъ пропускъ возможенъ потому, что чрезъ это не происходитъ затрудненій для пониманія подобныхъ выраженій, такъ какъ въ живой рѣчи въ такихъ предложеніяхъ названіе родового понятія обычно произносится съ логическимъ удареніемъ и отдѣляется паузой отъ названія опредѣляемаго предмета. Такой способъ произношенія является достаточнымъ для показанія того, что родовое понятіе въ подобнаго рода выраженіяхъ служитъ сказуемымъ. Но, спрашивается, этотъ частичный пропускъ глагола не свидѣтельствуетъ ли о потерѣ сказуемымъ глагольнаго значенія? Конечно—нѣтъ, подобно тому какъ не теряется субстантивность чрезъ пропускъ существительнаго въ такихъ случаяхъ, какъ—*столовая*, *прихожая* и проч. А между тѣмъ въ нѣкоторыхъ грамматикахъ глаголъ „быть“ считается „связкою“, чѣмъ какъ бы исключается изъ глагольнаго разряда словъ. На самомъ же дѣлѣ глаголъ „быть“ въ разсматриваемыхъ случаяхъ несомнѣнно глаголъ съ глагольною флексіей и не имѣетъ такого признака, который могъ бы заставить видѣть въ немъ слово особой категоріи; онъ выражаетъ собою *актъ* нашей классификаціи, посредствомъ котораго предметъ зачисляется въ ту или другую родовую категорію. Такимъ образомъ глаголомъ *быть* здѣсь выражается извѣстное движеніе мысли, т. е. подобно глаголамъ въ предложеніяхъ перваго типа. Особенность же разсматриваемаго типа происходитъ отъ того, что глаголъ „быть“ принадлежитъ къ тѣмъ глаголамъ, которые для полнаго выраженія сказуемаго требуютъ непремѣннаго присоединенія аттрибута (срв. *считаться*, *становиться*, *казаться* и др.), благодаря чему самая знаменательность ихъ со временемъ могла понижаться. Что касается глагола „быть“, то первоначальная полная знаменательность его доказывается сравнительно-этимо-

логическими изслѣдованіями, [1]) а разъ это такъ, то мы можемъ заключить, что разсматриваемый типъ предложеній, равно какъ и слѣдующій, въ сущности представляетъ собою лишь отвѣтвленіе перваго.

Родовое названіе въ разсматриваемомъ типѣ предложеній не всегда ставится въ Имен. падежѣ, но при употребленіи глагола *быть* въ другихъ временахъ, а также при повелительномъ наклоненіи того же глагола, можетъ стоять и въ Творительномъ (N былъ учитель || N былъ учителемъ; будь учителемъ), правда—при нѣсколько особомъ оттѣнкѣ значенія; [2]) при перечисленныхъ же другихъ глаголахъ (т. е. *считаться* и проч.) Творит. падежъ сталъ уже почти во всѣхъ случаяхъ обязательнымъ. Сравненіе съ родственными языками и древнимъ состояніемъ самого русскаго языка показываетъ, что замѣна второго Именит. (т. е. предикативнаго) посредствомъ Творительнаго представляетъ собою сравнительно позднее явленіе и свидѣтельствуетъ о происшедшемъ въ предложеніи процессѣ „переразложенія", благодаря которому прежній предикативный аттрибутъ сталъ мыслиться какъ бы подъ категоріей обстоятельства образа дѣйствія, такимъ образомъ тѣснѣе сблизившись съ глаголомъ-сказуемымъ.

---

[1]) Срв. родственныя слова съ конкретнымъ содержаніемъ, восходящія къ тому же корню (т. е. ие. $\sqrt{}$*bhū), напр. греч. *φύω* «рождаю, произращаю», *φύομαι* «рождаюсь, росту», рус. былинка (т. е. травка) и др.; срв. далѣе отголосокъ этой конкретности въ синонимическомъ словосочетаніи «жилъ-былъ».

[2]) Намъ кажется, что лишь въ первомъ случаѣ, т. е. при обозначеніи Именит. падежомъ, мы имѣемъ выраженіе чисто классифицирующаго акта, тогда какъ во второмъ случаѣ, представляющемъ болѣе описательный характеръ, имѣется въ виду указать дѣятельность лица (напр. выраженіе «N былъ купцомъ» равносильно выраженію «N занимался торговлей»); такое различіе въ оттѣнкѣ значенія подтверждается тѣмъ, что если предикативный аттрибутъ не заключаетъ въ себѣ указанія на опредѣленную дѣятельность, то замѣна второго Именительнаго Творительнымъ уже не представляется удобною (срв. «N былъ мѣщанинъ», но не «мѣщаниномъ»).

Далѣе, къ разсматриваемому типу можно отнести еще тѣ элементарныя предложенія, въ которыхъ на мѣстѣ сказуемаго стоитъ названіе самого предмета, а на мѣстѣ подлежащаго—указательное слово, которое при непосредственномъ указаніи предмета нерѣдко опускается, напр. „это—лошадь". Данная разновидность предложенія отличается отъ предыдущихъ того же типа большею конкретностью, такъ какъ тамъ предложенія служатъ для отнесенія названнаго предмета къ тому или другому родовому понятію и, слѣдовательно, представляютъ собою уже продуктъ отвлеченной мысли, тогда какъ здѣсь имѣющійся на лицо предметъ только еще получаетъ свое наименованіе. [1])

Упомянемъ наконецъ, что могутъ встрѣчаться такія предложенія, въ которыхъ повидимому подлежащее выражается любымъ словомъ въ любой формѣ, но въ этомъ случаѣ послѣднее непремѣнно мыслится какъ опредмеченное представленіе, почему на письмѣ нерѣдко заключается въ кавычки, напр. (при грамматическомъ разборѣ): „читаетъ"—глаголъ. [2])

В. Предложенія, опредѣляющія подлежащее относительно качества.

Предложенія этого типа употребляются въ томъ случаѣ, когда требуется указаніе того или другого качества предмета, напр. волкъ—сѣръ. Въ этихъ предложеніяхъ подлежащимъ служитъ предметное имя въ Именительномъ падежѣ, а также

---

[1]) Всѣ заглавія книгъ въ сущности представляютъ собою эту же разновидность предложеній, т. е. самое заглавіе является сказуемымъ, а указательное слово опущено. Что это дѣйствительно такъ, мы убѣждаемся изъ случаевъ, гдѣ въ заглавіи еще сохранилось указательное слово; напр. Лѣтопись Нестора озаглавлена такъ: «*Се* повѣсти временьныхъ лѣтъ»; также и въ санскритѣ встрѣчаются подобныя заглавія, напр.: «*atha* Nalōpakhyanam» (т. е. *вотъ* разсказъ о Налѣ).

[2]) Въ языкахъ, имѣющихъ членъ, при опредѣляемомъ словѣ будетъ поставленъ членъ, напр по-нѣмецки: das «liest» ist Verbum.

неопредѣленное наклоненіе глагола, сказуемымъ же прилагательное или причастіе въ простой формѣ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, иногда опускаемымъ; при этомъ отмѣтимъ то отличіе отъ предъидущаго типа, что здѣсь сказуемое необходимо согласуется съ подлежащимъ не только въ числѣ и падежѣ, но также и родѣ. При произношеніи такихъ предложеній уже не наблюдается столь замѣтной паузы и кромѣ того часто на сказуемое прилагательное здѣсь не падаетъ столь сильнаго логическаго ударенія, какъ въ разсмотрѣнномъ выше типѣ предложеній.

Предложенія, опредѣляющія качество подлежащаго, по внѣшнему своему составу сходны съ предъидущимъ типомъ, а по внутреннему сходству нерѣдко съ первымъ или изображающимъ фактъ типомъ; послѣднее имѣетъ мѣсто въ случаѣ примѣненія въ данномъ оборотѣ отглагольныхъ прилагательныхъ (напр. „онъ хвастливъ") и въ особенности причастій. Современный литературный русскій языкъ допускаетъ въ такихъ выраженіяхъ лишь причастія страдат. залога, напр. „онъ любимъ", „онъ убитъ", „онъ былъ убитъ". [1]) Что касается причастій дѣйствительнаго и средняго залоговъ, то они въ настоящее время въ литературномъ языкѣ въ указанной роли не встрѣчаются, между тѣмъ какъ въ древней письменности мы находимъ примѣры такого ихъ употребленія, напр. „*суть* хитро *сказающе*", „*бѣ* Кыевѣ *сѣдя*", „*бяху ловяще* звѣрь", [2]) въ настоящее же время отголоскомъ этихъ

[1]) О разницѣ по смыслу двухъ послѣднихъ выраженій, см. выше, въ отдѣлѣ морфологіи, стр 251 сл.

[2]) При этомъ причастный оборотъ, какъ видимъ изъ примѣровъ, могъ передавать обѣ варіаціи несовершеннаго вида, т. е могъ обозначать дѣйствіе и какъ происходящее въ извѣстный моментъ времени («бѣ Кыевѣ сѣдя»), и какъ обычное («бяху ловяще звѣрь», т. е. вообще ловили звѣрей). Легко видѣть, что только во второмъ случаѣ причастный оборотъ можетъ быть замѣненъ оборотомъ съ родственнымъ существительнымъ («бяху ловяще звѣрь» = «были звѣроловами»), между тѣмъ какъ въ первомъ примѣрѣ такая замѣна не

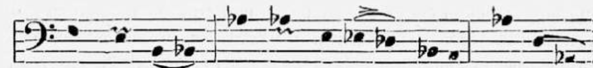
первоначально причастныхъ оборотовъ, является категорія дѣепричастій, служащихъ для образованія придаточныхъ предложеній. Единственнымъ современнымъ случаемъ, близко подходящимъ къ вышеприведеннымъ примѣрамъ изъ древняго языка, является простонародный оборотъ (не чуждый впрочемъ и литературному разговорному языку), гдѣ дѣепричастіе прош. врем. входитъ въ составъ сказуемаго, напр. „онъ—*выпивши*", „онъ *былъ уставши*", „онъ *былъ не выспавшись*" и т. п. Наконецъ, причастныя формы прош. вр. на *-лъ* въ соединеніи съ глаголомъ наст. вр. „есмь" и проч. стали служить для передачи прошедшаго времени глаголовъ, при чемъ самый причастный оттѣнокъ уже утратился и выраженіе стало просто временною формою глагола, которая затѣмъ утратила и вспомогательный глаголъ; такимъ образомъ, временное глагольное значеніе, передававшееся ранѣе двумя словами, сосредоточилось въ одномъ словѣ причастнаго происхожденія („пришьлъ есть"→пришелъ). Вмѣстѣ съ этою замѣною и самое предложеніе, первоначально относившееся къ третьему типу, перешло въ первый, т. е. стало служить для обозначенія факта, что и подтверждаетъ высказанное выше замѣчаніе объ особенной близости по смыслу этихъ двухъ типовъ.

Какъ въ предложеніяхъ перваго типа, такъ и въ разсматриваемомъ типѣ кромѣ *личнаго* оборота встрѣчается *безличный* способъ выраженія и съ такимъ же различіемъ въ оттѣнкѣ значенія, напр. я веселъ || мнѣ весело. Первое выраженіе прямо указываетъ, каковъ самъ субъектъ (самъ по себѣ субъектъ веселъ), тогда какъ второе выраженіе показываетъ только, что качество или признакъ веселости присутствуетъ у даннаго лица, независимо отъ него самого. Нерѣдко без-

возможна; этотъ моментъ упустилъ изъ виду проф. Потебня при трактованіи даннаго вопроса, принимающій, что всякій вообще оборотъ изъ связки + прич. наст. времени = связкѣ + сущ. (срв. его Изъ зап. по рус. грам., 1888[2], стр. 128—132).

личныя выраженія съ прилагательнымъ имѣютъ параллельные обороты съ личнымъ глаголомъ (что опять свидѣтельствуетъ о внутренней связи данныхъ типовъ предложеній), напр. мнѣ грустно || я грустенъ или я грущу; при этомъ личное глагольное выраженіе показываетъ, что субъектъ самъ проявляетъ свое душевное состояніе, тогда какъ безличное выраженіе лишь констатируетъ, что у субъекта существуетъ такое состояніе. Какъ мы видимъ, въ безличныхъ оборотахъ прилагательное-сказуемое является съ окончаніемъ средняго рода, но уже не по согласованію съ подлежащимъ, а самостоятельно, какъ бы указывая на безличность. [1])

Установивъ основные типы простыхъ нераспространенныхъ предложеній, мы представимъ ихъ образцы въ нотномъ обозначеніи, чтобы показать *обычную* ихъ интонацію: [2])

Братъ не спитъ. Ло-шадь жи-вот-но-е. Волкъ сѣръ.

Какъ мы видимъ, во всѣхъ этихъ примѣрахъ начало предложенія, т. е. подлежащее, значительно выше конца, т. е. ска-

[1]) Разсмотрѣнные нами три основныхъ типа простыхъ предложеній, благодаря элементарности, усваиваются дѣтьми раньше вступленія ихъ въ обычную рѣчь, т. е. до трехлѣтняго возраста; впрочемъ, что касается второго типа, то въ дѣтской рѣчи чаще всего примѣняется послѣдняя изъ указанныхъ нами разновидностей его. Соотвѣтствующіе примѣры предложеній изъ дѣтской рѣчи читатель найдетъ въ статьяхъ проф. Александрова и свящ. Благовѣщенскаго въ Рус. Фил. Вѣстн. 1883 и 1886 г.

[2]) Замѣтимъ, что знакъ ∿∿∿ помѣщенный надъ нотою показываетъ, что тонъ нѣсколько выше этой ноты; будучи же помѣщенъ подъ нотою, показываетъ, что тонъ нѣсколько ниже; знакъ соединенія служитъ для обозначенія glissando; длительность осталась не отмѣченною. Наблюденія, приводимыя здѣсь, а также и далѣе, произведены надъ моимъ произношеніемъ при участіи мѣстнаго музыканта И. А. Козлова.

зуемаго. [1]) При этомъ подлежащее отдѣляется отъ сказуемаго незначительной паузою, которая наиболѣе замѣтна въ предложеніяхъ второго типа, интервалъ между ударяемымъ слогомъ подлежащаго и сказуемаго приблизительно равенъ квартѣ, ударяемый слогъ подлежащаго короче по сравненію съ ударяемымъ слогомъ сказуемаго, произносимымъ болѣе или менѣе glissando.

Мы ознакомились съ тремя основными типами предложеній, которые зависятъ отъ характера признаковъ, приписываемыхъ субъекту. Но кромѣ этой *объективной* стороны, соотвѣтствующей міру представляемой мыслью дѣйствительности, можетъ быть при каждомъ изъ трехъ типовъ еще моментъ *субъективный*, въ зависимости отъ того, представляетъ ли высказываемое чистую мысль (прямую, или же вопросную), мысль, усложненную чувствованіями, или же желаніемъ и волей. Такимъ образомъ, каждый изъ трехъ типовъ можетъ являться въ трехъ видахъ; такъ, предложенія „я читаю" или „читаешь ли ты?" обозначаютъ двѣ варіаціи чистой мысли, соотвѣтствующей совершающемуся въ дѣйствительности дѣйствію; предложеніе „ну, и читаешь же!" предполагаетъ уже участіе эмоціональнаго момента; въ предложеніи „почиталъ бы я!" мысль представляется желаемой, а въ предложеніи „читай!"—требуемою. И такъ, у насъ получается подраздѣленіе каждаго изъ трехъ основныхъ типовъ предложеній на виды: 1) *повѣствовательный*, 2) *восклицательный* и

[1]) Такое же движеніе тона, т. е. пониженіе, мы наблюдаемъ и въ томъ случаѣ, когда въ предложеніяхъ перваго типа подлежащему предшествуетъ сказуемое-глаголъ, напр.: «Подулъ вѣтеръ». Иногда можетъ показаться, что и здѣсь подлежащее произносится выше сказуемаго, но это происходитъ только въ томъ случаѣ, когда данная фраза ждетъ продолженія въ видѣ другихъ однородныхъ, либо придаточныхъ предложеній, напр.: «Подулъ вѣтеръ, зашумѣли деревья, полилъ дождь...»; «Подулъ вѣтеръ, нагоняя тучи».

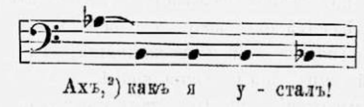
3) *желательный* и *повелительный*. Всѣ эти виды отличаются между собою отчасти наклоненіями въ глаголѣ-сказуемомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибавляемыми частицами и, наконецъ,—различнымъ движеніемъ интонаціи.

Что касается перваго случая, т. е. предложеній повѣствовательныхъ, то мы уже разсмотрѣли ихъ въ ихъ главныхъ типахъ. Теперь мы должны прибавить, что эти предложенія могутъ служить не только для указанія на дѣйствительное явленіе (*утвердительныя* предложенія), но и для выраженія отсутствія его (*отрицательныя* предложенія), что̀ достигается присоединеніемъ къ утвердительной формѣ отрицательной частички *не*.[1]) Кромѣ обыкновенной или повѣствовательной формы можетъ быть еще *вопросительная*. Эта послѣдняя вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ или другой членъ мысли-предложенія можетъ быть неизвѣстенъ; чтобы спросить о немъ и употребляется особая вопросительна форма. Вопросъ можетъ касаться того или другого члена въ предложеніи; при этомъ будетъ естественно разница въ способѣ обозначенія вопроса смотря по тому, долженъ ли относиться послѣдній къ подлежащему или же къ сказуемому; напр. для повѣствовательнаго предложенія „лошадь идетъ" могутъ быть вопросительныя предложенія: 1) „*кто* идетъ?" (вопросъ для подлежащаго) и 2) „*что̀ дѣлаетъ* лошадь" (вопросъ для сказуемаго). Кромѣ того могутъ быть вопросы другого рода, такъ сказать—для удостовѣренія: 1) лошадь ли идетъ? 2) идетъ ли лошадь? Мы видимъ, что въ послѣднемъ случаѣ порядокъ словъ въ предложеніи имѣетъ существенное значеніе: слово, относительно котораго желаемъ удостовѣриться, занимаетъ первое мѣсто и

[1]) Здѣсь отмѣтимъ особенность русскаго языка, допускающаго при глаголѣ отрицательномъ мѣстоименія отрицательныя, напр. «я *ничего не* видѣлъ». Эту особенность встрѣчаемъ и въ ближайше родственномъ съ славянскими языкѣ литовскомъ: nëko ne-mačau. Другіе языки въ такомъ случаѣ допускаютъ только одно отрицаніе, напр. нѣм.: ich habe nichts gesehen.

сопровождается частицею *ли;* кромѣ того здѣсь соотвѣтственно видоизмѣняется и интонація. Даже одной послѣдней иногда бываетъ достаточно, чтобы повѣствовательное предложеніе превратилось въ удостовѣрительно-вопросительное, напр. „лошадь идетъ"? при чемъ усиленная интонація можетъ приходиться или на подлежащее или на сказуемое, смотря по тому, относительно котораго изъ этихъ членовъ предложенія желаемъ удостовѣриться. Говоря о вопросительной формѣ, нужно указать на *отвѣтную*, въ которой могутъ быть опущены всѣ слова кромѣ того, которое собственно относится къ отвѣту, независимо отъ синтаксической роли этого слова.[1])

Восклицательный видъ предложеній обыкновенно содержитъ восклицательную частицу (напр. ахъ! о! и т. п.) или вообще слово, могущее выполнять подобную функцію (напр. какой, какъ), а кромѣ того имѣетъ свое характерное движеніе тона, срв. напр.: „ахъ, какъ я усталъ!"

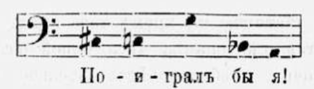

Предложенія, передающія не фактъ дѣйствительности, а **желаніе** или **требованіе** нуждаются (какъ мы уже указывали на стр. 249—250) для своего выраженія въ другомъ наклоненіи глагола-сказуемаго: въ случаѣ желанія употребляется *сослагательное* наклоненіе, напр. „поигралъ бы я!"[3])

[1]) Въ виду того, что живая рѣчь изобилуетъ такими отвѣтными недосказываемыми предложеніями, я не могу согласиться съ тѣми педагогами, которые съ величайшею педантичностью требуютъ отъ дѣтей полныхъ отвѣтовъ, не допуская какихъ-либо сокращеній; этимъ, думается мнѣ, они отучаютъ ребенка отъ естественнаго языкового чутья.

[2]) Интонація «ахъ!» иногда представляетъ glissando.

[3]) Въ древне-русскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ прибавлялась не безразличная частица *бы*, но глагольная форма соотвѣтствующаго лица, напр «рѣша отче братья умножаются а *хотѣли быхомъ* поставити манастырь» (Лавр. лѣтоп. подъ 1051 г.).

а въ случаѣ требованія или просьбы—*повелительное*, напр. „читай!“

(требов.) (просьба, уговарив.)

Типы эти по самой своей природѣ не способны къ вопросительной формѣ. [1]) Что касается повелительнаго типа предложеній, то при глаголѣ-сказуемомъ во второмъ лицѣ повелительнаго наклоненія подлежащее (соотвѣтствующее личное мѣстоименіе) обычно подразумѣвается, иногда же выражается именемъ предмета въ формѣ Зват. падежа; въ послѣднемъ случаѣ такое подлежащее называется въ грамматикахъ обращеніемъ и отдѣляется отъ сказуемаго паузою—въ произношеніи и запятою (иногда знакомъ восклицанія)—на письмѣ. Разсматриваемый типъ предложенія кромѣ повелѣнія служитъ также для выраженія просьбы какъ обыкновенной, такъ и ласковой; въ случаѣ ласковой просьбы нерѣдко обращеніе выражается уменьшительнымъ или ласкательнымъ именемъ, а къ глагольной формѣ можетъ присоединиться частица *-ка*, самое же выраженіе сопровождается соотвѣтствующей интонаціей. Повелительное наклоненіе съ присоединеніемъ къ глаголу отрицанія получаетъ смыслъ запрещенія, напр. „не шуми!“ [2])

[1]) Въ такихъ вопросительныхъ предложеніяхъ, имѣющихъ смыслъ рѣшительнаго повелѣнія, какъ «уйдешь ли ты отсюда?» и т. п., сказуемое выражено въ формѣ не повелительнаго, а изъявительнаго наклоненія; съ присоединеніемъ отрицанія такія выраженія получаютъ вѣжливо-просительный характеръ, напр. «не подвинитесь ли немного?»

[2]) Существуетъ особый видъ повелительныхъ предложеній, въ которыхъ повелѣніе выражено одною «общею формою» глагола (т. наз. неопредѣленнымъ наклоненіемъ), напр. «молчать!» «не смѣть!» и т. п., для выра-

а сослагательное съ присоединеніемъ отрицанія выражаетъ отговариваніе отъ предполагаемаго дѣйствія, напр. „не ходилъ бы ты лучше!“

Къ какому бы изъ разсмотрѣнныхъ типу или виду ни относилось предложеніе, оно при томъ же сочетаніи словъ можетъ путемъ измѣненія интонаціи получать разнообразные оттѣнки, напр. восклицанія, удивленія, угрозы, сожалѣнія и т. д. Подъ вліяніемъ эмоцій измѣняется также и темпъ рѣчи. Такимъ образомъ живая рѣчь пользуется для передачи оттѣнковъ настроенія говорящаго не только опредѣленными сочетаніями словъ (какъ въ нераспространенныхъ, такъ и распространенныхъ предложеніяхъ), но также соотвѣтствующимъ измѣненіемъ тембра и тона голоса, усиленіемъ или ослабленіемъ его, а также замедленіемъ или ускореніемъ темпа рѣчи и наконецъ удлиненіемъ ударяемаго гласнаго въ подчеркиваемомъ словѣ; сюда же относятся и паузы. Къ сожалѣнію, все

женія категорическаго требованія. По всей вѣроятности, такія выраженія явились результатомъ сокращенія цѣлаго предложенія, въ родѣ: «приказываю молчать», «ты долженъ молчать» и т. п. Такія сокращенія мы встрѣчаемъ еще въ старомъ русскомъ языкѣ, напр. въ письмахъ царя Алексѣя Михайловича и еще раньше въ грамотахъ. Аналогичныя выраженія встрѣчаются въ нѣмецкомъ, напр. «still schweigen!» (=молчать!), «nicht hinausbeugen!» (=не высовываться!) и т. п.

разнообразіе оттѣнковъ, получаемыхъ такимъ образомъ въ нашей рѣчи, пока еще—можно сказать—совершенно не изучено и даже считается нѣкоторыми лингвистами элементомъ „не-грамматическимъ“ въ нашей рѣчи; но очевидно, что этотъ терминъ представляетъ пережитокъ прежнихъ лингвистическихъ воззрѣній на языкъ, когда имѣлась въ виду письменная его передача, а не живое произношеніе въ полной его конкретности. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду именно послѣднее, то для иллюстраціи этой стороны произношенія мы укажемъ на нѣкоторыя изъ своихъ наблюденій. Въ предложеніи повѣствовательномъ обыкновенно средняя высота тона держится приблизительно на одномъ уровнѣ, понижаясь въ самомъ концѣ предложенія. [1]) Въ предложеніи вопросительномъ мѣсто наибольшаго повышенія голоса опредѣляется тѣмъ словомъ, на которомъ сосредоточена сила вопроса; отвѣтныя же предложенія по движенію тона подходятъ вообще къ повѣствовательнымъ. Предложенія восклицательныя представляютъ большое разнообразіе въ повышеніи и пониженіи тона въ зависимости отъ мѣста логическаго ударенія (напр. въ фразѣ „ахъ, какъ я усталъ!“ тонъ можетъ или понижаться отъ начала къ концу, или же приходиться на томъ или другомъ подчеркиваемомъ словѣ предложенія). [2]) Что касается варіацій въ темпѣ рѣчи, то въ качествѣ примѣра можно указать на быстро-энергичную гнѣвную рѣчь и на торопливую радостную; при рѣшительныхъ требованіяхъ или выговорахъ рѣчь можетъ принимать медленно-размѣрен-

---

[1]) Въ малорусскомъ нарѣчіи тоническое различіе оказывается болѣе замѣтнымъ; тамъ обычно повѣствовательная фраза начинается относительно высоко, но затѣмъ тонъ падаетъ на среднюю ступень и еще разъ понижается въ концѣ фразы.

[2]) Въ своихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)³ стр. 202—203 я представилъ въ нотномъ обозначеніи нѣсколько примѣровъ тоническихъ варіацій одного и того же предложенія подъ вліяніемъ логическаго ударенія и эмоцій.

ный характеръ. Иллюстраціей удлиненій въ словахъ могутъ служить слѣдующіе примѣры, представляющіе варіаціи одного и того же предложенія: „а на горахъ—тум*аа*нъ!“; „а туманъ как*оо*й, тум*аа*нъ, просто дышать нельзя“. При переспрашиваніи же слово „туманъ?“ было произнесено уже совершенно иначе: ударенный слогъ, кромѣ значительнаго повышенія тона, былъ выговоренъ энергично и кратко; именно такое энергичное stoccato и придало характеръ вопроса нашему слову, хотя при немъ и не было употреблено никакихъ вопросительныхъ словечекъ. Въ заключеніе прибавимъ, что общеупотребительное письмо лишь въ слабой степени (напр. при помощи знаковъ препинанія) можетъ намекать на особенности живой рѣчи въ ея разнообразныхъ нюансахъ и модуляціяхъ; этотъ недостатокъ письменной передачи заставляетъ писателей прибѣгать при воспроизведеніи разговоровъ къ указаніямъ характера произнесенія и эмоціональнаго состоянія говорящаго.

Въ заключеніе мы остановимся на проявленіяхъ экономическаго фактора въ жизни простого нераспространеннаго предложенія, именно на случаяхъ *подразумѣваемости*. Здѣсь нужно различать случаи временнаго и постояннаго опущенія того или другого члена въ предложеніи.

Что касается временнаго подразумѣванія въ живой рѣчи, то сюда принадлежатъ тѣ нерѣдкіе случаи, когда тотъ или другой членъ предложенія опускается, если онъ самъ собою ясенъ по условіямъ разговора, напр. пропускъ подлежащаго-обращенія въ повелительномъ предложеніи. Возьмемъ еще другой примѣръ: если кто-нибудь пришелъ, то обыкновенно докладывающій объ этомъ называетъ одно только подлежащее, напр. „полковникъ Скалозубъ!“ („Горе отъ ума“).

Въ рядѣ случаевъ подразумѣваніе имѣетъ болѣе или менѣе постоянный характеръ: 1) подразумѣваніе подлежащаго—*личнаго мѣстоименія*, напр. пишу Вамъ эти строки и т. д.

2) подразумѣваніе сказуемаго—*глагола „быть“ въ наст. врем.*, напр. „время—деньги, знаніе—богатство“. Тире указываетъ на пропускъ и паузу.

На почвѣ подразумѣваемости возникли и одночленныя *безличныя* предложенія, которыя могутъ соотвѣтствовать всѣмъ тремъ типамъ простыхъ нераспространенныхъ предложеній, напр. „морозитъ“, „морозъ!“ „морозно!“ Эти предложенія состоятъ только изъ одного члена, другой же остается по той или другой причинѣ не названнымъ и какъ бы подразумѣвается въ названномъ членѣ. Что касается перваго случая („морозитъ“), то по всей вѣроятности онъ возникъ на почвѣ предложеній, состоявшихъ изъ однокоренныхъ существительнаго-подлежащаго и глагола-сказуемаго (т. е. „морозъ морозитъ“), или на почвѣ предложеній, въ которыхъ хотя подлежащее и сказуемое выражались разнокоренными словами, но сказуемое примѣнялось исключительно къ данному подлежащему (срв. „дождь моросить“→„моросить“). Если же глаголъ-сказуемое былъ другого корня, но легко сочетался съ разнообразными подлежащими, то понятно, что опущенія подлежащаго въ этомъ случаѣ уже не могло произойти, срв. выраженіе „дождь идетъ“ и т. п. Что это такъ, видно изъ другихъ языковъ нашего семейства, гдѣ для даннаго выраженія имѣются однокоренныя существительное и глаголъ и гдѣ находимъ поэтому уже безличныя выраженія (срв. лат. pluvia || pluit, франц. la pluie || il pleut, нѣм. der Regen || es regnet), при чемъ хотя во французскомъ и нѣмецкомъ и находимъ кажущееся подлежащее-мѣстоименіе, но оно понизилось въ своей знаменательности до роли формальнаго элемента. Правда въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не смотря на наличность однокоренныхъ существительнаго и глагола, употребляемъ двучленныя предложенія, напр. „громъ гремитъ“, но и въ этихъ случаяхъ возможенъ уже пропускъ подлежащаго. Второй случай безличныхъ выраженій („морозъ!“) представляетъ собою одно подлежащее съ пропускомъ легко подразумѣваемаго сказуемаго (напр. „морозъ!“ ← „морозъ насталъ“). Третій случай представляетъ собою сказуемое, подлежащимъ къ которому служитъ наблюдаемое явленіе природы.[1]) Нужно еще прибавить, что подразумѣваемость вообще легко ведетъ къ *видоизмѣненію значенія*, къ перемѣнѣ чутья формы. Это особенно ясно видно на такихъ безличныхъ выраженіяхъ именного происхожденія, какъ „жаль“ (собственно—сущ.), „можно“, „нужно“ (прил.), которыя теперь являются для чутья уже глаголами или глагольными частицами, благодаря подразумѣваемому глаголу „есть“ (срв. прош. вр. „жаль было“, „нужно было“), почему въ нѣкоторыхъ грамматикахъ даже и зачисляются прямо въ отдѣлъ безличныхъ глаголовъ.

Анализируя далѣе *собственно глагольныя* безличныя выраженія, мы можемъ въ нихъ выдѣлить слѣдующіе случаи: 1) дѣйствіе относится къ людямъ, при чемъ по-русски ставится глаголъ въ 3 л. множ. числа (по-франц. *on*, по-нѣм. *man*),[2]) напр. „читаютъ“, „ходятъ“ (срв. въ Лавр. лѣт. стр. 7—„якоже *сказають*“), во 2 ед. изъяв. или повел. (напр. „тише ѣдешь, дальше будешь“, „куда ни кинь, вездѣ клинъ“), а также въ неопред. накл. („не пить до дна, не видать добра“); 2) дѣйствіе относится къ неодушевленной природѣ, при чемъ глаголъ становится въ 3 л. един. числа (франц. *il*, нѣм. *es*), а въ прош. вр., въ неродовой формѣ, напр. „морозитъ“, „морозило“; срв. Лавр. лѣт. подъ 946 г.: „и повелѣ ольга яко *смерчеся* (=какъ смерклось) пустити голуби... и не бѣ двора идеже не *горяше*“, 3) безличныя глагольныя выраженія въ 3 л.

---

[1]) Замѣтимъ, что и второй случай можетъ представлять аналогичную по смыслу варіацію.

[2]) Кромѣ того, въ этихъ случаяхъ въ германскихъ языкахъ иногда примѣняется страд. безличный оборотъ въ ед. ч. съ мѣстоим. ср. р., напр. «просятъ»=нѣм. es wird gebeten, англ. it is requested; въ романскихъ языкахъ такія выраженія построены нѣсколько иначе, срв. франц. *on* est prié, итал. *si* (т. е. возвр. мѣст.) prega.

ед. ч. съ -*ся*, обыкновенно служащія для обозначенія настроенія, какъ напр. „мнѣ хочется", о которыхъ уже говорилось выше.

Примѣчаніе. Синтаксическій строй языка, подобно морфологическому и фонетическому, тоже измѣняется въ теченіи времени. Въ русской лингвистической литературѣ были попытки открыть основной законъ измѣненія синтаксической стороны языка, при чемъ указывалось (проф. Потебня) на усиленіе глагольности и сказуемости въ предложеніи на счетъ субстантивности. Это обобщеніе мнѣ кажется однакожъ неосновательнымъ; ибо, если дѣйствительно и встрѣчаемъ случаи расширенія глагольности и сказуемости, напр. при образованіи безличныхъ выраженій (срв. «жаль» и т. п.), неопредѣленнаго наклоненія и т. п., то съ другой стороны можно указать не менѣе фактовъ, доказывающихъ также и развитіе субстантивности (срв. переходъ прилагательныхъ и иногда даже причастій въ категорію существительныхъ, возможность образованія къ каждому глаголу именного названія дѣйствія, возможность опредмеченія даже цѣлыхъ предложеній и т. п.), а мы уже указывали на тѣсную связь членовъ предложенія съ частями рѣчи въ извѣстныхъ формахъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ развитіи языка существуетъ то и другое теченіе и оба они необходимы, что конечно не исключаетъ того, что они могутъ получать своеобразныя черты на почвѣ отдѣльныхъ языковъ; при этомъ обѣ категоріи, т. е. субъекта и предиката, сохраняются въ языкѣ, какъ необходимыя. Съ другой стороны, какъ простое предложеніе, такъ и сложное, подвергаются въ своемъ развитіи извѣстному намъ процессу «переразложенія», срв. развитіе обстоятельственныхъ словъ разнаго рода, возникновеніе предлоговъ изъ нарѣчій, переходъ въ сложныхъ союзахъ указательно-мѣстоименнаго элемента изъ главнаго предложенія въ придаточное. Всѣ эти преобразованія однако не служатъ показателемъ расширенія или же убыли какой-либо синтаксической функціи; кажущаяся убыль восполняется новымъ языковымъ творчествомъ.

Глава XIV.

Распространеніе простого предложенія. Замѣчанія о сложномъ предложеніи.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что простѣйшее предложеніе, состоящее изъ подлежащаго и сказуемаго, выражаетъ собою расчлененіе одного цѣлостнаго представленія. При этомъ одно и то же представленіе можетъ быть расчленено весьма различнымъ образомъ въ зависимости отъ того, на какой особенности предмета или явленія фиксировалось наше вниманіе, напр. созерцаніе одной и той же липы можетъ дать поводъ къ возникновенію цѣлаго ряда простѣйшихъ предложеній, напр. „липа цвѣтетъ", „липа высока", „липа—дерево" и т. п. Такъ какъ каждое наше представленіе связывается со сходными элементами всего предшествующаго опыта, то это обстоятельство можетъ безгранично расширять область выраженій мысли посредствомъ отдѣльныхъ предложеній. При этомъ каждое такое расчлененіе мысли можетъ въ свою очередь распадаться на новые болѣе частные элементы, а это ведетъ къ тому, что подлежащее и сказуемое, соотвѣтствующія главнымъ расчлененіямъ и потому называемыя *главными* членами предложенія, могутъ получать, въ зависимости отъ усложненія мысли, разнаго рода опредѣленія, которыя уже будутъ представлять собою *второстепенные члены предложенія*. Эти послѣдніе распадаются на двѣ группы: 1) собственно *опредѣле-*

нія, указывающія признаки, существующіе въ предметныхъ представленіяхъ и въ представленіяхъ дѣйствій, напр. „*эта большая* лошадь *быстро* бѣгаетъ“, 2) *дополненія*, указывающія новыя предметныя, а также глагольныя представленія, которыми распространяется предложеніе, при чемъ первыя выражаются тѣмъ или другимъ косвеннымъ падежомъ, а вторыя неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что опредѣленіями могутъ быть части рѣчи съ собственнымъ значеніемъ, но не имѣющія самостоятельности, а дополненіями являются склоняемыя самостоятельныя части рѣчи съ полнымъ собственнымъ значеніемъ, а также неопредѣленное наклоненіе глагола. Опредѣлительныя слова, относящіяся къ предметному представленію, согласуются съ его названіемъ. Опредѣлительнымъ словомъ можетъ быть и имя существительное, напр. „*городъ* Казань“, при чемъ, смотря по ходу представленій, оно или предшествуетъ опредѣляемому, или же слѣдуетъ за нимъ (въ послѣднемъ случаѣ оно называется *приложеніемъ*). [1]) Опредѣлительными словами дѣйствій служатъ нарѣчія прилагательнаго происхожденія, обыкновенно оканчивающіяся на *-о*; ихъ отличаютъ названіемъ *обстоятельственныхъ словъ*. Что касается дополненій, то они представляютъ два случая, смотря по тому, выражаются ли склоняемымъ словомъ или же неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Иногда склоняемое слово, будучи дополненіемъ, пріобрѣтаетъ смыслъ нарѣчія, особенно при обозначеніяхъ мѣста, времени и способа дѣйствія, и тогда оно становится обстоятельственнымъ словомъ (напр. *сегодня вечеромъ* я пойду *домой*).

---

[1]) Обыкновенно въ рѣчи приложеніе ставятъ лишь для перваго поясненія того или другого новаго только-что названнаго предмета, въ дальнѣйшемъ же оно употребляется уже не въ формѣ приложенія, но опредѣленія; срв. у Карамзина: «При Василіѣ II, Темномъ, *сынѣ и наслѣдникѣ Василія I*, произошли большіе раздоры въ Золотой Ордѣ»; «Въ такихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ нашему отечеству государь осторожный, но твердый: таковъ былъ Іоаннъ III, *сынъ и наслѣдникъ Василія II, Темнаго*.

Перейдемъ теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію дополнительныхъ второстепенныхъ членовъ предложенія, выражаемыхъ какъ падежными формами, такъ и неопредѣленнымъ наклоненіемъ.

Разсматривая употребленіе падежныхъ формъ, нужно различать употребленіе падежей безпредложное и съ предлогомъ. Мы уже знаемъ, что если падежная форма состоитъ изъ слова и предлога, то предлогъ становится такою же *необходимою* частью формы, какъ и окончаніе; поэтому когда имѣется падежная форма безъ предлога и та же форма съ предлогомъ, то семазіологически это будутъ особые падежи. Такъ, напр., въ выраженіяхъ—видъ *города* ‖ идти *отъ города*—семазіологически имѣются разные падежи: въ первомъ случаѣ—*Родит.* падежъ, во второмъ—*Исходный*, при чемъ предлогъ считается формальнымъ элементомъ падежа. [1]) Обратимся теперь къ болѣе частному разсмотрѣнію семазіологическихъ оттѣнковъ падежныхъ формъ, употребляющихся въ качествѣ второстепенныхъ членовъ предложенія. [2])

Винительный падежъ. Какъ мы уже знаемъ, *Винит.* падежъ въ предложеніи является дополненіемъ къ переходному глаголу, указывая на непосредственный объектъ глагольнаго дѣйствія; такое дополненіе называется прямымъ. Съ перемѣною же дѣйствительнаго оборота на страдательный Винит. падежъ мѣняется на Именит. (срв. отецъ далъ *книгу* ‖ *книга* дана отцомъ). При такомъ превращеніи прямого или дѣйствительнаго типа предложенія въ обратный или страдательный измѣненіе, касаясь Именит. и Винит. падежа, не касается

---

[1]) Школьная грамматика ошибочно видитъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же Родит. падежъ; это происходитъ отъ того, что она искусственно отрываетъ падежную форму отъ предлога и толкуетъ послѣднюю какъ бы безпредложную.

[2]) Общую семазіологическую характеристику падежныхъ категорій въ языкахъ нашего семейства см. въ нашихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3], примѣчаніе на стр. 417—418.

другихъ косвенныхъ падежей, которые могутъ остаться попрежнему (срв. отецъ далъ книгу *сыну* || книга дана отцомъ *сыну*). Кромѣ того, Вин. падежъ можетъ служить дополненіемъ при глаголахъ какъ переходныхъ, такъ и непереходныхъ, для показанія *времени*, въ продолженіе котораго совершается дѣйствіе, или *пространства*, которое проходятъ, проѣзжаютъ и т. п.; очевидно, въ этомъ случаѣ время и пространство представляются какъ непосредственный объектъ дѣйствія (напр. я шелъ *версту* пѣшкомъ; я читалъ цѣлый *часъ*). [1]) Подобнымъ же процессомъ, какъ мы указывали при разсмотрѣніи залоговъ глагола, нѣкоторые предложные глаголы, происходящіе отъ среднихъ, получаютъ дѣйствительное значеніе и сочиняются съ Вин. падежомъ, напр. „проходить площадь". Форма Винит. падежа въ соединеніи съ разными предлогами, получаетъ рядъ другихъ оттѣнковъ значенія; такъ, напр., находясь при глаголахъ движенія (переходныхъ или непереходныхъ) данная форма, смотря по предлогу, будетъ указывать или на то, что движеніе субъекта направлено во внутренность предмета („ѣду *въ* деревню"), или на переходъ дѣйствія субъекта за предметъ („ѣду *зá*-городъ") и пр.; при глаголахъ мышленія и рѣчи форма Вин. падежа въ соединеніи съ предлогомъ *про* получаетъ значеніе объяснительное, т. е. указываетъ тотъ объектъ, которымъ занята мысль подлежащаго (напр. думаю *про* урокъ).

Родительный падежъ. Подобно тому какъ глагольное представленіе переходнаго дѣйствія распространяется Винительнымъ падежомъ, такъ наиболѣе обычнымъ распространеніемъ именного представленія служитъ *Родительный* падежъ другого

---

[1]) Въ древнемъ языкѣ Вин. времени могъ отвѣчать также на вопросъ *когда?*, показывая время, когда происходило дѣйствіе; напр. «приводяху [не-вѣсту) *вечеръ*» (= соврем. вечеромъ), откуда и наше нарѣчіе «вечóръ» (съ переносомъ ударенія на конецъ слова, какъ это нерѣдко бываетъ въ нарѣчіяхъ). Аналогичнаго происхожденія частицы: днесь, ночесь, лѣтось, зимусь.

существительнаго въ смыслѣ опредѣленія или дополненія; чрезъ прибавленіе Род. падежа именное понятіе становится болѣе опредѣленнымъ, напр. „домъ *отца*" (исключаются возможности—домъ брата, друга и т. п.). [1]) При этомъ Родит. падежъ можетъ получать разнообразные оттѣнки значенія, въ зависимости отъ характера сочетающихся именныхъ представленій; такъ, напр., онъ можетъ служить для опредѣленія принадлежности („домъ *отца*"), разнаго рода качества („человѣкъ *пожилыхъ лѣтъ*", „высокаго роста", „мягкаго характера и т. п.), матеріала („свѣча *воску яраго*"), класса предметовъ при названіяхъ собирательныхъ и количественныхъ („стадо *свиней*") и т. д.

Примѣчаніе. Иногда приходится предложеніе измѣнять такимъ образомъ, что вмѣсто глагола подставляется отглагольное существительное, напр. «братъ *читаетъ*» || «*чтеніе* брата мнѣ нравится»; въ этомъ случаѣ Родит. падежъ существительнаго обозначаетъ субъекта дѣйствія. Но если глаголъ имѣетъ при себѣ прямое дополненіе, напр. «читаетъ *книгу*», то при упомянутой замѣнѣ глагола названіе объекта дѣйствія ставится также въ Родит. падежѣ—«чтеніе *книги*». Если же при глаголѣ указаны и субъектъ, и объектъ дѣйствія, напр. «*братъ* читаетъ *книгу*», то въ именномъ оборотѣ не могутъ быть допущены два Родительныхъ въ различномъ значеніи (субъектномъ и объектномъ), а только одинъ—для названія объекта, при чемъ названіе субъекта ставится въ Творит. падежѣ по образцу страдательной конструкціи, напр. «чтеніе *книги братомъ* идетъ успѣшно». Срв. сноску на стр. 211.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и переходные глаголы могутъ распространяться дополненіемъ въ Родит. падежѣ, напр. „я

---

[1]) Въ выраженіяхъ такого рода Родит. падежъ существительнаго можетъ по смыслу замѣняться соотвѣтствующимъ прилагательнымъ притяжательнымъ, напр. «*отцовъ* домъ»; однако въ первомъ выраженіи именное понятіе можетъ быть опредѣлено еще точнѣе чрезъ прибавленіе прилагательнаго или мѣстоименія къ Родит. падежу существительнаго, напр. «домъ моего добраго отца», тогда какъ второй случай не допускаетъ такихъ болѣе опредѣленныхъ указаній, благодаря наличности лишь одного существительнаго.

принесъ *воды*“ и т. п. Здѣсь примѣненіе Родит. падежа нужно объяснить аналогіей къ выраженіямъ, обозначающимъ количество (срв. ведро воды, много воды и т. д.). То, что во взятомъ нами примѣрѣ Род. падежъ дѣйствительно зависитъ отъ подразумѣваемой идеи количества, слѣдуетъ изъ того, что при отсутствіи ея употребляется уже не Род., а Вин. падежъ, срв. „я несу (принесъ) *воды*“ ‖ я несу (принесъ) *воду*“; во второмъ примѣрѣ идея количества уже отсутствуетъ. [1]) Дальнѣйшее расширеніе употребленія Род. падежа представляютъ случаи примѣненія этого падежа въ сферѣ уже не матеріальной, а духовной, срв. „спрашивалъ ея *мнѣнія*“ (Писем. „Тюфякъ“ гл. I).

При глаголахъ *лишать*, *лишаться*, *остерегаться* и т. п. форма Род. падежа можетъ разсматриваться не какъ Род., но какъ Исходный (отдалительный) падежъ, служащій для обозначенія того предмета, котораго лишаются, отъ котораго удаляются; напр. „лишаю *наслѣдства*“, „остерегаюсь *простуды*“ и т. п.

Теперь не трудно понять употребленіе Род. падежа послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ съ *отрицаніемъ*, напр.: „я даю *деньги*“ ‖ „я не даю *денегъ*“. Во второмъ случаѣ Род. падежъ сталъ употребляться по аналогіи съ такими случаями, какъ „лишаюсь наслѣдства“, такъ какъ частица *не* тоже имѣетъ смыслъ лишенія; кромѣ того, здѣсь можно принять и вліяніе аналогіи къ случаямъ Родит. частичнаго при глаголахъ съ отрицаніемъ, напр. „я не принесъ дровъ“, откуда такая конструкція стала распространяться и на другіе случаи переходныхъ глаголовъ съ отрицаніемъ, хотя бы именное представленіе и не допускало частичности.

---

[1]) Такой Родит. количества встрѣчается также въ литовскомъ языкѣ, напр. atnėšk mán vandeñs=принеси мнѣ воды.

Въ томъ случаѣ, когда сказуемымъ является прилагательное въ *сравнит. степени*, то оно можетъ быть распространено Родит. падежомъ предметной части рѣчи, напр. „онъ сильнѣе брата“; однакожъ и здѣсь, быть можетъ, правильнѣе будетъ видѣть не Родит. падежъ, а Исходный, формы которыхъ въ славянскихъ языкахъ смѣшались; высказанное предположеніе подтверждается между прочимъ сравненіемъ съ латинскимъ языкомъ, гдѣ послѣ сравнит. степени ставится именно Исходный падежъ (Ablativus). Что касается *превосходной степени*, то—къ какому бы члену предложенія ни относилась она—указаніе при ней родового представленія или класса предметовъ выражается въ русскомъ языкѣ посредствомъ формы Родит.-Исходнаго падежа съ предлогомъ *изъ*, напр. „храбрѣйшій изъ людей“. [1])

Дательный падежъ. Когда въ предложеніи требуется въ качествѣ дополненія указать тотъ предметъ, для котораго совершается дѣйствіе, то въ этомъ случаѣ глагольныя и частію именныя названія распространяются *Дательнымъ* падежомъ, напр.: „даю книгу *тебѣ*“. Въ случаѣ замѣны глагола отглагольнымъ существительнымъ Винит. падежъ, какъ мы знаемъ, долженъ замѣниться Родит. падежомъ, а Дат. падежъ остается безъ измѣненія: „даваніе книги *тебѣ*“. Дополненіе въ Дат. падежѣ встрѣчается еще при сложномъ сказуемомъ, въ составъ котораго входятъ нѣкоторыя существительныя, а также и при нѣкоторыхъ прилагательныхъ, напр. „онъ другъ моему отцу“, [2]) „это извѣстно мнѣ“, „это понятно намъ“ и т. д.

---

[1]) Подробнѣе о смыслахъ и употребленіи Родит. падежа см. въ нашей статьѣ «Синтаксисъ Родительнаго падежа въ русскомъ языкѣ» (Р. Ф. В. 1912, № 3, стр. 211—225). Нѣсколько статей посвящено Родит. падежу въ болгарскихъ «Извѣстия на семинара по славянска филология при университета въ София, кн. III, подъ редакцията на проф. Л. Милетичъ, София (1911)».

[2]) Въ этомъ случаѣ можетъ быть употребленъ также Род. падежъ: «онъ другъ моего отца». Въ послѣднемъ случаѣ чрезъ прибавленіе Род.

Творительный падежъ. Дополненіе къ глаголу или къ отглагольному существительному полагается въ *Творит.* падежѣ, когда требуется обозначить дѣйствующій предметъ въ страдательныхъ оборотахъ, напр. „сынъ наказывается *отцомъ*", „наказываніе сына *отцомъ*". Дополненіе въ Творительномъ падежѣ можетъ служить также для обозначенія орудія, которымъ совершается дѣйствіе, напр. „пишу *перомъ*". Въ иныхъ случаяхъ Творит. падежъ пріобѣтаетъ обстоятельственное значеніе, напр. „малина растетъ кустами", „иду полемъ" и т. п.

Особаго вниманія заслуживаетъ примѣненіе въ Творит. падежѣ существительныхъ и прилагательныхъ въ сложномъ сказуемомъ, въ составъ котораго входятъ такіе глаголы, какъ —*звать, называть, считать, объявлять.... являться, казаться, называться, считаться, становиться. ... быть, жить, рости, ходить, умереть...*; напр.: онъ называется Петромъ; я считаю тебя добрымъ; быть битымъ;[1]) сидѣть сиднемъ; и т. д. Не трудно видѣть, что въ предложеніяхъ такого рода составное сказуемое выражаетъ не только дѣйствіе, но и способъ его проявленія въ признакахъ, указываемыхъ Творит. падежомъ существительнаго или прилагательнаго. Въ другихъ языкахъ въ такихъ предложеніяхъ вмѣсто Творит. падежа ставится Имепит. или же Винит., т. е. въ согласованіи съ падежомъ подлежащаго или прямого дополненія (двойной Именит. можно втрѣтить и въ современномъ русскомъ языкѣ, тогда

падежа становится болѣе ограниченнымъ (опредѣляется) представленіе «другъ»; въ первомъ же случаѣ Дат. надежъ относится не только къ слову «другъ», но вмѣстѣ и къ подразумѣваемому глаголу «есть», въ чемъ и заключается разница между сравниваемыми выраженіями.

[1]) Вмѣсто Творит. падежа при неопред. наклоненіи глагола «быть» можетъ стоять также и Дат. падежъ, напр. «быть биту». Это встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, напр. въ Сборн. 1076 г. въ безличныхъ выраженіяхъ: «послушливу быти до съмьрти» (подразум. подобаетъ); «паче (т. е. лучше) похулену быти неже хулити: обидиму быти а не обидѣти».

какъ двойной Винит.—только въ старомъ языкѣ, срв. Лавр. лѣтоп. подъ 945 г. „и повелѣ засыпати *я* (т. е. ихъ) *живы*".[1]) Нужно однако замѣтить, что при этомъ вторые Именительный или Винительный, входя въ составъ сказуемаго, получаютъ нѣсколько особый оттѣнокъ значенія по сравненію съ соотвѣтствующими падежами подлежащаго или дополненія; эта разница въ греческомъ языкѣ выражается отсутствіемъ члена при второмъ падежѣ; въ русскомъ языкѣ и другихъ славянскихъ, какъ мы только что видѣли вмѣсто Именительнаго или Винительнаго сталъ примѣняться падежъ способа или Творительный.[2]) Что касается прилагательныхъ, то въ нихъ указанная разница оттѣнка значенія находитъ себѣ выраженіе въ встрѣчающейся иногда въ русскомъ языкѣ замѣнѣ второго падежа соотвѣтствующимъ парѣчіемъ, которое, относясь уже непосредственно къ глаголу, еще нагляднѣе, чѣмъ Творит. падежъ, обозначаетъ способъ дѣйствія.[3]) Вообще же говоря, во всѣхъ разсмотрѣнныхъ здѣсь случаяхъ измѣняется синтаксическая зависимость: то, что раньше относилось къ подлежащему или дополненію, теперь приходитъ въ ближайшую связь

[1]) Въ поэзіи XVIII в также можно встрѣтить примѣненіе такихъ устарѣвшихъ оборотовъ, напр. у В. И. Майкова въ баснѣ «Роза и Змѣя»: «Натура насъ съ тобой *подобнихъ* (т е. подобными) сотворила» (Сочин., изд. 1867, стр. 190). Примѣненіе второго Именит., особенно отъ прилагательныхъ, какъ упомянуто,—встрѣчается и въ новомъ языкѣ, срв. у Пушкина «Къ морю»:

«Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я *тихій* и *туманный*,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ».

Или также у Лермонтова въ «Пророкѣ»: «Изъ городовъ бѣжалъ я *нищій*».

[2]) Употребленіе въ подобныхъ оборотахъ Творит. падежа встрѣчаемъ также и въ ближайшемъ родичѣ славянскихъ языковъ—въ языкѣ литовскомъ, напр. kū karālumi išsaūkti «объявить кого-либо королемъ».

[3]) Срв. санскритское предложеніе—yatnam akarōt susāmahitah (=онъ совершалъ покаяніе очень *старательный*), которое по-русски должно быть передано: «онъ совершалъ покаяніе очень *старательно*».

съ сказуемымъ-глаголомъ, т. е. происходитъ „синтаксическое переразложеніе". [1])

Примѣчаніе. Усвоеніе надежныхъ оттѣнковъ дѣтьми происходитъ весьма неравномѣрно. Такъ, легче всего кромѣ Им. и Зват. усваиваются Винительный прямого дополненія, Родит. вещественный, Дательный лица и изрѣдка Творит. орудія; изъ предложныхъ выраженій раньше всего усваиваются выраженія съ предлогами *въ* и *на*, отвѣчающія на вопросы: куда? гдѣ?

Не касаясь случаевъ распространенія членовъ предложенія посредствомъ надежныхъ формъ въ соединеніи съ разными предлогами, [2]) остановимся на распространеніи личныхъ глаголовъ *неопредѣленнымъ наклоненіемъ* въ качествѣ дополненія. Глаголы, распространяемые въ русскомъ языкѣ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, представляютъ въ отношеніи смысла два типа, изъ которыхъ одинъ можетъ быть названъ субъективнымъ (напр. *хочу, желаю*), другой—объективнымъ (напр. *заставляю, прошу*). Личные глаголы перваго типа естественно обусловливаютъ отнесеніе глагольнаго дополненія въ неопр. накл. къ тому же субъекту, личные же глаголы второго типа—къ объекту; напр. срв. „я хочу *читать*" (=чтобы я читалъ) || „я заставляю *тебя читать*" (=чтобы *ты* читалъ). Такъ какъ предложеніе можетъ заключаться въ безличномъ глаголѣ и вообще безличномъ выраженіи, то тогда конечно оттѣнокъ безличности распространяется и на форму неопредѣленнаго наклоненія, напр.: „*слѣдуетъ* молиться" „*хочется* играть", „*полезно* читать", „*жаль* разстаться" и т. п. Глаголы непереходнаго дѣйствія по большей части не могутъ распространяться неопред. наклоненіемъ (напр. играю, торгую и т. п.), кромѣ глаголовъ движенія, при которыхъ неопред. на-

[1]) Подробно о категоріи Творит. надежа говорится въ сочиненіи проф. А. А. Потебни Изъ записокъ по русской грамматикѣ (1888)[2] стр. 443—535.

[2]) О т. наз. Предложномъ надежѣ и древнемъ Мѣстномъ см. выше стр. 158.

клоненіе служитъ для выраженія цѣли дѣйствія. [1]) Въ этихъ случаяхъ въ древне-русскомъ языкѣ употреблялась особая глагольная форма, именуемая *супиномъ* и оканчивавшаяся на *-тъ* (напр. иде учитъ), затѣмъ вышедшая изъ употребленія и замѣнившаяся обыкновеннымъ неопр. наклоненіемъ.

Переходя къ вопросу о сложныхъ предложеніяхъ, сдѣлаемъ сначала нѣсколько общихъ замѣчаній. Сложныя предложенія могутъ состоять во 1) изъ равноправныхъ предложеній (т. наз. *составныя*), напр. я читаю, а ты играешь; при этомъ если имѣются общіе члены въ томъ и другомъ, то они—согласно принципу экономіи—могутъ не повторяться, напр. братъ сидитъ и читаетъ (такія предложенія получили наименованіе *слитныхъ*); 2) изъ неравноправныхъ предложеній—главнаго съ зависимымъ отъ него придаточнымъ, напр. „Несется онъ къ Франціи милой, *гдѣ* славу оставилъ и тронъ" (Лермонтовъ). Сущность разницы между этими двумя типами сложныхъ предложеній сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ, при *сочиненіи*, сохраняется самостоятельность и полнота смысла каждаго изъ сочетаемыхъ предложеній, тогда какъ во второмъ, при *подчиненіи*, одно предложеніе, именно придаточное, служитъ какъ бы частью главнаго, отвѣчающею на тотъ или другой вопросъ при этомъ послѣднемъ. Кромѣ этихъ двухъ типовъ сложнаго предложенія можно выдѣлить еще одинъ какъ бы переходный между ними типъ, въ которомъ обѣ части сложнаго предложенія взаимно обусловливаютъ другъ друга; сюда относятся предложенія условныя и уступительныя. Хотя въ этихъ предложеніяхъ школьная грамматика и находитъ часть придаточную съ союзами „если" и „хотя", выражающими условіе или

[1]) Кромѣ того, съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ могутъ сочетаться глаголы—боюсь, надѣюсь, рискую и нѣк. др.

уступленіе, однакожъ въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ того подчиненія, какимъ характеризуются другія придаточныя предложенія; это доказывается способностью условныхъ и уступительныхъ частей сложнаго предложенія выдѣляться въ самостоятельныя цѣлыя, чего не бываетъ при подчиненіи; срв. фразы: „*если бы* у меня были крылья!“ „ну, *хотя бы* и такъ?“ [1])

Что касается интонаціи сложныхъ предложеній, то, какъ увидимъ изъ нотныхъ записей, они обычно подраздѣляются на двѣ половины, отдѣленныя одна отъ другой довольно значительною паузою. Движеніе тона въ той и другой половинѣ неодинаково: первая половина, будетъ ли она придаточною или же главною, имѣетъ болѣе или менѣе восходящее движеніе и вообще произносится выше по сравненію со второй половиной, имѣющею нисходящее движеніе, которое на столько характерно, что даже ударяемый слогъ послѣдняго слова, слѣдующій за неударенными, произносится ниже послѣднихъ. При всемъ томъ вторая половина примыкаетъ къ первой такимъ образомъ, чтобы ея тоничность или тесситура находилась въ соотвѣтствіи съ начальной половиной, ибо иначе не

---

[1]) Такимъ образомъ обычное дѣленіе *всѣхъ* сложныхъ предложеній на сложно-сочиненныя и сложно-подчиненныя страдаетъ нѣкоторою искусственностью, особенно когда стараются живое разнообразіе языка уложить въ эти двѣ произвольно напередъ указанныя и слишкомъ категорически отграниченныя рубрики. Прежде всего—во *всякомъ* сложномъ предложеніи его части составляютъ одно цѣлое, такъ что, будучи взяты отдѣльно, уже не могутъ имѣть вполнѣ прежняго смысла или даже совсѣмъ не возможны, подобно тому какъ морфологическія части слова существуютъ только въ самомъ словѣ, но не отдѣльно отъ него. Точно такимъ же образомъ та и другая часть сложнаго предложенія, строго говоря, не являются самостоятельными, но лишь совмѣстно образуютъ одно цѣлое. Ставъ на эту точку зрѣнія, изслѣдователь долженъ стремиться къ тому, чтобы безтенденціозно опредѣлить типы связей или отношеній между обѣими частями сложныхъ предложеній и способовъ формальнаго обозначенія этихъ связей въ рѣчи (включая сюда и отсутствіе соединяющихъ словъ, равно какъ порядокъ словъ и интонацію).

получилось бы цѣлостности сложной фразы. Повышеніе тона первой половины сопровождается crescendo, а пониженіе второй—diminuendo. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ сложномъ предложеніи встрѣчаются повышенія голоса и помимо подраздѣленія такого предложенія на двѣ половины, эти повышенія обычны напр. въ слитныхъ предложеніяхъ при перечисленіяхъ, а также передъ союзами, чѣмъ какъ бы указывается слушателю на незаконченность фразы.

Придаточныя предложенія бываютъ въ такъ называемомъ *полномъ* и *краткомъ* видѣ. Связь полнаго придаточнаго предложенія съ главнымъ можетъ обозначаться: 1) посредствомъ мѣстоименій относительныхъ, 2) посредствомъ мѣстоименныхъ нарѣчій, 3) посредствомъ союзовъ (временныхъ, условныхъ, уступительныхъ, причинныхъ и пр.). Первый родъ связи употребляется тогда, когда придаточное предложеніе относится къ главному или второстепенному члену предложенія, выраженному посредствомъ склоняемаго слова; второй родъ связи примѣняется въ томъ случаѣ, когда придаточное предложеніе относится къ обстоятельственному слову главнаго предложенія, но иногда можетъ употребляться также и въ первомъ случаѣ какъ параллельный оборотъ; третій родъ связи употребляется тогда, когда придаточное предложеніе относится къ главному въ его цѣломъ, а не къ отдѣльному его члену.

Перейдемъ теперь къ болѣе частному разсмотрѣнію отдѣльныхъ типовъ *полныхъ придаточныхъ предложеній* въ связи съ главнымъ предложеніемъ, классифицируя ихъ уже не по способу формальнаго присоединенія къ главному предложенію, а на основаніи смысловыхъ различій, при чемъ оговоримся, что факты живой рѣчи не всегда укладываются въ тотъ или другой опредѣленный типъ, но могутъ занимать переходное положеніе, относясь одновременно къ тому и другому.

а) Типъ **опредѣлительно-описательный** употребляется въ томъ случаѣ, когда тотъ или другой предметный членъ пред-

ложенія не можетъ быть выраженъ однимъ словомъ, а требуетъ описанія. Въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе начинается относительнымъ мѣстоименіемъ или относительнымъ нарѣчіемъ, которымъ въ главномъ предложеніи соотвѣтствуютъ указательныя мѣстоименіе или нарѣчіе, нерѣдко опускаемыя. Если придаточное предложеніе начинается относительнымъ мѣстоименіемъ, то послѣднее полагается въ томъ падежѣ, какой обусловливается требованіями присоединяемаго придаточнаго предложенія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи даннаго типа:

Кто много посмѣетъ, *тотъ* у нихъ и правъ... (Достоев. „Прест. и Наказ." ч. 5, гл. IV):

Кто мно-го по-смѣ-етъ, тотъ у нихъ и правъ.

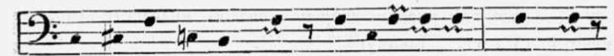
Что пройдетъ, *то* будетъ мило (Пушк. „Если жизнь тебя обманетъ", 1825 г.):

Что прой - детъ, то бу - детъ ми - ло.

Тому, *кого* караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ. (Пушк. „Друзьямъ", 1828 г.).

Она видѣла въ немъ что-то новое, *съ чѣмъ* ей не случалось встрѣчаться (Тург. „Отцы и дѣти" гл. XVI):

О - на ви - дѣ-ла въ немъ что-то но-во - е съ чѣмъ ей

не слу - ча-лось встрѣ-чать - ся

У васъ въ эту минуту тысяча мыслей въ головѣ, *изъ которыхъ* вы мнѣ ни одной не повѣрите. (Тург. „Наканунѣ" гл. IX).

Такой тонъ былъ общій у всѣхъ прикащиковъ, *сколько* ихъ у него ни перебывало. (Л. Толстой „Анна Кар.", ч. 2, гл. XIII).

... онъ вошелъ въ маленькую гостинную, *гдѣ* всегда пилъ чай... (Тамъ же, ч. 1, гл. XXVII).

б) Типъ **уподобительно-сравнительный** употребляется въ томъ случаѣ, когда требуется сравнить однородные предметы или явленія въ смыслѣ сходства, или же показать разницу между ними въ смыслѣ степени качества. Формальное отличіе такого типа состоитъ въ томъ, что придаточное предложеніе начинается съ относительнаго мѣстоименія или мѣстоименнаго нарѣчія, выражающихъ уподобленіе (напр. *какой*, *какъ*), или же со слова „чѣмъ"; въ первомъ случаѣ главное предложеніе содержитъ указательное мѣстоименіе (нерѣдко опускаемое), а въ послѣднемъ—сравнительную степень прилагательнаго или нарѣчія. Примѣры:

Каковъ попъ, *таковъ* и приходъ (Народ. поговорка):

Ка - ковъ попъ, та - ковъ и при-ходъ

. . . *какъ* всѣ русскіе дворяне, онъ въ молодости учился музыкѣ. (Т у р г. „Накануне“ гл. V).

Вы не стѣсняйтесь, *какъ бы* наединѣ самъ себѣ! (Д о с т о е в. „Прест. и Нак.“ ч. 6, гл. VIII).

Какъ невозвратная струя блеститъ, бѣжитъ и исчезаетъ,
Такъ жизнь и юность убѣгаетъ. . . (П у ш к. 1825 г.).

Какъ не-воз-врат-на-я струя бле-ститъ, бѣ-житъ

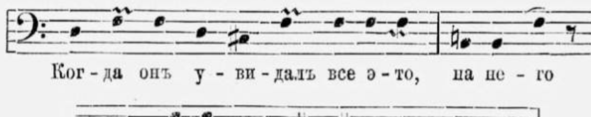
и ис-че-за-етъ, Такъ жизнь и ю-ность у-бѣ-га-етъ

. . . произнесла весь этотъ маленькій спичъ съ особенною отчетливостью, *словно* она его наизусть выучила. (Т у р г. „Отцы и Дѣти“ гл. XVI).

Счастливѣй былъ, *чѣмъ* вы и я. (Л е р м. „Казначейша“ XVII).

в) Типъ **временной** выражаетъ одновременность или же послѣдовательность дѣйствій главнаго и придаточнаго предложенія союзами, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и видами глагола несовершеннымъ и совершеннымъ. Срв.:

Когда онъ увидалъ все это, на него на минуту напало сомнѣніе (Л. Т о л с т о й „Анна Кар.“ ч. 1, гл. XXVI).

Ког-да онъ у-ви-далъ все э-то, на не-го

на ми-ну-ту на-па-ло со-мнѣ-ні-е

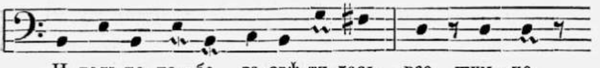
Въ то время, какъ она выходила изъ гостинной, въ передней послышался звонокъ. (Тамъ же, глава XXI).

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока. (Л е р м. „Пророкъ“).

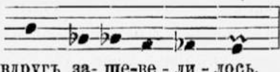
Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ. (П у ш к. „Поэтъ“).

Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ какъ тутъ (Л е р м. „Бородино“).

И *только* небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось (Тамъ-же).

И толь-ко не-бо за-свѣ-ти-лось, все шум-но

вдругъ за-ше-ве-ли-лось.

г) Типъ **изъяснительный** служитъ для распространенія главнаго предложенія, сказуемое котораго выражено глаголомъ изъяснительнымъ (напр. *думаю, говорю, знаю* и мн. др.). Въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе начинается союзомъ „что“ (иногда „какъ“). [1]) Къ этому типу подойдутъ и зависи-

[1]) Если придаточное предложеніе зависитъ отъ главнаго, содержащаго глаголъ *недостовѣрнаго знанія*, то въ придаточномъ предложеніи къ изъяснительному союзу прибавляются частицы *де* или *дескать*, а также *будто бы*.

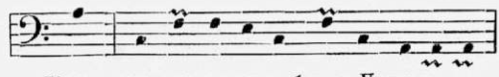
мыя вопросительныя предложенія, начинающіяся вопросительнымъ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ. Напримѣръ:

И *знать, что* никогда не проникнешь въ эту душу, не будешь *вѣдать, отчего* она грустить, отчего радуется?... (Тургенева „Накаyнѣ“ гл. IX).

Спой мнѣ *пѣсню, какъ* синица
Тихо за моремъ жила,
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой по утру шла. (Пушк. „Зимній вечеръ“).

Кѣмъ убитъ и *отчего*,
Знаетъ соколъ лишь его. (Пушк. „Шотландск. пѣсня“ 1828).

Жаль, что ты не разобралъ Устрялова (Письма Пушк., № 482, ред. Морозова):

Жаль, что ты не ра-зо-бралъ У-стря-ло-ва

д) Типъ **условный** употребляется тогда, когда осуществленіе положенія, высказываемаго главнымъ предложеніемъ, зависитъ отъ того или другого условія, заключающагося въ придаточномъ предложеніи. Въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе обычно присоединяется къ главному посредствомъ союза „если“, происшедшаго изъ глагольной формы „есть“ съ прибавленіемъ вопросительной частицы „ли“. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ мы усматриваемъ связь условныхъ придаточныхъ предложеній съ вопросительными. Что это дѣйствительно такъ, подтверждаютъ случаи изъ живой рѣчи, когда условіе выражено не сложнымъ предложеніемъ, а двумя равноправными, изъ которыхъ первое оказывается вопросительнымъ. Очень нагляднымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ писемъ Пушкина (1837 г.): „Не согласитесь *ли* вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ? *Въ такомъ случаѣ* буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу“. [1]) Когда въ условномъ предложеніи высказывается сужденіе не какъ фактъ дѣйствительности, а лишь возможности или желанія, то въ этомъ случаѣ примѣняется частица *бы*, придающая оттѣнокъ сослагательнаго наклоненія; иногда для той же цѣли въ придаточномъ предложеніи употребляется повелительное наклоненіе, которое, какъ мы видѣли (стр. 250, сноска) въ такихъ оборотахъ является пережиткомъ желательнаго наклоненія. Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ сложныхъ предложеній условнаго типа:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись! (Пушк. 1825 г.) [2])

Если жизнь те-бя об-ма-нетъ, не пе-чаль-ся, не сер-дись!

Если вы, господа, не боитесь скуки, пріѣзжайте ко мнѣ... (Тург. „Отцы и Дѣти“, гл. XV).

Русскій человѣкъ любитъ подчивать—*коли* не чѣмъ инымъ, *такъ* своими знакомыми. (Тург. „Наканунѣ“ гл. VII).

[1]) Анализируя съ этой точки зрѣнія и другіе типы сложныхъ предложеній, въ которыхъ придаточныя предложенія присоединяются съ помощью вопросительно-относительныхъ мѣстоименій, нарѣчій или союзовъ, можно допустить, что всѣ они вырабатывались подъ вліяніемъ вопросительнаго типа.

[2]) Изъ нотнаго обозначенія видно, что «не печалься» въ придаточномъ предложеніи передъ запятою произносится съ повышеніемъ, объясняющимся тѣмъ, что дальше слѣдуетъ еще «не сердись»; но если бы та же фраза не имѣла этого слова и заканчивалась бы на словѣ «не печалься», то интонація его получилась бы иная—съ пониженіемъ:

не не - чаль - - ся!

Посади я его слишкомъ рано (т. е. въ тюрьму), *такъ* вѣдь я ему пожалуй нравственную опору придамъ... (Достоев. „Прест. и Нак." гл. V).

Брожу *ли* я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу *ль* во многолюдный храмъ,
Сижу *ль* межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ. (Пушк. Стансы, 1829 г.).

Не будь на то Господня воля,—
Не отдали бъ Москвы! (Лерм. „Бородино").

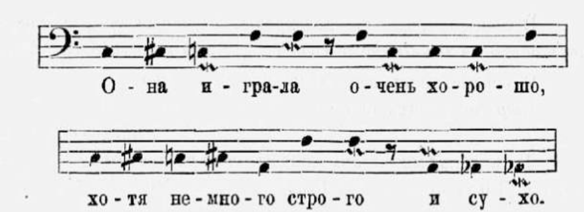
Примѣчаніе. Въ поговоркахъ и пословицахъ, отличающихся всегда возможною краткостью выраженія, часто наблюдается отсутствіе условнаго союза; срв. поговорку: «умъ—хорошо, а два—лучше того», гдѣ сопоставлены два условныхъ предложенія, а именно: *если* есть умъ, *то* это хорошо, а *если* есть два, *то* еще того лучше. Срв. также въ сербскомъ: и пањ је леп, обуђен, и накићен», т. е. и пень хорошъ, *если* онъ одѣтъ и наряженъ.

е) Къ условному близко подходитъ по смыслу типъ **уступительный**, употребляющійся тогда, когда осуществленіе положенія, высказываемаго главнымъ предложеніемъ, происходитъ вопреки условію, выраженному въ придаточномъ предложеніи. Обычнымъ звеномъ между главнымъ и придаточнымъ предложеніемъ служитъ здѣсь уступительный союзъ *хотя*, возникшій изъ дѣепричастія глагола хотѣть; такимъ образомъ здѣсь придаточнымъ предложеніемъ первоначально высказывалось желаніе, между тѣмъ какъ главное предложеніе служило для противоположенія. Примѣры:

Она играла очень хорошо, *хотя* немного строго и сухо (Тург. „Отцы и Дѣти" гл. XVI): [1])

[1]) Въ придаточномъ предложеніи слово «строго» произнесено съ повышеніемъ, но если бы оно заканчивало фразу, то интонація должна измѣниться:

Сколько ты *ни* стучись природѣ въ дверь, не отзовется она понятнымъ словомъ... (Тург. „Накунунѣ" гл. I).

...но, *не смотря на* голосъ грозный
И на рѣшительный приказъ,
Я не уйду... (Лерм. „Маскарадъ", 1835 г.).

Пускай, какъ онъ, я чуждъ для свѣта,
Но чуждъ зато и небесамъ. (Лерм. „Толпѣ").

Пускай холодною землею
Засыпанъ я,—
О другъ,—всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя. (Лерм. „Любовь мертвеца").

ж) Типъ, служащій для выраженія **причины и слѣдствія**, примѣняется въ томъ случаѣ, когда главное предложеніе высказываетъ событіе, а придаточное—или слѣдствіе, или причину его. Но каждое изъ такихъ сложныхъ предложеній въ свою очередь можетъ быть видоизмѣнено такимъ образомъ, что главное предложеніе послужитъ для выраженія причины или слѣдствія, а придаточное по смыслу какъ бы займетъ его первоначальное мѣсто, напр. „его похвалили, *потому что* онъ очень хорошо спѣлъ" || „онъ очень хорошо спѣлъ, *такъ что* его похвалили". Такія обращенныя предложенія могутъ являться также въ видѣ составного предложенія, напр. „онъ очень хорошо спѣлъ и *потому* его похвалили". Вотъ нѣкоторые примѣры разсмотрѣннаго типа:

Впрочемъ, я охотно васъ прощаю, *потому что*, вы знаете, я невзыскательный человѣкъ. (Тург... „Накануне“ гл. VIII).

И сердце вновь горитъ и любитъ—*оттого*,
Что не любить оно не можетъ. (Пушк. „На холмахъ Грузіи“, 1829 г.).

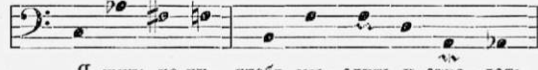
Да и день былъ *такъ* хорошъ, *что* нельзя было сердиться. (Л. Толстой „Анна Кар.“ ч. 2, гл. XIII).

з) Типъ, служащій для выраженія **цѣли**, въ главномъ предложеніи представляетъ событіе, а въ придаточномъ—цѣль его, при чемъ связующимъ словомъ служитъ союзъ „чтобы“, а глаголъ придаточнаго предложенія выражается при одинаковыхъ подлежащихъ съ главнымъ предложеніемъ посредствомъ неопредѣленнаго наклоненія, въ случаѣ же разныхъ подлежащихъ—прошедшимъ временемъ; напримѣръ:

Надо биться, *чтобы* лучше, гораздо лучше жить...
(Л. Толстой „Анна Кар.“ ч. 1, гл. XXVII).

Я жить хочу, *чтобъ* мыслить и страдать. (Пушк. „Элегія“ 1830 г.).

Желаю славы я, *чтобъ* именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно. (Пушк. „Желаніе славы“).

Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья...
(Пушк. „Молитва“, 1836 г.).

Примѣчаніе. Замѣтимъ здѣсь о различіи значенія прошедшаго времени въ придаточныхъ предложеніяхъ временныхъ сравнительно съ условными, уступительными и причинными: въ первыхъ прош. время совершающагося дѣйствія принимаетъ оттѣнокъ одновременности (напр. когда N *входилъ*, то сказалъ...), *а* прош. время совершеннаго вида указываетъ на прошедшее, непосредственно предшествующее другому прошедшему (напр. когда N *вошелъ*, то сказалъ...); въ придаточныхъ же не-временныхъ прошедшее время имѣетъ оттѣнки совершеннаго или несовершеннаго вида, но уже не выражаетъ идеи послѣдовательности или же одновременности прошедшихъ дѣйствій придаточнаго и главнаго преложенія; въ предложеніяхъ цѣли глаголъ въ формѣ прош. вр. съ частицею *бы* естественно обозначаетъ уже будущее время (при союзѣ «да» видимъ особую конструкцію).

Что касается краткихъ придаточныхъ предложеній, то было бы ошибкою думать, что краткій видъ *произошелъ* изъ полнаго; оба вида имѣютъ самостоятельное происхожденіе и только другъ другу соотвѣтствуютъ. Краткія придаточныя предложенія представляютъ типы **причастный** и **дѣепричастный** и могутъ служить для выраженія разныхъ связей, при чемъ причастный типъ преимущественно соотвѣтствуетъ полному придаточному предложенію перваго рода, а дѣепричастный—полному придаточному третьяго рода (см. стр. 321). Примѣры:

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной. (Пушк. „Кавк.“).

Невидимо *склоняясь* и *хладѣя*,
Мы близимся къ началу своему... (Пушк., 19 окт. 1825 г.).

Причастный типъ можетъ относиться къ любому предметному члену главнаго предложенія, который по смыслу становится тогда подлежащимъ (подразумѣваемымъ) краткаго придаточнаго предложенія, а причастіе является какъ бы въ роли сказуемаго; дѣепричастный же типъ возможенъ только при условіи одинаковости подлежащихъ. Этотъ послѣдній типъ

развился уже въ теченіе историческаго времени, въ древнемъ же языкѣ мѣсто дѣепричастія заступали причастія въ краткомъ видѣ, срв. напр.: „и мы сѣдимъ *платяче* (множ. число) дань“—Лавр. подъ 862 г.

Нужно еще упомянуть о краткихъ придаточныхъ предложеніяхъ съ прилагательными, или другими эквивалентными имъ выраженіями, при чемъ какъ бы подразумѣвается дѣепричастіе глагола „быть“ (т. е. *будучи*); срв. напр. такія весьма обычныя построенія фразъ, какъ: „небольшого роста, худенькая, совершенная брюнетка, она имѣла густые, черные волосы“ (Писемскій Тысяча душъ, ч. 1, гл. II).

Наконецъ, отмѣтимъ существованіе такихъ предложеній, которыя, будучи совершенно независимыми, вставляются въ другое предложеніе безъ какихъ-либо связующихъ словъ, это—т. наз. вводныя предложенія. При произношеніи они получаютъ особый темпъ (чаще — болѣе быстрый) и другую силу и тонъ (тише и ниже), между тѣмъ какъ часть фразы, слѣдующая за вводнымъ предложеніемъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ примыкаетъ къ типу или теченію начальной части, прерванной вводнымъ предложеніемъ. Въ этомъ наглядно убѣждаемся изъ слѣдующаго примѣра, взятаго изъ разговора:

— А чѣмъ же онъ, *извините меня за безпокойство*, знаменитъ? (Аверченко „Незамѣтный подвигъ“ гл. I).

Въ приведенномъ примѣрѣ вводное предложеніе произносится именно такъ, какъ указано.

Мы уже представляли образцы движенія тона въ предложеніяхъ простыхъ и сложныхъ. Дадимъ теперь въ видѣ дополненія нотную передачу цѣлаго разсказа, взявъ для этого извѣстное стихотвореніе въ прозѣ Тургенева, подъ заглавіемъ „Русскій языкъ“, при чемъ мы довольствуемся для каждаго гласнаго лишь одною главной высотой, оставляя въ сторонѣ переходные тоны и длительность нотъ:

Заканчивая изложеніе морфологіи и синтаксиса литературнаго русскаго языка, сдѣлаемъ общую характеристику хода и развитія морфологическихъ и синтаксическихъ процессовъ и явленій. Мы видѣли, какъ языкъ пользуется прежнимъ

запасомъ корней для обозначенія новыхъ представленій и понятій, какъ излишнее разнообразіе однозначущихъ морфемъ редуцируется путемъ аналогіи или же приспособляется къ выраженію новыхъ смысловыхъ оттѣнковъ, какъ слова съ сложнымъ морфологическимъ составомъ становятся въ языковомъ чутьѣ простыми символами, какъ вмѣсто прежнихъ болѣе длинныхъ выраженій появляются сокращенныя, благодаря опущенію легко подразумѣваемыхъ словъ, какъ развивается бо́льшая связность при сочетаніи предложеній путемъ подчиненія вмѣсто сочиненія. Всѣ эти явленія связаны одной общей тенденціей—выражать міръ представленій меньшимъ количествомъ символовъ и облегчать переходъ послѣднихъ при процессѣ рѣчи въ безсознательную дѣятельность, требующую уже меньшаго психическаго напряженія; эту тенденцію мы можемъ назвать стремленіемъ къ *экономіи духовныхъ силъ* и къ *удобству памяти*, этой хранительницы сложнаго ассоціативнаго аггрегата рѣчи, и съ этой точки зрѣнія весь процессъ слѣдуетъ разсматривать какъ *прогрессъ языка*.

Библіографическія указанія. Кромѣ извѣстныхъ трудовъ Буслаева и Потебни по русскому синтаксису, отмѣтимъ: Овсянико-Куликовскій Д. Синтаксисъ русскаго языка (1912)[2]; Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка (1912)[2]; Синтаксическія наблюденія, Ж. М. Н. Пр., май 1897 г. и май 1898 г., Фортунатовъ Ф. О преподаваніи грамматики рус. яз. въ средней школѣ (въ Приложеніи къ «Трудамъ перваго съѣзда преподавателей рус. яз. въ военно-учеб. заведеніяхъ» стр. 371 — 404); Поржезинскій В. Введеніе въ языковѣдѣніе (1910)[2] гл. VIII; Кудрявскій Д. Н. Введеніе въ языкознаніе (1912); Томсонъ А. Родительный-винит. падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ слав. яз. (Изв. Ак. Н. 1908 г., XIII т.); Къ вопросу о возникновеніи род.-вин. въ слав. яз. (тамъ же, 1909 г., XIV т.); Будде Е. Основы синтаксиса рус. яз. (Р. Ф. В. LXIV, 1910 г.); Грунскій Н. Очерки по исторіи разработки синтаксиса слав. языковъ (Ж. М. Н. Пр. 1910, 1911 г. и Уч. Зап. Юрьев. Ун. 1911, №№ 11 и 12. Глаголевскій П. Синтаксисъ языка русскихъ пословицъ (1873). Коршъ Ѳ. Способы относительнаго подчиненія. Глава изъ сравнительнаго синтаксиса (1877).

Глава XV.

Очеркъ діалектологіи современнаго русскаго языка.

До сихъ поръ мы изучали грамматическій строй современнаго литературнаго русскаго языка, по—какъ мы уже объясняли въ самомъ началѣ своего труда—въ предметъ научно-грамматическаго изученія языка входитъ также знакомство съ особенностями простонародныхъ говоровъ этого языка, а потому мы и обратимся къ обзору нарѣчій и говоровъ простонароднаго русскаго языка.

Прежде всего мы постараемся уяснить себѣ самый процессъ, ведущій къ діалектическому дробленію языка, т. е. къ распаденію его на нарѣчія, нарѣчій на поднарѣчія, а этихъ послѣднихъ на болѣе мелкія группы—говоры; при этомъ наиболѣе мелкой діалектической единицей должны считаться говоры отдѣльныхъ селеній, деревень и т. п. [1]) Съ точки зрѣнія развитія языка, всѣ эти діалектическія особенности возникли лишь постепенно изъ первоначальныхъ незначительныхъ различій, которыя, увеличиваясь съ теченіемъ времени, дали начало главнымъ нарѣчіямъ; въ свою очередь въ этихъ послѣднихъ аналогичнымъ образомъ выступили новыя, болѣе частныя различія, послужившія основаніемъ для под-

---

[1]) Слѣдуетъ однако замѣтить, что и эти послѣдніе не представляются совершенно однородными, такъ какъ состоятъ изъ не вполнѣ идентичныхъ говоровъ индивидуумовъ различнаго возраста, пола, развитія и т. д.

нарѣчій; говоры же являются уже наиболѣе поздними продуктами діалектическаго развитія языка. Факторы, обусловливающіе діалектическое дробленіе или дифференціацію языка, весьма разнообразны, вслѣдствіе чего мы ограничимся здѣсь указаніемъ лишь главнѣйшихъ изъ нихъ. Выше, въ главѣ IV-ой, мы разъяснили, что языкъ съ теченіемъ времени необходимо долженъ видоизмѣняться благодаря фактору *смѣны генерацій*. Но одно это обстоятельство еще не можетъ объяснить возникновенія нарѣчій или говоровъ въ языкѣ, ибо если бы говорящіе извѣстнымъ языкомъ могли всегда составлять одно тѣсно сплоченное небольшое цѣлое, то ихъ говоръ хотя и измѣнялся бы, но равномѣрно во всѣхъ частяхъ населенія, и слѣдовательно не распался бы на діалектическія различія. Возникновеніе послѣднихъ очевидно обусловливается еще другими моментами, именно: 1) разселеніемъ, 2) сосѣдствомъ съ другими говорами или языками, 3) смѣшеніемъ племеннымъ, 4) политическими и нѣкоторыми другими условіями.

1) Умноженіе населенія и экономическія условія заставляли нѣкоторую часть однороднаго населенія отдѣляться и избирать другое мѣсто жительства. При этомъ тѣ незначительныя варіаціи языка, которыя нивеллировались раньше при совмѣстной жизни населенія, теперь, съ разъединеніемъ его, могли получать свое особое развитіе. Вполнѣ понятно, что чѣмъ болѣе разъединенія между тою и другою частью населенія и чѣмъ труднѣе сообщеніе между ними, тѣмъ условія благопріятнѣе для діалектическаго распаденія языка, а чѣмъ больше соприкосновеній, тѣмъ больше будетъ сохраняться одинаковыхъ родственныхъ чертъ въ ихъ говорахъ.

2) Затѣмъ, діалектическому развѣтвленію языка способствуетъ то обстоятельство, что къ моменту разъединенія присоединяется новый, большой важности, факторъ сосѣдства уже съ другими говорами или языками, отличными отъ діалектовъ, съ которыми то же населеніе соприкасалось раньше. Понятно, что сосѣдство, ведущее вообще къ взаимодѣйствію говоровъ

(т. е. извѣстный говоръ, вліяя нѣкоторыми чертами на сосѣдній, въ свою очередь испытываетъ вліяніе со стороны послѣдняго), теперь будетъ вызывать въ данномъ говорѣ уже другія видоизмѣненія, чѣмъ тѣ, какія онъ испытывалъ при прежнемъ сосѣдствѣ. Такъ, напр., въ Сибири русскіе поселенцы нижняго теченія Енисея усвоили у сосѣдей-остяковъ произношеніе *с* и *з* вм. *ш* и *ж* и говорятъ п о с о л вм. *пошол*, з а р к о вм. *жарко* и т. п. [1])

3) Иногда происходитъ смѣшеніе племенъ какъ родственныхъ, такъ и чуждыхъ между собою, при чемъ одни племена ассимилируются по языку другимъ. Въ этомъ случаѣ говоръ, получающійся въ результатѣ, будетъ однакожъ содержать нѣкоторыя особенности, пріобрѣтенныя имъ отъ поглощеннаго племени. Такъ, напр., русскій языкъ при своемъ распространеніи на сѣверо-востокъ въ область финскихъ племенъ вытѣснилъ діалекты послѣднихъ, воспринявъ однако въ себя нѣкоторые ихъ элементы, свидѣтельствующіе и теперь о поглощенной финской подпочвѣ. [2])

4) На ходъ діалектическаго развитія языка могутъ вліять также и политическія условія, ведущія къ соединенію нѣкоторыхъ племенъ въ одно государственное цѣлое, или же, напротивъ, къ разъединенію близко-родственныхъ по языку племенъ. Это происходитъ отъ того, что общая политическая

[1]) Въ случаѣ позднѣйшихъ переселеній сосѣдство могло еще и не оказать замѣтнаго вліянія на говоры пришедшихъ въ соприкосновеніе пришлаго и коренного населенія; благодаря этому, по степени взаимодѣйствія тѣхъ и другихъ говоровъ можно отчасти судить о давности переселенія; такъ, слѣдуетъ думать, что еще не сгладившаяся пестрота окающихъ и акающихъ говоровъ Нижегородской и нѣкоторыхъ другихъ приволжскихъ губерній указываетъ на сравнительно позднюю колонизацію.

[2]) Такое вытѣсненіе можетъ быть и между родственными племенами. Въ примѣръ можно указать на малоруссовъ (около 2000 человѣкъ) въ бывшихъ имѣніяхъ гр. Разумовскаго въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губ., говоръ которыхъ почти совсѣмъ уже ассимилировался съ мѣстнымъ великорусскимъ нарѣчіемъ.

жизнь приводитъ соединившіяся племена къ общенію между собою, а это послѣднее, какъ мы знаемъ, влечетъ за собою нѣкоторое уравниваніе говоровъ (срв. съ одной стороны объединеніе разныхъ племенъ московскимъ княжествомъ и съ другой подчиненіе юго-западныхъ русскихъ областей литовскимъ, впослѣдствіи польско-литовскимъ, государствомъ). Кромѣ политическихъ условій на діалектическое разнообразіе языка вліяютъ также различныя географическія и соціально-экономическія условія. Здѣсь можно указать на значеніе рѣкъ и рѣчныхъ бассейновъ, [1]) на различія языка въ отдѣльныхъ классахъ населенія, вліяніе школы и грамотности и т. п.

Какъ мы уже говорили (см. стр. 2), русскій языкъ прежде всего распадается на двѣ главныя вѣтви: языкъ *великорусскій*, господствующій въ сѣверной и средней части Европейской Россіи, и *малорусскій*, простирающійся къ югу отъ него; великорусскій языкъ подраздѣляется на нарѣчія *сѣверно-великорусское* и *южно-великорусское*, изъ которыхъ послѣднее въ своей западной части образуетъ особую вѣтвь—*бѣлорусскаго* нарѣчія. [2])

---

[1]) Вообще рѣки, служа удобными путями при колонизаціи, въ то же время могутъ составлять естественую границу говоровъ, изъ которыхъ одинъ распространяется по одному берегу, а другой по другому, что случалось въ особенности при невозможности удобной переправы черезъ широкія рѣки; такъ, напр., неодинаковъ говоръ Муромскаго у. Владимірской губ по правому и лѣвому берегу Оки, также говоръ Ярославскаго у. по ту и другую сторону Волги. Затѣмъ, такую же раздѣлительную роль играютъ волоки и водораздѣлы; такъ напр. въ Олонецкой губ. волокъ, отдѣляющій бассейнъ Онежскаго озера и рѣки Онеги, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ раздѣльною чертою говоровъ по ту и по другую отъ него стороны, а въ свою очередь водораздѣлъ между рѣками Онегою и Сѣв. Двиною также представляетъ собою естественую границу двухъ діалектическихъ различій. Укажемъ еще на значеніе лѣсовъ, придающихъ мѣстности глухой, замкнутый характеръ; срв.: московское аканье заразило западные говоры Костромской губ., тогда какъ лѣсныя пространства восточныхъ ея уѣздовъ остались свободными отъ вторженія этого явленія.

[2]) Нерѣдко въ грамматическихъ сочиненіяхъ нарѣчіе бѣлорусское называется языкомъ; по этому поводу мы должны вообще замѣтить, что каж-

Нарѣчіе *сѣверно-великорусское* слышится въ сѣверо-восточномъ углу Псковской губерніи (въ Порховскомъ уѣздѣ), затѣмъ въ губерніяхъ Новгородской, Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Владимірской (кромѣ самой южной ея части), Вятской и Пермской; кромѣ того, оно слышится отчасти въ губерніяхъ средняго и нижняго Поволжья, а также въ Пріуральѣ и Сибири. Занимая такимъ образомъ сѣверную часть Россіи, это нарѣчіе на сѣверо-западѣ соприкасается съ языками финскими, на западѣ отчасти съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, на югѣ съ южно-великорусскимъ, на востокѣ приходитъ въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми финскими и татарскими языками. Главныя особенности этого нарѣчія слѣдующія:

1) *оканье*, т. е. произношеніе гласнаго *о* на мѣстѣ орѳографическаго начертанія *о* въ различныхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр. вода, скоро и т. п.;

2) *ёканье*, т. е. произношеніе орѳ. *е* какъ *ё* при слѣдующемъ твердомъ согласномъ не только при удареніи, но и въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр. н'осу;

3) произношеніе орѳ. *я* какъ *е*, а орѳ. *ѣ*—какъ *и*, преимущественно при удареніи и слѣдующемъ мягкомъ согласномъ, напр. петь (=орѳ. пять), недиля (=орѳ. недѣля);

4) *цоканье* и *чаканье*, т. е. произношеніе *ц* вм. *ч* и наоборотъ, напр. чарь, доць;

5) болѣе или менѣе сильное и отчетливое произношеніе всѣхъ неударяемыхъ слоговъ;

6) нѣкоторыя морфологическія особенности, какъ напр. окончанія *-ой* и *-ей* въ И. ед. прил. муж. рода не только при удареніи, но и въ случаѣ неударенности ихъ, напр. доброй, третей, или окончаніе *-яе* (орѳ. -ѣе) въ сравнит. степени прилагательныхъ и нарѣчій, напр. тепляе, и др.

дое нарѣчіе, разсматриваемое не по отношенію къ другимъ нарѣчіямъ того же языка, а въ отдѣльности, можетъ быть называемо языкомъ.

7) нѣкоторыя синтаксическія особенности.

Южно-великорусское нарѣчіе занимаетъ губерніи по бассейну верхней и средней Оки, т. е. губерніи Орловскую, Калужскую, Тульскую, простираясь на значительную часть Московской и Тверской губерніи, а также часть Смоленской и захватывая къ югу почти всю Курскую губернію, сѣверную половину Воронежской и бóльшую часть земли Войска Донскаго. Кромѣ того, южно-великорусское нарѣчіе слышится въ среднемъ и нижнемъ Поволожьѣ рядомъ или же въ смѣшеніи съ сѣверно-великорусскимъ. На западѣ это нарѣчіе переходитъ въ близко-родственное ему бѣлорусское, на югѣ соприкасается съ малорускимъ нарѣчіемъ. Главныя особенности южно-великорусскаго нарѣчія:

1) *аканье*, т. е. произношеніе неударяемаго орѳ. *о* въ видѣ *а*, напр. в*а*д*á*;

2) произношеніе неударяемаго орѳографическаго *е* въ нѣкоторыхъ говорахъ какъ *я*, въ другихъ какъ *и*, а въ иныхъ какъ *я* чередующееся съ *и*, напр.: нясу—нясёш, нису—нисёш, нясу—*ни*сёш;

3) придувное произношеніе *г*, напр. *γ*ар*á*, сап*óх*;

4) переходъ *в* въ очень краткое полугласное ў (w) въ положеніи передъ согласнымъ и на концѣ словъ, напр. wнук, слоw и т. п. [1])

5) нѣкоторыя морфологическія особенности, напр. окончаніе *-γó*, а безъ ударенія *-γă*, въ Р. ед. прилагательныхъ и мѣстоименій, или окончаніе *-тъ* въ 3 ед. и мн. наст. вр. глаголовъ, напр. идё*тъ*, иду*тъ* и др.

Примѣчаніе. Русскій литературный языкъ, въ основу котораго легъ московскій говоръ, представляетъ частію черты сѣверно-великорусскаго нарѣчія (взрывное произношеніе *г*, окончаніе *-вó* или *вă* въ Р. ед. муж. и ср.

---

[1]) Знакомъ *w* мы обозначаемъ полугласный ў, т. е. очень краткій гласный, приближающійся къ *в*.

прилагательныхъ и мѣстоименій, *-тъ* въ 3 ед. и мн. глаголовъ), частію же южно-великорусскаго (аканье, произношеніе неударяемаго *е* преимущественно близко къ *и*, окончаніе *-ѣе* въ сравн. степени).

Бѣлорусское нарѣчіе слышится въ губерніяхъ Гродненской, въ части Сувалкской, въ Виленской, Минской, Витебской, Могилевской, западной части Смоленской и въ небольшомъ сѣв.-западномъ углу Черниговской. [1]) По сѣверо-западной своей границѣ бѣлорусское нарѣчіе сосѣдитъ съ языками латышскимъ, литовскимъ и польскимъ, по сѣверо-восточной—съ великорусскимъ, преимущественно южно-великорусскимъ, на югѣ-востокѣ и югѣ—съ малорусскимъ, доходя здѣсь до нижняго теченія Припяти. Составляя часть южно-великорусскаго, бѣлорусское нарѣчіе представляетъ слѣдующія особенныя черты по сравненію съ этимъ послѣднимъ:

1) *дзеканье* и *цеканье*, т. е. произношеніе д͡з' и ц' на мѣстѣ мягкихъ д' и т', напр. *дз*ень, *ц*іхо;

2) твердое *р* вм. мягкаго, напр. б*я*р*о*за;

3) удвоеніе мягкихъ согласныхъ, пришедшихъ въ сочетаніе съ j, напр. васе*лле*;

4) полугласный *w* не только вмѣсто *в*, какъ въ ю.-влр., но еще и вмѣсто *л* въ тѣхъ же условіяхъ, напр. быw и т. п.;

5) нѣкоторыя морфологическія особенности, напр. ра*цѣ* („рѣкѣ“), молод*ый*, п*ій*.

Малорусское нарѣчіе лежитъ къ югу отъ бѣлорусскаго и южно-великорусскаго, простираясь далеко на западъ отъ средняго и нижняго теченія Днѣпра (переходя далѣе уже въ предѣлы Австро-Венгріи—въ Галицію и Буковину) и на востокъ отъ средняго теченія той же рѣки. Такимъ образомъ, малорусская языковая область къ западу отъ Днѣпра занимаетъ губер-

---

[1]) Такимъ образомъ, бѣлорусское нарѣчіе занимаетъ область верхняго теченія рѣкъ—Днѣпра, З. Двины и Нѣмана, при чемъ самыя верховья первыхъ двухъ рѣкъ заняты уже великоруссами, верхнее же теченіе Нѣмана полностью принадлежитъ бѣлоруссамъ.

нія Кіевскую, Херсонскую, Волынскую, Подольскую и часть Бессарабской, затѣмъ—южную часть Гродненской и часть Сѣдлецкой и Люблинской губерній, а къ востоку отъ Днѣпра—южную половину Черниговской, южную полосу Курской, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, южную часть Воронежской, небольшую часть земли Войска Донскаго (въ низовьяхъ Дона) и Кубанскую область на Кавказѣ. Кромѣ того, болѣе или менѣе значительныя малорусскія колоніи находятся въ великорусскихъ приволжскихъ губерніяхъ, особенно въ Саратовской, Самарской и Астраханской. Главныя особенности малорусскаго нарѣчія слѣдующія:

1) русскому орѳографическому *ѣ* соотвѣтствуетъ *і* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго, напр. д'іло („дѣло“);

2) русскимъ постояннымъ (не-бѣглымъ) *о* и *е* во вторично-закрытыхъ слогахъ соотвѣтствуетъ *і*, какъ конечная стадія развитія, напр. н*і*с („носъ“) и н'*і*с („несъ“);

3) русскимъ орѳографическимъ *ы* и *и* соотвѣтствуетъ одинъ и тотъ же звукъ, именно—узкое *ы* или—точнѣе—гласный средній между *ы* и *и*, напр. бы̧w=1) былъ и 2) билъ;

4) при произношеніи слоговъ съ гласными *е* и ы предшествующій согласный выговаривается твердо, напр. *не*су, быw;

5) отличное отъ великорусскаго антропофоническое строеніе словъ;

6) полное оканье, даже съ наклономъ въ сторону *у* въ слогахъ передъ удареніемъ;

7) произношеніе на мѣстѣ *г* придувнаго задне-язычнаго согласнаго *γ*;

8) рус. лрн. *в* отражается въ извѣстныхъ условіяхъ въ видѣ w, т. е. подобно южно-великорусскому и бѣлорусскому; кромѣ того, конечное *-л* въ ед. ч. прош. вр. муж. замѣнилось, какъ и въ бѣлорусскомъ, этимъ же звукомъ (*w*);

9) переходъ сочетаній мягкихъ согласныхъ съ j въ усиленные согласные, т. е. подобно бѣлорусскому;

10) окончаніе *-ый* (въ И. ед. прилагательныхъ) съ предшествующимъ твердымъ согласнымъ=рус. литерат. *-ой*, напр. сліпий „слѣпой“ (срв. бѣлор.);

11) окончаніе Р. ед. *-γо* въ прилагательныхъ муж. и ср. рода;

12) образованіе будущаго времени въ глаголахъ съ помощью *-иму*, напр. ходитиму.

Представленная нами общая характеристика нарѣчій русскаго языка была бы однако не полной, если бы мы не указали на существованіе *переходныхъ* говоровъ между этими нарѣчіями. Такіе переходные говоры слышатся въ мѣстностяхъ, лежащихъ между областями сосѣднихъ нарѣчій, и представляютъ сочетаніе чертъ того и другого нарѣчія. Такъ, существуютъ пограничныя области съ переходнымъ говоромъ между нарѣчіями сѣверно- и южно-великорусскимъ, бѣлорусскимъ и южно-великорусскимъ, бѣлорусскимъ и сѣверновеликорусскимъ, бѣлорусскимъ и малорусскимъ и, наконецъ, между малорусскимъ и южно-великорусскимъ. Въ дальнѣйшемъ болѣе детальномъ разсмотрѣніи нарѣчій русскаго языка намъ придется касаться и особенностей этихъ переходныхъ говоровъ, иногда представляющихъ большую трудность для отнесенія даннаго говора къ тому или же другому нарѣчію, тѣмъ болѣе, что и тѣ характерные признаки отдѣльныхъ нарѣчій, которые указаны нами выше, не являются неподвижными и постоянными, но представляютъ цѣлый рядъ варіацій и переходныхъ ступеней, такъ или иначе размѣщающихся на территоріи даннаго нарѣчія. Къ описанію нарѣчій въ разнообразіи ихъ говоровъ мы и приступимъ теперь, чтобы дать читателю болѣе конкретное понятіе о діалектической сложности современнаго народнаго русскаго языка. При этомъ мы будемъ придерживаться того порядка, въ которомъ выше были указаны главныя діалектическія особенности русскихъ нарѣчій.

I. Сѣверно-великорусское нарѣчіе.

1) *Оканье.* Это явленіе можетъ быть полнымъ, когда основной гласный *о* удерживаетъ свое качество во всѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Такое произношеніе имѣется въ губерніяхъ Новгородской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Костромской и въ сѣверной бо́льшей половинѣ Вятской губерніи. Кромѣ такого полнаго оканья, встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и неполное, когда въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ въ словѣ гласный *о* успѣлъ перемѣниться въ *а* или даже и дальше—въ гласный близкій къ *ы* (ъ). Соотвѣтственно этому имѣемъ три главныя варіаціи неполнаго оканья:

а) гласный *о* сохраняетъ свое качество во всѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ кромѣ слога второго передъ ударепіемъ. Такое произношеніе можно отмѣтить въ Ярославской губ., срв.: х*а*рошо́, по́дь-ко, до́брой, отсу́дова, шу́бочку и т. п. [1])

б) гласный *о* сохраняетъ свое качество лишь въ первомъ предъударенномъ слогѣ, тогда какъ въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ измѣнился въ *а*, срв. до́бр*а*в*а*, прокй*с*л*а*й. Такое произношеніе извѣстно въ губерніяхъ Владимірской и Нижегородской.

в) гласный *о* сохраняется тоже только въ слогѣ первомъ передъ ударепіемъ, но при этомъ имѣетъ уже болѣе открытый характеръ; [2]) въ то же время неударяемое *о* отражается въ видѣ *а* только на концѣ слова, въ прочихъ же неударяемыхъ положеніяхъ, т. е. во второмъ слогѣ передъ ударепіемъ и особенно послѣ ударенія внутри слова, равно какъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ, является гласный болѣе или менѣе

[1]) См. А. Тихвинскій Особенности говора Ярославскаго уѣзда по правую сторону р. Волги, Р. Ф. В. 1890 № 3 (т. XXIV).

[2]) Въ виду этого, мы можемъ назвать этотъ типъ оканья «слабымъ» въ отличіе отъ предъидущихъ типовъ.

близкій къ *ы*. Примѣры: вода́, бъсика́ми, пу́ст*а* (=орѳ. пусто), убйтыва, ря́дымъ. [1]) Такіе говоры, по отраженію *о* довольно близко стоящіе къ литературному произношенію, слышатся напр. въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской [2]) и смежныхъ частяхъ Вятской и въ Симбирской (въ бассейнѣ рѣки Суры).

Примѣчаніе. Нужно еще отмѣтить на территоріи сѣверно-великорусскаго или окающаго нарѣчія присутствіе говоровъ съ московскимъ аканьемъ, т. е. такихъ гдѣ на мѣстѣ орѳ. *о* произносится *а* даже въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ. Такіе говоры встрѣчаются напр. во Владимірской и западной (не-лѣсной) части Костромской губ., именно въ тѣхъ ихъ селеніяхъ, жители которыхъ занимаются отхожими промыслами. [3]) Слѣдуетъ думать, что упомянутое аканье этихъ говоровъ не представляетъ самостоятельнаго развитія изъ оканья, но заимствовано чрезъ подражаніе московскому нарѣчію.

Такимъ образомъ постояннымъ признакомъ оканья для всей области сѣверно-великорусскаго нарѣчія можетъ считаться непремѣнное сохраненіе *о* въ слогѣ первомъ передъ ударепіемъ. Однако при этомъ необходимо различать оттѣнки этого гласнаго въ разныхъ мѣстностяхъ. Такъ, въ говорахъ съ слабымъ оканьемъ гласный *о* имѣетъ, какъ мы указывали, болѣе открытый характеръ; въ отличіе отъ этого, ярославское *о* разными изслѣдователями согласно признается особенно яснымъ и звучнымъ, т. е. не склоннымъ ни въ сторону *а*, ни въ сторону *у*; напротивъ того, въ другихъ мѣ-

[1]) Примѣры взяты изъ говора дер. Бѣлой, Казанской губ.

[2]) См. мой Курсъ грам. рус. яз. Ч. 1-ая: Фонетика (1887), стр. 211—213 и также статью подъ заглавіемъ «Изслѣдованіе говора дер. Бѣлой Казанской губ.» въ Уч. Зап. Каз. Унив. 1895 г. (май-іюнь) и 1896 г. (апрѣль) и отдѣльнымъ оттискомъ.

[3]) Таково напр. село Борисовское (на большой дорогѣ между Владиміромъ и Суздалемъ), населенное каменьщиками, природными владимірцами, говорящими однако по-московски; въ Костромской губ. аканьемъ заражаются даже и тѣ, мѣстами, селенія, жители которыхъ не находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ московскаго говора (Колосовъ Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія, 1877 г., стр. 286—287).

стностяхъ *о* въ неударяемыхъ положеніяхъ имѣетъ болѣе закрытый характеръ („низкое" или „глубокое" оканье), и иногда настолько закрытый (какъ напр. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской губерніи), что ухо изслѣдователя, не привыкшее къ такому произношенію, воспринимаетъ этотъ гласный какъ бы въ видѣ *оу*.[1]) Въ дѣйствительности тутъ можетъ и не быть дифтонга, а только болѣе или менѣе закрытое *о*, предполагаемая же дифтонгичность можетъ зависѣть отъ того, что въ природномъ говорѣ изслѣдователя въ этомъ случаѣ имѣется болѣе открытое произношеніе гласнаго *о*.[2]) Прибавимъ еще, что иногда изслѣдователи склонны говорить о низкомъ характерѣ вокализма по спорадическимъ случаямъ замѣны неударяемаго *о* черезъ *у*, объясняющимся однакожъ вліяніемъ аналогіи, гармоническимъ уподобленіемъ гласныхъ и т. п.; такъ, единичные примѣры говора Тверского уѣзда—*у* т о п р й, с п á л к *у* й, з д о с а д *у* й не даютъ еще права для вывода объ очень закрытомъ произношеніи *о*, такъ какъ въ первомъ примѣрѣ можно усмотрѣть подстановку другого близкаго по звуку префикса, именно *у*-, а два послѣдніе примѣра могли получить свое *у* отъ Вин. ед.[3])

Мнѣ осталось еще замѣтить, что и въ говорахъ съ полнымъ оканьемъ гласный *о*, хотя и сохраняется во всѣхъ не-

[1]) Срв. К о л о с о в ъ Замѣтки и пр. стр. 318; Б ѣ л о р у с с о в ъ Н. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губ., въ Р. Ф. В. 1887, № 4, стр. 210—211; Б р о к ъ О. Описаніе одного говора въ югозападной части Тотемскаго уѣзда (1907) стр. 46—51. Кромѣ того, встрѣчается обозначеніе вятскаго закрытаго *о* черезъ *оу*, напр. *хоур ушó*, см. С о б о л е в с к і й А. И. Опытъ русской діалектологіи. Вып. I (1897) стр. 58—59.

[2]) Въ доказательство высказаннаго мнѣнія могу сослаться напр. на французскихъ лингвистовъ, имѣющихъ въ родномъ языкѣ еще болѣе открытое *о* по сравненію съ общерусскимъ ударенымъ *о* и потому воспринимающихъ и транскрибирующихъ этотъ послѣдній гласный въ видѣ ʷо, напр. pʷol=полъ и т. п.

[3]) См. мое изслѣдованіе говора дер. Бѣлой, въ отд. отт. сноску на стр. 17.

ударяемыхъ положеніяхъ, но варіируетъ по степени своей опредѣленности въ болѣе сильныхъ и болѣе слабыхъ положеніяхъ.[1])

2) *Ёканье.* Это явленіе, развивавшееся въ положеніи передъ твердыми согласными, находится въ нѣкоторой связи и соотношеніи съ характеромъ оканья, именно: по наличности и характеру оканья мы можемъ въ извѣстной степени заключать о существованіи и характерѣ ёканья въ неударяемыхъ слогахъ тѣхъ же говоровъ. Соотвѣтственно этому мы имѣемъ нѣсколько степеней или варіацій ёканья. Въ областяхъ съ полнымъ оканьемъ мы можемъ ожидать и полнаго ёканья, т. е. произношенія *е* какъ *ё* въ предъударенной и послѣударенной части слова, если за этимъ гласнымъ слѣдовалъ твердый согласный. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ такое произношеніе въ разсматриваемыхъ говорахъ, напр. в *ё* с л о, б у д *ё* т и т. д. Особенность представляетъ слогъ второй передъ удареніемъ, гдѣ появленіе ёканья требовало для себя еще нѣкоторыхъ другихъ условій, а именно—предшествующаго мягкаго шипящаго при гласномъ *о* въ слѣдующемъ слогѣ или возможности аналогіи къ другимъ родственнымъ образованіямъ; примѣрами могутъ служить слова: ч *о* л о в *ѣ́* ч е с к и м, т *ё* с а к á м и (аналогія къ т *ё* с á к).[2])

Примѣчаніе. Что касается тѣхъ случаевъ, гдѣ *е* оканчивало собою слово, то хотя въ этомъ положеніи само по себѣ конечное *е* не измѣнялось въ *ё*, но благодаря тѣсному соприкосновенію съ слѣдующимъ словомъ начинавшимся съ твердаго согласнаго, могло возникать и здѣсь *ё*, послѣ чего оно стало удерживаться и въ случаяхъ отдѣльнаго произнесенія тѣхъ же словъ (срв. сказанное выше на стр. 82—83 объ измѣненіи ударяемаго *е* въ

[1]) Именно это соображеніе побуждало меня въ моемъ Курсѣ грамматики русскаго языка, I (1887), въ неударяемомъ вокализмѣ сѣверно-великорусскаго нарѣчія различать тѣ же неударяемыя положенія, какъ и въ общерусскомъ языкѣ (стр. 198 сл.).

[2]) См. К о л о с о в ъ Замѣтки и пр., стр. 81 и 191, въ записанныхъ имъ сказкахъ. Первый примѣръ принадлежитъ говору Бѣлоозерска Новгородской губ., а второй—дер. Есино, Каргопольскаго у., Олонецкой губ.

ё въ литературномъ языкѣ). При этомъ ёканье въ конечныхъ открытыхъ слогахъ распространялось на смѣну гласнаго *е* не равномѣрно въ разныхъ морфологическихъ категоріяхъ. Такъ, напр., самымъ податливымъ въ этомъ отношеніи оказалось окончаніе И. В. ед. существительныхъ и затѣмъ прилагательныхъ ср. р. (поэтому такія формы, какъ п о́ л *ё* я с н о *ё* и пр., занимаютъ особенно значительный районъ въ разсматриваемой области сѣверно-великорусскаго нарѣчія), меньшую податливость къ замѣнѣ проявило окончаніе 2-го лица мн. ч. *-те* (соотвѣтственно этому и районъ формъ типа и д и т *ё* меньше района занимаемаго типомъ п о́ л *ё*) и наименѣе податливымъ оказалось окончаніе сравн. степ. *-ие* (поэтому такимъ формамъ, какъ скор*иё* принадлежитъ наименьшій районъ по сравненію съ *-ё* другихъ морфологическихъ категорій въ томъ же нарѣчіи).

Въ областяхъ съ неполнымъ оканьемъ встрѣчаемъ и болѣе ограниченное ёканье:

а) говоры съ неполнымъ оканьемъ перваго типа допускаютъ и ёканье въ тѣхъ же неударяемыхъ слогахъ, въ которыхъ сохраняется *о*, т. е. во всѣхъ за исключеніемъ второго слога передъ удареніемъ. Въ этомъ послѣднемъ, гдѣ—какъ мы видѣли—*о* измѣнилось въ *а*, измѣненіе *е* произошло въ направленіи къ *i* (eⁱ или и), напр. беⁱреги́, сиреда́. Что касается другихъ неударяемыхъ положеній, то ёканье необходимо является лишь въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію, во всѣхъ же остальныхъ положеніяхъ оно можетъ быть или отсутствовать (въ зависимости частію отъ фонетическихъ, частію же отъ морфологическихъ условій), срв.: л ѣ́ т н *ё* м у, п р е́ ж н *ё* м у, по — с и́ н е в о, в е́ с е л о; с в и́ х р *ё* м, в е́ с *ё* л, п о в и д а́ *ё* м с а, но—р о д и́ т е л е в (Р. мн.); щ а́ с ь *ё*, к а к о́ *ё* и рядомъ—б о л ь н ы́ *е*, б ѣ г а́ й т е. [1])

б) во второмъ случаѣ неполнаго оканья мы имѣемъ ёканье лишь въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію; въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ находимъ или гласный *'а*, развившійся изъ *'о* (*ё*) подобно тому, какъ въ тѣхъ же говорахъ развилось *а* изъ основного *о*, или же гласный

---

[1]) Примѣры взяты изъ цитированной выше статьи А. Т и х в и н с к а г о Особенности говора Ярославскаго уѣзда и пр.

близкій къ *i*, появившійся въ наиболѣе слабыхъ положеніяхъ, какъ напр. внутри слова послѣ ударенія. Говоры такого типа, какъ упоминалось, можно встрѣтить въ губерніяхъ Владимірской и Нижегородской; срв. т е́ с т *я* т, с ѣ́ р *и* н ь к а й (село Іудино, Александровскаго у., Владимірской губ.). [1])

в) въ говорахъ съ „слабымъ" оканьемъ гласный *'о* (*ё*) встрѣчается лишь въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, и притомъ звучитъ болѣе открыто, чѣмъ въ говорахъ предъидущаго типа; кромѣ того, употребленіе *и* вм. *е* въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ здѣсь обширнѣе по сравненію съ типомъ б). Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ изслѣдовавшагося нами говора дер. Бѣлой Казанской губ.: т'*о* п л о́, н'*і* п у с к а́ й, х л о́ п н'*і* т, в ы́ ш *ы* л, [2]) ч о т ы́ р *и* (но въ И. В. ед. ср. рода *е* отражается, какъ и въ предъидущемъ говорѣ, въ видѣ *'а*, напр. ф п о́ л'*а*).

Намъ осталось еще сказать, что во всей области сѣверно-великорусскихъ говоровъ нерѣдко встрѣчается произношеніе *ё* также на мѣстѣ орѳографическаго *ѣ* передъ твердымъ согласнымъ въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ, напр.: б *ё* д а́, в л *ё* с у́, п о б *ё* г у́ и т. д. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ уже позднѣйшее явленіе, обязанное дѣйствію аналогіи. Кромѣ того, какъ оказывается, въ разныхъ областяхъ это дѣйствіе аналогіи охватило не однѣ и тѣ же морфологическія категоріи, изъ чего слѣдуетъ заключить, что этотъ процессъ по крайней мѣрѣ частію происходилъ въ этихъ областяхъ независимо другъ отъ друга. Такъ, напр., въ говорѣ Ярославскаго у. такое *ё* на мѣстѣ *ѣ* наблюдается только въ глаголахъ, напр. б *ё* г у́, с *ё* к у́, случаевъ же въ родѣ р *ё* к а, б *ё* д а не встрѣчается. [3])

---

[1]) Примѣры взяты изъ пѣсенъ, записанныхъ А. И. С м и р н о в ы м ъ (Р. Ф. В. 1879 г., № 2, пѣсня 5-ая; 1880, № 1, пѣсня 2-ая).

[2]) *ы* въ этомъ примѣрѣ вм. *i* по причинѣ предшествующаго твердаго шипящаго.

[3]) Т и х в и н с к і й l. c. стр. 36.

3) Произношеніе *я* какъ *е*, а *ѣ* какъ *и*, *въ положеніи передъ мягкими согласными* свойственно по преимуществу говорамъ съ полнымъ оканьемъ, а также неполнымъ типа а). При этомъ указанное измѣненіе гласныхъ произошло независимо отъ того, какимъ первоначальнымъ звукамъ отвѣчали эти *я* и *ѣ*; такъ, мы встрѣчаемъ: *зеть* (=ст.-сл. ꙁѧть) и *исполнеть* (=ст.-сл. исплъняти), *звирь* (гдѣ ѣ=ае. *ē) и *писня* (ѣ=ае. *ăi). Въ рядѣ примѣровъ ударяемое *ѣ* произносится какъ *и* передъ твердыми согласными, напр. *хлиб*, *ситка* или *ситочка* и пр.,[1]) но въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ *и* нужно объяснять аналогіей къ такимъ родственнымъ словамъ, гдѣ за *ѣ* слѣдовалъ мягкій согласный (срв. *хлибѣ*, *сить*).[2])

Примѣчаніе. Измѣненіе *я* въ *е* не ограничивается ударяемыми слогами, но встрѣчается и въ слогахъ безъ ударенія, гдѣ оно возможно и передъ твердыми согласными, напр. *свйлись*, *везáть*. Такого рода измѣненіе встрѣчается также и въ южно-великорусскихъ говорахъ, но только въ одинхъ неударяемыхъ слогахъ передъ мягкими и твердыми согласными; что же касается ударяемыхъ слоговъ, то въ нихъ этого измѣненія не происходитъ, не смотря на наличность слѣдующаго мягкаго согласнаго. Эту особенность мы объясняемъ тѣмъ, что въ южно-великорусскихъ говорахъ ударенные гласные настолько сильнѣе по сравненію съ неударенными тѣхъ же словъ, что не допускаютъ такого измѣненія, не смотря на вполнѣ благопріятныя условія для этого, т. е. присутствіе слѣдующаго мягкаго согласнаго; напротивъ того, въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи ударенный гласный сравнительно немногимъ сильнѣе неударенныхъ того же слова, такъ что тамъ сосѣдство двухъ мягкихъ согласныхъ (т. е. предшествующаго ударенному гласному и послѣдующаго) является достаточнымъ для произведенія эффекта аналогичнаго неударенному положенію.

---

[1]) По словамъ Гильфердинга (см. его Онежскія былины, 1873 г. стр. XXXI) въ Прионежьѣ, Олонецкой губ., выраженіе «бѣлый свѣтъ» обыкновенно произносится не какъ *былы свѣтъ* или *билый свитъ*, а какъ что-то среднее. Такимъ образомъ, здѣсь слышится по-видимому ударяемое закрытое *е* на мѣстѣ *ѣ* передъ твердыми согласными. Впослѣдствіи А. А. Шахматовъ (см. его Изслѣдованія въ области русской фонетики, 1893 г., стр. 165) подтвердилъ это свидѣтельство, указавъ, что въ рядѣ говоровъ Петрозаводскаго, Повѣнецкаго и Пудожскаго уѣздовъ Олон. губ. онъ весьма ясно слышалъ ударяемое е[i] на мѣстѣ *ѣ* передъ твердыми согласными и на концѣ слова, напр. *невеiста*, *хлеiб*, *мнеi* и т. д. Кромѣ того, онъ приводитъ сообщеніе одного наблюдателя о Покровоситской волости Моложскаго у. Ярославской губ., гдѣ въ словахъ—мѣлъ, сѣра, вѣсъ, дѣло буква *ѣ* произносится какъ *е* въ словахъ—день, мель, весь, т. е. звукъ *е* приближается къ *и*.

[2]) Имѣются и обратные случаи, именно такіе, гдѣ чередованіе *ѣ́* ‖ *и́* ассимилировало себѣ слова съ основнымъ гласнымъ *и*, срв. говорѣ́ла ‖ говори́ть.

4) *Цоканье* и *чаканье*, представляющія собою выдающуюся черту сѣверно-великорусскаго консонантизма, господствуютъ въ наибольшей части территоріи окающаго нарѣчія (за исключеніемъ средней части Новгородской губ., а также многихъ говоровъ въ губерніяхъ Ярославской и Владимірской). На всемъ этомъ пространствѣ смѣшеніе *ц* и *ч* не является въ однообразномъ видѣ, но представляетъ нѣкоторыя варіаціи, занимающія различныя области этой территоріи; изъ нихъ мы отмѣтимъ: область взаимной мѣны этихъ согласныхъ, область преобладанія при этой мѣнѣ согласнаго *ц*, иногда даже почти исключительнаго его употребленія, область преобладанія согласнаго *ч* и, наконецъ, область спорадическихъ замѣнъ между *ц* и *ч*.

а) Взаимная мѣна между *ц* и *ч*, охватывающая болѣе или менѣе значительное количество случаевъ, распространена въ большинствѣ говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія, напр. въ Новгородской губ. (въ говорѣ Позёровъ или обитателей береговъ оз. Ильменя, въ Кирилловѣ съ окрестностями, въ Череповецкомъ у.), Архангельской (Онежскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ), въ большей части говоровъ Вологодской губ., въ Вятской губ. (въ Глазовскомъ уѣздѣ), въ губерніяхъ Ярославской (въ Моложскомъ у.), Владимірской (въ Покровскомъ у.) и Нижегородской (въ Ардатовскомъ у.). При этомъ согласный *ц* обычно имѣетъ мягкое произношеніе, благодаря чему увеличивается близость его по качеству звука къ мягкому согласному *ч*; можно думать, что именно взаимная близость этихъ соглас-

ныхъ благопріятствовала замѣнѣ одного другимъ. Отвердѣвшее *ц* находимъ въ болѣе южныхъ губерніяхъ—Владимірской и Нижегородской въ указанныхъ мѣстностяхъ, напр. н о *ц* ъ и т. п. Отвердѣніе *ц* встрѣчается мѣстами и въ Новгородской губ., но при тѣхъ или другихъ частныхъ условіяхъ, напр. передъ гласнымъ *о* и согласными, ср. *ц* о в о, м о л о *ц* к а, по—у *ц* и т ь.

б) Цоканье, т. е. частое *ц* вм. *ч*. является также довольно распространеннымъ; такъ, оно обычно въ О л о н е ц к о й губ., встрѣчается далѣе въ губерніяхъ А р х а н г е л ь с к о й (Архангельскомъ у. и въ Кеми), В о л о г о д с к о й (въ сѣв.-зап. части Кадниковскаго у.), В я т с к о й (въ уѣздахъ Нолинскомъ и Вятскомъ), Т в е р с к о й (въ г. Торжкѣ), Я р о с л а в с к о й (въ Пошехонскомъ у.), В л а д и м і р с к о й (въ Зарѣченской части Муромскаго у., т. е. лежащей по правому берегу Оки), Н и ж е г о р о д с к о й (въ Арзамасскомъ у.) и нѣк. др. [1]) При этомъ въ сѣверныхъ губерніяхъ *ц* произносится мягко, а въ Олонецкой губ. (въ Пріонежьѣ) сверхъ того имѣетъ нѣсколько шипящій характеръ, такъ что звукъ производитъ впечатлѣніе чего-то средняго между *ц* и *ч*. Твердое произношеніе *ц* находимъ въ Торжкѣ Тверской губ. и еще въ Арзамасскомъ у. Нижегородской губ. Въ нѣкоторыхъ цокающихъ мѣстностяхъ согласный *ц* почти совершенно вытѣснилъ собою согласный *ч*; таковъ напр. говоръ Куштугской волости Вытегорскаго у. Олонецкой губ. [2]), говоръ Кеми и Архангельскаго у., а также говоры Ветлужскаго края, Верхотурья и Печерскаго края.

---

[1]) Отмѣтимъ замѣну *ч* посредствомъ *ц*, какъ постоянное явленіе въ Касимовскомъ говорѣ Рязанской губ., по многимъ другимъ особенностямъ принадлежащемъ къ южно-великорусскому типу, срв. тексты въ книгѣ проф. Б у д д е Къ исторіи великорусскихъ говоровъ (1896) стр. 334 сл. Точно также эта особенность встрѣчается въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ—въ губерніяхъ Витебской, Смоленской и Тверской, представляя какъ бы продолженіе цокающаго сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

[2]) См. Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г. стр. 563—572.

в) Чаканье, т. е. преобладающая замѣна *ц* посредствомъ *ч*, наблюдается сравнительно въ меньшемъ количествѣ говоровъ, [1]) а именно: въ Н о в г о р о д с к о й губ. (въ Устюжнѣ) и въ В я т с к о й (въ Котельничѣ и Слободскомъ у.). [2]) Замѣтимъ, что въ Устюжнѣ согласные *ц* и *ч* оказываются уже отвердѣвшими, срв. к о н *ц ы*, *ч о в ó*, в ѣ н *ч ы* (т. е. вѣнцы), р у г á е ч *ч ы* (т. е. ругается). Какъ видимъ изъ примѣровъ, чаканье распространяется здѣсь не только на древнее *ц*, но и на позднѣйшее (въ возвратныхъ формахъ глагола).

г) Спорадическія цоканье и чаканье встрѣчаются обычно въ говорахъ съ „слабымъ“ оканьемъ, напр. въ Казанской губерніи, южныхъ уѣздахъ Вятской и т. д.; тамъ смѣшеніе *ц* и *ч* наблюдается въ незначительномъ числѣ случаевъ и притомъ обыкновенно въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ словахъ (напр. *ч*ерковь, *ч*вѣтъ, крыле*ц*ко).

Примѣчаніе. Отдѣльные случаи смѣшенія *ц* и *ч* встрѣчаются и въ говорахъ, не смѣшивающихъ эти звуки, вызываясь частію заимствованіемъ, частію же смѣшанностью населенія.

И такъ, мы видимъ довольно значительное разнообразіе видовъ смѣшенія *ц* и *ч*. Въ чемъ же кроется причина этихъ замѣнъ въ ихъ разнообразіи? Намъ кажется, что главная причина ихъ заключается въ грамматическомъ *чередованіи* этихъ

---

[1]. Сравнительно небольшое число чакающихъ говоровъ, отмѣчаемыхъ нами, можетъ быть объяснено и тѣмъ, что основной звукъ *ц* встрѣчается вообще рѣже, чѣмъ *ч*; въ виду этого вполнѣ возможно, что нѣкоторые изъ „цокающихъ“ говоровъ также содержатъ въ себѣ чаканье и не отнесены нами къ группѣ взаимной мѣны *ц* и *ч* лишь за скудостью матеріала. Благодаря той же причинѣ возможны и ошибочныя отнесенія говоровъ въ ту или другую группу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и излишнее дробленіе районовъ; такъ, напр., намъ пришлось вятскіе говоры различныхъ уѣздовъ размѣстить по всѣмъ четыремъ группамъ.

[2]) Вѣроятно къ этому типу говоровъ относится замѣчаніе одного наблюдателя, что въ говорѣ вятчанъ существуетъ замѣтное пристрастіе къ *ч*, особенно въ говорѣ мущинъ.

двухъ звуковъ (срв. п т и *ц* а || п т и *ч* к а и т. п.), которое само по себѣ уже создавало привычку къ подстановкѣ одного звука на мѣсто другого, правда—соотвѣтственно опредѣленнымъ морфологическимъ категоріямъ; но къ этому присоединилось затѣмъ дѣйствіе *аналогіи*, которая, какъ мы знаемъ, стремится уничтожать чередованія выравнивая ихъ и благодаря которой одинъ изъ чередующихся звуковъ переносится на мѣсто другого въ родственныхъ словахъ (напр. п т и *ц* а || п т и *ц* к а, или же—п т и *ч* а || п т и *ч* к а). А такъ какъ дѣйствіе аналогіи въ своемъ развитіи имѣетъ тенденцію слѣдовать разъ принятому направленію, а это направленіе можетъ быть двоякимъ, то и случилось, что въ нѣкоторыхъ говорахъ сталъ преобладать одинъ изъ чередующихся звуковъ, а въ другихъ—другой. Но нерѣдко и въ одномъ и томъ же говорѣ могли примѣняться оба направленія аналогіи сообразно напр. различію ударенія; благодаря этому могли появляться оба звука въ одной и той же категоріи (срв. м ѣ с я *ц* || к у п е *ч* и т. п.), а это въ свою очередь могло вызвать и безпорядочныя смѣшенія данныхъ звуковъ особенно при смѣшанномъ населеніи. Что касается такихъ случаевъ, гдѣ эти согласные не были въ чередованіи между собою, какъ напр. въ словахъ *ц*арь, *ч*асъ и т. д., то здѣсь обоюдная мѣна согласныхъ могла произойти вслѣдствіе взаимной близости мягкаго ихъ произношенія, какъ о томъ уже упоминалось. Нужно еще указать на смѣшеніе этихъ звуковъ при *заимствованіи* словъ изъ другого говора (такъ, при заимствованіи чакающимъ говоромъ напр. слова „фран*ц*узъ“ *ц* легко могло замѣниться посредствомъ *ч*). Въ какой мѣрѣ могла влiять на возникновеніе разсматриваемаго явленія финская подпочва,—вопросъ не изслѣдованъ.

5) Болѣе или менѣе отчетливое произношеніе всѣхъ неударяемыхъ слоговъ, благодаря которому разница по силѣ и длительности между гласными ударяемаго слога и неударенныхъ становится мало замѣтною, свойственно большинству окающихъ говоровъ. Но не вездѣ эта особенность проявляется въ одинаковой степени, и мы можемъ прослѣдить нѣкото-

рое соотношеніе ея со степенью оканья. Въ областяхъ съ полнымъ оканьемъ наблюдается наиболѣе полная и равномѣрная отчетливость всѣхъ слоговъ въ словѣ, хотя все-таки и здѣсь можно уже замѣтить нѣкоторыя различія между гласными въ отдѣльныхъ неударяемыхъ положеніяхъ (болѣе рельефно они выступаютъ въ говорахъ съ неполнымъ, а еще рельефнѣе—въ говорахъ съ слабымъ оканьемъ). Существованіе этихъ различій подтверждается такими фактами, какъ произношеніе с е в ó г у д у (Бѣлоозерскъ, Новгородской губ.), гдѣ мы видимъ гармоническое уподобленіе одного гласнаго другому, а это возможно только при неравной силѣ обоихъ слоговъ, изъ которыхъ болѣе слабый (въ нашемъ примѣрѣ внутренній послѣударенный) уподобляется болѣе сильному. Подобнымъ же образомъ можно объяснить такіе случаи, какъ п о р о х о д ъ (Старая Русса, Новгор. губ.), гдѣ произошло уподобленіе гласнаго во второмъ предъударенномъ слогѣ гласному слога перваго передъ удареніемъ; изъ примѣровъ этого рода заключаемъ, что въ говорахъ съ полнымъ оканьемъ къ числу болѣе слабыхъ слоговъ принадлежитъ и второй слогъ передъ удареніемъ. Что касается болѣе сильныхъ неударенныхъ слоговъ въ тѣхъ же говорахъ, то къ нимъ можно отнести по крайней мѣрѣ во многихъ изъ этихъ говоровъ также конечный закрытый слогъ, который иногда настолько силенъ, что сопровождается какъ бы побочнымъ удареніемъ, напр. д ѣ л *ò* м (вятск.).[1] Въ связи съ этимъ побочнымъ удареніемъ находится и извѣстное измѣненіе *е* въ *'о* послѣ ударенія въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, напр.: б у д *ё* т и т. п. Въ говорахъ съ неполнымъ и слабымъ оканьемъ всѣ неударенные слоги развили уже болѣе значительную разницу по

[1] На сколько замѣтно это побочное удареніе, можно заключить изъ того, что иногда оно принимается даже за главное. Такъ, одинъ вятичъ съ гимназическимъ образованіемъ при фонетическомъ письмѣ нерѣдко ошибочно ставилъ удареніе вмѣсто ударенного слога надъ слогомъ непосредственно слѣдовавшимъ за удареніемъ.

силѣ съ слогомъ ударяемымъ, въ связи съ чѣмъ находятся и особенности отраженія въ нихъ неударяемаго вокализма (срв. выше).

Относительно ударяемыхъ слоговъ въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ слѣдуетъ отмѣтить нерѣдко встрѣчающееся удлиненіе гласныхъ особенно въ конечныхъ слогахъ, напр. нобо (Устюжен. у. Новгор. губ.), [1]) говоришшь (Архангел. губ.) и т. п. Кромѣ того, нѣкоторые говоры при большей или меньшей протяжности произношенія значительно видоизмѣняютъ высоту голоса, вслѣдствіе чего получается впечатлѣніе пѣвучести. Разными наблюдателями указывается цѣлый рядъ такихъ пѣвучихъ говоровъ, напр. въ Арханг. губ. по Печорѣ, Мезени, Двинѣ, въ Вязниковскомъ у. Владим. губ., Ростовскомъ у. Ярославской губ. и т. д.

6) Главнѣйшія *морфологическія* особенности сѣверно-великорусскаго нарѣчія мы представимъ, слѣдуя тому порядку, который принятъ въ морфологіи, т. е. спачала особенности именъ существительныхъ, затѣмъ прилагательныхъ и, наконецъ, глаголовъ. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію существительныхъ, отмѣтимъ въ качествѣ первой особенности широкое употребленіе при нихъ *постпозиціоннаго члена* для приданія имъ извѣстнаго оттѣнка значенія, [2]) напр. дом-*отъ*, баба-*та*, бабу-*ту*, бабы-*тѣ* или бабы-*ти*, окно-*то*

[1]) См. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Н. I (1896) стр. 988. Тамъ же приведенъ другой примѣръ удлиненія гласныхъ: „Потайп, а Потайп! бѣги-ко сюды!“, но этотъ случай не достаточно характеренъ, такъ какъ такого рода удлиненія при зовѣ или обращеніи нерѣдки вообще; срв. у Тургенева конецъ разсказа „Пѣвцы:“ Антропка-а-а!—Чего-о-о-о о?—Иди сюда, чортъ, лѣші-і-і-ій! и т. д. Здѣсь мы видимъ, что затягиваются не только ударяемые, но даже и неударяемые слоги. Удлиненія ударенныхъ гласныхъ, кромѣ того, могутъ быть и для приданія большей выразительности (съ цѣлью преувеличить смыслъ слова), напр. „манёхонько!“ и т. п. Но и это не представляетъ исключительной особенности сѣверно-великорусскаго нарѣчія, а встрѣчается вообще въ русской рѣчи.

[2]) См. выше стр. 167—168.

и т. п. Такого рода выраженія встрѣчаются во всей области сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

Въ категоріи имени существительнаго останавливаетъ на себѣ вниманіе встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ говорахъ окончаніе *-ы* и *-и* въ *Д. Мѣстн. ед.* именъ ж. р. на *-а* или *-я*, напр. къ избы (вм. къ избѣ), въ бѣды (вм. въ бѣдѣ), къ горки, къ земли. Происхожденіе этихъ формъ легко объясняется дѣйствіемъ аналогіи къ такому склоненію того же рода, которое имѣло одинаковую форму для падежей Р. Д. и Предл. ед., т. е. къ склоненію типа „кость“. Указанное явленіе мы встрѣчаемъ напр. въ говорахъ Новгород. губ. (Боровиц. у.), Олонецкой (Вытегор. у.), въ Арханг. губ. и уѣздѣ и т. д. Съ другой стороны встрѣчаемъ и обратное явленіе, т. е. употребленіе въ Род. ед. формы съ окончаніемъ *-ѣ*, даже рядомъ съ *-ы* (-и) въ Дат. и Предл. ед., напр. въ одномъ ильменскомъ говорѣ подъ Новгородомъ: у сестрѣ, изъ рѣкѣ, отъ женѣ, около головѣ ‖ къ воды́, къ берёзы, въ избы́, на пятой версты́, на рѣки́. [1]) Окончаніе *-ѣ* Мѣстн. ед. нерѣдко переносится на соотвѣтствующій падежъ существительныхъ ж. р. на -ъ, срв. в грезѣ, ф костѣ, на печѣ и т. п. (Вытегор. у. Олонецкой губ., Пошех. у. Ярослав. губ., Уржум. у. Вятской и др.); какъ видно изъ примѣровъ, окончаніе *-ѣ* сопровождается въ этомъ случаѣ удареніемъ (срв. окончаніе *-у́* въ томъ же падежѣ именъ на -ъ муж. рода, которое также сопровождается удареніемъ).

Еще болѣе выдающеюся особенностью въ склоненіи именъ существительныхъ является своеобразное окончаніе Тв. мн.: 1) *-мъ* или *-мы* напр. съ рукам, ушмы, людямы и т. п. (въ Онегѣ Арх. губ., въ Вытегор. у. Олонецкой губ. и др.); 2) *-ыма* и *-има*, напр. огороды́ма, ча́шкима, конима (Сольвычег. у. Вологодской губ.); 3) *-мъ* въ Тв. мн., тогда

[1]) Изв. Ак. Н. I (1896) стр. 554.

как *-ми* въ Д. мн., напр. з б о р о н *а́ м* || п о л у г *а́ м и* (въ Колязин. у. Тверской губ., Пошехонскомъ—Ярославской и въ говорахъ Вятской губ.). Приведенныя особенности окончанія Тв. мн. объясняются вліяніемъ стараго двойственнаго числа, въ которомъ Д. и Тв. имѣли одну и ту же форму, при чемъ окончанія содержали твердое *м*.

Въ области именъ **прилагательныхъ** въ сѣв.-великорусскомъ нарѣчіи заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующія особенности:

а) Неударяемымъ окончаніямъ *-ый* и *-ій* (И. ед. муж. р.) литературнаго языка соотвѣтствуютъ слѣдующія окончанія: 1) *-ой* и *-ей* въ территоріи полнаго оканья, напр. д *ó* б р *о й*, б *и́* л и н ь к *о й* [1]), с *и́* н *е й*, 2) *-ай* и *-ий* въ говорахъ съ неполнымъ оканьемъ, напр. д *ó* б р *а й*, с *и́* н *и й* и 3) *-ый* (ъj) и *-ий* (ъj) въ говорахъ съ слабымъ оканьемъ. Очевидно, что всѣ три окончанія представляютъ собою лишь разныя градаціи одного и того же окончанія *-ой* и *-ей*, которое, какъ намъ кажется, произошло не фонетически, а путемъ аналогіи къ большинству падежей ед. ч., имѣвшихъ при переходѣ отъ основы къ окончанію гласный *о* или *е*, срв. доброво, доброму, синево..., а также И. В. ед. ср.—доброе, синее; при этомъ дѣйствію аналогіи благопріятствовало то обстоятельство, что окончаніе *-ой* уже существовало какъ первичное въ мѣстоименіяхъ, напр. мой, свой. [2])

---

[1]) Такъ произносится это слово напр. подъ Новгородомъ (срв далѣе въ Боровичахъ той же губерніи—деревеньс*кой*, русь*кой* и пр.), но въ нѣкоторыхъ говорахъ вмѣсто окончанія *-кой* произносится *-кёй*, напр м а л е н ь *к ё й*, л ё г о н ь *к ё й*, с и н е н ь *к ё й*, г у б е р ь с *к ё й* и т. п. (Волог. губ.—Тотем. и Кадник. у., Яросл. губ.—Пошех и Молож. у., Вятск. губ.—Уржум. у.), при чемъ подобное произношеніе мягкаго *к* наблюдается тамъ и во многихъ другихъ случаяхъ, напр. р у ч *к я*, п о с т е л ь *к ю*, в о й с *к ё*, т о л ь *к ё* и т. п.

[2]) Приведенное здѣсь толкованіе намъ кажется болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ то, по которому окончаніе *-ой* выводится фонетически изъ **-ый*, при чемъ въ качествѣ переходной стадіи принимается **-ӧй*: такой переходъ указывалъ бы на вторичное пріобрѣтеніе гласнымъ *ы* лабіализаціи, что плохо вяжется съ физіологическимъ характеромъ звуковыхъ измѣненій русскаго языка. Наше объясненіе, напротивъ, основывается на постоянно встрѣчающемся въ языкѣ уравненіи флексійныхъ формъ и не требуетъ предположенія спеціальнаго фонетическаго закона.

б) *Родительный ед. ж. р.* сложныхъ прилагательныхъ сохраняетъ въ нѣкоторыхъ говорахъ старыя окончанія *-ые* || *-іе*, напр. в б о л ь ш *ы е* головы, нѣт с и н *і е* краски (Бѣлозерскій говоръ Новгор. губ.), и слѣдов. не сходствуетъ съ окончаніемъ (*-ой* || *-ей*) другихъ косвенныхъ падежей того же склоненія; въ другихъ говорахъ конечное *е* смѣнилось на *-ё*, напр. службы ц а р с к *і ё* (Вельск. у. Вологодской губ., также Пошех. у. Яросл. губ.).

в) Въ *Именит. множ.* всѣхъ родовъ рядомъ съ окончаніями *-ые* или *-ыё* и *-іе* или *-іё* (сходными съ только что разсмотрѣнными окончаніями Р. ед. ж. р.) встрѣчаются также окончанія *-ыи* и *іи*. Соотвѣтствующія образованія прилагательныхъ проходятъ и по другимъ падежамъ мн. ч., напр. д о б р *ы е х*, д о б р *ы е м* (Черепов. у. Новгор. губ., Яросл. у.), д о б р *ы и х*, д о б р *ы и м* (Устюж. у. Вологод. губ.), н а х о з я й с к *і и х* харчах (Пошех. у. Яросл. губ.), и т. д.

г) Окончанія *-ыма* или *-има* въ *Дательномъ* и *Творительномъ множ.*, напр. д о б р *ы м а* родителям, за д о б р *ы м а* людямы (Вытег. у. Олонецкой губ.); очевидно, мы имѣемъ здѣсь отраженіе старой сложной формы тѣхъ же падежей Двойств. числа.

д) *Сравнительная степень* прилагательныхъ обычно имѣетъ окончаніе *-яе* (напр. въ Бѣлозерскомъ говорѣ Новгор. губ., Каргопол. у. Олонецкой губ., Слободскомъ и Уржумскомъ Вятской), въ нѣкоторыхъ говорахъ смѣнившееся на *-яё* (напр. у Позёровъ Новгород. губ.), срв. м у д р е н *я е*, с к о р *я ё* и т. п. Мы думаемъ, что окончаніе *-яе* фонетически развилось изъ *-ѣе* только послѣ мягкихъ шипящихъ (т. е. такъ, какъ въ литературномъ языкѣ получилось окончаніе

превосх. степени *-айшій*) и уже затѣмъ путемъ аналогіи стало примѣняться и послѣ согласныхъ не-шипящихъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ чисто фонетическимъ отраженіемъ окончанія *-ѣе* было бы главнымъ образомъ *-іе* (см. выше, пунктъ 3-ій), и дѣйствительно кое-гдѣ еще сохраняется эта разновидность окончанія сравнительной степени, напр. скур*яе* и скур*іе* (Коштугско-Ежезерскій говоръ Вытегор. у. Олон. губ.). [1]) Нужно отмѣтить еще одну варіацію въ окончаніи сравн. степ., именно *-яя*, гдѣ вмѣсто конечнаго *е* видимъ *я*, напр. сильн*яя* (въ сѣв.-вост. углу Вытегор. у., въ нѣкоторыхъ говорахъ Вологодской губ., въ Ростов. у. Ярослав. губ.). Здѣсь неударяемое конечное *е* (=jә) измѣнилось въ *я* вѣроятно подъ вліяніемъ слѣдующихъ факторовъ: присутствія предшествующаго ударяемаго *я́*, расширяющаго дѣйствія j и можетъ быть случаевъ присоединенія къ сравнит. степени именъ муж. и ср. р. съ окончаніемъ Род. ед. *-а* (*-я*). Когда въ тѣхъ же говорахъ, но въ другихъ категоріяхъ, совокупность этихъ условій отсутствовала, то конечное *е* могло получить другое отраженіе, напр. смѣниться на *ё*; и дѣйствительно, въ тѣхъ же говорахъ на ряду съ формами сравнит. степени добр*яя*, син*яя* и т. п. встрѣчаемъ такія образованія, какъ колосъё, коренъё или т. п. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ (напр. въ сѣв.-зап. углу Кадников. у. Волог. губ.) рядомъ съ окончаніемъ *-яя* сохраняется и основное окончаніе *-іе* (напр. сильн*яя* || сильн*іе*).

Въ области глагола отмѣтимъ слѣдующія особенности:

а) *Возвратныя формы* глагола имѣютъ окончанія *-се* (или *-сё*) и *-си*, напр. надійсе и т. п. (с.-в. часть Вытегор. у. Олон. губ., Устюж. у. Волог. губ.), отправлей*сё* и др. (Вотча Тотем. у. Волог.), несём*си* и пр. (Устюжна Новгор губ.). Въ тѣхъ формахъ, гдѣ этимъ окончаніямъ предшествуетъ согласный *т*, звукъ *с* въ части говоровъ сливается съ нимъ, образуя сочетанія -тце, -тцо, -тцы, напр. сходятце [1]), битцо, ругаетцы. Во 2-омъ лицѣ ед. ч. группа *шс* обычно упрощается въ длительное *с*, напр., носи*се* и т. п. Въ прош. времени, въ положеніи послѣ согласныхъ, окончанія *-сё* и *-си* мѣстами измѣнились въ *-со* и *-сы*, напр. закручинил*со*, отрёк*сы*, убил*сы*. [2]) Въ нѣкоторыхъ говорахъ разсмотрѣнныя окончанія смѣшиваются между собою; такъ, рядомъ съ *-си* встрѣчается *-се* (напр. въ Тихв. у. Новг. губ.), *-сё* рядомъ съ *-се* (въ Волог. губ.), *-си* рядомъ съ *-ся* (въ Пріоятскомъ говорѣ Петерб. губ.), *-се* рядомъ съ *-ся* (въ Петроз. у. Олон. губ.) и даже рядомъ всѣ три окончанія (у Позеровъ въ Новгор. губ.). Всѣ разсмотрѣнныя окончанія въ положеніи послѣ гласныхъ звуковъ допускаютъ сокращеніе въ *-сь*, особенно при благопріятномъ для того положеніи во фразѣ, при чемъ полное и сокращенное окончаніе встрѣчаются рядомъ, срв.: поклоню*се* и покорю*се* || покорю*сь* и поклоню*сь* (сѣв.-вост. часть Вытегор. у. Олон. губ.). [3])

б) *3-ье лицо ед. и мн. ч. наст. времени* въ нѣкоторыхъ говорахъ не имѣетъ окончанія *-тъ*, напр. пла́ч*е* [4]), сто*й*,

[1]) Изв. Акад. Н. I (1896) стр. 570; на стр. 564 тѣ же окончанія указаны съ *ё*, напр. скур*я́ё*, больн*íё* и др.

[1]) Въ Городищѣ Устюж. у. Вологод. губ. по-видимому нѣтъ такого слитія и звуковой комплексъ произносится мягко: сади*тьсе* (3 ед.), поглёне*тьсе*, глядя*тьсе*, отправле*тьсе* (см. Бѣлорусовъ Н. въ Р. Ф. В. 1887, № 4, стр. 215).

[2]) Кромѣ разсмотрѣнныхъ окончаній въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣв.-влр. нарѣчія встрѣчается также окончаніе *-ся*, сходное съ литературнымъ; такое окончаніе извѣстно напр. въ Бѣлозерскомъ говорѣ Новгородской губ., въ Каргоп. у. Олонецкой губ., Пошех. у. Яроcлав. губ., въ Костром. губ., въ нѣкоторыхъ вятскихъ говорахъ и др.; особенно распространеннымъ оно оказывается въ говорахъ не смѣшивающихъ *ц* и *ч*. Отвердѣвшимъ видомъ этого окончанія является *-са*. Сочетаніе -тца въ нѣкоторыхъ изъ говоровъ, смѣшивающихъ *ц* и *ч*, отражается въ видѣ *-чча* (напр. въ Глазов. у. Вятск. губ.).

[3]) Жив. Стар. 1893, стр. 391, въ текстѣ заговора.

[4]) Вмѣсто конечнаго *е* встрѣчается и *ё* (*о*), срв. идё, мо́ж*о* (въ Новгор. у.).

стоя́ (Малая Будогоща Тихв. у. Новгор. губ.); [1]) что касается формы 3-го множ. глаголовъ перваго спряженія, то она обычно имѣетъ на концѣ *т* (напр. и д у *т*), такъ какъ иначе совпала бы съ формою 1-аго лица ед. ч. [2])

в) *Окончаніе 2-ого лица множ. ч. наст. времени изъяв. накл. -те* или *-тё* въ нѣкоторыхъ говорахъ принимаетъ на себя удареніе, напр. л е ж *и т е́* (Нолин. у. Вятск. губ.), с п и *т ё* (Вятск. у.). Такое произношеніе вызвано вѣроятно стремленіемъ дифференцировать формы изъяв. наклоненія отъ созвучныхъ формъ повелит. накл. Той же особенности ударенія послѣдовали и глаголы перваго спряженія (срв. пойде*те́*—въ Бѣлозерскѣ Новгор. губ.), не смотря на то, что въ этомъ спряж. форма 2 мн. наст. вр. и повел. накл. не вполнѣ совпадали между собою по звукамъ (срв. идете ‖ идите); въ нѣкоторыхъ говорахъ это различие устранено дѣйствіемъ аналогіи къ глаголамъ второго спряженія, т. е. вмѣсто окончанія *-ете́* подставилось *-ите́*, напр. к л а д *и т е́* рядомъ съ к л а д *и т ё* (Устюжна Новг. губ.), п р о п а д *и т е́* (Нолин. у. Вятск. губ.).

г) Явленіе т. н. *„стяженія“*, состоящее въ томъ, что въ спряженіи глаголовъ на *-ать* сочетаніе *ае* замѣняется черезъ *а*; напр. знаш, дѣлат, чита́м. Это явленіе охватываетъ весьма многіе говоры сѣв.-влр. нарѣчія, хотя не вездѣ въ одинаковой степени. Такъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ господствуютъ исключительно стяженныя формы, напр. въ Коштугско-Ежезерскомъ говорѣ Вытег. у. Олонец. губ., [3]) въ дру-

---

[1]) Однако при этомъ соотвѣтствующая возвратная форма содержитъ *т* передъ возвратнымъ суффиксомъ.

[2]) Въ рядѣ говоровъ видимъ однако постоянное присутствіе *-тъ* въ 3 ед. и множ. наст. времени обоихъ спряженій, напр. въ Городищнѣ Устюж. у. Волог. губ., Вотчѣ Тотем. у. той же губ., особенно же въ говорахъ, не смѣшивающихъ *ц* и *ч* (или же смѣшивающихъ лишь спорадически) — въ Пошех. у. Яославл. губ., Ковров. у. Владим. губ., въ Нижегор., Казан. и Симбир. губ.

[3]) Однако—встаём, т. е. при удареніи на концѣ. См. Изв. Акад. Н. I (1896) стр. 564, см. также стр. 565, 566.

гихъ же стяженныя окончанія встрѣчаются лишь въ положеніи послѣ ударенія, напр. д у́ м *а т*, [1]) но з н а *ё т* (Устюжна Новгор. губ.). Что касается происхожденія разсматриваемаго явленія, то его можно объяснить также дѣйствіемъ аналогіи къ такимъ формамъ тѣхъ же глаголовъ, которыя содержатъ простой гласный *а*, напр. д у́ м *а ш*—по аналогіи къ д у́ м *а л*, д у́ м *а т ь*. Благодаря этому процессу, въ спряженіи глаголовъ на *-аю* получалось большее однообразіе не только по гласному окончаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по числу слоговъ (изосиллабичность). [2])

Примѣчаніе. Во многихъ сѣв.-великорусскихъ говорахъ встрѣчаются еще такія стяженныя по виду формы, какъ—умѣ́ш, умѣ́т и т. п., которыя могутъ объясняться подобно разсмотрѣннымъ выше случаямъ стяженія, т. е. аналогіей.

7) Что касается с и н т а к с и ч е с к и х ъ особенностей сѣверно-великорусскаго нарѣчія, то отмѣтимъ слѣдующія:

а) Своеобразныя сказуемыя въ формѣ причастія, напоминающія оборотъ Дат. самост., напр. ищо *не отошедши служба*, а уже и цяй пьетс. [3])

б) Употребленіе прямого дополненія отъ существительныхъ ж. р. на *-а* въ формѣ Имен. падежа въ томъ случаѣ, если дополняемый глаголъ стоитъ въ неопредѣленномъ наклоненіи. Такіе обороты свойственны преимущественно языку былинъ, а частію и сказокъ, закрѣпленные за нѣкоторыми типичными выраженіями, напр. въ одной изъ сказокъ, запи-

---

[1]) Въ этомъ же говорѣ рядомъ встрѣчаются и нестяженныя образованія (т. е. д у́ м *а т* ‖ д у́ м *а ё т*), хотя послѣднія являются уже болѣе рѣдкими. См. Изв. Акад. Н. I (1896) стр. 987, 1090—1091.

[2]) Въ нѣкоторыхъ говорахъ, не подвергшихся указанному процессу вліянія аналогіи, согласный j въ неударяемыхъ окончаніяхъ *-еть* и пр. сталъ ослабѣвать и съ исчезновеніемъ его гласный *э*, придя въ соприкосновеніе съ предшествующимъ гласнымъ *а*, утратилъ свою мягкую экскурсію, напр. въ восточныхъ частяхъ Костромской губ. - з н а́ э ш и т. п. (говоръ г. Плёса съ окрестностями; С о б о л е в с к і й 1, стр. 39).

[3]) Изв. Ак. Н. I (1896) стр. 571.

санныхъ Колосовымъ въ г. Бѣлозерскѣ Новгород. губ.: „трудно тебѣ у Царь-Дѣвицы *живая молодовая вода достать*“. [1])

в) Употребленіе безличныхъ выраженій въ страдательной формѣ отъ такихъ глаголовъ, которые въ литературномъ языкѣ при томъ же значеніи возможны лишь въ дѣйствительной или возвратной формѣ, напр. въ Олон. губ.: „*уйдено*, такъ нецё бранитця“; [2]) „*доученось* до того, что...“ (т. е. доучились или доучился до того, что...). [3])

Указавъ на предшествующихъ страницахъ рядъ фонетическихъ, морфологическихъ и синтаксическихъ особенностей въ говорахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія, мы далеко не исчерпали всего разнообразія явленій въ этомъ нарѣчіи: въ нашу задачу не входило дать полную картину всѣхъ діалектическихъ особенностей его, но лишь отмѣтить и пояснить главнѣйшія изъ нихъ, чтобы облегчить читателю оріентировку въ сложной области русской діалектологіи.

Въ заключеніе приведемъ два отрывка, иллюстрирующихъ говоры данныхъ мѣстностей окающаго великорусскаго сѣвера. [4])

1.

Одинъ молодéцъ пришовъ къ старушкѣ: «Ахъ, гитъ, бáбушка-старушка! высватай-ко мнѣ невѣску и претстафъ мою голофку къ мѣсту». Она и говоритъ: «Ахъ, дитя, рада бы я для тебя старатьсе, ты не будёшъ ли послѣ надо мной съмѣятьсе?»—«Ахъ, бáбушка-старушка! на щё надъ стá-

[1]) См. мой трудъ «Склоненіе въ аріо-европейскихъ языкахъ» (1902) стр. 28—29, гдѣ такого рода формы разъясняются какъ пережитки древнѣйшаго окончанія Р. ед., хотя дѣлается оговорка, что на первый взглядъ эту особенность было бы удобно объяснить аналогіей къ именамъ ср. и муж. р. второго склоненія, гдѣ И. и В. ед. сходствуютъ между собою. Теперь подобное участіе аналогіи, по крайней мѣрѣ какъ одного изъ факторовъ явленія, мнѣ представляется вполнѣ допустимымъ.

[2]) Изв. Акад. Н. I 571.

[3]) Колосовъ. Замѣтки и пр., стр. 126.

[4]) Пользуемся здѣсь случаемъ, чтобы указать удачно составленный сборникъ образцовъ для говоровъ какъ сѣверно-великорусскаго, такъ и южно-великорусскаго нарѣчій, подъ заглавіемъ: Хрестоматія по великорусской діалектологіи, сост. *Н. Дурново* и *Д. Ушаковъ*. (М. 1910).

рымъ людьмѝ съмѣятьсе? Про омманъ люди узнаютъ, мнѣ фсѣ бока изломаютъ. Запряжомъ жо мы съ тобою корѝть и пойдемъ въ горотъ Кирѝкъ и станёмъ своимъ жытьёмъ хвастать; у насъ вѣть жытьё-то доброё, верей-то тоценые: два кола фколóцены; ворота-ти цялые: моцяламъ сьтянены, верёфкамъ сьвязаны».

(Городишка, Устюжскаго у., Вологодской губ.). [1])

2.

Свáтитъ, свáтитъ сóлнышко
Въ зиму нё [2]) по лѣтнёму:
Любитъ мини мáлинькой
Нóнёчь нё по прёжнёму.
Любилъ, уговáривалъ,
На словáхъ оммáновалъ:
Сошью тёбѣ, [3]) мѝлая
Шýбочку отлѝсную (2),
Плáтьјё подвинёшнојё.
(д. Давыдково, Ярославскаго у.). [4])

II. Южно-великорусское нарѣчіе.

1) *Аканье*. Произношеніе ореографическаго *о* какъ *а* встрѣчается и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи, именно въ говорахъ неполнаго и слабаго оканья въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Однако здѣсь аканье не затрогиваетъ наиболѣе сильнаго изъ неударенныхъ слоговъ, т. е. перваго передъ удареніемъ. Появленіе аканья именно въ этомъ слогѣ и составляетъ характерную особенность южно-великорусскаго нарѣчія, при чемъ въ другихъ неударяемыхъ слогахъ ослабленіе гласнаго пошло еще далѣе, а именно въ слабыхъ положеніяхъ внутри слова (во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и во внутреннемъ слогѣ послѣ ударенія) произносится ъ. Вообще явленіе аканья въ южно-великорусскихъ говорахъ сходствуетъ съ литературнымъ произношеніемъ; поэтому мы не будемъ останавливаться на немъ, а отмѣтимъ лишь одну варіацію, встрѣчающуюся тамъ и сямъ въ говорахъ и связанную съ яканьемъ, о которомъ рѣчь пойдетъ ни-

[1]) Р. Ф. В. 1887, № 4, стр. 263.

[2]) ё служитъ для обозначенія мягкаго *е* или точнѣе—гласнаго *э* съ мягкостью предшествующаго согласнаго.

[3]) или тёјѣ.

[4]) См. Р. Ф. В. 1890, № 3, стр. 62.

же. Эта варіація заключается въ томъ, что во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и послѣ ударенія внутри слова на мѣстѣ орѳографическаго *о* произносится не ъ (й), какъ въ другихъ **акающихъ** говорахъ, а слабое краткое *а*, напр. тёмн*а*й, тём*на*ва (тульско-крапив. говоръ); [1]) что же касается второго слога передъ удареніемъ, то въ немъ нерѣдко орѳ. *о* отражается въ видѣ слабаго краткаго *а*, если слогъ первый передъ удареніемъ содержитъ *а*, въ чемъ можно усматривать ассимилирующее дѣйствіе болѣе сильнаго слога на слабый, напр. **х*а*раш о**, **п*а*лажить**, по—р*ы*зыграться, п*ы*гулять (тотъ же говоръ). [2])

2) *Яканье-иканье.* Отраженіе орѳ. *е*, какъ уже было указано раньше, представляетъ въ области южно-великорусскаго нарѣчія три главныхъ діалектическихъ различія: *я* чередующееся съ *и*, полное яканье и полное иканье.

а) Орѳографическое *е* (также *ѣ*, *я*) произносится какъ *я* въ положеніи передъ твердыми согласными, а кака *и* въ положеніи передъ мягкими. Такое произношеніе встрѣчается въ губерніяхъ Калужской (Мещов., Боров. у.), Тульской (Бѣлев. у.), Пензенской (напр. Лада, Саранск. у.), Воронеж-

[1]) Р. Ф. В. т. X, стр. 26—27.

[2]) Оттѣнокъ *а* въ слабыхъ неударяемыхъ положеніяхъ встрѣчается и въ говорахъ предшествующаго типа, гдѣ этотъ гласный заступаетъ собою ъ при нѣкоторыхъ спеціальныхъ условіяхъ, именно при послѣдующемъ болѣе сильномъ гласномъ *а*; срв. напр. въ говорѣ дер. «Парфёнки» Рузскаго у. Москов. губ. (см. объ этомъ говорѣ весьма подробное изслѣдованіе *Н. Дурново* въ Р. Ф. В. 1900—1903 г.) такіе примѣры, какъ з'iл'ó н *а* j ӑ и т. п., гдѣ подъ вліяніемъ конечнаго *а* и въ предшествующемъ слогѣ является *а*, а не ъ (возможно, что на такое произношеніе словъ этой категоріи вліяетъ также и соотвѣтствующая простая форма тѣхъ же прилагательныхъ, напр. з'iл'ó н *а*; такому гармоническому уподобленію слѣдуютъ въ данномъ говорѣ и нѣкоторые случаи основного *и*, напр. ý б ӑ л ӑ=орѳ. «убыло», в ӑ с т у п á ɣ т=«выступаетъ» (на этомъ примѣрѣ мы видимъ, что ассимилирующее вліяніе ударяемаго гласнаго можетъ сказываться даже черезъ промежуточный слогъ). Въ приводимомъ говорѣ оттѣнокъ *а* часто является еще въ началѣ слова, напр. ӑ г у р ц ы́, но ъ г а р ó т (т. е. уже диссимиляція).

ской, Казанской (Чистоп. у.), Саратовской. Въ указанныхъ мѣстностяхъ это отраженіе проводится съ наибольшей послѣдовательностью, напр. сястрá, явó, в лясý || тип́ерь, ичмéнь, патрисй (Митяево, Боров. у. Калуж. губ.). Но есть рядъ говоровъ, въ которыхъ чередованіе *я* || *и* по-видимому не подчиняется опредѣленнымъ законамъ, при чемъ въ одныхъ говорахъ передъ твердыми согласными произносится *я*, а передъ мягкими кромѣ *и* встрѣчается также *я* (срв. въ Тульскомъ у. **крясты** || **биречь**, но также **вярёвка**), [1]) въ другихъ же говорахъ—наоборотъ—передъ мягкими согласными обычно произносится *и*, но за то передъ твердыми рядомъ съ *я* встрѣчается *и*, напр. **питёрка**, но **тряпать** || **трипать** (дер. Парфёнки, Рузск. у. Моск. губ.). [2]) Наконецъ, есть говоры, въ которыхъ орѳограф. *е* произносится какъ *я* или *и* въ зависимости отъ условій, представляющихъ большую или меньшую сложность для ихъ опредѣленія или даже не поддающихся ему, напр. **сяло́**, **сила́**, **бяру́**, **бирéш**, **вялю́**, **вялúш** и т. п. (Ельнинскіе говоры Смоленской губ., Мосальскіе говоры Калужской губ., говоръ Обоянскаго у. и др.). [3])

[1]) Такое произношеніе извѣстно еще въ Крапив. и Новосил. уу. Тульской губ., а также въ Нижнедѣвицкомъ и Бобровскомъ уу. Воронежской губ. Судя по даннымъ говора села Питýшки Новосил. у., распредѣленіе *я* и *и* передъ мягкими и частію отвердѣвшими согласными подчиняется, по-видимому, нѣкоторымъ фонетическимъ условіямъ: если ударенный слогъ содержитъ одинъ изъ узкихъ гласныхъ, то въ предъидущемъ слогѣ отраженіемъ служитъ *я*, передъ гласными же средне-широкими—*и*, см. слѣд. страницу—въ сноскѣ.

[2]) Эта варіація встрѣчается еще въ Тульской губ. Каширскомъ у. и въ Курмышскомъ у. Симбирской губ., а также въ Щигров. у. Курской губ.

[3]) Акад. А. А. Шахматовъ въ своей статьѣ «Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ» (Р. Ф. В. 1896 г. № 3—4) открылъ нѣкоторую закономѣрность для отраженія *я* || *и* въ соотвѣтствующихъ говорахъ, именно: изъ данныхъ рефлексовъ второй встрѣчается лишь при томъ условіи, если ударяемый слогъ содержитъ широкій гласный (*а*—орѳ. а, я), тогда какъ въ положеніи передъ всѣми другими ударяемыми гласными наблюдается первый рефлексъ; при этомъ твердость и мягкость слѣдующаго согласнаго не оказываетъ никакого вліянія на появленіе того или другого

б) Ор. *е* отражается какъ *я* и передъ твердыми и передъ мягкими согласными, напр. б*я*р*у́*, н*я*в*е́*ста и т. п. Такого рода произношеніе извѣстно въ губерніяхъ Калужской (въ уу. Тарусскомъ, Перемышльскомъ, Лихвинскомъ и Мещовскомъ), Орловской (Елецк. у.), Черниговской (т. наз. сѣверскіе говоры), Рязанской (въ Скопин. у. и другихъ южныхъ), Тамбовской (Липецк. и Кадом. уу.) и Воронежской. Возможно, что яканье въ указанныхъ говорахъ отчасти представляетъ собою результатъ расширенія *я* на счетъ *и*, т. е. стало употребляться по аналогіи и въ положеніи передъ мягкими согласными. Но можно также предполагать, что расширеніе яканья началось еще до измѣненія *е* въ *и*, при чемъ оно частію развивалось фонетически изъ *е*, частію же распространялось путемъ аналогіи на мѣсто послѣдняго гласнаго.

в) Мы переходимъ теперь къ послѣдней варіаціи въ отраженіи ор. *е*, именно—къ полному „иканью". Область этого явленія захватываетъ собою болѣе или менѣе губерніи Московскую, Калужскую (Мосал. у.), Тульскую (Крапив. и Новосил. уу.), Орловскую (Ливен. у.), Курскую (Новооскол., Бѣлгород. уу.), Воронежскую (мѣщанскій говоръ гор. Воронежа), Псковскую (у Псковскаго оз.). Нужно сказать, что этотъ говоръ, наиболѣе близко подходящій въ разсматриваемомъ отношеніи къ московско-литературному произношенію, представляетъ собою вмѣстѣ съ послѣднимъ результатъ распространенія иканья на счетъ яканья, т. е. обратно предшествующей варіаціи, и—быть можетъ—отчасти обязанъ московской колонизаціи.

рефлекса. Просматривая діалектическіе матеріалы г. Добровольскаго въ его Смоленскомъ Этнографическомъ Сборникѣ т. I (1891) и II (1894), на которые между прочимъ опирается акад. Шахматовъ, мы убѣдились не только въ правильности обобщенія, но также и въ томъ, что и другіе говоры Смоленской губ. подходятъ подъ этотъ типъ. Что касается *Обоянскаго* говора, то Л. Л. Васильевъ въ статьѣ «Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Обоянскомъ говорѣ» (1904), опираясь на многочисленные примѣры, устанавливаетъ нѣсколько иныя правила для двоякаго отраженія *е* (а также *ѣ*) въ первомъ предъударенномъ слогѣ, а именно: отраженіе *е* въ видѣ *и* наблюдается въ томъ случаѣ, когда ударенный слогъ имѣетъ гласный *а*, *ѣ* или основное о; отраженіе въ видѣ *я* встрѣчается передъ прочими ударенными гласными, т. е. узкими—*у*, *и*, *і*, а также передъ *е* и бѣглымъ *о*. Нѣкоторые говоры не подходятъ, по-видимому, ни подъ одинъ изъ этихъ типовъ, срв.: в*я*л*ё*к, в*я*н'цу ‖ в*и*н'ча́нью, д*и*рéwня, хр*и*шчéнья (с. Пятушки Новосил. у. Тульской губ.; см. тексты въ статьѣ проф. Будде «О говорахъ Тульской и Орловской губерній, 1904 г., стр. 12—14). Замѣтимъ, что при изученіи умѣренно-окающихъ говоровъ мы наблюдали явленіе диссимиляціи въ послѣударенной части слова (въ конечномъ закрытомъ слогѣ), напр. зд'ѐл*ы*м ‖ стра́јів*а*м (послѣ узкаго палятальнаго гласнаго), между тѣмъ какъ въ предъударенной части слова встрѣчаемъ случаи ассимиляціи, напр. с*о*м*о*ва́р и др. (см. наше Изслѣдованіе говора дер. Бѣлой, Казан. губ., 1900, стр. 30, 38).

Всѣ указанныя нами варіаціи отраженія ор. *е* въ первомъ предъударенномъ слогѣ встрѣчаются также и въ области *ѣ*, напр. б*я*жал, д*и*вчонка, расцв*я*л*и* и т. п.

Что касается отраженія *Е* и *Ѣ* въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ, то во второмъ слогѣ передъ удареніемъ они обычно являются въ видѣ *и*, равно какъ и послѣ ударенія внутри слова, напр. д*и*рявéньщина, вы́м*и*ла, зна́*и*ш (Псков. губ. Великол. у.), хотя въ части говоровъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ встрѣчается индифферентный гласный a̰, напр. ста́н'a̰м, гр'ів'a̰н (Уфим. губ., с. Охлѣбинино).[1] На концѣ слова ор. *Е* отражается въ видѣ *я*, а частью въ видѣ *и*: въ И. В. ед. существ. ср. р. обычно встрѣчается лишь отраженіе въ видѣ *-я* (напр. пол*я* и т. п.), а въ окончаніи 2 мн. *-те* является въ однихъ говорахъ въ видѣ *-тя*, а въ другихъ въ видѣ *-ти* (напр. пажа́луй*тя*—Сычев. у. Смол. губ., пайдё*ти*—въ Вышнемъ Волочкѣ Твер. губ.) и притомъ безъ видимаго отношенія къ вышеразсмотрѣннымъ тремъ варіаціямъ яканья и иканья; ор. *Ѣ* въ концѣ словъ обычно отражается въ видѣ *и* и сравнительно рѣдко въ видѣ *-я*, какъ напр.—в до́м*я* (Щигров. у. Курской губ.).

[1]) Такое же произношеніе извѣстно и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, напр. въ Рязан. губ.

3) *Придувное произношение* *г* не можетъ считаться такою постоянною чертою южно-великорусскихъ говоровъ, какъ напр. аканье въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ. Въ нѣкоторой части говоровъ это явленіе совершенно отсутствуетъ и *г* имѣетъ тамъ взрывное произношеніе, какъ и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи, напр. *агóн'* (=сѣв.-влр. *огóн'*). Такой выговоръ *г* встрѣчаемъ въ Московскомъ говорѣ, находящемся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ сѣверно-великорусскимъ нарѣчіемъ, а также въ губерніи Калужской (Боров. у.), Рязанской (въ нѣкоторыхъ частяхъ Касим. у.), Пензенской (с. Лада Саранскаго у.), Нижегородской (с. Хилково Лукояннов. у.), Уфимской (с. Охлѣбинино) и др. При этомъ отдѣльныя слова, преимущественно возвышеннаго характера, встрѣчаются съ придувнымъ произношеніемъ *г*=*γ* (напр. *γ а с п ó т'*), что наблюдается также и въ сѣв.-влр. нарѣчіи. Что касается болѣе южныхъ говоровъ акающаго типа, то почти всѣмъ имъ свойственно придувное произношеніе *г* (т. е. г=*γ*), подобно нарѣчіямъ малорусскому и бѣлорусскому, къ которымъ они прилегаютъ.

4) Весьма распространенною чертою южно-великорусскаго консонантизма является произношеніе *w* (ў) вм. *в* въ положеніи передъ согласными и на концѣ словъ, напр. *wрé*мя, *wсю*, здарó*w* (южная или за-окская часть Рязанской губ., Новосил. у. Тульск. губ., Мещов. у. Калуж. губ.). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слышится *w* вм. *в* также передъ гласными, преимущественно губными ударяемыми; срв. *wóлъс'т'и*, *панéwу* || *с'пир'вá*, *вялúк*, *жывéт'*, *вин'чя́нью* (Пятýшки Новосил. у.). Московскому говору свойственно произношеніе *в*, смѣняющагося на *ф* въ концѣ словъ и передъ глухими согласными.

5) Переходимъ теперь къ указанію нѣкоторыхъ м о р ф о л о г и ч е с к и х ъ особенностей, оставляя въ сторонѣ тѣ, о которыхъ уже говорилось раньше (см. пунктъ 2-ой).

а) Окончаніемъ Род. ед. извѣстныхъ мѣстоименій и также прилагательныхъ въ муж. и ср. родѣ обыкновенно служитъ -*γó* || -*γă*, срв. *каγó*, *чяγó*, *нúжняγа* (Новосил. у. Тульск. губ.); но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, при произношеніи г=*γ*, встрѣчаемъ въ указанныхъ случаяхъ окончаніе -вó || -вă, при чемъ ударяемое окончаніе произносится мѣстами какъ -wó (напр. дер. Хутóрь Новосил. у. Тул. губ.); но въ тѣхъ акающихъ говорахъ, въ которыхъ *г* имѣетъ взрывное произношеніе, обычно произносится -*вó*, а не -wó (напр. въ дер. Козлово того же уѣзда).

б) 3 ед. и мн. настоящаго (будущаго) времени обыкновенно имѣетъ окончаніе -*тъ*, напр. *сраб*ó*тыитъ*, *гыварятъ* (Мещов. у. Калуж. губ.); впрочемъ въ 3 ед. глаголовъ на -*áю* можетъ отсутствовать это окончаніе, напр. зна́я, зъхвара́я (Пятýшки Новосил. у.); рѣже окончаніе -*тъ* можетъ отсутствовать въ 3 мн., напр. пью || пьютъ (Мана́нки Бѣлев. у. Тульск. губ.). Въ глаголахъ перваго спряженія съ удареніемъ на окончаніи въ части говоровъ въ среднихъ лицахъ произносится гласный 'é || 'ǽ, срв. жывéтъ, стриһéм (Пятушки Новосил. у. Тульск. губ.), тогда какъ въ другихъ ё, напр. идётъ (дер. Паньково Орловск. у.), даётъ (Мещов. у. Калуж. губ.).

в) Въ спряженіи на -*ся* кромѣ окончанія -с'а или сокращеннаго -с' встрѣчается и -*си*, особенно во 2 ед. наст. (буд.), напр. *бaнс'си*. [1])

Примѣчаніе. Кромѣ представленныхъ нами наиболѣе крупныхъ особенностей и ихъ варіацій, въ южно-великорусскомъ нарѣчіи существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ менѣе значительныхъ варіирующихъ чертъ, могущихъ служить для опредѣленія болѣе мелкихъ діалектическихъ группъ. Таково напр. свойственное многимъ говорамъ произношеніе *к* мягкаго вм. твердаго послѣ мягкихъ согласныхъ: печ*кю*, шей*кя* и т. п. (Мещов. у. Калуж. губ., Новосил. у. Тульск. губ. и т. д.), [2]) мягкое произношеніе *жж* и *шш* (въ такихъ словахъ, какъ дождя, дождь) въ говорахъ московскаго типа, произношеніе *т'* вм. *к'*, распространенное между прочимъ по

[1]) Московскому говору свойственны твердыя окончанія, т. е. -*са*, -*с*.

[2]) Обыкновенно это явленіе считаютъ чисто фонетическимъ; но намъ кажется, что толчокъ къ нему былъ данъ факторомъ аналогіи, благодаря тому, что формы типа «печ*ки*», «печ*кь*» стали передавать свое мягкое *к* особенно послѣ мягкихъ согласныхъ другимъ падежнымъ формамъ тѣхъ же

старо-московскому тракту отъ Боровска почти до Москвы, окончаніе *-уя* вм. *-ую* въ В. ед. прилагательныхъ ж. р., [1]) мѣстоим. формы Р. В. ед. *мине*, *тибе*; и т. д.

Въ заключеніе нашего разсмотрѣнія южно-великорусскихъ говоровъ представимъ для иллюстраціи ихъ нѣсколько текстовъ, записанныхъ разными изслѣдователями болѣе или менѣе фонетически.

1.

ҺӑлавӑІ-ль ты мая́,
Жы̆зь заўда́ля́я,
Зӑһубйла мини мълатца́,
Мъладе́цкыю жы̆зь зӑһубйла,
И ў темнӑцу мине́ прилъвела́.
'Абамру́ нӑ тире́мнай пасьте́ли,
Пъхарбнють мине́ кой-как,
Пъхаро́нють, зимлёю заро́ють:
Ни наплачить радимая мать.
Ли чиво я на с'вѣтя урадился,
На што́ рӑдила́ мине́ мать?
Ли таво я на с'вѣтя рӑдился:
Тире́мныю жы̆сь йспыта́ть.
Вы сълитайтя вы, ме́лкіји иташки,
На зилёну маһилу маю́,
Вы ӑаспойтя пичяльную пѣсьню
Нӑд маям дйривяныым крястом.
(с. Куликовка, Орлов. уѣзда и губ.). [2])

2.

На́ мари ўтушка сыкупа́лыся, вӑдимши силизёнюшку схырани́лыся за тѣ го́ры за кру́тыи, за тѣ пяски́ за жо́лтыи. Въ те́рими Хрисьтӑнькюшка

словъ, напр. «печ*кю*» и т. д. Впослѣдствіи же, когда такія образованія стали обычными, произношеніе *к'* въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ настолько утвердилось въ говорѣ, что стало появляться и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вовсе не было морфологическаго повода для дѣйствія аналогіи, какъ напр. въ частицахъ, срв. толь*кя* и т. п.

[1]) Эта особенность произношенія можетъ быть объяснена такимъ образомъ, что съ возникновеніемъ *-я* въ И. В. ед. сред. р. сложныхъ прилагательныхъ, этотъ гласный сталъ чувствоваться необходимымъ конечнымъ элементомъ въ сложныхъ формахъ данныхъ падежей какъ для средняго, такъ и для женскаго рода, а потому онъ сталъ прибавляться и въ В. ед. жен. рода къ соотвѣтствующимъ простымъ формамъ прилагательныхъ, т. е. пуст*á*—пуста́*я*, пуст*ó*—пусто́*я*, пусту́—пусту́*я*.

[2]) Будде Е. Ѳ. О говорахъ Тульской и Орловской губерній (1904) стр. 44

снаряжа́лася, вӑдимши, вӑдимши Тӑхунушку схырапа́лыся за тѣ сталы́ въ дубо́выи, за скатирьти шалко́выи.

(д. Калужкина, Мещов. у., Калуж. губ.) [1])

III. Бѣлорусское нарѣчіе.

Бѣлорусское нарѣчіе, какъ мы уже упоминали, представляетъ собою вѣтвь южно-великорусскаго нарѣчія, т. е. сохраняя главнѣйшія черты этого послѣдняго (напр. аканье, придувное произношеніе *г* и др.), оно имѣетъ и свои характерныя особенности, которыя мы перечислили въ началѣ настоящей главы. Такъ какъ первыя уже разсмотрѣны нами съ достаточною подробностью, то мы остановимся теперь на чертахъ спеціально бѣлорусскихъ.

1) Явленіе *дзеканья* и *цеканья* въ области бѣлорусскаго нарѣчія представляетъ собою черту, занимающую значительную площадь: она начинается прямо отъ западной границы этого нарѣчія, гдѣ бѣлорусская рѣчь соприкасается съ польскимъ языкомъ, обнимаетъ почти всю бѣлорусскую площадь, теряясь постепенно къ тѣмъ окраинамъ ея, которыя соприкасаются съ областями литовскаго языка и нарѣчій великорусскаго и малорусскаго, т. е. на сѣверѣ, востокѣ и юго-востокѣ. Такимъ образомъ разсматриваемое явленіе въ западной части бѣлорусской области не представляетъ какихъ-либо переходныхъ фазъ, что естественно поставить въ связь съ тѣмъ фактомъ, что сосѣдній польскій языкъ имѣетъ аналогичное дзеканье и цеканье (срв. б ѣ л о р. д͡з'ен', ц'іхӑ и п о л ь с к. dzień, cicho); въ существованіи такой связи насъ убѣждаетъ и то, что на прочихъ своихъ окраинахъ, гдѣ бѣлорусскіе говоры соприкасаются съ говорами, не имѣющими данной черты, постепенно утрачивается интенсивность явленія. Съ точки зрѣнія физіологической, происхожденіе дзеканья и цеканья можетъ быть понято такъ: при нѣкоторомъ замедленіи

---

[1]) Чернышевъ В. Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда (1901) стр. 31.

въ рекурсіи мягкихъ *д* и *т*, т. е. при уменьшеніи скорости отнятія языка отъ передняго неба, возникаетъ вслѣдъ за мягкимъ взрывнымъ соотвѣтствующій придувной призвукъ, и такимъ образомъ получаетъ начало дифтонгизація этихъ взрывныхъ согласныхъ. [1])

2) *Твердое произношеніе* **р** *вмѣсто мягкаго* наблюдается во всей юго-западной половинѣ бѣлорусской области, ограничиваясь съ востока линіей, идущей приблизительно отъ Люцына къ Витебску и отъ Витебска къ Новозыбкову, [2]) за которою уже уменьшается чистота явленія, т. е. появляются случаи мягкаго произношенія *р*, нерѣдко даже не на мѣстѣ, а при переходѣ къ говорамъ великорусскимъ употребленіе твердаго и мягкаго *р* пріобрѣтаетъ уже ту правильность, какая свойственна послѣднимъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что область исключительно твердаго *р* прилегаетъ своими западными и южными границами къ тѣмъ языковымъ областямъ, которыя или совсѣмъ не знаютъ мягкаго *р* (таковъ польскій языкъ), или же расширили употребленіе твердаго *р* на счетъ мягкаго (малорусскій языкъ). Что касается физіологической основы разсматриваемаго явленія, то мы представляемъ его себѣ такимъ образомъ: согласный *р* по своей артикуляціи относится къ альвеолярнымъ согласнымъ, какъ и шипящіе *ш* и *ж*, имѣющіе тенденцію къ отвердѣнію; поэтому намъ кажется вѣроятнымъ допустить, что процессъ отвердѣнія *р* былъ связанъ здѣсь съ альвеолярной природой согласнаго *р* и представляетъ собою расширеніе процесса

---

[1]) Замѣтимъ еще, что дзеканье и цеканье встрѣчается въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ какъ напр. въ Тверскомъ уѣздѣ, также въ Яросл. губ. въ уу. Моложскомъ и Пошехонскомъ, въ Нижегор. губ. въ Княгин. у., въ говорѣ уральскихъ казаковъ. Кое-гдѣ эта особенность можетъ быть отнесена на счетъ бѣлорусскихъ переселенцевъ, но въ другихъ случаяхъ такихъ указаній не имѣется, такъ что можно предполагать и самостоятельное развитіе даннаго явленія.

[2]) См. карту бѣлорусскаго нарѣчія въ трудѣ проф. Е. Ө. Карскаго «Бѣлоруссы», т. I (1903).

отвердѣнія другихъ альвеолярныхъ согласныхъ (*ш* и *ж*), согласуясь въ этомъ случаѣ и съ сосѣдними языками. [1])

3) *Удвоеніе согласныхъ*, характерное для бѣлорусскаго нарѣчія, получилось изъ сочетанія мягкихъ передне-язычныхъ согласныхъ съ j, напр. жы*цце́* („житье“), безлю́*ддзе*, полѣ́*сс*е, гря́*ззю*, мы*шша́к*, ру*жжо́*, обли*чч*е, сви*ння́*, *ллю*ць („льютъ“). Такому удвоенію обычно не подвергаются (за исключеніемъ спорадическихъ случаевъ) губные согласные, которые въ подобныхъ сочетаніяхъ съ j являются даже отвердѣвшими, напр. *пъ*юць, ка*пъ*ё, *бъ*юць, са*ў*ю („совью“) и т. п.; подобнымъ образомъ не подвергается удвоенію и отвердѣвшее *р*, хотя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ извѣстно мягкое *р*, можно встрѣтить и случаи типа звѣ*рре́* и т. п. [2])

4) *Замѣна не только твердаго в, но и твердаго л черезъ w въ концѣ словъ и въ положеніи передъ согласными* является постоянною чертою въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, подобно малорусскому. Такая замѣна *л* черезъ *w* служитъ однимъ изъ отличій бѣлорусскаго нарѣчія отъ южно-великорусскаго, въ которомъ—какъ мы знаемъ—наблюдается полурусскаго, въ которомъ—какъ мы знаемъ—наблюдается полугласный *w* лишь на мѣстѣ литературнаго *в* и только въ говорахъ переходныхъ къ бѣлорусскому нарѣчію (какъ напр. въ Смоленской губ.) встрѣчается *w* и на мѣстѣ *л*. [3]) Чтобы понять физіологическую природу измѣненія *л*→*w*, необходимо допустить болѣе заднюю артикуляцію языка при произношеніи твердаго *л*, что въ свою очередь обусловливаетъ присоединеніе участія губъ и вообще переходъ артикуляціи изъ

---

[1]) Употребленіе твердаго *р* вм. мягкаго мы находимъ также въ югославянскихъ языкахъ, доказывающее обычность такого процесса, хотя впрочемъ въ другихъ языкахъ наблюдаемъ иной путь развитія мягкаго *р* (напр. въ польск. и чеш.).

[2]) Разсмотрѣнное нами удвоеніе смягченныхъ передне-язычныхъ согласныхъ, свойственное—какъ мы знаемъ—также малорусскому языку, выходитъ нѣсколько за предѣлы бѣлорусской области, встрѣчаясь напр. въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ Смоленской губ.

[3]) Вообще, эта пограничная область представляетъ сложныя комбинаціи чертъ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ, такъ что иногда изслѣдователь сильно затрудняется, къ которому изъ этихъ нарѣчій отнести данный говоръ.

язычной въ губно-губную. Такому преобразованію звука (*л→w*) могло способствовать также то, что подобный звукъ (*w*) уже имѣлся въ языкѣ въ тѣхъ же условіяхъ на мѣстѣ литературнаго *в*.

5) Изъ *морфологическихъ* отличій бѣлорусскаго нарѣчія, которыя раздѣляетъ также малорусское нарѣчіе, отмѣтимъ прежде всего *сохраненіе переходно смягченныхъ окончаній въ склоненіи*, напр. на ра*цѣ* („на рѣкѣ“), на даро́*зи*, к ма́ти*цы* (т. е. къ маткѣ=къ матери), на ко́йи*цы* („на койкѣ“) и т. п. Другою особенностью является окончаніе *-ый* (въ части говоровъ *-э́й*), соотвѣтствующее рус. литерат. *-о́й въ И. ед. прил. муж.*, напр. вороны́*й*, золоты́*й* и т. п.; аналогичнымъ образомъ *въ глаголѣ* встрѣчаемъ типъ спряженія на *-ы́ю*=лрн. *-о́ю*, срв. ры́ицъ („роетъ“), умы́йся, а въ повелит. наклоненіи находимъ еще въ извѣстныхъ глаголахъ окончаніе *-і́й*=лрн. *-е́й*, напр. бі́й, пі́й.

Въ заключеніе приведемъ для образца отрывокъ бѣлорусскаго текста:

Изъ сказки „*Несчастное дитя*“.

Ходзила яна одна, ходзила, и вышла къ дорози. Сѣла подъ ёлкой отдыхнуць и родзила сына. Ставъ тэй сынъ расцъ не по днямъ, ды по часамъ, и тойчасъ ставъ зъ маткой говорицъ. Вотъ матка и говóрицъ яму: ци вѣдыешъ, сынокъ? Я ужо ходжу по гэтымъ лѣси три дни, и нема у мяне ничóго ѣсци! А ёнъ кажецъ: «цише, мама! я табѣ яды разстараюся!» Вотъ ставъ ёнъ на ноги и пошовъ по дороги, а матку подъ ёлкой покинывъ. Ишовъ, ишовъ, видзицъ—ѣдуцъ купцы. Ёнъ узявъ, дубовъ понавывярнувъ и заваливъ дорогу. А самъ сѣвъ вóдали и сядзицъ. Пріѣхыли купцы къ гэтому мѣсту и стали говорицъ, якъ-бы имъ пераѣхыцъ. Ёнъ тоды уставъ и подыйшовъ къ имъ. «Што вы мнѣ дасцё, я вамъ расчищу дорогу»?—Што хочешъ, то й возьми, тольки расчисци! Пабравъ ёнъ много разнаго ѣдзеньня и раскидавъ дубы. Купцы и поѣхали. Вярнувсь ёнъ къ матцы: «вотъ, мама, ёсь и яда!»

(д. Климовичи, Сѣнн. у., Могил. губ.). [1])

[1]) Е. Р. Романовъ. Бѣлорусскій Сборникъ, т. I, вып. 3, стр. 18. Для упрощенія своей транскрипціи собиратель въ случаяхъ аканья примѣнялъ обычный орѳографическій принципъ письма, но не фонетическій; начертаніе г=γ.

IV. Малорусское нарѣчіе.

Если мы пересмотримъ тѣ особенности малорусскаго нарѣчія, которыя перечислены нами въ предварительномъ обзорѣ (стр. 342—343), то замѣтимъ, что эти особенности на столько значительны и многочисленны, что позволяютъ считать малорусскіе говоры за такое нарѣчіе русскаго языка, которое занимаетъ уже переходное положеніе между нарѣчіемъ и языкомъ. Въ виду такого характера малорусскаго нарѣчія, мы не будемъ разсматривать всѣ его діалектическія различія, а остановимся лишь на украинскомъ типѣ говоровъ (напр., полтавской губ.), какъ наиболѣе близкихъ къ литературному малорусскому. При этомъ мы не станемъ еще разъ указывать особенности малорусскаго нарѣчія, а перейдемъ къ описанію его звуковой системы, въ особенности гласныхъ, которая значительно отличается отъ звуковой системы великорусской рѣчи и можетъ оказаться мало извѣстной читателю. [1])

Относительно *ударяемыхъ* гласныхъ малорусскаго языка отмѣтимъ слѣдующія особенности ихъ произношенія.

Наиболѣе существенную особенность представляетъ тотъ гласный звукъ, который соотвѣтствуетъ великорусскимъ *ы* и *і* и слышится какъ средній звукъ между этими двумя съ легкимъ оттѣнкомъ *э* (для фонетической транскрипціи этого гласнаго мы можемъ принять обозначеніе ы̣ или точнѣе—ы̣ᵊ), напр. ты̣ᵊн (т. е. „*тынъ*“), купы̣́ᵊw („купилъ“). Съ физіологической точки зрѣнія этотъ гласный долженъ имѣть нѣсколько иную артикуляцію по сравненію съ великорусскими *ы* и *и*, именно—онъ долженъ быть нѣсколько менѣе заднимъ, чѣмъ *ы*, и болѣе заднимъ, нежели *и*.

[1]) Описывая звуковую систему малорусской рѣчи, мы примемъ и здѣсь за единицу сравненія живую русскую литературную рѣчь, т. е. представимъ описаніе звуковъ малорусской рѣчи такъ, какъ они воспринимаются ухомъ великоросса.

Великорусскому палятальному гласному *э* (е) соотвѣтствуетъ въ малорусскомъ аналогичный гласный съ тою однакожъ разницею, что онъ является звукомъ среднимъ между *ы̣*^{e} и *а* (но не между *і* и *а*, какъ въ великорусскомъ). Соотвѣтственно этому его произношеніе требуетъ нѣсколько болѣе задней артикуляціи по сравненію съ великорусскимъ гласнымъ (въ научно-фонетическомъ письмѣ онъ можетъ быть обозначенъ начертаніемъ *ӓ*). Своеобразность малорусскихъ *ы̣*^{e} и *ӓ* усиливается еще тѣмъ, что предшествующіе имъ согласные не смягчаются, а послѣдующіе палятальные согласные не вліяютъ замѣтно на ихъ рекурсію, напр. с а н ӓ́ j („саней"), γ у̣ м ӓ́ н'j а („игуменья").

Гласный, соотвѣтствующій великорусскому орѳографическому *ѣ*, слышится какъ чистое мягкое или тонкое *і*, безъ всякаго нюанса *э*, наблюдаемаго при ы̣; напр.: п о б'і γ л а („побѣжала, побѣгла"), ч о л о в'і к, w д у̀ м ц і (Предл. ед.) и т. п. Кромѣ того, такое *і* является при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ (во вторично-закрытыхъ слогахъ) на мѣстѣ этимологическихъ *е* и *о*, напр. р у б л'і w, ж'і н к а, п о м'і γ („помогъ"), к'і н' („конь"), п ы̣^{e} р'і γ („пирогъ"). Во всѣхъ случаяхъ такого мягкаго *і* предшествующій согласный произносится мягко.

Что касается остальныхъ ударенныхъ гласныхъ, т. е. *а* и *о*, то они въ общемъ не представляютъ значительныхъ отличій въ произношеніи съ великорусскимъ; отмѣтимъ только, что малорусское *а* по мѣсту артикуляціи является нѣсколько менѣе заднимъ (какъ бы въ гармоніи съ ы̣^{e}), а малорусскій гласный *о* по-видимому имѣетъ нѣсколько меньшую степень лябіализаціи. Прибавимъ еще, что иногда ударяемые гласные производятъ впечатлѣніе большей длительности сравнительно съ общерусскимъ произношеніемъ, напр. чуж о̣́^{e}j.

Неударяемый вокализмъ въ малорусской рѣчи не представляетъ столь рѣзкихъ качественныхъ различій, какія наблюдаются въ общерусскомъ произношеніи: въ ней мы встрѣчаемъ лишь сравнительно легкія различія по степени открытости, въ соединеніи съ различіями длительности, высоты [1]) и силы. Распредѣленіе послѣднихъ по слогамъ или, иначе говоря, антропофоническое строеніе словъ въ малорусскомъ въ отношеніи неударяемыхъ слоговъ замѣтно отличается отъ общерусской рѣчи, а именно: слогъ, непосредственно предшествующій ударенному, производитъ впечатлѣніе довольно слабаго; если же имѣется еще слогъ второй передъ удареніемъ, то таковой получаетъ легкое побочное удареніе; изъ слоговъ послѣударенныхъ слабымъ побочнымъ удареніемъ сопровождается конечный открытый слогъ, обычно въ соединеніи съ нѣкоторою протянутостью, составляющею отличіе его отъ слога второго передъ удареніемъ; если же конечный неударенный слогъ будетъ закрытымъ, то замѣчается только побочное удареніе; промежуточные неударяемые слоги послѣ ударенія внутри слова принадлежатъ къ болѣе слабымъ. Такимъ образомъ, формула антропофоническаго строенія словъ въ малорусскомъ можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ:

$$\underset{1}{\grave{V}} \mid \underset{3/4}{\breve{V}} \mid \underset{2}{\acute{V}} \mid \underset{3/4}{\breve{V}} \mid \underset{1^1/_2}{\overset{(\grave{-})}{V}}$$ [2])

(между тѣмъ относительная сила слоговъ общерусской рѣчи вообще можетъ быть передана для пятисложнаго слова съ удареніемъ на среднемъ слогѣ рядомъ цифръ: 1—2—3—1—1). Примѣры: у̀ м р е т а́, п р и j і́ х а л ы̀ и т. п.

[1]) Относительно измѣненія высоты тона въ словахъ малорусскаго языка можно замѣтить, что интервалы между ударяемымъ слогомъ и различными неударяемыми превосходятъ въ общемъ соотвѣтствующіе интервалы литературнаго русскаго произношенія.

[2]) Въ данной формулѣ V обозначаетъ гласный въ слогѣ, значекъ ´ передаетъ главное удареніе, ` — побочное удареніе, ˘ — краткость, ¯ — длительность гласнаго, | — знакъ дѣленія слова на слоги, цифры выражаютъ относительную силу слоговъ.

Что касается качественныхъ нюансовъ неударяемыхъ гласныхъ, то всего болѣе они выступаютъ при среднихъ гласныхъ *о* и *е*, на которыхъ мы и остановимся.

Неударяемый гласный *е* имѣетъ довольно открытый характеръ въ концѣ слова, значительно приближаясь по степени открытости къ ударяемому *е*, напр.: ка́жä („говоритъ“), с’а́дä („сядетъ“). Нѣсколько меньшая степень открытости гласнаго *е* будетъ въ слогѣ первомъ передъ ударенiемъ, если ударяемый слогъ содержитъ средне-широкiе гласные *а* или *ä* (такой оттѣнокъ гласнаго мы обозначимъ черезъ ạ̈), напр, дạ̈ржа́w („держалъ“), пạ̈чạ̈ („печетъ“); передъ другими же ударяемыми гласными гласный *е* становится болѣе закрытымъ (обозначимъ его начертанiемъ ẹ), напр. нẹсу́т’, лẹжы́т’. Такое различiе степени открытости *е*, очевидно, представляетъ собою родъ гармонической ассимиляцiи къ послѣдующимъ ударяемымъ гласнымъ. Впрочемъ въ говорахъ степень закрытости обѣихъ разновидностей *е* варiируетъ, доходя иногда до предѣла; въ этихъ случаяхъ гласный *е* можетъ слышаться уже какъ ы̣. Въ послѣударенныхъ слогахъ внутри слова гласный *е* отражается приблизительно такъ же, какъ въ слогѣ, предшествующемъ ударенымъ узкимъ гласнымъ, при чемъ въ говорахъ и здѣсь неударяемый гласный можетъ доходить до стадiи ы̣, напр. бу́дẹш || бу́дыш. Что касается слога второго передъ ударенiемъ, то—какъ уже упоминалось—на него падаетъ побочное ударенiе, соотвѣтственно съ чѣмъ онъ является нѣсколько шире перваго предъударенпаго, напр. пѐрẹплы́ᵊлы.

Отраженiе неударяемаго *о* представляютъ слѣдующую градацiю оттѣнковъ по степени открытости, начиная съ наибольшей:

1) Въ конечномъ открытомъ слогѣ: бọло́то̂.

2) Въ конечномъ закрытомъ слогѣ: w γо́рȯд.

3) Въ слогѣ первомъ передъ ударенiемъ: хọд’і́м „пойдемъ!“ (но нашъ гласный представляетъ въ этомъ положенiи

меньшую закрытость при гласномъ *а* въ ударяемомъ слогѣ, напр. лоша̀ „лошадь“). Что касается второго слога передъ ударенiемъ, то и здѣсь онъ сопровождается побочнымъ ударенiемъ, а потому гласный, можно думать, имѣетъ слегка меньшую закрытость.

Въ заключенiе мы должны сказать, что въ говорахъ закрытость неконечнаго неударяемаго *о* варiируетъ, болѣе или менѣе приближаясь къ *у*.

Въ тѣсной физiологической связи съ характеромъ вокальной системы въ малорусскомъ находится характеръ *системы согласныхъ*, а именно: каково различiе малорусскаго гласнаго ы̣ᵊ отъ великорусскаго *ы*, таково же различiе и твердаго произношенiя согласныхъ въ этихъ двухъ языкахъ. Если при произношенiи отдѣльнаго твердаго мгновеннаго согласнаго у великоросса можетъ послышаться призвукъ *ы* (напр. тᵚ), то въ произношенiи малоросса такимъ призвукомъ будетъ ы̣. Такимъ образомъ, система *твердыхъ* малорусскихъ согласныхъ нѣсколько отлична отъ соотвѣтствующей великорусскихъ, являясь по сравненiю съ послѣдней нѣсколько болѣе средне-язычною. Разницы въ произношенiи *мягкихъ* согласныхъ въ тѣхъ же языкахъ не замѣтно.

Изъ частностей нужно отмѣтить существованiе твердыхъ и мягкихъ *ш*, *ж* и даже *ч*, напр.: ша́пка, шы̣ᵊты || ш’іст’; жы̣ᵊты || ж’і́нка; чы̣ᵊстыј || ч’і́лка. Упомянемъ также о той характерной чертѣ, что звонкiе согласные въ концѣ словъ и передъ глухими согласными обычно сохраняютъ въ малорусскомъ свою звонкость, напр. ра́д, мере́жка (т. е. родъ вышивки). Согласный ј передъ *і* (изъ *ѣ*) очень замѣтенъ, напр., јі́халы, приј́іхалы̣; наконецъ, отмѣтимъ еще губно-губное w = лрп. -оре. великор. *л* и *в*, въ положенiи на концѣ словъ и передъ согласными.

Все вышесказанное о малорусскомъ произношенiи достаточно обрисовываетъ отличiе звуковой системы великорусской отъ малорусской, такъ что великороссу, который бы

пожелалъ въ точности усвоить малорусское произношеніе, необходимы болѣе или менѣе продолжительныя упражненія, чтобы привыкнуть къ нѣсколько другой *системѣ артикуляціонныхъ укладовъ*.

Примѣчаніе. Мы не станемъ описывать діалектическихъ различій малорусскаго языка, довольно многочисленныхъ, [1]) но не можемъ не упомянуть о главнѣйшемъ подраздѣленіи малорусскихъ говоровъ у насъ на сѣверные и южные. Главнымъ отличіемъ полосы сѣверныхъ говоровъ отъ южныхъ служитъ присутствіе въ первыхъ *дифтонговъ* тамъ, гдѣ во вторыхъ уже имѣется простой гласный *і* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ; [2]) срв. куͦн'=к'ін' («конь»), нуͦч=ніч («ночь»), піͤч=п'іч («печь»).

Въ заключеніе приведемъ малорусскій текстъ въ ороографической передачѣ, принятой въ Россіи: [3])

О тимъ, зъ чого взялысь ведмéди.

Йшôвъ разъ Госпôдь въ Св. Петрôмъ чéрезъ мистъ, а зъ-пидъ мóсту выбигъ чоловíкъ у вывернутому кожуси,—вин̆ за здалегидь йще заховàвся тамъ, и дýмка бъ то булà въ его злякáты Ісуса и Петрà,—та якъ крúкне: «ве»!.. а Госпôдь одвернýвсь одъ его, плюнувъ й сказавъ: «ну, такъ иды жъ тепèрь собí у цúй шкýри на вси кра̀йи свíта, лякàй людей, а людú тебѐ». Пишôвъ тодí той чоловíкъ ведмéдемъ, а зъ его й намножився вже й по всёму свíту ведмéжий рíдъ. Отъ тымъ то ведмíдь й похóжий на людúну.

(Сл. Бѣло-Куракино, Старобѣльскаго у., Харьковской губ.). [4])

[1]) См. Соболевскій А. Очеркъ русской діалектологіи, вып. III-ій: Малорусское нарѣчіе (въ трудѣ даются и подробныя указанія на литературу предмета).

[2]) Въ нѣкоторыхъ говорахъ впрочемъ согласный произносится полумягко, если это *і* получилось изъ вторично-закрытаго *о*.

[3]) Особенности этой ороографіи состоятъ въ томъ, что въ ней гласный ы обозначается начертаніемъ *и*, гласный і со смягченіемъ предшествующаго согласнаго — начертаніемъ *і*, согласный j — черезъ й (въ Галиціи ороографія малорусская нѣсколько иная: въ ней *и* обозначаетъ собою гласный ы, буква *і*—гласный і со смягченіемъ предшествующаго согласнаго и, наконецъ, ї=ji и є=je).

[4]) См. Харьковскій Сборникъ, вып. 9-й (1895) стр. 242.

Глава XVI.

Очеркъ исторіи русскаго языка.

Исторія каждаго языка имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе того, какъ данный языкъ достигъ современнаго состоянія, начиная отъ древнѣйшаго своего исходнаго пункта, до котораго можетъ достигать изслѣдователь. При этомъ исторія языка естественно распадается на два послѣдовательныхъ отдѣла: исторія до появленія письменности, возстанавливаемая путемъ сравненія съ родственными языками, и позднѣйшая исторія, опирающаяся уже на данныя письменныхъ памятниковъ. [1]) Соотвѣтственно этому мы займемся сначала исторіей русскаго языка въ до-историческія эпохи, понимая подъ послѣдними времена, предшествовавшія возникновенію у насъ письменности.

[1]) Лингвистъ, изслѣдуя явленія языка, можетъ открывать въ нихъ признаки, позволяющіе ему заключать о томъ, которыя изъ этихъ явленій болѣе древняго и которыя болѣе поздняго происхожденія. На основаніи такихъ признаковъ онъ старается расположить эти явленія по времени ихъ возникновенія или—говоря иначе—въ ихъ хронологической послѣдовательности отъ древнѣйшаго состоянія до позднѣйшаго («соотносительная» хронологія процессовъ), при чемъ, съ переходомъ къ историческому времени, сохранившіеся письменные памятники разныхъ вѣковъ позволяютъ уже изслѣдователю устанавливать для тѣхъ или другихъ явленій болѣе точныя хронологическія даты («документальная» хронологія).

ДО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

Русскій языкъ своимъ древнѣйшимъ исходнымъ пунктомъ имѣетъ аріо-европейскій праязыкъ, общій также и нѣкоторымъ другимъ языкамъ, которые поэтому вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ принадлежатъ къ одному языковому семейству, именно— „аріо-европейскому" или „индо-европейскому" (см. стр. 4, сн. 2). Нужно оговориться, что самый праязыкъ этого семейства не сохранился въ своемъ первоначальномъ видѣ, а дошелъ до насъ лишь въ своихъ языкахъ-потомкахъ, почему его первоначальное состояніе возсоздается гипотетически по даннымъ этихъ языковъ; что же касается самаго предположенія праязыка, то оно съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ массоваго сходства въ словахъ и грамматическомъ строѣ языковъ, составляющихъ данное семейство. Какъ увидимъ, русскій языкъ съ его діалектами произошелъ не непосредственно изъ этого праязыка, но черезъ рядъ посредствующихъ болѣе частныхъ праязыковыхъ состояній. Въ самомъ дѣлѣ, аріо-европейскій праязыкъ, подобно каждому языку, долженъ былъ въ своемъ развитіи образовывать діалекты, которые все болѣе расходились между собою и превратились въ самостоятельные языки, которые въ свою очередь послужили праязыками новыхъ языковыхъ вѣтвей; сравнительная грамматика принимаетъ въ качествѣ вторичныхъ праязыковъ слѣдующіе: индо-иранскій или арійскій, армянскій, греческій, албанскій, италійскій, кельтскій, германскій и литво-славянскій. [1]) Въ дальнѣйшемъ развитіи арійскій праязыкъ распался на вѣтви индійскую и иранскую, а праязыкъ литво-славянскій, распавшись, далъ начало праязыкамъ литовскому и славянскому. Послѣдній въ свою очередь съ теченіемъ времени образовалъ нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ восточная послужила основаніемъ для языка прарусскаго, распавшагося далѣе на два главныхъ діалекта—сѣверный и южный. Такимъ образомъ на пути развитія русскаго языка въ до-историческія времена мы имѣемъ слѣдующіе этапы: 1) состояніе аріо-европейскаго праязыка, 2) литво-славянское единство, 3) общеславянское праязыковое состояніе и 4) основно-русскій языкъ съ его дальнѣйшимъ діалектическимъ развитіемъ.

[1]) Въ нашемъ последующемъ обзорѣ мы оставимъ въ сторонѣ вѣтви армянскую и албанскую, какъ представляющія лишь побочное значеніе въ вопросѣ о генетическомъ развитіи русскаго языка.

Примѣчаніе. Само собою понятно, что и остальныя вѣтви аріо-европейскаго праязыка испытали въ свою очередь подобное діалектическое развитіе и такимъ образомъ въ результатѣ изъ одного общаго для всѣхъ нихъ аріо-европейскаго праязыка произошло значительное количество отдѣльныхъ языковъ, различія между которыми столь велики, что дѣлаютъ невозможнымъ взаимное пониманіе безъ предварительнаго изученія другого языка. Что касается факторовъ, вызывавшихъ постепенный діалектическій ростъ аріо-европейскаго праязыка, то они должны быть въ общемъ тѣ же самые, какіе участвуютъ въ діалектическомъ развитіи каждаго языка и которые уже описаны нами въ началѣ предшествующей главы.

Представимъ теперь характеристику каждаго изъ указанныхъ языковыхъ состояній, ограничиваясь при этомъ лишь самыми необходимыми замѣчаніями.

1) Состояніе аріо-европейскаго праязыка.

Сравнительная грамматика языковъ нашего семейства установила, что аріо-европейскій праязыкъ до своего распаденія успѣлъ достигнуть значительнаго развитія въ своихъ звукахъ и формахъ: при значительномъ звуковомъ разнообразіи онъ обладалъ уже всѣми главными частями рѣчи и имѣлъ вполнѣ развитыя системы склоненія и спряженія. Такъ, онъ различалъ въ именахъ, мѣстоименіяхъ и глаголахъ кромѣ единственнаго и множественнаго еще двойственное число. Въ склоненіи различались кромѣ Знат. семь падежей, въ томъ числѣ Мѣстный и Исходный, которые могли имѣть безпредложное употребленіе, какъ и другіе падежи. Склоненіе мѣстоименное представляло въ части падежныхъ формъ особенности

образованія сравнительно съ соотвѣтствующими формами именного склоненія. Глаголы аріо-европейскаго праязыка были корневые и производные (отъ именъ и глаголовъ), при чемъ первые представляли два типа спряженія—тематическое и нетематическое, вторые слѣдовали тематическому. Въ спряженіи существовали формы дѣйствительнаго и средняго залога и послѣднія служили также для страдательнаго; различались по образованію четыре наклоненія—изъявительное, сослагательное, желательное и повелительное; категорія временъ была весьма развита: кромѣ настоящаго и будущаго времени существовали четыре типа прошедшаго времени—перфектъ, имперфектъ и два аориста. Наконецъ, еще въ праязыкѣ развились причастныя образованія, а также формы для общаго наименованія дѣйствія—неопредѣленное наклоненіе и отчасти супинъ. Что касается въ частности звуковъ, то въ области вокализма кромѣ простыхъ гласныхъ (*a*, *e*, *o*, *i*, *u*), которые могли быть краткими и долгими, въ немъ существовали двѣ полугласныхъ i̯ и u̯ (или—въ иномъ обозначеніи —*y* и *w*), дифтонги съуживающіеся (ăi, ĕi, ŏi, ău, ĕu, ŏu) [1] и рѣже расширяющіеся (i̯e, u̯e и др.) [2], а также полудифтонги, т. е. такія дифтонгическія сочетанія, вторымъ компонентомъ которыхъ былъ одинъ изъ наиболѣе сонорныхъ согласныхъ, т. е. плавный или носовой (напр. сочетанія ar, er, or, el, em и т. д.); къ этому присоединялись въ словахъ опредѣленныя различія въ движеніи тона, особенно при долготѣ ударяемыхъ гласныхъ, отчасти отражающіеся и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ современныхъ языкахъ—литовскомъ и въ части славянскихъ. Наконецъ, какъ мы видѣли (стр. 105) вокализмъ аріо-европейскаго праязыка являлся ударяемымъ и неударяемымъ, при чемъ неударенность вела къ ослабленію гласныхъ. Въ области консонантизма аріо-европейскій праязыкъ еще не развилъ категоріи мягкихъ согласныхъ, но уже имѣлъ въ значительной полнотѣ твердые согласные (за исключеніемъ f, š, ž и χ), [1] при чемъ задне-язычные согласные представлялись двумя рядами—болѣе переднимъ или палятальнымъ [2]) и болѣе заднимъ или велярнымъ; кромѣ того въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовала особая категорія согласныхъ придыхательныхъ, напр. *bh*, *dh* и т. д., т. е. взрывные согласные *b*, *d* и т. д., сопровождаемые звукомъ густого придыханія. [3])

[1]) Такъ какъ значокъ ˘ принятъ для обозначенія краткости звука, а черточка ¯ долготы, то оба знака надъ буквою гласнаго показываютъ, что звукъ могъ быть и краткимъ, и долгимъ.

[2]) Такіе дифтонги получались главнымъ образомъ изъ распаденія съуживающихся дифтонговъ въ положеніи передъ гласными, при чемъ второй ихъ компонентъ становился полугласнымъ (т. е. i̯, u̯) и затѣмъ примыкалъ въ слоговомъ отношеніи къ слѣдующему гласному.

Съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ перечисленныхъ звуковъ нашего праязыка, а именно—задне-язычные согласные, стали представлять діалектическія различія, давшія начало двумъ главнымъ праязыковымъ областямъ—восточной, изъ которой впослѣдствіи образовались вѣтви индо-иранская и литво-славянская, и западной, изъ которой затѣмъ возникли вѣтви греческая, италійская, кельтская и германская. [4]) Различіе между ними заключалось въ томъ, что оба ряда задне-язычныхъ согласныхъ пошли неодинаковыми путями развитія, давши въ той и другой области различные звуки: болѣе передній рядъ (обозначимъ его условно чрезъ присоединеніе къ символу К значка палятальности, т. е. *K̂ или *K[1]) въ восточной

[1]) Согласный *z* не существовалъ самостоятельно, а лишь заступалъ мѣсто *s* въ положеніи передъ звонкими взрывными.

[2]) Употребленное здѣсь выраженіе «палятальный» не обозначаетъ вполнѣ мягкаго произношенія соотвѣтствующихъ согласныхъ (какъ напр. въ современномъ русскомъ языкѣ), но лишь сравнительно легкій оттѣнокъ палятальности (въ родѣ напр. нѣмецкаго *k* въ словѣ *Kette*, или т. п.).

[3]) Этотъ послѣдній звукъ долженъ былъ произноситься на подобіе нѣмецкаго *h*, напр. въ словѣ «*haben*».

[4]) Мы назвали эти области восточною и западною соотвѣтственно современному географическому расположенію языковъ-потомковъ; возможно, что въ эпоху аріо-европейскаго праязыка эти діалектическія области находились въ иномъ положеніи другъ къ другу, тѣмъ болѣе, что и самое мѣстоположеніе этого праязыка съ достовѣрностью неизвѣстно.

области, сохраняя еще нѣкоторую палатальность, сталъ утрачивать взрывной характеръ, приближаясь къ придувному произношенію (обозначимъ условно этотъ предполагаемый звукъ черезъ *$\hat{\chi}$), [1]) и въ дальнѣйшемъ развитіи далъ рефлексы типа *s* или *š* (ш), а въ западной области онъ утратилъ свою палятальность, вполнѣ сохранивъ за то взрывное произношеніе; что касается болѣе задняго ряда (обозначимъ его символомъ *Q или *K^2), то онъ въ восточной области сталъ нѣсколько менѣе заднимъ (т. е. *K), а въ западной сталъ сопровождаться лябіализаціей, представляя такимъ образомъ типъ *Q^w. [2]) Кромѣ описаннаго различія между восточною и западною областями аріо-европейскаго праязыка, въ нихъ замѣчается еще неодинаковость въ развитіи первоначальнаго *s*, которое въ восточной области обнаруживаетъ наклонность къ измѣненію въ направленіи къ š-χ при нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условіяхъ, а именно—въ положеніи послѣ гласныхъ *i* и *u* и согласныхъ *r* и *k*; что касается западной области, то тамъ хотя ае. *s тоже подвергалось измѣненію, но подъ вліяніемъ уже иныхъ условій. [3])

Оставляя теперь въ сторонѣ западную діалектическую область аріо-европейскаго праязыка, мы остановимся на діалек-

---

[1]) Предположеніе этого посредствующаго звена позволяетъ связать основной праязыковой звукъ *$\hat{K}$ съ рефлексами, получившимися въ современныхъ языкахъ соотвѣтствующаго отдѣла. Впрочемъ, выставляя такой символъ, мы не опредѣляемъ точно его физіологическаго значенія, а понимаемъ болѣе абстрактно, т. е. выражаемъ даннымъ символомъ лишь общій типъ звука.

[2]) Впрочемъ при нѣкоторыхъ условіяхъ и въ западномъ отдѣлѣ лябіализація отсутствуетъ, какъ напр. въ положеніи передъ гласнымъ *a* (срв. греч. κaπ-νό-ς ≠ рус. коп-оть), а также въ положеніи послѣ лябіальнаго гласнаго *u* (λύκος ≠ волкъ).

[3]) Можно думать, что произношеніе первоначальнаго *s представляло уже во времена аріо-европейскаго праязыка нѣкоторыя діалектическія варіаціи, которыя впослѣдствіи и дали неодинаковыя отраженія въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ нашего языковаго семейства.

тическихъ различіяхъ уже только въ восточной области и преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, которыя ведутъ къ прарусскому языковому состоянію.

Прежде всего въ восточной половинѣ намѣчаются два единства—индо-иранское и литво-славянское, въ каждомъ изъ которыхъ наблюдается массовое сходство въ словахъ и формахъ. Однако существуютъ нѣкоторые признаки, какъ бы нарушающіе цѣлостность этихъ единствъ. Такъ, напр., первоначальные звонкіе придыхательные (*bh*, *dh*, *gh*) утратили свой придыхательный элементъ въ большей части всей восточной области, сохранившись лишь въ той діалектической части, которая впослѣдствіи дала начало индійской вѣтви; къ этому различію присоединяется также неодинаковое развитіе группъ *dt* и *tt*: въ той же большей части эти сочетанія измѣнились въ *st*, а въ указанной меньшей они дали *tt*. Такимъ образомъ получились частичныя сходства одного единства (литво-славянскаго) съ частью (впослѣдствіи—иранскою) другого; это можетъ объясняться тѣмъ, что именно съ этою частью арійскаго единства сосѣдило славяно-литовское единство. [1])

2) **Литво-славянское единство.**

Предположеніе эпохи литво-славянскаго единства основывается на обиліи сходныхъ явленій грамматическихъ и лексическихъ между языками славянской и литовской вѣтви. Однако необходимо замѣтить, что для объясненія этого обилія сходствъ существуютъ два предположенія: одно, господствующее въ наукѣ, принимаетъ, что обѣ вѣтви по выдѣленіи изъ праязыка представляли вполнѣ однородную діалектическую единицу, которая затѣмъ уже распалась на двѣ вѣтви — литов-

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ намъ не разъ еще придется указывать на подобное вліяніе фактора сосѣдства, благодаря которому вызывалось общеніе сосѣднихъ діалектовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывались и сходныя языковыя явленія.

скую и славянскую; другое предположеніе, основываясь на томъ, что обиліе сходствъ между литовскою и славянскою вѣтвью все-таки не столь значительно, какъ между вѣтвями индо-иранскаго единства, допускаетъ самостоятельное зарожденіе въ аріо-европейскомъ праязыкѣ той и другой вѣтви (литовской и славянской), которыя затѣмъ развили не мало параллельныхъ явленій, быть можетъ — благодаря общенію между собою. [1]) Намъ кажется, что для окончательнаго рѣшенія вопроса необходимо изслѣдовать языковые процессы въ той и другой вѣтви отдѣльно; какъ бы временно допуская, что каждая изъ нихъ развилась самостоятельно изъ праязыка; при этомъ явленія должны располагаться по эпохамъ, начиная отъ праязыкового аріо-европейскаго состоянія и до позднѣйшаго. Если дѣйствительно та и другая вѣтвь нѣкогда образовывали единый литво-славянскій праязыкъ, то древнѣйшія эпохи въ ихъ послѣдовательности должны совпадать въ той и другой вѣтви. Въ виду сложности задачи мы не беремся здѣсь окончательно рѣшать вопросъ о характерѣ литво-славянскаго единства, а просто лишь укажемъ важнѣйшія черты фонетическія и морфологическія, общія для славянской и литовской группъ въ отличіи отъ другихъ. [2])

Въ области вокализма къ такимъ чертамъ отнесемъ прежде всего отраженіе краткихъ средне-широкихъ гласныхъ, а именно: краткая тріада праязыковыхъ *ĕ, *ŏ и *ă въ той и другой вѣтви дала не три соотвѣтствующихъ рефлекса, а толь-

[1]) Проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, не являющійся рѣшительнымъ сторонникомъ той или другой точки зрѣнія, объясняетъ указанную близость литовской и славянской вѣтви тѣмъ, что «обѣ эти группы находятся на относительно древней степени развитія и поэтому обладаютъ большимъ количествомъ однородныхъ языковыхъ явленій».

[2]) Указываемая нами задача въ послѣднее время послужила темою спеціальной монографіи проф. Эндзелина «Славяно-балтійскіе этюды» (Харьковъ, 1911); срв. объ этомъ трудѣ рецензію акад. *А. А. Шахматова* въ Изв. отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ, т. XVII, кн. 1 (1912), стр. 281—290.

ко два вслѣдствіе того, что оба не-палятальные гласные (т. е. *ŏ и *ă) совпали въ одномъ звукѣ; [1]) между тѣмъ въ арійской области упомянутая тріада дала одинъ только гласный звукъ. Затѣмъ славянская и литовская вѣтвь обособляются отъ другихъ еще и одинаковыми рефлексами праязыковыхъ слабыхъ неударяемыхъ гласныхъ, въ особенности *ĕ: въ то время какъ другія вѣтви доводятъ ослабленіе этого гласнаго до нуля, вѣтви славянская и литовская оказываются, по-видимому, болѣе консервативными и сохраняютъ его, но уже въ видѣ ĭ, срв. греч. μνήμη „память" || лит. minéti „помнить, вспоминать" = ст.-сл. мьнѣти „думать". Наконецъ, между литовской и славянской вѣтвями наблюдается значительное соотвѣтствіе въ типахъ ударенія, какъ это можно видѣть напр. изъ сравненія русскихъ формъ з и м á—з й м у и соотвѣтствующихъ литовскихъ žẽmà—žẽmą, [2]) и др.

Въ области консонантизма вѣтви литовская и славянская въ разсматриваемую эпоху своего единства не произвели особенно замѣтныхъ перемѣнъ, которыя получились уже въ болѣе позднія времена. Нѣкоторые изслѣдователи относятъ къ этой эпохѣ утрату въ концѣ словъ первоначальныхъ взрывныхъ согласныхъ *t* и *d* (которые впрочемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ вѣтвяхъ, какъ напр. въ греч., легко утрачивались въ томъ

[1]) Замѣтимъ, что въ разсматриваемыхъ вѣтвяхъ этому совпаденію предшествовало измѣненіе *ĕ → ŏ въ положеніи передъ согласнымъ *v*, за которымъ слѣдовалъ не-палятальный гласный, срв. греч. νέϝος = ст.-сл. новъ, рус. новый, лит. *navas*. Такимъ образомъ, вновь полученное *o*, совпавъ съ первичнымъ *o*, имѣетъ съ нимъ въ дальнѣйшемъ общій путь развитія.

[2]) Знакъ ˜ въ литовскомъ обозначаетъ удареніе и притомъ *восходящее*; оно распространяется и на слѣдующій согласный того же слога, если таковымъ является плавный или носовой, и въ такомъ случаѣ этотъ знакъ ставится надъ согласнымъ, срв v a r̃ n a s «вóронъ» и т. п.; знакъ ˊ обозначаетъ, наоборотъ, *нисходящее* удареніе. Эти два вида ударенія различаются лишь на долгихъ слогахъ, тогда какъ краткіе слоги могутъ имѣть лишь одно удареніе, обозначаемое знакомъ ˋ. Здѣсь же мы объяснимъ и значеніе нѣкоторыхъ буквъ, употребляемыхъ въ литовскомъ письмѣ: начертаніе *ė* служитъ для обозначенія долгаго закрытаго *e*, начертаніе ë выражаетъ дифтонгъ i͡e, ů—дифтонгъ u͡o, а буква *y*=ī.

же положеніи, благодаря чисто физіологическому моменту); срв. ст.-сл. 3 ед. повел. кериˬ ≠ греч. 3 ед. желат. *φέροιˬ* ≠ скт. 3 ед. желат. bhárē-*t*, тоˬ ≠ греч. *τόˬ* ≠ скт. ta*d*; какъ увидимъ впослѣдствіи, для указаннаго предположенія о времени исчезновенія нѣтъ достаточныхъ основаній; напротивъ того, слѣдуетъ принять независимое исчезновеніе этихъ согласныхъ въ той и другой вѣтви (славянской и литовской).[1])

Обращаясь къ морфологическимъ чертамъ, общимъ для литовской и славянской вѣтви, въ области существительныхъ отмѣтимъ слѣдующія: 1) въ первоначальномъ гласномъ склоненіи, именно въ основахъ на *-ā-* и *-ŏ-*, получаетъ широкое развитіе мягкій типъ, т. е. съ į (j) передъ тематическимъ гласнымъ (срв. ꙁемлꙗ и т. д.); 2) согласное склоненіе испытываетъ сильное вліяніе со стороны основъ на *-ǐ-*, сказывающееся въ появленіи ǐ передъ нѣкоторыми окончаніями, напр. камен-ьмъ (лит. akmen-ǐms); 3) окончанія извѣстныхъ косвенныхъ падежей, содержащія согласный *m*, развились и въ склоненіи именномъ, между тѣмъ какъ въ другихъ вѣтвяхъ такія окончанія или отсутствуютъ, или встрѣчаются лишь въ мѣстоименномъ склоненіи, въ склоненіи же именномъ обыкновенно содержатъ въ соотвѣтствующемъ отраженіи первоначальный губной звонкій придыхательный, срв. Д. мн. камен-ьмъ (литов. akmen-ì*m*s) ≠ скт. áçma *bh*yaḥ.

Въ области прилагательныхъ отмѣтимъ въ обѣихъ вѣтвяхъ двоякую форму этой части рѣчи — простую и сложную, образующуюся изъ первой присоединеніемъ указательнаго мѣстоименія (лит. *-is -ji*, ст.-сл. -и -ꙗ -ѥ), напр. ст.-сл. добръ-и, добра-ꙗ, добро-ѥ, или лит. geràs-is (м.), geró-ji (ж.). Другія вѣтви не развили такого явленія.[2])

---

[1]) Есть нѣкоторыя указанія въ пользу того, что губной носовой согласный *m* въ окончаніи словъ въ той и другой вѣтви смѣнился на переднеязычный *n*, срв. префиксъ сън- ≠ скт sa*m* «съ», напр. въ сложныхъ словахъ сънити, сънѣдь.

[2]) На первый взглядъ можетъ показаться, что въ нѣмецкомъ языкѣ

Въ области глагола та и другая вѣтвь произвели рядъ упрощеній, состоящихъ въ утратѣ нѣкоторыхъ образованій; такъ, въ нихъ утратились самостоятельныя формы страдательнаго залога, а также категорія перфекта. Кромѣ того, обѣ вѣтви выработали нѣкоторыя одинаковыя глагольныя образованія; таковы: 1) формы вида, служащія для различія простого и длительнаго дѣйствій, срв. ст.-сл. метѫ || метаѭ, лит. metù „бросаю" || mėtau (то же значеніе съ длительнымъ оттѣнкомъ); 2) формы возвратнаго залога, образующіяся прибавленіемъ къ формѣ дѣйствительнаго залога однообразнаго возвратнаго мѣстоименія, срв. ст.-сл. метѫ сѧ и лит. metùs (изъ metù-si); 3) особенности въ склоненіи причастій наст. и прош. вр. дѣйств. залога и тожественное образованіе причастія наст. вр. страдат. залога.

Указавъ главнѣйшія сходства между вѣтвями литовской и славянской, мы должны отмѣтить и тѣ **различія**, которыя уже въ столь раннее время начали обнаруживаться въ этихъ вѣтвяхъ и которыя, развиваясь дальше и дополняясь другими различіями, повели къ обособленію одной вѣтви отъ другой. Въ области *фонетики* мы укажемъ: 1) неодинаковое развитіе первоначальныхъ краткихъ средне-широкихъ гласныхъ **ă* и **ŏ*, которые въ литовской вѣтви дали одинъ звукъ *a*, а въ славянской — звукъ *o*; 2) наоборотъ, соотвѣтствующіе первоначальные долгіе гласные въ литовской вѣтви дали лябіализованный гласный (а долгій ае. *ō развился даже въ дифтонгъ ů или ou), между тѣмъ какъ въ славянской вѣтви они измѣнились въ гласный *a*;[1]) 3) первоначальные дифтонги въ

существуетъ однородное явленіе въ такихъ случаяхъ, какъ gut-*er* gut-*e* gut-*es*; но на самомъ дѣлѣ здѣсь не было присоединенія къ простому прилагательному указательнаго мѣстоименія, а—какъ показываетъ исторія нѣмецкаго языка—прилагательное стало принимать эти окончанія по аналогіи къ формамъ указательнаго мѣстоименія.

[1]) Въ одномъ изъ нарѣчій литовской вѣтви (именно въ древне-прусскомъ) первоначальные *ā и *ō совпали тоже въ гласномъ *a*, но въ поло-

литовской вѣтви оказываются гораздо болѣе устойчивыми, сохраняясь даже до настоящаго времени, тогда какъ въ славянской вѣтви, какъ увидимъ, они превратились въ монофтонги еще въ праславянскія времена; 4) какъ уже указывалось, въ восточной области аріо-европейскаго праязыка первоначальное *s* обнаруживаетъ тенденцію къ измѣненію при извѣстныхъ условіяхъ (т. е. послѣ *i*, *u*, *r*, *k*) по направленію къ *š*-χ; однако эта тенденція въ славянской и литовской вѣтви проявилась неодинаково, какъ объ этомъ можно заключать по позднѣйшимъ рефлексамъ: въ славянской вѣтви *s послѣ извѣстныхъ звуковъ отражается въ видѣ *š* лишь въ положеніи передъ палятальными гласными (срв. ст.-сл. соуіиити), тогда какъ передъ не-палятальными въ видѣ χ (напр. соухъ, срв. лит. saûsas),[1] сохраняясь въ остальныхъ случаяхъ (напр. въ началѣ слова—соухъ), въ литовскомъ же при указанныхъ условіяхъ *s отражается въ видѣ š, но не χ (напр. máišas, срв. рус. мѣхъ, мѣшокъ, júše=уха), во всѣхъ же другихъ случаяхъ, а также когда на предшествующій узкій гласный падаетъ восходящее удареніе, *s отражается въ видѣ *s*; 5) праязыковые согласные типа передняго *K̂,

---

женіи послѣ согласныхъ губныхъ и задне-язычныхъ они отражаются въ видѣ лябіализованнаго гласнаго, переданнаго въ текстахъ черезъ ŭ.

[1]) Датскій лингвистъ *Педерсенъ* полагаетъ, что первоначальное *s измѣнилось при извѣстныхъ условіяхъ въ *š* еще на почвѣ аріо-европейскаго праязыка, но быть можетъ только въ восточныхъ его областяхъ, такъ что слав. χ развилось уже изъ этого *š* (см. H. Pedersen Das indogerm. *s* im Slavischen, въ Indogerm. Forschungen, B. V, 1895, стр. 33—87). Однако я считаю возможнымъ выводить слав. χ и просто изъ ае. *s, опираясь на случаи аналогичнаго измѣненія этого первоначальнаго звука, встрѣчающіеся въ иранской и греческой вѣтвяхъ (срв. напр. др.-иран. *hapta* «семь» и соотвѣтствующее греч. слово ἑπτά, т. е. *hepta*, которымъ отвѣчаетъ скт. *saptá*). При такой точкѣ зрѣнія можно допустить, что въ ае. праязыкѣ *s существовало діалектически въ двухъ варіаціяхъ, опредѣлявшихъ дальнѣйшее его измѣненіе въ извѣстныхъ условіяхъ или въ сторону χ, или же въ сторону *š*, при чемъ условія измѣненія въ χ были, быть можетъ, нѣсколько шире по сравненію съ условіями измѣненія въ *š*.

пройдя фазу типа *χ̂, отразились въ обѣихъ вѣтвяхъ неодинаково: въ литовской они дали шипящій спирантъ (глухой *š* и соотвѣтствующій звонкій *ž*, напр. nešù отъ ае. К. *nĕk̂-, vežù отъ ае. К. *vĕĝh-), а въ славянской соотвѣтствующій свистящій (*s* и *z*, срв. родственные съ вышеприведенными литовскими глаголы несѫ, веҁѫ); благодаря такому отраженію, въ литовскомъ получился еще новый звукъ *š*, который и совпалъ съ болѣе раннимъ *š* изъ *s; точно также въ славянской вѣтви вновь получился звукъ s (изъ *k̂), который и совпалъ съ первоначальнымъ s, уцѣлѣвшимъ отъ измѣненія въ χ. Въ области *морфологіи* мы отмѣтимъ для литовской вѣтви, въ отличіе отъ славянской, утрату средняго рода именъ существительныхъ, а также категоріи аористовъ, но сохраненіе древняго образованія будущаго времени.

3) Состояніе славянскаго праязыка.

Прежде чѣмъ разсматривать тѣ звуковыя измѣненія, какія развивались въ разныя эпохи славянскаго праязыка, сдѣлаемъ общій перечень тѣхъ звуковъ, которые онъ унаслѣдовалъ отъ предшествующаго періода. Онъ продолжалъ различать гласные *краткіе* (*ĕ*; *ŏ*ᵃ двоякаго происхожденія—изъ ае. *ŏ и *ă; *ĭ*; *ŭ*) и *долгіе* (*ē*; *ā*ᵒ двоякаго происхожденія—изъ ае. *ā и *ō; *ī*; *ū*) и, кромѣ того, полугласные į и ṷ, которые начали уже смѣшиваться съ согласными j и v; далѣе, онъ имѣлъ дифтонги однородные (ei и ou) и разнородные (eu; oi);[1]) изъ согласныхъ къ началу праславянскаго періода существовали: *губные*: *p*; *b* двоякаго происхожденія—изъ ае. *b и *bh; *v*; *m*; *переднеязычные*—*t*; *d* двоякаго происхожденія — изъ ае. *d и *dh; *s* двоякаго происхожденія—изъ ае. *s и *k¹; *z* трояакаго происхожденія—изъ ае. *z, *g¹

---

[1]) Дифтонги съ первымъ долгимъ компонентомъ, какъ извѣстно изъ сравнит. грамм., встрѣчались гораздо рѣже, а нѣкоторые ихъ случаи и совсѣмъ не извѣстны въ славянскомъ семействѣ; поэтому ради большей простоты мы опускаемъ ихъ въ своемъ перечнѣ.

и *g^1h; *n*; *r*; *l*; *среднеязычный* согласный *j*; *заднеязычные* согласные — *k* изъ ае. *k^2; *g* двоякаго происхожденія — изъ ае. *g^2 и *g^2h; χ изъ *s. Къ сказанному можно прибавить, что удареніе въ словѣ продолжало быть свободнымъ, т. е. не было закрѣплено за опредѣленнымъ мѣстомъ въ словѣ, а кромѣ того продолжало различаться движеніе тона восходящее и нисходящее.

Съ теченіемъ времени въ праславянскомъ языкѣ почти всѣ перечисленные звуки испытали болѣе или менѣе дальнѣйшія измѣненія, которыя въ главномъ сводятся къ слѣдующему: переходъ дифтонговъ въ монофтонги, ослабленіе нѣкоторыхъ краткихъ гласныхъ и сокращеніе долгихъ въ опредѣленныхъ условіяхъ, смягченіе согласныхъ, исчезновеніе нѣкоторыхъ согласныхъ съ конца словъ и слоговъ, переходъ въ концѣ слога носовыхъ согласныхъ въ носовой призвукъ предшествующаго гласнаго и, наконецъ, образованіе полногласія или же перестановки при плавныхъ согласныхъ, заканчивавшихъ слогъ. Однако не слѣдуетъ думать, что всѣ эти измѣненія произошли въ одно и то же время; на самомъ дѣлѣ они происходили въ различныя эпохи, послѣдовательность которыхъ мы и постараемся теперь установить, пользуясь отчасти сравнительно-грамматическими данными, а также соображеніями физіологическаго характера (см. еще сноску на стр. 383).

I. Къ первой эпохѣ мы отнесемъ завершеніе процесса измѣненія ае. *s при извѣстныхъ условіяхъ въ χ; [1]) мы считаемъ эту эпоху первою, потому что для слѣдующихъ эпохъ уже предполагается наличность звука χ. Необходимо думать, что въ то время, когда первоначальное *s начало перерождаться въ χ, въ славянскомъ праязыкѣ (который могъ быть тогда діалектомъ литво-славянскаго единства) еще не получилось настоящаго s изъ ае. k̂, потому что иначе оно подверглось бы тому же измѣненію въ χ, какъ и первоначальное *s. Когда же изъ ае. *k̂ получилось наконецъ чистое s, то последнее совпало съ тѣмъ первичнымъ s, которое не было затронуто измѣненіемъ въ χ.

[1]) Если въ ст.-сл. формѣ рѣхъ, гдѣ ѣ=ае. *ē, мы имѣемъ однакожъ χ, а не с, то это объясняется тѣмъ, что въ эпоху измѣненія *s→χ здѣсь передъ *s* существовалъ еще согласный *k*, а потому *rēk-s-→*rēk-χ-, утрата же *k* съ конца слога произошла позже. Если, съ другой стороны, въ формѣ чисъ имѣется с, а не χ, не смотря на предшествующій узкій палятальный гласный, то это потому, что здѣсь передъ *s* стоялъ согласный *t* и изъ сочетанія *ts еще не успѣлъ выработаться простой согласный *s*. Такимъ образомъ, процессъ устраненія согласныхъ съ конца слоговъ происходилъ послѣ разсматриваемой эпохи.

II. Къ этой эпохѣ мы должны отнести начало измѣненія первоначальныхъ задне-язычныхъ согласныхъ ряда *Q въ соотвѣтствующіе мягкіе шипящіе (т. е. k → č', g → dž') подъ вліяніемъ слѣдующихъ палятальныхъ звуковъ (палятальныхъ гласныхъ и согласнаго j или полугласнаго i̯), [1]) почему и самое измѣненіе называютъ смягченіемъ. Этому измѣненію подвергся также и задне-язычный придувной χ, получившійся изъ *s въ предъидущую эпоху, и перешелъ въ мягкій шипящій š'. Разсматривая процессъ перехода задне-язычныхъ согласныхъ въ мягкіе шипящіе съ физіологической стороны, необходимо принять въ немъ цѣлый рядъ промежуточныхъ укладовъ языка, представлявшихъ собою постепенное перемѣщеніе задне-язычной артикуляціи впередъ въ область средне-язычнаго дѣйствія, а съ акустической точки зрѣнія—возникновеніе послѣдовательнаго ряда соотвѣтствующихъ звуковыхъ разновидностей съ возрастающимъ мягкимъ оттѣнкомъ—k'....

[1]) При этомъ j (i̯) могъ имѣть разное происхожденіе: *1*) изъ аналогичныхъ звуковъ аріо-европейскаго праязыка, т. е изъ *j (*i̯), 2) изъ ае. *ī въ положеніи передъ гласными, 3) отъ измѣненія дифтонга *eu въ jū въ положеніи передъ согласными (очевидно, самыя измѣненія въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ должны были произойти раньше описываемой эпохи). Такъ какъ въ праславянскомъ звуки j (i̯) разнаго происхожденія смѣшались въ одномъ, то мы въ послѣдующемъ будемъ иногда пользоваться для нихъ однимъ общимъ обозначеніемъ—j.

$k' \ldots k'''$ (или $g' \ldots g'' \ldots g'''$; $\chi' \ldots \chi'' \ldots \chi'''$) и послѣдующимъ переходомъ въ звукъ t' (d'; $ç'$), при которомъ еще развивался придувной призвукъ шипящаго типа и такимъ образомъ возникалъ соотвѣтствующій мягкій шипящій $\check{c}'$ ($\widehat{d\check{z}}$; $\check{s}'$). Очевидно, что для полнаго развитія разсматриваемаго процесса требовался значительный періодъ времени; при чемъ смягченіе—слѣдуетъ думать—возникало не одновременно во всѣхъ случаяхъ: смягченіе посредствомъ j (i̯), какъ болѣе сильнаго смягчающаго фактора, должно было начаться раньше, чѣмъ вліяніе палатальныхъ гласныхъ.[1]) Дѣйствительно, подъ вліяніемъ j (i̯) смягчилось въ $\check{s}'$ не только первичное *s въ своихъ отраженіяхъ, т. е. какъ измѣнившееся въ χ, такъ и не измѣнившееся (срв. соврем. рус. с у *х* ъ — с у *ш* и т ь — с у *ш* у || г а *с* и т ь — г а *ш* у), но и s изъ *k̂ (напр. н о *с* и т ь — н о *ш* у). Вполнѣ естественно думать, что одновременно съ послѣднимъ измѣненіемъ происходило смягченіе посредствомъ j въ шипящій и соотвѣтствующаго звонкаго согласнаго z (изъ ае. *ĝ и *ĝh), напр. ма*з*ать—ма*ж*у, ли*з*ать—ли*ж*у.

Примѣчаніе. Только что установленная эпоха позволяетъ намъ сдѣлать предположеніе о томъ, съ какими языками соприкасался тогда славянскій праязыкъ. Судя по такимъ словамъ, какъ «*чадо*», «*шлемъ*», заимствованнымъ изъ германской языковой области, гдѣ соотвѣтствующія слова начинались задне-язычнымъ согласнымъ (срв. соврем. нѣм. «*K*ind» и «*H*elm»)[2]), мы должны допустить, что въ это время славянскій праязыкъ находился въ общеніи съ германскою языковою областью. Что же касается времени этихъ заимствованій, то они могли произойти какъ до начала смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ славянскомъ праязыкѣ, такъ и въ то время, когда твердые задне-язычные согласные измѣнялись въ соотвѣтству-

[1]) Подобная неравномѣрность процесса извѣстна и изъ другихъ языковъ, напр. латинскаго, гдѣ произношеніе k какъ $\widehat{ts}$ передъ палатальными гласными появилось лишь въ VI в. по Р. Х., тогда какъ смягчающее дѣйствіе j на тотъ же согласный обнаруживается еще вѣка за два до этого.

[2]) Въ прагерманскомъ слова эти также начинались съ согласныхъ k и h, которые получались изъ ае. *ĝ и *k̂ по закону т. наз. перваго передвиженія согласныхъ, начавшему свое дѣйствіе еще до Р. Х. Согласно сказанному, и самыя заимствованія должны были произойти позже этого времени.

ющіе мягкіе, но еще не стали шипящими. Съ другой стороны, можно допустить, что кромѣ германской языковой области съ славянскимъ праязыкомъ соприкасались иранскіе діалекты, вліянію которыхъ можно приписать даже самое возникновеніе процесса смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе на почвѣ славянскаго праязыка, такъ какъ въ эту эпоху въ иранскомъ это явленіе было уже вполнѣ развито, восходя своимъ началомъ къ индо-иранскому праязыку. Что такое вліяніе было возможно, подтверждается и географическимъ положеніемъ иранцевъ, часть которыхъ въ составѣ скиѳовъ, судя по свѣдѣніямъ у Геродота и эпиграфическимъ даннымъ нашего приморскаго юга, заселяла нынѣшнюю южную Россію съ Приднѣпровьемъ и такимъ образомъ могла приходить въ соприкосновеніе съ славянами.[1]) Этимъ же можетъ объясняться и тотъ странный фактъ, что литовскій языкъ, будучи ближайшемъ родичемъ славянскаго, не знаетъ подобнаго смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе даже и до настоящаго времени.[2]) Если же тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ въ литовскомъ слова съ звукомъ $\check{c}$ (изъ ае. *k²), напр. č ē s a s «время», то присутствіе ихъ объясняется заимствованіемъ изъ славянскаго уже послѣ того, какъ въ послѣднемъ вполнѣ выработались шипящіе, а кромѣ того въ самомъ литовскомъ также развился этотъ звукъ, но только на почвѣ *tj; нужно прибавить, что заимствованіе слова čēsas произошло въ періодъ времени, когда $\bar{e}$ еще сохранялось въ праславянскомъ послѣ шипящихъ, лишь позже измѣнившись въ a (ЧАСЪ).[3])

III. Къ древнѣйшимъ эпохамъ нужно также отнести эпоху начала измѣненія *ū въ сторону ы, которое вмѣстѣ съ измѣненіемъ послѣдующей эпохи могло начаться ранѣе завершенія второй эпохи. Съ физіологической точки зрѣнія разсматриваемое измѣненіе состоитъ въ потерѣ гласнымъ своей

[1]) См. М и л л е р ъ В. Осетинскіе этюды. Ч. 3-ья (1887), гдѣ авторъ даетъ особый экскурсъ о скиѳахъ на стр. 116—136.

[2]) Въ современномъ литовскомъ мы видимъ лишь начальную стадію этого процесса, именно — измѣненіе твердыхъ задне-язычныхъ согласныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе.

[3]) О предполагаемомъ сосѣдствѣ славянскаго праязыка съ кельтской языковой областью, а также и другими языками, равно какъ о кельтскихъ словахъ, перешедшихъ къ праславянамъ, см. въ статьѣ акад. Ш а х м а т о в а Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen (Arch. f. sl. Ph. XXXIII, 1—2), русскій переводъ которой, подъ ред. проф. Б у д д е, данъ въ Уч. Зап. Каз. Унив. 1912 г., авг. Раньше того же вопроса касался проф. А. Л. П о г о д и н ъ, см. его соч. «Изъ исторіи славянскихъ передвиженій» (1901), стр. 96 сл.

лябіализаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторомъ передвиженіи глубокой задне-язычной артикуляціи впередъ (аналогичную потерю лябіализаціи могъ тогда же испытывать и долгій гласный ā^0 двоякаго происхожденія, унаслѣдованный изъ литво-славянской эпохи, который подъ вліяніемъ этого процесса измѣнился въ ā). Эта эпоха не могла начаться послѣ слѣдующей эпохи, для которой—какъ увидимъ дальше—требуется, чтобы къ концу ея ае. *ū уже нѣсколько видоизмѣнилось въ указанномъ направленіи.

IV. Къ слѣдующей эпохѣ относится измѣненіе однородныхъ дифтонговъ, именно *ĕi и *ŏu,[1] въ монофтонги ī и ū. Причина, по которой однородные дифтонги стали измѣняться раньше разнородныхъ, заключается въ томъ, что первые, благодаря физіологическому сродству обоихъ своихъ компонентовъ, легче могли сливаться въ одинъ звукъ. Исключеніе представляетъ разнородный дифтонгъ *ĕu, который началъ измѣняться въ jū по всей вѣроятности такъ же рано, какъ и упомянутые однородные дифтонги. Описанная эпоха должна была завершиться уже послѣ третьей эпохи потому, что иначе ū, получившееся изъ однороднаго дифтонга *ŏu, совпало бы съ первоначальнымъ *ū и вмѣстѣ съ послѣднимъ подверглось бы измѣненію въ *ы*, чего на самомъ дѣлѣ не произошло (срв. напр. рус. *ты*=ае. *tū и *будитъ*, гдѣ *у* восходитъ къ ае. *ŏu). Подобнымъ же образомъ не подвергся измѣненію второй компонентъ въ сочетаніи jū изъ дифтонга *eu.

V. Къ пятой эпохѣ мы относимъ измѣненіе послѣдняго дифтонга (разнороднаго) въ славянскомъ праязыкѣ, именно *oi*.

---

[1]) Необходимо помнить, что славянскій праязыкъ имѣлъ уже меньшее число дифтонговъ по сравненію съ аріо-европейскимъ, такъ какъ—какъ уже упоминалось — гласные ае. *ă и ае. *ŏ смѣшались въ немъ въ одномъ звукѣ o^a; благодаря этому и первоначальные дифтонги, содержавшіе эти гласные въ качествѣ первыхъ компонентовъ, смѣшались, такъ что вмѣсто прежнихъ шести дифтонговъ оказалось въ праславянскомъ только четыре; ĕi; ŏi (=ае. *ăi и *ŏi); ĕu; ŏu (=ае. *ău и *ŏu).

который въ своей конечной стадіи измѣненія превратился въ ē (откуда соврем. рус. *ѣ*), совпавъ при этомъ съ рефлексами первичнаго *ē. Съ физіологической точки зрѣнія, это измѣненіе началось съ того, что оба компонента дифтонга взаимно вліяли другъ на друга такимъ образомъ, что первому гласному дифтонга передавалась нѣкоторая палятальность второго компонента, а этотъ послѣдній могъ съ своей стороны уподобляться первому, нѣсколько расширяясь; въ результатѣ получился уже одинъ палятальный звукъ типа ȫ, который съ постепенной утратой лябіализаціи превратился наконецъ въ ē. Очевидно, этотъ процессъ не могъ происходить одновременно съ измѣненіемъ однородныхъ дифтонговъ (т. е. во вторую эпоху), потому что иначе полученный палятальный гласный вліялъ бы на предшествующіе задне-язычные согласные такимъ же образомъ, какъ и первоначальное *e* отдѣльное или въ дифтонгѣ *ei*. На самомъ дѣлѣ этого не произошло, и задне-язычные согласные позднѣе, подъ вліяніемъ новаго смягчающаго гласнаго ȫ→ē (изъ *oi), подверглись уже иному измѣненію, которое мы относимъ къ слѣдующей эпохѣ.

Примѣчаніе. Однако дифтонгъ *oi далъ въ праславянскомъ ē не во всѣхъ случаяхъ: на концѣ слова въ И. мн. и во 2 ед. повел. дифтонгъ *oi имѣетъ своимъ рефлексомъ гласный ī, а не ē, напр. срв. ст.-сл. и др.-рус. **раби**, **бери**, гдѣ **-и** восходитъ къ указанному дифтонгу.[1])

---

[1]) Замѣтимъ, что въ Мѣстн. ед. окончаніе *-oi, въ отличіе отъ И. мн., дало -ѣ. Интересно, что въ греческомъ языкѣ хотя въ обоихъ падежахъ имѣется въ окончаніи дифтонгъ -οι, но съ нѣкоторою тонической разницею и быть можетъ неодинаковой длительности, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: Мѣстн. ед. *Ἰσθμοῖ, οἴκοι* || И. мн. *θεοί, οἶκοι*. Основываясь на этомъ, ученые склонны предполагать, что и въ праславянскомъ существовало аналогичное различіе, которое и было причиной неодинаковаго отраженія дифтонга -oi въ названныхъ падежахъ. Кромѣ того допускается, что условія, вызывавшія указанные случаи -ī изъ *oi въ концѣ слова, вызывали въ праславянскомъ такое же отраженіе и для исконнаго *-ē, именно въ формахъ **мати** (лит. motẽ или mótė) и **дъшти** (лит. duktẽ), а это сходство рефлексовъ *-oi и *-ē въ свою очередь приводитъ къ мысли, что -ī изъ *-oi могло развиться въ праславянскомъ черезъ посредство стадіи гласнаго -ē, съ которымъ предварительно совпалъ дифтонгъ *-oi.

VI. Какъ мы знаемъ изъ предшествующаго, древнее смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе коснулось лишь тѣхъ случаевъ, когда задне-язычные согласные находились передъ первичными палятальными гласными и j (į), а также дифтонгами, первымъ компонентомъ которыхъ былъ палятальный гласный. Въ пятую эпоху развивается новый палятальный гласный изъ дифтонга *oi и въ свою очередь начинаетъ влiять смягчающимъ образомъ на предшествующіе задне-язычные согласные (k, g, χ), но теперь перерожденіе послѣднихъ по неизвѣстной намъ причинѣ принимаетъ уже иное направленіе, давъ въ результатѣ мягкіе $\widehat{t's'}$ (ц'), $\widehat{d'z'}$ и s', напр. срв. **цѣна** (*k²oinā), **ѕѣло** „очень“ (срв. лит. gailùs „острый, ѣдкій“), **влъцѣ** (Мѣстн. ед. отъ **влъкъ**), и т. п.

Примѣчаніе. Есть случаи, гдѣ задне-язычные согласные смягчились въ свистящіе передъ ē изъ *-oi, хотя были отдѣлены отъ него согласнымъ *v*, срв. *цвѣтъ*, *звѣзда*. Однако это смягченіе охватило не всю славянскую языковую область: на сѣверо-западѣ ея, въ чешско-польско-поморской діалектической области, задне-язычные согласные остались въ этомъ случаѣ не измѣненными, напр. польск. *k*wiat, *g*wiazda.

Такое же смягченіе задне-язычныхъ въ мягкіе свистящіе вызывалось и предшествующимъ палятальнымъ гласнымъ ĭ въ тѣхъ по-видимому случаяхъ, когда удареніе приходилось на послѣдующемъ слогѣ; примѣромъ могутъ служить слова ов*ц*á (ст.-сл. **овьца**), оте*ц*ъ, воскли*ц*áть.[1] Хотя въ этомъ случаѣ мы видимъ тотъ же согласный *ц*, какъ и въ предшествующемъ, однако изъ одного факта совпаденія смягченія въ обѣихъ категоріяхъ (**влъцѣ || отьць**) еще нельзя заключать объ одновременности ихъ возникновенія, особенно если имѣются и противорѣчащіе факты. Такимъ фактомъ здѣсь, по-видимому, можетъ служить то обстоятельство, что то и другое *ц'* не-

[1]) Существуютъ однако нѣкоторыя категоріи словъ, отступающія отъ предположеннаго правила ударенія и такъ или иначе вызванныя дѣйствіемъ аналогіи; благодаря этому, мы встрѣчаемъ въ нихъ *к* на мѣстѣ ожидаемаго *ц* (напр. стари*к*á) и наоборотъ *ц* вм. *к* (напр. води*ц*а).

одинаково относится къ окончанію -*ѣ* въ Мѣстн. ед., срв. **влъцѣ || отьци**: можно было бы думать, что во второмъ случаѣ (**отьци**) смягченіе въ *ц* развилось раньше, именно тогда, когда тематическіе гласные только начали подвергаться вліянію предшествующей мягкости и такимъ образомъ вырабатывались особенности т. наз. мягкаго склоненія (такъ что въ словахъ типа **отьць** согласный *ц'* тоже участвовалъ въ этомъ процессѣ); напротивъ того, въ формахъ **влъцѣ** и под. окончаніе -ѣ (т. е. твердаго склоненія) должно объясняться болѣе позднимъ возникновеніемъ *ц'*, именно тогда, когда измѣненіе извѣстныхъ гласныхъ подъ вліяніемъ предшествующей мягкости уже закончилось. Какъ ни кажется на первый взглядъ правдоподобнымъ такое толкованіе, мы однакожъ не имѣемъ достаточнаго основанія для принятія его, такъ какъ болѣе естественнымъ будетъ допустить одновременность смягченія въ томъ и другомъ случаѣ, предположивъ, что въ словахъ типа **отьць**, съ возникновеніемъ смягченія, склоненіе просто послѣдовало аналогіи мягкаго различія, которое само однако могло сложиться и значительно ранѣе; этого не случилось съ формами **влъцѣ** и под., какъ принадлежавшими твердому склоненію—**влъкъ** и пр.[1])

Примѣчаніе. Есть случаи, когда смягчающее вліяніе предшествующаго *i* сказывалось не непосредственно, а черезъ промежуточный согласный *н* (или по крайней мѣрѣ черезъ носовой назвукъ), а также *р*. Примѣрами могутъ служить такія слова, какъ мѣся*ц*ъ (ст.-сл. **мѣсѧць**), кня*з*ь (**кънѧѕь, кънѧꙁь**), мер*ц*áть (др.-рус. *мьрьцати). Въ первыхъ двухъ примѣрахъ на мѣстѣ рус. *я*=ст.-сл. ѧ имѣлось въ разсматриваемую эпоху сочетаніе гласнаго *i* съ носовымъ согласнымъ или, можетъ быть, уже съ носовымъ назвукомъ, которое и повліяло смягчающимъ образомъ на по-

[1]) По вопросу о смягченіи задне-язычныхъ согласныхъ въ слав. языкахъ см. статьи проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ: 1) Два вопроса изъ ученія о «смягченіи» или палятализаціи въ слав. языкахъ, въ Уч. Зап. Юрьев. Унив. 1893, № 2; 2) Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation), въ журналѣ Indogerm. Forschungen IV, 1894 г.

слѣдующій задне-язычный согласный.[1]) Что касается послѣдняго примѣра (т. е. мърькати), то здѣсь смягченіе *к* въ *ц* вызвано гласнымъ ї (ь), стоявшимъ послѣ м, но оно не могло произойти отъ вліянія второго ъ, потому что онъ развился позже—въ эпоху возникновенія прарусскаго полногласія.

Мы отнесли смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе и свистящіе къ двумъ разнымъ эпохамъ, вѣроятно раздѣлявшимся значительнымъ періодомъ времени. Есть основаніе думать, что въ теченіе этого періода совершалось смягченіе и всѣхъ остальныхъ согласныхъ подъ вліяніемъ наиболѣе сильнаго фактора смягченія, т. е. j въ положеніи передъ гласнымъ; срв. рус. пря*ч*у (|| пря*т*ать), свѣ*ч*а (|| свѣ*тъ*), гдѣ *ч* изъ *tj, тре*пл*ю (|| трепать), гдѣ *пл'* изъ *pj, и другіе примѣры, разсмотрѣнные на стр. 121—122. Что касается размѣщенія этихъ смягченій по времени, то можно думать, что они происходили съ нѣкоторой послѣдовательностью. Раньше всего стали смягчаться *l*, *r* и *n* (напр. *лю*ди, *о*р*ю*, ба*ня*), при чемъ это смягченіе, общее для всей славянской языковой области, можетъ восходить ко второй эпохѣ, такъ что къ нему примкнули и такіе случаи, какъ мы*ш*леніе, блажнахж сѧ и т. п., гдѣ смягченіе *s* и *z* въ шипящіе совершалось черезъ посредство слившихся *l* и *n* съ j. Слѣдующимъ по времени было смягченіе передне-язычныхъ взрывныхъ, т. е. *t* и *d*, въ сочетаніи ихъ съ j. Это смягченіе происходило уже не вездѣ

---

[1]) Слово «князь» заимствовано изъ германской языковой области (срв. др.-вхн. chuning) можетъ быть еще значительно ранѣе данной эпохи, достигши которой, оно подверглось указанному измѣненію на ряду съ природными словами, представлявшими тѣ же условія. Срв. еще другія слова, заимствованныя изъ того же источника: в и т я з ь (др.-норд. vikingr), п ѣ н я з ь (др-вхн. pfenning), ст.-сл. оусєрѧзь (гот. *ausahriggs). Послѣднее слово (соотвѣтствующее русскому «серьга») очевидно заимствовано позже первой эпохи, такъ какъ иначе находящееся въ немъ *s* измѣнилось бы въ данныхъ условіяхъ сначала въ Х, а затѣмъ въ š, наравнѣ съ природными словами. Но что и до данной эпохи продолжались соприкосновенія съ германцами, доказываютъ случаи, гдѣ *к* измѣнилось въ *ц* (а не въ ч) передъ палятальнымъ гласнымъ, срв. *ц*ята (цѧта) «монетка, динарій» при готск. kintus.

одинаково, принимая въ разныхъ діалектахъ славянскаго праязыка неодинаковое направленіе, при чемъ въ нѣкоторыхъ получались звуки шипящаго типа, тогда какъ въ другихъ—свистящаго, срв. рус. свѣ*ч*а, ме*ж*а || польск. świeca, mie*dz*a;[1]) возможно, что тотъ и другой типъ начался не одновременно, при чемъ первый болѣе приближался по времени къ II-ой эпохѣ, а послѣдній—къ VI-ой.[2]) Вѣроятно, позже всѣхъ смягчились подъ вліяніемъ j губные согласные, которые вообще труднѣе поддаются смягченію. Сначала они пріобрѣли нѣкоторую мягкость въ сочетаніи съ j, а затѣмъ согласный j замѣстился мягкимъ *l*, при чемъ это послѣднее явленіе охватило всю область славянскаго праязыка лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сочетанія губныхъ съ j начинали собою слово (срв. *плюю* = лит. spiáuju, *блюсти* — см. стр. 103; и т. д.); что касается тѣхъ случаевъ, когда такія сочетанія находились внутри слова, то замѣщеніе j черезъ l' происходило лишь въ тѣхъ частяхъ славянскаго праязыка, изъ которыхъ впослѣдствіи развились языки русскій и сербо-хорватскій съ словинскимъ, между тѣмъ какъ въ остальной территоріи изъ смягченныхъ губныхъ съ j выработались просто мягкіе губные (срв. рус. зе*мл*я || польск. zie*mi*a).

Примѣчаніе. Такъ какъ сочетанія *tj и *dj дали на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ вѣтвей разные рефлексы, при чемъ отраженія въ русскомъ языкѣ отличаются отъ другихъ славянскихъ, то мы можемъ предположить, что уже въ шестую эпоху намѣтились діалектическія различія въ славянскомъ праязыкѣ, одно изъ которыхъ, развивавшее указанныя сочетанія въ направленіи ч—*дж*, послужило зародышемъ русскаго праязыка.

---

[1]) Въ старо-славянскомъ и болгарскомъ сочетанія tj и dj превратились въ *št* и *žd*; это измѣненіе можно объяснить перестановкою j напередъ *t* и *d*, откуда уже получились *št* и *žd* (черезъ посредство χ't и γ'd).

[2]) Нужно прибавить, что съ рефлексами tj совпадаетъ отраженіе группы *kt* въ сочетаніи съ гласнымъ *i*, напр. рус. н о ч ь || польск. n o c (срв. литов. na*k*tis); очевидно, что такое перерожденіе группы *kt* совершалось совмѣстно съ измѣненіемъ сочетанія *tj* (въ ст.-сл. и болгарскомъ kt при сочетаніи съ гласнымъ *i* дало, какъ и tj, группу št черезъ посредствующую общеславянскую стадію χ'*t*, которая въ другихъ діалектахъ превратилась въ смягченное *t* съ указанными выше варіаціями въ дальнѣйшемъ его развитіи).

VII. Къ этой эпохѣ мы отнесемъ завершеніе образованія *носовыхъ гласныхъ* и зарожденіе *полногласія - перестановки*, явленій, отражающихъ собою общее стремленіе славянскаго праязыка—устранять согласные съ конца слоговъ (срв. 3 мн. *ne | *son* | tĭ | →ne | sǫ | tĭ; *bor | dā→рус. бо | ро | да, ст.-сл. кра | да, пол. bro | da; *rēk | χŭ→ст.-сл. рѣ | хъ). [1]) Зарожденіе упомянутыхъ явленій восходитъ еще къ первымъ эпохамъ славянскаго праязыка, такъ что осуществленіе принципа устраненія закрытыхъ слоговъ потребовало для себя значительнаго періода времени, совпадая при этомъ по времени съ тѣми или другими уже разсмотрѣнными явленіями. Послѣ этого общаго замѣчанія перейдемъ къ болѣе частному разсмотрѣнію развитія носовыхъ гласныхъ и затѣмъ полногласія-перестановки, при чемъ коснемся и предшествующихъ стадій, описаніе которыхъ необходимо для лучшаго уясненія названныхъ процессовъ.

Носовые гласные развиваются изъ сочетанія чистыхъ гласныхъ съ слѣдующимъ носовымъ согласнымъ, принадлежащимъ къ тому же слогу, т. е. въ закрытыхъ слогахъ. Этотъ процессъ происходитъ такимъ образомъ, что носовые согласные, замыкая слогъ, мало-по-малу ослабляются (подобно другимъ согласнымъ въ тѣхъ же условіяхъ) по дѣйствію органовъ произношенія — губъ и языка; однако это еще не обусловливаетъ полнаго исчезновенія носовыхъ согласныхъ, такъ какъ опущенное положеніе мягкаго неба сохраняется и послѣ утраты артикуляціи органовъ произношенія, отчего намѣсто носовыхъ согласныхъ получается одинъ носовой призвукъ, присоединяющійся къ предшествующему гласному. Какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, процессъ развитія носовыхъ гласныхъ совершался неравномѣрно, въ зависимости отъ положенія въ словѣ, долготы и краткости гласнаго, а также — при положеніи въ концѣ слова—и отъ того, заканчивалось ли слово только носовымъ согласнымъ, или же за нимъ еще слѣдовалъ какой-либо другой согласный. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію даннаго процесса, мы должны упомянуть о нѣкоторомъ измѣненіи конечныхъ средне-широкихъ гласныхъ, замыкавшихся носовыми согласными, такъ какъ это измѣненіе должно было предшествовать развитію носовыхъ гласныхъ. Характернымъ для этого измѣненія было то, что гласные въ указанномъ положеніи ослаблялись, при чемъ долгіе гласные *ā* (двоякаго происхожденія) и *ē* нѣсколько сокращались (приближаясь такимъ образомъ къ краткимъ гласнымъ внутреннихъ слоговъ), а краткіе гласные *ŏ* и *ĕ* съуживались по направленію къ *ŭ* и *ĭ*. Вслѣдствіе этихъ измѣненій результатъ послѣдовавшаго затѣмъ процесса образованія носовыхъ гласныхъ оказался одинаковымъ у прежнихъ конечныхъ долгихъ гласныхъ и неконечныхъ краткихъ въ видѣ одинаковаго носоваго гласнаго (срв. рѫк-ѫ В. ед. ж., гдѣ -ѫ = ае. *-ām || пѫть, срв. греч. *πόντος*; мѧ „меня" Вин. ед., срв. скт. форму съ долгимъ гласнымъ mām || пѧть при лит. penki). Что касается краткихъ конечныхъ гласныхъ *о* и *е*, замыкавшихся носовымъ согласнымъ, то они, превратившись въ *ŭ* и *ĭ*, послѣ утраты носоваго согласнаго остались въ этомъ видѣ безъ измѣненія, хотя возможно допустить, что

---

[1]) Въ такихъ случаяхъ, какъ **нести**, исчезновенія согласнаго *s* не произошло, такъ какъ этотъ согласный удобно сочетается съ взрывнымъ согласнымъ слѣдующаго слога. Подъ это объясненіе подходятъ и такіе случаи, какъ **люблѭ** и пр. (т. е. первоначальныя сочетанія губныхъ съ j внутри словъ), гдѣ губные согласные, удобно сочетаясь съ плавнымъ *л'*, легко переходятъ къ слѣдующему слогу. Исчезновенія передне-язычныхъ согласныхъ передъ j (напр. *med | jā) также не происходило, благодаря тому, что въ этомъ случаѣ согласные рано стали сливаться съ j въ одинъ звукъ, обусловливая уже тѣмъ самымъ переходъ первоначально закрытаго слога въ открытый. Къ сказанному нужно прибавить, что исчезновеніе разныхъ взрывныхъ согласныхъ съ конца слоговъ передъ другими согласными происходило послѣ первой эпохи не въ одно и то же время; къ позднѣйшимъ случаямъ относится діалектическое (русско-болгаро-сербское) исчезновеніе *d* и *t* передъ *l* слѣдующаго слога, срв. рус. ве*л*á, пле*л*á + польск. wio*dl*a, plo*tl*a.

въ теченіи извѣстнаго времени и они сопровождались нѣкоторымъ носовымъ призвукомъ (срв. Вин. ед. **род-ъ**, гдѣ **-ъ**= ае. *-ŏm и **кой-ь**, гдѣ -jь←*jĕN = ае. *-jŏm). [1]) Замѣтимъ, что такая же утрата носового согласнаго съ конца словъ послѣдовала и послѣ первичныхъ ŭ и ĭ (срв. В. ед. **сын-ъ**, гдѣ -ъ = ае. *-ŭm, и **пѫт-ь**, гдѣ **-ь**=ае. *-ĭm), благодаря чему создалось условіе, благопріятствовавшее дальнѣйшему смѣшенію этихъ типовъ склоненія съ предъидущими, съ которыми они частично совпали.

Намъ осталось разсмотрѣть тѣ случаи, когда сочетаніе краткихъ *о* и *е* съ носовымъ согласнымъ замыкалось конечнымъ другимъ согласнымъ. Необходимо вообще замѣтить, что конецъ слова въ аріо-европейскомъ языковомъ семействѣ не представлялъ того разнообразія согласныхъ, какое было свойственно другимъ положеніямъ; особенною скудостью конечныхъ согласныхъ отличался между прочимъ славянскій праязыкъ, въ которомъ на концѣ словъ кромѣ носового согласнаго (двоякаго происхожденія — изъ ае. *m и *n) встрѣчались только передне-язычные *t* (также *d*) и *s*. Въ зависимости отъ того, который изъ этихъ согласныхъ слѣдовалъ за указанными сочетаніями -V̆N, получились неодинаковые результаты:

1) Въ тѣхъ случаяхъ, когда такое слово замыкалось согласнымъ *s*, то краткіе гласные *о* и *е* подвергались *съуженію* (подобно тѣмъ же гласнымъ, замыкавшимся однимъ носовымъ), а затѣмъ, *съ переходомъ носового согласнаго въ носовой призвукъ удлинялись*, превращаясь въ -ū̃s и ī̃s. [2]) Дальнѣйшая

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ для -jь другой путь развитія, а именно, что сначала и здѣсь *jŏm дало съуженіе гласнаго ŏ въ ŭ, а затѣмъ уже узкій губной гласный измѣнился послѣ j въ палятальный (ŭ→ĭ).

[2]) Ниже (въ сноскѣ) мы приводимъ воззрѣніе проф. А. Лескина, отличающееся отъ указываемаго здѣсь.

судьба того и другого носового гласнаго не параллельна: узкій губной гласный терялъ свою лябіализацію и въ окончательномъ результатѣ перешелъ въ **-ы**, а палятальный гласный расширился въ средній гласный, переходя такимъ образомъ въ -ę, срв. В. мн. ст.-слав. **рѫк-ы || конѩ** (такой же результатъ получился изъ *-ŏnts и *-ĕnts въ И. ед. муж. причастій наст. вр., напр. ст-сл. **несы || конѩ**). [1])

2) Что касается того случая, когда сочетаніе гласныхъ ŏ и ĕ съ носовымъ согласнымъ замыкалось конечнымъ **-t**, то тогда съуженія названныхъ гласныхъ не происходило, срв. 3 мн. аор. простого **ид-ѫ**, гдѣ **-ѫ**=ае. *-ŏnt. [2])

---

[1]) При этомъ самое расширеніе узкаго палятальнаго носового гласнаго можно было бы приписать вліянію предшествующаго j или сливавшихся съ j согласныхъ (въ томъ числѣ шипящихъ, срв. В. мн. **мѫж-ѧ**), такъ какъ при отсутствіи этого условія расширеніе не происходило и -ī̃s дало -ī, срв. ст.-сл. В. мн. **пѫти, двьри**, гдѣ конечное **-и** восходитъ къ *-ĭns безъ предшествующаго j (послѣ шипящихъ это **и** пришлось бы отнести на счетъ аналогіи). Однако необходимо обратить вниманіе на мнѣніе *А. Лескина*, который принимаетъ иной путь развитія, а именно: **konjons*→**konjens*→**konjēn* (т. е. онъ не предполагаетъ допущеннаго нами предварительнаго съуженія ŏ передъ конечною группою -ns)→ст-сл. **конѩ**. См. А. Лескинъ Грамматика старославянскаго языка. Перев. съ нѣм. М. (1890), стр. 18.

[2]) Для конечной группы *-ent у насъ нѣтъ вѣрныхъ примѣровъ, такъ какъ имѣющіеся позволяютъ предполагать въ этихъ случаяхъ конечную группу ае. *-ᵉn̥t (=литво-слав. -ⁱn̥t), дававшую въ ст.-сл. -ѧ, срв. И. В ед. прич. наст. вр. ср. рода **нес-ѧ**, или 3 мн. аор. сигматическаго **даш-ѧ**. Отмѣченная нами роль конечнаго *-t* въ отличіи отъ *-s* свидѣтельствуетъ, что исчезновеніе разсматриваемаго согласнаго въ положеніи за *n* произошло уже въ славянскомъ праязыкѣ, но никакъ не въ литво-слав. періодѣ, какъ часто предполагается: въ литовской и славянской вѣтви исчезновеніе произошло независимо. — Для иллюстраціи различій въ рефлексахъ сочетанія *V̆N въ закрытыхъ слогахъ въ славянской языковой области срв. слѣдующія ст.-сл. формы отъ глагола **ид**ѫ: 1) 1 ед. аор. простаго—**ид-ъ**, гдѣ -ъ=ае. -ŏm; 2) 3 мн. того же времени — **ид-ѫ**, при чемъ -ѫ = ае. *-ŏnt; 3) И. ед. муж. прич. наст. вр. **ид-ы**, гдѣ -ы=ае. *-ŏnts; 4) Р. ед. для той же формы—**идѫшта**, при чемъ ѫ внутри слова восходитъ къ ае. *-ŏnC-.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другого явленія той же эпохи—*полногласія-перестановки*. Это явленіе, вызванное —подобно носовымъ гласнымъ — тенденціей къ устраненію закрытыхъ слоговъ, заключалось въ томъ, что въ одной части славянскаго праязыка, изъ которой произошелъ русскій языкъ, первоначальныя сочетанія *-ĕr-, *-ĕl-, *-ŏr- и *-ŏl- въ положеніи передъ слѣдующимъ согласнымъ (кромѣ j, съ которымъ они значительно раньше путемъ слитія образовали соотвѣтствующіе мягкіе согласные) развили послѣ себя такой же гласный, а въ остальной части праязыка славянскаго гласные и плавные мѣнялись своими мѣстами съ удлиненіемъ гласнаго или безъ него, срв.: *берегъ* (полногласіе) + ст.-сл. брѣгъ (перестановка съ удлиненіемъ) + польск. brzeg (перестановка безъ удлиненія), праслав. *bergV; *борода* + ст.-сл. брада [1]) + пол. broda, праслав. *bordV; *молоко* + ст.-сл. млѣко + пол. mléko, праслав. *melkV; *голова* + ст.-сл. глава + пол. głowa, праслав. *golvV. Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что русская полногласная форма *-оло-* получилась какъ изъ праслав. *ĕl, такъ и изъ *ŏl, между тѣмъ какъ въ остальныхъ частяхъ славянскаго праязыка такого совпаденія не произошло; въ виду этого необходимо предположить, что въ слав. праязыкѣ діалектически (именно въ части его, соотвѣтствующей русской группѣ) еще до появленія полногласія сочетаніе *el* (съ твердымъ *l*) измѣнилось въ *ol*, откуда затѣмъ произошло рус. *-оло-*. [2]) Это измѣненіе (*el* →*ol*) захватило отчасти и другія области славянскаго праязыка, но лишь при нѣкоторыхъ дополнительныхъ условіяхъ,

---

[1]) Ст.-славянское а предполагается происходящимъ изъ долгаго гласнаго, при чемъ соотвѣтствующимъ краткимъ былъ о.

[2]) Необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что измѣненіе *el*→*ol* произошло еще до смягченія согласныхъ губныхъ и передне-язычныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ палятальныхъ гласныхъ, потому что иначе передъ такимъ *ol* согласные были бы не твердые, а мягкіе, напр. было бы не *молоко*, а *м'олоко.

главнымъ образомъ при предшествующихъ шипящихъ, какъ согласныхъ способныхъ къ развитію лябіализаціи; срв. рус. *жолобъ* + ст.-сл. *жлѣбъ + польск. żłob, изъ *gelbV. [1]). Литовское šálmas (шлемъ, шеломъ), заимствованное изъ славянской языковой области до образованія полногласія-перестановки, предполагаетъ въ языкѣ-источникѣ комплексъ *š*ol*m- изъ *š*el*m-. Нужно еще отмѣтить особенность въ отраженіи вышеуказанныхъ сочетаній гласнаго съ плавнымъ, когда они начинали собою слово,—въ этихъ случаяхъ во всемъ славянскомъ праязыкѣ развились перестановочныя формы, при чемъ въ русской области перестановка не была соединена съ удлиненіемъ (см. сноску 1 на стр. 94), напр. рус. *локоть* изъ праслав. *olkV, *ровный* изъ *orvV и др. Что касается т. наз. „второго" русскаго полногласія (т. е. такихъ случаевъ, какъ „**смерть**" и т. п.), то происхожденіе его мы разъяснили на стр. 95—97 и 105 нашей книги [2]), здѣсь же прибавимъ только, что діалектическое измѣненіе *vľlk- въ *vŭlk- („волкъ") происходило въ праславянскомъ вполнѣ параллельно указывавшемуся измѣненію *melkV→*molkV. [3])

---

[1]) Въ чешскомъ языкѣ измѣненіе *el*→*ol* въ этомъ случаѣ предполагаетъ по видимому первоначально еще наличность слѣдующаго непалятальнаго слога, чѣмъ мы и объясняемъ существованіе въ немъ дублета žleb ‖ žlab; въ южно-славянскихъ языкахъ разсматриваемое измѣненіе наступало лишь тогда, когда за *l* слѣдовалъ согласный передне-язычный, при чемъ и здѣсь оказывается дублетъ формъ, первоначально зависѣвшій, какъ намъ кажется, отъ палятальнаго или же не-палятальнаго характера слѣд. слога, ср. ст.-сл. **члань** ‖ **члѣнъ** + серб. члâн ‖ члêн + словин. člân ‖ člên + чеш. član ‖ člen (польск. członek).

[2]) Мы должны еще указать на то, что проф. А. А. Потебня установилъ тоническія отношенія между словами перваго русскаго полногласія и соотвѣтствующими сербскими, въ своемъ трудѣ «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» (1866) стр. 42 сл. Позже акад. Ф. О. Фортунатовъ открылъ законы отношенія удареній названныхъ языковъ къ литовскимъ удареніямъ, какъ для перваго, такъ и для второго полногласія, въ статьѣ «Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen», помѣщенной въ Arch. f. slav. Phil. IV (1880) стр. 575—589.

[3]) Изслѣдованіе послѣдовательнаго ряда праславянскихъ эпохъ показало намъ, какъ въ теченіе ихъ постепенно измѣнялся звуковой составъ

Примѣчаніе. Нужно думать, что процессъ образованія полногласія завершился по обособленіи восточной (будущей русской) вѣтви славянскаго праязыка, уже послѣ того, какъ она пришла въ соприкосновеніе съ западными финнами. Основаніемъ для такого заключенія служитъ то обстоятельство, что древнѣйшія позаимствованныя слова отъ этой вѣтви ея новыми сосѣдями, западными финнами, еще не обнаруживаютъ полногласнаго типа, срв. финск. *varpu* заимствовано изъ формы *vorbŭ («воробей»), *taltta* изъ *dolto←*dolbto («долото») и др. [1]) Такимъ образомъ, VII-ая эпоха можетъ разсматриваться какъ переходная отъ праславянскаго языка къ прарусскому.

Мы видимъ, что двѣ послѣднія эпохи славянскаго праязыка были временемъ образованія въ немъ нѣкоторыхъ діалектическихъ различій, поведшихъ къ обособленію отдѣльныхъ вѣтвей и затѣмъ языковъ славянскихъ. Но прежде чѣмъ заняться изслѣдованіемъ русскаго праязыка, мы желали бы показать, какъ именно эти діалектическія явленія отражаются на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ; для этого мы прилагаемъ здѣсь табеллярное обозрѣніе важнѣйшихъ звуковыхъ соотвѣтствій въ славянскихъ языкахъ. [2])

Закончимъ обзоръ славянскаго праязыка нѣкоторыми замѣчаніями о явленіяхъ морфологическихъ, которыхъ

славянскаго праязыка. Это обстоятельство и было причиною того, что мы не прибѣгали къ возстановленію цѣлыхъ праславянскихъ словъ, чтобы случайно не оказались въ такихъ возсозданныхъ словахъ рядомъ звуки, въ дѣйствительности принадлежавшіе разнымъ эпохамъ. Между тѣмъ нерѣдко въ лингвистическихъ трудахъ встрѣчаются смѣлыя воспроизведенія праславянскихъ словъ и даже безъ точнаго отнесенія ихъ къ опредѣленной эпохѣ.

[1]) См. Mikkola J. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. Helsingfors 1893.

[2]) См. также статью проф. Бодуэна-де-Куртенэ «Славянскіе языки»—въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза и Ефрона. Что касается произношенія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, то см. книгу проф. Брока Физіологія славянской рѣчи (1910), гдѣ указываются и спеціальныя монографіи славянскихъ ученыхъ — проф *Розвадовскаго, Решетара, Фринты, Шрабца* и др.; кромѣ того, см. Бодуэнъ-де-Куртенэ И., Нѣкоторые отдѣлы «сравнительной грамматики» славянскихъ языковъ, Р. Ф. В. (1881), стр. 283—300, а также нашу статью «Изъ наблюденій надъ сербско-хорватскимъ литературнымъ произношеніемъ», Р. Ф. В. 1912, № 1—2

…ский пра-языкъ	Русскій яз.	Старо-слав.	Болгарскій	Сербскій яз.	Словинск. яз.	Чешскій	Лужицкій	Польскій
*bělų	бѣлъ (б'æл)	бѣлъ	бѣлъ (б'ал)	бијел (бі̏jel)	bel (бẹ̄l)	bělý (бjǽlæj̨) bílý (бīlæj̨)	běły (б'іᵉлы)	biały (б'áлы) ‖ bielić (б'є́л'іц')
dymų	дымъ (дым)	дымъ	димъ (дім)	дим (ді̏м)	dím (дім)	dým (дім)	dym (дым)	dym (дым)
*dĭnį	день (д'єн')	дьнь	день (ден)	дан (да̑н)	dan, den (дан, ден)	den (дæн)	В. dźeń (дже̑н') Н. źeń (ж'ен')	dzień (д'з'єн')
*sŭnų	сонъ (сон)	сънъ	сънъ (сạн)	сан (са̏н)	sanj, senj (сан', сен')	sen (сæн)	В. son (сон) Н. soń (сон')	sen (сен)
…rC: *bergų	берегъ (б'є́р'ьк)	брѣгъ	брѣгъ (бр'ак)	бријег (бри̏jег)	breg (брẹ̑г)	břeh (бр͡жæх)	В. brjoh (бр'ох) Н. brjog (бр'ок)	brzeg (бжек)
…rC: *borda	борода (бърåдá)	брада	брада (бráдạ)	брада (брáда)	brada (бра́да)	brada (брáда)	broda (брóда)	broda (брóда)
…lC: *melko	молокó (мълåкó)	млѣко	млѣко (мл'áкў)	млијеко (мlijèко)	mleko (млẹ́ко)	mléko (мléко)	mljoko (мл'óко)	mléko (мл'íко)
…lC: *golva	голова (гълåвá)	глава	главá (главạ́)	глава (гláва)	glava (гла́ва, γl-)	glava (γláва)	В. hłova (γлóва) Н. głova (глóва)	głowa (глóва)
…rC: *-mĭrtį	смерть (с'м'є́р'т')	съмрьть	смрътъ (смрạт)	смрт (смр̏т)	smrt (смрт)	smrt' (смрт')	В. smjerć (см'ерч) Н. smjerś (см'ерш')	śmierć (с'м'ерц')
*mĭrtvų	мертвый (м'óртвъj)	мрьтвъ	мрътвъ (мрạ́таф)	мртав (мр̏тав)	mrtev (мр́тæв)	mrtvý (мр́твæj̨)	[В. morvy ← *mortły Н. humarły]	martwy (мáртвы)
…rC: *gŭrbų	горбъ (горп)	гръбъ	гръбъ (грạп)	грба ж. (гр̏ба)	grb (γрб, грп)	hrb (γрп)	В. horb (γорп) Н. gjarb (г'арп)	garb (гарп)
…lC: *pŭlnų	полнъ (полнъ)	плънъ	плън (плạн)	пун (пу̏н)	poln (пolн)	plný (плнæj̨)	połny (пóлны)	pełny (пéлны)
…C: *pentį	пять (п'аᵗт')	пѧть	пет (пет, п'ет)	пет (пẹ̑т)	pet (пẹ̄т)	pět (пjǽт)	В. pjeć (п'еч) Н. pješ (п'еш')	pięć (п'ēⁿц')
*pentų	пятъ (п'ат)	пѧтъ	пети (пéті, п'еті)	пети (пẹ̑ті)	peti (пéті)	pátý (пáтæj̨)	В. pjaty (п'áты) Н. pjety (п'éты)	piąty (п'õⁿты)
…C: *ronka	рука (рукá)	рѫка	ръка (рạкạ́)	рука (ру́ка)	roka (рõка)	ruka (ру́ка) ‖ roučka (рóўчка)	ruka (ру́ка)	ręka (рēⁿка) ‖ rączka (рõⁿчка)
*svētja	свѣча (с'в'єчá)	свѣшта	свѣща (сфештạ́)	свећа (свиjèћа)	sveča (свẹ́ча)	svíce (свíцæ)	svjeca (св'éца)	świeca (с'ф'éца)
*medja	межа (м'æжá)	междa	между (междạ́)	међа (мèђа)	meja (méja)	meze (мǽзæ)	В. mjeza (м'éза) Н. mjaza (м'áза)	miedza (м'é͡дза)
…: *pjū-	плюю (пл'уjу́)	плюѭ	плюѭ (пл'у́jạ)	пљуjем (пл'у̏jēм)	plujem (пл'у́jем)	pliju (пл'íjу)	pluju (пл'у́jу)	pluję (пл'уjе,
…j- *zemja	земля (з'емл'á)	ꙁемлꙗ, ꙁемꙗ	земя (зем'ǽ)	земља (зèмл'а)	zemlja (зǽмл'а)	země (зǽмjæ)	zemja (з'éм'а)	ziemia (зéм'а)

При…
веден…
вянски…
скобка…
слова…
го язы…
транск…
паго х…
Ука…
приня…
‒ (ч…
обозна…
˘=зн…
˜ над…
посово…
ą =…
e =…
шаго…
æ =…
є и…
o =…
oᵃ =…
ǫ =…
iᵉ =…
ų, …
ъ и…
гласн…
ᵉ пр…
его м…
не им…
γ =…
„благ…
l =…
ƛ =…
ђ=…
ʼ об…
ских…
ударе…
тому…
кратк…
ударе…
кратк…
В. …
Н. …

[1]) По…
типахъ…
емъ тр…
языку…

частію мы уже касались въ предшествующемъ изложеніи фонетическаго развитія, такъ какъ фонетическія измѣненія, происходя въ тѣхъ или другихъ морфологическихъ категоріяхъ, обусловливали и видоизмѣненіе этихъ послѣднихъ; при этомъ иногда происходило частичное совпаденіе различныхъ флексійныхъ типовъ, въ свою очередь путемъ аналогіи вызывавшее дальнѣйшее ихъ смѣшеніе. Такъ, напр., славянскій праязыкъ вынесъ изъ предшествующихъ періодовъ различіе склоненія гласныхъ основъ муж. рода на -ŏ- (*bogo-) и на -ŭ- (synŭ-); въ В. ед., какъ мы видѣли, въ первомъ случаѣ ŏ въ положеніи передъ конечнымъ носовымъ съузилось въ ŭ, и такимъ образомъ окончаніе этого падежа совпало въ обоихъ типахъ. Въ дальнѣйшемъ это смѣшеніе вызвало и другія уподобленія, вслѣдствіе чего въ конечномъ результатѣ оба типа склоненія дали одинъ смѣшанный. Вполнѣ понятно, что данный морфологическій процессъ могъ начаться лишь послѣ той эпохи, въ которую совершилось указанное фонетическое явленіе. Отмѣтимъ еще смѣшеніе между основами на -jŏ- (*konjŏ-) и -ĭ- (*pontĭ-), происшедшее послѣ того, какъ въ первомъ изъ этихъ типовъ въ В. ед. на мѣстѣ -ŏ- въ положеніи передъ конечнымъ носовымъ получилось также ĭ при участіи предшествующаго ʝ (j); благодаря этому частичному совпаденію, слова второго типа стали уподобляться и въ другихъ падежахъ первому (напр. ст.-сл. огню Д. ед. вмѣсто прежняго огни). Не всегда однако дѣйствіе аналогіи вызывалось фонетическими совпаденіями; иногда оно находилось въ связи съ стремленіемъ къ различенію созвучныхъ формъ, при чемъ одна изъ нихъ уподоблялась болѣе ей сродному другому типу; такъ, напр., въ существительныхъ средняго рода основы на -ŏ- должны были бы оканчиваться въ И. В. ед. на -ŭ (=*-ŏ-m) и такимъ образомъ совпасть съ такимъ же падежомъ словъ муж. рода; на самомъ дѣлѣ такое совпаденіе данной формы было устранено аналогіей къ типу словъ того же рода (средняго) склоненія сигматическаго, т. е. съ оконча-

ніемъ -o ← -ŏs (напр. нєко), и мѣстоименнаго (напр. то = *tŏd); въ результатѣ данныя слова средн. рода получили окончаніе *-о* отличное отъ окончанія муж. рода. Распространеніе мѣстоименнаго склоненія происходило также и въ прилагательныхъ, напр. въ формахъ Р. и Д. ед. муж. и ср. рода (*доброго, доброму*—по аналогіи къ *того, тому*). Что касается глагола, то мы уже знаемъ, что славянскій праязыкъ устранилъ многія первоначальныя формы спряженія; въ замѣнъ этого въ немъ стали развиваться новыя образованія, напр. варіаціи аористическихъ образованій и описательныя выраженія съ формами глагола „есмь", „имамь" и др.; срв. ст.-сл. кєдѣахъ (аористическое образованіе для передачи имперфекта), **принњлъ ѥсмь** (перф.), **нє имаать къзалкатиса** (буд.) и др. Кромѣ того для различенія временныхъ категорій стали служить еще и префиксы, придававшіе въ извѣстныхъ случаяхъ совершенный видъ, а кромѣ того скудость временныхъ формъ вознаграждалась образованіями при посредствѣ т. наз. славянскаго подъема, представляющаго расширеніе литво-славянскихъ подъемныхъ отношеній (см. стр. 240). [1])

4) Русскій праязыкъ.

Представимъ прежде всего звуковой инвентарь, который имѣлся въ основно-русскомъ языкѣ въ эпоху выдѣленія послѣдняго изъ общеславянскаго. При этомъ вполнѣ понятно, что нѣкоторые звуки и звукосочетанія остались общими у

[1]) По вопросамъ славянскаго (также литовскаго) глагола см. труды проф. Г. К. Ульянова: а) Основы наст. времени въ старо-славянскомъ и литовскомъ языкахъ (Варшава, 1888), б) Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ, ч. I—II (Варшава, 1891, 1895), а также Критическій разборъ послѣдняго труда академикомъ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ (С.-Пб. 1897). См. также статью—Meillet A. Des aspects perfectif et imperfectif dans la traduction de l'Évangile en vieux slave, въ его книгѣ Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave (1902), стр. 1—104.

русскаго праязыка съ другими его славянскими братьями, тогда какъ иные звуки и ихъ сочетанія представляли особенности, отличавшія русскій праязыкъ отъ другихъ славянскихъ языковыхъ вѣтвей и служившія къ обособленію его въ качествѣ самостоятельнаго языкового индивидуума.

Къ категоріи звуковъ, общихъ у русскаго праязыка съ другими славянскими вѣтвями, относятся слѣдующіе: а) *гласные*: а, о, е, ѣ [1]), і, ы, у, носовые гласные ǒ и ě и, наконецъ, узкіе краткіе гласные ъ и ь, б) *согласные*: всѣ первично-твердые согласные, извѣстные намъ изъ современнаго русскаго языка, а изъ мягкихъ согласныхъ — *ч'* (изъ *k'), *дж'* или *ж'* (изъ *г'), *ж'* (изъ *зj), *ш'* (изъ *х' и *сj), *ц'* (изъ *k'), *дз'* или *з'* (изъ *г'), *с'* (изъ *х'), а кромѣ того плавные *л'*, *р'* и носовой *н'* (развившіеся на почвѣ сочетанія соотвѣтствующихъ твердыхъ согласныхъ съ j); кромѣ того, чертою общею у русскаго праязыка съ другими славянскими вѣтвями, вынесенною изъ славянскаго праязыка, было въ ту эпоху отсутствіе закрытыхъ слоговъ.

Что касается звуковъ и звукосочетаній типичныхъ для русскаго праязыка, отличавшихъ его отъ другихъ родственныхъ славянскихъ, то мы можемъ отмѣтить слѣдующіе: *полногласіе* въ двухъ видахъ, *ч'* (изъ *tj и *kt'), *ж'* (изъ *dj), сочетанія губныхъ съ л' (получившіяся изъ губныхъ съ j). Нужно однако замѣтить, что и нѣкоторые изъ звуковъ первой категоріи въ русскомъ праязыкѣ имѣли нѣкоторыя особенности, намѣчавшія имъ путь иного развитія по сравненію съ другими славянскими діалектами. Таковы, напр., звуки *ъ и ь въ болѣе сильныхъ положеніяхъ (т. е. ъ̑ и ь̑), а также носовые гласные, измѣненіе которыхъ въ русскомъ языкѣ шло въ дру-

[1]) Начертанію ѣ для той древней эпохи должно придавать иное звуковое значеніе, нежели для современной. Несомнѣнно, что тогда этотъ звукъ не совпадалъ съ звукомъ, обозначаемымъ черезъ *е*; предполагаютъ, что это было долгое *е*, но можно думать, что этотъ гласный имѣлъ «дифтонгообразное» произношеніе, при чемъ первая половина была ӯже второй.

гомъ направленіи, чѣмъ въ нѣкоторыхъ его сородичахъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Теперь мы обратимся къ обзору главнѣйшихъ звуковыхъ измѣненій, которыя произошли въ русскомъ языкѣ со времени его обособленія отъ другихъ славянскихъ вѣтвей, при чемъ можно установить извѣстную послѣдовательность этихъ измѣненій, сгруппировавъ ихъ въ нѣсколько эпохъ, хотя и не должно представлять себѣ эти послѣднія рѣзко ограничеными: явленія, начавшіяся въ одну эпоху, могли и не закончиться въ ней, но продолжаться и закончиться въ слѣдующую или слѣдующія эпохи, и такимъ образомъ эпохи могутъ какъ бы частично налегать одна на другую. Важнѣйшія изъ этихъ измѣненій слѣдующія: 1) дальнѣйшіе случаи непереходнаго смягченія согласныхъ, 2) переходъ носовыхъ гласныхъ въ чистые, 3) возникновеніе бѣглыхъ гласныхъ и 4) измѣненіе 'е→'о.

I. *Эпоха непереходнаго смягченія согласныхъ передне-язычныхъ и губныхъ подъ вліяніемъ слѣдовавшихъ за ними палятальныхъ гласныхъ.*

Согласные, подвергавшіеся такому смягченію, принадлежали къ губному и передне-язычному рядамъ; такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ образовались пары по твердости и мягкости изъ согласныхъ звуковъ этихъ двухъ рядовъ, а именно: п || п', б || б', в || в', т || т', д || д', с || с', з || з', н || н', л || л', р || р' (три послѣднихъ мягкихъ звука, т. е. *н'*, *л'*, *р'*, кромѣ того были вынесены и изъ славянскаго праязыка, гдѣ они получились отъ слитія соотвѣтствующихъ твердыхъ согласныхъ съ j). [1]) Причина, обусловливавшая разсматриваемое смягченіе согласныхъ, чисто физіологическая и заключается въ наличности палятальнаго гласнаго, слѣдовавшаго за

[1]) Среди этихъ паръ отсутствуетъ согласный *ф*, который появился значительно позже, когда въ языкѣ появились вторично-закрытые слоги и когда затѣмъ конечные звонкіе согласные стали утрачивать свою звонкость.

согласнымъ: приближеніе къ небу средней части языка, свойственное палятальнымъ гласнымъ, сообщалось предшествующему согласному, отчего этотъ послѣдній становился мягкимъ. Нужно добавить, что этотъ процессъ, подобно большинству звуковыхъ измѣненій физіологическаго характера, совершался постепенно, представляя въ ходѣ времени рядъ незамѣтныхъ переходныхъ моментовъ на пути отъ твердаго произношенія согласнаго къ мягкому.

Если мы обратимся къ отраженію этого смягченія въ современномъ языкѣ, то замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ указанная причина можетъ быть безъ труда обнаружена, такъ какъ палятальный гласный сохранилъ до сихъ поръ свою палятальность, напр. *в'єл'і* (вели), *м'ӕл* (мѣлъ). Но есть цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ причина смягченія согласнаго въ современномъ языкѣ уже не можетъ быть усмотрѣна, такъ какъ за такимъ мягкимъ согласнымъ теперь слѣдуетъ или не-палятальный гласный, или твердый согласный, или— наконецъ—мягкій согласный оканчиваетъ собою слово, напр. *м'áсӑ* (мясо), *м'óдў* (меду), *т'мá* (тьма), *óс'* (ось). Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мягкость согласнаго была вызвана также палятальнымъ гласнымъ, который впослѣдствіи или измѣнился въ гласный не-палятальный, или же исчезъ, оставивъ по себѣ слѣдъ въ смягченіи предшествующаго согласнаго. Такъ, въ случаѣ „*м'áсӑ*" мягкость *м* была вызвана палятальнымъ носовымъ гласнымъ (срв. ст.-сл. мѧсо, польск. mięso); въ словѣ „*м'óдў*" мягкость согласнаго была вызвана тѣмъ, что въ данную эпоху на мѣстѣ гласнаго *'о* произносился гласный *е* (срв. ст.-сл. медоу, серб. меду); [1]) что касается мягкости согласныхъ въ случаяхъ „*т'ма*", „*ос'*", то она бы-

[1]) Примѣръ *л'óн* (ленъ), имѣющій такой же гласный и такъ же обозначаемый въ орѳографіи, представляетъ собою особый случай, такъ какъ въ ст.-сл. этому гласному отвѣчаетъ уже не є, но ь, т. е. ĭ (льнъ).

ла вызвана гласнымъ ь (ĭ), слѣдовавшимъ за этими согласными и впослѣдствіи исчезнувшимъ.

Однако не во всѣхъ частяхъ русскаго языка существуетъ столь широкое развитіе непереходнаго смягченія, какъ мы только-что представили. Существенное уклоненіе въ этомъ отношеніи представляетъ малорусское нарѣчіе, гдѣ въ нѣкоторыхъ изъ отмѣченныхъ случаевъ не наблюдается смягченія согласныхъ, напр. *м э д у*, *д э н'*, *п ы ты* (=влр. пить) и т. п. [1] Нужно предположить, что діалектическіе задатки этихъ отличій малорусскаго нарѣчія имѣлись и въ прарусскомъ языкѣ, въ которомъ такимъ образомъ уже въ разсматриваемую эпоху намѣчалось развѣтвленіе на два главныя нарѣчія — сѣверно-

---

[1] Отсутствіе въ подобныхъ случаяхъ смягченія въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи еще не имѣетъ общепринятаго объясненія. Намъ представляются болѣе вѣроятными слѣдующія два: 1) можно допустить отвердѣніе цѣльнаго слога, т. е. отвердѣніе согласнаго въ связи съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ гласнаго, и быть можетъ еще тогда, когда не развилась полная мягкость; 2) можно предположить въ качествѣ посредствующаго звена выдѣленіе изъ согласнаго, достигшаго полной мягкости, элемента j или ĵ (или—другими словами — разложеніе мягкаго согласнаго на твердый + мягкость), а затѣмъ этотъ послѣдній элементъ могъ со временемъ утратиться и такимъ образомъ получился слогъ съ твердымъ согласнымъ. Подтвержденіемъ для этого предположенія служитъ существованіе въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ такого произношенія, какъ пj á т', гдѣ мы имѣемъ на лицо вышеуказанное разложеніе мягкаго губнаго согласнаго; можно ожидать, что въ дальнѣйшемъ это слово получитъ произношеніе *пат', т. е. уже безъ j (ĵ), подобно тому, какъ это мы встрѣчаемъ въ родственномъ чешскомъ словѣ *pátý* «пятый». При слѣдующемъ палатальномъ гласномъ въ малорусскомъ этотъ процессъ развертывался быстрѣе, а потому въ этихъ случаяхъ раньше наступила конечная стадія, т. е. полученіе твердаго слога (срв. неравномѣрность процесса въ нѣсколько сходныхъ случаяхъ въ великорусскомъ нарѣчіи: обыскать || объявить и т. д.). Срв. М и х а л ь ч у к ъ К., Къ вопросу объ отвердѣніи слоговъ въ малорусскомъ, 1903 (отт. изъ Уч. Зап. Каз. Унив.) — по поводу моего трактованія вопроса въ первомъ изданіи моихъ Очерковъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1901 г., стр. 152 сл.). См. также Ш а х м а т о в ъ Wie im Kl.-russ. die Palatalisation der Consonanten vor *e* und *i* verloren ging (Arch. f. sl. Phil. 25, 1903, 222—228).

русское (предокъ великорусско-бѣлорусскаго) и южнорусское (предокъ малорусскаго). Тѣмъ не менѣе нѣкоторые случаи непереходнаго смягченія малорусскій языкъ раздѣляетъ съ великорусско-бѣлорусскимъ; сюда относятся: а) смягченіе, вызванное первичнымъ или общеславянскимъ *ѣ*, напр. *м'* і р а (=влр. мѣра), а также вторичнымъ или южнорусскимъ *ѣ*, напр. *п'* і ч (=влр. печь), *н'* і с (—влр. нёсъ), б) смягченіе, вызванное нѣкогда бывшимъ ь (ĭ), затѣмъ исчезнувшимъ, напр. д *э н'*, *т'* м а. Такъ какъ эти случаи развились въ связи съ явленіями нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ эпохъ, то и объясненіе ихъ будетъ сдѣлано при разсмотрѣніи этихъ послѣднихъ.

II. *Эпоха измѣненія носовыхъ гласныхъ въ чистые.*

Необходимо предположить, что измѣненіе это происходило въ болѣе позднее время, чѣмъ развитіе непереходнаго смягченія согласныхъ. Такое предположеніе основывается на слѣдующемъ. Если бы палятальный носовой гласный ę успѣлъ измѣниться въ чистый не-палятальный гласный (*а*) еще до процесса смягченія согласныхъ, то передъ этимъ послѣднимъ гласнымъ теперь не было бы смягченія согласнаго. А между тѣмъ въ такихъ примѣрахъ, какъ *п'* á т', *м'* á с ӑ и пр., не смотря на не-палятальный гласный *а*, мы видимъ мягкость предшествующихъ согласныхъ, очевидно сохраненную отъ эпохи палятальнаго носового гласнаго. Что касается другого носового гласнаго, т. е. ǫ, то нужно думать, что переходъ его въ чистый (*у*) происходилъ параллельно съ аналогичнымъ измѣненіемъ уже разсмотрѣннаго носового гласнаго. Подтвержденіе этому представляютъ нѣкоторые изъ современныхъ славянскихъ языковъ, еще и теперь сохраняющіе носовые гласные, каковы — польскій и кашубскій, гдѣ модификаціи въ произношеніи того и другого гласнаго вполнѣ параллельны (срв. пол. mięso || wąsy, gęba || skąpy, rybę || rybą). Но кромѣ общаго заключенія о томъ, что эпоха измѣненія носовыхъ гласныхъ въ чистые слѣдовала за развитіемъ непереходнаго смяг-

ченія согласныхъ (а не наоборотъ), мы можемъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ указать приблизительно время полученія въ русскомъ языкѣ чистыхъ гласныхъ изъ носовыхъ. Можно думать, что къ концу X в. въ русскомъ языкѣ слышались уже чистые гласные на мѣстѣ носовыхъ. Къ такому заключенію насъ приводятъ данныя отъ конца X в. въ сочиненіи Константина Багрянороднаго „Объ управленіи государствомъ", которыя представляютъ собою древнерусскія названія Днѣпровскихъ пороговъ (неясыть или неясытъ „коршунъ", гдѣ *я*=ст.-сл. ѩ; вьручи—прич. отъ вьрѣти „кипѣть", *у*=ст.-сл. ѫ), переданныя греческимъ письмомъ (*Νεασήτ, Βερούτζη*), при чемъ на мѣстѣ носовыхъ гласныхъ стоятъ знаки чистыхъ гласныхъ. [1]) Во всякомъ случаѣ къ эпохѣ *Остромирова Евангелія* (т. е. въ половинѣ XI в.) носовые гласные несомнѣнно уже смѣнились чистыми, такъ какъ въ этомъ памятникѣ встрѣчаемъ случаи смѣшенія знаковъ носовыхъ гласныхъ съ знаками чистыхъ, срв. напр. написанія — з е м л *ю* вм. землѭ, ѩ вм. ѩ и пр.

Относительно самаго процесса перехода носовыхъ гласныхъ въ чистые также не слѣдуетъ думать, что онъ совершился быстро; на самомъ дѣлѣ оба носовые гласные постепенно измѣнялись въ своемъ качествѣ, прежде чѣмъ утратить носовой характеръ. При этомъ носовой гласный ẽ на пути

---

[1]) Конечно, возможно допустить, что въ то время при произношеніи разсматриваемыхъ гласныхъ имѣлся еще носовой призвукъ, но столь незначительный, что онъ былъ не отмѣченъ знакомъ носоваго согласнаго. Заслуживаетъ вниманія также названіе еще одного порога—«напрязи», гдѣ бывшій носовой гласный переданъ въ греческомъ письмѣ не посредствомъ *α*, а черезъ ε (Ναπρεζή). Здѣсь мы имѣемъ, можно думать, приблизительное фонетическое обозначеніе, такъ какъ въ этомъ словѣ гласный *а*, находясь между мягкими согласными и вдобавокъ будучи неударенннымъ (именно—предшествуя слогу съ удареніемъ), имѣлъ болѣе палатальный нюансъ, приближавшій его къ *е* (впрочемъ, не лишено вѣроятности то предположеніе, что здѣсь корень слова представлялъ варіацію безъ носового инфикса и потому содержалъ чистый гласный *е*).

своего измѣненія постепенно расширялся, пока не превратился въ предѣльный гласный ã и уже въ этомъ видѣ потерялъ свой носовой призвукъ ('ẽ→'ẽ̬→'ã→'а). Такъ должно думать на томъ основаніи, что если бы гласный *ẽ пересталъ быть носовымъ еще до своего расширенія въ *а*, то онъ смѣшался бы съ основнымъ *е* и подобно послѣднему не перешелъ бы уже въ *'а*. Другой носовой гласный (õ), наоборотъ, съ теченіемъ времени постепенно съуживался, пока не достигъ предѣльной стадіи узкаго носового гласнаго (ỹ) и только въ этомъ видѣ утратилъ свой носовой призвукъ (õ→ǫ̃→ỹ→у). Если бы онъ утратилъ этотъ послѣдній ранѣе процесса съуженія, то подобно основному *о* не измѣнился бы въ у. [1])

III. *Эпоха двоякаго развитія *ъ и *ь или — другими словами—эпоха образованія бѣглыхъ гласныхъ.*

Сущность разсматриваемаго явленія заключается въ томъ, что краткіе гласные *ъ (ў) и *ь (ĭ), находясь въ различныхъ положеніяхъ въ словѣ, измѣнялись въ двухъ разныхъ направленіяхъ, именно: тѣ краткіе *ъ и *ь, которые находились на концѣ слова или въ другихъ слабыхъ положеніяхъ, постепенно ослаблялись и наконецъ исчезали, а тѣ, которые занимали болѣе сильное положеніе въ словѣ, постепенно усиливались, измѣняясь по направленію къ гласнымъ *о* и *е*. [2]) Такъ, напр.,

---

[1]) Вполнѣ понятно, что если въ теченіи описываемаго процесса или ранѣе въ русскій языкъ вошли нѣкоторыя иностранныя слова, содержавшія носовой гласный или же гласный съ носовымъ согласнымъ, то они подверглись тому же процессу на-равнѣ съ природными словами. Таковы, напр., слова: к н *я* з ь, в и т *я* в ь, в а р *я* г ъ, г *у* с ь и т. п., а также названіе народа *у* г р ы ‖ пол. węgry или węgry.

[2]) То, что гласный *ъ имѣлъ передъ разсматриваемымъ процессомъ звуковое значеніе ў слѣдуетъ изъ указанія родственныхъ языковъ и прежде всего литовскаго, какъ ближайшаго родича языковъ славянскихъ (срв. напр. м е д ъ, ст.-сл. медъ ≠ литов. medùs; с ы н ъ, ст.-сл. сынъ ≠ литов. sūnùs и т. п.). Такое произношеніе нужно принять, какъ исходную точку въ нашемъ процессѣ, и для прарусскаго языка на основаніи указаній самого русскаго языка, такъ какъ только изъ *ў могъ чрезъ расширеніе произойти

слова со́н (сонъ) и д'е́н' (день) до разсматриваемой эпохи имѣли каждое по два краткихъ гласныхъ (*сънъ̥, *д'ьн'ь̥), изъ которыхъ первые имѣли болѣе сильное произношеніе, а вторые—болѣе слабое. Со временемъ конечные гласные исчезли, а первые расширились, при чемъ гласный *ъ (ў) расширился въ *о*, а *ь (ĭ) въ *е*. Слѣдуетъ думать, что ослабленіе конечныхъ и расширеніе предшествующихъ гласныхъ совершалось не только параллельно, но и въ связи одно съ другимъ, при чемъ расширеніе одного гласнаго какъ бы компенсировало ослабленіе другого. Но въ тѣхъ случяхъ, когда на концѣ слова стояли не краткіе *ъ̥ или *ь̥, а полный гласный, то *ъ и *ь предшествующаго слога уже не расширялись, а постепенно ослаблялись до исчезновенія, напр. с‸на (*съ̥на), д'‸н'і (*д'ь̥н'і) и т. д. Двоякое развитіе *ъ (ў) и *ь (ĭ) дало такимъ образомъ въ результатѣ въ русскомъ языкѣ явленіе бѣглыхъ гласныхъ *о* и *е*, т. е. такія чередованія, какъ сонъ || сна, *пятокъ* || пятка, *ложь* || лжи, *день* || дня, *отецъ* || отца, *ленъ* || льна, *орелъ* || орла и пр.

Разсматриваемый нами процессъ, подобно процессу измѣненія носовыхъ гласныхъ въ чистые, слѣдовалъ за процессомъ непереходнаго смягченія согласныхъ. Это предположеніе основывается на такихъ случаяхъ, какъ *о́с'* (ось), д'е́*н'* (день), *т'*ма́ (тьма) и пр., въ которыхъ мягкость согласнаго была обусловлена присутствіемъ узкаго палятальнаго гласнаго *ь. Если бы исчезновеніе этого гласнаго произошло еще до непереходнаго смягченія согласныхъ, то въ приведенныхъ словахъ этого смягченія не послѣдовало бы. А такъ какъ ослабленіе и исчезновеніе *ь̥ совершалось въ связи съ расширеніемъ предшествующаго ь, то необходимо заключить, что и это послѣднее, т. е. расширеніе, также слѣдовало за эпохой

гласный *о*. Съ другой стороны ъ (ў), подвергавшійся ослабленію, постепенно терялъ губность, вмѣстѣ съ чѣмъ уложеніе языка становилось менѣе и менѣе глубокимъ; благодаря этому ослаблявшійся гласный ў постепенно измѣнялся въ сторону *ы* (ў → ўы → ыу → . . . . ы).

непереходнаго смягченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы вправѣ думать, что и процессъ двоякаго развитія *ъ, шедшій параллельно съ измѣненіемъ *ь, совершался въ одну и ту же эпоху съ послѣднимъ. Нужно прибавить, что процессъ двоякаго (въ зависимости отъ различія условій) развитія *ъ и *ь произошелъ —подобно вообще звуковымъ измѣненіямъ физіологическаго характера — не разомъ, но пройдя цѣлый рядъ незамѣтныхъ переходовъ на своемъ пути къ расширенію или же ослабленію. Въ виду длительности въ развитіи какъ непереходнаго смягченія согласныхъ, такъ равно и бѣглыхъ гласныхъ, мы можемъ допустить, что первый процессъ могъ предшествовать второму лишь своей начальною фазою, въ дальнѣйшемъ же продолжалъ свое развитіе одновременно съ начавшимся вторымъ процессомъ (развитіемъ бѣглыхъ гласныхъ). При послѣдующемъ изложеніи мы болѣе убѣдимся въ правильности такой точки зрѣнія.

Процессъ двоякаго развитія *ъ и *ь совершался не вполнѣ одинаково во всѣхъ частяхъ русскаго праязыка; такъ, въ южнорусской части этого праязыка хотя и произошло ослабленіе конечныхъ *ъ̥ и *ь̥ и тоже въ связи съ расширеніемъ *ъ и *ь въ предшествующемъ слогѣ, но съ тою разницею что передъ гласнымъ *е*, получившимся изъ *ь, въ современномъ малорусскомъ языкѣ — какъ мы уже упоминали— предшествующій согласный имѣетъ не мягкое, а твердое произношеніе; срв. влр. *д'*е́н' (бѣлор. *дз*'е́н') || млр. *дэ́*н˙. [1])

[1]) Кромѣ того, современный малорусскій языкъ указываетъ еще на одну діалектическую особенность въ разсматриваемомъ процессѣ, а именно ту, что ослаблявшіеся конечные *ъ̥ и *ь̥ вызывали не только расширеніе предшествующихъ *ъ и *ь, но вліяли также и на средніе гласные (*е* и *о*) предшествующаго слога, обусловливая ихъ удлиненіе, соединенное съ видоизмѣненіемъ качества звука. Это измѣненіе состояло въ слѣдующемъ. Гласный *е*, вызывавшій мягкость предшествующаго согласнаго, удлинившись дифтонгизировался въ сочетаніе *іе*, въ которомъ элементъ *е* былъ болѣе узкимъ и болѣе переднимъ въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ (напр *п'іеч «печь») и имѣлъ болѣе открытую и болѣе заднюю артикуляцію въ

Непосредственно къ процессу двоякаго развитія *ъ и *ь примыкаетъ явленіе отвердѣнія мягкихъ согласныхъ передъ твердыми, отъ которыхъ раньше они отдѣлялись посредствомъ гласнаго *ь. Однако такое отвердѣніе происходило тогда не во всякихъ группахъ согласныхъ звуковъ, но главнымъ образомъ при соприкосновеніи мягкихъ передне-язычныхъ съ передне-язычными твердыми, срв. тържь || распьнж. [1]) Въ виду того, что такого рода случаи встрѣчаются уже въ памятникахъ XI в., мы вправѣ заключить, что къ этой эпохѣ успѣло произойти въ части случаевъ отвердѣніе согласныхъ, а слѣдовательно и образованіе бѣглыхъ гласныхъ, какъ непосредственно предшествующее ему.

IV. *Измѣненіе* 'е → 'о *въ положеніи передъ твердыми согласными.*

Главнымъ условіемъ, вызывавшимъ это измѣненіе, была *твердость слѣдующаго согласнаго*, какъ это явствуетъ изъ сравненія л'е́ч' || л'о́к, jе́л' || jо́лка и пр. Въ литературной рѣчи присоединяется еще другое условіе — ударяемость разсма-

положеніи передъ твердымъ согласнымъ (напр. *м'іед); первое изъ этихъ сочетаній совпало съ такимъ же дифтонгомъ, получившимся изъ общеслав. *ѣ (какъ передъ мягкими, такъ и передъ твердыми согласными), и вмѣстѣ съ послѣднимъ въ дальнѣйшемъ измѣненіи дало *і*; во второмъ же сочетаніи компонентъ *е* пріобрѣталъ нюансъ е° и, становясь болѣе закрытымъ, черезъ посредствующую стадію ÿ переходилъ тоже въ *і*, какъ и первое сочетаніе; въ обоихъ случаяхъ передъ такимъ *і* удержалась мягкость предшествующаго согласнаго, полученная еще въ первую эпоху. Что касается основно-русскаго гласнаго *о*, то онъ, удлиняясь и вмѣстѣ съ тѣмъ становясь болѣе закрытымъ, проходилъ стадіи: ō → ȫ → ӯ → у^{ы} → ы (и); поэтому напр. влр. ночь = соврем. млр. н и ч, гдѣ согласный *н* имѣетъ твердое или же полумягкое произношеніе.

[1]) Въ формѣ тържь раньше существовалъ слабый *ь* между согласными *т'* и *р*, обусловившій непереходное смягченіе согласнаго *т* (затѣмъ отвердѣвшаго); доказательствомъ предполагаемаго гласнаго ь служатъ такія формы, какъ т ь р с т ь (Сборн. 1073 г.), гдѣ посредствомъ *ь* обозначена мягкость перваго согласнаго, сохранившаяся передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ.

триваемаго гласнаго, но въ окающихъ народныхъ говорахъ это условіе не обязательно, такъ что явленіе наблюдается также въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр. н'ес'і || н'осу́ и т. п. Попытаемся выяснить съ физіологической точки зрѣнія изучаемый процессъ. Измѣненіе 'е → 'о состоитъ въ постепенномъ перемѣщеніи артикуляціи отъ средней части языка къ задней въ связи съ одновременнымъ и постепеннымъ развитіемъ съуженія губъ (лябіализаціи), характернаго для *о*, при чемъ измѣненіе это на своемъ пути отъ *е* къ *о* должно было пройти цѣлую непрерывную цѣпь переходныхъ нюансовъ е.... е°.... о. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ твердый согласный могъ влiять на переходъ предшествующаго гласнаго *'е* въ *'о*, напр. въ словѣ „медъ“. Съ точки зрѣнія физіологіи *современнаго* намъ произношенія изслѣдуемое явленіе не объяснимо, такъ какъ твердый согласный, оканчивающій собою слово, имѣетъ резонансовый аккомпаниментъ *ы*, совершенно лишенный лябіализаціи, а потому не способный вызывать губной оттѣнокъ въ предшествующемъ гласномъ. Но это измѣненіе станетъ совершенно понятнымъ, если мы допустимъ, что въ эпоху, когда оно зарождалось, конечное *ъ* еще звучало, сохраняя при этомъ въ той или иной степени свойство лябіальнаго гласнаго, отъ котораго произошло, т. е. краткаго *у*. Понятно, что произносившееся такимъ образомъ *ъ* сообщало лябіальный оттѣнокъ и предшествующему согласному, [1]) а этотъ послѣдній въ свою очередь стоявшему передъ нимъ гласному *'е*. Изъ этого мы заключаемъ, что эпоха измѣненія *'е* въ *'о* не слѣдовала за законченною эпохою развитія бѣглыхъ гласныхъ, но своею значительною частью заходила въ эту послѣднюю. Что касается случаевъ, когда слѣ-

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, и въ современномъ русскомъ языкѣ мы наблюдаемъ такое вліяніе послѣдующихъ губныхъ гласныхъ *о* и *у* на предшествующій согласный, состоящее въ томъ, что лябіальный укладъ этихъ гласныхъ своей экскурсіей заходитъ въ моментъ предшествующаго согласнаго.

довавшій за гласнымъ *'е* твердый согласный сочетался съ вполнѣ опредѣленными губными гласными, напр. м е *д у* и т. п., то эти случаи такъ же легко объясняются вышеприведенными соображеніями. Остаются безъ объясненія тѣ случаи, гдѣ за твердымъ согласнымъ слѣдовали не-губной гласный (напр. с е-*л а*), или другой согласный (напр. в е с *л а*); можно предполагать, что здѣсь произошло расширеніе явленія, т. е. что звукъ *'е* сталъ получать нюансъ е° вообще при слѣдующемъ твердомъ согласномъ. Описанному измѣненію 'е→'о подверглось не только основное *'е*, но и то *'е*, которое развивалось изъ *ъ въ эпоху образованія бѣглыхъ гласныхъ, напр. п *е* с ъ (ст.-сл. пьсъ). Слѣдуетъ думать, что гласный *ъ расширялся не одинаково передъ мягкими и твердыми согласными, при чемъ болѣе широкая его разновидность присоединилась къ процессу измѣненія основного *'е* въ *'о*.

Особенность представляютъ такіе случаи, какъ: т в *е* р-д ы й, т *е* м н ы й и т. д. Въ прарусскомъ языкѣ здѣсь группа внутреннихъ согласныхъ была раздѣлена краткимъ гласнымъ *ъ*, такъ что основа приведенныхъ словъ имѣла слѣдующій видъ: *т в ъ р ꙑ д-, *т ъ м ꙑ н-. Слѣдуетъ думать, что здѣсь слабое ꙑ стало исчезать раньше, чѣмъ между другими согласными; благодаря этому, мягкій согласный здѣсь рано пришелъ въ соприкосновеніе съ послѣдующимъ твердымъ (отъ котораго раньше отдѣлялся посредствомъ ъ) и ассимилировался ему по твердости. Очевидно, что эта ассимиляція успѣла произойти до эпохи измѣненія 'е→'о, такъ что *'е* предшествовавшее отвердѣвшему согласному присоединилось къ этому процессу.[1]) Съ другой стороны, такое же раннее исчезновеніе *ъ* между согласными, изъ которыхъ послѣдующій былъ мягкимъ (напр.

[1]) Если однако за слогомъ *р*ъ слѣдовалъ не передне-язычный, а губной или заднеязычный твердый согласный, то *р'* сохранялъ свою мягкость, потому и не происходило измѣненія 'е → 'о, срв. п *е* р в ы й, в *е* р х ъ и т. д.; вполнѣ понятно, что это измѣненіе не происходило также въ томъ случаѣ, если послѣдующій согласный былъ мягкій.

*л ъ г ꙑ ч е), повело къ ассимиляціи перваго согласнаго второму по мягкости (*лекче* или *лехче*); по этой причинѣ предшествующее *'е*, очутившись передъ смягченнымъ согласнымъ, не могло уже примкнуть къ процессу измѣненія 'е→'о.

Такіе случаи, какъ о т *е* ц ъ, гдѣ не смотря на ударенность гласнаго *е* и твердость слѣдующаго согласнаго, не произошло измѣненія 'е→'о, объясняются тѣмъ, что въ ту эпоху согласный *ц* былъ еще мягкимъ, когда же онъ отвердѣлъ, процессъ измѣненія 'е→'о уже миновалъ и вліяніе твердаго согласнаго на предшествующее 'е могло проявиться только въ нѣкоторомъ расширеніи этого послѣдняго. Напротивъ того, передъ твердыми шипящими (*ш* и *ж*) мы обычно встрѣчаемъ 'о (благодаря вліянію аналогіи), хотя они въ эпоху измѣненія 'е→'о вѣроятно были также мягкими, какъ и *ц*.

Изъ того обстоятельства, что *'е* изъ *ѣ не подверглось измѣненію въ *'о*, слѣдуетъ заключить, что въ разсматриваемую эпоху произношеніе его отличалось какъ отъ основного *'е*, такъ и отъ *'е*, развивавшагося изъ *ъ.

Можно думать, что къ эпохѣ *Остромирова Евангелія* процессъ измѣненія *'е→'о* въ сѣверно-русской діалектической области уже совершился (срв. такія написанія въ Остром. Ев., какъ иєрданъ, иєрданьскаꙗ, єрданьсцѣи=греч. *τὸν Ἰορδάνην* и пр., изъ которыхъ можно заключить о произношеніи въ этихъ словахъ буквы є какъ *jo*), а потому становится вѣроятнымъ, что дьяконъ Григорій, списывавшій это Евангеліе, уже произносилъ въ обыденной рѣчи 'о вм. 'е въ указанныхъ положеніяхъ, напр. *л'óн*, м'*óду*, н'*осу* и т. п., хотя на письмѣ и пользовался въ такихъ случаяхъ, соотвѣтственно тогдашнему правописанію, буквами є и ь.

Описанный нами процессъ измѣненія 'е→'о происходилъ также въ южнорусской вѣтви, хотя съ значительными отличіями по сравненію съ сѣверно-русской. Прежде всего—этотъ процессъ въ южнорусской языковой области не былъ столь

широко развитъ, какъ въ сѣверной, ограничиваясь слѣдующими случаями:

1) Основное *'е* измѣнилось въ *'о* въ тѣхъ полузакрытыхъ слогахъ, которые заканчивались посредствомъ ъ; по мѣрѣ ослабленія послѣдняго предшествующій гласный удлинялся и переходилъ въ дифтонгъ ịe. Первый компонентъ этого дифтонга поддерживалъ мягкость предшествующаго согласнаго, а второй (т. е. *е*) подъ вліяніемъ слѣдующаго лябіализованнаго твердаго согласнаго подвергался процессу измѣненія *'е—'о*, напр. *п'ịе̊съ.[1]) Въ современномъ малорусскомъ языкѣ мы уже не встрѣчаемъ этого *о*, такъ какъ оно, совпавъ съ основно-русскимъ *о* въ такомъ же положеніи, стало сходно съ нимъ измѣняться дальше и, пройдя стадію ў (срв. *будеть чтюнъ*, Гал.-волын. грам. 1398 г.), дало въ результатѣ *'і* (п'іс). Разница между этимъ *і* и тѣмъ, которое получилось отъ основнаго *о* (ніс←*носъ) заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ согласный не развилъ такого смягченія, являясь теперь обычно только полумягкимъ.

2) Основное *'е* измѣнилось въ *'о* въ тѣхъ открытыхъ слогахъ внутри слова, гдѣ ему предшествовалъ шипящій согласный, а слѣдующій слогъ не содержалъ палятальнаго гласнаго, срв. соврем. малорус. *ш о н ó* ‖ *п ш е н и́ ц я*, *ж о н á* ‖ *ж е н и́ х*, *ч о л ó*. Это измѣненіе объясняется тѣмъ, что шипящіе согласные, по самой своей природѣ склонные къ лябіализаціи, въ это время имѣли еще полную мягкость, необходимую для измѣненія *'е — 'о*, между тѣмъ какъ сочетанія основного *е* съ

---

[1]) Если же слѣдующій за дифтонгомъ согласный былъ мягокъ, то второй компонентъ дифтонга не измѣнялся въ *о*, а мало-по-малу съуживался и такимъ образомъ этотъ дифтонгъ совпалъ съ тѣмъ, который произошелъ изъ древняго или общеславянскаго ē (*ѣ*), срв. соврем. малор. п' *і* ч («печь») и п' *і* j а т і («пѣть»). Что касается основно-русскаго *е* въ открытыхъ слогахъ внутри слова, то въ этомъ случаѣ не происходило удлиненія и указанной дифтонгизаціи гласнаго, поддерживавшей мягкость предшествующаго согласнаго, а потому такіе слоги подверглись обычному въ южнорусской вѣтви отвердѣнію, срв. *пэсу́* ‖ *п'іс* (←п'ўс←п'jёс).

предшествующими иными согласными въ тѣхъ же условіяхъ уже подверглись процессу отвердѣнія и потому не могли слѣдовать процессу измѣненія *'е—'о*, срв. соврем. малор. п э с у́, м э́ д у, р э́ б р а (э передъ группой согласныхъ въ первично-закрытомъ слогѣ) и т. п.

3) Гласный *'е* получившійся изъ *ь, измѣнялся въ *'о* лишь послѣ шипящихъ согласныхъ и притомъ во вторично-закрытыхъ слогахъ, напр. ч'орний, ш'ол (соврем. ш'ów). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ измѣненія *'е* въ *'о* не послѣдовало по той же причинѣ, которая указана выше по отношенію къ основному *е* въ открытыхъ слогахъ.

Описаніемъ процесса измѣненія *'е—'о* мы и заканчиваемъ обзоръ фонетическаго состоянія русскаго праязыка, такъ какъ дальнѣйшіе процессы совершались уже въ историческое время и запечатлѣны въ памятникахъ письменности.

Что касается м о р ф о л о г и ч е с к и х ъ процессовъ, совершавшихся въ прарусскомъ языкѣ, то они продолжали собою тѣ тенденціи, какія намѣтились еще въ праславянскомъ. Здѣсь мы ограничиваемся характеристикою того пути, которому слѣдовала эволюція склоненій, начиная съ эпохи аріо-европейскаго единства и кончая прарусскимъ состояніемъ.

Уже въ аріо-европейскомъ праязыкѣ склоненія именъ существительныхъ до нѣкоторой степени дифференцировались по родамъ. Такъ, слова, оканчивавшіяся въ И. ед. на *-ŏ-s, принадлежали къ муж. роду, на *-ŏ-m къ среднему и на *-ā къ женскому. Но кромѣ того существовали и такіе типы склоненій, къ которымъ принадлежали слова разныхъ родовъ; сюда относятся слова съ основами на согласный (всѣхъ трехъ родовъ), на -ĭ- и -ŭ- (также всѣхъ трехъ родовъ), на -ī- и -ū- (преимущественно жен. рода и отчасти муж. рода). Какъ мы уже знаемъ, первая группа, т. е. *слова съ древними основами на гласные*, дошла до прарусскаго языка съ окончаніями въ И. ед. -ъ ‖ -ь, -о ‖ е, -а, при чемъ первоначальные тематическіе гласные вошли въ составъ окончаній. Слѣдующая

группа, т. е. *слова съ первоначальными согласными основами*, большею частію перешла въ гласное склоненіе соотвѣтствующаго рода (примѣры см. на стр. 194 — 195), сохранившись въ пережиткахъ т. наз. склоненія съ наращеніемъ, которое впрочемъ также проявляетъ тенденцію къ переходу въ гласныя склоненія, смѣняя при этомъ первичное окончаніе Р. ед. *-е* на другія.[1]) Третья группа именъ (съ основами на -ŭ- и -ĭ-), подверглась болѣе сложному процессу: прежде всего изъ нея исчезли слова ж. и ср. рода съ основами на -ŭ- и слова ср. р. съ основою на -ĭ-; затѣмъ оставшіяся *слова съ основою на -ŭ- м. р.* начали смѣшиваться со словами первой группы, оканчивавшимися въ И. ед. на -ъ, а *слова м. р. съ основою на -ĭ-* стали переходить въ соотвѣтствующее мягкое склоненіе той же первой группы и лишь немногія слова, не поддавшіяся этой аналогіи, напр. *путь, зять* и нѣк. др., остались пережитками прежняго склоненія; что же касается *словъ ж. р. съ основою на -ĭ-*, то они составили особое склоненіе, существующее и до сихъ поръ. Наконецъ, *древнія основы на -ū- и -ī-* ко временамъ русскаго праязыка уже утратили муж. родъ, а оставшіяся слова ж. р. стали переходить въ другія гласныя склоненія соотвѣтствующаго рода (срв. ст.-сл. **любы** || соврем. рус. любовь, **рабыни** || рабыня). Такимъ образомъ, въ эпоху русскаго праязыка мы застаемъ дифференцированными по родамъ и тѣ склоненія, которыя въ аріо-европейскомъ праязыкѣ такой

[1]) Срв. ст.-сл. **камы** (Р. ед. **камен-є**) || рус. камень (Р. ед. камня)
врѣмѧ (**врѣмен-є**) || время (времени, а въ просторѣчіи «время», срв. «*время* пѣть»)
прасѧ (**прасѧт-є**) || поросенокъ, мн. порося (И. мн. поросята)
мати (**матер-є**) || мать или матерь (Р. ед. матери)
слово (**словес-є**) || слово (Р. ед. слова).
небо (**небес-є**) || небо (Р. ед. нёба, И. мн. небеса).

дифференціаціи не имѣли; недифференцированными остались лишь немногіе пережитки, продолжавшіе тотъ же процессъ уже въ историческое время, къ которому мы и переходимъ.

* * *

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

Историческое время развитія русскаго языка начинается собственно со второй половины XI в., отъ которой до насъ сохранились древнѣйшіе письменные памятники.[1]) Строго говоря, памятники эти лишь отчасти отражаютъ состояніе русскаго языка того времени, такъ какъ всѣ они не представляютъ собою настоящихъ русскихъ книгъ, а только списки со старо-славянскихъ оригиналовъ русскими людьми. Правда, старо-славянскій языкъ былъ настолько близокъ тогдашнему русскому, что для пониманія церковно-славянскаго текста не требовалось спеціальнаго перевода, но тѣмъ не менѣе извѣстныя различія между этими языками существовали. А разъ это такъ, то русскіе люди, читая произведенія старо-славянской письменности, невольно допускали въ своемъ произношеніи особенности русской рѣчи, а переписывая, легко впадали въ ошибки противъ оригинала, подставляя тамъ и сямъ написанія, болѣе соотвѣтствовавшія русскому произношенію. Именно на основаніи такого рода отступленій отъ древняго церковно-славянскаго текста изслѣдователь и можетъ до нѣкоторой степени составить себѣ представленія о древнѣйшей исторической эпохѣ русскаго языка. Для дальнѣйшихъ эпохъ въ распоряженіи изслѣдователя имѣются уже и другіе памятники, не списанные со старо-славянскаго текста, но само-

[1]) О болѣе раннихъ письменныхъ памятникахъ, не дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ, см. въ сочиненіи: Срезневскій И. И., Славянорусская палеографія XI—XIV вв. Лекціи, читанныя въ С.-Пб. Унив. въ 1865—1880 гг. Спб. 1885, стр. 95—99.

стоятельно составленные, съ большею или меньшею однакожъ примѣсью старо-славянскаго элемента, обусловленною привычкой къ старо-славянскимъ написаніямъ. Излагая ходъ развитія русскаго языка въ историческое время, мы расположимъ матеріалъ по столѣтіямъ, при чемъ будемъ подводить итоги въ каждомъ изъ нихъ тѣмъ новымъ чертамъ, которыя выступаютъ въ памятникахъ соотвѣтствующаго вѣка, начиная съ половины XI в. и кончая нашимъ временемъ.

XI-ый вѣкъ.

Число датированныхъ письменныхъ памятниковъ, относящихся къ данному столѣтію, очень ограничено, не болѣе семи; кромѣ того къ этому же столѣтію относятъ нѣсколько памятниковъ, не имѣющихъ даты. Важнѣйшими памятниками являются слѣдующіе: Остромирово Евангеліе (1050—1057 г.), Минеи (1095, 1096 и 1097 г.), два Сборника Святослава (1073 и 1076 г.) и нѣк. др. [1]) По мѣсту своего присхожденія первые два изъ названныхъ памятниковъ писаны въ Новгородѣ, а послѣдніе, т. е. оба Сборника Святославовы — въ Кіевѣ. Въ зависимости отъ этого указанныя двѣ группы памятниковъ кромѣ общерусскихъ чертъ содержатъ и нѣкоторыя такія, которыя отражаютъ діалектическія особенности соотвѣтствующихъ нарѣчій того времени. Конечно, этимъ не ограничивалось діалектическое разнообразіе русскаго языка XI-го вѣка, но изслѣдователь лишенъ возможности говорить о другихъ нарѣчіяхъ даннаго вѣка по отсутствію для нихъ письменныхъ памятниковъ. Въ своемъ изложеніи мы остановимся сначала на чертахъ общерусскихъ, а затѣмъ отмѣтимъ и черты діалектическія.

[1]) Изъ этихъ памятниковъ Остромирово Евангеліе хранится нынѣ въ Императ. Публичн. Библ. въ С.-Петербургѣ, такъ же какъ и Сборникъ 1076 г., Минеи — въ библіотекѣ Синодальной Типографіи (въ Типографск. Библ.) въ Москвѣ, а Сборникъ 1073 г.—въ Москвѣ въ Синодальной Библ. Въ качествѣ пособія при изученіи текстовъ можетъ служить образцово составленная проф. Н. М. Каринскимъ Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ, ч. 1-ая: Древнѣйшіе памятники (1911)².

Указывая общерусскія языковыя черты, свойственныя XI-ому вѣку, мы должны оговориться, что намъ снова придется останавливаться на нѣкоторыхъ уже разсмотрѣнныхъ явленіяхъ, которыя отъ временъ прарусскаго языка сохранились до изучаемаго времени, отразившись въ письменныхъ памятникахъ этого вѣка. Кромѣ этихъ явленій, для которыхъ мы можемъ ограничиться иногда простымъ приведеніемъ примѣровъ, намъ придется отмѣтить и такія явленія, которыя возникли позже, такъ какъ время XI-го вѣка не непосредственно примыкаетъ къ прарусской эпохѣ, но отдѣлено отъ послѣдней нѣкоторымъ періодомъ, отъ котораго мы не имѣемъ письменныхъ памятниковъ и въ теченіе котораго происходило разселеніе и діалектическое дробленіе русской вѣтви славянства. [1]) Эти послѣднія явленія мы разсмотримъ уже съ большей обстоятельностью и постараемся разъяснить способъ ихъ происхожденія. Въ общемъ итогѣ русскій языкъ XI-го вѣка характеризуется слѣдующими чертами фонетическими и морфологическо-синтаксическими, по-скольку онѣ отражаются въ памят-

[1]) Срв. статью А. А. Шахматова Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (Ж. М. Н. Пр. 1899 г., апр.), гдѣ авторъ старается раскрыть соотношеніе между племенами начальной лѣтописи и современными нарѣчіями и говорами русскаго языка. Эти же вопросы, главнымъ образомъ въ отношеніи малорусскаго языка, еще раньше обсуждались въ статьѣ К. П. Михальчука Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины (см. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Импер. русскимъ геогр. общ., т. VII—2, 1877 г., стр. 453 сл.). См. далѣе статью Д. Ушакова—Нарѣчія русскаго языка и русскія народности (въ Книгѣ для чтенія по русской исторіи, ред. проф. Довнаръ-Запольскаго т. I, 1904 г., стр. 153—176). Небольшая статья В. А. Городцова Древнее населеніе Рязанской области (Изв. Акад. Наукъ, XIII—4, 1909 г.) живо и наглядно рисуетъ, какъ тѣ же вопросы могутъ получать освѣщеніе на основаніи археологическихъ раскопокъ.

никахъ этого вѣка: 1) *ж* и *ч* (въ соотвѣтствіи съ ст.-слав. жд и шт, изъ праслав. *dj и *tj); 2) звуки чистыхъ гласныхъ вмѣсто носовыхъ; 3) полногласіе; 4) сложившееся уже явленіе бѣглыхъ гласныхъ; 5) случаи *ё* изъ *е*; 6) существованіе мягкихъ губныхъ и передне-язычныхъ, а также вѣроятно уже съ нѣкоторой мягкостью и задне-язычныхъ; 7) частичное смѣшеніе нѣкоторыхъ типовъ и формъ въ склоненіи существительныхъ подъ вліяніемъ факторовъ аналогіи и дифференціаціи, а также фонетическихъ измѣненій; 8) склоненіе простыхъ прилагательныхъ по всѣмъ падежамъ; существованіе въ сложномъ склоненіи длинныхъ окончаній и начало вліянія на него мѣстоименнаго склоненія; 9) существованіе разнообразныхъ типовъ образованія прошедшихъ временъ и прич. наст. дѣйств. на *а-*, *-аи*. Перейдемъ теперь къ частному разсмотрѣнію указанныхъ явленій. [1])

1) Примѣры *ж* и *ч*, ошибочно поставленныхъ на мѣстѣ старо-славянскихъ жд и шт: заблѫ*ж*ъшиихъ, прѣ*ж*е, ро*ж*еныи, прихо*ж*ѫ (Остр. Ев.), зи*ж*ѫштеи, клеве*ч*ѫть, трепе*ч*уште (Изб. 1073), невѣ*ж*а (Мин. 1095) и др.

2) Примѣры начертаній чистыхъ гласныхъ на мѣстѣ знаковъ носовыхъ гласныхъ и обратно: бо*ю*сѧ || боѭсѧ, *я*зыкъ || ꙗзыкъ (Остр. Ев.), бѧаше (Изб. 1073), крьштѧти сѧ (Сб. 1076), дьѧволъ (Мин. 1095) и т. п.

---

[1]) Приводя примѣры, мы опускаемъ надстрочные значки, ставившіеся въ извѣстныхъ случаяхъ надъ буквами, удерживая ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на нихъ опирается какой-нибудь фонетическій выводъ, а также для большей простоты вмѣсто буквы ꙗ будемъ писать *я*, вм. ОУ — *у*, такъ какъ подобныя детали письма относятся къ палеографіи. Для изученія древне-русской письменности съ этой послѣдней стороны укажемъ слѣдующіе труды: Срезневскій И. И. Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. С.-Пб. 1885; Соболевскій А. И. Славяно-русская палеографія (лекціи), съ 20 палеографическими таблицами. С.-Пб. 1908²; Карскій Е. Ѳ. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Изъ лекцій, читанныхъ въ Варшав. Ун-тѣ. Варшава 1901.

3) Примѣры словъ съ первымъ полногласіемъ вмѣсто ст.-сл. перестановки: во*ло*димира, нов*ѣ*г*оро*дѣ, п*ере*гнжвъ (Остр. Ев.), п*оло*нъ „плѣнъ“, п*оло*ньникъ (Изб. 1073), законъ х*оро*нити „хранить“, доброн*оро*вие, в*ере*дихъ „вредилъ“ (Сб. 1076) и т. д.

4) Примѣры, доказывающіе, что старо-славянскимъ ъ и ь уже въ XI вѣкѣ соотвѣтствовали въ русскомъ языкѣ въ однихъ условіяхъ (болѣе сильныхъ)—гласные типа *о* и *е*, а въ другихъ (болѣе слабыхъ) — отсутствіе гласнаго: а) ст.-сл. „смоквьница“ встрѣчается въ Остр. Ев. также и съ буквою *о*—смоковьница; тамъ же окончаніе Тв. ед. въ склоненіи типа „рабъ“ встрѣчается въ видѣ -ъмь || -*о*мь; подобнымъ образомъ находимъ чередованіе окончаній -ьмь || -*е*мь (именъмь || именемь), -ьхъ || -ехъ (ꙗсльхъ || ꙗслехъ) и т. п.; б) вм. обычнаго „кънигы“ въ Остр. Ев. встрѣчаемъ также книгы (тоже въ послѣсл. къ Изб. 1073—книгамъ) или вм. „сътвори“—створи [1]) и, наоборотъ, вм. обычнаго „ѥгда“ одинъ разъ встрѣчается написаніе ѥгъда, т. е. съ лишнимъ ъ, доказывающее, что въ этомъ положеніи ъ уже не имѣлъ звукового значенія, а являлся лишь показателемъ твердости предшествующаго согласнаго и игралъ слогоотдѣлительную роль; такія написанія, какъ всакъ вм. „вьсакъ“ (т. е. всякій), доказываютъ, что на мѣстѣ прежняго слабаго ь уже не произносился гласный, самое же начертаніе ь обозначало лишь мягкость согласнаго. [2])

---

[1]) Срв. еще въ Изб. 1076 г.: не въздати зъла за зло.

[2]) Иногда на мѣстѣ пропущенныхъ начертаній ъ и ь ставился надстрочный значекъ ‘ или ’ надъ буквой предшествующаго согласнаго. Относительно употребленія этихъ значковъ въ Остром. Ев. А. Х. Востоковъ замѣчаетъ: «въ первой половинѣ Остромирова Евангелія употреблена кавычка ‘ вмѣсто ъра: испъл‘ниѥнж, а кавычка ’ вмѣсто ьря: в’сакъ, также вм. ꙇ, т. е. і слитнаго: е’мл’ете. Но во второй половинѣ сего Евангелія не встрѣчается уже такого различія между ‘ и ’, а употребляется первый знакъ и вмѣсто ьря или ꙇ, напр. бл҃гословл‘ени». (Грамматика Церковно-Славянскаго языка изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ, 1863, стр. 5—6).

Присоединимъ еще примѣры отраженія памятниками изучаемаго вѣка т. наз. „второго" полногласія, подтверждающіе вмѣстѣ съ тѣмъ высказанное соображеніе о рефлексахъ ъ и ь въ русскомъ языкѣ XI в.; такъ, въ Остр. Ев. при ст.-слав. формѣ „влъкъ" встрѣчается также вълˇкъ, или при „връху"— полногласная форма върьхѫ (ѫ вм. у), чередующаяся съ написаніемъ върˇху и просто върха;[1]) отсюда мы видимъ, что и въ случаяхъ второго полногласія вторые ъ и ь уже не произносились, хотя въ нѣкоторыхъ группахъ согласныхъ иногда и могъ слышаться мимолетный переходный гласный, какъ иногда случается и въ современномъ языкѣ въ качествѣ индивидуальной особенности; что же касается первыхъ ъ и ь, то на мѣстѣ ихъ — надо думать — произносились уже *о* и *е* (срв. написаніе жестосеръдымъ Д. мн., въ Мин. 1095 г.). Исчезновеніе ъ и ь повело къ тому, что въ языкѣ снова появились закрытые слоги, которые заканчивались тогда какъ глухими, такъ и звонкими согласными. Послѣдніе со временемъ, находясь въ концѣ слова или внутри передъ глухими немъ, приглушаются, но не слѣдуетъ думать, что это приглушеніе наступило непосредственно вслѣдъ за исчезновеніемъ ъ и ь, ибо діалектически (въ малорусскомъ) звонкость ихъ сохраняется даже до настоящаго времени. Что касается согласнаго *в*, то онъ вмѣсто приглушенія подвергался діалектически измѣненію въ полугласный *w* (ў), о чемъ быть можетъ свидѣтельствуютъ такіе случаи въ Изб. 1073 г., какъ *у*сел'енуюю „вселенную" (л. 9г) рядомъ съ написаніемъ *въ* вм. *у*, напр. „и *въ*годьно будеть богу" (35б);[2]) въ тѣхъ же діалектахъ, гдѣ такого измѣненія *в* въ полугласный не было,

[1]) Примѣровъ этого рода написаній довольно много какъ въ Остром. Ев., такъ и въ прочихъ памятникахъ XI в.

[2]) Отмѣтимъ однако написаніе **оуселєнѣѭ** (В. ед.) также въ *Мар. Ев.* (Лук. II, 1), т. е. старо-славянскомъ памятникѣ не-русской редакціи; второе же слово съ начальнымъ *v* встрѣчается еще въ чешскомъ (vhodný). Въ обоихъ случаяхъ можно видѣть чередованіе префиксовъ *въ* и *у*.

приглушеніе этого согласнаго, какъ и другихъ звонкихъ согласныхъ, послѣдовало позже.

5) Въ XI вѣкѣ уже существовали въ языкѣ мягкіе согласные передне-язычные и губные. Доказательствомъ существованія указанныхъ смягченныхъ согласныхъ въ разсматриваемую эпоху служатъ такіе примѣры, какъ и*д*яаше, жи*в*яаше, и*м*яаше (Остр. Ев.), *б*лаше (Изб. 1073 г.) и т. п. Эти написанія свидѣтельствуютъ о существованіи въ это время въ русскомъ языкѣ мягкихъ *д*, *в*, *м* и пр. Единственнымъ же источникомъ для возникновенія мягкости этихъ согласныхъ, какъ мы знаемъ, могли быть лишь смягчающіе гласные, въ томъ числѣ *ь*. Поэтому въ памятникахъ даннаго столѣтія сѣверныхъ, отчасти и южныхъ, встрѣчаемъ также случаи написанія буквы ѥ вм. *е* послѣ начертаній согласныхъ звуковъ, напр. достанѥть (Остром. Ев.), камѥни (Мин. 1905 г.), умножитѥ (Изб. 1073 г.) и т. п. Въ Изборникѣ 1073 г. кромѣ того мягкость согласнаго отмѣчается иногда особо передъ *ѣ*, напр. прогн'ѣвахомъ (Изб. 1073 г., л. 80в), гн'ѣва'етьсѧ (ib. 69б).

Что касается задне-язычныхъ согласныхъ, то есть основаніе думать, что въ XI в. діалектически начинаютъ появляться случаи нѣкоторой мягкости задне-язычныхъ согласныхъ въ сочетаніяхъ *кы*, *гы*, *хы*, въ которыхъ одновременно съ измѣненіемъ *ы* въ сторону *і* соотвѣтственно перемѣщалась впередъ и артикуляція указанныхъ согласныхъ; правда, примѣры, подтверждающіе это явленіе, относятся къ области заимствованныхъ словъ (таковы напр.—с*ки*ния Остр., с*ки*птръ Мин. 1097), но тѣмъ не менѣе смягченное *к* уже существовало въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ, ибо оно уже появляется на мѣстѣ *ц* въ формѣ Д. Предл. ед. склоненія на *-а*, напр. дъмъкѣ вм. *дъмъцѣ (собственное имя) въ Мин. 1096 г. [1]) Необходимо еще отмѣтить присутствіе формъ Д.

[1]) Именно — въ записи: ст҃ая б҃це помагаи рабу своему дъмъкѣ на мънога лѣта аминъ.

и Предл. ед. съ окончаніемъ -*кѣ* вм. -*цѣ* отъ прилагательныхъ на -*скъ* въ Изборн. 1073 г.: противу золобѣ ж е н ь с *к ѣ* (л. 174г), въ ч҃л҃ч с *к ѣ* и души (132б).

6) Въ разсматриваемомъ столѣтіи на мѣстѣ основно-русскаго *е* при нѣкоторыхъ условіяхъ уже произносился гласный болѣе или менѣе близкій къ *о*, о чемъ подробнѣе излагалось раньше (стр. 424 сл.); кромѣ приведенныхъ тамъ примѣровъ укажемъ в а с и л *и'о* в о (Изб. 1073, л. 124в) || в а с и *л е* в о (ib. 125б). Первое написаніе встрѣчается только разъ и является ошибочнымъ противъ старо-славянской ореографіи, очевидно отражая собою произношеніе писавшаго. Въ написаніи того же памятника ч*е*ловѣкомъ (153б) буква *е* послѣ шипящаго выражала гласный *'о*; впрочемъ въ памятникѣ встрѣчается и написаніе ч*о*ловѣка (179г); такое же произношеніе слѣдуетъ приписать и написанію *че* въ словѣ в р а ч *е в ъ*, Р. мн. (ib. 48г).

7) Смѣшеніе нѣкоторыхъ типовъ и формъ склоненія существительныхъ, начавшееся, какъ мы видѣли (стр. 413), еще въ славянскомъ праязыкѣ, къ половинѣ XI в. достигло въ русскомъ языкѣ болѣе значительной степени. Такъ, типы „рабъ" и „сынъ" кромѣ И. В. ед. смѣшиваются еще и въ нѣкоторыхъ другихъ падежахъ вслѣдствіе дальнѣйшаго распространенія окончаній второго типа на первый; сюда относятся падежи Р. ед. и мн.; такъ, въ Изб. 1073 г. (л. 218г) читаемъ вмѣсто „отъ льна"—„отъ л ь н *у*" [1]), вмѣсто „плодъ" или „трудъ" — „п л о д *о в ъ*" и „т р у д *о в ъ*" (84б), также—„ч а р *о в ъ*" вм. чаръ (78г), „г р ѣ х *о в ъ*" (69б) при параллельной формѣ „г р ѣ х ъ" (48б); [2]) въ мягкомъ склоненіи аналогичное окончаніе пишется черезъ -*евъ*, напр. „в р а ч *е в ъ*",

---

[1]) іепискуповъ же омофоръ же· отъ влъны сы· а не *отъ льну* овьчиньную кожу назнаменуютъ.

[2]) По-видимому, окончаніе -*овъ* раньше всего появляется въ тѣхъ именахъ, въ которыхъ удареніе во мн. ч. падало на падежное окончаніе.

(л. 48г) (окончанія -*у* и -*овъ* || -*евъ* перенесены изъ второго типа). [1]) Съ другой стороны и во второмъ типѣ встрѣчаемъ въ тѣхъ же падежахъ окончанія перваго типа, напр. въ Остром. Ев.— Р. ед. „врьх*а*" на ряду съ „д о в р ь х *у*" (слово это первоначально принадлежало въ склоненію основъ на -й-, срв. литов. viršùs); можно предположить, судя по современнымъ результатамъ, что уже тогда начала создаваться диференціація окончаній -*а* и -*у* по особымъ оттѣнкамъ значенія и другимъ условіямъ употребленія, независимо отъ первоначальной принадлежности слова къ тому или другому склоненію. [2]) Кромѣ смѣшенія указанныхъ типовъ именъ существительныхъ муж. рода мы встрѣчаемъ смѣшеніе и въ именахъ существительныхъ ср. р. между типами „тѣло" (основа содержала суффиксальный слогъ -ес-) и „лѣто" (безъ такого слога); срв. въ Изб. 1073 г., л. 246, гдѣ встрѣчаемъ формы: тѣл*есе* (Р. ед.), тѣл*еса* (И. В. мн.), тѣл*есъ* (Р. мн.) || тѣлу (Д. ед.), тѣлъмь (Тв. ед.). Толчокъ къ такому смѣшенію далъ И. В. ед., совпавшій въ обоихъ типахъ уже въ слав. праязыкѣ. Что же касается склоненія существительныхъ жен. рода на -*я* (-*а*), то въ немъ также начинаютъ появляться случаи смѣшенія нѣкоторыхъ падежныхъ формъ съ другими типами. Прежде всего въ Род. ед. мягкаго склоненія рядомъ съ окончаніемъ -*я* || -*ѣ* появляются формы на -*и*, по всей вѣ-

---

[1]) Въ Д. ед. «раб*у*» и т. п. окончаніе -*у*, вѣроятно, также заимствовано изъ второго типа (см. наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку, 1910³, стр. 406—407) и притомъ, надо думать, раньше приведенныхъ случаевъ, такъ какъ уже совершенно вышла изъ употребленія первоначальная форма Д. ед. перваго типа. Кромѣ окончанія -*у* распространялось изъ того же источника и другое окончаніе -*ови*; такъ въ Остр. Ев. встрѣчается б о г *у* и б о г *о в и* (т. е. подобно формамъ—сын*у* и сын*ови*).

[2]) Такъ, въ примѣрѣ «отъ льн*у*» мы видимъ сочетаніе вещественнаго названія съ предлогомъ исходнаго значенія, а затѣмъ присоединяются и другіе оттѣнки значенія и вообще другіе моменты; такъ, въ XIV в. мы уже встрѣчаемъ: со брег*у*, до търг*у*, т. е. исходный и достигательный оттѣнки значенія отъ именъ, не принадлежащихъ къ названіямъ вещественнымъ, и т. п.

роятности подъ вліяніемъ склоненія словъ того же рода на *-ь* (напр. дверь, кость), благодаря чему получалась гармонія съ соотвѣтствующимъ окончаніемъ (*-ы*) твердаго склоненія; срв. въ сѣв.-рус. Род. ед. Е*ѵ*фросинн*і*, отроковичи (Мин. 1095 г.). Такимъ образомъ въ женскомъ мягкомъ склоненіи получились три одинаковыя формы для падежей Р. Д. и Предл. ед., что въ свою очередь вызывало потребность дифференцировать Род. падежъ отъ двухъ другихъ (болѣе родственныхъ между собою по смыслу); это и достигалось распространеніемъ въ этихъ послѣднихъ соотвѣтствующаго окончанія изъ твердаго склоненія, напр. въ пустын*ѣ* (Мин. 1096 г.).

Въ предшествующемъ мы отмѣтили случаи смѣшенія разныхъ типовъ склоненія; теперь же мы обратимся къ случаямъ примѣненія одной падежной формы въ двухъ разныхъ падежныхъ смыслахъ въ одномъ и томъ же типѣ. Сюда относится въ склоненіи типа „рабъ" распространеніе формы Родит. ед. на Вин. ед. въ названіяхъ лицъ и вообще одушевленныхъ предметовъ, напр. „рабъ г҃н*а* своего славить" (Изб. 1073 г., *л.* 28г). Изъ этого же примѣра легко видѣть, что замѣна прежняго Вин. ед. (сходнаго съ Имен. ед.) другимъ падежомъ была вызвана необходимостью, при свободѣ словорасположенія, внѣшнимъ образомъ отличить объектъ дѣйствія отъ субъекта, что конечно чаще всего требовалось при названіяхъ одушевленныхъ предметовъ. Въ женскомъ родѣ подобной перемѣны не требовалось, такъ какъ соотвѣтствующіе падежи уже отличались по своей формѣ; что же касается названій неодушевленныхъ предметовъ муж. рода и названій средняго рода, то они чаще выступали въ роли объектовъ дѣйствія, а потому здѣсь и не было достаточнаго повода къ новообразованіямъ. Теперь мы должны уяснить себѣ, почему языкъ воспользовался для указанной дифференціаціи И. В. ед. муж. именно формою Род. ед. Толчокъ къ такому преобразованію могъ идти отъ случаевъ, когда при дѣйствитель-

номъ глаголѣ стояло отрицаніе и названіе объекта ставилось уже въ Род. падежѣ; срв. въ Остром. Ев. (Іо. IV, 16—17) выраженія: призови м*ѫ*ж*ь* твои (Вин. ед.) || не имамъ м*ѫ*ж*а* (Род. ед.). Разсматриваемой замѣнѣ могло благопріятствовать также сходство формы В. съ Род. въ вопросительномъ мѣстоименіи („кого?"), такъ какъ одинаковость въ вопросѣ легко вызывала одинаковость и въ отвѣтѣ. [1])

Намъ осталось указать еще на замѣну окончанія ѧ въ мягкомъ склоненіи не только черезъ *-я* (*-а*), но еще и черезъ *-ѣ*, а именно въ падежахъ Р. ед. и И. В. мн. женскаго рода и В. мн. муж., напр. въ Остр. Ев.: великыя недѣл*ѣ* (Р. ед.), потъ ѥго яко капл*ѣ* кръви (И. мн.); Изб. 1073 г.: отъ троиц*ѣ* (при болѣе частомъ—„отъ троиц*а*") л. 8г, и др.

8) Прилагательныя (а также причастія) простыя въ XI в. склонялись еще по всѣмъ падежамъ подобно существительнымъ, напр.: на мъног*а* лѣта (Мин. 1096, л. 127, приписка), мъног*амъ* душамъ (Остром. Ев., запись) и т. п. Что касается сложныхъ прилагательныхъ (и причастій), то они встрѣчаются въ памятникахъ XI в. въ двоякой формѣ — съ повтореніемъ гласнаго (того же или однороднаго) передъ конечнымъ слогомъ и безъ такого повторенія, напр. обидим*а*-*а*го, сир*у*уму (Изб. 1073, л. 27б), ближьн*ю*уму (80а), храняшт*и*имъ (85б), различьн*ы*ихъ и т. д. || съмрьтьн*а*го (132г), супротивьн*ы*хъ 126г) и пр. [2])

---

1) Срв. Vondrák W. Vergleichende Slavische Grammatik, II (1908), стр. 339.

2) Въ былинной поэзіи, а также, какъ мы видѣли (стр. 359), въ нѣкоторыхъ сѣв.-влр. народныхъ говорахъ сохранились образованія съ *-ыи-* и *-ии-*; срв. въ былинѣ о Святогорѣ (Гильфердингъ, Онежскія былины, 1873 г., стр. 6):

На тыхъ горахъ высок*іи*хъ
На той на Святой Горы,
Былъ богатырь чюдн*ыи*...

Примѣчаніе. Нѣкоторые изслѣдователи окончанія *-ааго* и *-ууму* выводятъ фонетически изъ *-аего* и *-уему*, встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ старо-славянскихъ памятникахъ. Однако мы не находимъ тѣхъ общихъ фонетическихъ законовъ, къ которымъ можно было бы свести такое звуковое измѣненіе. Не считая это преобразованіе фонетическимъ, мы его объясняемъ прииоровленіемъ къ формамъ съ *-ии-*, гдѣ уже имѣлось повтореніе одного и того же гласнаго. Что касается окончаній мягкаго склоненія *-яаго*, *-юуму*, то они при нашемъ толкованіи не представлютъ затрудненія, такъ какъ гласные *'а* и *'у* (т. е. съ мягкой экскурсіей) при повтореніи или, точнѣе, продленіи могли дать лишь гласные *а* и *у* (уже безъ мягкой экскурсіи).

Рядомъ съ приведенными образованіями имѣются такія, которыя обязаны вліянію мѣстоименнаго склоненія. Сюда относятся окончанія Дат. ед. муж. и ср. на *-ому -ему*, встрѣчающіяся уже въ памятникахъ XI в., напр. благовѣрьн*ому*, ближьн*ему* (Изб. 1073) и др., по образцу мѣстоименныхъ формъ *тому*, *ему* и др. Формы Р. ед. съ окончаніями *-ого* и *-его* извѣстны за данное время лишь въ мѣстоименныхъ образованіяхъ, напр. въ Изб. 1073 г. — он*ого*, всяк*ого*, нѣк*ого*, ѥдин*ого* и пр. Кромѣ того въ И. ед. муж. рода первичное окончаніе -ы [1]) (‖ -ыи) замѣнялось черезъ *-ои* подъ вліяніемъ соотвѣтствующей формы притяжательныхъ мѣстоименій и въ гармоніи съ окончаніями *-ому* и *-ого*, срв. Мин. 1095—бл҃г*ои* чл҃колюбче. [2])

9) Въ области г л а г о л а въ памятникахъ русскаго языка

---

[1]) Мы признали первичнымъ окончаніе *-ы*, такъ какъ только оно могло произойти изъ *ъ+i; къ этому окончанію восходятъ и соотвѣтствующіе рефлексы въ современныхъ славянскихъ языкахъ, а также отчасти въ русскомъ (именно въ бѣлорусскомъ нарѣчіи); это окончаніе встрѣчается и въ памятникахъ XI в., напр. въ Остром. Еванг. с т҃ *ы* (въ записи), Мин. 1095 г. ч ь с т ь н *ы* кр҃стъ, Изб. 1073 г. ч и с т *ы* (л. 84[а]) и др. Что же касается окончанія *-ыи*, то оно представляетъ собою подновленіе ради гармоніи по виду и числу слоговъ съ другими сложными надежными формами прилагательныхъ.

[2]) Присутствіе окончанія *-ои* (И. Зв. ед. прилагат.) въ памятникѣ новгородскомъ гармонируетъ съ данными современной діалектологіи; на томъ же основаніи мы не ожидаемъ этого окончанія въ памятникахъ южнорусскихъ (срв. выше стр. 343, пунктъ 10-ый).

XI в. тѣ же временныя образованія, какъ и въ старо-славянскомъ, т. е. настоящее время, имперфектъ (прош. несоверш. съ аористическимъ окончаніемъ), перфектъ (сложное образованіе для передачи такого прошедшаго, результаты котораго еще налицо), аористъ (прош. совершенное историческое) и будущее (несовершеннаго и совершеннаго вида). Однако мы замѣчаемъ и нѣкоторыя отличія въ этихъ образованіяхъ, зависѣвшія отъ особенностей русскаго языка. Такъ, въ *имперфектѣ* вмѣсто старо-славянскаго сочетанія *-ѣа-* передъ окончаніями (напр. идѣаше 3 ед.) нерѣдко встрѣчаемъ написанія съ *-яа-*, напр. и д *я а* ш е, Остром. Ев.; кромѣ этихъ протяженныхъ формъ существуютъ еще простыя съ однимъ *-ѣ-* (напр. идѣше), которымъ въ русскомъ произношеніи вѣроятно соотвѣтствовали образованія съ гласнымъ *-'а-*, напр. и д *я* ш е, каковыя написанія и встрѣчаемъ впослѣдствіи въ качествѣ господствующихъ. Что касается сложнаго прошедшаго съ значеніемъ *перфекта* (напр. неслъ ѥсмь и т. п.), то въ немъ глаголъ „быть“ начинаетъ уже опускаться, срв. въ написи на Тмутораканскомъ камнѣ: „Глѣбъ князь м ѣ р и л ъ“ (вм. мѣрилъ ѥсть). При этомъ причастныя формы на *-лъ*, исключительно примѣнявшіяся въ сложныхъ временахъ, удерживали еще это окончаніе и тамъ, гдѣ теперь оно оказывается уже утраченнымъ, срв. въ Изб. 1073 г.: п о г р е б *л ъ*, в ъ з д р а с *л ъ* (л. 69[б]), у м ь р'*л ъ* (36[а]) и т. п. Изъ причастныхъ формъ, употреблявшихся самостоятельно, а не для образованія временъ, отмѣтимъ причастія наст. и прош. времени дѣйств. залога, которыя, совпадая своими сложными формами (напр. тек*ыи* —прич. наст. и прош.), потребовали различенія; благодаря этому мы встрѣчаемъ въ XI в. причастныя формы *наст. времени* типа „т е к *а и*“ (Изб. 1073 г., л. 247[а]), по образцу которыхъ и соотвѣтствующія простыя формы смѣнили свое *-ы* на *-а* (тек*а* вм. тек*ы*); эти замѣны произошли по аналогіи къ существовавшимъ въ языкѣ первичнымъ формамъ то-

го же причастія во второмъ спряженіи, изъ которыхъ сложныя оканчивались на -*ли* (т. е. -'ап), а краткія на -*л* (т. е. -'а).

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ относительно діалектическихъ чертъ, выступающихъ въ памятникахъ XI в. Къ такимъ чертамъ въ новгородскихъ памятникахъ нужно отнести взаимную мѣну *ц* и *ч* (срв. выше стр. 351); [1]) такъ, въ Минеѣ 1095 г. встрѣчаемъ—*ц* вм. *ч*: наставьни*ц*е (вм. -че, Зват. ед.), сли*ц*ьныя (В. мн. муж.), четверокопь*ц*ьнии и пр.; *ч* вм. *ц*: ру*ч*ѣ (двойств. число), конь*ч*и (И. мн.), про*ч*вьте и др.; само собою понятно, что эти орѳографическія погрѣшности встрѣчаются рядомъ съ правильными написаніями. Другою чертою сѣверно-русскихъ новгородскихъ памятниковъ XI в. служитъ встрѣчающаяся въ нихъ замѣна 'аС' черезъ *е* или *ѣ* (срв. стр. 350), напр.: въ Минеѣ 1095 г. — вьжд*е*дая, сугражениинъ; въ Минеѣ 1097 г.—див*ѣ*щеся; въ Путятиной Минеѣ XI в.—бол*ѣ*щиимъ). [2]) Въ аналогичныхъ условіяхъ *ѣ* замѣняется иногда черезъ *и*, напр. въ Минеѣ 1096 г.: лицем*и*рьствовавъ, тьрьп*и*ние, претьрьп*и*лъ єси, нев*и*дѣния. [3])

Что касается діалекта Изборниковъ Святослава, то уже Буслаевъ видѣлъ въ нихъ памятники южно-русскаго языка на основаніи чертъ, которыя онъ признавалъ за малорусскія;

[1]) Остромирово Ев. не знаетъ такого смѣшенія; это объясняютъ грамотностью и тщательностью работы списывавшаго, а г. Волковъ высказалъ предположеніе о не-новгородскомъ происхожденіи писца, представивъ рядъ доказательствъ: единственный примѣръ смѣшенія *ц* и *ч*—се коньчь написанъ по подескобленному; древнѣйшія новгородскія рукописи писаны менѣе крупнымъ и менѣе четкимъ уставнымъ почеркомъ (срв. напр. неискусный мелкій почеркъ новгородскихъ Миней 1095—1097 гг.); самая письменность въ Новгородѣ началась нѣсколько позже Кіева, вслѣдствіе чего послѣдній доставлялъ ему вначалѣ нужныя книги (см. Ж. М. Н. Пр. 1897 г., дек., стр. 443—446).

[2]) Соболевскій А. И. Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)[4] стр. 88.

[3]) Тамъ же стр. 35.

таковыми онъ считалъ случаи замѣны *ѣ* черезъ *и* и частое отсутствіе окончанія -*ть* въ 3 ед. наст., напр. въ Изб. 1073 г., л. $153_{г}$ — пламен*и*є („пламенѣетъ, пылаетъ") вм. пламен*ѣ*є*ть*. [1]) Однако такая характеристика діалекта Изборниковъ Святослава не раздѣляется всѣми изслѣдователями; нѣкоторые видятъ въ діалектѣ названныхъ памятниковъ предка великорусскаго юга, при чемъ полагаютъ, что малорусское нарѣчіе въ кіевскомъ краѣ утвердилось лишь позднѣе, проникнувъ сюда съ юго-запада. [2]) Къ сожалѣнію Изборники Святослава пока еще не изучены съ исчерпывающею полнотою и данныя этихъ памятниковъ еще не сопоставлены съ фактами старо-славянскаго языка, а также другихъ славянскихъ; при такой постановкѣ изслѣдованія, случаи въ родѣ указанныхъ выше—усел'еную, *в*ъгодьно потребуютъ болѣе тщательнаго обсужденія; точно также написанія кор*и*сть (Изб. 1073, л. $49^{б}$, $84^{г}$), кор*и*сти (ib. $84^{г}$) не будутъ считаться внѣ такого обслѣдованія за несомнѣнные малоруссизмы, такъ какъ именно это слово въ такомъ видѣ встрѣчается и въ Маріин. Ев.

Заканчивая обзоръ явленій русскаго языка за древнѣйшую историческую эпоху, т. е. за вторую половину XI в., мы оговоримся, что остановились на ней съ особенною подробностью въ виду того, что она представляетъ какъ бы исходную базу для изложенія дальнѣйшаго историческаго развитія русскаго языка; при обзорѣ послѣдующихъ вѣковъ мы будемъ уже болѣе кратки, ограничиваясь указаніемъ на

[1]) См. Буслаевъ Историч. Христом. (1861) — примѣчанія на стр. 278, 280 Однако формы наст. вр. безъ -*ть* извѣстны и старо-славянскимъ памятникамъ; срв. также въ записи Остром. Ев.—напише, въ записи Минеи 1095 г.—обрящe. Что касается *ѣ*, то нерѣдка это начертаніе въ Изб. 1073 г. замѣнено черезъ *е*, напр. верѹ*ѧ*, руц*е* и др.

[2]) Рѣшительнымъ защитникомъ перваго взгляда выступилъ А. Е. Крымскій въ своей статьѣ «Древне-кіевскій говоръ» (Изв. Акад. Наукъ 1906 г., т. XI, № 3, стр. 368—411); представителемъ второго взгляда является акад. А. И. Соболевскій.

появленіе новыхъ чертъ въ памятникахъ или же утрату прежнихъ, при чемъ будемъ приводить лишь древнѣйшіе примѣры. [1])

XII-ый вѣкъ.

Къ памятникамъ этого вѣка, кромѣ книгъ церковныхъ и назидательныхъ (Мстиславово Ев. около 1115 г., Галицкое Ев. 1144, Добрилово Ев. 1164 г., два новгородскихъ стихираря 1157 г. и около 1163 г.; также къ XII или XIII в. по соображеніямъ палеографическимъ въ связи съ языковыми данными относятъ Житіе Θеодосія Печерскаго, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ и нѣк. др.), принадлежатъ двѣ грамоты: кіевская—великаго князя Мстислава Владиміровича, 1130 г., и новгородская — преп. Варлаама Хутынскаго, отъ конца этого вѣка, наконецъ нѣсколько надписей, напр. на чарѣ кн. Владиміра Давыдовича до 1151 г., на крестѣ св. Ефросиніи Полоцкой 1161 г. и др.

Русскій языкъ за данное столѣтіе сохраняетъ особенности языка второй половины предшествующаго столѣтія, представляя при этомъ лишь весьма немного новыхъ чертъ; за то въ немъ появляются новые памятники—галицко-волынскіе, обнаруживающіе въ себѣ ясные признаки южнорусскаго (впослѣдствіи—малорусскаго) типа. Остановимся сначала

[1]) Мы считаемъ себя въ правѣ это сдѣлать въ своемъ Общемъ курсѣ, тѣмъ болѣе, что большія подробности читатель найдетъ въ цитировавшихся уже нами Лекціяхъ по исторіи русскаго языка акад. А. И. Соболевскаго; такъ какъ названный трудъ долженъ быть настольною книгой каждаго занимающагося исторіей русскаго языка, то мы считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на общій планъ этого труда. Въ немъ изложеніе расположено въ порядкѣ грамматическихъ категорій—фонетическихъ и морфологическихъ, при чемъ для каждой категоріи указываются примѣры не только первыхъ случаевъ появленія извѣстныхъ написаній и формъ, но также и за послѣдующія столѣтія (кромѣ того авторъ попутно указываетъ нерѣдко параллели изъ діалектологіи современнаго русскаго языка).

на первыхъ и преимущественно на грамотахъ, а затѣмъ уже обратимся къ памятникамъ галицко-волынскимъ.

Грамоты и другіе памятники разсматриваемаго времени, соотвѣтствуя въ общемъ по языку предшествующему столѣтію, тѣмъ самымъ подтверждаютъ и сдѣланные нами выводы. Такъ, напр., въ области *фонетики* мы встрѣчаемъ уже болѣе частые случаи *е* и *о* въ извѣстныхъ условіяхъ на мѣстѣ ь и ъ (противенъ—Грам. Мстисл., за Волховомъ — Вклад. Варл.) и пропускъ послѣднихъ въ другихъ условіяхъ (к˄то, в˄всеволоду—Грам. Мстисл.; к˄то, з˄лыми, в˄се — Вклад. Варл.). [1]) Въ области *морфологіи* отмѣтимъ: въ мягкомъ женскомъ склоненіи продолжаютъ встрѣчаться случаи окончанія *-и* вм. *-я* или *-ѣ* (ст.-сл. -ѧ), напр. ѡфросинь*и* Р. ед. (надп. на крестѣ), а въ Д. Предл. ед. *-ѣ* вм. *-и* въ томъ же склоненіи; въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ встрѣчается случай мѣстоименнаго окончанія *-ого* въ Р. ед.: вели*кого* (надп. на чарѣ); въ глаголахъ сложное прошедшее, служившее для передачи перфекта, попадается безъ вспомогательнаго глагола не только въ 3-емъ лицѣ, но и въ 1-омъ (конечно съ личнымъ мѣстоименіемъ, которое при сохраненіи сложной формы глагола можетъ опускаться), срв. въ Грам. Мстисл.: язъ далъ [2]) || далъ

[1]) Такое опущеніе, встрѣчающееся—какъ мы видѣли—въ XI в., обусловливалось утратою въ произношеніи соотвѣтствующихъ слабыхъ гласныхъ, хотя чаще начертанія ихъ по традиціи еще продолжали писаться. При этомъ оказывается, что нарушенія традиціи встрѣчаются преимущественно въ корняхъ, тогда какъ извѣстные суффиксы въ эту эпоху прочно удерживаютъ традиціонныя написанія вслѣдствіе частаго своего употребленія. Такъ, въ тѣхъ же памятникахъ выдерживаются суффиксальныя начертанія *-ьк-*, *-ьск-*, *-ък-*, напр. во Вкл. Варл. — рыбьная, хутиньскую, дѣвъка. Доказательствомъ же утраты слабаго ь и ъ служатъ случаи аккомодаціи согласныхъ, прежде раздѣлявшихся такимъ гласнымъ, напр. *ш*то (Добрил. Ев. 1164 г.)←что←чьто.

[2]) Данный примѣръ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ случай перваго появленія формы *язъ* (=ст.-сл. *азъ*), откуда съ утратою конечнаго *з* получи-

юсмь. Кромѣ того въ памятникахъ XII в. продолжаютъ употребляться также и аористическія образованія прош. времени, хотя въ грамотахъ они не встрѣчаются. Отсюда нѣкоторые ученые [1]) выводятъ, что эти формы въ данную эпоху уже или не существовали въ живой рѣчи, или же стали рѣдкими. Намъ кажется однако, что отсутствіе или же рѣдкость примѣненія аористическихъ образованій въ грамотахъ обусловливались самымъ смысломъ текста грамотъ, требовавшимъ употребленія перфекта, а не имперфекта или аориста. Это соображеніе подтверждается и тѣмъ, что лѣтопись Нестора, дошедшая до насъ въ спискахъ не ранѣе конца XIV в., тѣмъ не менѣе изобилуетъ еще всѣми упомянутыми глагольными формами.

Переходимъ теперь къ галицко-волынскимъ памятникамъ XII в. и отмѣтимъ діалектическія особенности ихъ по сравненію съ прежде разсмотрѣнными памятниками. Къ этимъ особенностямъ принадлежитъ прежде всего нерѣдкое написаніе *ѣ* на мѣстѣ основно-русскаго *е* передъ мягкими согласными во вторично-закрытыхъ слогахъ. [2]) Такъ, въ *Добриловомъ Евангеліи* (1164 г.) [3]) на мѣстѣ этимологическаго *е* иногда стоитъ *ѣ* въ такихъ случаяхъ, какъ напр. камѣнью, корѣнья, камѣнь, пѣщь, шѣсть, о всѣмь, по чюжѣмь, будѣть, придѣть и пр. [4]) Кромѣ того галицко-

лось *я*, быть можетъ, сначала въ случаяхъ, когда слѣдующее слово начиналось тѣмъ же согласнымъ (въ такихъ выраженіяхъ, какъ «*язъ забылъ*» и т. п.), а затѣмъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ.

[1]) Срв. Колосовъ М. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе (1872) стр. 84; Будде Е. Ѳ. въ Лекціяхъ по исторіи русскаго языка, стр. 177, допускаетъ существованіе формъ аориста, но не имперфекта, который, по его мнѣнію, можетъ быть даже и вовсе не былъ извѣстенъ въ историческое время. Кудрявскій Д. Н. Къ статистикѣ глагольныхъ формъ въ Лаврентьевской лѣтописи (Изв. отд. рус. яз. и слов. Ак. Наукъ, 1909, XIV, 2).

[2]) О происхожденіи этого явленія см. выше—сноску на стр. 427 сл.

[3]) Хранится въ Москвѣ—въ Румянцевскомъ Музеѣ.

[4]) См. Очерки по исторіи русскаго языка А. Соболевскаго (1884)

волынскіе памятники представляютъ нѣсколько другихъ особенностей, каковы—случаи замѣны сочетанія *жд* черезъ *жч* (напр. „*ижч*енуть", Галиц. Ев. 1144 г.), а также случаи постановки въ 3 ед. и мн. въ глаголахъ окончанія *-ти* вм. *-тъ* передъ мѣстоименіемъ *и*, т. е. „его" — В. ед. муж. [1]) (напр. „въдас*ти и*"—Жит. Бор. и Гл., „провожаху*ти и*"—Жит. Ѳеод.).

Примѣчаніе. Академикъ И. В. Ягичъ въ своемъ трудѣ «Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка» (1889), стр. 9 — 18, раздѣляетъ южнорусскіе памятники на два типа—собственно галицко-волынскіе или западные и кіевскіе—или восточные. Къ первымъ онъ относитъ памятники, имѣющіе не только *ѣ* вм. *е* въ извѣстныхъ условіяхъ, но также и другія только-что отмѣченныя особенности; ко вторымъ онъ причисляетъ памятники, въ которыхъ отсутствуютъ нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, благодаря чему южнорусскій восточный говоръ сближался съ центральнымъ великорусскимъ, какъ бы представляя собою естественный переходъ къ послѣднему.

XIII-ый вѣкъ.

Число памятниковъ, церковныхъ и грамотъ, дошедшихъ до насъ отъ XIII в., болѣе значительно по сравненію съ предшествующимъ столѣтіемъ; между памятниками есть также принадлежащіе новымъ діалектическимъ областямъ—смоленскіе, рязанскіе и нѣк. др., при чемъ въ грамотахъ и договорахъ встрѣчаемъ частыя нарушенія традиціонной церковно-славянской орѳографіи; съ другой стороны, изъ кіевской области памятники прекращаются, что объясняютъ запустѣніемъ этого края послѣ разоренія Кіева татарами, такъ что для юга Россіи за это время намъ извѣстны лишь памятники галицко-волынскіе, которые продолжаютъ содержать уже из-

стр. 2—4; авторъ цитируемаго сочиненія впервые подмѣтилъ и изслѣдовалъ особенности типа галицко-волынскихъ памятниковъ, что составляетъ его большую заслугу.

[1]) Эта черта встрѣчается въ памятникахъ и нѣкоторыхъ другихъ діалектическихъ районовъ, имѣя потомковъ и въ современныхъ говорахъ (См. Соболевскій А. И. Лекціи по исторіи русскаго языка, 1907[4], стр. 38).

вѣстныя намъ черты. Въ виду этого мы въ своемъ изображеніи языка даннаго столѣтія оставимъ въ сторонѣ югъ и обратимся къ характеристикѣ сѣверно-русскаго языка съ его діалектическими различіями, для чего намъ будутъ служить слѣдующіе памятники: новгородская кормчая, съ присоединеніемъ Русской Правды, около 1282 г., договоры и грамоты Новгорода;[1]) ростовское житіе Нифонта 1219 г.; рязанская кормчая 1284 г.; смоленскіе договоры 1229 г. и 1230 г. и двѣ грамоты 1284 г., а также витебская грамота ок. 1300 г.

Остановимся сначала на чертахъ болѣе или менѣе общихъ указаннымъ памятникамъ, а затѣмъ постараемся установить по мѣрѣ возможности и нѣкоторыя діалектическія особенности.

1) Изъ предъидущаго мы знаемъ, что *ъ и *ь къ данному времени успѣли уже развиться въ двѣ стороны, а именно—въ однихъ условіяхъ измѣнились въ *о* и *е*, а въ другихъ исчезли. Въ памятникахъ XIII в. мы встрѣчаемъ не только это явленіе, но еще и случаи вторичныхъ бѣглыхъ гласныхъ, возникшихъ по аналогіи къ первичнымъ бѣглымъ гласнымъ; напр. вѣ*де*ръ (Новг. Кормч.) вм. вѣдръ; съ другой стороны основное *е* слова „*камень*" становится бѣглымъ, срв. на камьни (Жит. Ниф.) вм. на камени. Благодаря процессу возникновенія бѣглыхъ гласныхъ, согласные, прежде раздѣлявшіеся слабымъ гласнымъ *ъ* или *ь*, затѣмъ исчезнувшимъ, пришли въ соприкосновеніе, а вслѣдствіе этого происходила въ соотвѣтствующихъ случаяхъ ассимиляція ихъ по звонкости, что и отражается въ письменныхъ памятникахъ даннаго вѣка, хотя самое измѣненіе могло получиться ранѣе; срв. здѣ, збирають (Новг. Кормч.), гдѣ (Жит. Ниф.).

2) Гласный *е*, измѣнившійся передъ твердыми соглас-

[1]) См. А. А. Шахматовъ Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка (1886).

ными въ *'о*, обозначается теперь нерѣдко черезъ *о* послѣ согласныхъ не-парныхъ по твердости и мягкости, т е. послѣ шипящихъ и *ц*; такое обозначеніе встрѣчаемъ напр. въ Д. ед. сложныхъ прилагательныхъ и причастій, а также извѣстныхъ притяжательныхъ мѣстоименій, напр. лежащ*о*му (Новг. Кормч.), ваш*о*му, наш*о*му (Смол. Грам. 1284 г.); подобнымъ же образомъ пишется иногда *о* вм. *е* въ окончаніи Д. мн. существительныхъ, напр. купьц*о*мъ, нѣмьц*о*мъ (Смол. Грам. 1284 г.). Послѣ другихъ согласныхъ продолжаетъ писаться *е*, срв. федоръ (тамъ-же).

3) Въ твердомъ склоненіи существительныхъ муж. рода раньше начавшіеся процессы аналогіи и дифференціаціи развиваются дальше. Такъ, напр., окончаніе *-у* стало обычнымъ для обозначенія измѣряемыхъ веществъ при количественныхъ словахъ, между тѣмъ какъ въ Предл. ед. утверждается окончаніе *-у* въ сочетаніи съ предлогами мѣстнаго значенія (*въ* и *на*), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ окончаніе необходимо сопровождалось удареніемъ; срв. Р. ед.—взяти ҃ӡ вѣдеръ солод*у*.... а горох*у* ҃ӡ уороковъ (Рус. Правда), Предл. ед.—въ пиру, на търгу (Новг. Кормч.). Рядомъ съ расширеніемъ окончанія *-у* мы видимъ расширеніе въ томъ же склоненіи и окончанія *-овъ*, которое примѣняется уже и въ случаяхъ безъ ударенія, напр. „повоз*овъ* не имати" (Новг. грам. 1270), закладник*овъ* (Новг. Догов. 1270), розбойник*овъ* (Смол. Догов. 1230). Сверхъ всего этого въ И. мн. того же склоненія утверждается по аналогіи новое окончаніе *-ы* (вм. *-и*), одинаковое съ окончаніемъ В. мн., напр. чин*ы* (Жит. Ниф.). Несомнѣнно здѣсь оказали вліяніе—твердое женское склоненіе, въ которомъ во мн. ч. уже издавна совпадали между собою названные падежи, оканчивавшіеся на *-ы*,[1]) а также то обстоятельство, что и въ са-

[1]) Совпаденіе по формѣ И. и В. мн. существовало и въ нѣкоторыхъ другихъ склоненіяхъ, а именно: въ склоненіи словъ ж. р. на -ь (напр. кость), въ склоненіи именъ ср. р. (напр. лѣто).

29*

момъ муж. родѣ существовало совпаденіе тѣхъ же падежей въ ед. ч. Упомянемъ еще, что въ мягкомъ склоненіи муж. рода въ Мѣстн. ед. встрѣчается окончаніе *-ѣ* по аналогіи къ соотвѣтствующему твердому склоненію, напр. въ Ярославлѣ (Новг. Кормч.).

Представимъ теперь нѣкоторыя особенности въ памятникахъ разсматриваемаго вѣка, позволяющія установить три діалектическія области въ сѣверно-русскомъ языкѣ: *новгородскій* говоръ, господствующій въ сѣверной полосѣ, и затѣмъ говоры *ростовско-рязанскій* и *смоленскій*, изъ которыхъ первый занималъ востокъ средней полосы тогдашней Руси, а второй—западную часть.

Въ *новгородскихъ* памятникахъ мы встрѣчаемъ по-прежнему смѣшеніе *ц* и *ч* (напр. у купчевъ, отча || проць— Догов. новгор. 1270 г.), а иногда и замѣну ударяемаго гласнаго *а* между мягкими согласными черезъ *е*, напр. освящеѥтъ (Новгор. Кормч.); въ склоненіи существительныхъ особенно замѣтно проявляется роль ударенія при дифференціаціи дублетныхъ окончаній, какъ въ мужескомъ, такъ и въ женскомъ родѣ: кромѣ указанныхъ раньше примѣровъ муж. склоненія, роль ударенія видна и при дифференціаціи окончаній *-ѣ* и *-и* въ женскомъ мягкомъ склоненіи, при чемъ въ Р. ед. присоединяется еще моментъ отличенія partitiv'наго значенія отъ обычнаго родительнаго; срв. въ Новгор. Кормч. „продажѣ г҃ гривны" — Род. partitiv. || безъ воли, не ползуеши души—обыкн. Род.

Востокъ средней полосы, занимаемый *ростовско-рязанскимъ* говоромъ, представляетъ нѣкоторое сходство съ новгородскимъ говоромъ, но не имѣетъ смѣшенія *ц* и *ч*. За отсутствіемъ спеціальныхъ изслѣдованій памятниковъ ростовскихъ и рязанскихъ, мы не въ состояніи говорить о частныхъ діалектическихъ отличіяхъ между ними; судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, въ рязанскомъ говорѣ уже происходило ослабленіе неударяемаго вокализма, но только простое, а не диссимиля-

ціонное, срв. въ Ряз. Корм. такіе примѣры, какъ: словѣсехъ, бѣсѣда (*ѣ* въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ, въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ), имѣноватися (*ѣ* во второмъ предударенномъ слогѣ, независимо отъ твердости и мягкости слѣдующаго согласнаго).

Наибольшія особенности по сравненію съ предшествующими діалектами представляетъ *западъ средне-русской полосы*, при чемъ типичными памятниками являются Смол. грамоты 1229 и 1230 гг. Изъ данныхъ этихъ памятниковъ считаю возможнымъ заключать, что здѣсь уже начались измѣненія неударяемаго вокализма какъ количественныя (т. е. въ отношеніи длительности гласныхъ), такъ и качественныя. Къ первымъ относится сокращеніе конечнаго *-и* въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ окончаніяхъ; такъ, въ догов. 1229 г. читаемъ: посулишь (вм. *-ши*, 2 ед.), усадить (вм. *ти*, неопр. накл.), въ догов. 1230 г. — поставить; одновременно съ этимъ могло происходить подобное же сокращеніе окончанія *-ои* въ Д. Мѣстн. ед. прил. ж. р., благодаря чему оно превращалось въ -oj (такое произношеніе мы приписываемъ начертанію *-ои* въ примѣрахъ—по ногатѣ смольнеск*ои*, у русск*ои* земли). Что касается качественныхъ измѣненій въ области неударяемаго вокализма, то здѣсь уже намѣчаются видоизмѣненія *е* и *о* въ зависимости отъ ихъ неударяемаго положенія, а также отъ качества ударяемыхъ гласныхъ, твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ. Гласные *е* и *о* въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ измѣняются въ направленіи диссимиляціи (расподобленія) съ ударяемымъ гласнымъ, а именно: неударяемое *е* склоняется къ *і* (пишется *ѣ*) при слѣдующемъ широкомъ ударяемомъ гласномъ, срв. утвѣрдять, дѣржати (грам. 1229 г.), сѣрѣбра (грам. 1230 г.),[1] между

---

[1]) Подтвержденіемъ того, что начертаніе *ѣ* передавало палатальный гласный близкій къ *і*, можетъ служить чередованіе написаній: Смолѣньскѣ || Смолиньскѣ (грам. 1230 г.).

тѣмъ какъ гласный *о* измѣняется въ сторону *ы* (пишется *ъ*), напр. дъ Травны, нъга (грам. 1229 г.), тъваръ (грам. 1230 г.). Далѣе, гласный *е* склонялся къ *і* въ положеніи послѣ ударенія внутри слова въ особенности передъ мягкими согласными, какъ это показываютъ написанія въ Грам. 1229 г. —останѣться, будѣть, въ Грам. 1230 г. — будѣть, берѣзѣ „берегѣ"; напротивъ того, передъ твердыми согласными *е* измѣнилось въ *'о* какъ послѣ ударенія, такъ и непосредственно передъ удареніемъ, что̀ и отразилось въ одномъ изъ списковъ (именно *Д*) грамоты 1229 г., какъ можно заключить изъ слѣдующихъ примѣровъ: старсишому, немцомъ, тажо, ожо, съ жоною, у своее жоны (въ дальнѣйшемъ это неударяемое *о* измѣняется одинаковымъ образомъ съ основнымъ *о*). [1]) Въ области консонантизма для смоленскаго говора характерными являются двѣ черты: переходъ согласнаго *в* передъ другимъ согласнымъ въ полугласный w (срв. въ Грам. 1229 г. уздумалъ, на устоко „на востокъ", узяти, усхочеть) и смѣшеніе *ц* и *ч*, подобное новгородскому, хотя по-видимому въ менѣе широкомъ объемѣ (напр. въ Грам. 1229 г. — Гочкомь ‖ Готскомь; купчемъ—Д. мн.). [2])

Примѣчаніе. Грамота 1229 г. представляетъ одно загадочное явленіе: вм. конечныхъ *-ъ* и *-ь* на ней иногда написаны *-о* и *-е* (и даже *-ѣ*), напр. берьго «берегъ», на устоко, въсхочетє ‖ въсхочетѣ ‖ усхочеть (3 ед.). По мнѣнію проф. Потебни «памятники, подобные договору Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ, убѣждаютъ, что въ XIII и XIV в. глухіе звуки въ серединѣ и на концѣ словъ произносились въ Свр., къ ко-

[1]) Примѣры заимствую изъ Критическихъ замѣтокъ по исторіи русскаго языка (1889) акад. Ягича, стр. 36—37.

[2]) Къ болѣе мелкимъ характернымъ чертамъ разсматриваемыхъ грамотъ можно отнести написанія латинескии, смольнескии (Грам. 1229 г.), показывающія, что *н* сохраняло свою мягкость передъ сочетаніемъ *ск*; срв. сохраненіе мягкости *н* передъ *ск* даже еще и теперь въ бѣлорусскихъ говорахъ, см. Карскій Е. Ѳ. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи (1886) стр. 56.

торому принадлежатъ эти памятники, какъ глухіе гласные, составляющіе слогъ». [1]) Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Приведенныя здѣсь данныя, по моему мнѣнію, свидѣтельствуютъ, что древніе глухіе звуки во многихъ случаяхъ были живы еще въ XIV — XV в., особенно въ свр. говорахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ на концѣ, въ свр. (спорадически) доходятъ вплоть до нашего времени». [2]) Однако я не раздѣляю мнѣнія проф. Потебни по данному вопросу, которое плохо оправдывается данными другихъ памятниковъ, равно какъ и современной діалектологіей, и болѣе склоняюсь къ объясненію проф. Брандта, согласующемуся и съ общими принципами звукового развитія языка: «весьма возможно—говоритъ онъ—что такія формы (т. е. берьго, будѣте и т. п.) дѣйствительно существовали въ старинномъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ. Мы уже ранѣе отмѣтили, что исходъ реченій тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующихъ за ними, и что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ: поэтому и конечные ъ и ь въ составѣ предложенія могли, даже должны были имѣть одинаковую судьбу со срединными. Въ одномъ памятникѣ мы читаемъ, напр. слѣдующее выраженіе: «не бѣ ли стронтє свою тварь» (Христ. Буслаева, Сборникъ «Златая Цѣпь»). Въ этомъ стронтє намъ нѣтъ надобности видѣть искусственное употребленіе *є* вм. ь, и мы вполнѣ можемъ допустить, что ь передъ двумя согласными долженъ былъ по старѣйшей русской фонетикѣ проясниться, и что употребленіе въ такихъ случаяхъ обычнаго окончанія *ѣ'* или *ѣ* объясняется позднѣйшимъ примѣненіемъ къ другимъ случаямъ». [3]) Съ своей стороны прибавимъ, что подобныя смѣшенія начертаній могли отчасти вызываться графической аналогіей, а также быть можетъ, и нѣкоторымъ мудрствованіемъ грамотника, для котораго смѣшиваніе отчасти эквивалентныхъ начертаній ъ ‖ *о* и ь ‖ *е* ‖ *ѣ* представляло средство придать своему письму своеобразную ученость, затруднявшую чтеніе.

XIV-ый вѣкъ.

Русскій языкъ XIV в. уже значительно приближается къ современному типу: судя по памятникамъ, въ немъ складываются системы неударяемаго вокализма, происходятъ сокращенія слабыхъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, нивеллировка системъ склоненія подходитъ къ концу, аори-

[1]) Потебня Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 55.

[2]) Потебня Къ исторіи звуковъ русскаго языка (1876) стр. 44.

[3]) Брандтъ Р. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. I, Фонетика (1892) стр. 52.

стическія образованія и супинъ въ глаголахъ выходятъ изъ употребленія. Въ это время уже вырисовываются главнѣйшіе изъ современныхъ діалектовъ. Вообще говоря, XIV-ый вѣкъ оставилъ весьма значительное количество памятниковъ изъ разныхъ діалектическихъ областей; оставляя однакожъ въ сторонѣ памятники тѣхъ говоровъ, которые уже разсматривались нами выше, [1]) мы перейдемъ къ памятникамъ тѣхъ діалектическихъ областей, которыя теперь впервые проявляются письменно въ исторіи русскаго языка. Къ такимъ памятникамъ относятся грамоты—московскія, полоцкія, двинскія и галицко-волынскія, а также псковскіе памятники преимущественно церковнаго характера (изъ памятниковъ же другихъ областей укажемъ на лѣтописи лаврентьевскую или суздальскую 1377 г. и новгородскую, [2]) которыя представляютъ собою списки съ прежнихъ не дошедшихъ до насъ лѣтописей.

Изъ всѣхъ произведеній письменности даннаго вѣка наибольшее вниманіе мы удѣлимъ нарѣчію московскихъ памятниковъ, которому суждено было стать доминирующимъ въ теченіе ряда послѣдующихъ вѣковъ. Такой роли московскаго нарѣчія способствовало конечно политическое значеніе, пріобрѣтаемое съ этихъ поръ Москвою, но кромѣ того не мог-

---

[1]) Вполнѣ понятно, что и эти памятники заслуживаютъ тщательнаго изученія, такъ какъ содержатъ данныя, свидѣтельствующія о дальнѣйшемъ развитіи соотвѣтствующихъ діалектовъ; конечно, полная исторія языка должна слѣдить за развитіемъ всѣхъ діалектовъ, но это не можетъ входить въ задачу общаго очерка. Поэтому мы ограничиваемся указаніемъ данныхъ, относящихся къ вновь выступающимъ въ письменности діалектическимъ областямъ, которыя въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ остальными, развѣтвляясь и видоизмѣняясь, привели къ современному діалектическому разнообразію русскаго языка.

[2]) Языку этихъ лѣтописей посвящены слѣдующія изслѣдованія: Н. Н. Некрасовъ Замѣтки о языкѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» по лаврентьевскому списку лѣтописи (1897); Б. М. Ляпуновъ Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-ой новгородской лѣтописи. Вып. I (1899); очерки изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Огромную важность представляетъ изученіе языка лѣтописей для исторіи русскаго синтаксиса.

ло не благопріятствовать также и то обстоятельство, что это нарѣчіе являлось наиболѣе умѣреннымъ по своимъ фонетическимъ особенностямъ, представляя какъ бы средній звуковой типъ между сѣверно-русскими діалектами. Въ самомъ дѣлѣ, московское нарѣчіе, возникши въ восточной части средне-русской діалектической территоріи, не имѣло тѣхъ довольно рѣзкихъ фонетическихъ особенностей, какіе существовали въ новгородскомъ нарѣчіи, т. е. оно не знало смѣшенія *ц* и *ч*, не измѣняло ударяемыхъ *я* и *ѣ* при извѣстныхъ условіяхъ въ *е* и *и*, а съ другой стороны оно представляло меньше особенностей и по сравненію съ западнымъ нарѣчіемъ—смоленскимъ, знавшимъ мѣну *ц* и *ч*, измѣнявшимъ *в* передъ согласнымъ въ полугласный *ў* и развивавшимъ диссимиляціонный типъ ослабленія неударяемаго вокализма. Такимъ образомъ въ указанныхъ отношеніяхъ московское нарѣчіе разнилось отъ другихъ сѣверно-русскихъ, но въ то же время сходствовало съ ними по многимъ другимъ фонетическимъ чертамъ; такъ, напр., оно имѣло *'о* изъ *'е* передъ твердыми согласными не только въ ударяемомъ положеніи, но и въ неударяемыхъ, срв. на шолку „на шелку", Данилицова свободка (Духов. Ив. Калиты, ок. 1327 г.); но это неударяемое *'о* изъ *'е*, подобно основному, склонялось здѣсь къ *а*, представляя типъ гласнаго å, какъ о томъ можно заключить на основаніи случаевъ смѣшенія неударяемыхъ *о* и *а* въ письменности конца этого вѣка. [1]) Что касается морфологической

---

[1]) Напр. въ москов. Ев. 1393 имѣемъ такіе примѣры, какъ: къ Сим*а*ну‖зап*о*да, указывающіе на существованіе аканья въ данномъ неударяемомъ положеніи (Срв. Соболевскій Лекціи по исторіи русскаго языка, 1907⁴, стр. 77), а съ XV в. появляются такія образованія по аналогіи, какъ плотятъ (грам. Звенигородскаго князя, 1404 г.). Современныя малограмотности московскаго говора представляютъ аналогичныя написанія, напр. ворила (т. е. «варила») и т. п., чѣмъ подтверждается правильность вывода изъ древнихъ написаній; кромѣ того, встрѣчается въ нихъ написаніе *е* вм. конечнаго неударенного *я*, напр. ворень*е* («варенья»), досвидань*е*, погода стоитъ жарк*ое* (вм. жаркая).

стороны московскаго нарѣчія, то оно пережило уже въ предшествующіе вѣка вмѣстѣ съ другими нарѣчіями указывавшіяся нами явленія аналогіи формъ склоненія и упрощенія спряженія. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь многія вторичныя формы, существовавшія также и въ другихъ нарѣчіяхъ, какъ напр. на шолк*у*, поясо*въ*, судо*въ* (Духов. Ив. Калиты), брать*ѣ* Д. ед. мягкаго склоненія съ окончаніемъ *-ѣ* вм. *-и*, виновато*го*, старѣйш*его* (Догов. в. к. Сим. Іоан. 1341 г.) и др. [1]); далѣе, появляются уже такіе чисто-русскіе производные глаголы, какъ доканч*ивати*, сваж*ивати* (Догов. Сим. Іоан. 1341). Въ синтаксическомъ отношеніи нужно отмѣтить, что послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ въ названіяхъ одушевленныхъ предметовъ муж. р. начинаетъ примѣняться форма Род. вм. Вин. и во множ. числѣ (хотя рядомъ продолжаютъ сохраняться еще долгое время и прежнія формы), срв.: пожаловалъ есмь сокольнико*въ* печерск*ихъ* (копія грам. Ив. Калиты). Изъ частностей спеціально московскаго нарѣчія укажемъ на особенность въ склоненіи мѣстоименія „весь“, представляющемъ формы съ *-и-* вм. *-ѣ-*, напр. со вс*и*ми (Дух. Ив. Калиты).

Переходя отъ московскихъ памятниковъ къ памятникамъ другихъ областей, можемъ сказать, что памятники *полоцкіе* вообще сходствуютъ съ памятниками смоленскими, какъ напр. по замѣнѣ *в* черезъ *у* передъ согласными, напр. въ Грам. около 1300 г. — *у* Полотеско (←*въ Полотьскъ). Изъ деталей полоцкаго говора на основаніи той же грамоты отмѣтимъ написанія бласловлѣнье, бласловляю (|| благословляю), представляющія пропускъ неударяемаго слога *го*;

[1]) Тѣмъ не менѣе на ряду съ новыми формами сохранялись еще и прежнія образованія, напр. И. ед. княгин*и* при болѣе новой формѣ княгин*я*; нѣкоторыя изъ старыхъ образованій держались даже до XVIII в. и даже далѣе, какъ напр. окончаніе *-ы* въ Тв. мн.; срв. въ стихотвореніяхъ Пушкина: «съ дубовыми, тесовыми ворот*ы*» (Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ), «Hugo съ товарищ*и*» (Домикъ въ Коломнѣ, 7-ая строфа).

этотъ пропускъ косвенно указываетъ на то, что согласный *г* произносился въ этомъ говорѣ какъ спирантъ, самый же слогъ находился въ наиболѣе слабомъ неударяемомъ положеніи (на второмъ мѣстѣ передъ удареніемъ, имѣя передъ собою еще одинъ слогъ), откуда заключаемъ, что система неударяемаго вокализма въ данномъ говорѣ представляла въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ значительную степень ослабленности. [1])

Памятники *двинскіе*, образуя діалектическую разновидность новгородскаго нарѣчія, раздѣляютъ съ ними и смѣшеніе *ц* и *ч*; однако часть ихъ имѣетъ лишь одностороннюю замѣну, т. е. или *ц* черезъ *ч*, но не обратно, или же только *ч* черезъ *ц*; эти различія зависѣли вѣроятно отъ особенностей въ діалектѣ писавшихъ. [2])

Псковскіе памятники указываютъ на нарѣчіе, составлявшее по нѣкоторымъ своимъ чертамъ переходное звено между новгородскимъ и бѣлорусскимъ: подобно первому оно знало смѣшеніе *ц* и *ч*, а подобно второму мѣняло *в* передъ согласными на *у* (т. е. *w*) и было акающимъ; но при всемъ томъ имѣло и свои особенности, какъ напр. смѣшеніе *ш* и *ж* съ соотвѣтствующими свистящими. [3])

[1]) Что касается другихъ бѣлорусскихъ чертъ западнаго нарѣчія, отмѣченныхъ въ предшествующей главѣ, то онѣ отражаются въ памятникахъ, начиная съ XIII в., въ нѣкоторой постепенности: въ XIII в. мы уже указали на замѣну согласнаго *в* черезъ *у* передъ согласными и начальныя фазы диссимиляціоннаго момента при ослабленіи неударяемаго вокализма; въ XIV в. кромѣ аканья нужно отмѣтить появленіе твердаго *р* вм. мягкаго, долгихъ смягченныхъ согласныхъ на почвѣ слитія съ слѣдующимъ j, съ которымъ пришли въ соприкосновеніе послѣ утраты ъ; памятники XV в. уже обнаруживаютъ наличность дзеканья; и проч. Всѣ необходимыя данныя по звуковой исторіи бѣлорусскаго нарѣчія читатель найдетъ въ обширной спеціальной монографіи проф. Е. Ѳ. Карскаго Бѣлоруссы, т. II: Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія (1908).

[2]) См. А. А. Шахматовъ Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в (1903), стр. 80.

[3]) Акад. А. И. Соболевскій первый положилъ начало изученію

Мы должны еще сказать нѣсколько словъ о состоянiи *галицко-волынскаго* говора. Въ памятникахъ его теперь уже вполнѣ обнаруживаются характерныя особенности малорусскаго языка, какъ это можно видѣть напр. изъ слѣдующихъ отраженiй основно-русскихъ *о* и *е* въ разныхъ положенiяхъ: [1])

а) Этимологическое *о* во вторично-закрытомъ слогѣ нерѣдко отражается на письмѣ въ видѣ *у* (какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими согласными), напр. Ларив*у*нъ (грам. 1366 г.), Радив*у*нковѣ (ib.) || Радивонъковѣ (1359), К*у*ндрата || Кондратъ (1401), добров*у*льно (1366), чему отвѣчаетъ соврем. доброві́л'но, щадк*у*мъ (1408).

б) Этимологическое *е* во вторично-закрытыхъ слогахъ нерѣдко отражается на письмѣ въ видѣ *ю* (передъ твердыми согласными) и въ видѣ *и* (передъ мягкими согласными), напр.: по Божь*ю*мъ (1393), на сво*ю*мъ, будеть чт*ю*нъ (1398);

особенностей древняго псковскаго нарѣчія въ своемъ изслѣдованiи—Очерки изъ исторiи русскаго языка (1884), указавъ еще на новыя данныя въ статьѣ —Важная особенность стараго псковскаго говора (Р. Ф. В. 1909 г., № 3—4; стр. 231—234). Изъ другихъ авторовъ, работавшихъ по этому вопросу, назовемъ: Каринскiй Н. Языкъ Пскова и его области въ XV в. (1909); Шахматовъ А. Нѣсколько замѣтокъ объ языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV—XV в. (Ж. М. Н. Пр. 1909 г., iюль, стр. 105 —177): срв. общiй обзоръ работъ о старомъ псковскомъ говорѣ въ рецензiи акад. Ягича Arch. f. slav. Phil. B. XXXI (1910) стр. 453—458, а также отзывъ проф. Ляпунова о сочиненiи Каринскаго (въ Сборникѣ отчетовъ о премiяхъ за 1909 г.). Изслѣдованiе Каринскаго, а затѣмъ Шахматова дало рядъ новыхъ разъясненiй путемъ сближенiя особенностей псковскихъ памятниковъ съ церковнославянскими средне-болгарской редакцiи.

[1]) Приводимыя ниже данныя мы заимствовали изъ грамотъ въ изданiи Я. Ѳ. Головацкаго въ журналѣ *Науковый Сборникъ*, издаваемый литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы во Львовѣ, т. I (1865) стр. 180—200, т. II (1866) стр. 35—56, т. III (1867) стр. 135—161; грамоты обнимаютъ время отъ 1359—1451 г. Нѣкоторыя изъ этихъ грамотъ помѣщены, какъ приложенiе, въ *Очеркѣ* звуковой исторiи малорусскаго нарѣчія П. Житецкаго (1876 г.) стр. 353—359. Фототипическiе снимки нѣсколькихъ грамотъ даны акад. Соболевскимъ въ изданiи Палеографическiе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка (1903).

ш*и*стдесять || шести (1359), ш*и*стьцятого (1366), ш*и*сть (1393).

Приведенныя данныя изъ грамотъ второй половины XIV в. и начала XV в. представляютъ посредствующiя стадiи въ измѣненiи основныхъ *о*, *е* въ *і* во вторично-закрытыхъ слогахъ, при чемъ одновременными фазами измѣненія являются *у* вм. *о* (передъ твердыми и мягкими согласными), *ю* вм. *е* (передъ твердыми согласными), *и* вм. *е* (передъ мягкими согласными). [1])

XV — XVII вв.

Уже въ теченiи XIV в. происходило постепенное объединенiе русскихъ земель подъ властью московскаго князя и въ то же время развивалось влiянiе московскаго говора на другiе, благодаря чему началъ формироваться подъ гегемонiей Москвы типъ великорусскаго нарѣчія. Однако это политическое и языковое объединенiе русскихъ областей Москвою не простиралось на западныя и юго-западныя области вслѣдствiе двухъ причинъ: во первыхъ, силы Москвы требовались дома на случай борьбы съ татарами, а во вторыхъ— на западѣ еще съ половины XIII в. начало усиливаться литовское княжество, которое постепенно подчиняло себѣ западныя и юго-западныя русскiя области, подобно тому какъ то же самое совершала Москва съ сѣверо-восточными областями. Такимъ образомъ въ XIV в. русскiя области раздѣлились на двѣ обособленныя политическiя группы—московскую и литовскую, что естественно вело къ возникновенiю отличительныхъ особенностей въ русскомъ языкѣ между тою и дру-

[1]) Что касается отраженiя этимологическаго *е* въ открытыхъ слогахъ, то въ положенiи передъ мягкими согласными *е* сохраняется (напр. шести —грам. 1359 г.), а передъ твердыми согласными встрѣчаемъ *о*, если только ему предшествуетъ шипящiй, срв. ч*о*тыри (1400), ч*о*тыриста (1401), нич*о*го (1421), наш*о*го (1424), наш*о*му (1403).

гою группою. Соотвѣтственно этому, переходя ко времени XV—XVII вв., мы поставимъ главною задачею изложенія не детали дальнѣйшаго діалектическаго дробленія русскихъ нарѣчій, но общую характеристику особенностей въ ходѣ развитія письменнаго русскаго языка въ московскомъ, а отчасти и въ литовскомъ государствѣ. Остановимся сначала на судьбахъ русскаго языка въ московскомъ государствѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что письменный языкъ въ московскій періодъ сталъ болѣе и болѣе отличаться отъ народнаго вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, къ выясненію которыхъ мы и переходимъ. Въ разсматриваемое время, когда грамотность должна была служить не только для цѣлей церкви, но также и для расширявшихся потребностей администраціи, появляется особое грамотное сословіе дьяковъ и подьячихъ, [1]) которые на ряду съ своимъ приказнымъ дѣломъ занимались и списываніемъ книгъ, какъ дѣломъ прибыльнымъ, но выполняли его уже не столь тщательно, какъ прежніе переписчики, видѣвшіе въ этомъ религіозный подвигъ. Отсюда порча текста церковныхъ книгъ стала рости очень быстро, а потому потребовалось наконецъ исправленіе богослужебныхъ книгъ. Это исправленіе совершалось свѣдущими людьми, которые свѣряли новый текстъ съ болѣе исправными старыми, равно

[1]) Мы считаемъ слишкомъ одностороннимъ мнѣніе, будто основой русскаго литературнаго языка послужилъ говоръ московскихъ подьячихъ и грамотныхъ людей въ московскихъ приказахъ и другихъ государственныхъ учрежденіяхъ; съ своей стороны мы не можемъ игнорировать участія въ образованіи русскаго литературнаго языка разсматриваемой эпохи многихъ лицъ хотя и московскаго происхожденія, но не принадлежащихъ къ приказамъ, а кромѣ того—не мало было писателей, произведенія которыхъ имѣли широкое распространеніе въ московскихъ предѣлахъ, хотя ихъ авторы не принадлежали къ московскому говору. Словомъ, и въ разсматриваемую эпоху, какъ и впослѣдствіи, въ образованіи русскаго литературнаго языка принимали участіе весьма разнообразные общественные элементы, что̀ должно было способствовать болѣе разностороннему его развитію, приказный же языкъ былъ лишь однимъ изъ частныхъ стилей.

какъ и съ оригиналами, при чемъ кромѣ исправленія искаженнаго смысла устанавливали болѣе строгій типъ церковнославянскаго языка, получившаго даже затѣмъ и грамматическую обработку (М. Смотрицкій). [1]) Исправленный церковный текстъ, съ введеніемъ у насъ книгопечатанія въ половинѣ XVI в., [2]) естественно получаетъ болѣе широкое распространеніе, а это въ свою очередь ведетъ къ тому, что въ русскомъ языкѣ начинаютъ усиливаться и закрѣпляться церковно-славянизмы, сохраняющіеся и до нашего времени, и притомъ даже такіе, которые раньше нерѣдко замѣнялись русскими формами; срв. В*оло*димиръ (Послѣсл. къ Остром. Ев.)=соврем. В*ла*димiръ, законъ х*оро*нити (Изб. 1076 г.)=совр. х*ра*нить, стра*ж*еть (Патер. Син. XII в.)=совр. стра*жд*етъ, в*ере*мя (XII—XIV в.)=совр. в*ре*мя и т. п. [3])

[1]) Къ разсматриваемой эпохѣ мы относимъ начало утвержденія въ языкѣ, подъ вліяніемъ грамматической теоріи, предлоговъ-префиксовъ *со* и *во* на мѣстѣ ожидаемыхъ *с-* и *в-*. Справщики, при корректированіи своемъ церковно-славянскихъ книгъ, руководствуясь свойствомъ русскаго языка имѣть *о* въ извѣстныхъ случаяхъ на мѣстѣ ст.-сл. ъ, примѣняли *о* и въ нѣкоторыхъ такихъ условіяхъ, въ какихъ его не было въ живомъ языкѣ, напр. въ Первопечатной московской библіи 1663 г. написанія: соверше́ніе, соверше́тся и т. п. (срв. также ново-цксл. во є҆ди́нꙋ и пр.). Отсюда получаетъ объясненіе въ современномъ языкѣ такой дублетъ, какъ: *соборъ* (цк.-сл.) ‖ *сборъ* (рус.). На этой же почвѣ, при существованіи рядомъ префиксовъ *с-* ‖ *со-*, возникла затѣмъ въ русскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дифференціація значенія, именно: *со-* пріобрѣтаетъ спеціальное значеніе «соучастія», напр. *со*наслѣдникъ, *со*общество, *со*ревнованіе, *со*участіе.

[2]) Первая книга, которая вышла изъ Московской типографіи, была *Дѣянія апостольскія* (1564 г.). Фонетическій и главнымъ образомъ морфологическій анализъ церковно-славянскаго языка печатныхъ книгъ дается въ сочиненіи проф. С. К. Булича Церковнославянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ, I (1893), при чемъ изслѣдованіе сдѣлано на основаніи трехъ печатныхъ памятниковъ: Острожской библіи (1581 г.), Первопечатной московской (1663 г.) и Новой, представляющей перепечатку Елизаветинской исправленной библіи.

[3]) Тѣмъ не менѣе, отъ разсматриваемой эпохи сохранились и такія письменныя произведенія, которыя чужды книжнаго характера, а отражаютъ простой разговорный языкъ того времени; срв. напр. собственноруч-

Намъ остается еще указать на одну причину, имѣвшую слѣдствіемъ своеобразное произношеніе цѣлаго ряда словъ въ литературномъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что съ половины XVII в., т. е. съ присоединеніемъ Малороссіи, въ Москву приглашаются южно-русскіе ученые, которыми славился тогда Кіевъ; благодаря ихъ вліянію, въ Москвѣ утверждается произношеніе нѣкоторыхъ словъ съ *γ* вм. *г* (Бога, благо и т. п.), съ *'е* вм. *'о* (небо, ветхій и др.), а также иногда и особенности ударенія въ нѣкоторыхъ вновь вводимыхъ словахъ (напр. удареніе современнаго слова „числи́тель", вм. ожидаемаго *чи́слитель, соотвѣтствуетъ ударенію малорусскаго глагола „числи́ти", срв. у Епиф. Славинецкаго въ переводѣ Атласа Блеу, 50-хъ годовъ XVII в.—ч и с л и́ т с я т. е. „считается").

Обращаясь къ бѣлорусско-малорусской половинѣ, подпавшей литовскому владычеству, нужно замѣтить, что здѣсь довольно долгое время господствующее положеніе занималъ русскій языкъ, который былъ оффиціальнымъ языкомъ правительственныхъ актовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разговорнымъ высшаго общества. Но съ конца XIV в., когда произошло династическое объединеніе литовскихъ (литовско-русскихъ) владѣній съ Польшею при Ягайлѣ, русское вліяніе въ Литвѣ начинаетъ слабѣть, уступая мѣсто польскому, и это продолжается нѣсколько вѣковъ. Вполнѣ понятно, что польское вліяніе должно было замѣтно отразиться и на языкахъ бѣлорусскомъ и малорусскомъ, тѣмъ болѣе, что просвѣщеніе здѣсь до конца XVI в. въ общемъ оставалось на невысокомъ уров-

---

ныя письма царя Алексѣя Михайловича къ стольнику Матюшкину 1646—1662 г., представляющія интересъ также по своимъ чисто фонетическимъ написаніямъ, весьма цѣнныхъ для характеристики московскаго нарѣчія въ данное время; приведу нѣсколько примѣровъ: *неудар. вокал.*—тежолъ, вешнека (т. е. вешнякá), кнеиня (*е* изъ *я*, γ'=j), сказавою («сказываю»), по *на*лямъ, у*так*ъ, перенес*тъ* (неопр.); *консонант.*=чюланы, мошно; *морфол.*—лѣса больш*ие*, глух*ие*, поля нарочт*ые*, птицы всяк*ие*, слѣп*ова* сокола, валя*тца* станутъ.

нѣ вслѣдствіе малаго числа школъ и элементарности обученія въ нихъ. [1]) За усиленіемъ польскаго вліянія можно слѣдить и по памятникамъ XV—XVII вв., содержащимъ не мало польскихъ словъ и выраженій. Вотъ небольшой отрывокъ для иллюстраціи языка того времени (говорится о недостаточности тогдашняго русскаго просвѣщенія):

«велми много *зашкодилъ панству* русскому, *же* не могли школъ и наукъ *посполитыхъ* розширяти, и оныхъ не *фундовано*: *бо* коли бы науку *мѣли*, за невѣдомостію своею не пришли до таковыя погибели» (А. З. Р. IV, 204—205).

Такимъ образомъ создавался малорусско-бѣлорусскій литературный языкъ слишкомъ смѣшаннаго типа; съ присоединеніемъ же этихъ областей къ русскому государству, языкъ ихъ естественно уступилъ свое мѣсто литературному московскому, болѣе чистому и сильному. [2])

Примѣчаніе. Вслѣдствіе временнаго распаденія русскихъ нарѣчій между двумя политическими цѣлыми, въ нихъ развиваются нѣкоторыя особенности, отличныя въ той и другой группѣ; такъ, въ московско-великорусскомъ отдѣлѣ, въ отличіи отъ литовско-русскаго, съ XIV в. распространяются глагольныя образованія на *-ывать -ивать*, а съ XV в. появляется окончаніе *-á* въ И. мн. нѣкоторыхъ сущ. муж. р.; и нѣк. др.

XVIII — XIX вв.

Намъ осталось сдѣлать общій очеркъ исторіи русскаго языка за послѣднія два столѣтія, въ теченіе которыхъ литера-

---

[1]) Хотя съ конца XVI в. въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ и заводятся православныя школы съ высшимъ образованіемъ для борьбы съ католицизмомъ, но это не могло уже остановить сильнаго польскаго (и вмѣстѣ съ тѣмъ западно-европейскаго) вліянія на языкъ, тѣмъ болѣе что и сами поборники православія съ цѣлью болѣе широкаго распространенія своихъ сочиненій нерѣдко выступали съ полемикою также на польскомъ языкѣ, а затѣмъ по привычкѣ легко уже удерживали тѣ или другія польскія слова и выраженія и въ русско-церковнославянской рѣчи.

[2]) По историческому изученію бѣлорусскаго языка выдаются труды проф. Е. Ѳ. К а р с к а г о, изъ которыхъ въ особенности отмѣтимъ: Къ исто-

30

турный русскій языкъ достигаетъ одинаковой высоты съ литературными языками Запада. Эти успѣхи намъ покажутся огромными, если вспомнимъ, что въ Западной Европѣ уже въ XVI—XVII в. дѣйствовали такія литературныя силы, какъ Сервантесъ, Шекспиръ, Мольеръ, между тѣмъ какъ Россія, можно сказать, почти еще не приступала къ развитію художественно-литературныхъ жанровъ. [1]) Причина такого быстраго подъема литературы лежитъ главнымъ образомъ въ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, которая открыла широкій доступъ европейскому вліянію на всѣ стороны русской жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуя и возникновенію художественной литературы и науки по образцу тогдашней Европы. Легко себѣ представить, какія трудности предстояло побѣдить русскому языку, столь мало еще обработанному, чтобы достичь той гибкости и изобразительности, какія мы уже въ немъ находимъ въ XIX-омъ вѣкѣ. Чтобы имѣть нѣкоторое представ-

---

ріи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, 1893 г. (отт. изъ Р. Ф. В. 1890—1893); Западно-русскіе переводы Псалтыри въ XV—XVII вѣкахъ (1896); Бѣлоруссы, I (1903), II—1 (1908). 2 (1911); срв. по поводу первыхъ двухъ трудовъ критическую статью проф. П. В. Владимірова — Научное изученіе бѣлорусскаго нарѣчія за послѣднія десять лѣтъ (1886—1896 гг.). Для малорусскаго языка укажемъ на трудъ П. И. Житецкаго — Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (1889).

[1]) Правда, существовали напр. переводныя «комедіи», ставившіяся при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, но онѣ были столь неуклюжи по стилю вслѣдствіе обилія церковнославянизмовъ, нерѣдко примѣненныхъ совершенно не къ мѣсту, что совершенно не могутъ идти въ сравненіе съ произведеніями Запада; о характерѣ языка этихъ комедій можно судить напр. по слѣдующему отрывку изъ комедіи «Іюдиоь» (1674 г.), представляющему рѣчь Іюдиои: «Ей, Боже мой! ничтоже убо окояннѣйшаго нѣсть, яко человѣкъ, и паки ничтоже человѣку нѣсть обычнѣйшаго, яко болѣзнь: жизнь наша ничѣмъ инымъ есть, токмо опасеніемъ, смерть такожде всегдашнимъ страхомъ намъ является; обаче ничтоже намъ благополучнѣйшаго быти можетъ, яко точію добрая кончина смерти. Предъ тремя лѣты и 6 мѣсяцей нещевахъ азъ, яко окаяннѣйшая есмь и прескорбнѣйшая жена на семъ свѣтѣ, зане Богъ ми блаженного и любезного сожителя моего Монасиса чрезъ скорую смертъ отъ міра сего взя» и т. д. (см. Тихонравовъ Н. Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ, т. I, стр. 141).

леніе о языковомъ матеріалѣ начала XVIII в., можно обратиться къ письмамъ и бумагамъ самого Преобразователя, которыя достаточно отражаютъ состояніе языка этого времени, давая образцы какъ простого стиля, такъ и болѣе торжественнаго: первый мы встрѣчаемъ въ письмахъ пріятельскихъ и хозяйственно-распорядительныхъ, а второй, изобилующій церковно-славянизмами, — въ письмахъ дипломатическихъ (срв. въ послѣднихъ такія выраженія, какъ: протчимъ *войськомъ* — Д. мн., о нѣкоторыхъ *дѣлехъ*, приступили *есмы* и т. п.). Изъ тѣхъ же бумагъ можно видѣть и какъ быстро въ то время русскій языкъ наводнялся иностранными словами, которыя переходили къ намъ вмѣстѣ съ заимствуемыми предметами и оставались безъ перевода. Чтобы дать понятіе, до какой степени заполнялся русскій языкъ иноземными словами, дѣлавшими его даже мало доступнымъ для пониманія, можно судить по слѣдующему отрывку изъ „Регламента кригскоммисаріату“:

«Смотрѣть того, чтобъ никто, какъ изъ вышнихъ такъ и изъ нижнихъ г-дъ *офицеровъ* не употреблялъ какъ *драгуна* такъ и *солдата* и всего даннаго изъ казны царскаго величества къ своимъ услугамъ и корысти, чего ради *фискалы* должны въ томъ *обсервовать* и противу тѣхъ у *коммисаріату протестовать* и по *протестаціи* помянутыхъ *фискаловъ* во отлученіе главнаго *коммисаріату*, *оберкригскоммисаръ* долженъ доношеніе имѣть главному *командующему*, дабы того, на кого *протестація* подана будетъ, отсылать для розыска и показанія въ томъ дѣлѣ совершенности до *коммисарства* и потому соверша *инквизицію*, требовать *офицеровъ* къ *кригсрехту*, а по тому дѣлу окончаніе чинить какъ *сентенція* будетъ подписана».

И такъ, на долю XVIII—XIX в. выпало урегулировать соотношеніе въ языкѣ стихій русской, церковно-славянской и иноязычной, разработать собственныя лексическія средства для замѣны излишнихъ варваризмовъ, приспособить языкъ для художественной литературы въ прозѣ и стихахъ, а также установить основы ороографіи, особенно съ перемѣною алфавита. Вся эта работа и была совершена цѣлымъ рядомъ талантливыхъ людей, которымъ Исторія русскаго литературнаго языка и обязана своимъ быстрымъ ходомъ. Представимъ теперь

въ самомъ бѣгломъ очеркѣ дѣятельность писателей XVIII в. Первымъ русскимъ художественнымъ писателемъ считается Кантемиръ (1711—1744); но такъ какъ произведенія его были изданы большею частію послѣ его смерти (сатиры лишь въ 1762 г.), то его литературное вліяніе на современниковъ не могло быть значительнымъ; не лишне замѣтить, что Кантемиръ примѣнялъ еще силлабическій стихъ и допускалъ много церковно-славянизмовъ. Ломоносовъ, въ совершенствѣ знавшій какъ народную рѣчь (даже въ діалектахъ), такъ и церковно-славянскій языкъ, а также иностранные языки, совмѣщавшій даръ ученаго и поэта, впервые поднялъ русскій письменный языкъ до значенія литературнаго, давъ какъ самые образцы языка, такъ и теорію, а стиху придавъ размѣръ „тоническій" (по удареніямъ), на который не за-долго до того указывалъ и Тредьяковскій. Однако Ломоносовъ, какъ мы уже отмѣтили (стр. 10), не могъ устоять противъ вліянія ложно-классицизма, которымъ была захвачена вся Европа, и усвоилъ русскому литературному языку несвойственное ему словорасположеніе по образцу латинскаго, какъ это можно видѣть напр. изъ слѣдующаго отрывка (Риторика, § 271):

«Когда мы о вещахъ *разсуждаемъ*, въ которыхъ части такъ расположенныя *видимъ*, что одна другой необходимо *нужна*, и весьма *полезна*; и когда сложеніе ихъ явственно показываетъ, что одна бытіе свое дѣйствительно имѣетъ для другой, которая безъ нея обойтись не *можетъ*: то отложивъ всякое сомнѣніе, изъ того *заключаемъ*, что оная вещь искуствомъ нѣкоего разумнаго существа *устроена*».

Съ именемъ Сумарокова соединяются успѣхи русскаго театра, при чемъ его ложно-классическія трагедіи вырабатывали высокій штиль. Съ другой стороны, комедіи Фонъ-Визина, а также императрицы Екатерины II-ой, дали мѣсто разговорному языку въ литературѣ. Лучшимъ цвѣтомъ поэзіи XVIII в. являются нѣкоторыя произведенія Державина, въ которыхъ стихія русская и церковно-славянская представляютъ высоко-гармоническое сочетаніе, полное силы.

Примѣчаніе. Вполнѣ естественно, что рядомъ съ крупными талантами, содѣйствовавшими быстрому совершенствованію литературнаго языка, были и посредственные, значительно отстававшіе отъ первыхъ. Въ этомъ мы убѣждаемся, обращаясь къ литературнымъ журналамъ конца XVIII в. Даже ихъ беллетристическая проза часто еще по-прежнему пестритъ церковно-славянскими словами и формами, напр.:[1]) улыбающіеся брега, главу мою (стр. 306), насытишься ты свѣжимъ мясомъ (318), гладъ (348), врата (325), нощь (323), тысяща (327), ланиты (314), насладись прелестнымъ видомъ страны сея (305), зрю (305), хощу (310), мысль моя преселялась (308), и т. д. Нѣкоторые журналы кромѣ того отличались орѳографической неисправностью. Таковъ, напр., «Зритель», издававшійся въ 1792 г. въ СПб. Журналъ переполненъ грамматическими и орѳографическими погрѣшностями, такъ что могъ скорѣе содѣйствовать насажденію безграмотности, чѣмъ грамотности, среди своихъ читателей. Изъ грамматическихъ и орѳографическихъ неправильностей достаточно привести случаи, гдѣ окончаніе И. В. множ. средняго рода передается фонетически: правил*ы* (II 287), дурачеств*ы* (49), лиц*ы* (25), нравоучен*іи* (103); отмѣтимъ также необычайно вольное пользованіе буквами *ѣ* и *е*, напр. въ той же второй части: *ѣ* вм. *е* — шѣя (43), молѣнія (167), постѣля (115), въ постѣлю (112), колѣсо (124), мертвѣцомъ (290), послѣднѣе (167), полѣзныя (225), нѣсетъ (119) и т. д., наоборотъ *е* вм. *ѣ* — срв. въ Предл. ед.: въ душ*е* (74, 221), въ сердц*е* (221, 222), въ лиц*е* (222) и пр.[2])

Обращаясь къ XIX в., мы прежде всего должны упомянуть о Карамзинѣ, сочиненія котораго представляютъ уже вполнѣ сложившійся языкъ, въ которомъ упомянутыя три стихіи стройно сливаются въ одно цѣлое, при чемъ иностранныя слова и церковнославянизмы уже не загромождаютъ языка. Кромѣ того, Карамзинъ ввелъ въ употребленіе рядъ новыхъ словъ, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ и затѣмъ вошедшихъ во всеобщее употребленіе (напр. *вліяніе*=фр. influence, *трогательный*=touchant, *сосредоточить*=con-

---

[1]) Приводимъ нѣкоторыя выбранныя нами слова и выраженія изъ повѣсти «Адельгейда Бургундская», помѣщенной въ московскомъ журналѣ «Иппокрена или Утѣхи любословія» на 1800-ый годъ, ч. 7-ая.

[2]) Выраженіе, встрѣтившееся намъ въ Зрителѣ: «...болѣе, нежели орфографическихъ ошибокъ въ нашихъ новыхъ писателяхъ» (III 91), вполнѣ и прежде всего примѣнимо къ самому журналу. Правда, мы встрѣчаемъ въ немъ также фразу «и въ самыхъ типографіяхъ опечатокъ будетъ гораздо менѣе» (II 163), но многія ошибки журнала походятъ скорѣе на авторскія.

centrer и пр.), а въ своей Исторіи Государства Россійскаго удачно употребляетъ и древнія лѣтописныя слова и выраженія. Въ то же время подъ перомъ Жуковскаго стихотворный языкъ поднимается на значительную высоту, чтобы воспитать Пушкина, который (вмѣстѣ съ Гоголемъ) начинаетъ новѣйшій періодъ языка и литературы, когда, вмѣстѣ съ широкимъ развитіемъ повѣсти, романа и драмы, въ литературный языкъ вводится уже какъ простонародная рѣчь, такъ и говоры другихъ сословій, напр. купеческаго, духовнаго, для большей живости и яркости при передачѣ разговоровъ.

Библіографическія указанія. Не перечисляя всѣхъ указывавшихся при изложеніи предмета статей и монографій (акад. Шахматова, проф. Потебни, Карскаго, Ляпунова и др.), назовемъ лишь общія пособія по исторіи русскаго языка: Соболевскій А. И. Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)^{4}; Брандтъ Р. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка, вып. 1: Фонетика (1892); Будде Е. Ѳ. Лекціи по исторіи русскаго языка (1907); Поржезинскій В. К. Краткое пособіе къ лекціямъ по историч. грамм. русскаго языка: введеніе и фонетика (1911); Овсянико-Куликовскій Д. Н. Синтаксисъ русскаго языка (1912)^{2}. — Укажемъ теперь нѣкоторые труды по исторіи русскаго литературнаго языка XVIII—XIX в: IX-ый томъ сочиненій Державина, изд. Акад. Наукъ подъ ред. ак. Я. К. Грота, посвященный языку Державина; Гротъ Я. Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка (см. Филол. Разысканія, 1899^{4}, стр. 46—98); Буслаевъ Ѳ. О преподаваніи отечественнаго языка, 1867^{2} (напр. на стр. 136—160 дается перечень выраженій изъ Ист. Гос. Рос., которыя Карамзинъ заимствовалъ изъ древнихъ памятниковъ); *его же* Историч. грам. рус. яз.—Синтаксисъ; Истоминъ В. помѣстилъ въ Р. Ф. В., начиная съ 1892 г., рядъ очерковъ по языку и слогу произведеній болѣе чѣмъ 20 писателей XVIII—XIX в. съ подборомъ примѣровъ по принятымъ имъ рубрикамъ; Будде Е. Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка XVII—XIX в., 1908 г. (вып. 12-ый Энциклопедіи славянской филологіи, подъ ред. акад. И. В. Ягича); *его же* Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина, вып. 1—3 (1901, 1902, 1904 г.); Воскресенскій Е. Языкъ важнѣйшихъ произведеній русской словесности XI—XIX вв., 1900^{2}; Чернышевъ В. Замѣтки о языкѣ басенъ и сказокъ В. И. Майкова, 1901 (оттискъ изъ Сборника «Памяти Л. Н. Майкова»); Правильность и чистота русской рѣчи—Опытъ русской стилистической грамматики (1911); Перетцъ В. Н. Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи (Ж. М. Н. Пр. 1905 окт., 1906 іюнь, 1907 іюнь); Härtel E. Untersuchungen über Kasusanwendungen in der Sprache Turgenevs (Arch. f. sl. Phil., 1912, XXXIV, 1—2, 61—112).

Глава XVII.

О заимствованныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ.

Въ предшествующихъ главахъ мы изучали строй русскаго языка, опираясь главнымъ образомъ на слова природныя, т. е. такія, которыя сложились въ русскомъ языкѣ изъ элементовъ праславянскихъ, восходящихъ въ свою очередь къ аріо-европейскому праязыку. Однако весьма значительную и неотъемлемую часть словъ современнаго русскаго языка составляютъ слова заимствованныя; въ виду этого изслѣдованіе такихъ словъ является существенно необходимымъ, ибо иначе научное изученіе русскаго языка было бы далеко неполнымъ.

Сущность процесса заимствованія коренится въ духовной природѣ человѣка; это явствуетъ уже изъ того, что усвоеніе самого родного языка въ дѣтствѣ совершается въ значительной степени при помощи заимствованія или подражанія, при чемъ представленія новыхъ предметовъ и вообще идей усваиваются въ связи съ тѣми названіями, какія употребляются окружающими. Подобнымъ же образомъ вмѣстѣ съ ходомъ исторической жизни народа, при соприкосновеніи его съ другими народами, могутъ заимствоваться новые предметы и понятія, названія которыхъ—большею частію имена существительные—не придумываются вновь, а тоже заимствуются, не только подчиняясь въ той или другой степени строю языка усваива-

ющаго, но и служа въ свою очередь источникомъ для новыхъ производныхъ словъ (срв. мраморъ <мраморный, и т. п.). При этомъ суффиксы самихъ заимствуемыхъ словъ, будучи чуждыми языку заимствующему и потому не обособляясь въ чутьѣ говорящихъ, воспринимаются нерѣдко вмѣстѣ съ корнемъ какъ одно цѣлое и становятся такимъ образомъ новымъ корнемъ (напр. *фигýр-а*=лат. fig-ūra). Иногда случается такъ, что съ заимствованіемъ новаго предмета или понятія иностранное названіе его не переносится въ языкъ, а переводится при помощи уже существующихъ въ языкѣ словъ и морфологическихъ частей (срв. слово „вліяніе", составленное на подобіе французскаго слова „influence" изъ корня глагола „*лить*" или „ліять", префикса *в-* и окончанія отглагольныхъ существительныхъ *-ніе*); бываетъ и такъ, что къ существующему уже въ языкѣ слову заимствуются изъ иностраннаго языка новыя значенія (срв. слово „барабанъ", которое со временемъ получило рядъ новыхъ техническихъ значеній, параллельныхъ значеніямъ франц. слова „tambour"). Вполнѣ понятно, что большею частію заимствованія идутъ отъ болѣе культурнаго народа къ менѣе культурному, чему благопріятствуетъ также еще и то обстоятельство, что обычно именно болѣе культурный языкъ становится предметомъ изученія, а не наоборотъ. Вслѣдствіе естественности и даже необходимости процесса заимствованія, послѣднее, начинаясь въ языкахъ съ древнѣйшихъ временъ ихъ существованія, продолжается во всѣ послѣдующія эпохи, при чемъ самые источники заимствованія могутъ мѣняться, въ зависимости отъ перемѣнъ въ культурныхъ связяхъ. [1])

Нужно замѣтить, что съ появленіемъ письменности, а затѣмъ и литературы, рядомъ съ прежнимъ способомъ непо-

[1]) Такимъ образомъ заимствованныя слова могутъ служить показателями того, съ какими народностями соприкасался данный народъ въ ту или другую эпоху (срв. выше примѣч. на стр. 398—399 и 412).

средственнаго заимствованія словъ, съ голоса, появляются еще заимствованія литературнымъ путемъ—черезъ посредство книгъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ заимствованіе относительно своего источника можетъ быть значительно шире, такъ какъ иностранныя книги могутъ происходить и изъ такихъ областей, съ которыми нѣтъ непосредственныхъ связей. Самый характеръ заимствованій того и другого рода не вполнѣ одинаковъ: при литературномъ заимствованіи слово сравнительно мало поддается измѣненіямъ, чему способствуетъ болѣе или менѣе основательное знакомство съ чужимъ языкомъ, хотя въ этомъ случаѣ заимствованіе не всегда слѣдуетъ иностранному произношенію словъ, но нерѣдко орѳографическому обозначенію ихъ, срв. пэръ ⇐ англ. peer (произн. пир); между тѣмъ въ простонародныхъ заимствованіяхъ иностранныя слова подвергаются большей переработкѣ примѣнительно къ родному языку, нерѣдко при участіи „народной этимологіи", срв. гульваръ вм. бульваръ. Соотвѣтственно указанному различію заимствованныя слова первой категоріи въ лингвистическихъ трудахъ носятъ названіе „иностранныхъ" словъ (Fremdwörter), а второй—„усвоенныхъ" (Lehnwörter).

Что касается источниковъ заимствованныхъ словъ современнаго русскаго языка, то таковыми являются главнѣйшимъ образомъ языки западно-европейскихъ народовъ (греч., лат., франц., нѣм., англ. и др.), какъ наиболѣе культурныхъ, и лишь отчасти не-европейскіе языки, въ томъ числѣ неродственные (финскіе, тюркскіе, арабскій и др.). Но кромѣ этого заимствованія въ русскомъ языкѣ происходили еще изъ близко-родственнаго нарѣчія—церковно-славянскаго, а съ развитіемъ литературы и изъ болѣе древняго состоянія того же русскаго языка.

Изслѣдованіе наше заимствованныхъ словъ русскаго языка будетъ заключаться въ томъ, чтобы дать критеріи какъ для отличенія заимствованныхъ словъ отъ природныхъ, такъ и для опредѣленія источниковъ и эпохъ заимствованія, а за-

тѣмъ—прослѣдить исторію заимствованныхъ словъ въ связи съ ходомъ культуры.

Соотвѣтственно указанной программѣ, мы прежде всего остановимся на опредѣленіи признаковъ, по которымъ можно отличать заимствованныя слова отъ природныхъ. Признаки эти раздѣляются на фонетическіе, морфологическіе и семазіологическіе, и хотя не въ каждомъ заимствованномъ словѣ всѣ они на-лицо, но изслѣдователь все-таки долженъ при своемъ анализѣ каждое заимствованное слово разсматривать со всѣхъ этихъ сторонъ.

Сущность *фонетическихъ* признаковъ сводится, во-первыхъ, къ наличности въ нѣкоторыхъ словахъ такихъ звуковыхъ сочетаній, которыя, являясь чуждыми данному языку, вмѣстѣ съ тѣмъ свойственны какому-нибудь другому, напр. *уа* въ словахъ французскаго происхожденія, или „гармонія гласныхъ" въ словахъ тюркскаго происхожденія, какъ напр. р*у*нд*у*къ, т*а*г*а*нъ; кромѣ того, въ случаѣ родственности языковъ на заимствованіе указываютъ звуковыя совпаденія тамъ, гдѣ законы звукового соотвѣтствія требовали бы различія, напр. в*ла*сы вм. волосы (ст.-сл. власы). *Морфологическій* критерій заключается въ распознаваніи суффиксовъ, префиксовъ и отчасти окончаній чуждаго происхожденія, срв. суф. *-антъ* („фабрикантъ"), префиксъ *анти-* („антифонъ"), оконч. Д. мн. *-омъ* („по-дѣломъ"). Что касается *семазіологическаго* момента, то онъ служитъ къ выясненію того, въ которомъ изъ языковъ данное совпадающее слово является природнымъ, при чемъ основаніемъ для заключенія служитъ разнообразіе значеній въ языкѣ-источникѣ, изъ которыхъ лишь одно или нѣкоторыя перешли въ языкъ заимствующій, срв. слово „резервъ" при франц. la réserve, имѣющемъ значенія: условіе, оговорка, изъятіе, осторожность, резервъ, запасъ. Переходя теперь къ болѣе частному разбору заимствованныхъ словъ со всѣхъ этихъ трехъ точекъ зрѣнія, мы ограничимся главнымъ образомъ тѣми языками, изъ которыхъ по-преиму-

ществу поступили заимствованныя слова въ русскій языкъ, начавъ при этомъ съ ближайше родственнаго—церковно-славянскаго, перейдя далѣе къ другимъ языкамъ нашего семейства древнимъ и новымъ и закончивъ языками другихъ семействъ.

1) *Слова, заимствованныя изъ* **церковно-славянскаго**, уже разсматривались нами въ предшествующихъ главахъ, но тамъ ихъ отличительные признаки не были сгруппированы въ одно цѣлое, что мы и исполнимъ теперь. Къ признакамъ *фонетическимъ* относятся слѣдующіе: произношеніе 'ѣ вм. ожидаемаго 'ö, напр. въ словѣ ветхій и т. п., см. стр. 84—85; нѣкоторыя уклоненія въ области бѣглыхъ гласныхъ, напр. огнь || огонь, соборъ || сборъ и др., см. стр. 90 сноска 2-ая, и стр. 463; рядъ формъ съ перестановкой вм. полногласныхъ, напр. г*ла*ва и т. п., см. стр. 94—95; слова съ сочетаніемъ согласныхъ *шч* (орѳ. щ) и *жд* вм. чисто-русскихъ *ч* и *ж*, напр. освѣ*щ*еніе, ро*жд*еніе и т. д., см. стр. 122; нужно прибавить, что такого рода слова, отражающія звуковой типъ языка церковно-славянскаго, иногда отличаются отъ соотвѣтствующихъ чисто-русскихъ также по ударенію съ которымъ они перешли изъ языка церковно-славянскаго, срв. главу́ || го́лову, власы́ || во́лосы и др. Морфологическіе признаки сводятся къ наличности предлоговъ, префиксовъ, суффиксовъ и окончаній въ томъ видѣ, въ какомъ они свойственны языку церковно-славянскому въ отличіе отъ русскаго, напр. ч*ре*зъ || черезъ, раз- || роз-, нерѣдкое из- || вы-; суф. -ущій || -учій; оконч. Д. мн. -омъ вм. -амъ (по-дѣломъ); и пр. Что касается семазіологическихъ признаковъ, то они сводятся къ особому оттѣнку, обычно свойственному словамъ и формамъ церковно-славянскаго типа, а именно — къ болѣе или менѣе возвышенному или же абстрактному въ отличіе отъ обыденнаго и конкретнаго; срв. напр. значеніе слова глава (у церкви, въ книгѣ, въ государствѣ) || голова, а также примѣненіе окончаній Р. ед. *-а* || -у,

Предл. ед. -*ѣ* || -у́, И. мн. -*ы* || -а́ въ склоненіи существительныхъ муж. рода.

Примѣчаніе. Изъ другихъ славянскихъ языковъ, какъ было указано въ предшествующей главѣ, русскій языкъ испыталъ наиболѣе сильное вліяніе со стороны польскаго языка (см. Гротъ Я. К. Филологическія разысканія, 1899⁴, стр. 464 сл.).

2) *Слова, заимствованныя изъ* **греческаго** *языка.* Здѣсь мы должны различать слова, заимствованныя изъ греческаго языка византійскаго періода (или непосредственно, или вмѣстѣ съ славянскими переводами) отъ словъ, которыя перешли къ намъ уже въ болѣе позднее время черезъ послѣдовательный рядъ народностей—римлянъ и затѣмъ другихъ западно-европейскихъ народовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова той и другой категоріи можно отличить по фонетическимъ признакамъ: такъ, слова съ звуками *і*, *ѳ* (орѳ. θ), которымъ въ западно-европейскихъ языкахъ соотвѣтствуютъ *е*, *th* (напр. ск*и*петръ=фр. sceptre, стар. *ѳ*еатръ=фр. théatre), принадлежатъ къ первой категоріи. Такъ какъ о словахъ второго типа намъ придется говорить впослѣдствіи при разсмотрѣніи заимствованій изъ западно-европейскихъ языковъ, то здѣсь мы ограничимся разборомъ тѣхъ словъ, которыя были заимствованы непосредственно въ русскую или же славяно-русскую языковую область. Благодаря существованію раннихъ памятниковъ, мы можемъ изучать эти слова приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ они входили въ русскій языкъ, [1]) и

[1]) При этомъ мы будемъ считать уже извѣстными читателю *законы звуковыхъ соотвѣтствій* для языковъ русскаго и греческаго, необходимые для открытія заимствованій и ихъ источника, такъ какъ они были уже разсмотрѣны нами раньше, въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ фонетики (стр. 100—106, 126—130). Поэтому мы ограничимся здѣсь однимъ примѣромъ, который пояснитъ эту роль звуковыхъ законовъ. Зная, что греческому χ въ славянскомъ соотвѣтствуетъ *з* (напр. χειμών=*з*има) и, видя въ нѣкоторыхъ случаяхъ противъ греческаго χ русское *х* (напр. στοῖχος || стихъ), мы должны предположить для этихъ послѣднихъ процессъ заимствованія, при

установить *законы заимствованія* фонетическіе и морфологическіе, которымъ подчинялись эти слова при вступленіи въ новый языкъ.

Въ виду того, что многіе звуки греческихъ словъ при заимствованіи перешли безъ перемѣны въ русскій языкъ (напр. *π*=*п*, *τ*=*т*, *κ*=*к*, *δ*=*д*, *ρ*=*р* и пр.), мы займемся тѣми звуками въ связи съ ихъ начертаніями, которые при переходѣ въ русскій языкъ получили нѣкоторыя особенности. Въ византійскую эпоху въ греческомъ языкѣ цѣлый рядъ древнихъ гласныхъ и дифтонговъ смѣшивались въ одномъ гласномъ *і*, а именно: *ι*, *η*, *υ*, *ει*, *οι*; а такъ какъ слова заимствовались большею частію соотвѣтственно произношенію, то на мѣстѣ всѣхъ приведенныхъ начертаній въ заимствованныхъ словахъ въ русской письменности видимъ *и*, напр. к*и*пар*и*съ=*κυπάρισσος*, к*и*тъ=*κῆτος*, *и*долъ=*εἴδωλον*, *и*косъ=*οἶκος*. Впрочемъ греческое *υ* передавалось иногда въ древне-русской письменности не соотвѣтственно произношенію, а сходною церковно-славянскою буквою ѵ, напр. кѵпарисъ (замѣтимъ, что греч. буква *υ* писалась тогда въ видѣ ѵ). Со временемъ такія написанія могли вызвать на почвѣ русскаго языка и произношеніе съ гласнымъ *у*, срв. народное к*у*парисъ (Орл. губ.), м*у*ро (бѣлор.) и др. Далѣе, древній дифтонгъ *αι* смѣшивался въ произношеніи съ *ε*, вслѣдствіе чего такое слово какъ *αἵρεσις* заимствовано въ видѣ *е*ресь. Греческое *α* передавалось въ заимствованныхъ словахъ не только начертаніемъ а, но еще и о, въ нѣкоторой зависимости, какъ намъ кажется, отъ ударенности или же неударенности. Дѣло въ томъ, что въ византійскую эпоху въ греческомъ языкѣ уже не различалась древняя долгота и краткость гласныхъ,

чемъ направленіе заимствованія можетъ быть выяснено уже послѣ звукового сравненія съ другими родственными языками, а именно—тотъ языкъ послужилъ источникомъ, данный звукъ котораго удовлетворяетъ закону звукового соотвѣтствія по отношенію къ этимъ языкамъ.

въ замѣнъ чего выступило различіе гласныхъ ударяемыхъ отъ неударенныхъ, образуя такимъ образомъ новыя отношенія по долготѣ, между тѣмъ какъ въ славянской языковой области еще держалось древнее различіе гласныхъ по количеству, причемъ *а* было болѣе долгимъ звукомъ, нежели *о*. Поэтому греч. ударяемое *а* (α), какъ болѣе долгій звукъ, передавалось въ заимствованныхъ словахъ черезъ а, а неударенное *а* (α)—особенно предъударное—нерѣдко черезъ о[1]), напр. п о г а н ъ[2]) „язычникъ"=παγανός; к о р а б ь и к о р а б л ь=καράβιον[3]). Что касается греческаго ε, то онъ въ заимствованныхъ словахъ передается обыкновенно посредствомъ аналогичнаго гласнаго *е*, напр. Е р м о л а й='Ερμόλαος, л е н ъ т и е=λέντιον; иногда однако греческому начальному ε соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ, особенно простонародномъ, гласный *о*, напр. О в д о т ь я=Εὐδοκία, О с т а п ъ=Εὐστάθις (въ литературномъ языкѣ имѣются и болѣе близкія къ оригиналу формы—Евдокія, Евстаѳій). Нѣкоторые ученые полагаютъ, что это измѣненіе *е*→*о* развилось уже на русской почвѣ, но намъ кажется, что такого измѣненія на почвѣ русскаго языка не происходило, случаи же чередованія въ родѣ *елень* || *олень*, *единъ* || *одинъ*, *една* || *одва* и т. п., представляютъ собою не измѣненіе русскаго *е* въ *о*, но отраженіе древняго чередованія ae. *ĕ || *ŏ (см. выше сноску 2-ую на стр. 101). Возможно, что такія, имѣвшіяся въ русскомъ языкѣ, чередованія способствовали появленію подобныхъ же дублетовъ путемъ аналогіи и въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ, начинавшихся

[1]) Что касается конечнаго -*а* (-α), то оно всегда передавалось въ заимствованныхъ словахъ начертаніемъ -А независимо отъ ударенія; этому могла способствовать морфологическая роль этого гласнаго, какъ окончанія.

[2]) Здѣсь черезъ А передано собственно греческое предъударное *а*, принявшее однако на славянской почвѣ удареніе (быть можетъ—латинское вліяніе).

[3]) Можно думать, что слово п о п ъ=παπᾶς получило свое *о* сначала въ такихъ формахъ, какъ п о п á, и лишь затѣмъ по аналогіи къ нимъ явилась уже форма И. ед. съ гласнымъ *о*—«попъ».

гласнымъ *е*. Кромѣ того, нѣкоторые изъ этихъ случаевъ могутъ объясняться и тѣмъ, что въ самомъ греческомъ языкѣ существовали подобные дублеты, перешедшіе затѣмъ и въ русскій языкъ, какъ на это указывалъ акад. Соболевскій,[1]) напр. ἐλεύϑερος || новогреч. діалектич. olévteros (срв. рус. *Елевѳерій* || *Олферъ*).

Въ области *согласныхъ* заимствованіе совершалось вообще въ соотвѣтствіи съ произношеніемъ и начертаніями словъ; но въ тѣхъ случаяхъ, когда въ греческомъ произношеніе расходилось съ письмомъ, заимствованіе происходило частію съ голоса, а частію съ буквеннаго изображенія. Такъ, въ греческомъ языкѣ группы *nt* и *mp* стали произноситься какъ *nd* и *mb*, продолжая обозначаться по-прежнему; отсюда и въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ двоякія формы, напр.: л е н *т* а || народ. л е н *д* а, т у м *п* а н ъ или т и м *п* а н ъ || т у м *б* а н ъ. Согласный *b* греческаго языка измѣнился со временемъ въ придувной *v*, сохраняясь однако въ положеніи послѣ *m*; отсюда слова съ группой μβ передавались по-русски частію соотвѣтственно произношенію, т. е. черезъ *мб*, а частію—черезъ *мв*, гдѣ буквѣ β неправильно придано ея болѣе обычное звуковое значеніе, т. е. *в*, срв. к и м *б* а л ъ || к и м *в* а л ъ, а *м б* о н ъ (XIII в.) || а *м в* о н ъ. Согласный, обозначавшійся буквою γ, въ положеніи передъ палятальными гласными произносился въ византійско-греческомъ какъ j; отсюда въ заимствованныхъ словахъ сочетаніе γε передается въ русскомъ двояко—черезъ *je*- или же черезъ *ге*, срв. *герань* || *ерань*.

Разсматривая *морфологическія* явленія въ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго и почти исключительно относя-

[1]) Соболевскій А. И., Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)[4], стр. 33. Противъ этого объясненія возражали, что въ ново-греческомъ такія формы съ начальнымъ *о*- встрѣчаются лишь въ народныхъ говорахъ, а потому и не могли распространяться на область книжно-церковныхъ словъ, къ которымъ онѣ въ большинствѣ случаевъ относятся; но намъ кажется, что и такія слова могли проникать въ русскій языкъ чрезъ посредство «разговорной» рѣчи греческаго духовенства.

щихся къ категоріи именъ существительныхъ, мы встрѣчаемъ особенности, типичныя для греческаго языка; къ таковымъ относятся нѣкоторые суффиксы, напр. *-йскъ* (обел*искъ*), *-йтъ* (магн*итъ*), *-áда -йда* (лампа*́да*, панихи*́да*), а также префиксальные слоги, напр. *анти- архи-*. Нѣкоторые же суффиксы греческаго языка въ заимствованныхъ словахъ не такъ типичны, потому что и въ русскомъ языкѣ имѣются аналогичные концевые слоги (срв орг*áнъ*, сá*ванъ*, стих*áрь*, патер*йкъ*); при такихъ условіяхъ эти суффиксальные слоги уже не чувствуются чуждыми, хотя они и не представляютъ опредѣленнаго смысловаго оттѣнка. Что касается окончаній, то вполнѣ естественно, что заимствуемыя имена существительныя чаще всего переходили въ формѣ Имен. ед., какъ обычнаго падежа наименованія, при чемъ греческія окончанія подвергались опредѣленнымъ субституціямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они въ языкѣ заимствующемъ не встрѣчали совпаденій. Слова греческаго *перваго* склоненія (ж. р.), оканчивающіяся на *-α*, не мѣняли окончанія и въ русскомъ языкѣ, такъ какъ совпадали въ немъ съ природными словами ж. р. на *-а*, срв. *προσφορά*→просфор*а*; но слова того же склоненія, кончавшіяся въ греческомъ на *-η* (произносившуюся какъ *i*), не находя прямаго соотвѣтствія въ русскомъ языкѣ, замѣняли свое окончаніе посредствомъ *-ія*, напр. *σκηνή*→скин*ія*. Слова *втораго* греческаго склоненія, оканчивавшіяся на *-ος* (муж. р.) и *-ον* (ср. р.), смѣняли въ русскомъ языкѣ эти окончанія въ обоихъ случаяхъ на *-ъ* (срв. *ἐπίσκοπος*→епископ*ъ*; *λάδανον*→ладан*ъ*, *σάβανον*→саван*ъ*, *εἴδωλον*→идол*ъ*),[1]) благодаря чему греческія слова средняго рода переходили въ русскомъ

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова муж. рода перенесены прямо въ формѣ И. ед и тогда они оканчивались на *-осъ*, откуда уже производились затѣмъ и другіе падежи, срв. *а́*кос*ъ* ‖ Р. ед. *а́*кос*а*, ирм*óсъ* ‖ Р. ед. ирмос*á*; слово Христ*осъ* представляетъ собою особенность, такъ какъ косвенные падежи образуются отъ основы Христ- (однако древнимъ памятникамъ не чужды и такія формы Р. ед., какъ Христоса).

языкѣ въ категорію муж. рода; впрочемъ слова на *-ον* принимали иногда окончаніе *-о*, а кончавшіяся на *-ιον* смѣняли это окончаніе на *-іе*, и такимъ образомъ при заимствованіи сохранялся грамматическій родъ языка-источника (напр. *κάνδηλον*→кандил*о*, *λέντιον*→лент*іе*); нѣкоторыя имена на *-ιον* повидимому были заимствованы въ формѣ множ. числа, т. е. съ окончаніемъ *-ια*→*-ія*, при чемъ перешли въ русскомъ языкѣ въ женское мягкое склоненіе ед. ч. (срв. *ἐπιτίμιον*→епитим*ія*, *στάδιον*→стад*ія*, но и стад*іе* „ристалище“ Апост. сп. 1220, *στοιχεῖον*→стих*ія*, но и стих*іе* Сб. XV в.); наконецъ, часть именъ на *-ιον* заимствованы съ потерею конечнаго *-ον* и потому приняли въ русскомъ языкѣ окончаніе *-ь* (напр. *τετράδιον*→тетрадь, *φανάριον*→фонарь). Слова греческаго *третьяго* склоненія съ основою на согласный муж. р. при заимствованіи принимали окончаніе *-ъ* и переходили въ соотвѣтствующее склоненіе; при этомъ однако оказывалась разница въ зависимости отъ того, согласовался ли И. ед. съ основою другихъ падежей или же отличался отъ нея; въ первомъ случаѣ такія слова принимали *-ъ* (напр. *ἡγεμών*→игемон*ъ*) въ соотвѣтствіи какъ съ И. ед., такъ и съ основою, а во второмъ случаѣ встрѣчаемъ дублеты, потому что окончаніе *-ъ* приставлялось частію къ И. ед., а частію къ основѣ другихъ падежей (напр. И. ед. *γίγας* ‖ Р. ед. *γίγαντος*→гигас*ъ* Сб. 1073 г. и гига*нтъ* Библія 1499 г.). Основы на согласный ж. р. въ византійскую эпоху перешли уже въ первое склоненіе, а потому заимствовались какъ слова на *-α* (срв. др.-греч. *λαμπάς* ‖ ново-греч. *λαμπάδα* и рус. лампад*а*). Существительныя ср. р. на *-μα* (Р. ед. *-ματος*), будучи заимствованы въ формѣ И. ед., поступали въ разрядъ именъ на *-а* и потому соотвѣтственно перемѣняли свой родъ. Гласныя основы третьяго склоненія именъ на *-ις* перешли въ русскій языкъ съ окончаніемъ *-ь* (напр. *αἵρεσις*→ересь); въ части случаевъ такого видоизмѣненія окончанія не произошло, такъ какъ нѣкоторыя слова были заимствованы прямо въ

формѣ И. ед., напр. базисъ, фазисъ, при чемъ они естественно поступали въ категорію именъ муж. рода (параллельныя формы база и фаза представляютъ сохраненіе рода, благодаря субституціи окончанія).

Разсматривая греческія заимствованія съ *семазіологической* стороны, можно вообще замѣтить, что они главнымъ образомъ или представляютъ собою церковныя наименованія, также христіанскія личныя имена,[1] или же относятся къ области наукъ и искусствъ и вообще образованности (срв. исторія, философія, математика, театръ, драма, трагедія, мелодія, тонъ, бумага, тетрадь). Отъ этихъ болѣе или же менѣе старыхъ заимствованій нужно отличать новые научные термины, искусственно составляемые изъ греческихъ корней (микроскопъ, бактерія, аэропланъ и пр.).

Переходя въ народный языкъ, многія греческія слова осмысливались, подвергаясь *народной этимологіи*, или же смѣшивались съ другими созвучными словами, греческими или природными, такъ что путемъ такой *контаминаціи* возникало новое слово. Въ примѣръ перваго можно указать такіе случаи, какъ: крылосъ вм. клиросъ, куралесить изъ *κύριε ἐλέησον* „господи помилуй", сорокоустъ собств. „сороковой (день)", а толкуется какъ бы—сорокъ устъ и др.[2] (иногда встрѣчается лишь простая подстановка суффиксальнаго или концевого слога, напр. фи*нистъ* вм. финиксъ=греч. *φοῖνιξ*). Ко второму типу относятся случаи, подобные словамъ крестьянинъ (т. е. христіанинъ+крестъ), проскуромиса-

---

[1]) Эти имена естественно подвергались нѣкоторымъ перемѣнамъ, благодаря обычности употребленія, начиная съ древняго времени, срв. имя Костянтинъ (Лавр., Ип. подъ 945 г.), стоящее въ соотвѣтствіи съ уменьшительнымъ «Костя».

[2]) Укажемъ народное толкованіе слова «кустодія» (κουστωδία, лат. custodia), осужденное слѣд. образомъ въ Уставѣ церковномъ, писанномъ въ 1608 г.: «что нарекутъ кустодію пилатову девицу ключницу, то есть ересь; все то не было; кустодія есть воиновъ полкъ, рекше рать». *Востоковъ* Опис. Рум. Муз. 717.

ніе „совершеніе проскомидіи" XV в. (проскомисаніе „совершеніе проскомидіи" + проскура „просфора").[1]) Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ произвольныхъ дифференціаціяхъ одного и того же слова; такъ, цк.-сл. слово а҃гглъ (*ἄγγελος*) въ произношеніи нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ является то ангелъ, то аггелъ (послѣднее произношеніе въ примѣненіи къ дьяволу); подобнымъ образомъ „антихристъ" съ окончаніемъ -ъ, а не *-осъ*), быть можетъ, для отличія отъ слова „Христосъ".

3) *Слова, заимствованныя изъ* **латинскаго** *языка.* Эти слова проникли въ русскій языкъ не одинаковымъ путемъ въ различныя эпохи.

Въ древнѣйшій періодъ, во время оживленныхъ сношеній съ Византіей, особенно послѣ утвержденія у насъ христіанства, латинскія слова поступали въ русскій языкъ черезъ посредство греко-византійское, т. е. подвергшись уже нѣкоторымъ перемѣнамъ примѣнительно къ греческому языку. Сюда, напр., относятся такія слова, какъ миса=лат. mensa (греч. *μήσα* и *μήνσα*), костель=лат. castellum (греч. *καστέλλι*), кентуріонъ= лат. centurio (греч. *κεντουρίων*),[2]) фортуна=лат. fortuna (греч. *φορτοῦνα*), кустодія (см. выше), тавла=лат. tab(u)la (греч. *τάβλα*) и др. Эти слова, переходя на почву славяно-русскую изъ греческаго, естественно должны были подчиняться тѣмъ же правиламъ, какъ и чистогреческія слова.

---

[1]) Сюда же относится примѣръ фиміазмы (=міазмы + фиміамъ) въ разсказѣ *Лѣскова* «Полунощники».

[2]) Лат. буква *c* передъ палатальными гласными въ греческомъ передается черезъ *κ*, такъ какъ именно такое произношеніе она сохраняла и на почвѣ латинскаго языка до VI в. по Р. Х., перешедши затѣмъ въ *ц* или близкій къ нему звукъ, откуда слѣдуетъ, что такія слова перешли въ греческій языкъ не позже означеннаго времени. Если рядомъ съ словами «кесарь», «кентуріонъ» и пр. въ русскомъ языкѣ имѣются «*Ц*езарь и *ц*ентуріонъ», то это объясняется тѣмъ, что послѣднія взяты прямо изъ латинскаго уже въ болѣе позднее время (см. ниже).

Съ XV—XVI в. начинаютъ входить въ русскій языкъ латинскія слова черезъ посредство польскаго языка, въ которомъ они распространились гораздо раньше, благодаря господству латинской культуры какъ школьной, такъ и церковной; само собою понятно, что это вліяніе должно было сказываться главнымъ образомъ въ западныхъ и юго-западныхъ русскихъ областяхъ, продолжительное время находившихся подъ польскимъ владычествомъ,[1] срв. соврем. блр. а р к у́ ш, млр. а́ р к у ш (пол. arkusz изъ лат. arcus) „листъ бумаги", блр., млр. и влр.-народное а к у р а́ т (польск. akurat изъ лат. accurate) „точь-въ-точь", блр. млр. г а р м а́ т а (пол. harmata изъ лат. armata) „пушка", блр. ж е г н а́ ц ь (пол. żegnać изъ лат. signare черезъ нѣмецкое посредство, какъ указываетъ на это звонкость начальнаго согласнаго и его шипящій характеръ) „крестить", блр. к о ш т о в а́ ц ь, млр. к о ш т у в а́ т и, срв. влр. к о ш т ъ (изъ средне-лат. costare при нѣмецкомъ посредствѣ), блр. млр. о к у л я́ р ы (пол. okulary отъ лат. слова oculus) „очки" и т. д.[2]

Съ XVI в., съ развитіемъ южно-русской образованности (отсюда переходящей затѣмъ въ Москву), гдѣ изученіе латинскаго языка занимало весьма видное мѣсто, въ русскій языкъ начинаютъ входить слова, заимствуемыя уже непосредственно изъ латинскаго языка. Сюда относится цѣлый рядъ школьныхъ и научныхъ терминовъ, изъ которыхъ впрочемъ иные

---

[1]) Припомнимъ, что у Курбскаго въ его Перепискѣ и Исторіи часто попадаются, подъ вліяніемъ польскаго языка, на-ряду съ польскими словами (напр. г о д и н а «часъ», м ѣ с к і й т. е. мѣстскій «городской» отъ польск. miasto «городъ», а л ь б о «или» = пол. albo, и др.) также и латинскія, срв. п л ю в і я (лат. pluvia), ц е р е м о н і я (лат. ceremonia), ф а б у л а «басня» (лат. fabula). Здѣсь мы видимъ, какъ легко перенимаются, особенно литературнымъ путемъ, иноязычныя слова, относящіяся къ культурѣ и образованности.

[2]) Другіе примѣры читатель легко можетъ выбрать изъ списка иностранныхъ словъ въ бѣлорусскомъ языкѣ, помѣщеннаго въ трудѣ проф. Е. Ѳ. К а р с к а г о Бѣлоруссы, I (1903), стр. 144—164.

со временемъ утратились; срв. е к с о р д і у м ъ (начатокъ), н а р р а ц і я (повѣсть), к о н к л ю з і я (конецъ),[1] ц и р к у л ь и т. д. Интересно отмѣтить, что теперь и многія греческія слова поступаютъ въ русскій языкъ въ латинизированномъ видѣ, какъ это можно видѣть изъ такихъ примѣровъ, какъ *ц* и к л ъ, *ц* е н т р ъ, *ц* е н т а в р ъ, на ряду съ которыми существовали и продолжаютъ существовать также формы греческаго типа (срв. *К*иклады, *к*ентръ—стар., *к*ентавръ).

Наконецъ, латинскія слова въ изобиліи входятъ въ русскій языкъ въ теченіи послѣднихъ вѣковъ какъ непосредственно изъ латинскаго языка, такъ и черезъ посредство французскаго и нѣмецкаго языковъ. Непосредственныя заимствованія происходили главнымъ образомъ черезъ школу, т. е. благодаря изученію латинскаго языка; срв. напр. современныя слова—э к с т е р н ъ, э к з а м е н ъ и пр. Интересно отмѣтить, что школьное изученіе латинскаго языка создало даже цѣлый рядъ латинизированныхъ русскихъ словъ, образованныхъ прибавленіемъ къ русскимъ корнямъ латинскихъ суффиксовъ, напр. о б о л *т у с ъ*,[2] с в и н *т у с ъ*,[3] с ѣ к у *н д а т о р ъ*,[4] с т а р и к *а н ц і я*, с т а р у ш *е н ц і я*, р а с п е к *а н ц і я* и др.[5] Что касается заимствованія латинскихъ словъ черезъ посред-

---

[1]) т. е. три главныя части въ духовной проповѣди, согласно тогдашнимъ правиламъ риторики.

[2]) Встрѣчается, между прочимъ, въ повѣсти *Тургенева* «Несчастная» гл. X.

[3]) Тамъ же, гл. XXVII.

[4]) Слово бурсацкаго происхожденія: такъ назывался ученикъ, который, по приказанію учителя, сѣкъ своихъ товарищей (см. *Помяловскій* Зимній вечеръ въ бурсѣ).

[5]) У гр. *А. Толстаго* встрѣчается оригинальное присоединеніе латинскаго падежнаго окончанія *-орум* къ русскому слову «вожакъ» въ стихотвореніи «Порой веселой мая» (23-ья строфа):

Толпы ихъ всѣ грызутся
Лишь свой откроютъ форумъ,
И порознь всѣ клянутся
In verba в о ж а к о р у м ъ.

ство языковъ французскаго и нѣмецкаго, то они относятся главнымъ образомъ къ области наукъ и культуры; при этомъ многія такія слова на почвѣ русскаго языка приняли внѣшность болѣе сходную съ латинскимъ, чѣмъ въ языкахъ, откуда они позаимствованы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ латинское произношеніе было менѣе чуждымъ русскому языку, чѣмъ соотвѣтствующее произношеніе нѣмецкое и главнымъ образомъ французское, срв. слова: п*е*н*с*іонъ, тенден*ція*, республик*а* и др. Нужно еще указать, что въ русскомъ литературномъ языкѣ, подобно языкамъ западно-европейскимъ, встрѣчаются цѣлыя латинскія выраженія и поговорки безъ перевода и съ сохраненіемъ латинскаго письма, напр.: ex abrupto; sic!; ib.=ibidem; statu quo; jurare in verba magistri; sic transit gloria mundi; sit tibi terra levis!; de mortuis aut bene aut nihil; sapienti sat; и мн. др.

Въ заключеніе укажемъ на морфологическія субституціи, имѣющія мѣсто въ латинскихъ словахъ на почвѣ русскаго языка. Въ словахъ *второго* и *четвертаго* склоненія [1]) окончаніе *-us* (муж. р.) просто отбрасывается, напр. Титъ (Titus), сенатъ (senatus), а *-ius* второго склоненія субституруется черезъ *-ій*, напр. Ливій, Плиній (Livius, Plinius); окончаніе второго склоненія *-um* (ср. р.) частію отбрасывается (напр. рецептъ = лат. receptum), а частію удерживается (напр. фор*ум*ъ=лат. forum), при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ такія слова въ русскомъ языкѣ переходятъ въ категорію муж. рода. Латинскія имена *третьяго* склоненія муж. р. личныя на *-o* (Р. ед. -ōnis) и *-io* (Р. ед. -iōnis) въ русскомъ языкѣ образуютъ И. ед. по основѣ и потому оканчиваются на *-ónъ* и *-iónъ* (напр. Катонъ=лат. Cato -ōnis, Сципіонъ = лат. Scipio -iōnis), между тѣмъ какъ слова на *-io*

[1]) Слова перваго латинскаго склоненія перешли въ русскій языкъ безъ перемѣны своего окончанія, такъ какъ соотвѣтствующее окончаніе (*-a*) имѣлось и въ русскомъ языкѣ.

Р. ед. -iōnis) ж. р. принимаютъ окончаніе *-ія* (напр. абстракція=лат. abstractio, лекція=лат. lectio, религія =religio), [1]) хотя иногда встрѣчается также *-iónъ* съ переходомъ въ категорію муж. р. (напр. легіонъ=лат. legio). Къ сказанному добавимъ, что при заимствованіи изъ латинскаго языка наблюдается та характерная особенность, что перенимаются не только отдѣльныя слова, но и родственныя группы ихъ, напр. названіе опредмеченнаго дѣйствія рядомъ съ названіемъ дѣятеля, напр. дирек*ція* || дирек*торъ*, админист*рація* || админист*раторъ*, аві*ація* || аві*а*-*торъ*—новое слово, образованное соотвѣтственно указанному принципу чередованія (къ этому присоединяется иногда и названіе глагольнаго дѣйствія съ образованіемъ на *-овать* или *-ировать*). Такимъ образомъ, служа источникомъ заимствованія, латинскій языкъ, въ отличіе отъ греческаго, давалъ не только матеріалъ, но отчасти и формальныя средства для словопроизводства въ области этого матеріала, что указываетъ на удобство и жизненность этихъ формальныхъ средствъ. [2])

4. *Слова* французскаго *происхожденія* въ русскомъ языкѣ. Французскій языкъ, представляя собою, подобно другимъ романскимъ, дальнѣйшее развитіе народнаго латинскаго языка, естественно долженъ былъ еще дальше послѣдняго разойтись съ представителями другихъ вѣтвей, въ частности съ русскимъ языкомъ (срв. мать || франц. mère, солома || chaume, четыре || quatre, восемь || huit, червь || ver и т. п.). Поэтому,

[1]) При именахъ на *-ція*, соотвѣтствующихъ латинскимъ именамъ на *-tio* (лат *ti* передъ гласнымъ произносится какъ *ци*), прилагательныя принимаютъ большею частію еще слогъ *он* (т. е. -ці-он-) соотвѣтственно основѣ латинскихъ существительныхъ, напр. лекціонный и т. п.

[2]) Аналогичная черта, т. е. группового заимствованія, издавна сопровождаетъ переходъ латинскихъ словъ и въ западно-европейскіе языки, срв. франц. administr*ation* || administr*ateur*, нѣм. Administr*a*-*tion* || Administr*ator*, и т. п. Это обстоятельство могло благопріятствовать и содѣйствовать укрѣпленію такихъ же чередованій и на почвѣ русскаго языка.

встрѣчая теперь совпаденіе словъ въ языкахъ французскомъ и русскомъ, мы признаемъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствіе природныхъ словъ, такъ какъ слова этой категоріи, какъ видно изъ только что приведенныхъ примѣровъ, вообще сильно разошлись между собою, иногда до неузнаваемости, а простое заимствованіе (срв. сюжетъ || sujet, гувернёръ || gouverneur и т. п.), при чемъ направленіе заимствованія шло отъ французскаго языка къ русскому, а не наоборотъ, такъ какъ русскій языкъ въ силу неблагопріятно сложившихся историческихъ условій не могъ служить для нихъ источникомъ заимствованія. Заимствованіе французскихъ словъ произошло въ значительной мѣрѣ не непосредственно, а черезъ посредство нѣмецкое, нерѣдко претерпѣвая при этомъ соотвѣтствующія измѣненія; такъ напр. многіе французскіе глаголы поступили въ русскій языкъ съ суффиксальнымъ элементомъ *-ир-* (нѣм. *-ier*-en или *-ir*-en), широко распространившимся въ нѣмецкомъ языкѣ, напр. *accompagner*⇀нѣм. accompanieren, рус. а к к о м п а н ***и р о в а т ь***, *concourir*⇀нѣм. konkurieren, рус. к о н к у р ***и р о в а т ь***; [1]) впослѣдствіи такое образованіе стало примѣняться въ русскомъ языкѣ по отношенію къ французскимъ словамъ и независимо отъ нѣмецкаго языка, такъ что для нѣкоторыхъ глаголовъ на *-ировать* нѣтъ соотвѣтствующихъ въ нѣмецкомъ языкѣ, напр. м а н к ***и р о в а т ь*** (франц. manquer). [2]) Что касается эпохи заимствованія словъ французскаго происхожденія, то она начинается довольно поздно—лишь съ XVIII в., т. е. со времени Петра В. [3])

---

[1]) Интересно отмѣтить, что природные нѣмецкіе глаголы не имѣютъ суффиксальнаго слога *-ир-*, что отразилось и на русскихъ словахъ заимствованныхъ съ нѣмецкаго: вербовать, малевать, паковать, штурмовать, шпиговать и др.

[2]) Къ примѣрамъ измѣненія французскихъ словъ на почвѣ нѣмецкаго языка принадлежитъ, между прочимъ, слово die Chocolade (←франц. Chocolat), заимствованное затѣмъ русскимъ языкомъ также съ суффиксальнымъ *д*, а не *т*: весьма вѣроятно, что такой замѣнѣ способствовали французскія слова на -ade, напр. la limonade (нѣм. Limonade, рус. лимонадъ) и др.

[3]) Обстоятельный списокъ иностранныхъ словъ этого времени приво-

Сопоставляя русскія слова французскаго происхожденія непосредственно съ французскими словами, мы легко подмѣчаемъ нѣкоторыя общія правила для тѣхъ перемѣнъ, которыя испытали французскія слова при поступленіи своемъ на русскую почву. Въ области *звуковъ* эти видоизмѣненія сводятся къ слѣдующему:

франц. ö (орф. eu)⇀рус. *'о* (орѳ. ё, е), напр. м о н т *ё* р ъ, с а п *ё* р ъ, м а р к *ё* р ъ; [1])

франц. ü (орѳ. u)⇀рус. 'у (орѳ. ю), напр. б *ю* р о, с *ю* ж е т ъ; слово ж *ю* р и обычно произносится въ образованной рѣчи съ иностраннымъ звукомъ ü, какъ нерѣдко и слово б р о ш *ю* р а;

франц. i (орѳ. i) послѣ шипящихъ ⇀ рус. ы (орѳ. и), напр. ж *и* р о н д и с т ъ, ш *и* ш ъ (срв. франц. ch*i*che „скупой“);

франц. wa (орѳ. oi) ⇀ рус. *уá*, *уа'*, напр. т р о т т *у а* р ъ, б у д *у а* р ъ, Б *у а* л о; въ положеніи же передъ гласнымъ это сочетаніе заимствуется уже въ видѣ *ой*, напр. р о я л ь (произн. pojáл'), ф*ой*э; [2])

французскіе *носовые гласные* замѣняются сочетаніями изъ чистыхъ гласныхъ+носовой согласный, напр. lampe⇀*лам*па, interessant⇀*ин*тересный, конечное -ẽ̃ (орѳ. -in, -ain)

дится въ изслѣдованіи А. Н. С м и р н о в а «Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху» (см. Сборн. отд. рус. яз. и слов. А. Наукъ, т. LXXXVIII, № 2, 1910 г.). Просматривая этотъ списокъ, читатель убѣждается, что для одной и той же сферы явленій слова могли заимствоваться одновременно изъ разныхъ иностранныхъ источниковъ; это вполнѣ понятно, такъ какъ съ пробужденіемъ интереса къ какой-либо области явленій удовлетвореніе его, какъ въ жизни отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго народа, происходитъ при помощи всѣхъ доступныхъ источниковъ.

[1]) Сюда относятся также написанія к у р ь ё з н ы й, с е р ь ё з н ы й, передающія франц. curieux, sérieux; вм. *ьё* въ нихъ нерѣдко пишется *іо*. Имя М о н т е с к ь *ё* Карамзинъ передавалъ написаніемъ *Монтескьйо*.

[2]) Слово «рояль» подходитъ подъ послѣднюю категорію однако съ тою особенностью, что сочетаніе буквъ *йа* по свойству русскаго письма замѣняется буквою *я*.

замѣняется неодинаковыми сочетаніями, срв. Saint → Сенъ- или Сентъ-, gobelin → гобел*ен*ъ, Augustin → Огюст*эн*ъ, bulletin → бюллет*ен*ъ, bassin → бас-с*ейн*ъ, tambourin → тамбуринъ; конечное -jõ (орѳ. -ion) субституируется чрезъ *-iонъ* или *-ьонъ*, напр. пансіонъ (франц. pension), милліонъ (million); также и въ словахъ, оканчивающихся во французскомъ на орѳограф. -illon, -gnon, напр. медальонъ, шампиньонъ;

франц. l съ слѣдующимъ непалятальнымъ гласнымъ субституируется по-русски частію посредствомъ твердаго *л*, а частію посредствомъ мягкаго, срв. *л*ампа || компи*л**я*ція, въ концѣ же словъ франц. орѳ. *-le* или *-lle* → рус. *л'* (орѳ. -ль), а *-l* → рус. *л* (орѳ. -лъ), напр. le role → ро*л*ь, le vaudeville → водеви*л*ь, le voile → вуа*л*ь, le или la quadrille → кадри*л*ь, но: le bal → ба*л*ъ, le caporal → капра*л*ъ;

французскіе *конечные согласные*, по правилу въ отдѣльныхъ словахъ не произносящіеся, при заимствованіи въ русскій языкъ однакожъ субституируются соотвѣтствующими согласными, напр. ballet → бале*т*ъ, tabouret [1]) → табуре*т*ъ, début → дебю*т*ъ, le salut → салю*т*ъ, le présent → презе*нт*ъ. Этому способствовало не одно правописаніе французское, но также и то фонетическое обстоятельство, что въ этихъ словахъ и въ самомъ французскомъ языкѣ согласный сохраняется и произносится передъ гласнымъ началомъ слѣдующаго слова, а также въ производныхъ словахъ (срв. présenter → презентовать; отсутствіемъ такого производнаго можно объяснить отступленія, представляемыя словами рестора*н*ъ ← re-

---

[1]) Производное отъ сущ. *tabour* «барабанъ», заимствованнаго съ арабскаго и существовавшаго въ ст.-франц., но затѣмъ замѣнившагося словомъ tambour; первоначальное значеніе слова *tabouret* было такимъ образомъ— маленькое сидѣнье въ формѣ барабана.

staurant, интрига*н*ъ ← intrigant, хотя въ послѣднемъ примѣрѣ встрѣчаемъ и интрига*нт*ъ, вѣроятно подъ вліяніемъ формы ж. р.—intrigante)

Въ отношеніи *морфологическомъ* мы остановимся на разсмотрѣніи формальныхъ субституцій въ области трехъ частей рѣчи, болѣе частыхъ при заимствованіи, именно—существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ.

Имена существительныя, оканчивающіяся во французскомъ языкѣ на *-e* muet, при заимствованіи въ русскій языкъ субституируются двояко: 1) такія слова, отбрасывая свое графическое окончаніе (*e* muet), заимствуются съ своимъ послѣднимъ согласнымъ въ твердомъ его произношеніи, въ зависимости отъ чего они въ русскомъ языкѣ необходимо поступаютъ въ категорію именъ муж. рода, къ какому бы роду ни принадлежали они во французскомъ языкѣ, срв. *le* filtre → фильт*р*ъ, *le* platane → плата*н*ъ, *la* sorte → сор*т*ъ, *la* visite → визи*т*ъ, *la* réserve → резер*в*ъ и т. п.; 2) графическое окончаніе *-e* muet въ русскомъ языкѣ замѣняется посредствомъ природнаго окончанія *а* ж. р.; эта субституція произошла вообще только по отношенію къ франц. словамъ ж. р. (срв. la lampe → ламп*а*, la personne → персон*а*), что же касается словъ муж. рода, то сюда принадлежатъ большею частію слова греч. происхожденія на *-me* = греч. *-μα* (напр. le programme → програм*ма*) и лишь немногія слова природныя (напр. le vase → ваз*а*, le casque → каск*а*, le masque → маск*а*, le groupe → групп*а*, при чемъ въ послѣднемъ словѣ видимъ двойное *п* ужъ подъ нѣмецкимъ вліяніемъ). [1])

Французскія существительныя съ такими окончаніями, для которыхъ не было соотвѣтствія въ русскомъ языкѣ, пере-

---

[1]) Интересно отмѣтить, что польскій языкъ пользуется субституціей окончанія *-a* на мѣсто франц. *e* muet въ болѣе широкихъ размѣрахъ по сравненію съ русскимъ языкомъ, срв. пол. rezerwa, wizyta, klassa, salata, limonada, kapota (въ этомъ случаѣ польскій обнаруживаетъ параллелизмъ съ нѣмецкимъ).

шли въ литературный русскій языкъ не измѣнивъ своего окончанія, а потому, не подойдя ни къ одному склоненію, они остались несклоняемыми; сюда относятся напр. слова: р а г ý, Ж у ж ý; [1]) д р а п р и́, п а р и́; к о н с о м э́, п о р т м о н э́, ф о й э́. Кромѣ того, несклоняемыми оказались и слова съ окончаніемъ *-ó*, не смотря на то, что такое окончаніе существуетъ и въ русскомъ языкѣ, срв. ж а б ó, п а л ь т ó и др. Очевидно, что всѣ эти слова представляютъ собою результатъ позднѣйшаго заимствованія и притомъ литературнымъ путемъ, вообще предохраняющимъ иностранныя слова отъ перемѣнъ. Указываемыя слова поступили въ русскомъ языкѣ въ категорію средняго рода, за исключеніемъ именъ собственныхъ (срв. Т ь е р р и́ и др.) и названій животныхъ (какъ напр. Ж у ж у и т. п.).

Нужно еще отмѣтить заимствованіе въ русскомъ языкѣ препозиціоннаго комплекса *à la* (нерѣдко даже во французскомъ написаніи), обыкновенно для указанія подражанія кому или чему; такъ уже въ Магазинѣ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній за 1795-ый годъ (мартъ) находимъ: „нарядъ à la Turque" (стр. 195), „чѣмъ-нибудь бѣлымъ à la Hamlet" (стр. 196).

Къ наиболѣе типичнымъ *суффиксамъ* французскихъ существительныхъ, встрѣчаемымъ въ заимствованныхъ словахъ, принадлежатъ: *-eur* и *-age* м. р. и *-ence* и *-ade* ж. р., срв. граверъ, суфлеръ..., дренажъ, виражъ..., кадансъ, реверансъ..., канонада, бригада... Изъ суффиксовъ, перенесенныхъ въ позднія времена книжнымъ путемъ изъ латинскаго во французскій языкъ, суффиксъ *-teur* субституируется не только въ видѣ *-тёръ* (напр. актеръ, визитеръ), но также и въ чисто латинскомъ видѣ (напр. авторъ, директоръ), а окончаніе *-tion* мѣняется въ русскомъ языкѣ на *-ція*, подобно субституціи въ чисто латинскихъ словахъ (см. выше сноску 1-ую на стр. 487).

[1]) Названіе собаки (см. К р ы л о в ъ Двѣ собаки; въ той же баснѣ встрѣчаемъ въ качествѣ дальнѣйшаго образованія уменьшительно-ласкательное—Жужу*тка*).

Въ области французскихъ п р и л а г а т е л ь н ы х ъ частыми суффиксами являются *-aire*, *-ique* и *-if*, при чемъ первый суффиксъ въ русскомъ языкѣ видоизмѣняется въ *-ар-* и дополняется природнымъ суффиксомъ *-ный*, второй мѣняется на *-ический*, а послѣдній, смѣнивъ *f* на *v*, дополняется суффиксомъ *-ный*, напр.: sanitaire→санитарный, légendaire→легендарный; diplomatique→дипломатическій, stratégique→стратегическій; administratif→административный. Кромѣ того, цѣлый рядъ прилагательныхъ образовался уже на почвѣ русскаго языка отъ заимствованныхъ существительныхъ (какъ это вообще наблюдается при заимствованіи), напр. капралъ < капральскій, ревизія<ревизіонный и т. п.

Французскіе г л а г о л ы, переходя въ русскій языкъ, получаютъ суффиксъ *-ую -овать*, нерѣдко съ предшествующимъ сочетаніемъ *-ир-* уже нѣмецкаго происхожденія; напр.: рискýю, аттестýю, адресýю, протестýю, мобилизýю, полирýю, дрессирýю, фигури́рую, пари́рую. Нѣкоторые французскіе глаголы позаимствованы обоими способами, при чемъ иногда съ различіемъ образованія соединяется и различіе смысла, напр. комáндую || командирýю, формýю || формирýю.

Кромѣ *простыхъ* словъ въ русскій языкъ поступило не мало французскихъ *сложеній*, въ которыхъ иногда и въ русскомъ языкѣ обнаруживается ихъ сложный типъ, благодаря частой повторяемости первой части сложенія, какъ напр. въ случаяхъ: *п о р т*ф é л ь, *п о р т*м о н э́, *п о р т*с и г á р ъ, *п о р т*ш е з ъ; *а в а н*г á р д ъ, *а в а н*п ó с т ъ. Тамъ, гдѣ этого условія не было, сложное слово въ русскомъ языкѣ чувствуется уже какъ простое, напр. о ф о р т ъ (eau-forte), о д е к о л о н ъ, а б а ж у р ъ, а ж у р н ы й, ш е д е в р ъ. Сюда же можно отнести случай заимствованія франц. существительнаго въ соединеніи съ членомъ, очевидно принятымъ за начальный звукъ самого слова—*л* о м б е р ъ (карточная игра)←l'hombre. [1])

[1]) Въ виду такого же явленія въ нѣмецкомъ языкѣ (das Lomber), можно принять, что данное слово перешло къ намъ черезъ нѣмецкое посредство; срв. также: *л* о м б е р н ы й столъ || нѣм. Lombertisch.

Заимствованія изъ французскаго происходили не только въ области отдѣльныхъ словъ, но также въ области словосочетанія, т. е. въ *синтаксисѣ*; сюда относятся случаи употребленія дѣепричастія и причастія въ придаточномъ предложеніи, когда въ главномъ предложеніи стоитъ другое подлежащее; такіе случаи встрѣчаемъ у Фонъ-Визина, Крылова и Пушкина; срв. „*Пріѣхавъ* въ Бѣлевъ, по счастію попалась намъ хорошая квартира" (Фонъ-Визинъ Письма къ роднымъ); „*Не имѣя* третій мѣсяцъ никакого объ васъ извѣстія, нетерпѣніе наше было несказанное" (тамъ же); „Хоть я и не пророкъ, но, *видя* мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется, пророчество почти всегда мнѣ удается" (Крыловъ); „Вы согласитесь, что, *имѣя* право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ" (Пушкинъ Выстрѣлъ. гл. I); срв. еще: „Маша не обратила никакого вниманія на учителя. *Воспитанная* въ аристократическихъ предразсудкахъ, *учитель былъ для нея* родъ слуги или мастероваго" (Пушкинъ Дубровскій, гл. VIII). [1]) Въ литературномъ языкѣ такіе обороты, осуждавшіеся еще Ломоносовымъ, [2]) считаются теперь окончательно неправильностями, хотя по недосмотру проскальзываютъ и теперь, напр.: „Поселившись теперь въ деревнѣ, его мечта и идеалъ были въ томъ, чтобы..." (Гр. Л. Толстой Дьяволъ, гл. 1); „Накурившись, между солдатами завязался разговоръ" (Его же Хаджи-Муратъ, гл. 1).

---

[1]) Въ аналогичныхъ случаяхъ въ древне-русскомъ языкѣ встрѣчаемъ оборотъ Дат. самост., срв.: «*володимеру* бо *разболѣвшуся*» в се же время бяше *у него* борисъ» (Лавр. Л., подъ 1015 г.); «*киеви* же *пришедшю* въ свой град киевъ ту живот свой скончa» (тамъ же, во вступленіи).

[2]) «Весьма погрѣшаютъ тѣ, которые по свойству чужихъ языковъ дѣепричастія отъ глаголовъ личныхъ лицами раздѣляютъ. Ибо дѣепричастіе должно въ лицѣ согласоваться съ главнымъ глаголомъ личнымъ, на которомъ всей рѣчи состоитъ сила: *идучи въ школу, встрѣтился я съ пріятелемъ*... Но многіе въ противность сему пишутъ: *идучи я въ школу, встрѣтился со мною пріятель*...; что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое Россійское сочиненіе» (Ломоносовъ Росс. Грамм. § 532).

Возвращаясь къ употребленію отдѣльныхъ словъ французскаго происхожденія въ русскомъ языкѣ, не лишне упомянуть, что въ *народномъ языкѣ* такія слова подверглись разнообразнымъ видоизмѣненіямъ, приспособляясь къ природнымъ словамъ какъ въ звуковомъ отношеніи, такъ и въ морфологическомъ и смысловомъ; примѣры *звуковой субституціи*: мусью, патретъ, кіятеръ, и др.; примѣры *морфологизаціи*: кадрель, дифтерикъ [1]) вм. дифтеритъ, *при*ферансъ,[1]) небель, некрутъ; примѣры *семазіологизаціи*, часто соединяющійся съ предшествующими чертами: гульваръ, великатный [2]) вм. деликатный, галдарея [3]), миліатюрный [4]), міродеръ вм. мародеръ [5]) и т. д. Само собою разумѣется, что такія видоизмѣненія заимствованныхъ словъ значительно разнообразятся по мѣстностямъ и сословіямъ (срв. тортуаръ || тротоваръ и т. п.); чѣмъ лица меньше образованы, тѣмъ больше и перемѣнъ, хотя изрѣдка перемѣны встрѣчаются и въ говорѣ вполнѣ образованныхъ, напр. сурьезный вм. серьезный (очевидно—подъ вліяніемъ слишкомъ значительнаго созвучія съ словомъ „*курьезный*").

Закончивши грамматическій обзоръ словъ, заимствованныхъ изъ французскаго языка въ русскій, мы представимъ теперь ихъ *предметную группировку*, т. е. разсмотримъ, къ какимъ областямъ жизни они относятся. При этомъ обзорѣ мы убѣждаемся, на-сколько широко и глубоко захватило французское вліяніе русскую жизнь, такъ какъ заимствованныя французскія слова относятся почти ко всѣмъ сферамъ рус-

---

[1]) Чебоксары (Казан. губ.)—въ купеческомъ говорѣ.

[2]) Тамъ же — въ значеніи «важный» вслѣдствіе приноровленія къ смыслу словъ «величавый», величаться» и т. д.

[3]) Напр. у Гоголя въ «Мертвыхъ Душахъ» гл. I.

[4]) Въ разсказѣ Лѣскова «Полунощники»: личико миліатюрное; у того же писателя можно встрѣтить множество подобныхъ примѣровъ.

[5]) Франц. *marodeur* (слово неизвѣстнаго происхожденія)—о солдатахъ, производящихъ во время похода грабежи въ поляхъ, деревняхъ и усадьбахъ.

ской жизни.[1]) Такъ, къ области *искусства* относятся слова: пьеса, роль, актеръ, суфлеръ, режиссеръ, афиша, антрактъ, партеръ, водевиль, фарсъ, антрепренеръ; пейзажъ, эскизъ, жанръ, профиль, en face, багетъ, сюжетъ, пьедесталъ, бюстъ, торсъ, барельефъ, статуя, гриффонъ, каррикатура, виражъ, фиксажъ, кассета, и т. д. Къ области *государственной жизни* относятся слова: политика, парламентъ, департаментъ, депутатъ, бюджетъ, полиція, жандармъ, почтальонъ, депеша, эстафета, курьеръ, и др. Очень много словъ принадлежитъ къ *военному дѣлу*, которыя заимствовались изъ французскаго также и другими языками (особенно начиная съ XVII в.); срв.: аттака, канонада, кавалерія, артиллерія, инфантерія, корпусъ, батальонъ, бригада, гарнизонъ, солдатъ, офицеръ, генералъ, сержантъ, капралъ, инвалидъ, рекрутъ, фортъ[2]), саперъ, минеръ и др. Къ области *морского дѣла* относятся слова—флотъ, эскадра и нѣк. др., но большинство морскихъ терминовъ заимствованы изъ другого источника, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. *Пути сообщенія* и *средства передвиженія*: шоссе, экипажъ, рессора, вагонъ и др. Къ области *торговли*, *промышленности* и *производствъ* принадлежатъ слова: кредитъ, балансъ, авансъ, мануфактура, магазинъ, комивояжеръ, фабрика, драпъ, трико и пр. *Одежда* и *мода*: костюмъ, пальто, сюртукъ, камзолъ, жилетъ, корсетъ, капотъ, блуза, корсажъ, вуаль, ботинокъ, мода, модистка и т. д. *Украшенія*: медальонъ, брошь, браслетъ, стразъ и др. Область *жилища*, *домашней обстановки* и *кухни* представляетъ весьма большое

[1]) Менѣе всего заимствованныхъ французскихъ словъ мы видимъ въ облести *религіи* и *науки*: первое объясняется тѣмъ, что ко времени французскаго вліянія религіозная жизнь въ Россіи уже сложилась и имѣла свои особыя обозначенія, заимствованныя въ значительной степени—какъ мы уже о томъ говорили—изъ греческаго языка; второе находится въ зависимости отъ того, что научные термины вообще создавались искусственно, исходя при этомъ изъ языковъ греческаго и латинскаго.

[2]) Нѣмецкое слово Fort заимствовано тоже изъ франц., о чемъ свидѣтельствуетъ признакъ *-s* для мн. ч.—die Forts.

количество словъ французскаго происхожденія: этажъ, бельэтажъ, антресоли, салонъ, кабинетъ, будуаръ, дортуаръ, паркетъ и др.; мебель, гардеробъ, комодъ, туалетъ, ломберный столъ, табуретка, гардина, люстра, абажуръ, лампа, портьера, драпри, ниша, трюмо и т. д.; супъ, бульонъ, котлета, антрекотъ, кувертъ, сервизъ, десертъ, мармеладъ и пр.; легко видѣть, что перечисленныя слова относятся почти исключительно къ жизни людей достаточныхъ. *Общественная жизнь* и *развлеченія*: parti de plaisir, petits-jeux, серсо, комплиментъ, реверансъ, ангажировать, кадриль, вальсъ, визитъ, преферансъ, карты, талья, тузъ, пикетъ, трефы, пики; дрессировка, тубо, шершъ, авансъ, пиль (pille). Кромѣ того, изъ французскаго перешли нѣкоторыя *фамильярныя слова* и выраженія, какъ напр.: моншеръ, машеръ, пассажъ („какой пассажъ!"), пардонъ („просить пардонъ"), амикошонъ, фитюлька (futile?), фатъ, фанфаронъ и нѣк. др.

Примѣчаніе. Не слѣдуетъ однако думать, что всѣ приведенныя здѣсь и имъ подобныя слова являются природными французскими. Нѣкоторыя изъ нихъ въ свою очередь оказываются заимствованными въ болѣе раннее время изъ другихъ языковъ (не говоря уже при этомъ о *латинскомъ* языкѣ, изъ котораго былъ заимствуемъ книжнымъ путемъ цѣлый рядъ научно-литературныхъ словъ, начиная отъ XI в. и до нашихъ дней). Такъ, весьма многія французскія слова заимствованы изъ *итальянскаго* въ XVI в., когда французскіе короли предпринимали походы въ Италію и когда затѣмъ въ правленіе Екатерины Медичи, итальянки по происхожденію, все итальянское стало входить въ моду; напр.: barricade, bastion, brigade, arsenal, affront, brave, bravoure; courtisan, bouffon, charlatan, carnaval, arlequin; arcade, balcon, balustrade, baldaquin, catafalque, costume, aquarelle, buste, adagio, andante, piano, forte; banque, banqueroute. Подобнымъ же образомъ изъ *испанскаго* языка было заимствовано также не мало словъ въ эпоху конца XVI в. и первой половины XVII в., благодаря войнамъ: adjutant, caserne, camarade, risquer; embarquadère, débarquadère; alcôve, corridor, mantille, castagnette, guitare, sérénade, hombre, ponte, dominos, laquais, marmelade, caramel, chocolat, vanille, tabac, tomate, cigare, limon, jasmin, tulipe, indigo, mérinos, cochenille и др. Что касается словъ *германскаго* происхожденія, то здѣсь различаются два слоя—древній, перешедшій во французскій языкъ черезъ посредство средневѣковой латыни, вслѣдствіе чего такія слова значительно утратили свой германскій характеръ, напр. bloc

(en bloc), brèche, boulevard, croupe, écran, émail, gazon, loge, maréchal, rang, salle, toupet; болѣе позднія заимствованія — съ XVI в., когда начинается рядъ войнъ; напр. въ XVI в.—arquebuse, bière, bismuth, cauchemar, potasse, въ XVII в.—bivouac, blinde, blinder, valse, zigzag, zinc, въ XVIII в.—cobalt, glaçure, gneiss, kirsch-wasser, quartier-mestre, quartz, spath, vampire, vasistas, vermont, въ XIX в.—blockhaus, couperose, képi; легко замѣтить, что между заимствованіями, кромѣ военныхъ терминовъ, много словъ относящихся къ горной промышленности, столь распространенной въ Германіи. *Англійскій языкъ*, благодаря замѣчательному развитію Англіи и Соединенныхъ Штатовъ въ отношеніи торговли, промышленности, государственности и проч., далъ французскому языку очень много словъ, особенно же въ XIX столѣтіи; къ нимъ принадлежатъ: budget, jury, bill, comité, speech, verdict, club, meeting, toast, chèque, spleen, confort, sentimental, humour, franc-maçon, truisme, sinécure, bifteck, rosbif, pouding, grog, gin, punch, rhum, sport, boxe, jockey, clown, croquet, bouledogue, groom, raout, whist, boston, touriste, faschionable, flirter, gentleman, dandy, bébé, châle, redingote, plaid, waterproof, mackintosh, yacht, dock, cabine, ballast, rail, wagon, tunnel, express, tender, tramway, stopper, soda, celluloïd, gutta-percha, flanelle, cottage, veranda, square, и мн. др. Укажемъ, наконецъ, нѣкоторыя заимствованія изъ *голландскаго* языка: bac, bateau, cajute, capre, dock, foc, locman, matelot и др.

6. *Слова, заимствованныя изъ* **нѣмецкаго** *языка.* Оставляя въ сторонѣ слова, заимствованныя въ древнѣйшія времена изъ германской языковой области, напр. изъ готскаго языка, уже разсматривавшіяся нами, или позже—варяжскія, [1]) мы обратимся къ словамъ нѣмецкимъ, которыя начали поступать въ русскій языкъ значительно раньше французскихъ, а именно съ XIII в., когда на берегахъ Балтійскаго моря основался нѣмецкій орденъ меченосцевъ, съ которымъ русскіе должны были вступать частію въ борьбу, частію въ торгово-договорныя сношенія. Впослѣдствіи значительное количество нѣмецкихъ словъ, какъ уже упоминалось, проникло въ русскій языкъ (особенно въ его западныя области) черезъ посредство польскаго, въ которомъ этотъ элементъ и въ настоящее время представленъ гораздо сильнѣе [2]). Особенно же много нѣмецкихъ

[1]) Здѣсь мы имѣемъ напр. довольно много *личныхъ именъ*, относительно которыхъ можно замѣтить, что они могли легко подвергаться народной этимологіи, напр. Игорь (б. м. къ «иго»).

[2]) Срв. пол. rachunek «счетъ» ← нѣм. Rechnung, gmach «большое зданіе» ← Gemach, dach «крыша» ← Dach, и т. д.

словъ стало переходить въ русскій языкъ съ XVIII вѣка, когда Россія вступила въ болѣе тѣсное общеніе съ западной Европой.

Переходимъ къ указанію важнѣйшихъ признаковъ, характеризующихъ слова, заимствованныя изъ нѣмецкаго языка. *Фонетическіе* признаки этихъ словъ выступаютъ особенно отчетливо при сравненіи съ законами звуковыхъ соотвѣтствій, установленными между родственными языками. Такъ, если нѣмецкому *ü* (произношеніе котораго нерѣдко приближается къ *i*) соотвѣтствуетъ въ сходномъ русскомъ словѣ *и* (напр. Fl*ü*gel=ф*л*игель), то это указываетъ на нѣмецкій источникъ русскаго слова; точно также соотвѣтствіе нѣмецкимъ дифтонгамъ *au* и *ei* въ русскомъ литературномъ языкѣ звукосочетаній *ау* и *ей* (напр. H*au*ptwache=г*ау*птвахта, R*ei*ssfeder=р*ей*сфедеръ) свидѣтельствуетъ не о родствѣ, а о заимствованіи. Въ области согласныхъ къ подобнымъ соотношеніямъ звуковъ нужно отнести случаи, когда сходныя слова не имѣютъ того различія, которое должно было бы въ нихъ получиться по законамъ звукового соотвѣтствія; такъ, напр., въ вышеприведенномъ словѣ „рейс*ф*едеръ“ звукъ *ф* указываетъ на заимствованіе, такъ какъ русское слово, родственное нѣмецкому Feder, должно было бы начинаться съ согласнаго *п*, какъ это мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ родственномъ словѣ *п*еро [1]); также въ словѣ „тапе*ц*ъ“ согласный *ц* указываетъ на заимствованіе изъ нѣмецкаго, такъ какъ

[1]) Впрочемъ можно указать случай, гдѣ нѣмецкое слово, начинающееся съ f, позаимствовано въ русскій языкъ съ начальнымъ *п*, срв. пихта ← Fichte. Другими примѣрами соотвѣтствія согласныхъ въ родственныхъ (а не заимствованныхъ) словахъ русскаго и нѣмецкаго языка могутъ служить (ограничиваемся случаями начальныхъ согласныхъ): *полный* (*p) ǂ voll; *блеять* (*b) ǂ *f*lehen; *братъ* (*bh) ǂ *B*ruder; *ты* (*t) ǂ *d*u, *три* ǂ *d*rei; *два* (*d) ǂ *z*wei, *до* (предлогъ) ǂ *z*u; *долъ* (*dh) ǂ *T*hal, *дѣлать* ǂ *t*hun; *кто* (*k²) ǂ *w*er (*w*- изъ *hw*-); червь (*ч* изъ *k*) ǂ *W*urm; *говядо* (*g²) ǂ *K*uh; *живой* ǂ queck-; *горѣть*, *жаръ* (*g²h) ǂ *w*arm; *сто* (*k¹) ǂ *h*undert, *солома* ǂ *H*alm; *зерно* (*g¹) ǂ *K*orn, *знать* ǂ *k*ennen; *золото* (*g¹h) ǂ *G*old (срв. выше стр. 126—130).

другіе изъ западно-европейскихъ языковъ (за исключеніемъ латинскаго) этого согласнаго не имѣютъ. Далѣе, къ признакамъ, указывающимъ на заимствованіе съ нѣмецкаго, относятся нѣкоторыя группы согласныхъ, нерѣдкія въ нѣмецкихъ словахъ и передаваемыя въ русскомъ тѣми же группами вопреки звуковымъ законамъ, напр. *хт*=нѣм. cht (в а х т а ← Wacht), *шт* = нѣм. st (ш т о ф ъ ← stoff, ш т о п а т ь ← stopfen, к о ш т ъ ← Kost), *шп-* =нѣм. sp- (ш п *и* г о в а т ь ← spicken). Примѣненіе шипящихъ въ этихъ случаяхъ указываетъ на заимствованіе съ голоса; при заимствованіи черезъ письмо вмѣсто шипящаго можетъ стоять и свистящій, напр. *с т* а т с к і й (‖ *ш т* а т с к і й), статсъ-дама. [1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣмецкая группа *-st-* субституируется въ русскихъ заимствованіяхъ посредствомъ сочетанія изъ взрывнаго шипящаго + *т*, напр. въ словахъ м а *ч* т а, п о *ч* т а, гдѣ мы встрѣчаемъ *ч* вм. *ш*; это объясняется тѣмъ, что въ этихъ словахъ сначала произносилось *шт*, т. е. подобно польскому слову *maszt* [2]) и русскому народному *пошта*, но затѣмъ по аналогіи къ такимъ словамъ, какъ „что“ (въ произношеніи=што), стали писаться черезъ *чт*, а это въ свою очередь вызвало книжное (согласное съ орѳографіей) произношеніе этихъ словъ. Отмѣтимъ наконецъ, что русское *ж* въ соотвѣтствіи съ нѣмецкимъ s звонкимъ также свидѣтельствуетъ о заимствованіи (срв. б и р *ж* а—Börse).

Изъ *морфологическихъ* признаковъ отмѣтимъ слѣдующіе: 1) суффиксальныя окончанія *-ель* и *-еръ* (-ерь), а также *-та* и *-тъ* съ предшествующимъ согласнымъ *х* или *ф* (срв.

[1]) Слова «*стамеска*», «*стулъ*» по всей вѣроятности были заимствованы съ голоса, при чемъ нѣмецкій говоръ, послужившій источникомъ заимствованія, не измѣнилъ еще начальной группы st- въ št (въ русскомъ языкѣ слово «стулъ» впервые отмѣчено въ Посл. царя Ив. Вас. Кирил. Бѣлоз. мон. ок. 1578 г., см. Словарь Срезневскаго).

[2]) Въ словарѣ 1704 г. соотвѣтствующее русское слово приведено въ видѣ м а ш т ъ, т. е. съ шипящимъ придувнымъ. Что касается слова «почта», то оно еще не встрѣчается въ этомъ словарѣ; польское же слово poczta по всей вѣроятности заимствовано съ русскаго.

муштаб*ель*, вахт*еръ*, ег*ерь*; [1]) шах*та*, фра*хтъ*, му*фта*, [2]) шри*фтъ*), при чемъ удареніе, какъ и въ другихъ существительныхъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, падаетъ соотвѣтственно языку-источнику на корневой слогъ, такъ что конецъ словъ неодносложныхъ, въ противоположность словамъ французскаго происхожденія, является неударённымъ; 2) наличность сложеній съ характерной для нѣмецкаго звуковой физіономіей, составленныхъ изъ двухъ существительныхъ безъ т. наз. соединительнаго гласнаго, при чемъ первый членъ служитъ опредѣленіемъ второго, напр. аксельбантъ, бакенбарды, балетмейстеръ, брандмайоръ, брустверъ, гофмейстеръ, камердинеръ, мундштукъ, парикмахеръ, почтамтъ, фурманъ, циферблатъ и др.; [3]) какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, удареніе сложеній нерѣдко отступаетъ отъ общаго правила, падая на конечный слогъ.

Примѣчаніе. Что касается рода существительныхъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго языка, то нѣмецкія слова жен. рода, оканчивающіяся на *-e* субституируютъ это окончаніе посредствомъ *-а* (в а н н *а* Wanne и др.), [4])

[1]) Конечно, подобныя окончанія можно встрѣтить и въ природныхъ русскихъ словахъ (напр. жит*ель*, вѣт*еръ*), но — какъ мы уже имѣли случай пояснить—признаніе слова заимствованнымъ изъ извѣстнаго языка должно опираться не на одинъ какой-либо, а на сумму признаковъ фонетическихъ, морфологическихъ и семазіологическихъ.

[2]) Окончаніе *-та* присоединилось въ этомъ словѣ уже на русской почвѣ (срв. нѣм. der Muff).

[3]) Этотъ же типъ сложеній встрѣчается и въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ германской вѣтви, напр. голландскаго. Между тѣмъ въ сложныхъ словахъ, заимствованныхъ изъ французскаго, преобладаютъ другіе типы сложеній: а) изъ прилат. съ существ., при чемъ прилагательное или предшествуетъ существительному (напр. барельефъ, бельвю, бельэтажъ, бланъ-манже, бонвиванъ, гобой, горельефъ), или же слѣдуетъ за нимъ (робронда, prix-fixe), б) изъ глагола + сущ. (напр. абажуръ, вабанкъ, гардеробъ, кашне, паспортъ), в) слова съ промежуточнымъ предлогомъ (напр. виз*а*ви, шар*а*банъ).

[4]) Отступленіе представляетъ слово «штрафъ» (← die Strafe), гдѣ гласное окончаніе устранено, а потому жен. родъ смѣнился на муж.; соотвѣтствующее слово въ польскомъ языкѣ также м. р.—strof или sztrof, но представляетъ отличіе по качеству гласнаго отъ того же слова въ русскомъ языкѣ.

оканчивающіяся же согласнымъ, частію принимаютъ въ русскомъ языкѣ окончаніе *-а*, сохраняя такимъ образомъ первоначальную категорію рода (напр. бухта ← die Bucht), частію же и въ русскомъ языкѣ оканчиваются тѣмъ же согласнымъ, поступая вслѣдствіе этого въ категорію муж. рода (напр. коштъ ← die Kost [1]) и пр.

Обратимся теперь къ *семазіологической* группировкѣ словъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго языка. Наибольшее количество этихъ словъ относится къ областямъ военнаго дѣла и одежды, а затѣмъ—къ областямъ искусства, должностей, кухни, построекъ, торговли и нѣк. др.; въ этой же послѣдовательности мы размѣстимъ и примѣры заимствованій; а) военное дѣло—алебарда, шпицрутенъ, юнкеръ, вахмистръ, штабъ, вербовать, гауптвахта, ротмистръ, мундштукъ, рысь (бѣгъ), ефрейторъ [2]), герольдъ, лагерь, плацъ, лозунгъ, рота, штурмъ; б) одежда и туалетъ—галстукъ, обшлагъ, позументъ, аксельбантъ, кантъ, китель, лампасы, лацканъ, фракъ, шлафрокъ, муфта, пантофли, рейтузы, фалда, шлейфъ, бантъ, шнуръ, шнуровать, штиблеты, штрипки, шпора, бакенбарды, парикмахеръ, локонъ, штопать, плисъ; [3]) в) искусства—абрисъ, ландшафтъ, бликъ, мольбертъ, малевать, маляръ, масштабъ, папка, рейсфедеръ, штрихъ, пасквиль, балетмейстеръ, волторна, капельмейстеръ, капельдинеръ; г) должности—гофмаршалъ, фрейлина, шталмейстеръ, брандмейстеръ, камердинеръ, лакей, кучеръ, орденъ, рангъ, штрафъ, ратуша, почтамтъ, почтмейстеръ; д) кухня—кухня, кухаркa, бутербродъ, вафли, крендель, пастетъ (паштетъ), клёцки, фаршъ, шпиговать; е) постройки—брандмауэръ, шлюзы, шпалеры, фортка, дамба, штукатурить, блокъ, кнопка; ж) торговля и производства—бухгалтеръ, вексель, гульденъ, маклеръ, фрахтъ, штемпель, штука, бракъ, лотъ; грунтъ, кварцъ, мергель, поташъ, торфъ, шахта, шлифовать; з) развлеченія—кегли, ракета, танецъ, фантъ, шулеръ, фейерверкъ, гильза, ягдташъ, патронташъ; и) экипажъ—вага, фура, фурманъ, шина; і) медицина—бинтъ, корпія, пластырь, шрамъ; к) книгопечатаніе—шпонъ, шрифтъ, матрица; л) растенія и животныя—клеверъ, сельдерей, вальдшнепъ, страусъ; м) обстановка—ширмы, шкатулка, матрацъ; н) слова фамильярныя—шельма, шлендать, шлепать. Необходимо замѣтить, что нѣкоторыя изъ словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ нѣмецкаго, не исконныя нѣмецкія, а въ свою очередь заимствованы изъ другихъ языковъ; сюда напр. относятся: Pasquill, Stiefelette—итал., Lakei—франц.

Всѣ перечисленныя заимствованія относятся уже къ новому времени, начиная съ эпохи Петра. Кромѣ нихъ есть еще рядъ словъ, которыя были взяты съ нѣмецкаго въ предшествующее время, начиная съ XIII вѣка, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ теперь уже не употребляются или же нѣсколько видоизмѣнили свою физіономію. Представимъ эти слова въ той хронологической послѣдовательности, въ какой они намъ извѣстны изъ памятниковъ.

XIII в.: пискупъ т. е. епископъ (Смол. гр. 1229 г.); [1]) провстъ (тамъ же) ← Probst; фоготь т. е. судья (т. ж.) ← Vogt; мастеръ въ смыслѣ—глава ордена (Смол. гр. послѣ 1230 г.), [2]) местерь (Пол. гр. 1264 г.) и нѣк. др. варіан-

---

[1]) Полное совпаденіе съ польскимъ словомъ (koszt) указываетъ, что слово перешло въ русскій языкъ черезъ польское посредство.

[2]) Слово перешло изъ такого нѣмецкаго говора, гдѣ *ge* произносится какъ *je* (также: ефесъ ← Gefäss).

[3]) Не трудно видѣть, что большинство приведенныхъ названій одежды относится къ мужскому костюму и особенно военному, указывая на тотъ источникъ, откуда воспринималась русская военная форма; между тѣмъ названія женскаго костюма и туалета имѣютъ преимущественно французское происхожденіе.

[1]) Ожидалась бы при болѣе точномъ заимствованіи форма *бискупъ*, каковую и находимъ въ Соф. I л. подъ 1368 г., а также въ Грам. Вит. 1399 г., въ сложеніи же *арцибискупъ* (срв. нѣм. Erzbischof) въ Ип. л. подъ 1152 г. Въ приведенной формѣ (пискупъ) заимствованіе усложнено церковнославянизмомъ.

[2]) Нѣмецкое слово заимствовано изъ лат. ma(g)ister съ удареніемъ на начальномъ слогѣ соотвѣтственно общему правилу нѣмецкой интонаціи;

ты; рат(ъ)манъ т. е. членъ магистрата въ древней Ригѣ (Пол. гр. 1264 г.); [1]) ры т о р ъ „рыцарь"⇐ср.-вхн. ritter, riter (въ Новг. лѣтоп. подъ 1242 г., см. выше стр. 206); шпильманъ т. е. актеръ, плясунъ—ни шпильманомъ быти, ни позорищь глядати (Ряз. крм. 1284 г.); скорлатъ или скарлатъ—названіе дорогой ткани (Грам. Влад. Вас. Вол. 1288 г., Грам. Риж. 1300), [2]) гѣрцикъ или герьцюкъ т. е. герцогъ (Ип. л. подъ 1235 и 1258 г.).

XIV-ый в.: бархатъ (Пут. зап. Игн. 1392); [3]) шида т. е. шелкъ, шелковая ткань (тамъ же), срв. ср.-вхн. sîde, др.-вхн. sîda; буркгимистръ (Грам. Вит. рижскому

нѣмецкій дифтонгъ *ai* является въ русскомъ словѣ въ видѣ простого гласнаго *a*, а палятальный компонентъ дифтонга компенсировался вѣроятно палятальностью слѣдующаго слога *сте*, а въ формѣ местерь могъ отчасти способствовать появленію мягкаго окончанія при участіи аналогіи къ Предл. ед., а можетъ быть также и къ И. мн., если послѣдній еще сохранялъ первичное окончаніе *-и*. Срв. еще въ нашей книгѣ стр. 206, примѣч. 3-ье. Въ Новг. I л. подъ 1368 г. слово встрѣчается въ видѣ местеръ или—по другому списку—мевстеръ; въ XV—XVI в. и даже ранѣе слово извѣстно уже въ болѣе книжномъ видѣ—магистръ (Соф. вр. подъ 1495 г.), маистръ (Пск. л. подъ 1533 г.). Варіантъ мѣштерь (Дог. гр. Пол. съ Риг. ок. 1330 г.) интересенъ по шипящему согласному вм. свистящаго; но эта звуковая особенность заимствованій съ нѣмецкаго встрѣчается также и въ предшествующемъ столѣтіи: Ролфо нс Кашеля или—по другому списку—нс Кашля (Дог. гр. Смол. 1229 г.), с посломь нѣмьцкымь (*Ш*ивордомь (Дог. гр. Алекс. Нев. съ нѣмцами 1262—1263 г.). Что касается слова мастеръ въ значеніи «мастеръ, ремесленникъ», то оно встрѣчается еще въ Нов. вр. л. (въ Ип. л. подъ 1161 г. даже съ перемѣной суффикса на русскій—маст*ыр*ъ), а также и въ грамотахъ, напр. «огородниковъ и мастеровъ» (Дог. гр. Вас. Дм. 1389 г.).

[1]) Грам. Смол. кн. Ѳед. Рост. 1284 г. начинается словами: «Поклонъ отъ князя отъ Ѳедора къ *пискупу* и къ *мастеру* и къ *ратманомъ*»; здѣсь мы съ ясностью видимъ, какъ сношенія съ необходимостью приводятъ къ позаимствованію техническихъ названій (въ данномъ случаѣ должностныхъ лицъ).

[2]) Позже—шарлатъ: Ѳранчюские сукна, а по Русски шарлатъ (Торг. кн., Савв. 128); слово первоначально восточнаго происхожденія.

[3]) Слово восходитъ къ арабскому источнику—barrakân «грубая матерія», откуда и ср.-лат. сущ. barracānus, а также и ср.-вхн. форма barchan-t (‖ barchât).

бургомистру 1399 г.) [1]); грошь (Грам. галиц. старосты Оты 1351 г.); кгвалтъ т. е. насиліе⇐Gewalt (Жал. гр. Витовта 1388 г.); фальшивый (пол. fałszywy) — съ фальшивыми пѣнезми (Жал. гр. 1388 г.); фунтъ—заплатити два фунты перцу (т. ж.).

XV в.: бунтъ (Никон. лѣтоп. подъ 1400 г.)⇐Bund „союзъ"; [2]) балка т. е. бревно (Пск. л. подъ 1435 г.), срв. ср.-вхн. balke; мушкатовый квѣтъ т. е. мушкатный цвѣтъ (Привилей мѣсту Менскому 1499 г.), польск. kwiat muszkatowy. [3])

XVI в.: ластъ⇐Last, срв. „въ Любки (давали) по ласту соли па бочку ва рожь" (Пск. л. подъ 1543 г.); буравъ (А. Ю. подъ 1568 г.); стулъ (ок. 1578 г.); шляпа—„шляпа нѣмецкая дымчата" (Платье Бор. Год., 1589 г.), срв. совр. нѣм. Schlapphut „шляпа съ мягкими полями".

XVII в.: ярманка (А. Ю. 1680 г.); ротмистръ (Разр. безъ местъ, 1682 г.); оптека (Кн. зап. Царя и В. Кн. Петра Ал., 1682 г.).

Примѣчаніе. Столкновенія и сношенія съ шведами тоже начались еще въ древней Руси, что вело къ позаимствованію отдѣльныхъ шведскихъ словъ; срв. напр. артугъ—названіе мѣдной монеты (Новг. I л. подъ 1410 г.). Слова шведскаго происхожденія въ современномъ русскомъ языкѣ подробно разсматриваются въ Фил. Разыск. акад. Я. К. Грота.

7) *Слова, заимствованныя изъ* **голландскаго** *языка.* Голландскія слова начали проникать въ русскій языкъ съ первой половины XVII в., когда русское правительство, какъ и общество, сознало свою отсталость отъ Европы и стало вызывать иноземцевъ („нѣмцевъ"), знакомыхъ съ военномъ дѣломъ и

[1]) Позже—буймистръ (А. И. II, подъ 1600; вѣроятно, первый членъ сложенія видоизмѣнился отчасти подъ вліяніемъ народной этимологіи) и, наконецъ, бурмистръ (Лекс. 1704).

[2]) Слово затѣмъ стало настолько обычнымъ, что служило даже для объясненія другихъ словъ, срв. «крамола си есть розрухъ, бунтъ» (Зерцало XVII в.).

[3]) Слово «квѣтъ» (цвѣтъ) вмѣстѣ съ выраженіемъ обязано польскому вліянію.

близко связанными съ нимъ мастерствами. [1]) Но особенно большое количество голландскихъ словъ было заимствовано въ эпоху Петра Великаго, который, изучая корабельное мастерство въ Голландіи, ввелъ очень много корабельныхъ и морскихъ терминовъ въ русскій языкъ. Но не слѣдуетъ думать, что всѣ голландскіе термины были заимствованы нами непосредственно изъ голландскаго языка, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ ранѣе того успѣли перейти въ другіе европейскіе языки, ставъ какъ бы обще-европейскимъ достояніемъ. Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію словъ, заимствованныхъ изъ голландскаго языка, въ грамматическомъ отношеніи и прежде всего представимъ въ таблицѣ тѣ *звуковыя перемѣны*, какимъ подвергались эти слова при переходѣ въ русскій языкъ

Голландскіе звуки въ орографич. и фонетич. передачѣ [2])	Русскія звуковыя субституціи въ словахъ заимствованныхъ изъ голландскаго	Примѣры
ee (əi, ē̜ — дифтонгообразное произношеніе)	ей, е	reede → рейдъ kardeel → кардель
i (ы̜ᵊ)	ы, и	wimpel → вымпелъ lichter → лихтеръ, лигтеръ

[1]) Такъ, уже въ царствованіе Михаила Θеодоровича пушечный мастеръ голландецъ Коэтъ устраиваетъ въ Москвѣ пушечный заводъ (ок. 1631 г.), а другой голландецъ, купецъ Виніусъ, съ товарищами (въ 1632 г.) получаетъ концессію на устройство заводовъ близъ Тулы для выдѣлки чугуна и желѣза; при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1669 г., строится на Окѣ корабль «Орелъ» при помощи вызванныхъ изъ Голландіи корабельныхъ мастеровъ и т. д. (см. Ключевскій В. Курсъ русской исторіи, III (1908), стр. 340—344).

[2]) Мы указываемъ въ скобкахъ звуковое значеніе голландскихъ начертаній въ виду того, что немногимъ извѣстно чтеніе голландскихъ словъ; данныя произношенія почерпнуты изъ нашихъ собственныхъ наблюденій надъ живымъ голландскимъ языкомъ.

Голландскіе звуки въ орографич. и фонетич. передачѣ	Русскія звуковыя субституціи въ словахъ заимствованныхъ изъ голландскаго	Примѣры
ie (ī)	и	boegspriet → бу(г)шпритъ
ij (əi, əʲj)	ей, и	drijven → дрейфовать, дрейфить (волж.) lijk → ликъ
oo (ō̜)	о	lood → лотъ
oe (у)	у, ю	roeper → рупоръ broek → брюки, sloep → шлюпка
ou (ау)	ау, оу, о	pokhout → бакаутъ barkhout → баркоутъ, арх. баркоты (Петръ В.: баркъхоутъ) [1])
ui (ö͡ə)	у, ю, уй, юй, ей, оу, о, ы	kombuis → камбусъ (Петръ В.: камбюісъ, комбойсъ) sluis (мн. sluizen) → шлюзъ, шлюзы cruiser → крейсеръ platschuit → плашкоутъ, плашкотъ kruis → крюйсъ, крыжъ
h (х)	г, х	harpoen → гарпунъ barkhout → баркъхоутъ (Петръ В.)
g (х)	г, х, к	galjoen → гальюнъ dag → дахъ, dreg → дрегъ, дрекъ
z (з, зᶻ)	з, ж	zuid → зюйдъ zwakke hals → жвакагалсъ
st (шт̊)	ст, шт	stagzeil → стаксель, штагсель
sch (шх̊)	шк, шх	schipper → шкиперъ, шхиперъ

[1]) Написанія Петра В. взяты изъ его записей русскимъ письмомъ голландскихъ и англійскихъ корабельныхъ терминовъ во время заграничной поѣздки (см. Письма и бумаги имп. Петра В., I, 1887 г., №№ 219 и 220).

Не трудно замѣтить, что наибольшее число варіирующихъ субституцій представляетъ голландскій дифтонгъ *ui*, что объясняется тѣмъ, что онъ наиболѣе отличался отъ наличныхъ звуковъ русскаго языка. Что касается ударенія въ заимствованныхъ словахъ, то оно отвѣчаетъ въ общемъ голландскому ударенію, которое, подобно нѣмецкому, является корневымъ, такъ что въ неодносложныхъ словахъ концевые слоги не имѣютъ ударенія. Однако на почвѣ русскаго языка нѣкоторыя заимствованія получили удареніе на концѣ, большею частью тамъ, гдѣ конечный слогъ содержалъ дифтонгъ.

Въ области *морфологическихъ* модификацій заимствуемыхъ голландскихъ словъ слѣдуетъ отмѣтить субституціи: *-ing* → *-ингъ* и *-енъ*: helling → элингъ, gording → гордень; *-an* → *-анъ* и *-ань*; bezaan → бизань (Петръ В.: безанъ); срв. также haven → гавань (стар. гавенъ). Приведенные примѣры указываютъ на переходъ нѣкоторыхъ существительныхъ съ окончаніемъ *-нъ* въ мягкое склоненіе, чему благопріятствовало то обстоятельство, что въ русскомъ твердомъ склоненіи твердый согласный въ Предл. ед. смѣнялся на мягкій, а также и обычность окончанія *-нь*. Нѣкоторыя существительныя заимствованы въ голландской формѣ мн. ч., т. е. съ окончаніями *-en* или *-s*, но были поняты какъ ед. ч., а потому могли распространять эту форму новыми русскими окончаніями мн. ч., напр. kragen → крагенъ, wegers → вегерсы. Изъ заимствованныхъ суффиксовъ нужно отмѣтить *-товъ* (голл. -touw), напр. kabeltouw → кабельтовъ; имена на *-ns* въ русскомъ языкѣ обычно оканчиваются на *-нецъ* съ бѣглымъ гласнымъ,[1] напр. krans → кранецъ, schans — шканцы (Петръ В.: шкансъ). Названія нѣкоторыхъ сравнительно мелкихъ предметовъ получили на русской почвѣ, подобно заимствованіямъ изъ другихъ языковъ, суф. *-ка*, напр.

[1]) Аналогичная черта и въ заимствованіяхъ съ нѣмецкаго: Tanz → танецъ, Ranz → ранецъ.

койка, рубка, шлюпка (‖ шлюпъ). Голландскіе глаголы на *-eeren* въ русскій языкъ перешли съ суф. *-ировать* (встрѣтившись такимъ образомъ съ аналогичнымъ заимствованіемъ глаголовъ изъ другихъ иностранныхъ языковъ), напр. лавировать, конвоировать, буксировать. Есть случаи прибавки русскаго префикса къ голландскому слову, напр. *под*легарсъ. Народной этимологіей объясняютъ: *л*итерсъ вм. гитерсъ (вліяніе глагола „лить"), *дым*сель (подстановка слова „дымъ" къ голландскому слову zeil).

Если мы будемъ разсматривать слова, заимствованныя съ голландскаго, съ *семазіологической* стороны, то замѣтимъ, что почти всѣ они такъ или иначе представляютъ морскіе термины или же служатъ названіями различныхъ корабельныхъ частей, срв. кромѣ уже приведенныхъ: верфь, кабель, каюта, люкъ, матросъ, рейсъ, руль, тентъ, тонна, трапъ, флагъ, флотъ, флюгеръ, фрегатъ, штурманъ, юнга, ютъ, яхта и др. Сравнительно небольшое число заимствованій относится къ другимъ сферамъ, главнымъ образомъ къ торговлѣ и предметамъ производствъ, напр.: контора, магазинъ, футъ, дюймъ, канифасъ, ситецъ, брюки, пробка, канфорка.

Какъ мы уже указывали, нѣкоторыя слова голландскаго происхожденія ко времени перехода ихъ въ русскій языкъ уже успѣли стать болѣе или менѣе общеевропейскими и могли перейти къ намъ черезъ посредство другого языка, напр. бухта (срв. нѣм. die Bucht), дюна (нѣм. die Düne), тонна (die Tonne), швабра (нѣм. die Schwabber); нѣкоторые морскіе термины получены изъ англійскаго языка и притомъ отчасти въ эпоху Петра Вел., какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ названій въ записной его тетради — „фалшкиль" (англ. false keel), „къвартеръ декъ" (англ. quarterdeck), „гонъ декъ" (gun-deck), „лимберсъ" (англ. limbers мн. ч.) и т. п.,[1])

[1]) См. Письма и бумаги имп. Петра В., т. I (1887), №№ 219 и 220.

другіе же—изъ французскаго, какъ напр. эскадра (eskadre), контръ-адмиралъ (contre amiral) и др.

7) *Слова* **англійскаго** *происхожденія въ русскомъ языкѣ.* Слова, заимствованныя изъ англійскаго языка, поступили въ русскій языкъ частію въ эпоху Петра Великаго (нѣкоторые морскіе и корабельные термины), частію же и главнымъ образомъ въ теченіе XIX вѣка, когда богатая англійская литература стала популярна въ Россіи, переводилась и вызывала подражанія; мода ко всему англійскому усилилась до такой степени, что многіе слѣдовали англичанамъ даже въ самомъ образѣ жизни. [1])

Переходя къ признакамъ, характеризующимъ заимствованныя англійскія слова позднѣйшаго времени, мы должны замѣтить, что *фонетическихъ* (какъ и морфологическихъ) признаковъ этихъ словъ довольно мало, и они сводятся къ нѣкоторымъ звуковымъ и орѳографическимъ примѣтамъ, каковы: наличность согласныхъ *ч* или *дж* (срв. чекъ, спичъ, джинъ и др.; необходимо однако имѣть въ виду, что эти звуки свойственны также нѣкоторымъ другимъ языкамъ, напр итал., гиндустан., почему при опредѣленіи источника заимствованія необходимо считаться съ одновременнымъ присутствіемъ другихъ признаковъ), чередованіе въ чуждыхъ словахъ начальныхъ начертаній *уа-* и *ва-*, *уи-* и *ви-* и пр. (срв. *у*иски || *в*иски, *У*эстминстеръ || *В*естминстеръ и т. п.), чередованіе гласныхъ *э* || *а* (лэди и стар. л*а*ди, [2]) фэшенебельный и стар. фашьонабельный, [3]) Чэрингъ-Кроссъ || Чарингъ-Кроссъ, Джэкъ || Дж*а*къ, чэмпіонъ || чампіонъ и др.), *у* || *о* (клубъ и прежнее клобъ, [1]) *оу* || *ау* (клоунъ при индивид. кл*ау*нъ); [2]) кромѣ того, въ орѳографіи заимствованныхъ англійскихъ словъ характернымъ является частое присутствіе буквы *э* (срв. кэбъ, кэкъ, бэби, дэнди).

Морфологическіе признаки заимствованныхъ съ англійскаго словъ отчасти подобны голландскимъ; срв. напр. суф. *-ингъ* (мит*инг*ъ, пудд*инг*ъ); есть также случаи, гдѣ англійскія существительныя въ формѣ мн. ч., оканчивающіяся на -s, были поняты какъ ед. ч., срв. рельсъ (rail *ед. ч.* || rails *мн. ч.*), кэксъ (cake *ед. ч.* || cakes *мн. ч.*); сюда же относится и слово пенсъ (англ. pence — мн. ч. къ ед. ч. penny). Со стороны словоизмѣненія, почти всѣ заимствованныя съ англійскаго существительныя поступили въ соотвѣтствующіе типы русскихъ склоненій, за исключеніемъ тѣхъ словъ, которыя, оканчиваясь на *-и*, какъ напр. янк*и*, виск*и*, бэб*и*, не склоняются. [3])

Что касается *семазіологическихъ* признаковъ, то легко подмѣтить, что бо́льшая часть заимствованій относится къ сферѣ аристократической жизни (high life)—развлеченій и комфорта, напр.: спортъ, спортсменъ, боксъ, крокетъ, вистъ,

[1]) Такого англомана-помѣщика представилъ между прочимъ *Пушкинъ* въ своей повѣсти «Барышня-крестьянка».

[2]) Срв. напр. «двѣ англинскія л*а*ди» (Магаз. 1795 г., мартъ, стр. 130; также—іюль 46).

[3]) Кромѣ прилагательнаго «фашьонабельный» намъ встрѣтилось еще и новообразованное существительное, теперь не употребительное, срв.: «Нѣсколько молодыхъ *фашьонаблей* занимали первыя мѣста...» (Библіотека романовъ и историч. записокъ, изд. Ф. Ротганомъ на 1835 г.).

[1]) Срв. у Грибоѣдова:

Ну, что вашъ батюшка? Все англійскаго клоба
Старинный вѣрный членъ до гроба... (Горе отъ ума).

[2]) Въ этихъ случаяхъ формы съ *э*, *о*, *ау* обусловливаются заимствованіемъ съ голоса, а формы съ *а*, *у*, *оу*—согласно англійской орѳографіи.

[3]) Слово «кофе», заимствованное вѣроятно также изъ англійскаго, у писателей нерѣдко склоняется. Впрочемъ кромѣ англійскаго (coffee) это слово произносится съ гласнымъ *о* въ корнѣ также еще въ голландскомъ (koffij). Относительно хода распространенія кофе въ Европѣ въ одномъ старомъ журналѣ читаемъ: «Нѣкто Проснеръ Алпинусъ возвращаясь изъ Египта привезъ его въ 1591 году въ Венецію. Нѣкто по имени Ларокъ привезъ его въ 1614 году во Францію. Въ Лондонѣ стали его явно продавать съ 1652, а отсюда распространился онъ по всему свѣту» (Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній, 1795 г., сент., стр. 169—170).

киксъ, клубъ, пикникъ, раутъ, робберъ, спичъ, тостъ, флиртъ, гамакъ, сплинъ, крикетъ, лаунъ-теннисъ, грумъ, жокей, клоунъ, бостонъ, туристъ, фэшенебельный; бифштексъ, ростбифъ, кэкъ, пуддингъ, плумъ-пуддингъ, портеръ, пуншъ, виски, ромъ, грогъ, джинъ, файвъ-о-клокъ [1]); джентельмэнъ, лордъ, мистрисъ, миссъ, мистеръ, сэръ, дэнди, бэби; далѣе, есть группа словъ, относящихся къ общественно-соціальной жизни, напр. вердиктъ, митингъ, бойкотъ, билль; къ области торговли и промышленности относятся названія матерій и одежды, какъ напр.—фланель, плюшъ, пледъ, редингогъ, макинтошъ; къ области передвиженія — вокзалъ, вагонъ, коксъ, тендеръ, туннель, рельсы, экспрессъ, трамвай; постройки: коттеджъ, веранда, скверъ; литература: труизмъ, юморъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторыя англійскія слова вошли въ русскій языкъ черезъ посредство языковъ французскаго и нѣмецкаго; срв. слова: „бюджетъ", гдѣ *ю* указываетъ на французское посредство, и „сентиментальный", въ одной старой переводной статьѣ съ нѣмецкаго (1795 г.) [2]) еще замѣненное природнымъ русскимъ словомъ „чувственный", причемъ однако въ скобкахъ прибавленъ и иностранный терминъ (Sentimental).

8) *Слова* **татарскаго** *и* **монгольскаго** *происхожденія въ русскомъ языкѣ.* Само географическое положеніе Россіи, т. е. на границѣ съ Азіей, обусловливало различныя столкновенія съ азіатскими народностями, преимущественно монголо-татарскими, результатомъ чего явилось значительное количество въ русскомъ языкѣ словъ, принадлежавшихъ этимъ языкамъ

[1]) Интересно отмѣтить, что это выраженіе, еще не успѣвшее стать въ русскомъ языкѣ простымъ словомъ, присоединяетъ на письмѣ окончанія посредствомъ апострофа: «сидятъ безъ файвъ-о-клокъ'а» (Тэффи «Водевили жизни», въ Рус. Словѣ за 1911 г.).

[2]) См. Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній, 1795 г., іюль, стр. 45.

совершенно другого семейства. Слова эти стали проникать въ русскій языкъ уже съ первыхъ шаговъ по обособленіи отъ праславянской колыбели, когда южныя степи Россіи занимались послѣдовательно кочевниками, вступавшими въ частую борьбу съ русскими племенами; но главная масса этихъ чуждыхъ словъ поступила въ русскій языкъ за время монгольскаго ига, когда русская культура по необходимости должна была перенимать тѣ или другіе нравы и порядки побѣдителей.

Къ *фонетическимъ* признакамъ словъ, заимствованныхъ изъ татарскаго и монгольскаго, принадлежатъ главнымъ образомъ проявленія гармоніи гласныхъ, подчиняющіяся вполнѣ опредѣленнымъ законамъ соотвѣтственно тому или другому діалекту. Мы не станемъ входить въ изложеніе этого вопроса татарско-монгольской фонетики, а представимъ лишь нѣсколько примѣровъ, на основаніи которыхъ читатель можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о сущности явленія: *арканъ, алтынъ, клобукъ,* (*баши-*)*бузукъ, кумысъ;* *бешметъ, тютюнъ, бирюкъ.* Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что за корневымъ *а* въ словѣ могутъ слѣдовать гласные *а* или *ы*; послѣ *о* встрѣчаемъ *у*, а послѣ корневого *у* какъ *у*, такъ и *ы*; за корневымъ гласнымъ *е* слѣдуетъ такой же гласный, а за гласнымъ *ӱ* (ю) — *ӱ*, и т. п. Необходимо однако замѣтить, что законы гармонической послѣдовательности гласныхъ болѣе или менѣе значительно разнятся по отдѣльнымъ нарѣчіямъ татарско-монгольскимъ, но мы не будемъ касаться этого вопроса въ виду его сложности. [1])

[1]) Болѣе детальное изслѣдованіе заимствованій съ татарскаго и монгольскаго должно считаться съ этими частностями, такъ какъ только при этомъ условіи можно добыть болѣе строгіе законы звуковыхъ субституцій и опредѣлить самый діалектъ, послужившій источникомъ заимствованій. Въ качествѣ превосходнаго методологическаго образца можемъ указать на статью акад. В. В. Радлова «О языкѣ комановъ» (въ приложеніяхъ къ XLVIII-му тому Записокъ Ак. Наукъ, 1884 г.).

Къ *морфологическимъ* признакамъ относится наличность опредѣленныхъ суффиксовъ въ заимствованныхъ словахъ. Таковы суффиксы — *лыкъ* (напр. баш*лыкъ*), *мак* (напр. баш*макъ*), *ан* (напр. ятаг*анъ*) и нѣк. др. Относительно ударенія словъ съ этими суффиксами замѣтимъ, что въ словахъ муж. рода въ И. ед. оно падаетъ на конечный (суффиксальный) слогъ, а въ косвенныхъ падежахъ обычно переходитъ на окончаніе, кромѣ словъ съ суффиксомъ *ан*, гдѣ оно обычно сохраняется на суффиксальномъ слогѣ, срв. башлы́къ—башлыка́, но арка́нъ—арка́на.

Что касается *семазіологической* стороны разсматриваемыхъ заимствованій, то слова монгольскаго происхожденія относятся главнымъ образомъ къ области административно-государственной, тогда какъ слова татарскаго происхожденія къ области повседневной жизни, напр. къ одеждѣ, верховой ѣздѣ и пр. Представимъ теперь примѣры заимствованій изъ татарскаго и монгольскаго, расположенные по вѣкамъ, начиная съ XIII в. и взятые изъ древне-русской письменности:

XIII в.: кумузъ — Пьеши ли... кобылии кумузъ (Ип. подъ 1250 г.); тамга „видъ подати, введенной у насъ татарами“ (Ярл. Мен. Тем. 1267 г.); [1]) ямъ „ямская повинность, денежный сборъ на ямскую гоньбу“ (тамъ же); бураложникъ (т. ж.), срв. бурулук „волчарникъ“; баскакъ (т. ж.); дорага́ „татарскій чиновникъ“ (т. ж.).

XIV в.: улусъ—татарское селенье (Ярл. Узб. 1315 г.); караулъ — пограничное сторожевое селеніе (Грам. Алекс. митр. 1356 г.) — отъ тат. *кара* „глядѣть, смотрѣть“ и *аулъ* „деревня“; капторга — металлическое украшеніе у пояса

[1]) Затѣмъ это слово встрѣчается въ значеніи «торговая пошлина» (Дух. Ив Кал. 1327 — 1328 г.), «клеймо, печать» (Ярл. Тайд. 1351); оно сохраняется еще въ концѣ XVI в., и отъ этого времени имѣемъ глаголъ тамжу — тамжити («и у нихъ товаръ осматривати и тамжити», Тамож. гр. 1571 г.); отсюда и соврем. «таможня».

(Дух. Ив. Кал. 1327 — 1328 г.); татауръ — родъ пояса (Дух. Дм. Ив. 1389 г.); ден(ь)га (Дог. гр. 1381—1382 г.); алтынъ = 6 денегъ (Дог. гр. Дм. Ив. 1375 г.), срв. тат. алты „шесть“; алачюга или олачуга (Новг. IV л. подъ 1379 г.), срв. совр. „лачуга“, тюрк. алачук.

XV в.: башмакъ, срв. прозвище „Данило Башмакъ“ (Соф. вр. подъ 1447 г.), въ собственномъ же своемъ значеніи встрѣчается въ 1642 г. (Плат. цар. Евд.); аргамакъ — дорогая азіатская лошадь (1483); катуна — жена у татаръ (Соф. вр. подъ 1496 г.); качьма—„Татаровѣ намъ кликали: качьма, не бѣгаите“ (Аѳан. Никит.), отъ тат. кач „бѣгать“; наблюдательный путешественникъ для живости разсказа сообщаетъ даже татарское выраженіе, сопровождая его переводомъ; булгакъ—мятежъ, тревога—„вездѣ булгакъ сталъ“ (т. ж.), откуда соврем. *булгачить*.

XVI в.: калпакъ и колпакъ—родъ шапки (Дух. княг. Юл. Волоц. 1503 г.); [1]) кабакъ (Тамож. Весьег. гр. 1563 г.); [2]) епанча — покровъ при саняхъ (Оп. им. ц. И. Вас. 1582—83 г.); кушакъ (т. ж.); колчанъ (Ор. Бор. Год., 1589 г.); тулумбазъ и тулунбазъ — небольшой бубенъ въ видѣ чашки, затянутой кожею (т. ж.).

XVII в.: барышникъ (А. Ю. подъ 1613 г.)—слово производное, предполагающее уже наличность слова „барышъ“, какъ производящаго; куякъ—родъ доспѣха (Ор. Мих. Ѳед., 1640).

Необходимо имѣть въ виду, что многія слова татарскаго типа могли быть заимствованы въ русскій языкъ еще до татарскаго нашествія изъ языка болѣе раннихъ кочевниковъ, напр. кумановъ или половцевъ (извѣстныхъ у насъ съ поло-

[1]) Отсюда — глаголъ «накалпачить», представляющій словопроизводственную параллель къ глаголу «наклобучить» или «нахлобучить» (отъ «клобукъ»).

[2]) Отсюда—прил. «кабацкій»: кабатцкое ведро, по кабацкой цѣнѣ (А. И. 1615 г.).

вины XI в.), появленію которыхъ предшествовали въ свою очередь другіе кочевники, напр. хозары, торки, печенѣги. Просматривая слова извѣстнаго „Codex comanicus“, мы встрѣчаемъ въ немъ массу словъ татарскаго типа, извѣстныхъ въ современномъ русскомъ языкѣ, напр.:[1]) араба „арба“, алацык „лачуга“, орда „орда, дворъ князя“, ӧркӓн „арканъ, длинная веревка“, улус „улусъ, народъ“, катын „жена, женщина“, кӓбіт (каз. кібіт), јурт „жилище, юрта“, јӱзӱм „изюмъ“, тамаша „зрѣлище“ (срв. рус.—тумаша), токмак „колотушка“ (срв. выраженіе—дать тумака), сабан „плугъ“, сындык „сундукъ“, сӱҥӱк „кишка, сычугъ“, бакча „садъ, бахча“, балык „рыба“, башмак „башмакъ“, бӧрӱ „волкъ, бирюкъ“, булҕа[2]) „мѣшать, взбалтывать“ (срв. рус. булгачить).[3])

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ русскій языкъ рано начали поступать слова, происходящія изъ языковъ арабскаго, а также родственнаго намъ персидскаго, переходя частью черезъ посредство тѣхъ же кочевниковъ, частью непосредственно (торговля, а затѣмъ путешествія), а частью

[1]) Слова приводятся нами въ транскрипціи русскими буквами, установленной акад. В. В. Радловымъ въ его мемуарѣ «Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus», S.-Pb. 1887 (въ Mém. de l'Acad. Impériale des sciences de S.-Pb., VII-e série. t. XXXV, № 6). Нужно отмѣтить, что говоръ куманъ былъ цокающимъ, такъ что въ большинствѣ тюркскихъ діалектовъ этому ц соотвѣтствуетъ ч. Какъ доказалъ акад. Радловъ чрезъ тщательное сравненіе съ турецко-татарскими языками въ ранѣе цитированной статьѣ «О языкѣ кумановъ», куманское нарѣчіе относится къ западной группѣ тюркскихъ нарѣчій, въ составъ которой входитъ нарѣчія иртышскія, киргизскія, башкирскія и волжскія, причемъ ближе всего стоитъ къ волжскимъ и въ особенности къ нарѣчію мишеровъ, т. е. татаръ пензенской, частью саратовской, симбирской и нижегородской губерній.

[2]) Начертаніе ҕ обозначаетъ заднеязычный придувной согласный.

[3]) Соприкосновеніе половцевъ съ русскими (русы «русскій») отразилось въ свою очередь принятіемъ ими ряда русскихъ словъ, напр. изба «изба», пӓц «печь» и др. Кромѣ того въ языкѣ половцевъ были слова происхожденія арабскаго (напр., салам «привѣтствіе», сабур «алое, сабуръ», шайтан «сатана» и др.) и персидскаго (напр. казна «казна», откуда — казнацы «казначей», lімон «лимонъ», базар «базаръ» и др.).

черезъ посредство византійское и нѣмецкое. Раннее соприкосновеніе съ финскими племенами повело къ заимствованію словъ финскаго происхожденія, которыхъ сравнительно немного (собраніе ихъ дается въ Фил. раз. акад. Грота), но за то довольно много финскихъ географическихъ названій (особенно рѣкъ и озеръ), сохраняющихся на территоріи, нѣкогда бывшей занятою финскими племенами.

Библіографическія указанія. Буслаевъ Ө. О преподаваніи отечественнаго языка (1867)[2], стр. 436—463. Гротъ Я. Филологическія разысканія (1899)[4], статьи—О словѣ «шпильманъ» въ старинныхъ русскихъ памятникахъ, стр. 386—389; Слова Областного Словаря, сходныя съ скандинавскими, стр. 433—444; Слова Областного Словаря, сходныя съ финскими, стр. 445—448; По поводу двухъ сравнительно-филологическихъ изслѣдованій о славянскихъ и скандинавскихъ словахъ, стр. 455—463; Слова, взятыя съ польскаго или черезъ посредство польскаго, стр. 464—467; Правописаніе заимствованныхъ словъ и именъ собственныхъ, стр. 746—775. Соболевскій А. Греко-славянскіе этюды, въ Рус. Фил. Вѣстн. т. IX, X; Русскія заимствованныя слова, литограф. курсъ лекцій, 1891 г. (этого сочиненія намъ не пришлось видѣть); Лингвистическія и археологическія наблюденія, вып. I (1910), вып. II (1912). Брандтъ Р. Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ (1883). Карскій Е. Къ вопросу объ употребленіи иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ (1910). Korsch Th.—рецензія на трудъ Миклошича (см. Arch. f. slav. Phil., B. 8 u. 9). Фасмеръ М. Греко-славянскіе этюды: II. Греческія заимствованія въ старо-славянскомъ языкѣ (Изв. А. Наукъ. 1907, т. XII—2); III. Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ, 1909 (Изъ Сборника Орд. р. яз. и слов. А. Наукъ, т. LXXXI); Нѣсколько новыхъ трудовъ по лингвистикѣ (критическія замѣтки по поводу нѣкоторыхъ новыхъ трудовъ о заимствованіяхъ въ русскомъ языкѣ, см. Визант. Временникъ, т. XIII); R. van der Meulen De Hollandsche zee- en scheepstermen in het Russisch, 1909 (срв. рецензію *Д. Зеленина*, Р. Ф. В. 1910 г. № 2, и статью *Анны Круазэ ван-дер-Копъ* подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о голландскихъ терминахъ по морскому дѣлу въ русскомъ языкѣ»—по поводу той же книги ван-дер-Мелен'а (Изв. Ак. Н. 1910, т. XV, кн. 4). Matzenauer A. Cizí slova ve slovanských řečech (1870). Горяевъ Н. Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка (Тифлисъ, 1896 г.). Miklosich Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen (1886); Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch (выходитъ выпусками), а также этимол. словари языковъ, послужившихъ источниками заимствованій. Срезневскій И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, т. I—III (1890—1909). Дювернуа А. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка (1894). Савваитовъ П. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное (въ Зап. Императ. Рус. Археол. Общ-ва, т. IX, отд. слав. и рус. археологіи, 1897 г.). Смирновъ А. Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху (1910), см. выше стр. 465 сл. (срв. рецензію *И. И. Огіенка* подъ загл. «Къ вопросу объ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ русскій языкъ при Петрѣ В., Р. Ф. В. 1911, № 3—4).

Прибавленіе.

Примѣръ экспериментально-фонетическаго изслѣдованія двухъ трехсложныхъ словъ съ удареніемъ на начальномъ или же конечномъ слогѣ.

Въ настоящее время при изученіи звуковой стороны рѣчи уже не ограничиваются однимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, но присоединяютъ къ нему изслѣдованіе произношенія съ помощью различныхъ приборовъ. Такое изслѣдованіе представляетъ большую важность, такъ какъ позволяетъ устанавливать съ полной объективностью такія детали въ произношеніи, которыя не могутъ быть уловлены простымъ наблюденіемъ. Экспериментальная фонетика, быстро развивающаяся за послѣдніе годы, уже располагаетъ для своихъ изслѣдованій значительнымъ количествомъ приборовъ, посредствомъ которыхъ можно изучать дѣятельность всѣхъ частей аппарата рѣчи, какъ въ отдѣльности, такъ и въ совокупности.[1]) Въ виду общаго характера нашего труда, мы предлагаемъ здѣсь въ качествѣ образчика изслѣдованіе лишь работы гортани въ избранныхъ нами словахъ съ помощью одного прибора—гортанной капсулы аббата Rousselot. Этотъ приборъ состоитъ изъ небольшой металлической воронки, широкій конецъ которой затянутъ резиновой мембраной и прикрѣпляется къ передней сторонѣ шеи, а узкій посредствомъ каучуковой трубки соединяется съ записывающимъ ба-

[1]) При комбинаціи нѣсколькихъ приборовъ обыкновенно пользуются лишь двумя или тремя, такъ какъ нѣкоторые приборы не могутъ комбинироваться между собою, да и самая постановка съ бóльшимъ числомъ приборовъ представляетъ слишкомъ значительныя техническія трудности.

рабанчикомъ; этотъ послѣдній состоитъ изъ маленькой плоской чашечки, въ свою очередь затянутой резиновою мембраной, къ которой прикрѣпленъ легкій и тонкій рычажокъ для записыванія на закопченной поверхности вращающагося цилиндра. Мы знаемъ, что при звонкихъ звукахъ происходитъ вибрированіе голосовыхъ связокъ, передающееся и хрящевому остову гортани, къ которому прижата упомянутая гортанная капсула (воронка); естественно, что эти вибраціи гортани приведутъ въ такое же вибраціонное состояніе мембрану капсулы, а слѣдовательно и всю заключенную внутри прибора воздушную среду вплоть до мембраны записывающаго барабанчика, вибрированіе же послѣдней будетъ отмѣчаться рычажкомъ на цилиндрѣ. При глухихъ звукахъ линія, вычерчиваемая рычажкомъ, конечно уже не будетъ содержать вибрацій. Такимъ образомъ, записи (графики) двухъ взятыхъ нами словъ—п а́ т ъ к ӑ (патока) и п ъ т а к а́ т' (потакать)—содержатъ каждая три группы вибрацій, соотвѣтствующія гласнымъ и отдѣленныя другъ отъ друга простою линіей на мѣстѣ глухихъ согласныхъ, т. е. въ видѣ слѣдующей схемы:

(п) а́ т ъ к ӑ

Путемъ измѣренія и вычисленія графикъ[1]) можно опредѣлить съ большою точностью, напр. въ сотыхъ доляхъ секунды, длительность записанной работы гортани, а также длительность отдѣльныхъ вибрацій, которая сама по себѣ служитъ показателемъ соотвѣтствующей высоты тона и легко можетъ быть представлена въ діаграммахъ и нотномъ обозначеніи.

Какъ было уже сказано, матеріаломъ для настоящаго небольшого изслѣдованія послужили слова п а́ т ъ к ӑ и п ъ т а к а́ т', произнесенныя мною по два раза каждое и записанныя упомянутымъ выше гортаннымъ приборомъ. При этомъ мы поставили себѣ задачей опредѣлить разницу между предъударенной и послѣударенной частями словъ какъ въ отношеніи длительности

[1]) См. (объ этомъ наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)² стр. 213—214.

гласныхъ, такъ и движенія ихъ тона. Что касается согласныхъ, то изслѣдованіе ихъ мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ изъ нашихъ графикъ можно опредѣлить длительность лишь тѣхъ изъ нихъ, которые находятся между гласными,[1]) согласные же начальный и конечный даннымъ приборомъ не могли быть отмѣчены. Переходимъ теперь къ результатамъ самаго изслѣдованія, пользуясь преимущественно средними числовыми выводами.

1) п а́ т ъ к ӑ.

Въ данномъ словѣ всѣ слоги—открытые, при чемъ за начальнымъ ударяемымъ слогомъ слѣдуютъ два неударенныхъ. Сравненіе **длительности** гласныхъ въ этихъ слогахъ, произведенное на основаніи результатовъ измѣренія и вычисленія графикъ, прежде всего подтверждаетъ тотъ выводъ простого наблюденія помощію слуха, что наиболѣе продолжительнымъ является ударенный гласный, а наиболѣе краткимъ внутренній послѣударенный. Экспериментальное изслѣдованіе показываетъ сверхъ того, что конечный неударенный гласный лишь немногимъ короче ударяемаго. Въ числовыхъ данныхъ (въ доляхъ секунды) длительность гласныхъ нашего слова представляется въ среднемъ выводѣ слѣдующими цифрами:

а́ = 0,15″
ъ = 0,05″
ӑ = 0,11″.[2])

Такимъ образомъ отношеніе по длительности между этими глас-

[1]) Длительность этихъ согласныхъ въ общемъ одинакова =0,11″ или 0,12″ и лишь въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ длительность согласнаго *т*=0,08″.

[1]) Если мы присоединимъ сюда длительность промежуточныхъ согласныхъ, то получимъ длительность слова въ предѣлахъ—отъ присоединенія звучанія гортани въ начальномъ слогѣ и до прекращенія звучанія гортани въ конечномъ, т. е. приблизительно въ объемѣ с л у х о в о г о впечатлѣнія отъ этого слова. Длительность эта въ среднемъ выводѣ =

(п) а́ - т ъ - к ӑ
0,15″+0,11″+0,05″+0,12″+0,11″=0,54.″

ными можетъ быть выражено довольно точно слѣдующею пропорціей:

á : ъ : ă = 3 : 1 : 2.

Число вибрацій въ тѣхъ же гласныхъ лишь въ общемъ соотвѣтствуетъ длительности звучанія, такъ какъ кромѣ этой послѣдней оно зависитъ въ тоже время и отъ высоты тона. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе высокія по тону вибраціи являются и болѣе короткими, и потому въ одинаковыхъ по длительности гласныхъ можетъ умѣститься большее число высокихъ вибрацій, чѣмъ низкихъ. Въ нашемъ примѣрѣ число вибрацій слѣдующимъ образомъ распредѣляется по гласнымъ: á—22 в., ъ—9 в., ă—18 в.

Прежде чѣмъ обратиться къ разбору **движенія тона**, оговоримся, что оно можетъ представлять въ произношеніи одного и того же слова значительныя варіаціи, въ зависимости не только отъ различныхъ смысловыхъ оттѣнковъ, какъ это легко подмѣчается даже простымъ слухомъ (напр. срв. выше стр. 285—286), но и отъ такихъ менѣе замѣтныхъ условій, какъ произнесеніе слова особнякомъ, или же въ ряду другихъ (безъ видимой перемѣны въ оттѣнкѣ значенія). Однако изученіе подобныхъ варіантовъ, весьма важное само по себѣ, не входитъ въ нашу задачу, такъ какъ мы имѣемъ въ виду дать здѣсь лишь примѣръ экспериментально-фонетическаго изслѣдованія, почему и ограничиваемся анализомъ только одного изъ такихъ варіантовъ. Замѣтимъ при этомъ, что разсматриваемое слово произносилось не изолированно, а рядомъ съ словомъ „потакать", что такъ или иначе вліяло на характеръ движенія тона. Какъ видно изъ приложенныхъ діаграммъ слова „пáтъкă", движеніе тона въ гласныхъ этого слова не одинаково по своему характеру въ разныхъ слогахъ, представляя слѣдующую картину; а) ударяемый гласный характеризуется восходящимъ движеніемъ тона, при чемъ или наблюдается довольно значительная задержка на начальной высотѣ (№ 2)[1]), или тонъ послѣдовательно поднимается, начи-

[1]) Не слѣдуетъ однако думать, что при этой задержкѣ всѣ 12 вибрацій имѣютъ абсолютно одну и ту же высоту; въ дѣйствительности измѣреніе каждой изъ этихъ вибрацій по отдѣльности указываетъ на нѣкоторые

наясь самыми низкими вибраціями въ словѣ и доходя въ обоихъ случаяхъ произношенія до высшаго тона; такимъ образомъ интервалъ движенія голоса въ ударенномъ гласномъ (=около кварты) является наибольшимъ по сравненію съ обоими неударенными; б) гласный внутренняго послѣударенняго слога по высотѣ тона примыкаетъ непосредственно къ этой наивысшей точкѣ, которой достигъ голосъ въ ударенномъ слогѣ, послѣ чего понижается на тонъ или полтора и затѣмъ вновь повышается, достигая прежней высоты; в) конечный неударенный гласный представляетъ въ своемъ началѣ тотъ же высшій тонъ, достигнутый предшествующими гласными, а затѣмъ равномѣрно понижается на тонъ или полутора. Соотвѣтственно сказанному, движеніе тона въ гласныхъ нашего слова можетъ быть представлено слѣдующимъ образомъ въ нотномъ обозначеніи: [1])

перебои тона, т. е равномѣрныя повышенія и пониженія, которыя остались не отмѣченными въ діаграммѣ, такъ какъ всѣ діаграммы составлялись на основаніи среднихъ данныхъ по группамъ, обыкновенно въ четыре вибраціи каждая.

[1]) Цифры, стоящія подъ нотами, показываютъ число вибрацій данной высоты, вычисленной въ качествѣ средней для этого числа вибрацій; знакъ ⁓, стоящій надъ нотою указываетъ, что тонъ нѣсколько выше ея, а стоящій подъ нотою обозначаетъ, что тонъ слегка ниже ея.

2) пътакáт'.

Въ отличіе отъ только-что разобраннаго слова, здѣсь оба неударенные слога, тоже открытые, уже предшествуютъ ударяемому, который въ настоящемъ примѣрѣ является закрытымъ. Экспериментальныя данныя и здѣсь подтверждаютъ слуховое впечатлѣніе относительно сравнительной **длительности** гласныхъ, а именно—что послѣдняя возрастаетъ отъ начала слова къ концу, при чемъ устанавливаютъ слѣдующее числовое выраженіе ея:

ъ = 0,05″
а = 0,1″
á = 0,12″.[1])

Приведенныя числа показываютъ между прочимъ, что въ нашемъ словѣ ударяемый гласный лишь немногимъ длиннѣе гласнаго въ непосредственно предшествующемъ слогѣ, что зависитъ отъ закрытаго харкатера ударненнаго слога.[2]) Такимъ образомъ отношеніе по длительности неударенныхъ гласныхъ къ ударяемому здѣсь оказывается значительно измѣнившимся по сравненію съ ранѣе разобраннымъ словомъ, какъ видно изъ слѣдующей приблизительной пропорціи:

ъ : а : á = 1 : 2 : 2½

[1]) Включивъ длительность промежуточныхъ согласныхъ, получимъ слѣдующее выраженіе акустической длительности нашего слова:

(п) ъ - т а - к á (т')
0,05″+0,07″+0,1″+0,12″+0,12″=0,46″.

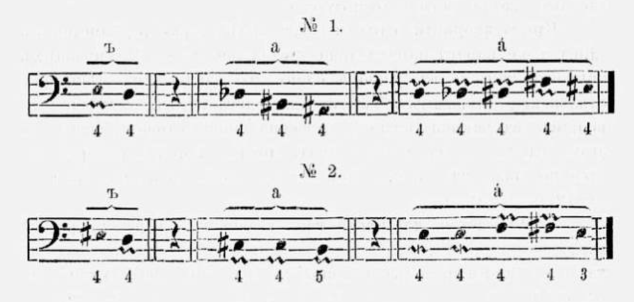
[2]) Уже непосредственное слуховое наблюденіе подсказываетъ выводъ объ укороченіи гласныхъ въ закрытомъ слогѣ, но онъ становится особенно очевиднымъ при анализѣ губныхъ графикъ, изъ которыхъ видно, какъ рекурсія гласнаго въ такихъ слогахъ уже не имѣетъ обычной постепенности, но ускоряется экскурсіей согласнаго, замыкающаго слогъ (см. наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку, 1910³, стр. 64—66 и приложенную къ этимъ страницамъ таблицу).

Если мы теперь эти данныя сопоставимъ съ данными слова „пáтька“, то окажется: а) неударяемый гласный во второмъ слогѣ передъ удареніемъ имѣетъ совершенно одинаковую длительность (0,05″) съ неударяемымъ гласнымъ, стоящимъ послѣ ударенія внутри слова; б) гласный въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ и неударяемый гласный, заканчивающій слово, почти равны между собою лишь съ незначительнымъ преобладаніемъ послѣдняго (0,10″ ‖ 0,11″); что касается ударяемаго гласнаго обоихъ словъ, то разница между ними оказывается болѣе значительною (0,12″ ‖ 0,15″), что, какъ мы уже указывали выше, зависитъ отъ различія въ характерѣ слоговъ—закрытости и открытости.

Число вибрацій, какъ мы уже видѣли, распредѣляется въ словахъ не вполнѣ параллельно длительности соотвѣтствующихъ звуковъ; такъ и въ данномъ словѣ мы наблюдаемъ нѣкоторое отклоненіе, главнымъ образомъ для слога перваго передъ удареніемъ, въ зависимости отъ особенно низкаго тона гласнаго въ этомъ слогѣ. Въ среднемъ выводѣ число вибрацій распредѣляется по гласнымъ нашего слова слѣдующимъ образомъ: ъ=8 в., а=12 в., á=19 в.

Что касается **движенія тона** гласныхъ въ разсматриваемыхъ положеніяхъ, то оно весьма рельефно выступаетъ на основаніи экспериментальныхъ данныхъ, при чемъ оба случая произношенія нашего слова даютъ почти тожественную картину, а именно: а) неударенный гласный во второмъ слогѣ передъ удареніемъ начинается довольно высокими вибраціями и затѣмъ понижается приблизительно на тонъ или полтора; б) гласный слога, непосредственно предшествующаго ударенному, въ свою очередь продолжаетъ то же нисходящее движеніе, при чемъ начинается слегка ниже по сравненію съ концомъ предшествующаго гласнаго и затѣмъ еще опускается на тонъ или полтора, достигая такимъ образомъ наиболѣе низкой высоты въ словѣ, отстоящей болѣе чѣмъ на кварту отъ начальной высоты предшествующаго гласнаго; в) ударенный гласный начинается значительно выше той высоты, на которой остановилось нисходящее движеніе неударенныхъ гласныхъ, но все же слегка ниже начальной высоты всего этого движенія;

въ дальнѣйшемъ ходѣ ударяемый гласный повышается на $1\frac{1}{2}$—2 тона, каковая высота является наивысшею во всемъ словѣ, послѣ чего тонъ ударяемаго гласнаго падаетъ, доходя почти до своей начальной высоты. И такъ, ударяемый гласный въ данныхъ условіяхъ характеризуется наиболѣе высокой тесситурой и восходяще-нисходящимъ движеніемъ тона, между тѣмъ какъ обоимъ неударенным того же слова свойственно послѣдовательно нисходящее движеніе тона, при чемъ наиболѣе низкая тесситура принадлежитъ слогу, стоящему непосредственно передъ ударяемымъ. Все сказанное относительно движенія тона въ словѣ пътакáт' можно иллюстрировать слѣдующимъ образомъ:

Кромѣ различій въ длительности гласныхъ и въ движеніи ихъ тона большое значеніе также имѣютъ и измѣненія гласныхъ по **силѣ**, отражающіяся на графикахъ измѣненіемъ вышины (амплитуды) вибраціонныхъ зубчиковъ. Необходимо однако замѣтить, что вычисленіе силы звука по измѣреніямъ амплитуды вибрацій является весьма сложнымъ дѣломъ, такъ какъ приходится сообразоваться не только съ вышиною, но также и съ длиною каждой вибраціи, не говоря о томъ еще болѣе сложномъ случаѣ, когда вибраціонная кривая идетъ не по горизонтали, а дѣлаетъ изгибы вверхъ или внизъ. Прибавимъ еще, что гортанныя (а также носовыя) графики являются особенно неудобными для вычисленія силы звука, такъ какъ амплитуда вибрацій въ этомъ случаѣ зависитъ не только отъ силы звука, но и отъ

качества гласныхъ. Дѣйствительно, изученіе гортанныхъ графикъ показываетъ, что гортань даетъ вибраціи съ большей амплитудой при узкихъ гласныхъ, хотя бы они и находились въ слабыхъ слогахъ. Поэтому мы принуждены здѣсь оставить въ сторонѣ вопросъ о сравнительной силѣ гласныхъ въ нашихъ словахъ, такъ какъ не имѣемъ параллельныхъ записей другими приборами (напр. амбушюрныхъ), дающихъ непосредственныя указанія для сужденія о силѣ звуковъ, и укажемъ лишь ходъ измѣненія вибраціонной энергіи гортани для каждаго по отдѣльности гласнаго во взятыхъ нами словахъ:[1])

а) пáтъкā. *Ударенный* гласный даннаго слова почти сразу послѣ взрыва согласнаго получаетъ значительную энергію, которая затѣмъ или задерживается, или же постепенно еще болѣе возрастаетъ, послѣ чего въ обоихъ случаяхъ на послѣднихъ трехъ или четырехъ вибраціяхъ быстро стихаетъ. Такимъ образомъ, сильная часть разсматриваемаго гласнаго оказывается весьма продолжительною (она занимаетъ около 17 вибрацій), что, какъ увидимъ ниже, и является характерною особенностью ударенности гласнаго. При этомъ однако эта наиболѣе сильная часть гласнаго представляетъ нѣкоторую неравномѣрность въ видѣ перебоевъ или временныхъ ослабленій. Гласный во *внутрен-*

---

[1]) **Разъяснимъ здѣсь предварительно пріемъ нашего вычисленія. Исходя изъ того положенія, что двѣ какія-либо вибраціи съ равной амплитудой могутъ считаться равными по силѣ лишь тогда, когда онѣ имѣютъ и одинаковую высоту тона, мы должны были воспользоваться извѣстной въ механикѣ формулой:**

$$f = a^2 s^2,$$

по которой f (сила звука или здѣсь—вибраціонная энергія гортани)=произведенію квадрата амплитуды на квадратъ высоты тона (т. е. на квадратъ числа колебаній въ секунду). Но въ виду того, что высота тона выражается довольно большими числами, мы для удобства вычисленія замѣнили ее обратно-пропорціональною величиною, именно — измѣренною по графикамъ длиною (l) соотвѣтствующихъ вибрацій, благодаря чему получили слѣдующую, болѣе простую для вычисленій, формулу:

$$f = \frac{a^2}{l^2},$$

при чемъ какъ a, такъ и l, выражаются небольшими числами дѣленій микрометра.

немъ послѣударенномъ слогѣ представляетъ сначала усиленіе, а затѣмъ болѣе медленное ослабленіе, при чемъ задержки на наибольшей силѣ уже не наблюдается. *Неударенный гласный, заканчивающій слово*, также представляетъ въ началѣ усиленіе, а въ концѣ болѣе продолжительное ослабленіе, но онъ уже имѣетъ нѣкоторую задержку (менѣе впрочемъ значительную, чѣмъ въ ударенномъ гласномъ и занимающую въ среднемъ около 9 вибрацій) на наибольшей силѣ звука.[1])

б) пътака́т'. Неударенный гласный *начальнаго слога*, т. е. *второго передъ удареніемъ*, представляетъ постепенное усиленіе въ началѣ (около 6 вибрацій), смѣняющееся безъ всякой задержки очень быстрымъ ослабленіемъ (въ теченіе 3 вибрацій).[2]) Гласный въ *слогѣ первомъ передъ удареніемъ* сначала быстро усиливается, послѣ чего начинаетъ медленно ослабляться, образуя родъ задержки съ перебоями, и затѣмъ на послѣднихъ вибраціяхъ быстро стихаетъ. Что касается *ударенпаго* гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ, то ходъ вибраціонной энергіи гортани при этомъ гласномъ аналогиченъ ударенному гласному въ словѣ „па́тока", а именно: звукъ имѣетъ быстрое усиленіе въ началѣ и тоже быстрое затиханіе въ концѣ, середина же звука представляетъ задержку сильной части гласнаго на значительномъ протяженіи (около 15 вибрацій), при чемъ здѣсь тоже имѣются перебои или временныя ослабленія.

Изъ изложеннаго мы видимъ, что гласные въ разныхъ положеніяхъ различаются степенью *задержки* на своей болѣе сильной части и мѣстомъ *maximum*'а амплитуды; что же касается относительной силы гласныхъ въ разныхъ положеніяхъ, то, какъ мы уже сказали, гортанныя графики не могутъ дать прямыхъ показаній на этотъ счетъ. Однако мы находимъ одно обстоятельство, позволяющее намъ сдѣлать косвенное заключеніе по этому

---

[1]) Въ этой части гласнаго въ обѣихъ графикахъ наблюдаются перебои, подобно тому какъ это мы видѣли въ гласномъ съ удареніемъ.

[2]) Отмѣтимъ здѣсь ту особенность, что, не смотря на слабое положеніе гласнаго, амплитуда его вибрацій является наибольшею въ словѣ; это объясняется уже указаннымъ нами усиленіемъ вибраціонной энергіи гортани при узкихъ гласныхъ (къ каковымъ принадлежитъ и ъ).

вопросу. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая гласные по степени упомянутой задержки, мы получаемъ три категоріи ихъ: а) ударенные имѣющіе наиболѣе продолжительную задержку на своей сильной части, б) неударенные гласные въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ и на концѣ слова, обладающіе менѣе значительною задержкой, и, наконецъ, в) гласные слоговъ второго передъ удареніемъ и внутренняго послѣудареннаго, лишенные всякой задержки. Легко видѣть, что эти категоріи совершенно совпадаютъ съ тѣми, какія установило непосредственное наблюденіе слухомъ надъ силою или вѣсомъ гласныхъ въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія. Отсюда мы заключаемъ, что степень задержки наиболѣе сильной части гласныхъ можетъ отчасти служить показателемъ ихъ относительнаго вѣса въ разныхъ положеніяхъ: ударяемые гласные, имѣя наибольшую задержку своей средней, т. е. самой характеристичной, части, являются гласными наиболѣе сильными и опредѣленными; вторая категорія, т. е. съ меньшей задержкой, представляетъ уже меньшую степень индивидуальности и силы соотвѣтствующихъ гласныхъ; третья же категорія гласныхъ, какъ вполнѣ лишенныхъ задержки на средней части, характеризуется наименьшею ихъ индивидуальностью и силой, при чемъ самые гласные являются мимолетными и только переходными между сосѣдними согласными. Относительно мѣста *maximum*'а амплитуды или — точнѣе — вибраціонной энергіи гортани при гласныхъ въ тѣхъ или другихъ положеніяхъ укажемъ на разницу, выступающую при сравненіи послѣударенной части съ предъударенною: въ первой вершины энергіи приходятся въ болѣе начальныхъ частяхъ гласныхъ, т. е. обращены къ сторонѣ ударяемаго гласнаго, въ предъударенной же части вершины энергіи обоихъ неударенныхъ гласныхъ сближены между собою.

Намъ осталось еще сказать, что на нашихъ графикахъ нѣкоторыя вибраціи имѣютъ второстепенныя выпуклости, указывающія на присоединеніе къ основному голосовому тону еще верхнихъ тоновъ (обертоновъ), которые въ соединеніи съ первымъ и обусловливаютъ индивидуальную окраску голоса или **тембръ** его. Хотя можно думать, что каждая голосовая вибрація имѣ-

етъ свои обертоны; однако на нашихъ графикахъ далеко не всѣ вибраціи обладаютъ тембровымъ характеромъ. Слѣдуетъ думать, что этотъ послѣдній скрадывается при передачѣ, благодаря обилію посредствующихъ этановъ, и лишь наиболѣе сильныя голосовыя вибраціи гортани получаютъ при регистраціи тембровыя неровности, да и то въ сильно сглаженномъ видѣ.[1]) Поэтому и на нашихъ графикахъ тембровый характеръ вибрацій встрѣчается лишь въ ударенныхъ гласныхъ, а также въ тѣхъ неударяемыхъ, которые или заканчиваютъ слово, или же непосредственно предшествуютъ ударенному слогу, т. е. являются наиболѣе сильными изъ неударенныхъ;[2]) прибавимъ, что количество тембровыхъ вибрацій на графикахъ въ ударяемыхъ гласныхъ значительно превосходитъ число ихъ въ неударенныхъ, при чемъ всѣ такія вибраціи приходятся на наиболѣе высокихъ нотахъ соотвѣтствующихъ гласныхъ. Что касается наиболѣе слабыхъ неударяемыхъ слоговъ, т. е. второго передъ удареніемъ и внутренняго послѣударенняго, то ни одна изъ графикъ не отмѣтила тембровагo характера въ вибраціяхъ гласныхъ этихъ слоговъ.

Заканчивая наше краткое изслѣдованіе, мы видимъ, какъ экспериментальная фонетика, идя рука объ руку съ простымъ непосредственнымъ наблюденіемъ, углубляетъ и дополняетъ послѣднее, придавая ему необходимую объективную точнос… и вырисовывая детали, которыя иначе остались бы не отмѣченными.

Примѣчаніе. Въ качествѣ иллюстраціи всего сказаннаго въ нашемъ изслѣдованіи прилагаемъ діаграммы, вычерченныя на основаніи цѣлаго ряда измѣреній и вычисленій и характеризующія движеніе тона и силы въ произнесенныхъ словахъ.[3]) Замѣтимъ, что діаграммы эти отмѣчаютъ высоты

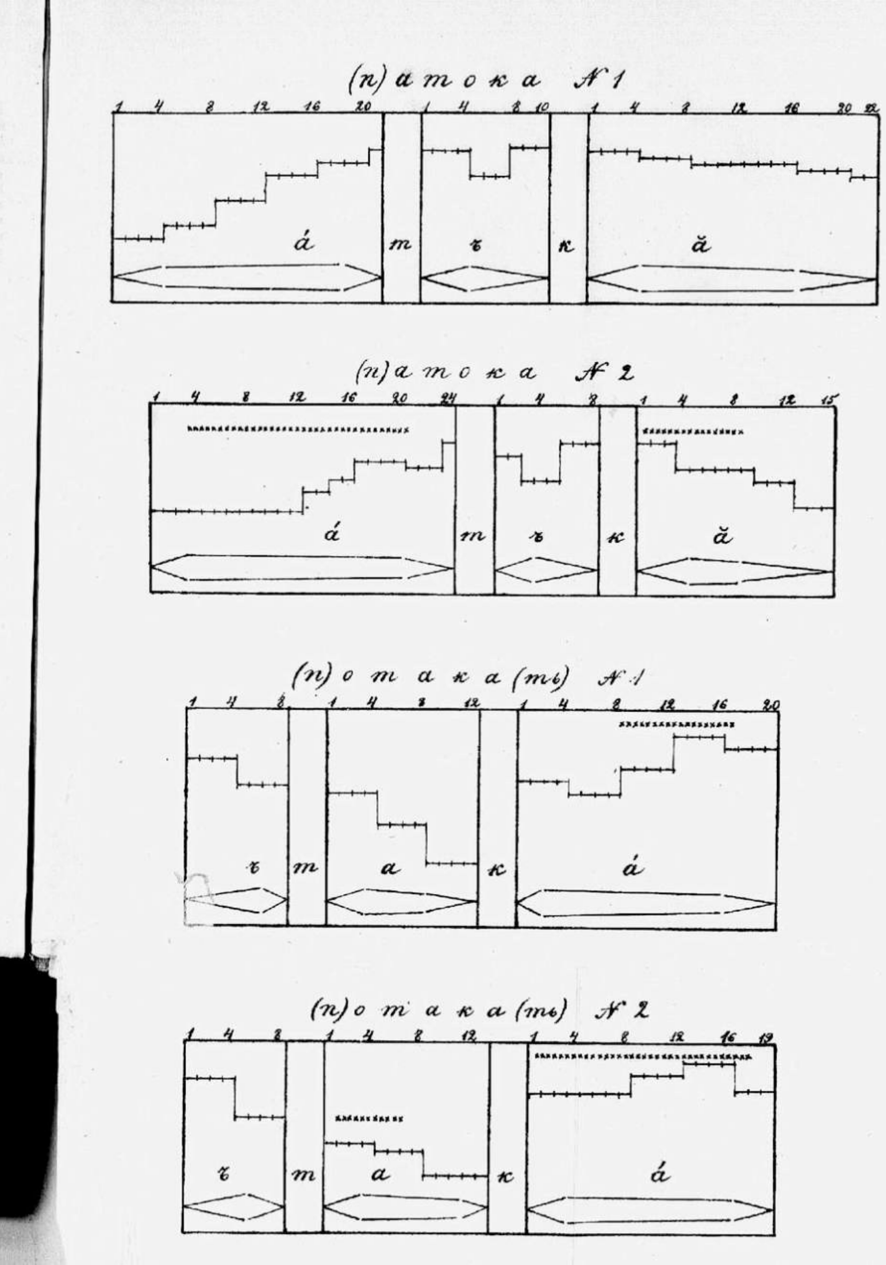
[1]) Такъ, на разсматриваемыхъ графикахъ вибраціи, переходя въ тембровыя, вмѣсто округлыхъ становятся съ плоскими вершинами, при чемъ такой тембровый характеръ варіируетъ въ ясности выраженія при одномъ и томъ же гласномъ (напр. въ ударяемомъ *а* слова «пáтока», № 2, онъ становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ по направленію къ болѣе высокой части гласнаго).

[2]) Однако и здѣсь тембровыя вибраціи иногда совсѣмъ отсутствуютъ, что нерѣдко зависитъ отъ излишняго нажатія пишущаго рычажка на поверхность цилиндра.

[3]) Всѣ относящіяся сюда микроскопическія измѣренія и вы…сленія произведены Н. П. Андреевымъ въ Кабинетѣ экспериментальной фонетики Казанскаго университета.

тона не отдѣльныхъ вибрацій, а среднія высоты группъ (состоящихъ почти всегда изъ четырехъ вибрацій каждая), благодаря чему легче подмѣтить общій типъ изслѣдуемаго явленія. При этомъ порядокъ вибрацій въ ихъ послѣдовательности указанъ рядомъ цифръ вверху каждой таблицы, самыя же вибраціи отмѣчены на линіяхъ діаграммъ мелкими поперечными черточками. Музыкальные знаки crescendo (<) и diminuendo (>) указываютъ на усиленіе и ослабленіе вибраціонной энергіи гортани, а черты, соединяющія концы этихъ знаковъ, — на задержку силы въ этихъ мѣстахъ. Наконецъ, присутствіе въ графикахъ тембровыхъ вибрацій отмѣчено на соотвѣтствующихъ участкахъ рядомъ мелкихъ крестиковъ.

———

(п) а т о к а № 1
1 4 8 12 16 20
1 4 8 10
1 4 8 12 16 20 22
á
т
ъ
к
ă
(п) а т о к а № 2
1 4 8 12 16 20 24
1 4 8
1 4 8 12 15
á
т
ъ
к
ă
(п) о т а к а (ть) № 1
1 4 8
1 4 8 12
1 4 8 12 16 20
ъ
т
а
к
á
(п) о т а к а (ть) № 2
1 4 8
1 4 8 12
1 4 8 12 16 19
ъ
т
а
к
á

I. Указатель разсмотрѣнныхъ русскихъ словъ и морфемъ.

Буквы въ словахъ, напечатанныя курсивомъ, показываютъ, что эта именно часть слова и разсматривалась. Слова (и морфемы), напечатанныя курсивомъ, принадлежатъ народнымъ говорамъ; разрядкою напечатаны слова, взятыя изъ памятниковъ прошлаго.

II. Указатель предметный.

III. Указатель личный.

Главнѣйшія опечатки:

Стр. 19, въ таблицѣ: въ верхней третьей клѣткѣ справа въ нѣкоторыхъ экземплярахъ пропущена буква j.

Стр. 29, въ таблицѣ: въ послѣдней клѣткѣ верхняго ряда вм. у должно стоять н.

Стр. 76, въ таблицѣ: формулы ɗ| CV и ' | CVC должны быть взаимно переставлены.

Стр.	106_8	вм.	й	должно	стоять	й
	133^1	»	Морфололія	»	»	Морфологія
	261_2	»	-ăге	»	»	-āго
	261_9	»	siv-yā-mi	»	»	-śiv-yāmi
	263_5	»	(1910)[4]	»	»	(1910)[8]
	281_7	»	подобному	»	»	подробному
	340_3	»	*ѳā*	»	»	*ѳă*
	345^2	»	ря́дымъ	»	»	ря́дым
	366^{17}	»	кака	»	»	какъ
	386^{18}	»	дв	»	»	два

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Продается въ книжныхъ магазинахъ:

Въ **Казани**: 1) Башмаковыхъ, 2) Маркелова - Шаронова,
3) Голубева;
„ **С.-Петербургѣ**: 1) Карбасникова, 2) „Новаго Времени".
„ **Москвѣ**: Панафидиной.